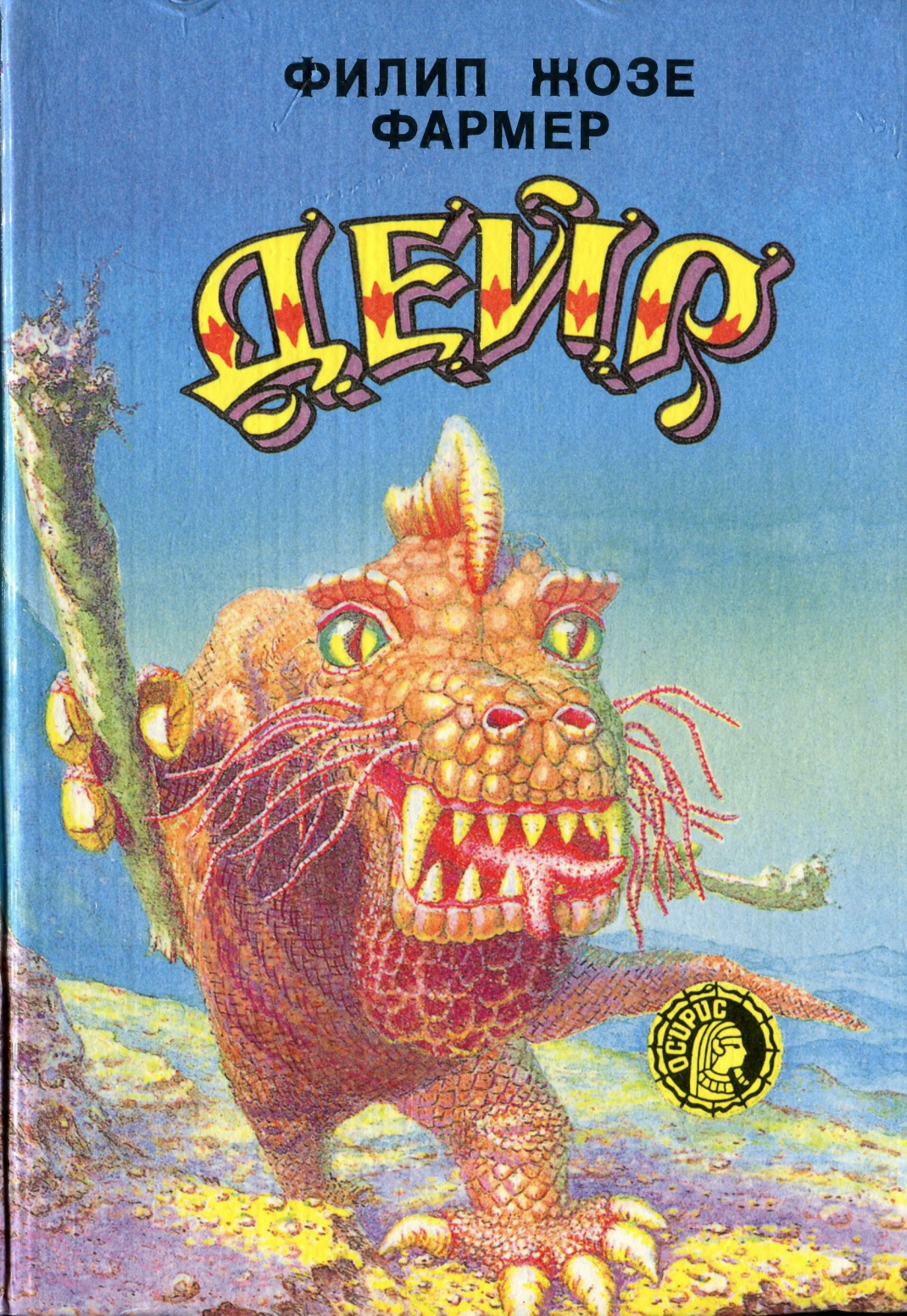
ФИЛИП ЖОЗЕ ФАРМЕР

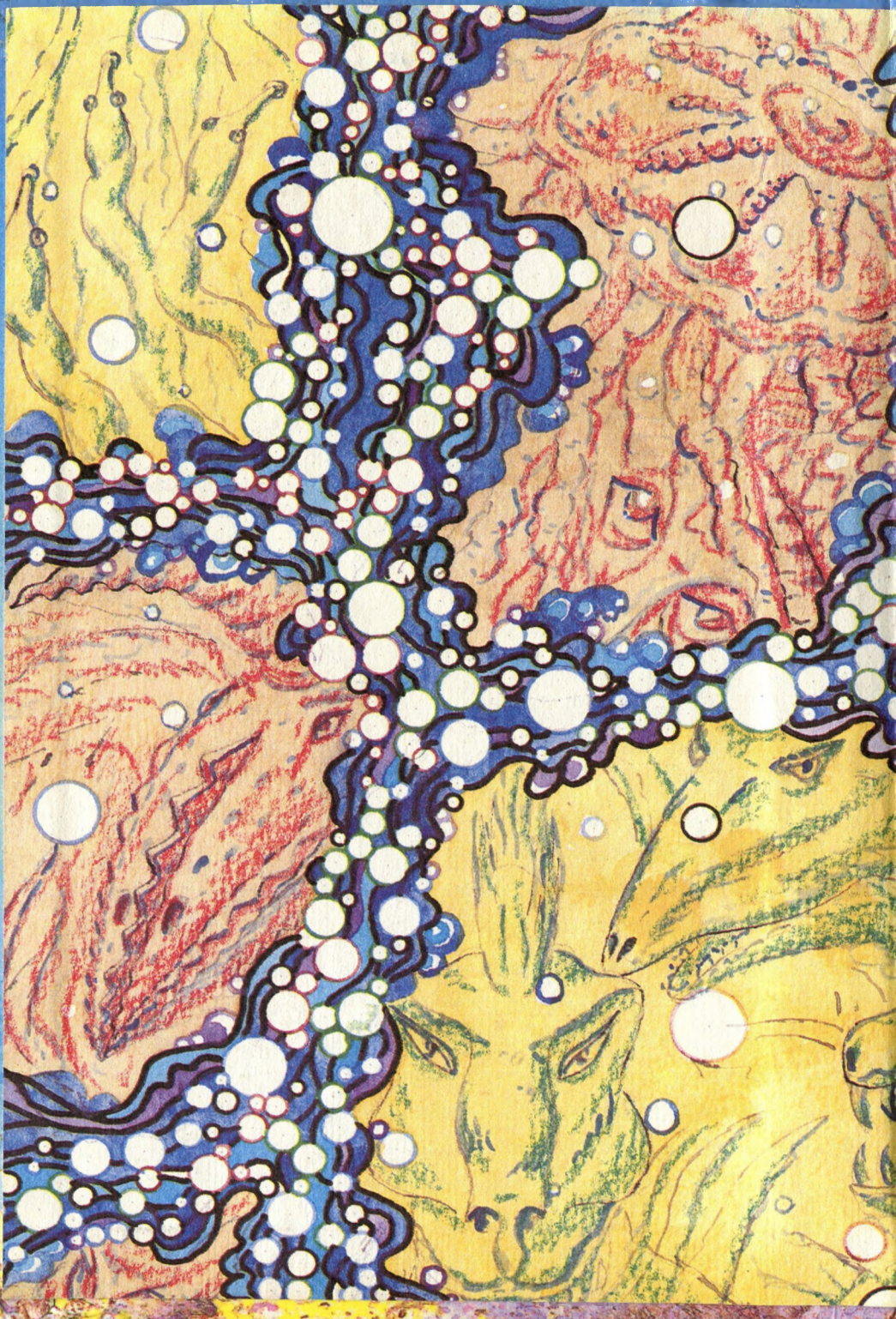
ДЕЙР

14

ФИЛИП ЖОЗЕ ФАРМЕР

ДЕЙР

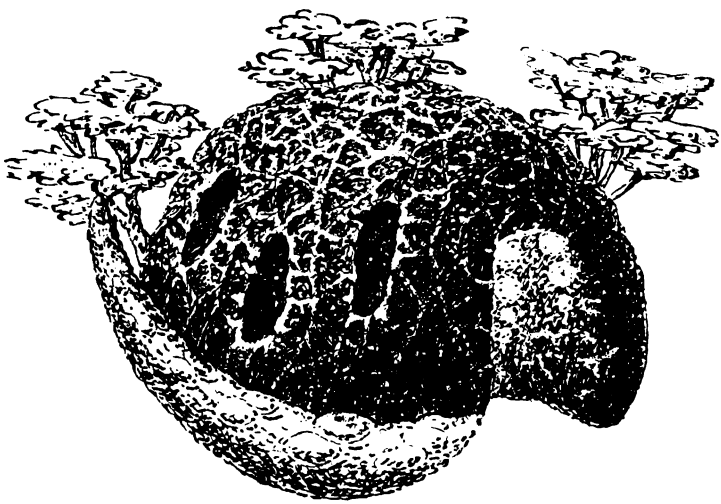

ФИЛИП ЖОЗЕ
ФАРМЕР

ДЕЙР

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ
ПОВЕСТЬ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ
Москва
1993

ББК 84.7 (США)
Ф24

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

Выпуск 14

Художник Радаев В.Н.

Фармер Филип Жозе

Ф24 Дейр: Фантастические романы. — Пер. с англ. — «Осирис». Вып. 14. М.: Центрполиграф, 1993. — 608 с.

Ни одному из писателей научной фантастики не сравниться с Филипом Жозе Фармером, основоположником «сексуальной фантастики», по силе, оригинальности и плодотворности замыслов. Философия сборника романов «Дейр» проникнута проблемой пола в ее связи с воспроизводством человеческого рода. Земная цивилизация стоит на пороге новых научных открытий. Возможен ли любовный контакт с инопланетянами? И почему секс оказывается под запретом из запретов, почему вокруг него бушуют непримиримейшие страсти даже в XXXI веке?

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0073-8

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1993

ВЛЮБЛЕННЫЕ

РОМАН

Глава 1

«Надо выбираться, — расслышал Хэл Ярроу чье-то дальнее бормотанье. — Где-то же должен быть выход».

Он проснулся в момент старта и понял, что это его собственные слова. И что они, сказанные в миг пробуждения, вдобавок никак не связаны с тем, что мысленно предначерталось. Предначерталось одно, а выскочило спросонья совсем другое.

Но о чем это он? И где он? Он что, наяву побывал в иновремени, или то было антиистинное мысленное предначертание? Но такое живое и яркое, что не вдруг воротишься в обступивший истиннизм?

Взгляд на рядом сидящего — и все стало на места. Он в салоне рейсовика на Сигмен-сити, идет 550-й год от Рождества Сигмена («А по старому стилю — 3050-й от Рождества Христова», — подсказала университетская обстоятельность), и не побывал он на неведомой планете за сотню световых лет отсюда во времени и пространстве, будто мысленно предначертая или покинув свой век. И не предстал пред очи всеславного Айзека Сигмена, Впередника, да будет вовек истинно его имя.

Сосед истинно глянул на Хэла. Тощий малый, скулы торчат, прямые черные волосы, карие глазенки с монголоватой складочкой на веках. Светло-голубой мундир инженерского сословия, на груди слева — алюминиевая эмблемка высшего разряда. Вероятно, электронщик со степенью от какого-то более или менее солидного политехникума.

Сосед вежливо поперхал и сказал по-американски:

— Тысяча извинений, авва. К вам без разрешения обращаться не положено, я знаю. Но вы мне что-то сказали, когда проснулись. А поскольку вы в этом отсеке, мы временно как бы на равных. Иначе я прежде сдох бы, чем лезть с вопросами. Я же не какой-нибудь там Сэм Длиннонос!

Он нервно хохотнул и продолжил:

— Невольно слышал, как вы стюардессе врезали, когда она набралась наглости посадить вас сюда. Я не ослышался? Вы действительно сказали, что вы шпак?

Хэл засмеялся и ответил:

— Не «шпак», а «ШПАГ». Широкопрофильный адъюнкт-генерал, сокращение по первым буквам. Вы ослышались, но, впрочем, не слишком. Узкопрофильные честят нас именно «шпаками».

Вздохнул при мысли об унижениях, которые приходится терпеть, будучи презираем узкими спецами. И отвернулся к окну: не хотелось поощрять случайного спутника на разговорчики. Увидел вдалеке и выше яркое полотнище света: наверняка линкор входит в атмосферу. Вояки. Гражданских судов — раз-два и обчелся, они ходят медленней и приземляются без помпы.

Шестьюдесятью километрами ниже горбом стоял североамериканский материк. Сплошное зарево с небольшими разрывами там и сям и причудливой темной полосой у края. То ли горным хребтом, то ли водным пространством, где человек еще не умудрился приткнуть жилье или заводишки. А так — сплошной город. Мегаполис. Подумать только! — триста лет назад на всем материке двух миллионов народу не набралось бы. А через полсотни годков, если только не случится какой-нибудь заварухи, вроде войны между союзом ВВЗ и Республиками Израиля, население Северной Америки составит четырнадцать, а то и все пятнадцать миллиардов!

Единственным незастроенным пятном, причем сознательно, был Природный заповедник Гудзонова залива. Он, Хэл, покинул заповедник всего четверть часа тому назад, и уже тошно было от того, что нескоро попадет туда вторично.

Еще раз вздохнул. Природный заповедник Гудзонова залива. Деревья тысячами, горы, привольные голубые озера, птицы, лисы, кролики, даже рыси, если егеря не врут. И всего этого — по пальцам перечесть, лет через десять на том и завершится длинный список вымершей живности.

Там, в заповеднике, можно было дышать, можно было чувствовать себя раскованно. Свободно. Можно было даже иногда потосковать от одиночества. И только-только Хэл начал входить во вкус, как его ученые занятия среди двух десятков жителей заповедника, говорящих по-французски, бах — и кончились.

Сосед заерзал, словно набирался храбрости продолжить разговор с оказавшимся поблизости спецом. Нервно поперхал и начал:

— Сигмен спаси и помилуй, надеюсь, я не в тягость? Но не изволите ли пояснить?..

Он был в тягость, он явно лез куда не просят. Но Хэлу припомнились слова Впередника: «Все люди братья, и лишь отцу вольно отличать одних детей перед другими». Не вина этого инженеришки, что отсек первого класса оказался полон пассажиров с большими правами и Хэлу пришлось выбирать: либо ждать следующего рейса, либо соглашаться на отсек низшего разряда.

Он объяснил это инженеришке.

— Вон оно что! — сказал тот, словно ему скомандовали «вольно». — Тогда, если не возражаете, еще один вопросик, не сочтите меня за Сэма Длинноноса.

И деланно рассмеялся.

— Не возражаю, — ответил Хэл. — ШПАГ, хоть он и ШПАГ, но не во всей своей области. Он привязан к некой частной дисциплине, однако старается охватить ей на пользу возможно более широкий диапазон. Например, я ШПАГ в области лингвистики. Но не замкнут на каком-либо разделе этой науки, а хорошо осведомлен по всем разделам. Это дает мне возможность сопоставлять то, что в каждом из них делается, находить в одном вещи, которые могут оказаться полезны узкому спецу в другом, обращать на них его внимание. Иначе узкий спец, у которого нет времени читать даже те сотни журналов, которые его непосредственно касаются, мог бы проворонить кое-что такое, что помогло бы ему продвинуться вперед.

— В каждой области исследований есть свои ШПАГи, — продолжил он. — И мне впрямь повезло, что меня причислили к лингвистике. Если бы меня направили, скажем, в медицину, мне пришлось бы куда круче. Пришлось бы работать в группе. А в группе — это уже не ШПАГ, а одно название. Ограничиваешься какой-нибудь специальной областью. Число публикаций в каждой области медицины чудовищно — так же, впрочем, как и в электронике, физике или какой-нибудь другой науке, которую изволите назвать. И никто в одиночку или даже одной группой не в силах соотнести между собой все их разделы. К счастью, в лингвистике это не так, а меня интересует именно лингвистика. Мне повезло, выкраивается даже время на собственные исследования, могу кое-что добавить к лавине публикаций. Конечно, компьютер, компьютер и еще раз компьютер, но даже самый сложный комплекс компьютеров, сколько в него не затолкай, выводов не сделает. Но он позволяет человеческому мозгу, — увлеченному мозгу, если речь о моем, — учуять, что некоторые сообщения более значимы, чем другие, позволяет наметить смысловые связи между ними. Этот материал я передаю узким спецам, а уж они-то и действуют дальше. ШПАГ — это созидающее соединительное звено, если так можно выразиться.

Однако это дается мне в основном за счет сна, — закончил он. — Приходится работать по двенадцать часов в сутки, а то и больше. Но ничего не жаль ради славы и благоденствия Госуцерквства.

Последняя фраза была не лишней. Если этот малый — аззит или аззитский тихарек, он не сможет стукнуть, что Хэл что-то заначивает от Госуцерквства. Не похоже было, что он там на плюс полставки, но подстраховка делу не помеха.

Над входом в отсек замигала красная лампа-вспышка, и механический голос приказал пассажирам пристегнуть ремни. Еще десять секунд, и рейсовик начал сбрасывать скорость; еще минута, и он мак-

нулся в атмосферу, пошел падать по тысяче метров в минуту — эту цифру Хэл краем уха где-то слышал. Теперь, когда они были все ближе к земле, Хэлу стало видно, что Сигмен-сити (он назывался Монреаль, пока десять лет назад туда не перенесли столицу Союза ВВЗ с Исландии, из Рейка) не был сплошным заревом. Там и сям проглядывали темные пятна, вероятно, парковые насаждения, сбоку вилась тонкая лента реки Пророка (прежней реки Святого Лаврентия). Сделались различимы полукилометровой высоты пали Сигмен-сити; в каждом таком пали обитало с добрую сотню тысяч особей, а таких пали в самом городе насчитывалось не менее трехсот.

Посреди столицы обозначился квадрат, занятый деревьями и казенными зданиями на полсотни этажей, не больше. То был столичный университет, где работал Хэл.

Но жил Хэл Ярроу в близлежащем пали, и, выбравшись из рейсовика, он толкнулся на дорожку, катящуюся именно туда. И, как удар, ощутил то, чего не замечал прежде. Пока не побывал в заповеднике Гудзонова залива. Толпу, плотно сбитую, наседающую, готовую сбить с ног, дурно пахнущее месиво из людей.

Месиво зажало его, не желая видеть в нем нечто большее, чем еще одно тело, еще одну безликую особь, скороперехолящую помеху на пути к назначению.

— Сигмен великий! — пробормотал он. — Оглохнуть бы мне, ослепнуть, отупеть! Не знать бы! Ведь я же их всех ненавижу!

Бросило в жар от срама и чувства вины. Он осторожно зыркнул на лица тех, кто оказался поблизости: не замечены ли ненависть, вина и раскаяние у него на лице? Не замечены, не могли быть замечены. В давке он был просто еще один такой же, разве что требующий чуть больше сдержанности при оттирании, поскольку спец. Но и то не здесь, не на дорожке, не на самом стрежне потока плоти. Здесь он был просто еще одна упаковка: кровь да кости, скрепленные на жилах и обернутые кожей. Такой же, как все, а стало быть, никто.

Потрясенный этим внезапным открытием, Хэл шагнул с дорожки. Хотелось убраться с глаз долой, а то тянуло упасть на колени и оправдываться. Или бить, бить, бить.

В нескольких шагах от дорожки над ним навис пластиковый козырек-губище пали № 30 «Университетское жилтоварищество». В этой пасти было не легче, хотя порыв оправдываться быстро сплыл. Пропал резон кому-то знать, с чего он вдруг так завелся. Никто не заметил того, что было так ясно написано у него на лице, выдающее с головой.

«Что за чушь в голову лезет! — выговорил он себе и прикусил губу. — Те, на дорожке, наверняка ничего такого не подумали. Кроме калек по этой части, испытавших на себе. А кто они такие, эти калеки, чтобы на меня пальцем тыкать?»

Теперь он был среди своих, среди мужчин и женщин, одетых в пластиковые в клеточку балахоны спецов с эмблемой в виде крылатой пяты на груди слева. Единственная разница между мужчинами и женщинами была та, что женщины носили балахоны до полу поверх брюк, сетки на волосах, а некоторые — чадру. Чадра попадалась не так уж редко, но явно выходила из обращения. Этот обычай блюли женщины постарше или молодые почитательницы старины. Когда-то бывшая в почете, чадра стала признаком старомодности. Хотя по правдомету время от времени возносили ей хвалы и оплакивали ее закат.

Хэл перемолвился кое с кем на ходу, но в долгие разговоры не встревал. Еще издали он приметил доктора Ольвегссена, декана своего факультета. Приостановился: а вдруг Ольвегссен пожелает поговорить с ним. Но приостановился лишь потому, что доктор был здесь единственным, кто мог сделать Хэлу замечание за непочтительность.

Однако Ольвегссен явно не был настроен на беседы, он кивнул Хэлу, буркнул «алоха» и прошел мимо. Старикан так и не отвык от словечек времен своей молодости.

Ярроу вздохнул с облегчением. Прежде думалось, он с жаром бросится рассказывать о своем визите к франкоязычным туземцам в заповедник, но вот вернулся, и как-то вовсе расхотелось. Потом. Может, завтра. Но не нынче.

Остановился у лифта. Дежурный в один взгляд определял, кому из ожидающих проходить без очереди. Когда дверцы лифта раздвинулись, дежурный кивнул Хэлу и сказал:

— Авва, проходите первым.

— Благослови вас Сигмен, — ответил Хэл. Вошел в лифт и стал к стеночке у дверец, дожидаясь, пока в порядке очередности опознают и пропустят остальных.

Долго ждать не пришлось, дежурный работал здесь давно и почти всех знал в лицо. Тем не менее порядок есть порядок. И то кого-то повышают по службе, то кого-то понижают. Если дежурный ошибется и не учтет какой-нибудь из этих перемен, вмиг заложат. И долой. Раз он столько лет держится, значит, человек на месте.

В лифт набилось сорок особей, дежурный щелкнул кастаньетами, дверцы закрылись. Лифт взял с места так, что у всех коленки подогнулись. Все быстрей, все быстрей. Одно слово, экспресс. На тридцатом этаже первая остановка, дверцы открылись, но не вышел никто. Оптический датчик сработал, закрыл дверцы, и лифт продолжил подъем.

Никто не выходил еще три остановки. На четвертой вышла половина народу. Хэл глубоко перевел дух: если толпа на улице и в цокольном этаже была просто толпа, то здесь, в лифте, поберегись — размажет по стенке. Еще десяток этажей все в том же молчании,

каждый и каждая на вид поглощены тем, что излагают по правдомету с потолка. Наконец дверцы открылись на этаже Хэла.

Коридор был пять метров в ширину, в это время дня просторно. «И надо же — ни души!» — обрадовался Хэл. Откажись он пару минут поболтать с кем-нибудь из соседей, это нашли бы странным. Пошел бы слух, а раз слух, значит нервотрепка и, по меньшей мере, объяснение с АХ'ом этажа. Прочувствованная беседа, чтение вслух, и один Впередник знает, что еще.

Прошел сотню метров. Завидел дверь своей пука и замер, как вкопанный.

Сердце вдруг замолотило, руки затряслись. Был порыв развернуться и — обратно в лифт.

А это, сказал он себе, поведение предавшегося антиистиннизму. Подобное недозволительно.

И до прихода Мэри остается еще более четверти часа.

Толкнул незапертую дверь (на этажах спецов — никаких запоров, уж это ясно!) И вошел. Стены тускло засветились и через десять секунд раскочегарились на всю катушку. А заодно с ними и трехмерка во всю стену напротив двери и актерские вопли оттуда. Аж подскочил. «Сигмен великий!» — процедил сквозь зубы и по-быстрому вырубил трехмерку. Так и знал, что Мэри оставит трехмерку на взводе, чтобы врубилось, чуть он в дверь. Тысячу раз ей было говорено, что он этого не выносит, так что забывчивость тут ни при чем. Значит, хоть с умом, хоть без ума, а сделано нарочно.

Передернул плечами и сказал себе, что с нынешнего дня перестанет обращать внимание. Чтобы увидела, что перестало раздражать. Может, тогда прекратит.

Но ей опять же может взбрести в голову: мол, чего это он ни с того ни с сего примолк насчет ее забывчивости. С нее станется продолжать в надежде, что он в конце концов психанет, выйдет из себя и наорет. И тогда еще раунд останется за ней, потому что она-то сдержится, будет изводить его игрой в молчанку и затравленным видом, отчего он только вдвое разозлится.

Вот тогда-то она, конечно, исполнит свой долг, как это ей ни больно. Попрется в конце месяца к участковому АХ'у и заложит. А это значит, еще один крестик к прочим в его Своде Нравственности, который придется стирать усердными трудами. А эти труды, если ими заняться, — ох, как они уже набрыдли! — означают потерю времени, так нужного — даже про себя сказать страшно! — на более стоящие дела.

И если он возникнет, скажет ей, что она только и знает, что не дает ему расти как спецу, не дает заколачивать деньгу погуще, перебраться в пука посолидней, ему еще придется выслушивать горькие упреки в том, что он подбивает ее совершить поступок, который не буверняк. Неужели он хочет, чтобы она солгала хоть впрямую, хоть

умолчанием? Он не вправе этого хотеть, потому что тогда ее особь и его особь окажутся в серьезной опасности. Не предстанут они перед светлые очи Впередника, и вовек, и т.д., и т.п., и сказать ему будет нечего.

А она заведет свое вечное, почему он ее не любит. И когда он ответит, что любит, она все равно будет стоять на своем. Тогда настанет его черед спросить, уж не берут ли его за лжеца. Он не лжец. Если его берут за лжеца, об этом должен узнать участковый. И тогда, вопреки всякой логике, она ударится в слезы и объявит, что вот теперь точно знает, что он не любит. Если бы любил, ему, мол, мысль такая в голову не пришла бы — заложить ее АХ'у.

«А тебе меня заложить, так это, по-твоему, буверняк?» — возникает он, и в ответ она еще пуще расплачется. Очень даже может, если он по-прежнему будет ловиться на этот ее крючок. И он поклялся: прежде хоть ВМ, чем он еще раз подловится!

Прошел через комнату пять на три в единственное другое помещение, если не считать еще того самого, — то есть на кухню. Кухня была три на два с половиной. Опустил печку со стены под потолком, набрал код на панельке и вернулся в комнату.

Скинул балахон, скатал в комок и сунул под стул. Не исключено, что Мэри найдет и поднимет крик, да ладно уж! Ну, просто сил нет карабкаться под потолок и спускать оттуда вешалку.

Из кухни раздался негромкий сигнал. Ужин был готов.

Хэл решил вперед поужинать, а потом уже браться за разбор почты. Пошел в то самое помыть лицо и руки. И безотчетно пробормотал молитву на омовение: «Да смоется антиистиннизм зримого так же легко, как вода смывает этот прах, ибо Сигмену так угодно».

Утеревшись, нажал кнопку сбоку от портрета Сигмена над стоячей ванночкой. Еще секунду взирал на него лик Впередника: длинное костистое лицо, огненно-рыжие волосы ежиком, соломенного цвета кустистые бровищи над здоровенным крючковатым носом с раздутыми ноздрями, водянистые голубые глаза, пламенно-рыжая борода лопатой, губы тонкие, как лезвие. И вот лицо начало расплываться, бледнеть. Еще секунда, и Впередник исчез, вместо портрета стало зеркало.

Дозволялось глядеть в это зеркало достаточно долго, чтобы проверить, хорошо ли умыт, и поправить прическу. Ничто не мешало стоять потом без дела все отведенное время, но Хэл до такого ни разу не опускался. Тьма у него недостатков, но только не тщеславие. Так он, по крайней мере, считал.

Все же, пожалуй, подзастрял дольше, чем надо. Поглазел на рослого широкоплечего мужика, на вид лет тридцати. Волосы рыжие, как у Впередника, но потемнее, почти шатен. Лоб высокий, широченный, брови соболиные, глаза серые, широко расставленные, нос прямой, пропорциональный, верхняя губа чуть великовата, но линия рта приятная, подбородок торчит вперед, но самую малость.

Вышел из того самого и прошел на кухню. Тщательно заперся (дверь кухни и дверь того самого одни имели запоры), потому что не хватало только, чтобы его застали за едой. Открыл дверцу печки, вынул теплую коробку, поставил на столик, который откидывался от стены, оттолкнул печку обратно под потолок. Потом открыл коробку и принял пищу. Пластиковую коробку выбросил в люк утилизатора в стене, опять пошел в то самое руки помыть.

Когда мыл руки, Мэри позвала его по имени.

Глава 2

Хэл помешкал, прежде чем ответить, хотя не знал, почему, и даже не подумал об этом. Но потом отозвался:

— Мэри, я в том самом.

— О! Конечно, так я и знала. Раз ты дома, значит, там. Другого места ты сыскать себе не можешь.

Он вошел в комнату, лицо у него стало каменное.

— Так долго не был дома, вот вернулся, а ты все такая же злюка.

Мэри была женщина рослая, всего на полголовы ниже Хэла. Светлые волосы тщательно зачесаны назад и собраны в тяжелый узел над затылком. Глаза — светло-голубые. Правильное лицо было бы приятным, если бы не подкачали слишком тонкие губы. Свободная блуза с воротничком под самый подбородок и широкая юбка до полу полностью скрывали фигуру, и даже Хэл не знал, какова эта фигура на вид.

— И не злюка, а просто правду говорю. Другого места ты сыскать себе не можешь. И кроме как «да», тебе ответить нечего. Чуть я домой, так ты туда, — она ткнула пальцем в сторону того самого. — Либо ты там, либо работаешь. Будто изо всех сил от меня прячешься.

— Ничего себе возвращеньице домой, — сказал он.

— Ты меня даже не поцеловал, — упрекнула она.

— Ах, да, — сказал он. — Это же моя обязанность. Я забыл.

— Нашел обязанность! — сказала она. — Это должно быть в радость.

— Тоже мне радость — целоваться под твою ругань, — сказал он.

Ему на удивление, Мэри вместо того, чтобы огрызнуться, заплакала. И ему тут же стало стыдно.

— Виноват, — сказал он. — Но согласись, ты заявилась не в самом лучшем настроении.

Шагнул к ней, хотел было обнять, но она отвернулась. И все равно чмокнул Мэри в уголок полуотвернутого рта.

— Не желаю, чтобы меня целовали, потому что пожалели или потому что обязаны, — сказала она. — Хочу, чтобы целовали, потому что любят.

— Но я же люблю, — сказал он, похоже, в тысячный раз с тех пор, как они поженились. Сказал и сам себе не поверил. «Но это же мой долг, — укорил себя. — Долг!»

— И находишь прекрасный способ показывать свою любовь, — сказала она.

— Давай забудем и все начнем сначала, — сказал он. — Вот так.

И сунулся расцеловать ее, но она отшатнулась.

— Ну, ВМ! Что с тобой? — сказал он.

— Целовал ради встречи, и будет, — сказала она. — Нельзя нам увлекаться этим делом. Не место и не время.

Он руками всплеснул.

— Можно подумать, кто-то увлекается! Просто я вообразил, что ты только что вошла. Неужели лишний раз поцеловаться хуже, чем с места в карьер затевать грызню? Трудно с тобой, Мэри, ты слишком буквально все принимаешь. Будто не знаешь, что сам Впередник не требовал, чтобы его принимали буквально. Он сам говорил, что иногда кое-что зависит от обстановки.

— Да, но он также говорил, чтобы мы остерегались собственным умом оценивать, насколько можно отклониться. Прежде следует посоветоваться насчет своего поведения с АХ'ом.

— Так я и разбежался! — сказал он. — Сейчас же позвоню нашему доброму дежурному ангелу-хранителю и спрошу, прав ли буду, если лишний раз тебя поцелую!

— Лучше подстраховаться, — сказала она.

— Сигмен великий! — воскликнул он. — То ли мне смеяться, то ли плакать! Знаю одно: тебя не поймешь. Вовеки не поймешь!

— Помолись Сигмену, — сказала она. — Попроси, чтобы он помог тебе разобраться, где истиннизм, а где антиистиннизм. И всю докуку как рукой снимет.

— Сама молись, — сказал он. — Ссору двое затевают. Ты так же ответишь, как и я.

— Поговорим об этом потом, — сказала она. — Мне надо умыться и поесть.

— На меня не обращай внимания, — ответил он. — Я весь вечер буду занят. Прежде чем доложиться Ольвегссену, надо наверстать текущие дела.

— Спорим, только ты того и дожидался, — сказала она. — Так я и знала. Сам в заповедник съездил, а мне даже словечка не сказал, каково там.

Он не ответил.

— И нечего губу закусывать, — поставила точку она.

Он снял со стены портрет Сигмена и расстелил на стуле. Оттянул-расправил подвесной эпидиаскопчик, вставил письмо, включил режим подготовки. Надел очки-дешифраторы, воткнул в ухо щебе-

талку, сел на портрет. С усмешечкой. Не могла не приметить этой усмешечки Мэри и, вероятно, подивилась, с чего бы это он, но вслух не спросила. Если бы спросила, ответа не было бы. И думать не моги сказать ей, что забавно этак посидеть на портрете Впередника. Она в ужас придет или прикинется, что в ужас пришла, разве поймешь, как оно с ней на самом деле! Так или иначе, а чувство юмора у нее ни на грош. Пожуй-проглоти любое словечко, которое может подпортить твою СН.

Привстал, нажал кнопку «ПУСК» и снова принял рабочее положение. Тут же на стене перед ним проступила увеличенная картинка. А у Мэри очков не было, перед ней маячила одна пустая стенка. В ухе зазвучал голос, читающий текст.

Сначала, как всегда в официальных письмах, на стене явился лик Впередника. А голос произнес:

— *Хвала Айзеку Сигмену, вместилищу и источнику истиннизма! Да благословит он нас, своих верных, да расточит на буверняк врагов своих, выучеников Обратника!*

Голос умолк, изображение пригасло, чтобы получатель вознес свою собственную молитву. Затем на стене замигало одно-единственное слово «кикимура», и голос продолжил:

— *Хэл Ярроу, да веруете вы безраздельно и неуклонно!*

В списке свежего пополнения словаря американоязычного населения Союза имеется слово высшего приоритетного индекса. Это слово «кикимура» (т/ж «какимура», т/ж «кикимура», т/ж «какимора») Ареал зарождения — департамент Полинезия. Ареал радиального распространения — американоязычные группы населения в департаментах Северная Америка, Австралия, Япония и Китай. По неизвестным причинам до сих пор не зарегистрировано в департаменте Южная Америка, хотя он, как вам несомненно известно, непосредственно примыкает к департаменту Северная Америка.

Хэл только хмыкнул, хотя было время, подобные обороты приводили его в бешенство. Когда же наконец отправители этих цидулок возьмут в толк, что он не только глубоко, но и широкообразованный человек? Ну, взять хотя бы это: даже полуграмотные младшеклассники обязаны знать, где находится Южная Америка, поскольку Впередник не раз упоминает об этом материке в «Талмуде Запада», а также в «Истиннизме: мире и времени». Но и то правда, не всяк задрипанный наставничек в школах для неспецов сообразит ткнуть пальцем своим ученикам, где эта Южная Америка находится, даже если ему самому это ведомо.

— *Слово «кикимура»*, — продолжил диктор, — *было впервые зарегистрировано на острове Таити. Остров находится в центре департамента Полинезия и заселен выходцами из Австралии, которые колонизовали его после Апокалиптической битвы.*

В настоящее время на острове расположен военно-космический полигон.

Слово «кикимура» очевидным образом распространяется оттуда, но используется преимущественно в среде неспецов. Исключение составляют спецы, причисленные непосредственно к космосоставу. Что в известной мере отражает связь между распространением слова и тем фактом, что первыми пустили его в обращение, насколько известно, именно трудоустроенные внешней пространственной зоны.

Поступил запрос из правдометопеки на допустимость пользования указанным словом; рекомендовано воздержаться впредь до завершения всестороннего дознания.

Насколько известно на сегодняшний день, указанное слово имеет дериваты: «какимура», т/ж «кикимора», т/ж «какимора». Как самим словом, так и его дериватами обозначается нечто чуждое, явившееся из другого мира, призрачное, устрашающее, причем преимущественно с уничижительным оттенком.

Настоящим всем предписывается срочно приступить к лингвистическому дознанию по слову «кикимура» (т/ж «какимура», т/ж «кикимора», т/ж «какимора») в соответствии с методическими указаниями № СТАНДАРТЛИНГ-476 и вести эту тему вплоть до получения указаний высшего приоритетного индекса. Независимо от обстоятельств ваш ответ строго обязателен в срок до 12 изобильника 550 г.

Хэл прокатал остальные письма. Там были поручения еще на три слова, но, к счастью, с приоритетными индексами второй и третьей очередности, так что не предстоял подвиг заниматься всеми четырьмя зараз.

Выходит, завтра с утра надо будет доложиться Ольвегссену и тут же уматывать. Стало быть, шмотки распаковывать ни к чему, ехать придется, в чем был, даже насчет чистки не светит.

Не то чтобы неохота ехать. Просто устал, просто хоть на пару дней расслабиться бы перед новой поездкой.

«Расслабиться?» — спросил он сам себя, снимая очки и украдкой глянул на Мэри.

А та как раз встала со стула и выключила трехмерку. И захлопотала в стенном шкафу. Ему пижаму на ночь ищет, себе рубашку. И не счесть, в который это уже раз на сон грядущий стало нехорошо в желудке.

Мэри обернулась и увидела, какое у него сделалось лицо.

— Что еще? — спросила она.

— Так. Ничего.

Она пересекла комнату (топ-топ-топ-топ, и все; поневоле вспомнишь, какой простор для ходьбы в заповеднике). Подала мятую пижаму и сказала:

— По-моему, Олаф так и не сунул ее в чистку. Хотя он тут ни при чем. Деионизатор не работает. Олаф оставил записку, что вызвал техника. Но сам знаешь, как они тянут с починкой.

— Было бы время — сам починил бы, — сказал он. И понюхал пижаму. — Сигмен великий! Это же сколько у нас чистка не работает?

— С твоего отъезда, — сказала она.

— Ну и пот вонючий у твоего Олафа! — сказал он. — Будто он постоянно насмерть запуган. И не диво. Старикан Ольвегссен меня стращает так, что ого-го!

Мэри залилась краской.

— Только и знаю, что молюсь, чтобы ты перестал говорить непристойности, — сказала она. — Когда ты наконец оставишь эту привычку и поймешь, что впадаешь в антиистиннизм? Разве не знаешь, что...

— Знаю, — даже не дослушал он. — Каждый раз, когда я произношу имя Впередника всуе, я тем самым чуть оттягиваю благой Конец времен. Ну и что?

Мэри попятилась, так громко он это сказал, да еще с издевочкой.

— Как то есть «ну и что»? — ушам не верю, — отозвалась она. — Хэл, но ты же не взаправду...

— Ясно, что не взаправду, — сказал он со вздохом. — Конечно, не взаправду. Разве можно? Просто ум за разум заходит от твоих постоянных упреков.

— Впередник говорил: «Не проходи мимо. Непременно укажи брату своему на его антиистиннизм».

— Я тебе не брат. Я тебе муж, — сказал он. — Хоть уже миллион раз и нынче все отдал бы, только бы перестать им быть!

И где та назидательность, где неприступность? Глаза у Мэри налились слезами, губы задрожали, подбородок затрясся.

— Ради Сигмена! — сказал он. — Только не реви.

— А что же мне остается делать, если мой собственный муж, плоть моя, кровь моя, соединенная со мной Госуцерквством истиннизма, осыпает меня проклятиями? Меня, ни в чем не повинную!

— НИ в чем. Кроме того, что норовишь подставить меня АХ'у при каждом перепавшем случае, — сказал он, отвернулся и взялся за расстановку откидной кровати.

— Наверняка все постельное белье провоняло Олафом и его бабищей жирной, — сказал он.

Подхватил простыню, нюхнул и чуть на стену не полез. Сорвал простыни, сорвал наволочки, швырнул на пол. И свою пижаму следом.

— На ВМ! В чем есть, в том и залягу. Жена называется! Почему соседей не попросила, чтобы они в свою чистку сунули?

— Сам знаешь, почему, — сказала она. — Денег нет им платить за их чистку. Была бы у тебя СН поприглядней — могли бы себе позволить.

— Откуда ей быть попригляднее, когда ты стучишь АХ'у, стоит мне хоть на вот полстолечко проштрафиться?

— Нашел виноватую! — гневно сказала она. — Хороша бы я была сигменитка, если бы врала доброму авве и говорила, что ты заслуживаешь лучшей СН! Я жить не смогла бы, зная, что на мне такой антиистиннизм в глазах у Впередника! Чуть к АХ'у войдешь, Сигмен со стены так смотрит, что внутри все горит, он каждую мысль мою читает. Ни за что! А тебе стыд и позор меня на это подбивать!

— Иди ты на ВМ! — сказал он. И пошел в то самое.

Там в тесноте разделся и влез под душ на все положенные тридцать секунд. Повернулся под обдув и стоял, пока не обсох. Потом так взялся чистить зубы, будто норовил выскоблить каждое не то словечко, которое ляпнул. Как всегда, накатила стыдуха за все, что наговорил. А следом и страх: ох, и расколется перед АХ'ом Мэри, ох, и расколется после он сам, ох, и заварится потом! Не исключено, что выведут такую СН, что вообще каюк. Бюджетец и так-то тощенький, вовсе лопнет. И придется лезть в долги, как никогда не лез, не говоря уже о том, что ВМ ему будет, а не повышение при ближайшей переаттестации.

С тем оделся и вышел из того самого. Чуть Мэри с ног не сбил по ее пути туда. Увидев, что он одет, как на выход, она остановилась и сказала:

— Ах, вот оно что, вот почему ты белье на пол побросал! Хэл, не смей даже подумать!

— Еще как посмею! — сказал он. — Не стану спать в Олафовом поту!

— Хэл, прошу тебя, — сказала она. — Не произноси больше этого слова. Ты же знаешь, я не выношу пошлостей.

— Извини, пожалуйста, — сказал он. — Хоть по-исландски заставь меня это дело называть, хоть по-еврейски, а на любом языке смысл все равно один: мерзкое человеческое выделение, то есть пот.

Мэри заткнула уши пальцами, опрометью кинулась в то самое, да еще и дверью за собой грохнула.

Он вытянулся на тощем матрасишке и закрыл локтем глаза от света. Через пять минут услышал, как дверь открылась (пора бы петли смазать, так даже смазочку прикупить ни у них, ни у семейства Олафа Маркониса свободных денег нет). А если его СН завалится, Марконисы того гляди попадут на переезд в другую пука. И если им подыщут, тогда запросто могут подселить на пересменку какую-нибудь в упор несносную парочку, не приведи, не только-только выскочивших в спецы высшего разряда.

«Ох, Сигмен! — подумалось. — На кой мне не в радость то, что есть? На кой мне никак не приладиться к порядку вещей? На кой мне навязано столько от Обратника? Подсказал бы ты мне!»

И тут и Мэри опять подала голос, мостясь в кровати рядом с ним.

— Хэл, ты зря нацелился на этот небуверняк.

— Какой еще небуверняк? — сказал он, хотя отлично знал, о чем речь.

— Сон в дневной одежде.

— А что, нельзя?

— Хэл, ты же прекрасно знаешь, что нельзя, — сказала она.

— Знать не знаю, — ответил он, убрал локоть с глаз и — и оказался в полнейшей темноте. Мэри, как предписано, ложась в постель, выключила свет.

«Ее тело, если без рубашки, на свету луны или лампы, наверное, само чуть светилось бы, — пришла мысль. — Но я же никогда его не видел, даже наполовину без рубашки не видел. Вообще женского тела не видел, кроме как на картинке, которую тот мужичок в Берлине из-под полы показывал. Я глянул, как голодный, но так страшно стало, что я ноги в руки и драл. Так и не знаю, поймали его потом вскорости аззиты или нет и что у них навешивают за такой жуткий антиистинизм».

Жуткий. Однако картинка так и маячила перед глазами, как живая, словно он опять средь бела дня в Берлине. И, как живой, маячил тот мужичок, что предлагал купить. Высокий, молодой, симпатичный, блондин, плечищи — во! По-исландски говорил, но с берлинским выговором.

Чуть светящаяся плоть...

Несколько минут Мэри лежала молча, только ее дыхание доносилось. И наконец подала голос:

— Хэл, разве мало ты натворил, домой вернувшись? Или мне еще кое о чем придется АХ'у заявлять?

— О чем «еще кое о чем»? — спросил он свирепо. Однако усмехнулся, потому что решил: пусть она не темнит, пусть выступит и выскажется без уклончивостей. Ну, не то чтобы вовсе без уклончивостей, а насколько это для нее возможно, лишь бы поближе к сути.

— О том самом, которое с тебя приходится, — донесся шепот.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь.

— Ничего я не знаю.

— В ночь перед отъездом ты сказал, что устал. Это не отговорка, но я АХ'у ни слова не сказала, потому что норму за неделю ты выполнил. Но теперь тебя две недели не было, и стало быть...

— Норму за неделю! — рявкнул он, приподнявшись на локте. — Норму за неделю! Вот что у тебя на уме, а?

— Но, Хэл! — удивленно сказала она. — А что же еще должно быть на уме?

Он застонал, плюхнулся на матрас и уставился во тьму.

— А что толку? — сказал он. — Чего ради, а? Мы девять лет женаты, а детей не было и не будет. Я уже заявление на развод подавал. Так чего ради продолжать, как пара роботов по трехмерке?

Мэри шумно вздохнула, и представилось, какой ужас у нее на лице.

Помолчала, пока в упор наужасалась, и сказала:

— Должны — значит, должны. Что же еще нам делать? Не думаешь же ты, что...

— Не думаю, не думаю, — поспешно сказал он, прикидывая, что, может статься, если она шепнет АХ'у. Прочее тот мимо ушей пропустит, но стоит намекнуть, что муж отказывается исполнять особую заповедь Впередника... Об этом даже подумать страшно! Так-сяк, а у него все же положение, он в университете преподает, пука имеется, есть где повернуться, имеется шанс продвинуться. Но если только...

— Само собой, не думаю, — сказал он. — Раз-навсегда усвоил: надо стараться иметь детей, если даже насчет этого окончательно все ясно.

— Доктора говорят, мы оба полностью физически здоровы, — сказала она, поди-ка, в тысячный раз за последние пять лет. — Значит, кто-то из нас что-то затаил против истиннизма, норовит отрицать истинное будущее через собственное тело. Кто-кто, а, известное дело, не я. Такого просто быть не может!

— «Темное начало бременем кроется в светлом, — процитировал Хэл «Талмуд Запада». — «Обратник в нас вожатым, а мы и не ведаем».

Ничто так не бесило Мэри с ее пристрастием к цитаткам, как те же цитатки из уст Хэла. Но вместо того, чтобы ввернуть что-нибудь эдакое в ответ, она вдруг заплакала.

— Хэл, мне просто ужас как страшно. Ты отдаешь себе отчет, что в будущем году истекает срок? И что нас потянут к аззитам на детектор? И если мы завалимся, если подтвердится, что кто-то из нас отрицает будущее для собственных детей... ты же знаешь, все знают, что нас ждет.

Искусственное оплодотворение от донора приравнивается к прелюбодеянию. Клонирование запрещено Сигменом, поскольку грязнейший из соблазнов.

В первый раз за вечер Хэл почувствовал сострадание к Мэри. Ведом был ему смертельный страх, от которого ее так в дрожь кидало, что кровать ходуном ходила.

— Не думаю, что есть о чем так уж тревожиться, — сказал он. — В конце концов, нас очень уважают, мы нужные спецы. Их не хватит растранжирить наши знания и талант и дать нам ВМ. Если ты не забеременеешь, я думаю, дадут нам отсрочку. И власть у них такая есть, и прецеденты были. Сам Впередник говорил, что каждое дело надо рассматривать с учетом обстоятельств, а не по букве закона.

— И часто они рассматривают с учетом? — ехидно спросила она. — Часто? Не хуже меня знаешь, что всегда судят по букве.

— Ни одного такого случая не знаю, — приободряюще ответил он. — Нельзя же быть настолько наивной! Если один к одному, как

по правдомету шпарят, то да. Но я кое-что про иерархов слышал. И знаю: такие вещи, как родство, дружба, положение, толстая сума, польза для Госуцерквства очень даже сказываются.

Мэри села на кровати — спина струночкой.

— Уж не хочешь ли сказать, что уриелиты мзду берут? — окрысилась.

— Никогда никому такого не скажу и тебе тоже, — сказал он. — Клянусь отрубленной рукой Сигмена, на такой жуткий антиистиннизм и даже намекать не имел в виду. Нет, я имел в виду, что польза для Госуцерквства — такое дело, что могут потом или помиловать, или что-то в этом роде.

— И кто же, по-твоему, за нас заступится? — донеслось из темноты, и Хэл усмехнулся. От его речей Мэри могла на стенку лезть, но в делах житейских она не теряется и стесняться в средствах не станет, лишь бы от Высшей Меры отбояриться.

На несколько секунд воцарилось молчание. Мэри тяжело дышала, как загнанный в угол зверь.

Наконец он заговорил:

— По правде-то, я никого из влиятельных не знаю, кроме Ольвегссена. А он, хоть мою работу хвалит, раз за разом проезжается насчет моей СН.

— Вот видишь! Насчет СН! Хэл, если бы ты набрался духу и...

— И если бы ты так не усердствовала, чтобы мне подставить ножку, — зло отозвался он.

— Хэл, мне никак, если ты по-прежнему будешь позволять себе так антиистинничать. Мне это совсем не в радость, но обязанность есть обязанность. Когда ты меня в этом упрекаешь, ты еще один ложный шаг делаешь. Еще одну черную пометку получишь...

— Ложный шаг, про который ты вынуждена будешь спеть АХ'у. Да, знаю. Давай хоть на десятитысячный раз с этим не торопиться.

— Ты сам до этого довел, — сказала она добродетельно.

— Ну вот, кажется, обо всем договорились.

Она судорожно вздохнула и сказала:

— Не всегда же так было.

— Да, в первый год после женитьбы не было. Но с тех пор...

— А кто виноват? — всхлипнула она.

— Хороший вопрос. Но, по-моему, не стоит его обсуждать. Опасное это дело.

— Что ты имеешь в виду?

— Не тема для дискуссии.

Подивился тому, что сказал. Что он имел в виду? Сам не знал. Сказано было не от ума, а ото всего существа. Не Обратник ли подбил ляпнуть языком?

— Давай спать, — сказал он. — Утро вечера мудренее.

— Но сначала... — сказала она.

— Что «сначала»? — устало отозвался он.

— Ты буверняк передо мной не разыгрывай, — сказала она. — Из-за чего все началось? Сначала давай... исполни свою обязанность.

— Обязанность, — сказал Хэл. — Чтобы все буверняк. Уж оно конечно.

— Не говори так, — сказала она. — Не желаю, чтобы ты делал это по обязанности. Хочу, чтобы делал, потому что любишь меня, с радостью. Или потому что хочешь любить.

— Я бы с радостью все человечество любил, — сказал Хэл. — Но примечаю, что мне строго-настрого воспрещено исполнять эту обязанность с кем-либо, кроме супруги, истиннизмом суженой.

Мэри в такой ужас пришла, что даже не ответила и повернулась к нему спиной. Но он, зная, что делает это больше ей и себе в наказание, как обязанность, — потянулся за ней. В том, что последовало после формальной вступительной заявки, все было расписано и освящено. Но на этот раз не как бывало раньше, все делалось шаг за шагом: и изустно, и изтелесно. Как заповедано Впередником в «Талмуде Запада». За исключением одной мелочи: Хэл был одет в дневную одежду. Он решил, что это простительно, потому что в счет идет дух, а не буква, и эка разница, одет он в это уличное платье или в ночное — вечно дергаешься в нем, как стреноженный! Мэри, если и заметила эту строптивость, словом на сей счет не обмолвилась.

Глава 3

А потом, откинувшись навзничь и глядя во тьму, Хэл думал, о чем уже столько раз думалось. Что же это, подобно перегородке из толстенной сталюги, будто рассекает его надвое ниже пояса? Порыв был. Еще бы не быть — и сердечко колотилось, и дух спирало. Но, по правде-то, он ничего не переживал. И когда подступал тот миг, который у Впередника именовался моментом осуществления из возможного, свершения и торжества истиннизма, Хэл испытывал чисто механические ощущения, тело срабатывало, как заповедано, но сам он не переживал восторга, так живописуемого у Впередника. Внутри была перегородка, стылая, бесчувственная, глухая. И он чувствовал только подергивания тела, будто электродик шпынял нервы, и те тут же намертво теряли чувствительность.

«Не то», — говорил он себе. Или все же то? Могло ли быть так, что Впередник ошибся? В конце концов, он был человек выдающийся, не чета остальным. Возможно, ему было даровано столько, что он мог испытать совершеннейшие ощущения, не отдавая себе отчета о том, что остальное человечество этой везухи с ним никогда не разделит.

Но нет же, так не могло быть, если Впередник явственно провидел суть каждой особи, да сгинь мыслишка, что, может, и не каждой!

Значит, Хэл был обделен, один-одинешенек изо всей паствы Госцерквства истиннизма.

Один ли? Он никогда ни с кем не делился своими ощущениями. Это было если не немыслимо, то неосуществимо. Непристойно. Антиистинно. Учителя никогда не говорили ему, что это запретно; и не пристало им такое говорить, потому что Хэл и без них об этом знал.

Однако Впередник заповедал, что должно Хэлу испытывать.

Может быть, не дословно? Когда Хэл обдумывал ту главу из «Талмуда Запада», которую дозволялось читать только посвященным и супружеским парам, он разумел, что Впередник и впрямь описывал не просто физическое состояние. Глава была написана поэтическим языком (Хэл знал, что такое поэтический язык, поскольку, будучи лингвистом, имел доступ к разного рода сочинениям, запретным для прочих), а местами — метафорическим и, даже можно сказать, метафизическим. Изложена в выражениях, которые, если так-то разобраться, истиннизму мало присущи.

«Впередник, прости и помилуй, — думал Хэл, — подразумеваю только, что эти выражения не суть просто само по себе научное описание электрохимических процессов в человеческом теле. Они приложимы, спору нет, но лишь на более высоком уровне, поскольку истина феноменологически полипланарна».

Субистинна, истинна, псевдоистинна, сюристинна, сверхистинна, ретроистинна.

«Ни времени на богословие, — думал он, — ни желания заставить ум сосредоточиться нынче ночью, как в иные ночи, на неразрешимом и не скором на ответы. Впередник ведал, а мне вот не дано».

Истина на сегодняшний день сводилась к тому, что он не в фазе с мировой линией. И раньше был не в фазе. Он балансирует на грани антиистиннизма каждый миг своей яви. И это не к добру: вот-вот поддаст Обратник, и рухнет Хэл Ярроу прямо в лапы Впередникова братца...

Проснулся Хэл Ярроу, как от толчка, в тот миг, как в жилье прозвучала утренняя зорька. Секунды две не знал, где он: мир сновидений и мир яви так причудливо переплелись.

Скатился с кровати, встал, оглянулся на Мэри. Та, как всегда, спала себе под этот громкий зов, поскольку ее он не касался. Через четверть часа по трехмерке поступит второй сигнал горниста, побудка для женщин. К тому времени Хэл должен быть умыт, побрит, одет и снаряжен в путь. В свою очередь, у Мэри будет пятнадцать минут на сборы в дорогу; а через десять минут после этого с ночной работы сюда войдет Олаф Марконис и устроится пожить-поспать в этом тесненьком мирочке до возвращения семейства Ярроу.

Хэл справился даже быстрее обычного, потому что был уже в дневной одежде. Оправился, лицо-руки вымыл, набуровил крем для бритья на щеки персональной кисточкой, убрал проклюнувшуюся ще-

тину (в один прекрасный день авось заделается он в иерархи и ужо тогда заведет себе бородищу, как у Сигмена), причесался и выскочил из того самого.

Собрал полученные вчера вечером письма в дорожный чемоданчик, шагнул к двери. И вдруг что-то как толкнуло — обернулся, подошел к кровати, наклонился и поцеловал Мэри. Та еще не проснулась, и на секундочку даже жалко стало, что это до нее не дошло. Ведь не по обязанности, не согласно предписанию. А по толчку из темного провала, где заодно все-таки, должно быть, был и свет. И с чего это он? Не далее, как вчера вечером, уверен был, что ненавидит. И вдруг...

Да, они с Мэри сами свои беды породили, но не сознательно. Светлое начало в них противилось краху любви; того добивалось начало темное, глубоко затаившееся, это пресмыкался в них Обратник, гад ползучий.

Перебрав ногами у входной двери, он увидел, что Мэри открыла глаза и глядит на него будто в каком-то смятении. Но не вернулся, не поцеловал ее еще раз, а шмыгнул в коридор. Дикий страх одолел, боязнь, что вдруг она окликнет и по новой заведет все то же все про то же. И только тут припомнилось, что так и не пришлось к слову сказать ей про свой отъезд нынче же утром на Таити. Да ладно, одной докукой меньше.

А коридор был уже полон мужиков, спешащих на работу. Многие, как и Хэл, были в просторных балахонах спецов. Кое-кто — в зелено-красном: университетские преподаватели.

Конечно же, для каждого нашлась пара слов.

— Эриксен, привет будущему!

— Да улыбнется Сигмен, Ярроу!

— Чан, цветное ли было мысленное предначертание?

— Буверняк, Ярроу! Цветное, как наяву.

— Шалом, Казимуру!

— Да улыбнется Сигмен, Ярроу!

Первый заторчик у лифта, пока утренний дежурный по случаю толпы в коридоре выстраивал очередность спуска. Оказавшись снаружи, Хэл запрыгал с полосы на полосу, пока не пробился на центральную, на экспресс. Там остановился, стиснутый телами мужчин и женщин, но народ был свой, так что без неприятного чувства. Десять минут дороги, и скомандовал себе лево руля на край. Еще пять минут, и сошел на грунт, зашагал к пещероподобному входу пали № 16 «Университет Сигмен-сити».

Там второй заторчик, тоже недолгий, пока дежурный назначил лифт. И Хэл взмыл экспрессом в один скок на тридцатый этаж. Обычно, выйдя из лифта, он шел прямо к себе готовиться к первой лекции старшего курса, которую давали по трехмерке. Но нынче направился в деканат.

По дороге жутко захотелось курнуть, а в присутствии Ольвегссена насчет этого — ни-ни, и Хэл приостановился, закурил и с удовольствием затянулся приятным женьшеневым дымком. Как раз против входа в аудиторию первого курса, откуда доносились обрывки лекции Кеоки Джеремиэдя Расмуссена:

— Первоначально слова «пука» и «пали» бытовали у общин полинезийцев, первонасельников Гавайских островов. Англоязычное населенше, которое колонизовало острова в более поздний период, заимствовало многие термины из языка гавайцев. И в числе наиболее употребительных — слово «пука», означающее нору или пещеру, и слово «пали», означающее утес.

Когда после Апокалиптической битвы американо-гавайцы заново заселили Северную Америку, эти два термина употреблялись в своем первоначальном смысле. Но в течение следующего полустолетия смысл этих двух слов изменился. «Пука» — так с очевидным пренебрежительным оттенком стали называть отдельные помещения, предназначенные для жилья у низших сословий. Впоследствии этот термин стали употреблять и сословия повыше. Если вы принадлежите к сословию иерархов, вашим местом обитания является «площадь»; если вы принадлежите к любому из остальных сословий, вашим местом обитания является «пука».

Словом «пали», то есть «утес», стали называть небоскребы или любые другие крупноразмерные здания. В отличие от слова «пука» слово «пали» сохранило и свое первоначальное значение.

Хэл докурил сигарету, бросил окурок в пепельницу и прошел через приемную прямо в кабинет декана. Там за столом восседал доктор-декан Боб Кафаэль Ольвегссен собственной персоной.

По старшинству, Ольвегссен заговорил первым. У него был едва приметный исландский выговор.

— Алоха, Ярроу. Что у вас?

— Шалом, авва. Прошу прощения за явку без вызова. Но до отъезда есть необходимость обговорить несколько вопросов.

Ольвегссен, седовласый ученый муж средних лет (около семидесяти), нахмурился.

— Как так «до отъезда»?

Хэл вынул из чемоданчика письмо и подал Ольвегссену.

— При случае взгляните. Оберегая ваше драгоценное время, докладываю: получил предписание на производство срочного лингвистического дознания.

— Вы же предыдущее только-только кончили! — сказал Ольвегссен. — Как можно требовать с меня полноценной работы факультета во славу Госуцерквства и в то же время отвлекать персонал на ловлю ненормированной лексики!

— Вы уверены, что это не критиканство в адрес уриелитов? — не без жесткой нотки в голосе отозвался Хэл. Не от начальстволюбия (таковым не страдал) или стараний его изобразить — обязан был со своей стороны каленым железом выжечь подобный происк антиистиннизма.

Ольвегссен рыкнул:

— Абсолютно уверен. Я на это неспособен. Да как вы смели о таком подумать!

— Извините, авва, — сказал Хэл. — Даже в мысленных предначертаниях подобные намеки не посещают.

— Когда предписано отбыть? — спросил Ольвегссен.

— С первым же рейсом. Думаю, где-то в пределах часа.

— И когда вернетесь?

— Сигмен ведает. Как только закончу и сдам отчет.

— И немедленно ко мне.

— Еще раз прошу прощения, но не смогу. Моя СН к тому времени будет недозволительно просрочена, вынужден буду навести порядок вперед всех прочих дел. А на это уйдет не меньше нескольких часов.

Ольвегссен набычился и сказал:

— Кстати о вашей СН. Последняя вам не к лицу, Ярроу. Надеюсь, следующая будет получше. Иначе...

Хэла бросило в жар, коленки дрогнули.

— Так точно, авва.

Собственный голос едва расслышал.

Ольвегссен соорудил флешь из пальцев и глянул на Ярроу сквозь амбразуру в воздвигнутой фортификации.

— Иначе, как ни жаль, я вынужден буду принять меры. Я не могу держать в своем штате человека с плохой СН. Боюсь, что я...

Ольвегссен надолго замолк. Хэл почувствовал, как взмокло под мышками, как бисеринками выступил пот на лбу и на верхней губе. Знал: Ольвегссен нарочно тянет время, — и ни о чем не хотел спрашивать. Не хотел доставить этому седовласому красавчику с «гимелом» на груди удовольствие послушать, как он, Хэл, умильно поет. Но не дай Сигмен показаться безразличным! Будешь молчать, как пень, — поулыбается Ольвегссен, возьмет, да и уволит.

— Что вы, авва... — подхватил Хэл, силясь ни единым звуком не выдать бури собственных страстей.

— Очень боюсь, что не смогу позволить себе даже такое снисхождение, как ваш перевод в преподаватели подготовительных курсов. Хотелось бы проявить милосердие. Но милосердие по отношению к вам грозит обернуться попустительством антиистиннизму. Сама мысль об этом недозволительна. Ни в коем случае...

Хэл ругнулся про себя, не в силах совладать с дрожью.

— Так точно, авва.

— Очень боюсь, что мне придется обратиться к аззитам, чтобы вашим делом занялись они.

— Только не это! — ахнул Хэл.

— Именно это, — возразил Ольвегссен из-за своей фортификации. — Было бы крайне неприятно, но представляется, что все прочее не буверняк. Я смогу мысленно предначертать со спокойной совестью, лишь обратившись к ним.

Он разобрал фортификацию, развернул кресло боком, подставил Хэлу профиль и сказал:

— Все же надеюсь, что мне трудиться не придется. Прежде вас самого призовут к ответу за то, что творите. И, кроме себя, винить вам будет некого.

— Так заповедовал нас Впередник, — сказал Хэл. — Приложу все старания, чтобы не доставлять вам огорчений, авва. Позабочусь, чтобы мой АХ не имел поводов ухудшить мою СН.

— Очень хорошо, — сказал Ольвегссен без капли веры в эти благие речи. — Вы свободны, предписание возьмите с собой, копия мне наверняка поступит с нынешней почтой. Алоха, сын мой, и приятных мысленных предначертаний.

— Авва, где вы, там истина, — сказал Хэл, повернулся и вышел вон.

Не помня себя от жуткого страха, с трудом понимал, что делает. Безотчетно добрался до вокзала и подал заявку на бронь по всему маршруту. Походкой лунатика прошел в салон рейсовика.

Получасом позже он был уже в Лос-Анджелесе на пути к стойке — узнать, как там насчет местечка на Таити.

Он был уже у самой стойки, когда почувствовал, что спиной вроде бы кого-то задел.

Дернулся, обернулся извиниться.

Сердце громыхнуло так, что чуть наружу не выскочило.

Сзади оказался коренастый, плечистый пузан в свободной блестящей черной хламиде. На голове черная шляпа конусом с узкими полями лаком блестит, а на груди — серебряное изображение ангела Аззы.

Пузан подался вперед, вгляделся в еврейскую цифирь под знаком крылатой пяты на груди у Хэла. Сверился по бумажке, зажатой в кулаке.

— Буверняк, вы и есть Хэл Ярроу, — сказал аззит. — Пошли со мной.

Самым странным во всем этом деле было то, что Хэл не до смерти сомлел, но подумалось об этом гораздо позже. Не то чтобы никакого жуткого страха вовсе не было. Просто страх отхлынул в какой-то дальний угол разума, а все ближние были заняты лихорадочным гаданьем, что стряслось и как отбиться. Растерянность и смятение, которые как скогтили его во время разговора с Ольвегссеном, так с тех

пор и не отпускали, вдруг будто испарились. На смену пришла холодная и быстрая сметка: мир просматривался насквозь и был враждебен до предела.

Возможно, потому, что угроза Ольвегссена была далекой и двумысленной, а аззитская лапа — ближе некуда и недвусмысленно грозна.

Его подвели к карете на полосе возле здания вокзала. Приказали сесть. Залез туда и тот аззит, набрал на панели маршрут следования. Карета взвилась вверх на полкилометра и взяла с места, куда велено, но с жутким воем сирены. Хэлу было не до шуток, но все же мелькнула мыслишка, что тысячелетия идут, а полицаи верны себе. Никакой срочности нет, а страж закона не страж, если по его милости всем встречным-поперечным ушей не заложило.

Минуты через полторы карета причалила на двадцатом этаже какого-то здания. И аззит, который и звука не проронил за весь маршрут, жестом велел Хэлу вылезти. Хэл тоже молчал, поскольку знал, что разговоры бесполезны.

Они вдвоем пересекли причал и зашагали по коридорам, в которых кишмя кишел народ. Хэл силился запомнить дорогу, будто на случай возможного побега. Смешно, конечно. Отсюда не сбежишь. И не виделось причины оказаться в положении, когда кроме побега ничего не остается.

По крайней мере, он так предполагал.

Наконец аззит остановился перед дверью без таблички. Указал на нее большим пальцем, и Хэл вошел первым. Оказалось, секретариат: за столом сидела бабенка-секретутка.

— Докладывает ангел Паттерсон, — сказал аззит. — Доставлен Хэл Ярроу, специалист номер ЛИН-56327.

Секретутка повторила по громкой связи, и голос со стены приказал войти.

Секретутка нажала кнопку, дверь откатилась.

Хэл, по-прежнему первым, вошел.

Комната оказалась непривычно просторная, больше его рабочей в университете, больше всей пука в Сигмен-сити. В дальнем конце был здоровенный стол, столешница загибалась полумесяцем с острыми концами. За столом сидел мужик, и при взгляде на него все самообладание Хэлово разлетелось вдребезги. Хэл рассчитывал увидеть АХ'а повыше рангом, самого в черном и в колпаке конусом.

Но мужик был не аззит. Он был в лиловой рясе, на голове лиловый клобук, на груди болталось золотое еврейское «Л» — «ламед». И мужик был с бородой.

Выходит, высший из высших, уриелит. Хэл видывал таких всего десяток раз в жизни, из них всего однажды — в натуре.

«Сигмен великий! — мелькнула мысль. — Что же я такого натворил? Вот уж погорел так погорел!»

Уриелит был мужик рослый, почти на полголовы выше Хэла. Лицо длинное, скулы торчат, нос что клюв, узкий и крючком, губы ниточками, глаза водянистые, с монгольской складочкой над верхним веком.

Аззит позади Хэла страшным шепотом сказал:

— Ярроу, приставить ногу! Стоять смирно! Исполнять все, что прикажет сандальфон Макнефф, резину не тянуть, и без лишней суеты.

Хэл кивнул. Неповиновение — да разве такое мыслимо?

С минуту Макнефф сверлил глазами Хэла Ярроу, теребя пышную темно-рыжую бороду.

Вогнав таким образом Хэла в холодный пот, он наконец заговорил. Голос оказался на диво басовитый для такого тонкошеего.

— Ярроу, что скажете насчет того, чтобы покончить с этой жизнью?

Глава 4

Был порыв, но Хэл ему не поддался и потом не раз благодарил за это Сигмена.

Мелькнуло: не стой, не раскисай от страха, а развернись и врежь аззиату! Напоказ у него оружия нет, но в кобуре под хламидой наверняка припрятана пушка. Если свалить его и разжиться пушкой, можно взять Макнеффа в заложники, выставить перед собой, как щит, и можно будет рвануть.

Куда?

С ходу не высветлило. В принципе либо к израильтянам, либо к малайцам, в их федерацию. И к тем, и к этим путь неблизкий, хотя расстояние не проблема, если удастся увести или взять под команду рейсовик. Предположим, удастся, но каков шанс прорваться через систему ПРО? Никакого. Чтобы дежурным по узлам связи да по штабам зубы заговаривать, нет у него ни знания уставов, ни представления насчет порядков, заведенных у вояк.

Пока Хэл все это соображал, порыв подвыдохся. Может, умнее все же выждать и дознаться, в чем суть обвинения. И не исключено, что удастся доказать свою непричастность.

Губы-ниточки Макнеффа пошли кривой усмешкой, хорошо знакомой Хэлу.

— Добро, Ярроу, — сказал сандальфон.

Хэл толком не понял, считать это дозволением вступить в разговор или нет, но прикинулось, что есть возможность расположить уриелита к себе.

— Не понял, сандальфон. Что «добро»?

— Что вы покраснели, а не побледнели. Я любую особь насквозь вижу, Ярроу. Мне на это довольно нескольких секунд. И что я вижу? А то, что вы не норовите в обморок упасть со страху, как очень многие

на вашем месте при тех словах, которыми я вас огорошил. Нет, в вас вспыхнула горячая кровь, установка на контратаку. Вы готовы отрицать, спорить, приводить встречные доводы. Кое-кто сказал бы, что это нежелательная реакция, что ваше поведение говорит о вредном образе мысли, о склонности к антиистиннизму. А точно ли им ведомо, что такое истиннизм? «Что такое истиннизм?» — именно так вопрошал Впередника собственный брат, погрязший во зле. И получил ответ, и я его повторю: об этом может судить лишь тот, кто истиннизму верен. Я истиннизму верен, иначе не был бы сандальфоном. Буверняк?

Хэл, затаив дыхание, кивнул. И подумал, что не такой уж чтец в сердцах этот Макнефф, как воображает, иначе намекнул бы, что не укрылся от него Хэлов первый порыв прибегнуть к насилию.

Или все же не укрылся, но хватило учености оставить без последствий?

— Задавая вам вопрос, — продолжал Макнефф, — я вовсе не имел в виду, что вы кандидат на ВМ.

Он нахмурился.

— Впрочем, ваша СН такова, что, продолжай вы в том же духе, недалеко и до этого. Однако я убежден: если вы по доброй воле согласитесь на мое предложение, вы скоро исправитесь. Окажетесь в тесном контакте со множеством народу, который сплошь буверняк, и благого влияния вам будет не избежать. Истиннизм порождает истиннизм. Так сказано у Сигмена. Однако пора к делу. Прежде всего поклянитесь на этой книге, — он выложил на стол «Талмуд Запада», — что ни единое слово из нашего разговора ни при каких обстоятельствах не будет вами разглашено. Поклянитесь умереть или вынести любые пытки, но не предать Госуцерквства.

Хэл положил левую руку на книгу (рано оставшись без правой руки, Сигмен пользовался левой и нам велел) и поклялся Впередником и всеми градациями истиннизма, что его уста будут навеки замкнуты. Иначе он лишится даже малейшей возможности предстать пред очи Впередника и обрести однажды в управление собственную вселенную.

Он еще не договорил слов клятвы, а уже начал чувствовать себя виноватым: на аззита напасть хотел, применить силу к сандальфону тоже имел намерение. Как можно было так без зазрения совести предаться собственному темному началу? Ведь Макнефф — живой посланник Сигмена, шагнувшего во время-пространство готовить будущее своей пастве. Хоть в чем-то уклониться от всепокорности Макнеффу, значит оскорбить Впередника действием, а это такая жуть, что даже мысль о том невыносима!

Макнефф положил книгу на место и сказал:

— Прежде всего должен вас уведомить, что врученное вам предписание на производство дознания по слову «кикимора» на острове Таити было ошибочным. Ошибка, вероятно, вызвана тем, что некоторые подразделения аззитов не так тесно взаимодействуют в работе, как им

положено. Корни ошибки в настоящее время изучаются, и будут приняты действенные меры к тому, чтобы впредь имелась гарантия неповторения подобных случаев.

Аззит за спиной у Хэла тяжело вздохнул, и Хэл понял, что в этом кабинете сейчас и помимо него есть кому пускать сок со страху.

— Один из иерархов, просматривая сводку, обратил внимание на ваш запрос насчет допуска на Таити. Зная, насколько высока степень секретности во всем, что касается этого острова, он дал указание разобраться. В результате мы сумели вас перехватить. А я, изучив ваше личное дело, пришел к выводу, что, возможно, вы как раз тот, кто нам необходим для кое-какой работы на борту корабля.

С этими словами Макнефф выбрался из-за стола и заходил по кабинету, сцепив руки за спиной и слегка наклонясь вперед. Стало видно, какой у него желтоватый цвет кожи, почти того же оттенка, что у слоновьего бивня, который Хэл однажды видел в Музее вымерших животных. Особенно подчеркивал эту желтизну клобук на голове сандальфона.

— Вам предлагается пойти добровольцем, — продолжал Макнефф, — поскольку мы хотим иметь на борту исключительно людей, беззаветно преданных делу. Питаю сугубую надежду, что вы дадите согласие, поскольку мне нехорошо при одной мысли о том, что на Земле останется хоть одно гражданское лицо, которому известно о существовании и назначении «Гавриила». Не то чтобы я сомневался в вашей лояльности, но израильские шпионы большие умницы и вполне способны вытянуть из вас все, что вам известно. Ахнуть не успеете, как похитят и напичкают всякой химией, чтобы вы заговорили. Одно слово — лакеи Обратника.

Хэл мрачно подивился про себя, почему пичканье химией у израильтян — это антиистиннизм, а то же самое у Союза ВВЗ — буверняк, но в один миг позабыл об этом, едва заслышал продолжение речи Макнеффа.

— Сто лет тому назад первый межзвездный космический корабль Союза отправился с Земли к звезде Альфа Центавра. Примерно в то же время и туда же направился и израильский. Через двадцать лет оба вернулись и сообщили, что там не обнаружено планет, пригодных для обитания. Наша вторая экспедиция возвратилась спустя еще десять лет, а вторая израильская — спустя двенадцать. Ни мы, ни они не обнаружили звезды с планетами, перспективными в смысле колонизации.

— Никогда об этом не слышал, — пробормотал Хэл Ярроу.

— Друг от друга правительствам секретов не уберечь, а от своих народов — вполне удается, — заметил Макнефф. — Насколько нам известно, израильтяне после той второй попытки межзвездных агрегатов больше не посылали. Расходы оказались астрономические, и время полетов тоже. А вот нас хватило на третье судно размерами поменьше,

но скоростью побольше, чем два предыдущих. За эту сотню лет мы кое-чему научились при создании межзвездных движителей, не стану распространяться перед вами на эту тему. Этот третий корабль возвратился несколько лет тому назад и сообщил...

— Что найдена планета, пригодная для обитания, но уже населенная мыслящими существами! — вмешался Хэл, от восторга позабыв, что его никто не просит высказываться вслух.

Макнефф остановился и уставился на Хэла водянистыми глазами.

— Откуда знаете? — резко спросил он.

— Простите, сандальфон, — сказал Хэл. — Но ведь это неизбежно. Разве Впередник не предсказал в своем «Времени и мировой линии», что такая планета будет найдена? По-моему, на пятьсот семьдесят третьей странице.

Макнефф хмыкнул и сказал:

— Рад, что изучение первоисточников оставило в вас такой глубокий след.

«Еще бы не оставило! — подумал Хэл. — И не единственный. Порнсен, мой АХ неразлучный, порол меня за каждый плохо выученный урок. Мастер был оставлять глубокий след. Почему «был»? Есть. Я подрос и карьеру сделал, и он тоже: где я, там и он. В детском садике был мой АХ. И в интернате оказался он же, хотя я думал, что уж там-то от него избавлюсь. А нынче он мой участковый АХ. Не кто иной, как он, мне эту поганую СН выводит».

И тут же сам себе строго возразил: «Не он, а я, и только я, в ответе за все, что со мной происходит. Если у меня плохая СН, значит, сам до этого довел, мое темное начало. Сгину — так исключительно потому, что сам достукался. Прости мне, Сигмен, мои мысли антиистинные!»

— Еще раз прошу прощения, сандальфон, — произнес он вслух. — Не обнаружила ли экспедиция свидетельств пребывания Впередника на той планете? А может, хоть это и превыше всех желаний, сам Впередник там нашелся?

— Нет, — сказал Макнефф. — Хотя это и не значит, что таких свидетельств там в принципе не имеется. Экспедиции предписывалось произвести беглую оценку природных условий и с тем вернуться. Не вправе вам сказать, в скольких световых годах эта звезда отсюда, хотя в этом полушарии по ночам вы можете наблюдать ее невооруженным глазом. Если пойдете к нам добровольцем, вам будет сообщено, куда мы направляемся, после отбытия корабля. А он отбудет в ближайшее время.

— Вам нужен дополнительный лингвист? — спросил Хэл.

— Корабль огромен, — сказал Макнефф, — но мы берем столько военных и столько спецов, что лингвиста можем взять только одного. Нам представили на рассмотрение список спецов по вашей части из числа «ламедников» с безупречным образом мысли. К несчастью...

Хэл ждал. Макнефф на ходу помолчал, нахмурился и наконец сказал:

— К несчастью, существует только один ШПАГ- «ламедник» -лингвист, но он слишком стар для такой экспедиции. И следовательно...

— Тысяча извинений, — сказал Хэл, — но я только сейчас об этом вспомнил. Я ведь женат.

— На борту «Гавриила» женский персонал исключен, — сказал Макнефф. — Если доброволец, участник экспедиции, женат, он автоматически получает развод. Так что...

Хэл чуть не задохнулся.

— Развод?

Макнефф развел руками, как бы оправдываясь.

— Ваше чувство протеста мне понятно. Но, внимательно исследовав «Талмуд Запада», мы, уриелиты, пришли к выводу, что Впередник, предвидя эту ситуацию, высказал соображение о допустимости развода в данном случае. В данном случае он неизбежен, так как супруги будут находиться в разлуке свыше восьмидесяти земных лет. Естественно, Впередник высказался о допустимости развода в скрытой форме. В своей великой и достословной мудрости он позаботился о том, чтобы наши враги израильтяне оказались не в силах проникнуть в наши планы.

— Я даю добровольное согласие, — сказал Хэл. — Сандальфон, я весь внимание.

Шестью месяцами позже Хэл Ярроу стоял под куполом смотрового зала «Гавриила», не сводя глаз с земного шара над собой, сжавшегося до размеров глобуса. В зоне видимости находилось ночное полушарие, но над мегалополисами Австралия, Япония, Китай, Юго-Восточная Азия и Сибирь стояло зарево огней. Будучи лингвистом, Хэл называл эти сияющие пятна и дуги по языкам, на которых там говорили. Австралия, Филиппинские острова, Япония и Северный Китай, которые входили в Союз ВВЗ, имели американоязычное население.

В Южном Китае, в Юго-Восточной Азии, в Южной Индии и на Цейлоне, которые составляли Малайскую федерацию, в ходу был язык «базар».

В Сибири говорили по-исландски.

Хэл мысленно повернул глобус побыстрей, и представилась Африка, где на юг от Сахарского моря говорят на суахили. По берегам Средиземного моря, в Малой Азии, в Северной Индии и в Тибете родным языком был иврит. В Южной Европе, между Республиками Израиля и исландоязычными землями к северу, пролегала неширокая, но протяженная территория, которую называли Пограничьем. За Пограничье последние двести лет шел спор между Союзом ВВЗ и Республиками Израиля, постоянно грозивший войной. Ни та, ни другая

сторона не собиралась отказываться от своих претензий, но не хотела предпринимать шагов, которые могли бы привести к повторению Апокалиптической битвы. А на практике это сводилось к тому, что Пограничье существовало как особая нация, даже со своим правительством (никем не признаваемым вне своих рубежей). Граждане этой нации говорили и по-исландски, и по-американски, и по-еврейски и завели себе особый новый язык, так называемый «линго», жаргонную смесь из всех имеющихся, но с таким упрощенным синтаксисом, что все правила занимали не больше полустранички.

В уме он представил себе и все остальное: Исландию, Гренландию, Карибские острова, восточную часть Южной Америки. Тамошние говорят по-исландски, поскольку именно уроженцы этого острова потеснили американо-гавайцев, занятых заселением Северной Америки и западной части Южной после Апокалиптической битвы.

Северной Америки, где американский был родным для всех, кроме двух десятков потомственных франко-канадцев, живущих в заповеднике Гудзонова залива.

Хэл знал: когда Земля повернется так, что в ночном полушарии окажется Сигмен-сити, там все будет залито светом. И где-то в том потопе света — его пука. Но Мэри вскорости оттуда выселят, поскольку через пару дней она будет извещена о гибели мужа при несчастном случае. Забившись в уголок, поплачет, не без того, поскольку, хоть и на фригидный манер, а мужа-то любила, но на людях и виду не подаст. Ее друзья и коллеги по работе посочувствуют, но не по случаю потери возлюбленного супруга, а по случаю того, что он проявил-таки себя человеком антиистинного образа мысли. Поскольку, раз погиб в катастрофе, стало быть, этого желал. Ведь несчастных случаев, если разобраться, не бывает. Просто получилось так, что он и все остальные пассажиры (точно так же записанные погибшими в цепи поддельных инцидентов; так маскировалось пополнение команды «Гавриила») одновременно «сговорились» погибнуть. И будучи таким образом лишены благодати, они не подлежат кремированию с последующим церемониальным развеиванием пепла по ветру. Нет, Госуцерквство проследит, чтобы их ошметки рыба съела, вот и все.

Жаль было Мэри. Хэл сдерживал слезы, стоя в толпе под куполом смотрового зала.

Но и то сказать, все устроилось к лучшему. Ни ему больше не терзаться рядом с Мэри, ни ей возле него не исходить слезами; их взаимная пытка кончена. Мэри свободна и может снова выйти замуж, не зная, что Госуцерквство тайно оформило ей развод. Она-то будет думать, что ее брак прекращен по случаю смерти супруга. Годик ей дадут прийти в себя, а потом предложат выбрать партнера из списка, подготовленного АХ'ом. Кто знает, может, психологический барьер, который помешал ей понести дитя от Хэла, больше не сработает. Вполне так может быть. Но навряд ли. Что она, что он ниже пупа как замо-

роженные. И АХ с подбором кандидата, хоть в доску расшибись, не поможет.

АХ. Порнсен. Не придется больше видеть эту жирную морду, слышать вусмерть надоевший скулеж.

— Хэл Ярроу! — раздался вусмерть надоевший скулеж.

Разом вспыхнув и окоченев, Хэл обернулся. Ему улыбался вислощекий, толстогубый недомерок, нос гулей, глазки-щелочки. Из-под узкополой лазоревой шляпы конусом — припорошенные сединой черные патлы свисают на плоеный черный воротник. Солидное брюхо под лазоревым кителем в обтяжку (Порнсен много стерпел нотаций от начальства за неумеренность в еде), широкий синий пояс с металлическим замочком — семихвостку цеплять. Толстенькие ляжки в лазоревых лосинах с черными лампасами снаружи и в шагу, и лазоревые сапоги до колен. А ступни крохотные, смехотворные какие-то. И на носке каждого сапога — по семиугольному зеркальцу.

Чего ради эти зеркальца задуманы, на сей счет в народе попроще всякую похабщину плетут. Разок довелось слышать, и с тех пор, как всплывет в памяти, так в краску вгоняет.

— Дорогуша моя, наказание мое, овод неотвязный! — проскулил Порнсен. — Вот уж в мыслях не имел, что ты участник сего доставленного странствия! А следовало иметь. Навеки мы с тобой вместе, как люб и люба. Должно быть, сам Сигмен позаботился об этом. Привет тебе сердечный, питомчик мой!

— Возлюби вас Сигмен! — сказал Хэл и поперхнулся. — Как чудненько видеть вашу незабвенную особу! А я-то думал, век больше не встретимся!

Глава 5

«Гавриила» навели на цель, и он с ускорением, равным ускорению земного притяжения, начал набирать скорость, которая в пределе должна была составить треть скорости света. Тем временем всю команду за исключением тех немногих, кто обеспечивал живучесть корабля, отправили в анабиоз. На много лет. Чуть позже, когда вся автоматика была выверена, в анабиоз отправили и вахтенных. Всем предстояло спать, а «Гавриилу» тем самым давалась возможность развить ускорение, перегрузок от которого тела команды без заморозки не выдержали бы. По достижении заданной скорости автомат должен был отключить привод, и безмолвный, но отнюдь не пустой корабль по инерции предназначен был нестись к далекой звезде, цели своего странствия.

По прошествии многих лет фотонному счетчику в носу корабля надлежало определить момент, когда на дальних подступах к звезде следует начать замедление. Еще раз телам в заморозке предстояло испытать перегрузку, невыносимую для живых. После соответствующе-

го торможения привод должен был переключиться на замедление, равное ускорению земного притяжения с обратным знаком. На этой стадии полета планировалась реанимация первой очереди, то есть вахтенной смены. Ей поручалось вывести из заморозки весь остальной личный состав. И за остающиеся полгода полета люди должны были полностью подготовить корабль к посадке.

Хэл Ярроу отправился в заморозку одним из последних, а извлечен оттуда был одним из первых. Ему было поручено изучить все имеющиеся сведения о языке ведущей нации планеты Оздва, а именно Сиддо. И одним из первых он оказался в непростом положении. Экспедиция, которая открыла Оздву, успешно отождествила пять тысяч слов языка Сиддо с пятью тысячами же американских. Но описание синтаксиса языка Сиддо привезла подозрительно куцее. И, как обнаружил Хэл при внимательном рассмотрении, явно ошибочное.

Это открытие заставило Хэла попотеть. Ведь перед ним стояла задача подготовить учебное пособие и научить весь экипаж «Гавриила» говорить по-оздвийски. Однако, используй он даже все до единой крохи, какие имелись в распоряжении, он наверняка обучил бы своих курсантов не тому, что нужно. Да и то — с огромным трудом.

Во-первых, речевой аппарат уроженцев Оздвы кое в чем отличался от речевого аппарата землян; а следовательно, звуки, образуемые этими аппаратами, были несопоставимы. В какой-то мере можно было добиться уподобления, но поймут ли оздвийцы эти эрзац-звуки?

Вторым препятствием была грамматика языка Сиддо. Взять хотя бы систему времен глагола. В языке Сиддо не существовало наборов окончаний или вспомогательных глаголов для обозначения прошлого и будущего, время обозначалось просто другим глаголом. Так, глаголу «жить» в настоящем времени и мужском одушевленном роде соответствовало слово «дабхумаксанигалу'ахаи», в прошедшем времени совершенного вида — слово «ксу'у'пели' афо», а в будущем — слово «маи'тейпа». И так во всех временных формах. Сверх того, привычные для землян три рода слов: мужской, женский и средний — в языке Сиддо расщеплялись каждый на одушевленный и неодушевленный. К счастью, род обозначался не изменением основы, а набором окончаний. Однако зависящих от глагольного времени и, стало быть, сложных в усвоении.

Все остальные части речи: существительные, местоимения, наречия, прилагательные — в обращении уподоблялись глаголам. Путаницу усиливали сословные моменты: разные сословия для обозначения предметов и действий часто пользовались разными словами.

Система письма у оздвийцев напоминала, пожалуй что, древнеяпонскую. Алфавита не было, использовалось что-то вроде линейного письма со значащими длинами, изгибами и углами расположения отрезков. Группа линий, обозначающая слово, дополнялась знаками системы родовых окончаний.

Командующий первой экспедицией выбрал место для посадки на материке в северном полушарии планеты. Тамошние жители говорили на языке, который давался землянам трудней всех прочих. Обоснуйся экспедиция в южном полушарии, на материке-антиподе, у нее (а вернее сказать, у ее лингвиста) была бы возможность выбрать из четырех десятков наречий южан относительно несложные по синтаксису и числу значащих слогов в смысловой единице. Такие наречия существовали, если с доверием отнестись к образцу, случайно подмеченному лингвистом-первооткрывателем.

Сиддо, массив суши в южном полушарии размером (но не формой) с Африку, был отделен от северного материка океаном шириной в десять тысяч миль. Оздвийская наука считала его отдрейфовавшей на юг частью некогда единого праконтинента. Эволюция живых существ на северном и южном материках шла несколько разными путями. Если на северном материке господствовали насекомые и их троюродные братья — внутрискелетные псевдочленистоногие, то южный оказался весьма гостеприимен для млекопитающих. Хотя, Сигмен свидетель, и насекомые там изобиловали.

В течение последних пяти столетий на северном материке Абака'а'ту единственным видом живых существ, обладающих высшей нервной деятельностью, был жук-кикимора. А на Сиддо — удивительно человекоподобный примат. Этот «хомо оздви» создал свою культуру и развил ее до стадии, аналогичной древнеегипетской или древневавилонской. И внезапно почти все гоминиды — и цивилизованные, и дикари — исчезли.

Это произошло всего за тысячу лет до того, как первый Колумб из жуков-кикимор ступил на громадный южный материк. В ту пору и даже двести лет спустя жучи считали, что человекоподобные вымерли полностью. Но когда колонизация охватила лесные и горные районы в глубине материка, там обнаружились небольшие группы гоминидов. Они отступили в неосвоенные места, где укрывались с таким же успехом, что и африканские пигмеи на Земле в тропических, обильно увлажняемых лесах до их вырубки. По приблизительным оценкам, на территории в сотню тысяч квадратных километров проживало от тысячи до двух тысяч аборигенов.

Несколько особей мужского пола жучи отловили. И перед тем как отпустить на волю, изучили их языки. Жучи пытались дознаться, чем вызвано такое внезапное и таинственное исчезновение целого высокоразвитого биологического вида. У взятых «языков» толкования нашлись, но противоречивые и явно мифологического свойства. Лесные бродяги попросту уже не знали правды, хотя в скрытом виде она, возможно, и содержалась в их легендах. Одни объясняли катастрофу мором, который наслала Великая богиня, она же Праматерь сущего. Другие твердили про орды злых духов, которым она же повелела уничтожить всех, кто ей поклонялся, якобы за прегрешения против установленных

ею законов. Существовала версия, что оздвийское человечество, за малым исключением, погибло при звездопаде, который вызвала все та же Праматерь, устроив неботрясение.

Но ближе к делу — у Ярроу не хватало материала для порученной работы. У лингвиста первой экспедиции было всего восемь месяцев на сбор данных, и большая часть этого времени ушла на обучение нескольких жуч американскому. Лишь под конец срока пребывания он смог по-настоящему взяться за дело. Корабль пробыл на Оздве десять месяцев, но в течение первых двух команда вообще воздерживалась от вылазок, пока роботы отбирали атмосферные и биологические пробы и велся их анализ с целью убедиться, что земляне могут отважиться на выход, не боясь отравлений или инфекций.

Несмотря на все предосторожности, двое членов экипажа погибли от укусов насекомых, один пал жертвой неизвестного хищника, а затем почти половина личного состава переболела крайне изнурительной, хотя и несмертельной болезнью. Ее вызвала бактерия, от которой оздвийцы оберегались вакцинированием, но которая видоизменялась в тканях внеоздвийских носителей.

Опасаясь, что это только начало, и имея инструкции произвести лишь осмотр, а не всестороннее обследование, командующий отдал приказ возвращаться. Весь личный состав в течение долгого времени находился в карантине на искусственном спутнике Земли, и лишь после этого ему было дозволено ступить на родную планету. И через два дня после высадки на землю лингвист экспедиции скончался.

Пока строился следующий корабль, против болезни, которая так жестоко обошлась с первой экспедицией, была разработана вакцина. Все собранные на Оздве культуры бактерий и вирусов были опробованы сначала на животных, а потом на людях, приговоренных к ВМ. В результате было изготовлено много вакцин, и от некоторых из них личному составу «Гавриила» пришлось достаточно тошно.

По причинам, известным одним иерархам, командующий первой экспедицией не награду заработал, а опалу. Как полагал Хэл, за то, что не сумел заполучить образцы крови жителей Оздвы. Из того немногого, что стало известно Хэлу главным образом по слухам, жучи отказались предоставить кровь на исследование. Возможно, их насторожило поведение гостей. Когда земляне-ученые после этого обратились к жучам с просьбой предоставить тела умерших для анатомических исследований в чисто научных целях, им также было отказано. Было заявлено, что все тела умерших кремируются, пепел подлежит развеиванию. Правда, перед кремацией часто производится вскрытие, но это акт религиозный и обставляемый ритуалом. И совершить вскрытие может только жуча-врач-священнослужитель.

Накануне отлета можно было похитить нескольких жуч, но командующий счел неразумным обострять отношения. Было ясно, что теперь на Оздву будет направлена следующая экспедиция на гораздо более

крупном корабле. Вот тогда-то, если не удастся добром уговорить жучей и получить образцы крови, можно будет и силу применить.

Пока строился «Гавриил», кто-то из лингвистов высшего разряда прочел заметки и прослушал записи, доставленные на Землю. Но он потратил слишком много времени на попытки найти и сравнить сходные явления в языке сиддийцев и языках Земли, живых и мертвых. Ему поразмыслить бы над методикой быстрейшего обучения группы землян сиддийскому языку, а он дал волю своим академическим склонностям. Может быть, именно поэтому он не попал на «Гавриил». Откуда было Хэлу знать? Ему так и не объяснили, почему буквально в последний момент назначение получил именно он.

Ругаясь про себя последними словами, Хэл трудился. Вслушивался в звуки языка Сиддо, изучал их виброграммы на осциллографе. Силился воспроизвести эти звуки своими неоздвийскими губами, языком, зубами, небом и голосовыми связками. Работал над сиддо-американским словарем, той основой основ, к которой его предшественник отнесся с некоторым пренебрежением.

Увы, еще до того, как сам Хэл или кто-то из его товарищей по экспедиции сумеет полностью овладеть сиддийским языком, всем, кто говорит на нем отроду, предстояло умереть.

Личный состав, кроме вахтенной смены, давно уже отправился в анабиоз, а Хэл еще целых шесть месяцев не вылезал из трудов. Больше всего ему при том досаждало присутствие Порнсена. Скучал по АХ'у жидкий азот, но Порнсен обязан был бодрствовать и следить, как бы Хэл не погряз в антиистиннических поступках. Утешало одно: Хэла никто не гнал к Порнсену, пока сам не почует нужды, срочность работы можно было выдвигать как оправдание. Но одинокие напряженные труды зело не сахар. Порнсен был в качестве собеседника доступнейшим человеком, вот Хэл и беседовал с ним.

Хэла Ярроу подняли из заморозки одним из первых. Как ему было сказано, сорок лет спустя. Умом он принял это. Но так и не смог поверить по-настоящему. Ни его собственный вид, ни вид окружающих никаких изменений не претерпел. А единственной внешней переменой была возросшая яркость звезды, к которой лежал их путь.

В конце концов, эта звезда сделалась самым ярким объектом во Вселенной. Затем стали различимы вращающиеся вокруг нее планеты. Обозначилась и Оздва, четвертая планета от звезды. Размерами с Землю, с большого расстояния Оздва выглядела в точности, как Земля. В компьютер ввели информацию, и «Гавриил» лег на орбиту. Четырнадцать суток он обращался вокруг планеты в режиме наблюдения, выпуская гички, макавшиеся в атмосферу и даже совершившие несколько посадок.

Наконец, Макнефф отдал капитану приказ посадить «Гавриила».

С величайшей неспешностью, сжигая огромные порции горючего по случаю своей чудовищной массы, «Гавриил» вошел в атмосферу,

держа курс на главный город Сиддо, расположенный на средне-восточном побережье материка. И легко, как снежинка, пал на открытую лужайку в центральном городском парке. В парке? Весь город был сплошной парк, деревьев было так много, что с воздуха Сиддо выглядел как редконаселенная местность, а не как город с примерно четвертьмиллионным населением. Зданий было много, некоторые в десять этажей, но поодаль одни от других, так что впечатления единого массива не возникало. Улицы были широкие, с таким мощным травяным покровом, что на нем не сказывалось движение транспорта. Только в районе порта Сиддо чем-то напоминал земные города. Там здания плотно жались одни к другим, а бухта кишела парусными судами и колесными пароходами.

Собравшаяся на лугу толпа расступилась, и «Гавриил» плавно стал на грунт. Гигантская серая туша смяла траву и чуть заметно вдавилась в почву. Сандальфон Макнефф приказал открыть главный люк. И, сопровождаемый Хэлом Ярроу, которому надлежало выручать начальство, если оно запнется в приветственном обращении к депутации встречающих, сандальфон шагнул под небеса первой обитаемой планеты, открытой землянами.

«Как Колумб, — подумал Ярроу. — Неужели все пойдет тем же чередом?»

Несколько позже земляне обнаружили, что могучее судно легло под прямым углом поперек двух подземных железнодорожных туннелей. Однако ни для туннелей, ни для «Гавриила» это не представляло опасности. Туннели были пробиты в сплошной скале, над ними лежал скальный щит шестиметровой толщины, а поверх него — двадцатиметровый слой глины. Более того, корабль был так длинен, что большая часть его веса приходилась на грунт по обе стороны туннелей. Досконально разобравшись в этом, капитан решил оставить «Гавриил» там, где пришлось.

От рассвета до заката пришельцы смело общались с туземцами, изучая все, что только можно: язык, обычаи, историю, биологию — все подробности, до которых не дошли руки у предыдущей экспедиции.

Чтобы увериться, что жучей не насторожило подозрительное желание землян обзавестись образцами крови оздвийцев, Хэл в течение шести недель об этом деле вообще не упоминал. Это время он провел в обществе туземца по имени Лопушок (неизменно в присутствии Порнсена, уж это само собой разумеется). Лопушок был одним из тех оздвийцев, кто еще во время предыдущей экспедиции научился у землян американскому и чуточку исландскому. Хотя Лопушок разбирался в земных языках не больше, чем Хэл в оздвийских, он знал достаточно для того, чтобы познания Хэла в сиддийском быстро возросли. А иног-

да они без запинки беседовали на простые темы, пользуясь смесью американского с сиддийским.

Прежде всего земляне скрытно интересовались оздвийской технологией. По логике вещей, она не вызывала опасений. Насколько можно было судить, жучи продвинулись не дальше, чем земная наука на заре двадцатого века от Рождества Христова. Но земляне хотели твердо убедиться, что сверх того, что видят, никаких секретов у оздвийцев нет. Что не затаили жучи оружия большой разрушительной мощи, выжидая, пока удастся захватить гостей врасплох.

Ракет и ядерных боеголовок бояться не приходилось. Жучи явно были пока неспособны производить их. Но в области биологии их достижения выглядели весьма внушительно. А в этом таилась угроза не меньшая, чем во владении термоядерным оружием. Более того, даже не будучи сознательно применено против землян, биологическое заражение грозило ужасными последствиями. То, что для оздвийцев с их иммунитетом, накопленным за тысячелетия, было простым недомоганием, для землян могло обернуться молниеносным беспощадным истреблением.

Соблюдать осторожность и не спешить — таков был приказ. Дознаваться до чего только можно. Собирать сведения, сопоставлять, делать выводы. Перед тем, как приступить к исполнению плана «Оздвагеноцид», твердо убедиться, что возмездия не последует. Твердо убедиться.

Вот так и получилось, что четыре месяца спустя после появления «Гавриила» над Сиддо двое землян, которых с жучами ну просто водой не разольешь, совместно с двумя жуками-кикиморами, которые без землян как бы дня не проживут, предприняли совместную вылазку. Задумано было обследовать развалины города, построенного две тысячи лет тому назад теми самыми вымершими гоминидами. Верных друзей вдохновляло мысленное предначертание сродни тем, что кое-кому не давали покоя много веков тому назад на планете Земля, отстоящей на десятки световых лет.

Двусторонняя научная экспедиция отправилась в путь на транспортном средстве, которое с точки зрения любой из земных особей выглядело как плод самой буйной фантазии.

Глава 6

Мотор стрелял и перхал, колесницу трясло. Оздвиец, сидевший сзади справа, наклонился вперед и что-то крикнул.

— Чего? — вполоборота назад крикнул и Хэл. И повторил по-сиддийски: — Абхудан'акху?

Сидевший прямо позади Хэла Лопушок ткнулся ртом в ухо землянину. Он взялся быть переводчиком у Движенечки, хотя его американский звучал диковато — то раскатисто, то гнусаво.

— Движенечка говорит, молвит, вещает, что вам должно, следует часто нажать-отпустить, нажать-отпустить тот меньший стержень, от вас правоватый. Это дает... карбюратор... большой спирт.

Сяжки на хитиновом лбу Лопушка щекотнули Хэлу ухо. Хэл произнес в ответ словопредложение в тридцать слогов. Что-то вроде «спасибо». Вначале мужского одушевленного рода глагол в первом лице единственного числа настоящего времени. Затем энклитику, которой обозначается недолженствование как со стороны донора, так и со стороны рецептора, затем местоимение первого лица одушевленного мужского рода единственного числа во взаимном падеже, затем энклитику, означающую, что донор признает рецептора более информированной стороной в речевом контакте, личное местоимение второго лица одушевленного мужского рода единственного числа также во взаимном падеже и еще две энклитики, которыми обозначается положительно-нейтральная интонация высказывания. Тут не перепутать порядок следования, поскольку этими же энклитиками, но произнесенными в обратном порядке, обозначается отрицательно-осложненная.

— Что вы сказали, молвили, изрекли? — громко переспросил Лопушок, и Хэл досадливо передернул плечами. Забыл начать с задненебного щелчка, отсутствие которого то ли лишает высказывание смысла, то ли изменяет смысл на обратный. Не было ни времени, ни желания начинать сначала.

Вместо этого Хэл заработал рукояткой, о которой шла речь. При этом пришлось побеспокоить сидящего рядом АХ'а.

— Тысяча извинений! — промычал Хэл.

Порнсен в ответ и головы не повернул. Сидел, сцепив руки на пузе так, что суставы побелели. Как и его «питомец», Порнсен впервые опробовал езду с помощью двигателя внутреннего сгорания. Но, в отличие от Хэла, испытывал панический ужас от грохота, дыма, тряски, бросков и самой мысли о передвижении посредством наземного самодвижущегося аппарата, управляемого вручную.

Хэл усмехнулся. А ему полюбилась эта чудная колесница, точь-в-точь как на картинках из книг по истории техники. Ни дать ни взять, автомобиль начала двадцатого столетия. Душа играла от свободы крутить неподатливую баранку и чувствовать, как грузный корпус колесницы подчиняется движениям мышц. Дробный стук четырех цилиндров и вонь горящего спирта веселили. Забавная езда. Есть даже что-то романтическое, будто вышел в море на лодочке под парусом — это тоже обязательно надо попробовать, пока сидишь на Оздве.

И, хотя он себе в том не признавался, все, что приводило в ужас Порнсена, доставляло Хэлу радость.

А радости пришел конец. В цилиндрах захлопало с перебоями. Колесница взбрыкнула, дернулась, прокатилась немного и остановилась. Двое кикимор с заднего сиденья подхватились вон (дверец не было) и подняли капот. Хэл — за ними. Порнсен не тронулся с

места. Он достал из кармана пачку «Серафимских» (если ангелы курят, то непременно «Серафимские»), но не вдруг закурил. Руки тряслись.

Хэл сосчитал: со времени утренней молитвы Порнсен в четвертый раз попался на глаза с сигаретиной. Так недолго превысить квоту, дозволенную даже старшему АХ-составу. Это означает, что в следующий раз, когда у Хэла возникнут неприятности, можно будет рассчитывать на поблажку, напомнив АХ'у, что... Нет! Срам даже думать об этом! Откровенный антиистиннизм, уводящий в псевдобудущее. Он плюс АХ равно любви, АХ плюс он равно любви, и не приличествует строить диспозиций, предосудительных в глазах Сигмена.

«Однако временами так прихватывает, — мелькнуло на исходе, — что и Порнсеновой подмогой не погнушался бы».

Чтобы избавиться от этих мыслей, Хэл тряхнул головой и с преувеличенным интересом принялся наблюдать за тем, как Движенечка управляется с мотором. А тот, похоже, понимал, в чем затык, и действовал уверенно. Еще бы! Собственной особью изобретатель и конструктор первого и пока единственного на Оздве (по крайней мере, по мнению землян) транспортного средства с двигателем внутреннего сгорания!

Орудуя гаечным ключом, Движенечка отсоединил от стеклянной банки длинный тонкий патрубок. «Гравитационная система питания», — припомнил Хэл. В банку, служившую отстойником, поступало горючее из бака. А из отстойника по патрубку своим ходом подавалось в карбюратор.

— Люба моя, долго они там намерены копаться? — скверным тоном поинтересовался Порнсен.

Хотя АХ был в маске с очками, которую оздвийцы выдали ему для защиты от ветра, речи из его толстых губ долетали внятно. Сомневаться не приходилось: если дела не переменятся к лучшему, Ах нарисует на своего «питомца» тот еще рапорт!

АХ с самого начала был за то, чтобы подать заявку на гичку и выждать положенные два дня. Тогда на третий день путь к развалинам занял бы не больше четверти часа по воздуху — ни тебе шума, ни тебе тряски. Хэл возражал: наземная езда на оздвийском экипаже даст более ценные разведданные об этом труднопроходимом лесном районе, чем пролет над ним. Командование приняло сторону Хэла, отчего Порнсен разозлился вдвойне. Ведь куда его «питомец», туда поневоле и он.

И весь день, пока новоявленный лихач из нездешних гоминидов, наставляемый здешними псевдочленистоногими, колесил на драндулете по лесным дорогам, Порнсен был мрачнее тучи. Лишь разок соизволил открыть рот, и то лишь напомнил Хэлу о святой заповеди «не убий особь человеческую» и потребовал сбавить скорость.

— Простите, о страж возлюбленный, — конечно же, ответил Хэл и, конечно же, ослабил жим на педаль газа. Выждал чуточку и снова прибавил газ. И они прежним манером с ревом запрыгали по лужам и ухабам...

Движенечка полностью отсоединил патрубок, взял один конец себе в рот, похожий на римскую цифру «пять», и дунул. Хоть бы капля появилась на другом конце патрубка. Движенечка закрыл голубые глазища и снова надул щеки. Его зеленоватое лицо сделалось темно-оливковым, но без толку. Он постучал медным патрубком о капот и еще раз дунул. Никакого результата.

Лопушок покопался в кожаной суме, прицепленной к поясу на дородном брюхе. Большим и указательным пальцами выудил оттуда голубенькую букашку. И аккуратно затолкал букашку в патрубок. Через пять секунд из другого конца патрубка на дорогу выпал красный жучок. А следом, хищно шевеля жвалами, явилась и голубенькая букашка. Лопушок проворно расквасил красного жука пяткой сандалии.

— То-то и вот! — сказал Лопушок. — Спиртосос! Обитатель, живет в банке и насасывается, накачивается вольно и невозбранно. Экстрагирует углеводороды. Плещется, плавает в чудесном море спирта. Вот это жизнь! Но иногда он делается, становится слишком предприимчив, деятелен, пробирается, проникает в отстойник, ест, прогрызает фильтр, заползает, забивается в шланг. Смотрите, глядите! Движенечка как раз заменяет фильтр, вкладывает новый. Один-два-три миг, и мы будем, станем в путь на дорога.

И дохнул прямо Хэлу в лицо чем-то непонятным и тошнотворным. «Уж не спиртного ли хлебнул?» — дивясь, подумал Хэл, которому в жизни не доводилось чуять запах перегара из чьих-либо уст, так что где уж тут разобраться? Но даже мысль о спиртном заставила вздрогнуть. Если АХ дознается, с чем бутыль перекатывается под задним сиденьем, Хэлу несдобровать.

Лопушок с Движенечкой вскарабкались на сиденье.

— Отбываем и едем, — сказал Лопушок.

— Слушай, люба моя, — негромко сказал Порнсен. — А не поменяться ли тебе местами с жучей?

— Если вы предложите это, жуча подумает, что вы не доверяете своему брату-землянину, — ответил Хэл. — Он решит, что вы считаете жуч высшими существами по отношению к собственным собратьям. Неужели вы этого хотите?

Порнсен покашлял, тем временем явно обдумывая услышанное, и буркнул:

— Вот уж нет. Избави Сигмен! Забочусь исключительно о твоем добром здравии. Ты весь день эту таратайку обхаживал, так что, полагаю, устал. На вид простое дело, а далеко ли до беды?

— Благодарю за любовь, — ответил Хэл. Ухмыльнулся и добавил: — Как приятно знать, что вы за меня горой и всегда готовы отвратить злое псевдобудущее.

— Я клялся на «Талмуде Запада» неизменно направлять тебя в этой жизни, — отозвался Порнсен.

Отрезвленный упоминанием о священной книге, Хэл тронул колесницу с места. Сначала вел ее медленно, чтобы не досадить АХ'у. Но минут через пять нога на педали газа сама собой отяжелела, придорожные деревья замелькали. Хэл украдкой покосился на Порнсена. АХ сидел прямо, сжав зубы, и явно обдумывал рапорт, который подаст по команде, возвратясь на «Гавриил». Сатанеет. Того и гляди, потребует своего «питомца» к ответу. На детекторе.

Хэл Ярроу всей грудью вдыхал ветер, бьющий в маску. На ВМ Порнсена! На ВМ детектор! Кровь кипела в жилах. Воздух этой планеты — это вам не затхлый воздух Земли! Легкие пили его со счастливым стоном. Впору послать подальше самого верховного уриелита!

— Поберегись! — взвизгнул Порнсен.

Уголком глаза успел приметить Хэл похожего на антилопу зверя, который одним прыжком вынесся из лесу на дорогу прямо под правый бок колеснице. Крутанул баранку, чтобы колесница ушла влево. А ту занесло по влажному грунту, разворачивая кормой вперед. Хэл не был тверд в основах вождения, не знал, что укротить занос можно только разворотом в ту же сторону.

Его неграмотность оказалась роковой только для животного, сшибленного правым бортом колесницы. Длинные рога зацепились за куртку Порнсена и распороли тому правый рукав.

Ударом о массивное тело антилопы занос прекратило. Но колесницу на полном ходу вынесло поперек полотна на земляной придорожный валик. На валике подбросило, и, пролетев несколько метров, колесница плюхнулась разом на все четыре надувных шины. Шарах! — лопнули все четыре.

Плюхнулись и рванулись вперед. Перед Хэлом, как из-под земли, возник здоровенный куст. Хэл еще раз крутанул баранку. Поздно!

Его бросило грудью на баранку так, что рулевую колонку чуть не сложило под щиток управления. Сзади на спину навалило Лопушка — от двойной тяжести ребра хрустнули. Оба вскрикнули. Лопушка отшвырнуло назад.

Оглушительно зашипело, стихло, и воцарилась тишина. Над разбитым радиатором сквозь ветки, грубо и колюче упершиеся Хэлу в щеки, взвился столб пара.

Сквозь клубящийся пар Хэл Ярроу увидел круглые от страха карие глаза. Затряс головой. Откуда глаза? И подобные ветвям руки. Или ветви, подобные рукам? Мелькнуло: сейчас схватит его кареглазая нимфа. Или дриада, кажется, их звали «дриадами». И не у кого спросить. Никаких «нимф» и «дриад» нигде не изучали. Не предусмотрено. Их повычеркивали изо всех книг, включая «Истинного Мильтона».

Только по праву лингвиста Хэл прочел «Потерянный рай» без изъятий и усвоил начатки греческой мифологии.

Мысли вспыхивали и гасли, как огоньки на панели управления звездолетом. Нимфы, убегая от преследователей, превращались в деверья. Уж не одна ли из этих сказочных женщин глянула на него прекрасными очами сквозь побеги, которые — вот они — никуда не делись?

Он зажмурился, гадая: а вдруг привиделось от ранения в голову, и, если так, то видение не вдруг исчезнет. С такими жаль расставаться — плевать, истинны они или нет.

Открыл глаза. Видение исчезло.

«Это та антилопа глядела, — подумал он. — Увернулась, забежала за куст и глянула. Это ее глаза. А мое темное начало нарисовало вокруг них голову, длинные черные кудри, нежную белую шею и пышную грудь... Нет! Антиистинно! Это мой зараженный разум от потрясения мгновенно открылся тому, что в нем гноилось, копошилось все это время на корабле, где не то что живых женщин — даже изображений на магнитозаписи...»

И подавился рвотой, вмиг забыв о глазах. Отвратительное зловоние ударило в ноздри. «Жучи вусмерть перепугались», — мелькнула догадка. У них в таких случаях непроизвольно срабатывает сфинктер, перекрывающий «пугпузырь». Этот орган, расположенный сзади ниже поясницы, служил неразумным предкам членистоногих оздвийцев мощным оборонительным оружием. Примерно такое же использует на Земле жук-бомбардир. Теперь этот почти рудиментарный орган служит лишь для разрядки сильнейшего нервного напряжения. На славу срабатывает «пугпузырь», но не без закавыки. Например, жучам-психиатрам приходится носить противогазы или работать при широко открытых окнах...

Кеоки Эмайель Порнсен с помощью Движенечки выкарабкался из-под куста, куда его вышвырнуло. Торчащее брюхо, лазоревый мундир с белыми нейлоновыми крыльями, притороченными к спине кителя, делали его похожим на жирного голубого жука. Порнсен выпрямился, сдернул маску. В лице — ни кровинки. Трясущимися пальцами завозил по скрещенным песочным часам и мечу, эмблеме Союза ВВЗ на груди. Наконец нашарил нужный клапан. Раздернул магнитную застежку, вытащил пачку «Серафимских». Зажал сигаретину в зубах, но никак не мог примериться к трясущемуся концу зажигалкой.

Хэл поднес к кончику сигареты Порнсена головку своей зажигалки. Уверенной рукой.

Тридцать с лишним лет выучки позволили глубоко скрыть усмешку, просившуюся на губы.

Порнсен принял услугу. Но секундой позже губы у него задергались и стало ясно: он понял, насколько потерял перевес над Ярроу.

Нельзя было вперед позволять этому типу выставляться с услугами, даже по таким мелочам — надо было с ходу рубануть семихвосткой. Порнсен учуял это. И все же произнес, как положено:

— Хэл Шэмшайель Ярроу...

— Буверняк, авва, слушаю и повинуюсь, — как положено, ответил и Хэл.

— Сию же минуту объясни мне, что произошло.

Удивился Хэл. Голос у Порнсена оказался много мягче, чем ожидалось. Однако расслабляться нельзя. Вдруг Порнсен решил подстеречь и ударить врасплох, когда Хэл душевно будет не готов к нападению.

— Я — или, вернее сказать, Обратник во мне — отклонился от истиннизма. Я, то есть мое темное начало, с умыслом ускорило псевдобудущее.

— Неужели? — сказал Порнсен спокойно, но не без злости. — Значит, говоришь, твое темное начало, Обратник в тебе все это натворил? С тех пор, как ты говорить научился, только это я от тебя и слышу. До каких пор ты будешь кивать на других? Ведь знаешь, по крайней мере, обязан знать после того, как тебя вот этой самой рукой столько раз пороли, что в ответе всегда ты и только ты один. Когда тебя учили, что отклоняться от истиннизма тебя побуждает твое темное начало, тебя еще учили и тому, что Обратник ничего не добьется до тех пор, пока ты, твое истинное начало, Хэл Ярроу, не вступит с ним в тайный сговор.

— Насчет этого буверняк, мой возлюбленный АХ, как всегда и повсюду буверняк левая рука Впередника, — ответил Хэл. — Вы только одну малюсенькую подробность из виду упускаете.

От злости у него в голосе хватало поспорить со злостью в Порнсеновом.

— Что за намеки? — взвизгнул Порнсен.

— А такие намеки, что вы тоже при том присутствовали. И, значит, виноваты не меньше моего, — торжествующе объявил Хэл.

Порнсен заморгал. И заскулил:

— Но... но ведь ты же вел эту пакость колесатую!

— А без разницы, как вы сами мне всегда говорили, — ответил Хэл, самоуверенно ухмыляясь. — Вы согласились участвовать в столкновении. Если бы не согласились, мы зверюгу не задели бы.

Порнсен помолчал, пыхнул сигаретой. Рука у него ходуном ходила. Пальцы перебирали семь кожаных хвостов плети, пристегнутой к поясу, и Хэл глаз не спускал с этой руки.

— Достойна сожаления гордыня твоя, прискорбно самоуправство, которое так и лезет из тебя при каждом удобном случае. Именно этим изъянам нет места во Вселенной, как являет ее человечеству Впередник, да будет вовек истинно его имя, — завел Порнсен, пыхнул сигаретиной и продолжил: — Две дюжины мужиков и баб отправил я на

ВМ, да простит им Впередник, если возможно! Не по мне это было, поскольку любил я их всем сердцем, всеми началами. Рыдая, закладывал я их святой иерархии, потому что сердце у меня любящее и нежное, — пыхнул он сигаретиной. — Но то был мой долг, долг ангела-хранителя — корчевать отвратную заразу в особи, не дать ей разрастись и пожрать тех, кто ступает вослед Сигмену. Антиистиннизм терпим быть не может. Особь слаба и хрупка, выставлять ее на соблазны нельзя.

Еще одна затяжка, вздох и продолжение.

— Я твой АХ с самого дня твоего рождения. Как уродился ты непокорен, так и остался. Но в послушании и раскаянии мог быть возлюблен, и любовь моя тебя не оставила.

Мурашки пошли по спине у Хэла при виде того, как рука Порнсена обхватила рукоять орудия любви, пристегнутого к поясу.

— Тебе еще восемнадцати не было, когда ты отклонился от истиннизма и проявил слабость по отношению к псевдобудущему. То было, когда ты вздумал стать ШПАГ'ом, а не узкопрофильным. Я тебя предупреждал: «Будешь ты у людей сбоку-припеку, если полезешь в ШПАГ'и». Но ты стоял на своем. Поскольку в ШПАГ'ах есть нужда, поскольку начальство решило иначе и я уступил, и заделался ты в ШПАГ'и.

Еще затяжка.

— Чуял я, что-то тут не буверняк. Но когда я подобрал тебе бабу, в самый раз тебе в жены, — это мой долг и право, ибо кто, как не любящий АХ, знает, что за баба тебе под пару? — открылась мне подлинная бездна твоей гордыни и закоснелого антиистиннизма. Ты спорил, ты возражал. Ты через мою голову и обженился. Год антиистинного поведения, который обошелся Госуцерквству в живое существо, ему тобою недоданное...

Хэл побледнел, и стали видны семь красных отметинок лучами от левого уголка губ через всю щеку до уха.

— Не имеете права так говорить, — хрипло сказал он. — Мы с Мэри десять лет были женаты, и все равно детей не было. Пробы показали, что ни она, ни я не бесплодны. Значит, кто-то из нас или оба мысленно воздерживались. Я подал на развод, хоть и знал, что могу заработать ВМ, если докажут на меня. Почему не поддержали мое заявление? Ваш долг был поддержать, а вы под сукно бумагу сунули.

Порнсен небрежно выдохнул дымок, но правое плечо у него стало ниже левого, словно шмат правого бока выхватило. По опыту Ярроу знал: это означает, что Порнсену нечем крыть.

— Когда я увидел тебя на борту «Гавриила», — продолжил Порнсен, — я ни секунды не думал, что ты там из желания послужить Госцерквству. Я сразу же заподозрил причину. А теперь я в мыслях абсолютнейший буверняк, что ты сюда пошел из подлого желания

сбежать от собственной жены. Поскольку бесплодие, прелюбодеяние и межзвездное странствие одни являются законными основаниями для развода, причем прелюбодеяние означает ВМ, ты сыскал единственный доступный выход. Ты примазался к личному составу «Гавриила» и сделался мертв по закону. Ты...

— Кому другому про законы говорить, да не вам! — крикнул Хэл. Его трясло от бешенства и ненависти к самому себе за то, что не может скрыть свои чувства. — Сами знаете, что поступили против закона, когда моему заявлению не дали ходу. Сами заставили живым на небо лезть, а...

— Вот так я и думал! — сказал Порнсен, оскалился, пыхнул сигаретиной. — А отклонил я твое заявление, потому что признал его антиистинным. У меня, видишь ли, мысленное предначертание было, очень ясное, живое, и видел я Мэри, как она несет на руках твое дитя не позже, чем года через два. Не антиистинное предначертание, а со всеми признаками ниспосланного самим Впередником. Мне дана была весть, что твое желание развестись есть уклон в псевдобудущее. Дана была весть, что истинное будущее в руках у меня, и только руководя тобою, я смогу сделать его истинным. Я записал это предназначение на следующее же утро, и было это неделю спустя после получения твоего заявления, и...

— О! Сами признаетесь, что попались на удочку Обратника, и нечего на Впередника кивать! — крикнул Хэл. — Порнсен, я обязан представить рапорт об этом! Сами себя выдали с головой, так и получите по заслугам!

Порнсен побледнел. Сигаретина выпала из губ на землю, челюсти заходили от страха.

— Что ты порешь? Что порешь?

— Говорите, видели мое дитя на исходе двух лет, а меня нет на Земле ого-го сколько, и отцом ему я быть не могу. Значит, то, что вам предначерталось, вовсе не было истинное будущее. Значит, вы дали себя обмануть Обратнику. Чуете, что это значит? Вы же кандидат на ВМ!

АХ мигом перестал кособочиться. Правой рукой накрыл рукоять семихвостки с крестом-анком на конце, отстегнул ее от пояса. Плеть свистнула перед самым носом Хэла.

— Видал? — пронзительно крикнул Порнсен. — Семь хвостов! По одному на каждый смертный антиистиннизм! Мало ты их пробовал, попробуешь еще!

— Заткнись! — гаркнул Хэл.

У Порнсена челюсть отвисла.

— Да как ты смеешь! Я твой возлюбленный АХ... — заскулил он.

— Сказано тебе заткнись! — повторил Хэл не так громко, но так же резко. — Остоебенил мне твой скулеж! За всю жизнь вот так остоебенил!

Но даже эти речи не помешали примечать, как бредет в их сторону Лопушок. А за спиной Лопушка — лежит на дороге мертвая антилопа.

«Так она погибла! — молнией пронеслась мысль. — А я-то думал, увернулась! Глаза-то сквозь куст смотрели, я думал, ее глаза. А она погибла. Так чьи же глаза тогда смотрели?»

Голос Порнсена вернул Хэла к действительности.

— Сынок, мы, по-моему, говорили во гневе, а не по злому умыслу. Простим друг другу и ничего не скажем аззитам, когда вернемся на корабль.

— Если ты буверняк, то и я буверняк, — сказал Хэл.

И изумился, завидя слезы, стоящие в глазах Порнсена. И еще больше изумился, чуть не онемел, когда Порнсен вознамерился взять его под руку.

— Ах, сынок, если бы ты только знал, как я тебя люблю, как мне больно, когда приходится тебя наказывать!

— Верится с трудом, — сказал Хэл, отвернулся и зашагал навстречу Лопушку.

А в нечеловеческих круглых глазищах Лопушка тоже дрожали слезы. Но по иному поводу. Он был потрясен аварией и гибелью несчастного зверя. Однако с каждым шагом навстречу Хэлу его лицо прояснялось, и от слез не осталось и следа. Указательным пальцем правой руки Лопушок сотворил над собой знак круга.

Хэл уже знал, что это религиозный знак, которым жучи пользуются по любому поводу. Похоже, Лопушок на этот раз с его помощью снял с себя нервное напряжение. И тут же заулыбался отвратной усмешечкой жуков-кикимор. Раз-два — и у него уже великолепное настроение. Сверхподвижная нервная система, только и всего. Перемены даются легче легкого.

Лопушок остановился и спросил:

— Что, господа, дисгармония личностей? Несогласие, диспут, спор?

— Нет, — ответил Хэл. — Просто чересчур понервничали. Скажите, далеко ли до развалин? И передайте Движенечке: мне очень жаль, что колесница разбилась.

— Ах, не вешайте черепа, то есть головы! Движенечка готов построить, соорудить, изготовить новый и еще лучший самокат. Что относится, что касается, что имеется в виду, когда речь идет, заходит, ведется о пешем странствии, оно станет и будет приятно и полезно для душевного состояния. Всего-о... километр, да? Или немного больше, немного меньше, чем километр.

Хэл снял очки и маску и по примеру жучей бросил на сиденье колесницы. Подхватил свой чемоданчик из багажника позади заднего сиденья. А чемоданчик АХ'а оставил. Не без чувства вины, поскольку был приучен к роли Порнсенова «питомца», всегда и во всем готового услужить «опекуну».

— Пошел он на ВМ! — пробормотал Хэл и обратился к Лопушку. — Не боитесь, что машину обокрадут?

— Обо... что? — переспросил Лопушок в восторге от неслыханного прежде слова. — Что значит «обокра-дут»?

— Сделают предмет собственности одного лица предметом собственности другого без ведома и разрешения первого. Это деяние рассматривается законом как преступление.

— Пресс-тупление?

Хэл махнул рукой и зашагал по дороге. АХ, рассерженный полученным отпором и открытым несоблюдением этикета со стороны «питомца», который вынуждает «опекуна» волочь собственный чемодан, крикнул вслед:

— Эй, ШПАГ, а не много ли на себя берешь?

Хэл даже не обернулся, только еще резвее зашагал по дороге. Крутая, по словечку подобранная отповедь, уже готовая сорваться с языка, вдруг сам собой рассыпалась в пепел: уголком глаза приметил Хэл сквозь зеленую листву будто блик белой кожи.

Всего лишь блик, мелькнуло — и нет. Словно белоперое птичье крыло прянуло. Может, и впрямь птица? Так ведь нет же птиц на Оздве, нет и никогда не было.

Глава 7

— Шье Ярроу, шье Ярроу, Уовеву, шье Ярроу.

Хэл проснулся. Не вдруг сообразил, где находится. По мере того, как ширились пределы яви, осознал, что находится в одной из мраморных комнат посреди вымершего города. Сквозь арочный дверной проем лился лунный свет, более яркий, чем на Земле. Он сиял на каком-то комочке, прилепившемся снизу к арке. И вдруг взблеснул на каком-то насекомом, пролетевшем под комочком. Вниз стрельнуло что-то длинное, тонкое, как падучая звезда, угодило в летуна и втянуло во внезапно открывшуюся черную пасть.

Это, не подпуская летучих паразитов, истово трудилась ящерица, которую одолжили землянам здешние смотрители-археологи.

Хэл повернул голову и глянул в окно в полуметре над собой. Там еще один мошколов деловито очищал проем от комарья, норовящего пробраться внутрь.

Зов вроде бы прозвучал из-за этого мерцающего лунным светом аквариума. Хэл навострил уши, словно понуждая тишину снова подать голос. Но тишина от этого разразилась раскатистой хриплой трелью и могучим сопением прямо за спиной у Хэла, отчего его, беднягу, подбросило и на лету перевернуло. В дверном проеме замерла тварь размером с енота. Это было одно из квазинасекомых, так называемый жук-мешочник, ведущий ночной образ жизни. Таких членистоногих на

Земле не знали. Его ткани получали кислород не через трахеи и систему дыхательных трубок, как у двоюродных братьев с Земли. У него в задней части головного отдела имелась пара эластичных мешков, как у лягушек. Раздуваясь и опадая, мешки производили сопящий звук.

Вид у жука-мешочника был точь-в-точь как у свирепого богомола, но Лопушок предупредил, что эти существа неопасны. И поэтому Хэл не почувствовал страха.

Ударил пронзительный, дребезжащий звон. Порнсен, мирно спавший у противоположной стены, вскочил и сел на раскладушке. Завидя насекомое, истошно взвизгнул. Жука-мешочника как ветром сдуло. И звон, исходивший от браслетки на запястье Порнсена, тут же оборвался.

Порнсен рухнул на раскладушку. И простонал:

— В шестой раз меня будит, свистун окаянный!

— Выключили бы браслетку, — буркнул Хэл.

— Нельзя. Я засну, а ты тайком шмыг из комнаты и выплеснешь семя на землю, — ответил Порнсен.

— Не имеете права мне такой антиистиннизм приписывать, — отозвался Хэл. Но отозвался без злости, по заученной привычке. Потому что думал о шепоте, от которого проснулся.

— Как Впередник говорит? Всяк не без упрека, — пробормотал Порнсен. Вздохнул и, проваливаясь в сон, зачастил: — Интересно, а вправду ли... сам Впередник будто бы здесь... наблюдает... он же предсказал... а-а-ах-у-у...

Хэл сел, спустил ноги на пол и замер, дожидаясь, покуда Порнсен не начнет посапывать спокойно и мерно. Клюнул носом, веки смыкались. Наверняка этот нежный шепоток, эти слова, ни земные, ни оздвийские, причудились в мысленном предначертании. Уж не иначе. Человеческий был шепот, а из «хомо сапиенс» на две сотни миль в любую сторону единственные особи — он да АХ.

Но ведь шепоток был женский! Сигмен великий! Женский голос. Не Мэри. Не то что голоса Мэри — имени ее вовек больше не слышать бы! Единственной женщины, которая вообще — ну, пора уж храбрости набраться и сказать эти слова! — с ним спала. Прискорбная, отвратная, унизительная пытка. Но разве отнято желание — хоть бы не было здесь Впередника мысли Хэловы читать! — встретить другую женщину, женщину, способную дать подлинный восторг, а не приевшуюся пустоту от излияния семени, помоги Впередник!

— Шье Ярроу! Уоveву. Сэ мва. Ж'нет Кастинья'. К'гаде охвнетк.

Хэл медленно встал с раскладушки. Затылок похолодел. Шепот доносился из-за окна. Глянул — в хрустальном коробе из лунного света, каким явилось окно, заключено было изображение женской головы. И вдруг словно обрушился светлый короб водопадом. Струи лун-

ного света хлынули по лилейным плечам. Голова кивнула, белизна пальца пересекла черноту губ.

— Бук уомук ту бо жук. Э'уте'х. Сииланс. Уене'х. Уит, сильуупфлэ.

Одеревеневший, но покорный, будто напичканный гипнотиком, Хэл мелкими шажками двинулся к дверному проему. Но не то чтобы уж вовсе без памяти — с оглядкой, спит ли Порнсен, как прежде спал.

Чуть не одолел заученный рефлекс: был порыв разбудить АХ'а. Даже рука потянулась, но Хэл удержал руку. Чей шанс? Его шанс, Хэла. Торопливость и страх в голосе женщины подсказали, что та в нужде и отчаянии. И зовет она именно его, а не какого-то Порнсена.

А что сказал бы, что сделал бы Порнсен, узнай он, что тут, за стенкой, совсем рядышком, находится женщина?

Женщина? Да не может здесь быть никаких женщин!

Но что-то знакомое было в самом звуке ее слов. Странное чувство — будто бы он знает этот язык. Должен знать. И все же не знает.

Замер на месте. Соображать же надо! Если Порнсен проснется и глянет, на месте ли «возлюбленный питомец», то... Вернулся к раскладушке, подхватил с пола чемоданчик, сунул под простыню, которую дали археологи. Сунул туда же куртку. Воротник свернул комком на подушке. Только в великом сонном беспамятстве мог бы Порнсен принять этот темный ком на подушке и чемоданишко под простыней за спящего Хэла.

Босиком, бесшумно двинулся к дверному проему. Посреди него на полу стояла статуэтка архангела Гавриила высотой сантиметров в восемьдесят, крылья полураспущены, меч в деснице высоко поднят над головой.

Стоит чему-нибудь покрупнее мыши оказаться в полуметре от статуэтки, это почует излучаемое ею поле, и на серебряный брáслет вокруг запястья Порнсена пойдет сигнал. И поднимется трезвон — как это уже было, когда явился жук-мешочник, — и вскочит Порнсен, как бы крепко ни спал.

И не только в расчете на непрошеных гостей поставлена была статуэтка. Верное средство не дозволить Хэлу выйти наружу без ведома АХ'а. Не отель, удобств при спальнях здесь нет, так что единственной причиной для выхода могла быть только малая или большая нужда. Ну что ж, проводил бы Порнсен, присмотрел бы, чтобы Хэл этим делом и ограничился.

Осмотревшись, Хэл подхватил мухобойку. У нее была метровой длины рукоять из какого-то гибкого дерева. Стараясь, чтобы рука не дрожала, Хэл плавно оттолкнул статуэтку вбок концом рукояти. Осторожненько, чтобы не перевернулась, а то падение мигом включило бы сигнал тревоги. К счастью, здесь с пола был убран накопившийся за века мусор. И сам пол был гладкий, отполированный тысячами ног.

Выбравшись наружу, Хэл аккуратно подвинул статуэтку на место. Сердце билось — как шальное — и от возни со статуэткой, и от предстоящей встречи с незнакомкой. Он шагнул за угол.

И увидел, что женщина метнулась от окна в тень статуи коленопреклонной богини, метрах в сорока в стороне. Направился к ней и тут увидел, почему она спряталась. Навстречу ковылял Лопушок. Хэл ускорил шаг. Надо было перехватить жучу, прежде чем тот заметит женщину и прежде чем подойдет так близко, что их голоса потревожат сон Порнсена.

— Шолом, алоха, добрых мысленных предначертаний, да возлюбит вас Сигмен! — сказал Лопушок. — Вид у вас тревожный, обеспокоенный, нервный. Это из-за вчерашней аварии?

— Нет. Просто не спится. И охота полюбоваться этими руинами при лунном свете.

— Они великолепны, прекрасны, загадочны и немного печальны, — сказал Лопушок. — Рождают, навевают мысли о многих поколениях, которые жили, обитали здесь. Они рождались, играли, смеялись, плакали, страдали, давали рождение следующему и умирали. Все скончались, все умерли, все миновали, все обратились в прах. Ах, Хэл, от этого на глазах у меня слезы, а в мыслях предчувствие собственной доли.

Лопушок извлек из сумы носовой платок и шумно прочистил нос.

Ну и видок! И все же как человечно — хоть и не во всем — выглядело это чудище, этот уроженец Оздвы. Оздва. Неспецу не понять, что за слово такое, а у этого слова своя история. Какая? А такая: первооткрыватель планеты, впервые завидя туземца, говорят, воскликнул: «Это же Оз-2!»

Оно и впрямь. Аборигены напоминали профессора Жука Кикимору из книги Фрэнка Баума. Дородные округлые тела и непропорционально тонкие члены. Рты, похожие на две римские пятерки, вложенные одна в другую. Губы, толстые, дольчатые. По правде говоря, у жука-кикиморы четыре губы, каждое плечико обеих «пятерок» в месте соединения отделяется глубокой прорезью. Много стадий тому назад по пути эволюции эти губы были ногочелюстями. Модифицировались, превратились в рудиментарные органы, стали выглядеть точь-в-точь как лабиальные отделы, даже функционируют так же. Откуда произошли, не догадаешься, сколько ни разглядывай. А уж как засмеется туземец, как их раздвинет, так земляне приседают от страху. Зубов нет, вместо них зазубренные пилы челюстных валиков. А за ними, в задней части ротовой полости, — серый кожаный занавес. По происхождению — надглотка, а теперь рудиментарный верхний язычок. Именно этот орган придает многим оздвийским звукам раскат на основном тоне, который землянам так трудно воспроизвести.

Эпителий у них на лице — отчасти с пигментацией, как у рыжеволосого Хэла. Но где у Хэла краснина, там у жучей зеленоватый

оттенок. В их кровяных тельцах кислород переносят не атомы железа, а атомы меди. Так они говорят. Но дать землянам образцы крови на исследование туземцы все еще отказываются. Хотя и обещают, что в течение ближайших четырех-пяти недель вопрос может быть решен положительно. Как было заявлено, их останавливают религиозные запреты. Если им будут даны твердые гарантии, что земляне не станут употреблять эту кровь в пищу, если будет предложена всесторонняя и четкая проверка исполнения, не исключено удовлетворение запроса пришельцев.

Макнефф подозревал, что это одни отговорки и чистая ложь, но приходилось соглашаться. Не рассказывать же оздийцам, зачем нужны образцы их крови!

Использование меди, а не железа в качестве переносчика кислорода, по идее, означает солидное преимущество землян перед оздвийцами в физической силе. Медь как переносчик менее энергоспособна. Но матушка-природа предусмотрела компенсирующие механизмы. У Лопушка два сердца, темп их работы выше, чем, скажем, у Хэла, так что суммарный кровообмен оказывается интенсивнее, чем у землян.

И тем не менее чемпион-марафонец этой планеты явно не поспеет за чемпионом-землянином.

Хэл раздобыл книгу по проблемам здешней теории эволюции. Но прочесть ее толком еще не мог, приходилось удовлетворяться рассматриванием картинок. Правда, жуча кое-какие из них растолковывал.

Хэл находил Лопушковы резоны невероятными.

— Вы говорите, что млекопитающие произошли от морских червей. Но это же неверно! Мы знаем, что первыми на сушу вышли земноводные. Их плавники развились в конечности. Постепенно они потеряли способность извлекать кислород, растворенный в морской воде. Они дали начало пресмыкающимся, от пресмыкающихся пошли примитивные млекопитающие, сначала насекомые, потом полуобезьяны, обезьяны, разумные прямоходящие и — в конце концов — современный человек!

— Ах вот как, — невозмутимо отвечал Лопушок. — Не спорю, не возражаю, все в точности так и было, как вы говорите, молвите. Но на Земле. А здесь эволюция шла, развивалась по другому пути. Имелось три древнейших рода «се'ба'такуфу», то есть «червематок» с разными составами крови. У одних переносчиком кислорода служил атом железа, у других — атом меди, а у третьих — атом ванадия. Первые имели естественное преимущество перед двумя другими, но по некоторым причинам господствовали только здесь, на южном материке, а не на северном. Есть свидетельства, что эти первые расщепились на две линии, обе привели к хордовым, но только одна — к млекопитающим. Но у червематок всех трех родов были плавники, которые развились в конечности. И...

— Но эволюция не могла идти таким путем! — перебивал Хэл. — Ваши ученые совершают серьезнейшую, прискорбнейшую ошибку! Правда, ваша палеонтология находится в самом начале пути, ей едва исполнилось сто лет.

— Вы геоцентрист, — сокрушался Лопушок. — Убогий геоцентрист. У вас малокровное воображение. Ваша мысль следует по раз-навсегда проторенному пути. Вы не хотите принять в расчет, что во Вселенной возможны миллиарды пригодных для жизни планет, причем на каждой эволюции открыт свой, пусть иногда схожий с вашим, а иногда совершенно отличный путь. Великая богиня экспериментирует. Ей скучно было бы воспроизводить одно и то же одним и тем же способом. Как и вам, не так ли?

Хэл был убежден, что жучи ошибаются. Увы, им, кажется, не дожить до просвещения от высшей и старшей науки земного Союза ВВЗ...

Лопушок вышел на ночную прогулку без шапочки с двумя бутафорскими длинными сяжками, символом его принадлежности к клану Кузнечиков. С одной стороны, это как бы уменьшало его сходство с профессором Жуком Кикиморой, но, с другой стороны, лысое предтемя и жесткий крученый белый вихор на затемени как бы увеличивали подобие. А еще больше усиливал подобие потешно длинный нос без переносицы, торчащий вперед. В его хряще были укрыты два сяжка, органы обоняния Лопушка.

Восклицание того землянина при первом взгляде на оздвийца было вполне оправдано, если в действительности было произнесено. А вот это-то и сомнительно. Во-первых, потому, что на жаргоне космонавтов словом «Оз-2» называли Землю-матушку. И, во-вторых, потому, что, даже подумай так тот мужик из первой экспедиции, он скорее подавился бы этим словечком. Книги о Стране Оз в Союзе ВВЗ были под запретом, и само это название можно было узнать и запомнить, лишь читая то, что случайно куплено у подпольного книгоноши. Может, так оно и было. А как иначе объяснишь? А как еще тому космачику, что рассказал об этой легенде Хэлу, дознаться было, что есть на свете такое название — «Страна Оз»? Сочинителю этой истории начхать было, додумаются или не додумаются власти, что он почитывает запретные книжки. Добрая или худая, а такая уж за космачиками слава, что им море по колено и Госуцерквство не указ, чуть они за порог родной планеты...

Только тут Хэл обратил внимание, насчет чего любопытствует Лопушок.

— Господин Порнсен, когда он сердится, гневается, ярится, называет, именует вас ШПАГ'ом. Что значит, что подразумевает это слово?

— Так называют человека, который, не будучи специалистом ни в одной из наук, ориентируется во многих. В сущности, это официальное

лицо, через которое осуществляется связь между различными учеными и правительственными инстанциями. Мне вверяется суммирование и обобщение текущей научной информации и предоставление ее властям, — сказал Хэл.

И украдкой глянул на статую.

Женщины не было видно.

— Наука настолько разобщена, — продолжал он, — что вразумительное общение даже между учеными в одной и той же области весьма затруднено. Каждый такой ученый обладает глубочайшими познаниями в своей узкой области. Но по вертикали, а не по горизонтали. Чем больше он знает по своей теме, тем меньше обращает внимание на то, что делают другие в соседних областях. У него нет времени читать всеподавляющий поток научных статей даже отчасти. Дело дошло до того, что один врач лечит насморк в правой ноздре, а по поводу насморка в левой надо обращаться к другому.

Лопушок в ужасе всплеснул руками.

— Но так же наука зайдет в тупик! Понимаю вашу обеспокоенность.

— Что касается врачей, то да, — сказал Хэл, силясь изобразить улыбку. — Но не так уж я беспокоюсь. Никуда не деться, наука сейчас не развивается в геометрической прогрессии, как развивалась когда-то. В мире науки сказываются недостаток времени и недостаток общения. Ученому в его исследованиях не могут помочь открытия в других областях, поскольку он попросту о них не знает.

Из-за пьедестала статуи высунулась голова и тут же скрылась. Хэла бросило в пот.

А Лопушок уже пустился в расспросы по поводу учения Впередника. Хэл помрачнел: приходилось делать вид, что кое-чего не расслышал, не понял, чувствуя себя, как уж на сковородке. Жуча был логичен, не более того, а вот именно логикой Хэл никогда не поверял того, чему учили его уриелиты.

В конце концов он сказал:

— Большинство людей способно перемещаться во времени лишь субъективно, и только Впереднику, его ученику-изменнику Обратнику и жене Обратника дано перемещаться объективно, это бесспорная истина, — вот все, что я могу вам сказать. В том, что это истина, меня убеждают те предвидения, которые сделал Впередник и каждое из которых осуществилось. И...

— Каждое?

— Кроме одного-единственного. Которое тем самым должно быть отнесено к антиистинным, к псевдобудущему, считается хитрой вставкой Обратника в «Талмуд Запада».

— Каким образом вы определяете, что предвидения, которые еще не осуществились, в свою очередь не являются такими же ложными вставками?

— Такой методики у вас нет. Приходится ждать, пока наступит срок осуществления. И тогда...

Лопушок улыбнулся и сказал:

— И тогда, если предвидение не исполнится, вы сделаете вывод, что оно написано и вставлено в текст Обратником?

— До недавнего времени это было так. Но уриелиты вот уже несколько лет разрабатывают метод, который, по их словам, может доказательно подтвердить ложность или истинность предсказаний будущих событий путем внутреннего исследования текста. Когда мы покидали Землю, буквально с часу на час ожидалось, что этот непреложный метод будет открыт. Но прежде возвращения на Землю мы об этом не узнаем.

— Ощущаю и чувствую, что эта беседа вам не по нраву, — сказал Лопушок. — Возможно и вероятно, мы продолжим ее в другой раз. Скажите, что вы думаете о развалинах и руинах?

— Здесь очень интересно. Конечно, в личном плане, поскольку исчезнувший народ относился к млекопитающим, очень похожим на нас, на землян. Мне никак не представить себе, почему они так внезапно и почти полностью погибли. Будь они похожи на нас, а по-видимому, это так и было, им следовало бы процветать.

— Они были разложившимся, сварливым, алчным, кровожадным племенем, склонным к самоистреблению, — сказал Лопушок. — Хотя, без сомнения, среди них было много замечательных личностей. Сомнительно, что они погибли из-за междоусобиц. Точно так же сомнительно, что их погубило эпидемическое заболевание. Возможно, мы когда-нибудь дознаемся, как было дело. А сейчас я устал, утомился и собираюсь отправиться, пойти в постель.

— А мне не спится. Если не возражаете, я поброжу по окрестностям. Эти руины при ярком лунном свете изумительно красивы.

— Они будят в памяти, воскрешают в душе стихи нашего великого поэта Шомера. Если я припомню как следует, если сумею перевести, переложить на американский, я вам их обязательно прочту, продекламирую.

Лопушок зевнул.

— Пойду-ка я, отправляюсь-ка я спать, отдыхать, почивать в объятиях Морфия. Но есть ли, имеется ли у вас снаряжение, вооружение, чтобы защититься, отбиться от невиданных, неведомых тварей, которые рыщут, шастают по ночам?

— Мне разрешено носить нож. Вот тут, за голенищем, — сказал Хэл.

Лопушок порылся у себя в суме и вытащил револьвер. Подал Хэлу и сказал:

— Вот, берите, возьмите. Надеюсь, он вам не пригодится, не понадобится, но кто знает, кто ведает? Мы живем, обитаем в диком, хищном мире, друг мой. Особенно вдали от городов, от поселений.

Хэл с любопытством осмотрел оружие. Такое уже доводилось видеть в Сиддо. Чем-то оно напоминало облегченные автоматы на «Гаврииле», но было в нем очарование неземного. Пожалуй, больше всего оно напоминало древние стальные револьверы Земли. Шестигранный ствол длиной сантиметров в тридцать, диаметром миллиметров в десять. Поворотный барабан на пять латунных патронов со свинцовыми пулями, заряженных черным порохом и снабженных капсюлями ударного действия, скорее всего, начиненными гремучей ртутью. В отличие от земных, у револьвера не было курка. Чтобы боек ударил по донышку гильзы, надо было пальцем освободить боевую пружину.

Хотелось разобраться, каким образом действует механизм поворота барабана при обратном ходе бойка. Но желательно было как можно скорее спровадить Лопушка куда-нибудь подальше.

И все же Хэл не удержался от вопроса, почему сиддийцы не пользуются курком. Вопрос удивил Лопушка. Выслушав объяснения Хэла, Лопушок моргнул круглыми глазищами (зрелище причудливое и поначалу устрашающее, потому что моргал Лопушок нижним веком) и сказал:

— В голову не приходило. Похоже, курок действует лучше и не требует такого усилия от стрелка, как наша механика. Ведь и верно!

— Самоочевидно, — ответил Хэл. — Но я землянин и рассуждаю как землянин. Вы, оздвийцы, не обо всем судите так, как мы, я это заметил и отчасти дивлюсь.

Вернул оружие Лопушку и добавил:

— Сожалею, но принять не могу. Мне запрещено пользоваться огнестрельным оружием.

Лопушок явно удивился. Но не счел своевременным выяснить, как да что. К тому же сон одолевал.

— Замечательно, алоха, приятных снов, да посетит вас Сигмен.

— И вам шалом, — ответил Хэл. Проводил взглядом широкую спину жуча, исчезающую в тени, и охватило теплое чувство к этому существу. При том, что оно было чуждо и не похоже на человека, Хэла влекло к Лопушку.

Он повернулся и зашагал к статуе Великой праматери. Когда вошел в тень, увидел женщину, скользнувшую в темноту у трехъярусной груды камней. Последовал за ней и наконец увидел ее неподалеку, прильнувшую к пьедесталу. За нею был пруд, блиставший при лунном свете червленым серебром.

Их разделяло метров пять, когда женщина произнесла тихим гортанным голосом:

— Босвак, шье Ярроу.

— Босвак, — повторил он, сообразив, что это, должно быть, приветствие на ее языке.

— Босвак, — еще раз сказала она, а затем, очевидным образом переводя это слово на сиддийский, чтобы ему было понятно, произнесла: — Абху'умаигейтси'и.

Что значило приблизительно «добрый вечер».

Хэл так и замер с открытым ртом.

Глава 8

Ну, конечно же! Теперь он понял, почему слова женщины звучали так неопределенно знакомо, почему ритм ее речи так напоминал что-то известное с незапамятных времен. Вспомнилось лингвистическое дознание, которое он вел в крошечной общине последних франкоязычных обитателей заповедника Гудзонова залива.

Босвак. «Босвак» — это же «бон суар»!

Хотя речь женщины, выражаясь языком лингвиста, была вырожденной формой, ее происхождение было очевидно. Босвак! А те слова, которые он слышал из-за окна? «Уовеву»! Это же «левеву», по-французски «встаньте».

«Шье» Ярроу. «Шье» — уж не «мсье» ли это? Начальное «м» отпало, французское «с» перешло во что-то близкое к американскому «ш». Наверняка. В этом выродившемся французском были и другие перемены. Усилилось придыхание. Сместились гласные. Исчезли носовые звуки. Разбрелись согласные. «К» перед гласной перешло в замыкание гортани. «Р» перешло в «к», «п», «ф» сместилось в звук, подобный «х», «л» перед гласной превратилось в «у». Что еще? Должна была произойти трансмутация — смещение смысла слов, должны были возникнуть новые слова взамен старых.

Но тем не менее это был отчетливо различимый французский язык.

— Босвак! — повторил он.

И подумал: «Нашли, что сказать! Встретились два человека в сорока с лишним световых годах от Земли! Мужчина, в своем восприятии год женщин не видавший, и женщина, может быть, одна-единственная на всю планету; она прячется, она себя не помнит от страха. И говорят друг дружке «добрый вечер», и других слов подобрать не могут».

Он шагнул ближе. И бросило в жар от смятения. Чуть было не ударился бежать прочь. Ее белую кожу едва прикрывали две узенькие полоски ткани, одна на груди, другая изображала собой набедренную повязку. Такого он в жизни не видывал, разве что на запрещенных картинках.

И тут он увидел, что губы у нее накрашены. Смятение разом сменилось удушливым приступом страха. Точно такие же алые губки были у злого чудовища, у жены Обратника.

Он с трудом справился с дрожью. Давайте рассудим здраво. Не может быть эта женщина самой Анной Ведминг, не могла она явиться из далекого прошлого на эту планету, чтобы соблазнить его и отвратить от истинной веры. Если бы она была Анной Ведминг, то не говорила бы на выродившемся французском языке. И не явилась бы такой мелкой сошке, как Хэл. Явилась бы верховному уриелиту Макнеффу.

Хэл лихорадочно рассмотрел вопрос о губной помаде с наивозможнейшей всесторонностью. Проповедь Впередника привела к исчезновению косметики. Ни одна женщина больше не смеет... Но это неправда. Косметикой не пользуются только в Союзе ВВЗ. У израильтян, у банту женщины красят губы. Впрочем, всякий знает, что это за женщины.

Он заставил себя сделать еще шаг навстречу и оказался так близко, что рассмотрел: алость губ природная, а не заемная. Гора с плеч свалилась. Нет, это не жена Обратника. Не на Земле рождена. Это оздвийский гоминид. На стенных фресках среди руин множество изображений женщин с алыми губами, и Лопушок говорил, что это у них отроду был такой яркий губной пигмент.

Ответы на один вопрос породили другой. Так почему же она говорит на земном языке, а вернее сказать, на языке, происходящем от земного? Причем от такого, какого на Земле не существует.

И тут всем вопросам пришел конец. Женщина приникла к нему, он обнял ее, неуклюже порываясь успокоить, потому что она рыдала. Рыдала и сыпала словами, понятными лишь с пятого на десятое, хоть каким-то боком и французскими.

Хэл попросил говорить помедленнее. Женщина примолкла, склонила голову на левое плечо, поправила волосы. Поза и жест, как он вскоре убедился, свойственные ей в минуту раздумья.

И начала сначала, тщательно выговаривая слова. Но вскоре опять застрочила, пухлые губы заходили, как два ярко-красных существа, от нее не зависящих, живущих собственной жизнью и следующих собственной цели.

От них нельзя было глаз отвесть.

Пристыженный, он все же с усилием отвел, поискал взглядом ее большие темные глаза, не нашел и успокоился на том, что видит ее лицо вполоборота к себе.

Она рассказывала свою историю, рассказывала бессвязно, повторяясь и возвращаясь к тому, с чего начала. Многих слов он не понял, но смысл уловил по содержанию. Понял, что ее зовут Жанетта Растиньяк. Что она с плоскогорья, расположенного в глубине материка. Что она и три ее сестры, насколько ей известно, последние, кто уцелел в их роду. Что ее изловила научная экспедиция жучей и хотела увести в Сиддо. Что она совершила побег и с тех пор прячется в развалинах и в окрестном лесу. Что ей очень страшно, потому что по ночам в чаще рыщут какие-то ужасные звери. Что она питается ди-

кими плодами и ягодами или тем, что крадет у поселенцев на близких хуторах. Что она увидела Хэла, когда он сбил колесницей антилопу. Да, то, что он принял за глаза антилопы, это были ее глаза.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросил Хэл.

— Я шла следом и следом и слышала, как тебя окликали. Сначала я ничего не могла разобрать. Потом поняла, что ты отзываешься на имя «Хэл Ярроу». Заучить это было проще простого. Ты и твой товарищ, вы очень похожи на моего папу, вы люди, и это я никак не могла понять. Если вы и люди, то не с его планеты, не с Уобопфэйи, потому что говорите не на папином языке. А потом я подумала: «Ну, конечно же! Папа говорил, что его народ прибыл на Уобопфэйи с другой планеты, где много народов. Все правильно, значит, и вы с той планеты, с родины всех людей на свете!»

— Ничего не понимаю, — сказал Хэл. — Ты говоришь, что предки твоего отца здесь, на Оздве, пришельцы. Но об этом нет никаких сведений. Лопушок мне говорил...

— Нет-нет, ты не понял. Мой папа Жан-Жак Растиньяк, сам родился на другой планете, на Уобопфэйи. И прибыл сюда оттуда. Его предки пришли на Уобопфэйи очень издалека, с еще одной планеты, которая вращается вокруг дальней-предальней звезды.

— Так, значит, это были колонисты с Земли. Но об этом нет никаких сведений. По крайней мере, известных мне. Должно быть, они были французы. Но если это так, значит, они покинули Землю и отправились в межзвездное странствие свыше двухсот лет назад. И это были не канадские французы, потому что канадских французов после Апокалиптической битвы осталось совсем мало. Это были французы из Европы. А последний человек, который в Европе говорил по-французски, умер двести пятьдесят лет тому назад. И...

— Странно, неспфа? Я знаю только то, что говорил мне папа. Он говорил, что он и его товарищи с Уобопфэйи отправились на разведку и нашли нашу планету. Они спустились на наш материк, его товарищей поубивало, он встретил мою маму...

— Твою маму? Час от часу не легче, — простонал Хэл.

— Моя мама — здешняя. Ее народ всегда жил здесь. Он этот город построил. Он...

— А твой отец — землянин? И ты рождена от союза с оздвийским гоминидом? Этого не может быть! Хромосомы твоего отца и твоей матери несочетаемы.

— Не знаю я ни про какие хромосомы, — сказал Жанетта дрожащим голосом. — Вот я стою перед тобой, стою или нет? Я существую или нет? Если можешь, скажи, что меня нет на свете.

— Но... но я же не имел в виду... Я имел... то есть я полагал, — Хэл сбился, замолк и уставился на нее, не зная, что сказать. А она всхлипнула. Обхватила его, повисла у него на плечах. Руки у нее были мягкие, груди уперлись ему в ребра.

— Спаси меня, — срывающимся голосом сказала она. — Не могу я здесь больше. Возьми меня с собой. Забери отсюда.

Мысли взвились вихрем. Надо вернуться, прежде чем Порнсен проснется. Завтра он не увидит Жанетту, потому что рано утром придет гичка с корабля и заберет обоих землян. Что делать? И если придумается, что делать, как объяснить это Жанетте сию же минуту, не сходя с места? И вдруг созрел план. Он вырос из другой мысли — мысли, глубоко затаенной в его уме. Мысли, которая зародилась еще до того, как «Гавриил» покинул Землю. Но смелости не хватало додумать эту мысль до конца. И вот явилась эта девушка, именно в ней он нуждается, чтобы вспыхнула решимость ступить на путь, с которого нет возврата.

— Жанетта, слушай! — странно сказал он. — Жди меня здесь каждую ночь. Кто бы ни шастал во тьме, ты должна быть здесь. Не могу сказать когда, позже, чем через три недели. И все равно жди. Жди! Я прилечу. И когда прилечу, всем страхам конец. По крайней мере, на какое-то время. Ты можешь? Можешь прятаться здесь? Можешь ждать?

Она кивнула и сказала на своем «хванцузс'ом»:

— Вви.

Глава 9

Прошло две недели, и он сумел-таки вернуться. Гичка иголочкой проплыла над беломраморным зданием и, снижаясь на посадку, сверкнула при свете полной луны. Безмолвный, белесый, простирался внизу город, четырех- и шестигранники, цилиндры и пирамиды, похожие на кубики, разбросанные малолетним чадушком сверхгигантов, ушедшим спать, да так и не вернувшимся.

Хэл ступил на землю, глянул влево, глянул вправо и быстро зашагал к огромной арке. Обшарил сумрачный проем лучом фонарика, окликнул:

— Жанетта! Сэ мва. Тон ами. У э тю? Жанетта! Это я. Твой друг. Где ты?

И услышал лишь эхо от дальнего свода и стен.

Зашагал вниз по огромной лестнице, ведущей к царским гробницам. Луч заметался по ступеням и внезапно наткнулся на черно-белую женскую фигурку.

— Хэл! — крикнула Жанетта, разглядев, что это он. — Благодарение Великой матери в камне. Я каждую ночь ждала! Я знала, что ты придешь!

На длинных ресницах дрожали слезы; алые губы подрагивали, словно она с великим трудом удерживалась, чтобы не разрыдаться. Он хотел обнять ее, успокоить, но страх пробирал от одного взгляда на

обнаженную женщину. Обнять — невозможно было и думать об этом! И тем не менее только об этом он и думал.

И, будто догадавшись, почему он замер на месте, она устремилась к нему и приникла головой к его груди. Подалась плечами вперед в порыве найти кров. И его руки сами сомкнулись в кольцо. Тело напряглось, кровь забурлила в жилах.

Но он разжал объятия и огляделся.

— Потом поговорим. Время дорого. Идем.

Она молча последовала за ним. Подойдя к гичке, замялась у дверцы. Он жестом поторопил ее подняться на борт и сесть рядом.

— Еще подумаешь, что я трусиха, — сказала она. — Но я в жизни не видела летающей машины. Оторваться от земли...

Он в недоумении воззрился на нее.

Оказалось, трудно понять поведение незнающих, как летают.

— Полезай! — прикрикнул он.

Стараясь слушаться, она вскарабкалась и села в кресло второго пилота. Но не могла сдержать дрожи и робко окинула взглядом огромных карих глаз приборы перед собой и над головой.

Хэл глянул на наручный часофон.

— Десять минут до моей квартиры в городе. Минута, чтобы тебя туда забросить. Полминуты, чтобы вернуться на корабль. Четверть часа на доклад о результатах дня. Полминуты на возврат домой. Всего получаса не наберется. Неплохо.

И громко засмеялся.

— Я был бы здесь еще два дня назад, но пришлось выждать, пока все гички-автоматы разгонят по делу. Тут-то я и сделал вид, что забыл дома записи и должен спешно сгонять за ними. И взял гичку с ручным управлением, на которых ведут полевые исследования. Не будь дежурный офицер в запарке, фиг он мне разрешил бы.

И коснулся пальцем золотого знака на груди в виде еврейской буквы «Л».

— Видала? Это значит, что я один из тех, кто избран. Я детектор прошел.

А Жанетта уж и все свои страхи позабыла. При слабом свете от приборов на панели она подняла взгляд на Хэла. И ахнула:

— Хэл Ярроу, что с тобой сделали?

А Хэл был — краше в гроб кладут: щеки ввалились, одну из них судорогой свело, на другую четкий шрам от семихвостки, под глазами синие круги, на лбу сыпь, как после приступа лихорадки.

— Сумасшедшее дело, всякий скажет, — отозвался Хэл. — Сунул голову в пасть ко льву. Как видишь, не откусили. Кое-кому не по зубам оказался Хэл Ярроу, кое-кому теперь стоматолог нужен.

— Объясни, что случилось.

— Ты слушай. Не удивляет, почему это при мне Порнсена нет, почему это он мне святым духом в затылок не дышит? Не удивляет?

Плохо ты нас знаешь. Есть только один способ получить вид на жительство вне корабля в Сиддо. Так, чтобы АХ не болтался рядом и за каждым шагом не следил. И чтобы тебя не оставить навечно в этих дебрях. Вот этого я уж никак не мог допустить.

Она погладила кончиком пальца складку от носа до уголка губ у него на лице. Обычно он от такого ежился, не выносил чужого прикосновения. А теперь даже не дернулся.

— Хэл, — ласково сказала она. — Мо шек.

В жар бросило. «Милый мой». Ну, а почему бы и нет?

Чтобы не поддаться хмелю от ее прикосновения, одно было средство — говорить без умолку.

— Только один способ был. Добровольно пойти на детектор.

— Уо дете'ток. Что это такое?

— Избавитель от АХ'а. Прошел детектор — значит, чист, значит, вне подозрений. По крайней мере, в теории. Ох, и всполошилось начальство, когда я подал бумагу! Чтобы хоть один ученый добровольно пошел, такое не в заводе. Иное дело — уриелиты или аззиты, у них другого средства пробиться в иерархи нет.

— Уриелиты? Аззиты?

— Ай! Попы да полицаи, так их испокон веку называли. Впередник переименовал. По прозваниям ангелов. В видах государства и церкви. В талмуде выискал. Ясно?

— Нет.

— Потом объясню. Короче, на детектор рвутся одни фанаты. Остальная толпа идет по принуждению. Уриелиты на мой спех не рассчитывали, однако закон есть закон: заявление есть — не допустить нельзя. Да и скучно им, поразвлечься охота. На их манер, на живодерный.

Невеселые воспоминания.

— Подал заявление, и завтра велят мне в 23.00 по корабельному явиться в психушник между спецслужбой и санчастью. Я перед этим заскочил к себе в каюту и достал из шкафчика пузырек с наклейкой «Витамин ясновидения». Порошок. По идее, на пейотле замешан. Гриб такой, наркотик жуткий, им когда-то знахари индейские пользовались.

— Не понимаю.

— А ты слушай. Главное схватишь. Этим «витаминчиком» предварительно пичкают там каждого. «Очищение» называется. На двое суток сажают под замок, жрать не дают, одни молитвы, электроплетка, и с голоду да от этого «витаминчика» всякая дурь мерещится. Как будто ты хронопаломничество совершаешь.

— Не понимаю!

— «Не понимаю», «не понимаю»! Кончай ты эти свои «не понимаю»! Дурология сплошная, времени нет объяснять. Я десять лет бился, чтобы все это по полочкам разложить. И вполовину не разложил. А

спросить нельзя. Еще подумают, я усомнился. Но у меня-то в пузырьке совсем другой «витаминчик». Я его еще перед отлетом с Земли изготовил. Оттого-то так смело и попер на детектор. Оттого-то и не дрейфил до бессознания, как у них задумано. Хоть и обдрожался порядком. Уж поверь.

— Верю. Ты смелый. Ты поборол страх.

От смущения в краску бросило. Впервые в жизни его похвалили.

— За месяц до отлета прочел я в одном журнале из тех, что мне читать положено, статеечку одного химика, как он синтезировал очередной препарат. Противовирусный. От марсианской лихорадки. А под статеечкой внизу — примечаньице. Мелкими буковками по-еврейски. Стало быть, автор понимал, что за мину закладывает.

— Пфук'уа?

— Ах, «пуркуа»? А пуртуа, что написал по-еврейски, чтобы поняли только те, кому следует. О таких вещах вслух не говорят. В том примечании пропечатано, что у пораженных лихорадкой этой самой наблюдался иммунитет к гипнотику. И что потому уриелитам прежде испытаний на детекторе следует убеждаться, что испытуемый не является носителем вируса.

— Мне не уследить за мыслью, — сказала она.

— Могу и помедленнее. Гипнотик еще называют — «сывороткой правды». Я сразу понял, где собака зарыта. В статье-то напрямую говорилось, что марсианскую лихорадку у испытуемых вызывали искусственным путем. Каким именно, не указано было, но в других журналах я быстро сыскал, что за препарат ее вызывает и как с ним обращаются. И подумал: если натуральная лихорадка дает иммунитет к гипнотику, то не даст ли того же и искусственная? Сказано — сделано. Я приготовил дозу, ввел себе препарат, ввел гипнотик и проверил, смогу ли врать тестеру. И вышло, что смог, хоть накачался гипнотиком будь здоров!

— Какой же ты умница! Как отлично придумал! — промурлыкала она.

И потрогала его бицепс. А он напряг руку. Чепуха, конечно, но так хотелось, чтобы его посчитали богатырем.

— Да чушь собачья! — сказал он. — Слепой и то разобрался бы. По правде сказать, не удивился бы, если бы того химика аззиты зацапали и дали указание срочно разработать новую «сыворотку правды». Может, так оно и было, но нас не коснулось. Поздно. Мы уже отбыли... В первые сутки обошлось без треволнений. Зарядили тест на двенадцать часов, сначала письменный, а потом устный. Сериализм. Дуррова теория времени в развитии Сигмена. Не раз проходил. Пустяки, хоть и утомляет. На следующее утро встал пораньше, принял ванну, глотнул своего лжевитаминчика. Пожрать не дали, загнали в камеру. Двое суток провалялся там на койке. Лже-

витаминчик ел и водичкой запивал. Кнопочку нажимал, электроплетку включал. Чем больше себе порки задаешь, тем больше к тебе доверия. Никаких видений мне не было. Лихорадкой перебил. Тут все чистенько. Если усекут, что реакция не та, можно сослаться, что у меня к «витамину ясновидения» нечувствительность. Такое редко, но бывает.

Глянул вниз. Внизу был лес, застывший в лунном свете. Кое-где светлые квадратики или шестиугольнички — огни на хуторах. Впереди забрезжила холмистая гряда, за которой притаился город.

— Так и отвалялся я свои двое суток «очищения», — продолжал Хэл, безотчетно ускоряя речь по мере приближения к городу. — Встал, оделся, церемониальную трапезу мне подали. Мед и акриды.

— Фу!

— А что? Кузнечики как кузнечики, особенно если с детства их жевать привык.

— Ой, кузнечики — это очень вкусно, — ответила она. — Я их столько раз ела. Но с медом! Меня стошнило бы.

Он пожал плечами. И сказал:

— Внимание! Гашу свет. Ложись на пол. Плащ накинь, маску надень. Сойдешь за жучу.

Она послушно соскользнула с сиденья. Потянувшись к выключателю, он глянул вниз. Она наклонилась, расправляя плащ, и стала видна линия ее великолепной груди. Соски были алые, как губы. Отвернулся, но образ так и стоял перед глазами. И проняло до глубины души. Но не от застенчивости, это Хэл при всем том понял. Застенчивость на время куда-то делась.

Не ко времени было, но он продолжил:

— И явился иерарх. Сам сандальфон Макнефф. Со свитой: богословы, дуррологи, психонейтропараллелисты, вмешателисты, подкорковисты, хроноэнтрописты, псевдотемпоралисты, космообсервисты. Посадили меня на стульчик в фокусе модулирующего магнитодетекторного поля. Вогнали дозу гипнотика. Выключили свет, помолились за меня и давай распевать главы из «Талмуда Запада» и «Пересмотренного Святого писания». Один элохимметр светится...

— Эуо-имметк? Что это?

— «Элохим» — по-еврейски «бог». А «метр» — ну, вот эти штучки, — указал он на панель управления. — Только он здоровенный, круглый, стрелка с мою руку, на месте не стоит, туда-сюда мечется. И шкала еврейскими буквами размечена, считается, какой-то смысл за ними есть для тех, кто тест проводит. А все остальные — в этом деле полные тумаки. Но ведь я-то ШПАГ. У меня доступ есть ко всем книгам, в которых этот текст описан.

— И ты знал, как отвечать?

— Конечно. И все это ерунда, потому что гипнотик всю правду вытягивает... Но только не у тех, кто болен марсианской лихорадкой, без разницы, натуральной или искусственной.

Захохотал, но смех вышел лающий, невеселый.

— Под гипнотиком, Жанетта, вся грязь, все, в чем виноват делом или словом, вся ненависть к начальству, все сомнения в правдивости установлений Впередника — все поднимается из подсознания, как мыло со дна грязной ванны. Всплывает скользкое, бессвязное, болтается с налипшей пакостью. А я сижу и на стрелку смотрю. Будто господу-богу в очи смотрю, Жанетта, ты можешь понять или не можешь? — и вру. Не перебрал, ни в коем случае. Чистеньким и правоверным не прикидывался. Признавался в мелких грешках. Чтобы стрелка ходила возле нужных букв. Но по серьезным делам отвечал так, словно жизнь от этого зависит. Поскольку зависит. И свои мысленные предчувствия выкладывал, которых не было, — насчет субъективного хронопаломничества.

— Хко-но?..

— Да. Каждый во времени странствует, но субъективно. А Впередник — объективно. Только он, его первый ученик с женой, да несколько пророков из Писания. Так вот, предначертания мои — это, я скажу тебе, красотища была! Самое то, что они хотели слышать. И под конец я им выдал, что Впередник пожалует на Оздву для личной беседы с сандальфоном Макнеффом. И что произойдет это ровно через год.

— Ой, Хэл, зачем же ты так-то уж? — вздохнула она.

— А затем, ма шер, что теперь экспедиция, как пить дать, отсидит на Оздве целый год. Разве можно упустить шанс узреть Сигмена во плоти, как он странствует во времени, куда душе угодно? Или шанс доказать, что это вранье. Имею в виду, мое. Брехня капитальная, но зато нам с тобой обеспечена отсрочка на год.

— А потом?

— А потом — там видно будет.

Гортанный голос промурлыкал из темноту снизу:

— И все это ты сделал ради меня...

Хэл не ответил. Сосредоточился, чтобы вести гичку на бреющем полете. Справа-слева мелькали громады зданий, разделенные широкими промежутками парковой зелени. С разгону чуть не проскочил похожий на замок дом, где жил Лопушок. Трехэтажный, средневекового вида, с зубчатыми башенками и каменными водостоками в виде голов зверей или насекомых, торчащих из ниш, этот дом стоял в сотне метров от ближайших зданий. Чего-чего, а простора в городах жучей хватало.

Жанетта надела ночную маску с длинным носом; дверца гички распахнулась; они бегом пересекли тротуар и скрылись в доме. Пронеслись через парадную, взбежали на второй этаж и только там по-

медлили, пока Хэл нашаривал в карманах ключ. Замок делал слесарь-жуча, а врезал плотник-жуча. Корабельному плотнику Хэл не доверился, тот мог тайком изготовить дубликаты ключей.

Наконец, ключ нашелся, но теперь никак не лез в скважину. И, сражаясь с замком, Хэл изрядно попыхтел. Когда дверь открылась, чуть не втолкнул Жанетту в прихожую. А Жанетта тем временем сняла маску.

— Постой, Хэл, — сказала она, не поддавшись толчку. — Ты, по-моему, что-то позабыл?

— Ой, Впередник! Что-нибудь важное?

— Нет. Просто я думала, у землян есть обычай переносить невесту через порог на руках. Так мне папа говорил.

Улыбнулась и потупилась.

У Хэла челюсть отпала. Невесту! Ничего себе заявочки!

Но времени на споры не было. Не говоря ни слова, подхватил ее на руки, внес в квартиру. Поставил ногами на пол и сказал:

— Вернусь, как управлюсь. Если кто-то постучится или ломиться начнет, спрячься вот здесь, в тайнике, мне его жуча-плотник в чулане спроворил. И носа оттуда не смей показывать, покуда не убедишься, что это я.

Она с силой обняла его, расцеловала.

— Мо шек, ма гууак, мо эпфус!

Спешить, спешить надо. Не до речей, не до ответных поцелуев. Смутно ощутилась несообразность, неприложимость ее слов к собственной особи. Если не напутал с переводом с изуродованного французского, его назвали «дорогим и доблестным супругом».

Повернувшись на пятке, запер за собой, но все же успел разглядеть при свете лампы в прихожей белое лицо под капюшоном плаща. И алые губы.

Аж все внутри заходило. Нет, Жанетта явно не из тех фригидных спутниц жизни, которыми Госуцерквство так привселюдно восторгается.

Глава 10

А на «Гаврииле» пришлось проторчать целый час, потому что сандальфон возжаждал подробностей насчет пророчества о встрече с Сигменом. Затем надо было надиктовать разведдонесение за день. Только потом вызвал матроса-водителя для доставки гичкой на квартиру. И по пути к причалу нос к носу сошелся с Порнсеном.

— Шалом, авва, — сказал Хэл.

Ухмыльнулся, прошелся костяшками пальцев по «ламеду» на груди.

Правое плечо у АХ'а обвисло ниже, чем обычно, весь он был ни дать ни взять — флаг в момент капитуляции. Уж теперь-то если кому-то кнутиком помахивать, то не ему, а Хэлу.

Хэл выпятил грудь колесом и шагнул было мимо, но Порнсен окликнул:

— Минутку, сынок. Ты в город?

— Буверняк.

— Буверняк. Я с тобой. У меня квартира в том же доме. Этажом выше твоей, как раз напротив Лопушка.

Хэл разинул рот, захлопнул рот. Настал через улыбаться Порнсену. А тот зашагал вперед как ни в чем не бывало. Хэл, поджав губы, двинулся следом. Неужто АХ проследил и засек его с Жанеттой? Нет. Если бы засек, заарестовал бы не сходя с места.

Просто душонка мелкая у АХ'а. Знает, что набрыдло Хэлу на него глядеть, знает, что, торча по соседству, отравит бывшему «питомцу» всю радость безнадзорной свободы.

Чуть не вслух повторил Хэл старую поговорку: «У АХ'а сам бог не отнимет».

Возле гички ждал матрос. Молча сели, молча провалились в ночной мрак.

Сойдя на тротуар у дома, Хэл нарочно зашагал пошире, чтобы войти первым. Слабенькое, а все же доставил себе удовольствие: показал, что прежним порядкам конец, и выразил презрение.

У своей двери приостановился. Порнсен семенил сзади, помалкивал. Мелькнула сатанинская мысль, и Хэл окликнул:

— Авва!

Успевший пройти вперед Порнсен оглянулся.

— Что?

— Не желаете ли заглянуть, убедиться, что я там никаких баб не прячу?

Порнсен побагровел, зажмурился, пошатнулся, зашелся от ярости. А потом вытаращился и в полный голос выложил:

— Слушай, Ярроу! Ты самая антиистинная личность из всех, что я видывал! Мне нету дела, как ты там ладишь с иерархией! У меня свои глаза есть, и этими глазами я вижу: ты в упор не буверняк. Ты оборотень. Прежде был скромненький, послушненький. А теперь ведешь себя, как хам!

Хэл в ответ начал спокойно, а потом не сдержался и тоже во весь голос выдал:

— Не так давно ты мне расписывал, какая я бяка со дня рождения. И вдруг выходит, я пример образцового поведения, один из тех, кто гордость Госуцерквства, уж извини, так говорится. А по-моему, так я всегда был образцового поведения. Это ты был и есть прилипучий, свербучий, вонючий прыщ на жопе Госуцерквства, сорочьи твои мозги, давить бы тебя, пока не лопнешь!

Даже дух захватило. Сердце грохотало, как молот, в ушах шумело, в глазах все плыло.

Порнсен попятился, ручки перед собой выставил.

— Хэл Ярроу, Хэл Ярроу! Возьми себя в руки. Спаси Впередник, до чего же ты меня ненавидишь! А я все эти годы думал, что ты меня любишь, что я твой возлюбленный АХ, а ты мой любимый питомец! А ты меня ненавидел. За что?

Шум в ушах стих, в глазах посветлело.

— Ты что, ты всерьез?

— Еще бы! Я ночей не досыпал! Все, что делал, делал ради тебя. Когда наказывал, сердце разрывалось. Но я заставлял себя, я твердил: это для твоего блага...

Хэл расхохотался. И хохотал, покуда Порнсен не исчез этажом выше, явив напоследок побледневшее лицо.

Обессиленный, дрожащий, Хэл обернулся к своей двери. Вот уж этого он никак не ожидал. До глубины души был уверен: Порнсен им брезгует, монстром считает, выродком упрямым и наслаждается, когда наводит плетью укорот.

Даже головой помотал. Наверняка АХ перепугался, не знает, как теперь оправдываться перед «ламедником».

Отпер, вошел. А в голове только одно звенело: «А все Жанетта, это она придала смелости на такие речи». Без нее он был бы ничто, затравленный зайчонок. А при ней — всего несколько часов хватило, и нашлись силы одолеть многолетнюю свычку по струночке ходить.

Включил свет в прихожей. Сквозь гостиную стала видна закрытая дверь кухни. Оттуда доносится лязг кастрюль. Потянул ноздрями.

Жареное мясо! Вот здорово!

И нахмурился. Сказано же ей было: «До моего прихода прячься!» А если бы это был не он, а если бы это был какой-нибудь жуча или аззит?..

Отворил дверь на кухню — петли взвизгнули. Увидел Жанетту сзади. От жалобного звука несмазанного железа ее винтом подбросило. Лопаточку уронила, ладошкой рот себе зажала.

Сердитые слова на губах сами растаяли. Еще расплачется, если напустишься, и что тогда делать прикажете?

— Ах, как ты меня напугал!

Он буркнул ни то ни се и мимо нее прошел под крышки на кастрюлях заглянуть.

— Ты пойми, — сказала она дрожащим голосом, словно распознала, что он сердится, и теперь оправдывалась. — Я натерпелась страху, что поймают, и теперь от любого шороха шарахаюсь. Чуть что, я сама не своя, готова бежать сломя голову.

— У, жучи, будь они неладны, отвели мне глаза, — кисло сказал Хэл. — Строят из себя, что мухи не обидят, а сами...

Она глянула на него искоса, самыми уголками больших карих глаз. Зарумянилась, улыбнулась алыми губами.

— Ой, они не злые. Они и впрямь добрые. Все, что хочешь, мне давали, кроме свободы. Боялись, что я к сестрам вернусь.

— А им-то что за дело?

— Ой, они, знаешь, чего боятся? Что в джунглях сыщутся наши мужчины и, того гляди, я им детей нарожаю. Они ужасно боятся, что мой народ снова умножится, наберется сил и пойдет на них войной. Они воевать не любят.

— Странные существа, — сказал он. — Но где нам понять тех, кто истин Впередника не познал. И кроме того, они ближе к насекомым, чем к людям.

— Быть человеком — еще не обязательно значит быть лучше, — сказала Жанетта, не без задиристости сказала.

— Всем божиим тварям назначено место во Вселенной, — ответил он. — Но место человека всегда и повсюду. Ему вольно занять любое положение в пространстве и посягнуть на что угодно во времени. И если ради этого доводится обездолить любое другое существо, все равно человек прав.

— Впередника цитируешь?

— Буверняк.

— Предположим, что так. Предположим. Но что такое человек? Разумное существо. Жуча — разумное существо. Значит, жуча — человек. Неспфа?

— Буверняк или почти буверняк, давай не будем спорить. Давай лучше поедим.

— А я и не спорила, — улыбнулась она. — Сейчас на стол накрою. Посмотришь, что я за стряпуха. Спорим, что тут споров не будет.

Тарелки были расставлены, оба сели за стол. Хэл поставил локти на краешке стола, сомкнул ладони, потупился и произнес молитву:

— Айзек Сигмен, иже путь нам пролагаешь, да пребудь истина в имени твоем, благодарим тебя за безусловное сотворение благого настоящего из неисповедимости грядущего. Благодарим за пищу, которую ты осуществил из возможного. Надеемся и верим, что ты сокрушишь Обратника, всегда и повсюду предотвратишь его коварные искания сотрясти прошлое и тем изменить настоящее. Обрати нам Вселенную твердью истины, избави от текучести времени. Собравшиеся за этим столом благодарствуют тебе. Да будет так.

Разнял ладони и глянул на Жанетту. Она глаз с него не сводила. Подчинился движению души, сказал:

— Помолись, если хочешь.

— А мою молитву ты посчитаешь антиистинной?

Он поколебался, но все же сказал:

— Да. Не знаю, почему предложил. Израильтянину или малайцу наверняка не предложил бы. За один стол ни за что не сел был. А ты... ты особая статья... может быть, потому что ни под какую систему не подходишь. Я... я не знаю.

— Спасибо, — сказала она.

Начертила в воздухе треугольник средним пальцем правой руки. И, глядя вверх, произнесла:

— Великая матерь, прими благодарность.

Пришлось подавить в себе отчуждение, возникшее от звука слов неверующей. Открыл шкафчик под столом, вынул два предмета. Один подал Жанетте. Другой надел себе на голову.

То были шляпы с широкими полями, с которых свисала густая сетка, полностью закрывавшая лицо.

— Надень, — велел он Жанетте.

— Зачем?

— Да затем, чтобы ни ты меня, ни я тебя не видели, как едим, — теряя терпение, сказал он. — Под сеткой просторно, места хватит вилкой-ложкой орудовать.

— Но зачем?

— Я же сказал. Чтобы не было видно, как едим.

— Тебе что, дурно станет, если увидишь, как я ем? — повысила голос она.

— Естественно.

— Естественно? Почему «естественно»?

— Ну, потому, что принятие пищи... Фу ты, ну как это сказать?.. Выглядит по-скотски.

— И твой народ всегда так делал? Или начал, когда додумался, что сам происходит от животных?

— До прихода Впередника все ели в открытую без стыда. Но то были времена темноты и невежества.

— А эти ваши израильтяне и малайцы, они тоже прячут лица, когда едят?

— Нет.

Жанетта встала из-за стола.

— Не могу я есть с этой штукой на лице. Будто меня ни за что ни про что срамят.

— Но так надо, — сказал он дрожащим голосом. — Иначе мне кусок в горло не полезет.

Она произнесла какую-то непонятную фразу. Но это его не задело и не вывело из себя.

— Увы-увы, — сказал он. — Но такой порядок. Так надо.

Она медленно села. И надела шляпу.

— Хорошо, Хэл. Но, я думаю, нам следует поговорить об этом попозже. У меня такое чувство, что мы не вместе. Нет близости, нет соединения в лучшем, что дает нам жизнь.

— И, пожалуйста, ешь беззвучно, — сказал он. — Если хочешь говорить, сначала проглоти. Когда жуча ест при мне, я так-сяк, но могу отвернуться. Но ушей-то заткнуть не могу.

— Постараюсь не действовать тебе на нервы, — сказала она. — Но сначала ответь. Как вы добиваетесь, чтобы ваши дети вам не мешали за столом?

— Дети никогда не едят вместе со взрослыми. Вернее, они едят под присмотром АХ'ов. А те в два счета кого хочешь научат, как себя вести.

— Ах, вот что!

Тишину трапезы нарушило одно ширканье ножом по тарелке, уж всяко неизбежное. Наконец, Хэл закончил и снял шляпу с сеткой.

— Ну, Жанетта, ты стряпуха редкостная! Пища такая вкусная, что я, грешник, поневоле слишком радовался, покуда ел. Такого супа в жизни не пробовал! Хлеб нежнейший! Винегрет — чудо! А мясо — просто совершенство!

А Жанетта давно уже сидела без шляпы. К еде едва прикоснулась. И несмотря ни на что, улыбалась.

— Все тетушки мои, их школа. У нашего народа женщин с детских лет учат всему, что доставляет мужчинам удовольствие. Всему.

Он нервно хохотнул и, скрывая смущение, закурил сигарету.

Жанетта спросила, нельзя ли ей попробовать.

— Горю, так и подымить могу, — сказала она и хихикнула.

Хэл не уверен был, что понял, но тоже хохотнул, чтобы показать, что не сердится из-за застольных головных уборов.

Жанетта сама зажгла сигарету, затянулась, закашлялась и бросилась к раковине за стаканом воды. Вернулась, у самой слезы из глаз, но тут же подхватила сигарету и снова втянула дым. Вскоре затягивалась, как заядлый курилка.

— Ну и подражательные способности у тебя — одно загляденье! — сказал Хэл. — Гляжу, как ты мои жесты повторяешь, слышу, как слова стараешься выговорить в точности, как я, и только диву даюсь. Сама-то слышишь, что американские слова произносишь не хуже меня?

— А мне только разок покажи, и редко когда повторять приходится. Не скажу, чтобы от большого ума. Ты прав, у меня это безотчетно. Хотя кое-какие собственные мысли иногда тоже в голову приходят.

Легко и весело принялась тараторить о своей жизни в кругу семьи: с отцом, с сестрами, с тетками. На вид — само врожденное добродушие, а вовсе не попытка загладить неприятное происшествие во время еды. Когда смеялась, особым образом брови поднимала. Брови замечательные, фигурные. Тонкими линиями черных волос от самой переносицы, потом вразлет дужками по надглазьям, а на концах — загогулинки.

Хэл спросил, не материнское ли это наследство. Она расхохоталась и ответила, что нет, что в точности такие были у отца-землянина.

Смех у нее был негромкий, но певучий. Не действовал на нервы, как когда-то смех Мэри. Убаюкивал, доставлял радость. И всякий раз,

как закрадывалась мысль, а чем же все это кончится, и дух омрачался, она ловила речь о чем-нибудь смешном, и настроение само собой исправлялось. Она, казалось, наитием каким-то угадывала, что именно нужно, чтобы побороть уныние или остро почувствовать веселье.

Так прошел час, и Хэл встал, направился на кухню. По дороге, проходя мимо Жанетты, безотчетно погрузил пальцы в ее густющие черные волосы.

Она вскинула голову и закрыла глаза, будто ожидала поцелуя. Но у Хэла духу не хватало. Хотелось, но просто не решиться было на первое движение.

— Тарелки надо вымыть, — сказал он. — Нельзя, чтобы случайный гость увидел стол, который накрыт на двоих. И еще одно соблюдай, пожалуйста. Прячь сигареты и почаще проветривай комнату. Поскольку я детектор прошел, считается, что мелкие антиистиннизмы, вроде курения, мне не приличествуют.

Вряд ли Жанетте доставили радость такие речи, но она и виду не подала. А с места в карьер принялась за уборку. Хэл курил и обдумывал раздобыться женьшеневым табаком. Жанетте так пришлись по вкусу сигареты, что души не хватит впредь отказать ей в этом удовольствии. Кое-кто на корабле сам не курил, а пайку сбывал любому желающему. Может, жучу попросить в посредники, чтобы брал у кого-нибудь с передачей Хэлу? Лопушок вполне мог бы сделать такое одолжение, но под каким соусом к нему подступиться? А может, все же не стоит связываться? Рискованно.

Хэл вздохнул. Всем хороша Жанетта, да ведь это не жизнь, а мука мученическая. Изволь замышлять уголовщину, будто самое обычное на свете дело.

А она уже стояла перед ним, руки на бедрах, глаза сияют.

— А теперь, Хэл, мо намук, нам выпить бы чего-нибудь покрепче, и мы чудесно закончили бы вечерок.

Он вскочил.

— Ой, я же забыл, что ты не знаешь, как кофе заваривают!

— Нет. Я не про кофе. Про ал-ко-голь, а не про кофе.

— Алкоголь?! Сигмен великий, мы же не пьем! Это же мерзейший...

И осекся. Ведь это же оскорбление! Опомнился. В конце-то концов, она же не виновата. Иначе воспитана, в иных традициях. Строго говоря, даже не совсем человек.

— Увы, — сказал он. — Ты пойми, такая у нас вера. Запрещено.

Глаза у нее налились слезами. Плечи затряслись. Она закрыла лицо руками и со всхлипами расплакалась.

— Это ты не понимаешь. Мне без этого никак. Никак.

— Но почему?

Она произнесла, не отнимая ладоней от лица:

— Потому что, пока меня под замком держали, развлечься почти нечем было. И мне давали спиртное, с ним время как-то незаметно

шло и забывалось, как охота домой. Опомниться не успела, как стала ал... ал... алкоголичкой.

Руки у него сами в кулаки подобрались, он рыкнул:

— У, жучьи дети!

— И, понимаешь, мне теперь без выпивки никак. Мне от этого обязательно легчает, по крайней мере, сейчас. Потом я постараюсь, потом я отвыкну. Знаю — справлюсь, если ты поможешь.

Он развел руками.

— Но я же понятия не имею, где его берут.

При одной мысли о покупке спиртного живот скрутило. Но раз ей надо, значит, придется проявить прыть и достать.

— Может, у Лопушка найдется? — будто того и ждала, скороговоркой выпалила она.

— Он же тебя под замком держал! И вдруг я к нему с такой просьбой! Он же в два счета сообразит, что дело нечисто.

— Он подумает, что это для тебя.

— Ладно, — мрачно сказал он и тут же укорил себя за эту мрачность. — Хотя мутит от одной мысли, что могут подумать, будто это я пью. Все равно кто, даже жуча какой-нибудь.

Она приникла к нему, как обволокла. Нежно прижалась губами. Всем телом обвилась. Минуту так длилось, и он отвел свои губы прочь.

— Так мне и идти не с чем? — прошептал. — Неужели обойтись не можешь? Хоть на эту-то ночь? Завтра я раздобыл бы.

У нее пресекся голос.

— Милый, я бы рада. Очень была бы рада. Но не могу. Просто не могу. Уж поверь.

— Верю.

Вырвался из объятий, вышел в прихожую, надел плащ, капюшон, ночную маску в чулане сыскал. Голова поникла, ссутулился. Не сладится. От нее же спиртом вонять будет, он же не сможет... А она еще, поди, и дивиться будет, чего это он, как ледышка, а его даже не хватит намекнуть, что на нее и глянуть-то мерзко. Не хватит, потому что сказануть такое — значит, обидеть насмерть. А ничего не сказать — тоже обидеть насмерть, вот что самое-то худое.

Уже на пороге она еще раз поцеловала его в одеревенелые губы.

— Не задерживайся. Я жду.

— Лады.

Глава 11

Хэл Ярроу поскребся в дверь Лопушковой квартиры. Не открыли. И не диво. Из-за двери доносился жуткий гвалт. Хочешь, не хочешь — надо молотить в дверь, а очень неохота, еще Порнсена нанесет. Полюбопытствует, что за шум, и высунется, ведь в том же

коридорчике дверь в дверь поселился. Ни к чему Порнсену видеть, кто сострадалиста об эту пору навещает, не тот случай. Есть теперь у Хэла право бывать у жучей без сопровождения АХ'а, но не по себе из-за Жанетты. Еще взбредет Порнсену сунуть нос в Хэлову пука, когда Хэла нет дома, пошпионить на свой страх и риск. О такой возможности забывать нельзя. Взбредет — и Хэлу крышка. Капут.

Успокоил себя тем, что ничего не знает Порнсен, трусоват и наобум лезть не рискнет. Остановит страх, что могут накрыть. Ведь Хэл теперь «ламедник», может шум поднять, нажать, и Порнсену не то что понижение выйдет или там отставка — под ВМ могут подвести.

Хэл еще раз нетерпеливо замолотил в дверь. На этот раз она распахнулась. И на пороге появилась улыбающаяся Внизуня, Лопушкова супруга.

— Хэл Ярроу! — сказала она по-сиддийски. — Добро пожаловать! Зачем вы стучите? Пошли бы и без стука.

Хэл в ужас пришел.

— Так нельзя же!

— Почему?

— У нас так не положено.

Внизуня пожала плечами, но вежливость не позволила высказываться более определенно. С той же улыбкой сказала:

— Так входите же! Здесь никто вас не укусит.

Хэл вошел и закрыл за собой дверь, при том оглянувшись на Порнсенову. Та, слава Сигмену, оставалась заперта.

И оказался в комнате размером с баскетбольную площадку, где стены дрожали от воплей дюжины разыгравшихся жучат, а пол был — одни голые доски. Внизуня провела его на противоположный конец, где начинался коридор. Миновали трех жучих, судя по всему, пришедших в гости. Жучихи сидели за столом, что-то вышивали, прихлебывали из высоких стаканов и тараторили. Хэл ничего не понял из того, что расслышал: в разговорах между собой жучихи пользовались особым женским словарем. Однако, как дознался Хэл, под действием набирающих силу городских порядков этот обычай оказался на грани исчезновения. Дочки Лопушка даже не учились женскому говору.

Внизуня провела его к дальней двери, открыла ее и окликнула:

— Лопушок, дорогой! К тебе Безносый пришел, Хэл Ярроу!

Заслышав это народное прозвище, Хэл осклабился. Было время, словцо обижало. Но потом выяснилось, что жучи не вкладывают в него обидного смысла.

Лопушок подошел к двери. На нем, по-домашнему, была только алая юбочка. И Хэл в сотый раз невольно подумал: до чего же странно выглядит туловище оздвийца с грудью без сосков и любопытным креплением лопаток к позвоночнику (если у землян позво-

ночник «спинным хребтом» именуется, то здесь впору было название «грудной хребет»).

— Душевно рад, Хэл, — сказал Лопушок по-сиддийски. И перешел на американский: — Шалом. По какому счастливому случаю вы оказались, очутились здесь? Садитесь, располагайтесь. Не хотите ли, не желаете ли пить? Пейте, а я, пожалуй, уже воздержусь.

Хэл считал, что выглядит вполне беззаботно, но Лопушок, должно быть, учуял, что дело неладно.

— Что-нибудь не так?

Чего зря время тратить?

— Да. Где можно достать бутылку?

— Вам надо, необходимо? Буверняк. Я вам проведу, провожу. В ближайшем кабаке собирается, толчется народ попроще. У вас будет случай, возможность воочию увидеть, обозревать ту часть общества, о которой вы, без сомнения, недостаточно, мало знаете.

Жуча вышел в гардеробную и вернулся с ворохом одежды. Застегнул на жирном брюшке широкий кожаный пояс, прицепил к нему ножны с короткой рапирой. Сунул за пояс револьвер. Накинул на плечи ядовито-зеленый плащ с черными сборками. На голову нахлобучил темно-зеленую шапочку с бутафорскими сяжками — символ принадлежности к клану Кузнечиков. Когда-то для жучей этого клана носить такой головной убор было первейшее дело. Но теперь клановая система выродилась, ее значение в быту упало, однако в делах политического свойства продолжало оставаться существенным.

— Я-то пью, я-то закладываю по делу, — пояснил Лопушок. — Будучи, являясь по специальности сострадалистом, общаюсь, нахожусь в комнате с душевно- и нервнобольными. Оказываю помощь, поддержку очень многим. Приходится бывать в их шкуре, коже, поскольку обязан испытать, изведать мир их чувств, восприятий. Потом я перебираюсь, переселяюсь из их шкуры в свою, чтобы объективно оценить, взвесить их трудности, проблемы. Вот этим, — он постучал себя по голове, — и этим, — он тронул себя за нос, — я делаюсь, становлюсь сперва, как они, а потом, как и сам, и временами удается, оказывается возможно кое-кому помочь выздороветь, прийти в норму.

Хэлу было известно, что имеет в виду Лопушок, когда касается своего носа. Он имеет в виду два исключительно чутких сяжка внутри своего похожего на пушечный снаряд носа-хобота, способных поставить полный диагноз. Запах жучиного пота говорит ему больше, чем внешний вид и речи пациента.

Лопушок провел Хэла в передний зал. Сообщил Внизуне, куда собрался, и они с чувством потерлись носами.

Вручил Хэлу маску жучиного образца, надел свою. Зачем, Хэл не спрашивал. Знал: по ночам весь город ходит в масках. Вещь полезная, оберегает от укусов множества всякой летучей нечисти. Но Лопушок объяснил, что дело не только в этом.

— Мы, люди из общества, надеваем их, когда ходим... Как бы это выразиться по-американски?

— У нас это называется «сламминг», — сказал Хэл. — Это когда человек из общества идет поразвлечься среди простонародья.

— «Слам-минг», — повторил Лопушок. — Обычно, когда я хожу, заглядываю в такие места, я маски не ношу, потому что хочу, имею намерение слиться с окружающими, а не посмеиваться, потешаться над ними в глубине души. Но нынче, поелику вы Безносый, извините, простите за это слово, я думаю, полагаю, вы отдохнете, расслабитесь в большей мере, если будете в маске.

Когда они оказались на улице, Хэл спросил:

— А зачем оружие?

— Да здесь-то в окрестностях не слишком опасно, но осторожность не помешает, не повредит. Помните, я вам говорил, рассказывал, когда мы были на руинах? На нашей планете насекомые развились, приспособились в гораздо большей степени, чем, насколько могу судить, представить себе по вашим словам, у вас. Вы слышали о паразитах и мимикрантах, которые проникают, пробираются в муравейники? Не-муравьях, которые прикидываются муравьями и нахлебничают у муравьев, прикрываясь сходством, живут в стенах муравейников и пожирают яйца и молодь? У нас происходит то же самое, аналогичное, но жируют на нас. Прячутся по подвалам, по канализационным стокам, в дуплах, в норах под землей, а по ночам расползаются по городу. Вот потому в темное время суток мы детей на улицу не выпускаем. Хотя улицы хорошо освещены и охраняются, но слишком много укромных мест для засады в густой зелени.

Дорога вела через парк по аллейке, освещенной газовыми фонарями на высоких столбах. В Сиддо еще не перешли окончательно на электрическое освещение, и в порядке вещей была чересполосица районов с лампами накаливания и кварталов с газовыми фонарями. Выйдя из парка на широкую улицу, Хэл своими глазами увидел причудливое оздвийское смешение старинной и новейшей культуры: повозки, запряженные здешними тягловыми животными, и колесницы с паровыми двигателями. Животные и механизмы передвигались по коротко подстриженной густой траве, которая пока выдерживала этот напор.

А здания так далеко отстояли одни от других, что вовсе не похоже было на крупный город. «Неуютно», — подумал Хэл. Налицо здешний избыток лебенсраума, жизненного пространства. Правда, население быстро растет, и широкие промежутки вскоре неизбежно заполнятся жилыми домами и общественными зданиями. В один прекрасный день на Оздве станет так же тесно, как и теперь на Земле.

И поправил себя: тесно то тесно, но не жукам-кикиморам. Если «Гавриил» исполнит свое предназначение, туземцев заместят выходцы из Союза ВВЗ.

Нехорошо стало, и мысль пришла — антиистинная, само собой, — что дело задумано прегадкое. Какое право имеют существа с другой планеты лезть сюда и затевать истребление местных жителей?

Впередник объявил, что имеют. А имеют ли?

— Нам вот туда, — сказал Лопушок.

И указал на дом впереди. Трехэтажный, по виду немного похожий на зиккурат, с арочными спусками с верхних этажей до земли. Так жильцам удобнее. Во многих старых домах Сиддо, в том числе и в этом, внутренних лестничных клеток не было, жильцы попадали из квартир прямо на улицу и обратно именно благодаря таким ступенчатым арочным спускам.

Хотя дом был и старый, у кабака имелась на первом этаже вполне современная, большая и яркая электрифицированная вывеска над входной дверью.

— «Счастливый дол Каменюки», — перевел Лопушок затейливые письменные знаки.

Сам кабак был в полуподвале. Хэл последовал за жучей, стараясь потверже ступать по лесенке вниз, откуда тянуло спиртным духом. И остановился при входе.

Не меньше, чем сильный сивушный запах, досаждало уханье непривычной музыки и слитный, давящий гул голосов. Грудясь за шестиугольными столиками, жучи тянулись друг к дружке поверх объемистых оловянных кружек, силились перекричать шум и кричали сами. Кто-то невпопад размахивал руками, кто-то заводил здравницы, кто-то подпевал. Прошмыгнула официантка с полотенцем — стол вытереть. Пригнулась — и получила звонкий шлепок по заду от жизнерадостного, зеленорожего, пузатого жучи. Его компания дружно загоготала, разинув четверогубые рты. Официантка тоже захохотала, что-то сказала толстому, видно, так отбрила, что народ за соседними столиками радостно взревел.

На возвышении в конце зала пятеро виртуозов лабали что-то быстрое и диковатое. Три инструмента напомнили Хэлу земные: арфу, трубу и барабан. Четвертый лабух сам звуков не издавал, а то и дело суковатым дрючком терзал запертую в клетке тварь, похожую на саранчука, но размером с крысу. Понукаемая букаха расправляла надкрылья поверх задних ног и, четырехкратно стрекотнув, длинно и пронзительно взвизгивала пилой так, что челюсти сводило.

Пятый виртуоз накачивал мехами пузырь с тремя короткими тонкими дудками. Дудки оглушительно верещали.

Оказалось, что Лопушок кричит.

— Не примите, не сочтите этот гвалт за нашу типичную музыку. Это дешевая халтура для простонародья. Вот на днях приглашу, отведу вас на симфонический концерт, и вы сами убедитесь, услышите, что такое наша лучшая музыка.

Жуча провел человека через зал в один из кабинетиков за портьерами, они тянулись вдоль трех стен. Сели. Подбежала официантка. Лоб и носище хоботом у нее лоснились от пота.

— Пока не принесут, не подадут, не снимайте маски, — сказал Лопушок. — Подадут — мы задернем занавеску, и тогда воля ваша.

Официантка что-то произнесла по-жучиному.

Лопушок, изображая любезного хозяина, повторил по-американски:

— Пиво, вино или таракановка. Лично я в рот не беру ни первого, ни второго Это для-а... бабья и малолеток.

Не ударять же в грязь лицом! И Хэл с напускной лихостью объявил:

— Само собою, третье.

Лопушок показал два пальца. Официантка мигом доставила две здоровенные кружки. Жуча потянулся носищем к кружке и шумно принюхался. Зажмурился от удовольствия, поднял кружку и надолго присосался. Наконец отставил посудину, утробно рыгнул, причмокнул губами. И промычал:

— Глотнул с приветом — икнул с ответом.

Хэла чуть не вывернуло. В детстве за неумение сдерживать отрыжку драли его много раз и без пощады.

— Хэл, а вы-то что не пьете, не опрокидываете? — удивился Лопушок.

Ярроу убитым голосом произнес:

— Дамиф'ино.

То есть по-сиддийски: «Авось, не повредит».

И хлебнул.

Пламя хлынуло вниз по глотке, как вулканическая лава. И что твой вулкан, взорвался Хэл. Со всхрапом, со взвизгом. Водка прыснула из рта и смешалась с брызнувшими из зажмуренных глаз слезами.

— Хороша, — преспокойно сказал Лопушок.

— Хороша, — еле выдавил Хэл. Глотка горела, спасу нет. Большую часть жижи он выплюнул, но сколько-то все же попало внутрь и почему-то в ноги, и оттуда пошел ходить враскачку горячий приливной вал, будто в голове закружила невидимая луна, изнутри колотя и обдирая череп.

— Еще по разу.

Со вторым заходом Хэл справился лучше, по крайней мере, внешне — не кашлял, не прыснул изо рта. Кишки скрутило — испугался, что осрамится. Несколько раз судорожно вздохнул и понял: водка вроде бы осталась внутри. И тут как стебанет отрыжка! Огненная лава взмыла в глотку — не остановить.

— Извините, — пробормотал он, залившись краской.

— А за что? — спросил Лопушок.

Определенно ничего смешнее Хэл в жизни не слыхал. Рассмеялся во всю глотку и еще раз потянул из кружки. Чем быстрее с ней будет

покончено, тем раньше будет куплена бутылка для Жанетты, тем скорее он вернется домой — и хоть остаток ночи, а все равно достанется ему.

Когда в кружке осталось около половины, дошло, что Лопушок почему-то невнятно и издалека, будто с того конца длинного туннеля, спрашивает, не желательно ли Хэлу глянуть, как изготовляется спиртное.

— Буверняк, — сказал Хэл.

Встал, но, чтобы устоять, пришлось хвататься за край столешницы. А жуча бубнил:

— Маску наденьте. Интерес к землянам все еще силен. Неохота весь вечер отвечать на вопросы. Еще пристанут, чтобы мы пили с ними за компанию.

Протиснувшись сквозь шумное сборище, вошли в заднюю комнату. Лопушок повел рукой.

— Глядите, смотрите! Это кесарубу.

Хэл глянул. Если бы все запреты оставались при нем, его кубарем выкинуло бы отсюда. Но их частично смыло спиртным потопом, а вот любопытство — любопытство осталось.

На стуле боком сидела тварь, которую на первый взгляд можно было принять за жука-кикимору. Тот же белесый вихор, та же лысая башка, те же носище и четверогубый рот. То же округлое туловище и то же непомерное брюхо, что у некоторых оздвийцев.

Но если вглядеться, то при ярком свете голой лампочки под потолком было видно, что у твари — светло-зеленого оттенка жесткий хитиновый покров. Из-под длинного плаща торчали голые руки и ноги. Не гладкой кожей покрытые, а членистые, с перехватами, с изломами, как железные печные трубы.

Лопушок заговорил с тварью. Кое-какие слова Хэл понял, остальные угадал.

— Утютю, это мистер Ярроу. Утютю, скажи: «Здравствуйте, мистер Ярроу».

На Хэла уставились огромные голубые глазища. От жучьих почти не отличить, но уж вовсе нечеловеческие, в высшей степени насекомоподобные.

— Здравствуйте, мистер Ярроу, — будто попугай, проскрипел Утютю.

— Скажи мистеру Ярроу: «Какая чудная ночка!»

— Какая чудная ночка, мистер Ярроу!

— Скажи: «Утютю очень рад вас видеть!»

— Утютю очень рад вас видеть.

— Скажи: «Утютю к вашим услугам, сэр!»

— Утютю к вашим услугам, сэр.

— Покажи мистеру Ярроу, как ты делаешь таракановку.

Утютю встал со стула, нашарил край стола, глянул на ручные часы. Что-то пролопотал по-оздвийски. Лопушок перевел:

— Он говорит, он молвит: «Утютю ел полчаса назад и, должно быть, готов». Эти твари наедаются мучного, и через полчаса — глядите, смотрите!

Каменюка поставил на стол огромную глиняную миску. Утютю наклонился над ней, чтобы трубочка в сантиметр длиной, торчащая у него из груди, пришлась над краем миски. «Вероятно, выход трахеи», — подумал Хэл. Из трубочки в миску ударила светлая струйка, миска быстро наполнилась. Каменюка подхватил ее и унес. И вернулся из кухни с тазиком какого-то месива. Хэл не вдруг сообразил, что это макароны, обильно сдобренные сахаром. Каменюка поставил тазик перед Утютю, и тот, вооружась ложкой размером с совок, принялся заглатывать месиво.

Мозги у Хэла почему-то схватывали не так быстро, как всегда, но наконец до него дошло. Где бы блевануть, повел он вокруг безумным взглядом. Лопушок сунул ему под нос порцию выпивки. Делать нечего — или пляши, или отваливай. Хэл глотнул. Странным образом огненная жижа умостилась в желудке. И жгучие приливы в голове утихли.

— Совершенно верно, совершенно правильно, — ответил Лопушок на немой вопрос Хэла. — Эти твари — великолепный пример паразитарной мимикрии. Насекомые, а похожи на нас. Живут среди нас и зарабатывают на жизнь тем, что поставляют дешевый и крепкий алкогольный напиток. Заметили, обратили внимание, какое у него раздутое брюхо. Вот в нем-то и производится, сбраживается спирт, который потом отрыгивается. Просто и естественно, не правда ли? У Каменюки еще двое таких работают, но их смена кончилась, посиживают, само собой, где-нибудь в соседнем кабаке, выпивают. Как моряки на побывке.

— Нельзя ли купить бутылку и убраться отсюда? — взмолился Хэл. — Меня что-то мутит. Должно быть, воздух спертый. Или кто-нибудь и т. п.

— Что-нибудь и т. п., это вероятней, — заметил Лопушок.

И послал официантку за двумя бутылками. Пришлось подождать, и тут в кабак вошел низкорослый жуча в маске и в голубом плаще. Остановился у двери, стали видны черные сапоги, а длинный хобот маски заходил вправо-влево, как перископ подводной лодки, которая высматривает добычу.

— Порнсен! — с трудом переведя дыхание, ахнул Хэл. — Под плащом мундир! Видите?

— Буверняк, — ответил Лопушок. — Сапоги черные, одно плечо ниже другого. Насквозь видно. Кого обдурить вздумал?

Хэл отчаянно огляделся по сторонам.

— Надо выбираться отсюда!

Вернулась официантка с бутылками. Лопушок расплатился, протянул одну бутылку Хэлу, и тот, не глядя, сунул ее во внутренний карман плаща.

АХ'у от входа они были видны отлично, но он их явно не распознал. Ярроу был в маске, а сострадалиста Порнсен вряд ли отличил бы от какого-нибудь другого жучи. Сомневаться не приходилось, методичный, как всегда, Порнсен полон решимости произвести повальный досмотр. Он резким движением вскинул скособоченное плечо и двинулся по часовой стрелке вдоль пристенных кабинетиков, одни за другими раздвигая входные портьеры. А завидя там жуч в масках, каждую приподнимал за краешек, заглядывая, кто под ней.

Лопушок кашлянул и сказал по-американски:

— Доиграется. За кого он нас, сиддийцев, принимает? Мы ему что, мышата подопытные?

И как в воду глядел. Здоровенный детина-жуча, когда Порнсен дернул его за маску, воздвигся и смахнул Порнсенову. Завидя перед собой неоздвийца, от удивления на секунду замер. И вдруг заверещал, что-то выкрикнул, да как звезданет землянина прямым в нос!

И пошло. Порнсен отлетел, сбил задом стол с чьими-то кружками и ахнулся навзничь на пол. Вмиг верхом на нем оказались двое. Третий врезал четвертому. Четвертый дал сдачи. Примчался Каменюка с короткой дубинкой и принялся охаживать дерущихся по ногам, по спинам. Кто-то плеснул ему в лицо таракановки.

А Лопушок — Лопушок дотянулся до выключателя, и разом сделалась тьма безвидная, как во втором стихе «Пересмотренного Святого писания». Вот только не пустая.

Хэл отчаянно затоптался на месте. Его схватили за руку, дернули.

— За мной!

Хэл повернулся и, спотыкаясь, побежал, куда ведут — вероятно, к задней двери.

Видно, та же мысль пришла в голову многим. Его сбили с ног, кто-то прошелся по спине. Лопушкова рука исчезла. Ярроу окликнул жучу, но, если тот и ответил, ничего не было слышно сквозь крики:

— Круши!

— Ах, гад, он сзади!

— Ребя, сюда!

— У, дурак, гнида ползучая!

Хорошо бы только гвалт. В нос ударила мерзкая вонь, поскольку от нервного напряжения у жучей из «пугпузырей» поперло. Задыхаясь, Хэл рвался к двери. Слепо расталкивая извивающиеся тела, вырывался на волю. Шатаясь, побрел по какой-то дорожке. Оказался на улице, припустился бегом. Не глядя, куда. Одна была мысль — лишь бы подальше от Порнсена.

На тонких железных столбах сияли дуговые лампы. Хэл бежал и почему-то постоянно задевал плечом за стены. Решил приостановиться

в тени одного из балконов. Но заметил узкий переулочек. Глянул — будто не тупик. Нырнул туда — налетел на здоровенный железный бак, судя по запаху, мусорный. Присел за ним, сжался в комок, силясь продышаться. Наконец, легкие очистились от смрада, глотку отпустило, смог дышать без всхлипов. Бешеное сердцебиение чуть-чуть унялось, и стало хоть что-то слышно.

На слух, никто за ним не гнался. Выждав, Хэл решил, что можно встать во весь рост. Нащупал бутылку в кармане. Чудеса! — не разбилась. Получит Жанетта свою таракановку. Будет о чем ей порассказать. На славу потрудился ради нее, честь по чести заслуживает награды...

При этой мысли мурашки пошли по спине, и он живенько выскочил из переулочка. Понятия не имел, где находится, но в кармане был план города. На корабле отпечатан, проставлены названия улиц по-оздвийски с переводом на американский и исландский. Всего-то делов — прочесть название улицы у ближайшего фонаря, сориентироваться по плану и в темпе вернуться домой. У Порнсена, у ищейки тщедушной, никаких улик против Хэла нет, а пока он их не заполучит, будет сидеть тихо, поджавши хвост. Золотой «ламед» любого ставит выше подозрений. Порнсен...

Глава 12

Порнсен! Стоило подумать о нем, и вот тебе на — тут как тут оказался, скотина! Позади застучали каблуки. Хэл обернулся. Следом спешил недомерок в плаще. При свете фонарей мелькнули скособоченные плечи, черные кожаные сапоги, маски нет.

— Ярроу! — торжествующе взвизгнул АХ. — Бежать бесполезно! Я тебя видел в том кабаке! Теперь не отвертишься!

Топ-топ-топ — и вот он рядом со своим высоченным остолбеневшим «питомцем».

— Пил! Сразу видно, что пил!

— Да? — буркнул Хэл. — И что дальше?

— А тебе мало? — завопил АХ. — Может, у тебя дома еще кое-что припрятано? Наверняка. Наверняка, тайничок бутылками набит. А ну, пошли! Пошли к тебе домой. Зайдем да поглядим. Не удивлюсь, если там еще кое-что сыщется, весь твой кощунственный антиистинизм распотрошу.

Хэл сгорбился, сжал кулаки, но сказать было нечего. Приказано было идти впереди по направлению к дому Лопушка, и он подчинился беспрекословно. Так и шествовали — впереди раб, позади господин. Красоту зрелища портило одно: Хэла вело то вправо, то влево; чтобы держать прямой курс, приходилось рукой придерживаться за стены.

А Порнсен еще и глумился.

— ШПАГ! Нализался! Глядеть тошно!

Хэл ткнул рукой вперед.

— Вон еще один такой. Глянь!

По правде-то было ни до чего, ни до кого, но дух захватывало от какой-то сумасшедшей надежды: что-то случится, что-то будет сказано или сделано, простенькое, ничего особенного, но роковой миг возвращения домой отложится. А указал он на могучего жука-кикимору, явно в поддатии обнявшего фонарный столб, чтобы не плюхнуться длинным острым носом в землю. На вид, сценка времен девятнадцатого-двадцатого столетия: хмельной верзила в плаще и шляпе у фонарного столба. И показывает, будто капитально получил по шеям.

— Может, он ранен, давайте-ка глянем, — сказал Хэл.

Сказал, потому что надо было что-то сказать, как-то задержать Порнсена. И не успел тот возразить, Хэл шагнул к жуче. Схватил за болтающуюся руку — одной рукой жуча обнимал столб — и спросил по-сиддийски:

— Тебе помочь?

Жуча-верзила выглядел как только что из большой драки. Плащ местами порван, местами перепачкан засохшей зеленой кровью. Отвернувшись от Хэла, верзила прохрипел что-то неразборчивое.

Порнсен толкнул Хэла сзади в плечо.

— Шагом марш, Ярроу. Без нас справятся. Одним пьяным жучей больше, одним меньше — нам дела нет.

— Буверняк, — без выражения ответил Хэл. Оставил в покое верзилу, зацепился ногой за ногу, собираясь вперед шагнуть, а Порнсен, видать, не рассчитал, лишний шаг сделал, налетел сзади на топчущегося Хэла, попятился.

— Чего ради суетишься, Ярроу?

Опаска прозвучала у АХ'а в голосе.

И тут же раздался дикий крик, смертный крик.

Хэла винтом подбросило — он увидел, как осуществилось то жуткое, что так тоскливо мерещилось, в предчувствии чего ноги вперед не шли. Еще когда он верзилу за руку тронул, то пальцы не в теплую кожу ткнулись, а в холодный шершавый хитин. Да за прошедшую с тех пор минуту как-то не сложилось в мозгу, что это значит. Только сейчас дошло, вспомнилось, о чем был разговор с Лопушком по дороге в кабак, чего ради Лопушок с рапирой и с револьвером разгуливает. Предупредить бы Порнсена, да поздно!

АХ стоял, закрыв лицо обеими руками, и кричал, как резаный. А верзила, только что висевший на фонарном столбе пьянь пьянью, шел на Хэла. С каждым шажком делался все громадней. На груди у него взбухал мешок, вот он налился, как серый, глянцевый, пульсирующий пузырь, раздался свистящий звук. На Хэла уставилась мерзкая харя насекомого с шевелящимися ногочелюстями по обе стороны пасти и хоботом на подбородке, нацеленным Хэлу в лицо. Минуту назад Хэл

обознался, принял этот хобот за жучин нос. А по-настоящему эта гадина, должно быть, дышала трахеями через щели под глазищами. Обычно щели при дыхании пощелкивают, но, видно, душегуб старался пыхтеть потише, чтобы не спугнуть жертву.

Хэл заорал от страха. Успел вскинуть плащ на руку, прикрыть лицо. Да и маска выручила бы, но забыл он про маску.

Жигануло по запястью. Хэл взвизгнул от боли, прыгнул вперед. Прежде чем гадина успела набрать воздуху, снова раздуть мешок и шарахнуть кислотой через хобот, Хэл ударил ее головой в брюхо.

Гадина как-то странно икнула, запрокинулась и брякнулась навзничь, раскинув скрюченные конечности, как огромный ядовитый жук. То и был ядовитый жук. Оправившись от удара и перекатившись на бок, тварь попыталась было встать, но Хэл пнул ее носком сапога. И сапог с хрустом сокрушил тонкий хитин.

Из пролома хлынула темная жижа. Хэл отвел ногу и еще раз пнул, куда достал. Гадина взвизгнула, силясь уползти на четырех. Землянин прыгнул на нее обеими ногами и, еле ползущую, припечатал к бетонному тротуару. Каблуком наступил на шею, изо всех сил нажал. «Крак!» — шея хрустнула, гадина замерла. Нижняя челюсть отвисла, обнажились два ряда игольчатых зубов. Ногочелюсти по бокам пасти подергались-подергались и застыли.

Хэл с трудом перевел дух. Воздуху не хватало. Кишки ходуном заходили, к глотке подкатило. Всего судорогой свело и вывернуло — будь здоров!

И разом протрезвел. А Порнсен уже не кричал. Он лежал на боку в канавке у поребрика. Хэл перевернул его лицом вверх и отшатнулся. Жуткое зрелище! Глаза выжжены, с посеревших губ кожа висит лохмотьями. Язык выкачен, вздутый, покореженный. Похоже, Порнсену всю полость рта ядом обдало.

Хэл выпрямился и побрел прочь. Пройдут жучи дозором, обнаружат мертвого АХ'а и вернут землянам. Пусть иерархи гадают, что стряслось. Помер Порнсен, и, поскольку помер, можно позволить себе все, что хочешь, все, чего раньше ни за что не позволил бы. Ненавистен был Порнсен. Слава Сигмену, вот и помер. Помучился, ну и что? Недолго мучился, а Хэла мучал и поедом ел три десятка лет...

Но позади раздался какой-то звук. Хэла так и развернуло.

— Лопушок?

Нет, это был стон, а потом какие-то слова непонятные.

— Порнсен? Да не может быть! Ты же... Ты же помер!

Не помер. Силится на ноги встать, пошатывается. Руки вперед тянет, путь нащупывает, шажки осторожненькие делает.

На какой-то миг Хэла окатило таким безумным страхом, что он чуть опрометью прочь не кинулся. Но совладал с собой, устоял на месте и даже трезво обдумал положение.

Если жучи найдут-таки Порнсена, то поступит он прямиком в медотсек «Гавриила». И вставят ему врачи запасные глаза, у них банк органов есть, напичкают восстановителями. Через две недели отрастет у Порнсена новый язык. И заговорит Порнсен. Впередник, ну и порасскажет!

Через две недели? Да сходу! Писать-то он хоть сию минуту сможет!

Порнсен выл от боли телесной, Хэл — от душевной.

Иного выхода не было.

Хэл шагнул к Порнсену, взял за руку. АХ дернулся, промычал что-то нечленораздельное.

— Это я, Хэл, — сказал Ярроу.

Свободной рукой Порнсен вытащил из кармана блокнот, стал нашаривать ручку. Хэл разжал пальцы. И Порнсен что-то наскреб в блокноте, протянул Хэлу.

Лунного света вполне хватило, чтобы прочесть. Почерк вышел корявый, но даже вслепую Порнсен сумел написать сравнительно разборчиво.

«Сынок, доставь на «Гавриил». Клянусь Впередником, про спиртное не скажу. Буду вечно благодарен. Люба моя, не покинь страждущего на милость нелюдям».

Хэл положил Порнсену руку на плечо и сказал:

— Держись за меня. Я тебя доведу.

И тут же вдали на улице раздался шум. Явилась компания жучей, куда-то несла их нелегкая.

Хэл завел спотыкающегося Порнсена в ближайший парк, пустился плутать среди кустов и деревьев.

Так прошли сотню метров, пока не забрались в чащобу. Хэл приостановился. Из глубины чащобы доносились какие-то нехорошие звуки — пощелкивание, стрекотание.

Вглядевшись из-за дерева, он увидел, откуда шум. Луна осветила полянку, а на ней — труп жучи, вернее то, что от него осталось. Верхняя часть была наполовину обглодана. А вокруг и верхом на трупе суетилось множество серебристо-белесых насекомых. На вид — как муравьи, только в полметра ростом. Стрекотали их ногочелюсти, обрабатывающие труп. А посвист шел от воздушных мешков у них при головах, от их частых вдохов-выдохов.

Хэл думал, что надежно укрыт, но муравьи его учуяли. И в один миг исчезли в густой тени деревьев по ту сторону полянки.

Поколебавшись, он решил, что это могильщики, от них вреда живому-здоровому нет. Вероятно, дохлый жуча был какой-то пьяница, угодивший к ним в лапы.

Первый случай выпал глянуть, что за анатомия у здешних, и Хэл подошел поближе, ведя за собой Порнсена. Оказывается, позвоночный столб у жучей располагается в передней части туловища. Поднимается от тазобедренных костей, ничем не напоминающих человеческие, изо-

гнутой линией, как точь-в-точь зеркальное изображение человеческого. Два мешка кишечного тракта располагаются по обе стороны хребта перед бедрами. Желудок получается бубликом и удерживается от опускания плотно обхватывающими кожными тяжами.

Иного и не следовало ожидать у существа, чьи предки имели что-то общее с предками насекомых. Сотни миллионов лет тому назад предки жучей были ничем не примечательными червеподобными палеочленистоногими. Но эволюции вздумалось осуществить разумное существо из червей. И, представляя себе, как ограничены возможности истинных членистоногих, отщепила энного прапрадеда жучей от тесных родичей. Ракообразные, паукообразные и насекомые занялись приобретением внешнего скелета и многих ног, а энный прапрадед жучей пошел другим путем. Отказался превращать нежную шкуру-кутикулу в хитиновые латы. Воздвиг скелет внутри плоти. Но вместе с ним внутри оказалась и нервная система, причем выяснилось, что уже упущена возможность перенести сам хребет и связанные с ним нервные пути из передней части туловища в заднюю. Вот хребет и застрял там, где завязался. Применительно к такому расположению оформилась и остальная анатомия. Внутренние органы жучей с внутренними органами млекопитающих не спутаешь, они выглядят иначе. А вот работают почти так же.

Хорошо бы глянуть повнимательнее, но Хэлу предстояло кое-что другое.

Отвратительное, ненавистное.

Тем временем Порнсен что-то еще накарябал в блокноте, протянул Хэлу.

«Сынок, боль жуткая. Не бойся, веди на корабль. Я не выдам. Люба моя, я же всегда исполнял, что обещал».

«Вот именно, — подумал Хэл. — Только и знал, что обещал. Выпороть. И порол».

Глянул на ту сторону полянки. Тела муравьев во мраке светились, как россыпь бледных поганок. Муравьи выжидали, пока Хэл уйдет.

Порнсен что-то промычал и сел на траву. Уронил голову на грудь.

— А надо ли? — пробормотал Хэл.

Мысль запетляла: «Не надо. Мы с Жанеттой можем отдаться под покровительство жучей. Лопушок посодействует. Жучам ничего не стоит спрятать нас. Но захотят ли связываться? Можно ли быть уверенным? Нет, нельзя. Запросто способны выдать нас аззитам».

— И мешкать нельзя, — пробормотал он и застонал. — Почему я? Почему он сам не помер в той канаве?

И вынул нож из-за голенища.

И в тот же миг Порнсен вскинул голову, уставился выжженными глазницами. Поднял руку в поисках Хэла. Уродливый признак усмешки явился на вспухших губах.

Хэл поднял нож, так что кончик оказался в ладони от Порнсенова горла.

— Жанетта, ради тебя! — громко сказал он.

Но кончик не двинулся, на несколько секунд замер, и рука бессильно обвисла.

— Не могу я, — сказал Хэл. — Не могу.

Но что же надо было делать, что-то надо было. Либо так, чтобы Порнсен навеки умолк, либо так, чтобы его, Хэла, и Жанетту ни люди не достали, ни жучи.

И невыносимо было понимать, как нуждается Порнсен в медпомощи. При виде его мук дурнота подступала, росло сострадание. Убить Порнсена — положить конец его мучениям. Но рука не поднималась.

А Порнсен, что-то бубня сожженными губами, встал, сделал несколько шажков вперед, выбросил руки перед собой и завертелся на месте, будто ощупью отыскивая Хэла. Хэл попятился. Полыхнула ярость. Да пошло оно все, когда он вот-вот Жанетту приступом добудет! Нашел, о чем думать, как доставить Порнсена на корабль! Недолго Порнсену осталось. Дорога каждая секунда, а попытка вопреки раскладу событий выручить АХ'а из беды — это же чистое предательство Жанетты, уж о нем самом, о Хэле Ярроу, и речи нет!

Порнсен двинулся вперед, неуверенно щупая воздух руками, возя подошвами по траве, чтобы не споткнуться на первом же камушке. И вдруг нащупал кончиком сапога останки дохлого жучи. Приостановился, нагнулся пощупать. Обхватил руками таз, обхватил ребра, замер. Подумал-подумал, принялся ощупывать скелет во всю длину. Пальцы ткнулись в череп, обогнули, уперлись в обвисшие клочья мяса.

И вдруг, видимо, придя в ужас, может быть, поняв, что те, кто обглодал жучу, где-то рядом, а он, Порнсен, беспомощен, АХ выпрямился и бросился бежать. Испуская хриплый вой, пересек полянку. И так же вдруг вой оборвался. Порнсен налетел на дерево и рухнул навзничь.

И шевельнуться не успел, как исчез под грудой свистящих и стрекочущих тварей, отсвечивающих бледными поганками.

Не до рассуждений тут, что надо, чего не надо. Хэл с воплем кинулся на муравьев. Наполовину полянку не пересек, а те уже исчезли во мраке, но недалеко ушли — было видно, как под деревьями снует что-то белесое.

Добежав до Порнсена, Хэл припал на одно колено, глянул.

А на том уже вся одежда в клочья, кожа располосована. Глазницы уставлены вверх, из перекушенной яремной вены ключом бьет кровь.

Хэл взвыл, вскочил и бегом бросился вон из чащобы. Позади раздались верещанье и свист, муравьи скопом хлынули из-за деревьев. Хэл не оглянулся.

Опомнился на улице под фонарями, и тут внутреннее напряжение сыскало выход. Слезы брызнули из глаз. Плечи затряслись от рыданий. Едва на ногах устоял. Внутри полыхнула жгучая резь.

Сам не понял, что в этом выразилось — скорбь или ненависть, потому что ненавистный местью больше не грозил. Наверняка, это были разом и скорбь, и ненависть. Что бы ни было — подействовало, как отрава, и плоть отвергла отраву, обжигавшую внутренности, как кипяток.

Но покидающую тело. Хоть и казалось, что он вот-вот сдохнет, однако по мере приближения к дому отрава иссякала. От усталости руки-ноги едва шевелились, как свинцом налитые, еле достало сил вскарабкаться на крылечко.

И в то же время на сердце полегчало. Сердце билось мощно, гнало кровь по жилам так, будто когти, что на нем сошлись когда-то, наконец разжались.

Глава 13

А в предрассветной мгле, укрытое в шестиугольной арочке парадного, землянина поджидало долговязое привидение в светло-голубом саване. То был Лопушок, сострадалист. Лопушок откинул капюшон и явил физиономию со ссадиной на левой щеке и кровоподтеком под правым глазом. Прочистил горло и сказал:

— Какой-то ханыга с меня маску сдернул и приложил знатно. Зато позабавились. Время от времени стравливать пар полезно для здоровья. А вы-то куда подевались? Я боялся, что вас полиция прихватит. В принципе ничего страшного, но ваши коллеги на корабле на такие дела смотрят косо.

Хэл слабо улыбнулся.

— Не то слово.

И подивился, откуда Лопушку известно насчет возможной реакции корабельного начальства. Насколько много жучам вообще известно о землянах? В курсе ли они, что затевают пришельцы, уж не задумали ли контрудар? Если задумали, то какой? Их технология, насколько удалось разобраться, очень отстает от земной. Правда, в психологии они как будто впереди землян, но это-то понять можно. Давным-давно Госуцерквство объявило, что психология доведена до совершенства и нет необходимости в дальнейших исследованиях. И в этой области воцарился полный застой.

Мысленно пожал плечами. Слишком устал, чтобы думать о таких вещах. Хотелось одного — рухнуть в постель.

— Тоже, как видите, влип. Потом расскажу.

— Могу себе представить, — ответил Лопушок. — Покажите-ка руку. Давайте, я вам ожог обработаю. Яд полуночника — штука поганая.

И Хэл, будто ребенок, поплелся за Лопушком к нему домой и дал наложить на запястье противовоспалительный тампон.

— Вот теперь буверняк порядок, — объявил Лопушок. — Идите, ступайте спать, почивать. Завтра поделитесь впечатлениями.

Хэл поблагодарил и спустился ниже этажом. Долго возился с ключом, рука не слушалась. Наконец, помянув всуе имя Впередника, попал ключом в скважину. Закрыл дверь за собой, запер и окликнул Жанетту. Видимо, она пряталась в шкафу в спальне, потому что две двери хлопнули. Вмиг прибежала. И крепко обняла.

— Ой, мо-н-ом, мо-н-ом! Что случилось? Я так волновалась. Ночь проходит, тебя все нет, я думала, вот-вот крик подниму.

Было чувство вины, ведь наделал ей тревоги, но был и миг злорадства, поскольку сама же этому виной. Мэри тоже, наверное, посочувствовала бы, но долг и обязанность наказали бы ей взять себя в руки и прочесть мужу нотацию по поводу его антиистинных помыслов; мол, поделом ему за них досталось.

— Встрял в драку.

Заранее решил: ей — ни слова. Ни об АХ'е, ни о полуночнике. Потом, когда дух переведет.

Она помогла развязать плащ, снять капюшон и маску. Повесила их в шкаф в прихожей, а он рухнул на стул и закрыл глаза.

И тут же открыл при звуке жидкости, льющейся в посудину. Жанетта стояла перед ним и наполняла из бутылки огромный стаканище. От запаха таракановки желудок свело, от вида прелестной девушки, которая собирается пить эту рвотную гадость, все в глазах завертелось.

Она глянула на него. Чудесные дуги-брови вскинулись.

— Что такое?

— Ничего, — простонал он. — Сама же видишь, как я буверняк в форме.

Она отставила стакан, взяла Хэла за руку и повела в спальню. Усадила на постель, мягко нажала на плечи, чтобы лег, сняла с него обувь. Он не противился. Расстегнула ему рубашку, потрепала за волосы.

— А буверняк ли?

— Даже сверхбуверняк. Одной левой весь мир отделаю, как бог черепаху.

Кровать скрипнула, Жанетта встала и вышла. Незаметно подступил сон, но тут она вернулась. Он с усилием открыл глаза. Жанетта стояла рядом со стаканом в руке.

— Хэл, а ты глоточек не хочешь?

— Сигмен великий! Ты что, не понимаешь?

От ярости его подбросило, он сел.

— Как ты думаешь, отчего мне худо? Я этой дряни видеть не могу. Видеть не могу, как ты ее пьешь! Тошнит! От одного твоего вида с ней в руках тошнит! Ты что, не видишь? Сдурела?

У Жанетты глаза округлились. Кровь с лица схлынула, одни губы плывут пунцовой луной по белу озеру. Рука затряслась так, что стакан расплескало.

— Но... но... — пролепетала она, — я так поняла, что тебе буверняк хорошо. Что ты хочешь лечь со мной.

Ярроу застонал. Закрыл глаза и откинулся на спину. Ехидство до нее не доходит. Она все понимает буквально. Ее надо перевоспитывать. Не будь он так без сил, ее откровенные речи повергли бы его в ужас — как речи Женщины в Красном из «Талмуда Запада» в той главе, где она норовит соблазнить Впередника.

Но какие уж тут ужасы? Более того, голосок со стороны подсказал, что Жанетта просто выразила четкими и недвусмысленными словами то, что он все это время таил у себя на дне души. Вот только не вовремя.

Звон разбитого стекла спугнул мысли. Он дернулся, привскочил. Жанетта стояла, лицо подергивается, милый алый рот трясется, слезы ручьем бегут. В руке ничего нет. А в полстены — мокрое пятно, капли стекают, вот во что она стакан превратила.

— Я-то думала, ты меня любишь! — выкрикнула.

Никакие речи в голову не лезли, он только глазами хлопал. Она извернулась, выбежала вон. Слышно было, что добежала до прихожей и там разрыдалась. Этого звука он не вынес, вскочил с кровати, пошел следом. Считается, что стены здесь толстые, звук не проходит, да как знать? Вдруг подслушивают!

Да и перекосила она что-то в нем, поправить надо.

Вошел в прихожую, наткнулся на удрученный взгляд. Постоял-постоял, что-то хотелось сказать, а что — ну никак не сообразить, поскольку раньше-то жизнь таких проблем решать не заставляла. Соотечественницы редко слезу пускали, а если и пускали, то где-нибудь в уголку, в одиночку.

Сел рядом с ней, положил руку ей на нежное плечо.

— Жанетта!

Она волчком обернулась, ткнулась черными кудрями ему в грудь. И сквозь слезы сказала:

— Выходит, ты меня не любишь. А это невыносимо. После всего, что досталось, еще и это!

— Ну, Жанетта, Жанетта. Я не хотел... я имел в виду... то есть...

Замолк. В голову не пришло сказать «я тебя люблю». Ни одной женщине, даже Мэри, таких слов ни разу не говорил. И ни одна женщина ему не говорила. И вот на далекой планете сыскалась такая, при том еще и получеловек, а требует, чтобы он сам сказал, что принадлежит ей душой и телом.

Заговорил потихоньку. Слова выскакивали легко. И немудрено, потому что цитировал «Урок шестнадцатый» из учебника «Основы поведения».

— ... все разумные особи, у которых сердца на месте, суть братья... Мужчина и женщина — брат и сестра... Любовь вездесуща... но любовь следует понимать в духовном плане... Мужчина и женщина да возненавидят всей душой звериное совокупление, как нечто такое, чего Наивысший Разум, взирающий из космоса, временно не исключил еще на пути совершенствования человека... Настанет время, и дети будут являться на свет силою чистого помышления. А до той поры да признаем мы за всем, что связано с совокуплением, благо одно-единственное — детей...

Шарах! Голова дернулась, искры из глаз посыпались.

Не вдруг сообразил, что это Жанетта вскочила на ноги и с размаху влепила ему пощечину. Увидел только, что она на ногах, глаза прищурены, алый рот приоткрыт и перекошен от злости.

Развернулась — и бегом в спальню. Встал, пошел следом. Она лежала на кровати и всхлипывала.

— Жанетта, да пойми ты!

— Ва тю хвэ хву!

Понял: «Да пошел ты, псих, ненормальный!» В краску бросило. Дикая ярость накатила. Сгреб ее за плечи, силком перевернул лицом к себе.

И вдруг сказал:

— Но я же тебя люблю. Люблю.

Прозвучало как-то не так даже на собственный слух. Любовь, как Жанетта ее понимала, была ему чужда — сырая какая-то, если уж так говорить. В обработке нуждается, в отделке. Но это, он понял, еще впереди. А сейчас — в его объятиях существо, самой природой, безотчетными порывами и воспитанием нацеленное на дело любви.

Раньше думал, всем скорбям этой ночи конец — и заметано. Но теперь, позабыв о своем решении молчать о случившемся, поверяя Жанетте каждый миг этой длинной и ужасной ночи, он захлебывался словами и чувствовал, как текут по лицу слезы. Ох, и накопилось их за три десятка-то лет, не вдруг выплачешь.

И Жанетта в ответ плакала и твердила, как ей больно, что рассердилась на него. Клялась, что больше никогда так не будет. Он лепетал: «Вот и хорошо, вот и хорошо». И они целовались, целовались и целовались, покуда, словно малые дети, наплакавшись и лаской исцелив друг дружку от припадка бешенства, до которого довела безвыходность, незаметно не погрузились в тихий сон.

Глава 14

В 9.00 по корабельному Ярроу ступил на борт «Гавриила» с полной грудью аромата росистых утренних трав. До начала планерки оставалось еще несколько минут, и тут попался навстречу Тернбой, ШПАГ-

историк. Хэл нечаянно спросил у него, известно ли что-нибудь об эмиграции в космос из Франции после Апокалиптической битвы. А Тернбой и рад стараться — ему лишь бы познаниями выставиться. Да, остатки галльской нации после Апокалиптической битвы обосновались вдоль Лауры, и возник зародыш того, что могло бы стать новой Францией.

Но быстро растущие поселения исландцев в северной части Франции и израильтян в южной взяли долину Лауры в клещи. Экономика и религия Новой Франции не выдержали. Последователи Сигмена несколькими волнами вторглись на ее территорию. Высокие таможенные тарифы задушили торговлю небольшого государства. И в конце концов кучка французов, оказавшись перед лицом неизбежной ассимиляции и военного подавления страны, веры и языка, отбыла на шести примитивных, прямо скажем, звездолетах искать себе новую Галлию, что вращалась бы вокруг какой-нибудь звезды подальше. Очень маловероятно, что им повезло.

Хэл поблагодарил Тернбоя и направился в конференц-зал. Со многими по пути переговорил. У половины личного состава, как и у него самого, в лицах проглядывали монгольские черты. Так и должно быть: они же все — англоязычные потомки гавайцев и австралийцев, уцелевших во времена той самой битвы, которая так беспощадно прикончила Францию. Их дюжину раз «пра»-деды заново заселили Австралию, обе Америки, Японию и Китай.

Процентов шесть команды назвало бы языком своих предков грузинский. Их прародители явились с Кавказских гор и освоили просторы южной России, Болгарию, Северный Иран и Афганистан...

Планерка была не так себе. Во-первых, Хэла пересадили с двадцатого места по левую сторону от архиуриелита на шестое место по правую. Вот что значит золотой «ламед» на груди! Во-вторых, вышла заминка из-за смерти Порнсена. АХ'а решили записать выбывшим из строя в ходе необъявленных военных действий. Каждого еще раз предупредили насчет полуночников и прочей нечисти, которая рыщет ночами по городу. Что, однако, не означает отмены разведпатрулирования.

Макнефф поручил Хэлу как духовному сыну безвременно погибшего АХ'а позаботиться о завтрашних похоронах. А затем потянул вниз свернутую в трубку под потолком карту во всю стену. На ней была изображена Земля, изображена такой, какой ее должны были видеть жучи.

Задуман был верх военной хитрости в стиле Союза ВВЗ и китайской предусмотрительности на много ходов вперед. На обоих полушариях планеты разными цветами были изображены государства и помечены их границы. И границы Малайской Федерации и Великого Бантустана были указаны совершенно точно. А вот Республики Израиля и Союз ВВЗ поменялись местами. В легенде, помещенной внизу

слева, указывалось, что государства Впередника закрашены зеленым, а еврейские — желтым. И зелень кольцом охватывала Средиземное море, а потом широкой полосой тянулась от Аварийского и Анатолийского полуострова до Гималайских гор.

Иными словами, если предположить худшее, а именно, если план «Оздвагеноцид» потерпит крах, если движимые жаждой возмездия оздвийцы захватят «Гавриил», если по его образцу построят свои корабли, если по штурманским прокладкам определят, где Солнце, и достигнут окрестностей Земли, то их месть обрушится не на ту страну. Вне сомнения, с народами Земли они предварительно вступать в контакт не станут, чтобы в полной мере воспользоваться фактором внезапности. И у Республики Израиля не будет возможности растолковать, что да как, бомбы посыплются на них. Тем временем Союз ВВЗ, получив таким образом предупреждение и отсрочку, успеет бросить навстречу врагу весь свой космофлот.

— Однако я полагаю, что псевдобудущее, которое я вам изобразил, так и останется далеким от истинного, — сказал Макнефф. — Разве что Обратник много сильней, чем я думаю. Но даже и такой оборот дела дозволительно истолковать к лучшему. Какое лучшее истинное будущее можно себе предначертать, чем уничтожение наших врагов-израильтян руками пришельцев?

— Это при том, — продолжил он, — что, как вам известно, наш корабль бдительно охраняется как от прямого, так и от тайного нападения. Наш радар, наши лазеры, наши звукоанализаторы и телескопы работают круглосуточно. Наши боевые системы наготове. А жучи — в технологическом отношении народ отсталый. Им нечего противопоставить вам такого, что не было бы сокрушено без особых усилий.

— И тем не менее, — закончил он, — даже если предположить, что Обратник вдохновит жучей на сверхчеловеческую хитрость и они проникнут на борт корабля, им не достигнуть того, на что рассчитывают. Как только они окажутся на пороге центрального поста управления, один из двух офицеров, постоянно дежурящих на боевом мостике, нажмет кнопку. И все навигационные данные в памяти вычислительных машин будут стерты; жучам не удастся определить местонахождение Солнца. А если им, избави Сигмен, удастся и до мостика добраться, тогда дежурный офицер нажмет другую кнопку.

Макнефф по очереди оглядел всех присутствующих. А те почти все побледнели, потому что знали, что он собирается сказать.

— И тогда корабль будет немедленно уничтожен взрывом термоядерной бомбы. Уничтожению подвергнется весь город Сиддо. И мы навеки пребудем героями в глазах Впередника и Госуцерквства. Естественно, в наших интересах, чтобы не случилось ничего подобного. Была мысль предупредить местные власти о бесцельности подобного

нападения. Однако это могло бы бросить тень на существующие добрые отношения, что в конечном счете могло бы вынудить нас начать осуществление плана «Оздвагеноцид» ранее наступления момента полной готовности...

После планерки Хэл занялся устройством похорон. А потом навалились другие дела, так что домой он вернулся уже затемно.

Когда запирал за собой дверь, стало слышно, как работает душ. Повесил верхнее в шкаф — плеск воды прекратился. Направился в спальню, а тут Жанетта из ванной вышла. Махровой простыней волосы сушит, а сама — нагишом.

— Бо жук, Хэл, — сказала и, ничего не смущаясь, следом в спальню направилась.

Хэл и не помнил, что ответил. Попятился и вышел из спальни. Поглупел от стеснения, смутно ощутил себя грешником, еретиком, так зашлось сердце, так дух захватило, так чем-то жарким и текучим с болезненным наслаждением пошел наливаться член.

Жанетта явилась в светло-зеленом платьице, которое он купил, а она перекроила, перешила себе по фигуре. Пышные черные кудри в узел на затылке собраны. Поцеловала и спросила, не посидит ли он с нею на кухне, пока еда готовится. Он ответил, что с радостью.

Она взялась нарезать что-то вроде лапши. Попросил ее рассказать о своей жизни. Был уже об этом разговор, так и продолжить нетрудно.

— ... вот так папин народ нашел планету, похожую на Землю, и поселился там. Прекраснейшую планету, и поэтому они ее назвали «Уо бо пфэйи», то есть «Прекрасная страна». Папа говорил, что на тамошнем материке жило тридцать миллионов. А папе не понравилось так жить, как деды жили, — землю пахать, волноваться насчет купить-продать, детей плодить. Он и еще несколько таких же молодых парней взяли единственный звездолет, что уцелел из шести прилетевших туда, и они улетели к звездам. И добрались до Оздвы. И потерпели крушение при посадке. Не диво. Корабль был такой старенький.

— Его остатки сохранились?

— Вви. Там поблизости мои сестры живут, и родные и двоюродные, там мои тетки живут.

— А твоя мать умерла?

Она запнулась, потом кивнула.

— Да. Меня и моих сестренок родила и умерла. Папа умер много позже. Верней, мы так решили, что он умер. Ушел с охотниками и не вернулся.

Хэл помрачнел и сказал:

— Ты говорила, твоя мать и твои тетки — последние из здешних людей. Но это не так. Лопушок рассказывал — там, в диких местах, по крайней мере, тысяча мелких групп, одна с другой не связанных.

И раньше ты говорила, что Растиньяк один-единственный из всех землян уцелел после крушения. Он был муж твоей матери, уж так и быть, и, как ни странно это звучит, их союз, союз земного мужчины и внеземной женщины, оказался не бесплоден. Одного этого довольно, чтобы моих коллег поставить в тупик. Заикнись я, что химизм тел и хромосомы твоих родителей оказались совместимы, — они завопят, что этого быть не может!.. Но, как я понял, у сестер твоей матери тоже были дети. А их-то отцом кто был, если последний мужчина в вашей группе, как ты говоришь, погиб за много лет до этой злополучной посадки французского звездолета?

— Мой папа, Жан-Жак Растиньяк. Он был мужем моей мамы и трех ее сестер. И все они говорили, что супруг он был великолепный, умелый и всегда готовый.

Хэл хмыкнул.

Она возилась с винегретом и лапшой, а он молча наблюдал за нею. Тем временем силился хоть как-то воспрять духом. В конце-то концов, тот француз был почти того же поля ягода, что и сам Хэл Ярроу. Может, кое в чем и пример подал бы. Хэл прочистил горло. Очень просто осуждать других за то, что не устояли перед соблазном, пока сам не побывал в том же положении. А как поступил бы, скажем, Порнсен, выйди Жанетта на него?..

— ... а когда мы спустились по той реке и джунгли остались позади, они за мной так строго следить перестали, — продолжала она. — До наших мест, где меня поймали, было целых два месяца пути, и они решили, что у меня не хватит пороху пробиваться назад в одиночку. Слишком много в джунглях жуткого зверья. Твой полуночник по сравнению с ними — козявка безобидная.

Передернула плечами.

— Когда мы пришли в городок на самом краю обжитых мест, мне даже разрешили свободно ходить. Вокруг городка загородка была, за нее лучше было не соваться, так что надобности не стало меня взаперти держать. К тому времени я немножко научилась их языку, а они — немножко моему. Но разговоры у нас были самые простенькие. Один из них ученый, Эсэ'этеи, изучал меня по-всякому. В том городке, в больнице, машина была, и они снимки делали, что у меня внутри. Все внутренности, весь скелет. Подробнейшим образом. Сказали: — чрезвычайно интересно. Представь себе! Таких женщин, как я, свет не видывал, а им просто-напросто чрезвычайно интересно! Ты подумай!

— Ну-ну-ну! — развеселился Хэл. — Нельзя же требовать от жучей, чтобы они смотрели на тебя, как мужчина вида «хомо сапиенс» на женщину вида «хомо сапиенс»... то есть...

Она лукаво глянула на него.

— Так, значит, я женщина вида «хомо сапиенс»?

— Очевидно, несомненная, бесспорная и восхитительная.

— Дай-ка я тебя за это поцелую.

Наклонилась над ним, прижалась губами к губам. Он сжал губы, как всегда сжимал, когда его еще Мэри целовала. Но Жанетте это буверняк не по вкусу пришлось, потому что она сказала:

— Ты же мужчина, а не идол каменный. А я твоя люба. Ты не только принимай поцелуи, но и сам целуй. И не так грубо. Ты губами мне губы не дави. Ты нежно, ты мягко, будто твои губы с моими сливаются. Гляди.

И кончиком языка потеребила ему язык. Откинулась, засмеялась, а у самой губы алые, влажные. Он содрогнулся и с трудом дыхание перевел.

— А твой народ постановил, что язык только на разговоры годен? По-вашему, я веду себя грешно и антиистинно?

— Не знаю. Эту тему никто ни с кем никогда не обсуждает.

— Тебе понравилось, я же вижу. Но ведь это тот самый рот, которым я ем. Тот самый, который ты меня заставляешь тряпками завешивать, когда я сижу за столом против тебя.

— Можешь не завешивать, — сдался он. — Я обдумал это дело. Нет разумного повода на время еды прятаться. Просто меня научили, что есть в открытую омерзительно. Как у Павловской собаки слюна текла, когда звонок звенел, точно так же и меня тошнит, когда вижу, как другие пищу в рот кладут.

— Давай есть. Потом выпьем и поговорим. А потом будем делать все, что только захотим.

А он даже не покраснел. Быстро переучивался.

Глава 15

После еды она взяла кувшин, развела в нем таракановку водой, добавила сизой жижицы, отчего смесь на вид стала похожа на виноградный сок, и заправила лепестками апельсинового цвета. Со льдом напиток стал прохладен, и даже вкус у него появился виноградный. И давиться им не приходилось.

— Почему ты меня предпочла, а не Порнсена?

Она села к нему на колени, одной рукой приобняла, другой стакан на столе поглаживала.

— Ой, ты был такой симпатичный, а он — урод. И еще у меня чутье, кому можно доверять, а кому нет. Надо было быть осторожной, я понимала. Папа рассказывал про землян. Предупреждал, что им верить нельзя.

— Прав был. Должно быть, интуитивно, но ты угадала точка в точку. Если бы у тебя были сяжки, я сказал бы, что ты улавливаешь нервное излучение. Может, и вправду у тебя сяжки? Давай-ка, глянем!

Он запустил руку ей в пышную прическу, но она откинула голову и расхохоталась.

И он расхохотался, коснулся ее плеча и погладил нежную кожу.

— Я, наверное, единственный на корабле такой. Остальные тебя с ходу жучам выдали бы. Но зато попал в переплет. Видишь ли, где ты, там и Обратник тут как тут. Как по лезвию хожу, но назад вернуться — да ни за что на свете! То, что ты мне про аппарат рентгеновский у жучей порассказала, знаешь, настораживает. До сих пор мы тут ни одного не видели. Значит, жучи их прячут. Если прячут, то с какой стати? Электричество им известно, так что, по идее, они в силах открыть и рентгеновское излучение. Раз прячут, то не потому ли, что хотят скрыть кое-что поважнее? Звучит не слишком убедительно, понимаю. В конце концов, мы в здешней культуре не очень разбираемся. Мы здесь без году неделя. И людей у нас маловато для таких дознаний. Может, я хватил через край? Весьма на то похоже. И тем не менее Макнеффа следовало бы предупредить насчет жучиного рентгена. Но как я ему скажу, откуда дознался? Выдумать источник информации у меня пороху не хватит. Так что стою перед дилеммой.

— Перед дилеммой? Что это за зверь? Я про такого не слышала.

Крепко обнял ее и сказал:

— Дай тебе Сигмен и впредь не слышать.

— Слушай, — сказала Жанетта, обожгла взглядом прекрасных глаз. — Зачем тебе эта маета — Макнеффа предупреждать? Если Сиддо собирается напасть на Союз ВВЗ — ты же сам рассказывал, как кое-кто это название толкует: Союз Воров в законе, — и если жучи победят, тебе-то что за дело? Что нам помешает добраться до моих родных мест и поселиться там?

Он в ужас пришел.

— Это же мой народ! Мои земляки! Они, то есть мы, Сигмену верны и не воры в законе, а Союз Возвращенных Восстановленных Земель! Я на предательство неспособен!

— А предаешь уже одним тем, что меня здесь прячешь, — отчеканила она.

— Ну, ты дала! — помедлив, ответил он. — Не такое уж предательство, вернее, вовсе не предательство. Кому я навредил тем, что ты здесь?

— Мне дела нет, навредил ты или не навредил хоть всему свету. Меня заботит, навредишь или не навредишь себе.

— Себе? Да краше и отродясь не жил!

Она ласково рассмеялась и чмокнула его в ухо.

А он помрачнел и сказал:

— А я о нас обоих думаю, Жанетта. Раньше ли, позже ли и, наверное, чем раньше, тем лучше, нам придется искать убежище. Причем поглубже под землей, имей это в виду. Потом, когда все кончится, можно будет выбраться на свет божий. Если справимся, восемьдесят лет тихой жизни нам гарантированы, этого за глаза и за уши хватит.

Пока «Гавриил» долетит до Земли и пока оттуда прибудут корабли с поселенцами. Мы с тобой тут будем вдвоем среди зверей, как Адам и Ева.

— Ты это о чем? — спросила она, широко открыв глаза от изумления.

— А о том. Наши спецы день и ночь колдуют над образцами крови, что жучи дали. Вот-вот выведут комбинированный пситовирус, который свяжет медь в кровяных тельцах жучей и нарушит всю электрохимию дыхания.

— Зачем?

— Попробую объяснить, хотя чую, что придется сразу на трех языках толковать: по-американски, по-французски и по-сиддийски. Иначе ты не поймешь. Один из штаммов этого пситовирус убил большую часть населения Земли во время Апокалиптической битвы. В подробности пускаться не буду. Достаточно сказать, что этот вирус был тайно рассеян в атмосфере Земли с кораблей марсианских колонистов. То есть потомков землян, которые поселились на Марсе и считали себя природными марсианами; вождем у них был Зигфрид Русс, распоследний мерзавец во всем белом свете. Так в учебниках истории говорится.

— Не понимаю, — сказала она.

Насупилась, во все глаза на него уставилась.

— Смысл уловишь. Четыре корабля с Марса под видом торговых сошли на низкие предпосадочные орбиты и рассеяли миллиарды этих вирусов. Незримые связки белковых молекул, они попали в атмосферу, по всему миру разлетелись, мелкой моросью оседать начали. Эти молекулы, стоило им попасть на кожу, связывались с гемоглобином в красных кровяных тельцах и придавали им положительный заряд. Такие тельца сцеплялись с неповрежденными, и начиналось что-то вроде рекристаллизации. Красные кровяные тельца на диски похожи, так вот эти диски разламывались пополам, делались серповидными, и развивалась так называемая серповидноклеточная анемия. Эта рукотворная анемия валила людей быстрее и надежнее, чем природная, потому что большую часть клеток поражала, а не малый процент. До каждой клеточки добиралась и разламывала. Кислород переставал поступать в ткани организма, и наступала гибель. Гибель всего человечества, Жанетта. Почти все человечество вымерло от кислородного голодания.

— Теперь я кое-что поняла, — сказала Жанетта. — Но не все же погибли!

— Не все. И поняв, что произошло, правительства Земли пальнули по Марсу боевыми ракетами фугасного действия. Ракеты проникли глубоко в кору планеты и там взорвались. От сотрясений коры обрушилась большая часть тамошних подземных поселений. А на Земле выжило не больше, чем по миллиону на каждом материке. В некоторых небольших районах никого не затронуло. Почему, мы до сих пор не знаем. Что-то помешало — может быть, местные ветры постоянные,

может быть, еще что-нибудь. А вне человеческого тела эта зараза через какое-то время сама гибнет. Так или иначе, а на Гавайских островах и в Исландии все население уцелело, даже правительства усидели. Израиль незатронут остался, будто сам господь-бог длань простер и от смертного дождя охранил. Южная Австралия и Центральный Кавказ не пострадали. Оттуда народ снова по всему миру расселился, поглотил тех, кто поодиночке выжил в других местах. В джунглях Африки и на полуострове Малакка много народу в живых осталось, они отбились от прошлых. Обустроиться успели до того, как туда добрались поселенцы с острова и из Австралии. Так вот то, что случилось на Земле, теперь должно произойти на Оздве. Будет дан приказ, и с «Гавриила» запустят ракеты — ракеты с тем же самым смертельным грузом. Только теперь пситовирус будет иметь сродство с кровяными тельцами оздвийцев. Ракеты пойдут витками вокруг Оздвы, засеют ее невидимым посевом смерти. Одни кости останутся...

— Ша! — приложила Жанетта палец к его дрожащим губам. — Знать не знаю, что такое протеины, молекулы и этот... электрофоретический потенциал! Это выше моего разумения. Но зато я вижу: чем дальше, тем тебе страшнее рассказывать. У тебя голос меняется, глаза стекленеют. Кто-то когда-то тебя запугал. Нет! Не прерывай! Тебя насмерть застращали, но ты остался мужчиной настолько, чтобы не показывать, что боишься. Но избавиться от испуга ты не можешь, так мастерски осуществили задуманную гадость.

И прошептала пухлыми губами ему в самое ухо:

— Так вот: я хочу выкорчевать этот испуг. Хочу вывести тебя из юдоли страха. Не возражай! Понимаю, как претит тебе мысль о том, что женщине ведома твоя слабина. Но в моих глазах она тебя нисколько не роняет. Скорее возвышает то, насколько ты сумел ее преодолеть. Понимаю, сколько отваги нужно было, чтобы пойти на детектор. Но ты пошел ради меня. Я горжусь этим. Люблю тебя за это. Понимаю, когда любой мелкий промах грозит тебе жизненной катастрофой и даже смертью. Понимаю, что все это значит. Понимать — это моя природа, мой инстинкт, мое дело и моя страсть. Так выпей со мной! Мы не на виду, где надо постоянно остерегаться и страшиться. Мы укрыты в этих стенах. Наедине друг с другом и вдали от чего бы то ни было. Пей! И ласкай меня. Я отвечу тебе лаской. Хэл, что нам мир? Мир нам не нужен. До поры до времени. Забудь о нем в моих объятиях.

Они поцеловались, их руки сплелись, и зазвучали слова, которые вечно живы в устах любящих.

Улучив минутку, Жанетта приготовила еще порцию таракановки, разбавленной сизой жижицей, и они выпили вместе. Глотнулось без затруднений. Хэл сообразил, что тошнило не столько от самого спиртного, сколько от запаха. Стоило обмануть обоняние, обманулся и желудок. И с каждым разом пилось все легче.

Он осушил три стакана, а потом встал, взял Жанетту на руки и понес в спальню. Она поцеловала его в шею, и словно электрический разряд ударил от ее губ по коже, вверх до мозга, вниз через порывисто дышащую грудь, теплый желудок и воздвигшийся член до самых ступней, которые, как ни странно, заледенели. Мог бы поклясться, не было желания перестать нести на руках женщину, как в ту пору, когда он исполнял свою обязанность перед Мэри и Госуцерквством.

Но даже в упоительном вихре предвкушения сквозил неподатливый узелок. Малый, но мешал, темнел среди огня. Не мог Хэл полностью забыться, грызло сомнение, гадал, не скиксует ли, как бывало иногда, когда он нырял в постель в темноте и входил в Мэри.

Было и темное зерно страха, зароненное сомнением. Если скиксует, незачем жить. Ведь это же позор на всю жизнь!

И он твердил себе: «Нет, этого не будет, не должно быть». Невозможно, пока она в его объятиях, пока слиты их уста...

Уложил ее на кровать и выключил верхний свет. А она тут же включила прикроватное бра.

— А это-то тебе зачем, — сказал он, стоя возле кровати, чувствуя, как растет в нем страх и гаснет страсть. И в то же время дивясь, как это она так быстро и незаметно для него разделась.

Она улыбнулась и сказала:

— Помнишь, ты мне вчера говорил? Прекрасные слова: «И сказал бог: да будет свет»!

— Нам не нужен свет.

— Нужен. Мне нужен. Мне надо видеть тебя постоянно. Темнота всю радость скрадет. Хочу видеть, как ты ластишься.

Потянулась поправить лампочку, груди всколыхнулись при этом движении, а его от этого проняло почти нестерпимой болью.

— Вот так. Теперь мне будет видно твое лицо. Особенно в тот миг, когда глубже всего почувствую твою любовь.

Вытянула ногу и коснулась его колена кончиками пальцев. Наготой — наготы... И его бросило вперед, будто перст ангельский послал навстречу предназначению. Встал на колени на кровати, а те кончики пальцев так и прикипели к его бедру, будто приросли и не способны отделиться.

— Хэл, Хэл, — негромко сказала она. — Что с тобой сделали? Что со всеми вами сделали? С твоих слов знаю, что вы все, как ты. Надо же так! Заставили ненавидеть вместо того, чтобы любить, хоть и назвали эту ненависть любовью. Сделали из вас полумужчин, чтобы вы ушли в себя, а на всех, кто вокруг, бросались, как на врагов. Вы свирепые воины, потому что трусы в любви.

— Это неправда, — сказал он. — Неправда.

— Мне же видней. Это правда.

Убрала ногу, положила рядом с его коленом и сказала:

— Иди ко мне.

И когда он, все еще на коленях, сделал движение вперед, приподнялась и ткнулась ему в лицо грудями.

— Возьми их в рот. Стань, как малое дитя. А я вознесу тебя так, что ты забудешь о ненависти и станешь думать только о любви. И станешь мужчиной.

— Жанетта-Жанетта, — хрипло сказал он и потянулся рукой выключить бра. — Только не при свете.

Но она перехватила протянутую руку.

— Только при свете.

Убрала руку и сказала:

— Хорошо, Хэл. Выключи. Ненадолго. Если без темноты тебе никак, нырни в нее. Глубоко нырни. А потом родись заново... хоть ненадолго. И потом включи свет.

— Нет! Пусть горит! — рассвирепел он. — Я не у мамы в животе. И обратно туда не хочу, нужды нет. Возьму тебя, как армия город.

— Не будь солдатом, Хэл. Будь люба моя. Люби, а не насилуй. Взять меня ты не сможешь, ты же будешь во мне.

Закинула руку ему за шею, выгнулась под ним, и вдруг он оказался в ней. Содрогнулся так же, как когда она поцеловала его в шею, так же всем телом, но не так неистово.

Хотел прижаться лицом к ее плечу, но она уперлась ему в грудь обеими руками и с внезапной силой приподняла.

— Нет! Мне надо видеть твое лицо. Особенно в тот самый миг надо, потому что хочу радоваться, как ты забываешь себя во мне.

И широко открыла глаза, будто силясь запечатлеть каждый клеточкой памяти лицо Хэла.

Его это не смутило. Постучись тут сам архиуриелит, Хэл не обратил бы внимания. Но заметил, хоть и не вдумался, какие у Жанетты стали зрачки — крохотные, как карандашные точечки.

Глава 16

Алкашей в Союзе ВВЗ ждала неминуемая ВМ. И, стало быть, ни психологической, ни медикаментозной помощи им не полагалось. Растерянный Хэл, желая излечить Жанеттин порок, пошел по лекарство к тому самому народу, который довел ее до жизни такой. Но прикинулся, что нуждается во врачебной помощи он сам.

— Пьянство на Оздве — дело житейское, обычное, но не в тяжелой форме, — сказал Лопушок. — А немногих алкашей скоренько приводят в норму, излечивают сострадалисты. Давайте, я вас полечу, попользую.

— Увы. Начальство не разрешит.

А незадолго до того Хэл точно тем же объяснил, почему не приглашает жучу к себе.

— У вас самое щедрое на запреты начальство во всей Вселенной, — сказал Лопушок и захохотал, как всегда, подвывая. Отсмеявшись, продолжил: — Прикасаться к спиртному вам тоже запрещено, но ведь пьете же. Впрочем, о непоследовательности не спорят. Однако могу кое-что посоветовать, рекомендовать. Есть у нас средство, называется «негоридуша». Его добавляют в спиртное, сперва понемножку, потом с каждым днем побольше, уменьшая таким образом долю алкоголя. Так, чтобы через две-три недели пациент пил на девяносто процентов раствор «негоридуши». Вкус тот же самый, пропойца редко замечает подмену. Курс приема полностью снимает зависимость пациента от алкоголя. Но тут не без подвоха, не без каверзы.

Хитро помолчал и досказал:

— Пропойца становится, делается страстным «негоридушаманом»!

Заржав, шлепнул себя по ляжкам, затряс головой так, что длинный хрящевой нос раскачало, и зашелся таким хохотом, что слезы из глаз брызнули.

С трудом сдержал смех, вытер слезы носовым платком в виде морской звезды. И сказал:

— По настоящему-то польза от «негоридуши» та, что пациенту открывается возможность разрядить, сбросить напряжение, которое вызывает у него желание, потребность пить. Открывается возможность, пусть к сострадализации с одновременным отучением от стимулятора. Так как вариант с тайным подмешиванием «негоридуши» я применить к вам не смогу, придется допустить, поверить, что вы сами заинтересованы в лечении. Когда почувствуете, что готовы к терапии, положите, ах нет! — поставьте! Поставьте в известность меня.

Так у Хэла дома появилась посудина «негоридуши». А ее содержимое ежедневно и тайно добавлялось в таракановку, которую он добывал для Жанетты. Добывал и дожидался, пока «негоридуша» подействует, надеялся, что на дальнейшие психотерапевтические беседы хватит и его собственных познаний.

А тем самым эти самые «психотерапевтические беседы» неприметным образом вели с ним. Сострадалист чуть ли не каждый день шел на приступ, сражаясь с религией и наукой Союза ВВЗ. Лопушок прочел жизнеописание Айзека Сигмена и его труды: «Пред-Тору», «Талмуд Запада», «Пересмотренное Святое писание», «Основы сериализма», «Время и богословие», «Особь и мировую линию». Мирно посиживая за столом со стаканом сока в руке, жуча бросал вызов расчетам и выкладкам дуррологов. Хэл доказывал — Лопушок опровергал. Упирал на то, что расчеты основаны на ложных посылках; что исходные положения Дурра и Сигмена подкреплены слишком большим числом натянутых аналогий, метафор и некачественных подстановок. Убери эти подпорки — рушится все здание.

— В добавление, в развитие, — говорил Лопушок, — разрешите, позвольте подчеркнуть, сделать упор на еще одном противоречии, свой-

ственном вашему богословию. Вы, сигмениты, веруете, что каждый человек полностью отвечает за все, что с ним происходит, и никто, кроме него самого, никакому ответу ни за что не подлежит. Если вы, Хэл Ярроу, споткнетесь об игрушку, которую бросило на полу рассеянное дитя, — о счастливый, ненаказуемый ребенок! — и разобьете, повредите себе локоть, значит, у вас, и только у вас, было тайное желание причинить себе неприятность. Если вы серьезно пострадаете во время аварии, обстоятельства тут ни при чем: это вы согласились на осуществление возможного. И наоборот, иной вариант будущего — аварии не будет. Вы совершили преступление? — значит, желали совершить. Вы пойманы? — так не потому, что при том наделали глупостей, не потому, что аззиты оказались сообразительнее или подвижнее, не потому, что обстоятельства привели вас в лапы Аззы, как вы изволите это называть на своем языке. Нет. А потому, что желали быть пойманы. Иными словами, вы неким образом управляете обстоятельствами. Если вы умерли, то не потому, что кто-то навел на вас револьвер и нажал курок, а потому, что хотели умереть. Вы умерли, потому что пожелали попадания пули и согласились с убийцей в том, что вас следует убить.

— Разумеется, такая философия, такой взгляд на вещи очень удобны для вашего Госуцерквства, — продолжал Лопушок, — ибо избавляют его от ответственности за кару, казнь или несправедливый штраф, или за какой-нибудь иной антигражданский произвол по отношению к вам. Ведь если бы вы сами не пожелали оказаться наказаны, казнены, оштрафованы или безосновательно осуждены, то с вами этого не случилось бы. И, разумеется, если вы не согласны с Госуцерквством и пытаетесь бросить ему вызов, это означает, что вы стремитесь осуществить осуждаемое им псевдобудущее. И таким образом вас, одиночку, теоретически лишают шансов на победу.

Однако прислушайтесь повнимательнее, — повышал голос сострадалист. — При этом вы верите, что обладаете полной свободой определять будущее! Но ведь будущее уже выбрано, поскольку Сигмен побывал в нем и все устроил. Его брат, Джад Ведминг, способен на временные нарушения хода событий в прошлом и будущем, но в конце концов Сигмен восстанавливает желаемое равновесие. Так позвольте, так разрешите вас спросить, каким же образом вы способны выбрать, определить будущее, если оно уже выбрано, определено и предсказано Сигменом? Верно либо одно положение, либо другое, оба не могут быть верны.

Хэл чувствовал, как горит лицо, как давит грудь, будто ее камнем привалили, как трясутся руки.

— Да, — бормотал он. — Я ставил перед собой этот вопрос.

— Перед собой или еще перед кем-нибудь?

— Ни перед кем, — отвечал Хэл и слишком поздно спохватился, что попал в ловушку. — Нам разрешается задавать вопросы учителям, просто такого вопроса нет в списке.

— Вы хотите сказать, что ваши вопросы заранее сведены в список и выйти за пределы этого списка вы не можете?

— Не вижу в этом ничего дурного, — раздражался Хэл. — Это делается для нашего блага. Госуцерквство по опыту знает, какими вопросами интересуются учащиеся, и для менее сообразительных составляет список.

— Для менее сообразительных сгодилось бы, — кивал Лопушок. — Но я подозреваю, что любой вопрос, выходящий за пределы списка, рассматривается как опасный и свидетельствующий об антиистиннизме мышления. Это так?

Хэл кивал. Вид у него был жалкий.

Лопушок не знал жалости и продолжал резать по живому. Ужасней всего, что он мог сказать, были последующие речи, поскольку то были нападки непосредственно на священную особь самого Сигмена.

Он заявлял, что жизнеописание Впередника и его богословские сочинения изображают этого человека любому объективному читателю сексуально-фригидным женоненавистником с мессианским комплексом, с шизофреническими и параноидальными отклонениями, которые время от времени пробиваются сквозь ледяную кору в виде религиозно-ученых бредней и фантазий.

— Всем прочим людям приходилось приспосабливаться и приспосабливать свои мысли ко временам, в которые жили. У Сигмена в этом отношении было преимущество перед всеми остальными духовными вождями. Благодаря омолаживающим средствам, разработанным на Земле, он прожил очень долго, достаточно для того, чтобы построить общество по своему разумению, сплотить его и навязать ему свои слабости. Он не умрет, пока держится связка в построенном им здании.

— А он и не умер, — возражал Ярроу. — Он шагнул в иновремя. Он постоянно с нами, он может явиться в любом месте и в любой момент, хоть в прошлом, хоть в будущем. Как только возникает необходимость преобразовать псевдовремя во время истинное, непременно является он.

— Ах да, — ухмылялся Лопушок. — То-то вы древним городом заинтересовались, не так ли? Наслышались о фресках, где есть намек, что оздвийских гоминидов некогда почтил своим присутствием человек с другой звезды. Вас озарила догадка, уж не Впередник ли это был. Вот и решили лично убедиться.

— Была такая мысль, — говорил Хэл. — Но в отчете я указал, что, хотя эти изображения в чем-то и напоминают Сигмена, полной уверенности у меня нет. Нельзя сказать наверняка, посетил или не посетил Впередник эту планету тысячу лет тому назад.

— Как бы то ни было, — гнул свое Лопушок, — я утверждаю, что высказанные вами положения не выдерживают критики. Вы заявляете, что предсказания Сигмена верны. Я утверждаю, что они, во-первых, двусмысленны. И что, во-вторых, они осуществляются только потому,

что ваше государство-церковь, которое вы для краткости именуете «госуцерквством», прилагает огромные усилия для такого осуществления. Ваше общество с его пирамидальным строением, со службой ангелов-хранителей, где у каждых двадцати пяти семей имеется АХ для наблюдения за самыми интимными подробностями жизни, а каждые двадцать пять АХ'ов находятся в ведении квартального АХ'а, а каждые пятьдесят квартальных АХ'ов подчинены АХ'у-инспектору и так далее, — такое общество основано на страхе, невежестве и подавлении.

Потрясенному, рассвирепевшему, изумленному Хэлу полагалось встать, уйти и никогда не возвращаться. Но сострадалист сердечно предлагал опровергнуть сказанное. Хэл отвечал потоком брани. Иногда, позволив Хэлу выговориться, жуча предлагал сесть и спокойно продолжить диспут. Иногда выходил из себя и Лопушок, начинался крик и взаимные оскорбления. Дважды дело дошло до драки: у Хэла был в кровь разбит нос, Лопушок получил фонарь под глазом. А затем жуча, рыдая, обнимал Хэла и просил прощения, они усаживались и успокаивали нервишки умеренным дружеским возлиянием.

Знал Хэл, что грешно ему слушать Лопушка, грешно ставить себя в положение, когда в его присутствии звучат такие антиистинные речи. Но устраниться сил не было. И хотя он ненавидел Лопушка за эти диспуты, они непонятным образом доставляли удовольствие, даже наслаждение. Не мог Хэл Ярроу раз и навсегда порвать с этим существом, язык которого жегся побольнее, чем когда-то Порнсенова плеть.

Все эти диспуты он пересказывал Жанетте. А та слушала, и он не чувствовал стеснения, еще и еще раз повторяя рассказы, и постепенно улетучивались горечь, неприязнь и сомнения. Оставалась любовь и только любовь, такая любовь, о которой он прежде и представления не имел. Он впервые постиг, как мужчина и женщина становятся единой плотью. Когда-то Мэри и он так и оставались вне круга жизненных восприятий партнера, но Жанетте ведомы были иная геометрия, объединяющая, и иная химия, связующая их обоих воедино.

И не только их обоих — при том всегда присутствовали свет и таракановка. Хэла они больше не смущали. Сама того не зная, Жанетта пила не столько таракановку, сколько «негоридушу». А к включенному бра над кроватью он привык. Счел Жанеттиной причудой. За этой причудой не стоял страх темноты, поскольку Жанетта настаивала, чтобы свет был включен лишь на время любовных ласк. Зачем ей это, он не понимал. Возможно, ей хотелось навсегда запечатлеть в памяти его образ на случай разлуки. Если так, пусть горит свет.

При свете он изучил ее тело отчасти как любовник, отчасти как антрополог. Порадовался и подивился тому, как мала разница между нею и земными женщинами. Во рту у нее был небольшой нарост, вероятно, остаток какого-то органа, давным-давно отмершего в ходе эволюции. У нее было двадцать восемь зубов; отсутствовали зубы муд-

рости. Кто его знает, возможно, такова была особенность племени, к которому принадлежала ее мать.

Либо у нее имелись какие-то дополнительные грудные мышцы, либо исключительно хорошо были развиты обычные. Крупные, полушариями груди не обвисали. Были высоки, тверды и уставлены вперед — идеал женской красоты, так часто и упорно воплощаемый мужчинами-скульпторами и так редко встречающийся в жизни.

Не только приятно было на нее глядеть — приятно было находиться с нею рядом. Раз в неделю она встречала его в новом наряде. Обожала шить. Из того, что он покупал для нее, мастерила блузки, юбки, даже халатики. Переменам нарядов сопутствовали перемены прически. Жанетта была постоянно нова, постоянно прекрасна, и Хэл впервые осознал, что женщина способна быть прекрасной. Даже больше — что прекрасным можеть быть человеческое существо вообще. И что суть красоты — дарит радость, если не навек, то надолго.

Их взаимную радость усиливала ее восприимчивость к языкам. Всего за одну ночь она переключилась со своего «хвканцузс'ого» на американский. Около недели пользовалась ограниченным, но постоянно растущим словарем, а потом заговорила быстрее и выразительнее, чем он сам.

Однако радости общения сказались на служебном долге. Хэловы успехи в овладении сиддийским замедлились.

Однажды Лопушок спросил, как обстоит дело с книгами, которые у него позаимствовал Хэл. Хэл признался, что плоховато: они по-прежнему для него трудны. Тогда Лопушок дал ему книгу попроще, о развитии жизни на Оздве. Эту книгу жучи использовали как учебник для начальной школы.

— Попробуйте прочесть хоть эту. Правда, два тома, но текст специально облегчен, много иллюстраций, чтобы материал легче усваивался. Обработано для юношества нашим лучшим педагогом Уи'инэи.

У Жанетты было гораздо больше времени на школярские подвиги, чем у Хэла; Хэл уходил на целые дни, а ей, запертой в четырех стенах, почти нечем было заняться. Поэтому она набрасывалась на новые книги, и Хэл от большой лени завел обычай поручать ей читать вслух и переводить. Вначале она громко читала по-сиддийски, а потом переводила на американский. А если не хватало слов, то на «хвканцузс'ий».

Однажды вечером она бодро взялась за книгу Уи'инэи. Но в промежутках между параграфами прикладывалась к таракановке, так что довольно скоро ее переводческий пыл пошел на убыль.

Одолели параграф первый, где речь шла о том, как образовалась планета и как на ней возникла жизнь. Взялись за параграф второй — Жанетта откровенно зевнула и украдкой глянула, заметил ли это Хэл, но тот сидел, прикрыв глаза, и притворялся, что погружен в мысли. И Жанетта стала читать дальше о том, как из палеочленистоногих

возникли жучи, как набрались ума и порешили стать хордовыми. Уи'инэи отпустил несколько тяжеловесных шуток насчет своенравия жуков-кикимор начиная с того рокового дня и перешел к параграфу третьему, в котором излагалась история млекопитающих на южном материке. Оздвы — история, которая завершилась возникновением «человека оздвийского».

— ...*Но у разумных млекопитающих, как и у нас, были свои мимикранты-паразиты,* — читала Жанетта. — *Одним из них оказался особый подвид так называемого жука-бражника. Этот подвид уподобился не жучам, а человеку оздвийскому. Обмануть он мог разве что партнера с очень низкими умственными способностями, но свойство производить алкоголь приблизило жука-бражника к людям. Он сопутствовал своим хозяевам с первобытных времен, сделался неотъемлемой частью их культуры и в конце концов, как утверждается в одной из теорий, немало поспособствовал вымиранию человека оздвийского.*

Возразим: во-первых, не только он и, во-вторых, не следует преувеличивать его злокозненность. У жука-бражника мирный нрав. Но, как большинство живых существ, он мог быть обманут, а его невзыскательные устремления могли быть переиначены так, что стали представлять собой угрозу. Вот это-то и было проделано с жуком-бражником, причем проделано людьми.

Следует отметить, что тут у человека был иной союзник в кавычках, который во многом содействовал использованию жука-бражника во зло. Таким союзником в кавычках был паразит, относимый к совсем иному виду — виду, который, вообще говоря, следует в определенной мере считать родственным нам.

Но у этого вида, однако, была особенность, отличающая его не только от нас, не только от «человека оздвийского», но и от любого иного животного на нашей планете за исключением нескольких весьма низкоорганизованных видов. Как свидетельствуют даже самые ранние костные останки из тех, что нам доступны, все существа, относящиеся к этому виду, были...

Жанетта отложила книгу.

— Тут непонятное слово! Хэл, можно дальше не читать? Скука адская!

— Брось, отложи. Давай лучше комикс почитаем. Самый любимый у наших ребят на «Гаврииле», они на него в очередь записываются.

Она улыбнулась — ну, само очарование! — и на столе перед ней мигом оказались «Приключения Лейфа Магнуса, любимого гвардейца Впередника. Том 1037, книга 56, Лейф Магнус и Чудо-юдо с Арктура».

Хэл послушал-послушал, как она силится перевести американские текстовки на обиходное наречие жучей, но, наконец, эта пошлятина с картинками ему обрыдла, и он потянулся к Жанетте.

А бра над кроватью не выключил...

Не все шло так мирно, бывали столкновения, даже ссоры.

Жанетта ни в куклы не годилась, ни в рабыни. Когда не желала поступить по примеру или по слову Хэла, то по большей части заявляла об этом сразу и вслух. А если Хэл отвечал ехидством или грубостью, то рисковал тут же получить в ответ колкое словцо. Как-то раз вскоре после того, как он спрятал Жанетту у себя в пука, он вернулся с корабля чуть ли не на вторые сутки, столько вдруг срочного дела объявилось. Понятно, что за такое время щетина на подбородке более чем обозначилась.

Жанетта поцеловала его, скорчила гримасу и сказала:

— Царапучий. Как напильник. Сейчас крем собью и сама тебя побрею.

— Не надо, — сказал он.

— Почему? — спросила она, направляясь за кремом в то самое. — Мне нравится тебя брить. А особенно нравится, какой ты после бритья красивенький.

Вернулась с баночкой средства для удаления волос.

— Сядь, я сама. И покуда я буду с этой скребучей проволокой воевать, можешь сидеть и воображать, что купаешься в моей любви.

— Жанетта, ты не поняла. Мне нельзя бриться. Я теперь «ламедник», а «ламедникам» положено отращивать бороду.

Она так и замерла с баночкой в руке.

— Нельзя? Ты имеешь в виду, есть такой закон и тебя посадят в тюрьму, если ты побреешься?

— Нет, не совсем так, — сказал он. — Впередник ничего на сей счет не говорил и никаким законом носить бороду не обязывал. Но-о обычай у нас такой. И почетно, потому что только тем, кто носит «ламед», дозволяется отращивать бороду.

— А что случится, если бороду отрастит не-«ламедник»?

— Не знаю, — сказал он скучным голосом. — Такого не бывает. Можешь быть совершенно уверена. Такое может прийти в голову только сумасшедшему извращенцу.

— Но борода тебя портит, — сказала она. — И царапает мне лицо. Будто я целуюсь с пружинным матрасом.

— Тогда одно из двух, — рассвирепел он. — Либо ты научишься целоваться с пружинным матрасом, либо вообще отвыкай от поцелуев. Потому что я должен отрастить бороду. Должен!

— А вот и не должен! — сказала она с вызовом. — Что толку быть «ламедником», если тебе от этого свободы не прибыло, если опять приходится делать то, что обязан? Почему нельзя поступить против этого дурацкого обычая?

От ярости и от страха у Хэла все в голове перепуталось. Вдруг почудилось, что она хлопнет дверью и уйдет, продолжай он стоять на своем. А если уступить, то среди «ламедников» корабля он будет как белая ворона.

В результате обозвал Жанетту дурехой. Получил в ответ «дурака». Поссорились. Полночи прошло, прежде чем она первая сделала шаг к примирению. А прежде чем окончательно выяснили, что любят друг друга, наступил рассвет.

Утром он побрился. Три дня на «Гаврииле» никто к нему не приставал, никаких замечаний не делал, а он маялся: чувствовал себя виноватым и ловил на себе косые взгляды (или воображал, что ловит). Наконец убедил себя: либо никто ничего не заметил, либо все слишком заняты, и разоряться по поводу Хэлова бритого подбородка ни у кого нет ни времени, ни желания. Даже начал подумывать, а нет ли других докук, связанных с ношением «ламеда», которыми можно было бы точно так же, тишком-молчком, пренебречь на здоровье.

А на четвертое утро его вызвали в рабочий кабинет к Макнеффу.

Сандальфон сидел за столом, теребил себе бородищу. Воззрился на Хэла водянистыми очами и долго не отвечал на приветствие.

— Легко себе представить, Ярроу, что вы увлечены исследованиями в поле и обо всем прочем вам просто некогда думать, — сказал сандальфон. — Это укладывается в истиннизм. Нештатная обстановка, и все помыслы устремлены ко дню, когда мы перейдем к окончательному решению поставленной задачи.

Макнефф встал и принялся вышагивать перед Хэлом из угла в угол.

— Но в то же время вы обязаны помнить, что «ламед» на груди означает не только привилегии, но и ответственность.

— Буверняк, авва.

Макнефф на полном ходу остановился и нацелил Хэлу в грудь длинный костистый палец.

— Тогда почему не отращиваете бороду? — резко спросил он. И метнул свирепый взгляд.

Хэл почуял, что цепенеет, как во времена, когда в него, в малолетку, ах, Порнсен незабвенный, точно так же целился пальцем и таким же испепеляющим взглядом буравил. И ушла душа в пятки, будто Хэл Ярроу и вправду нашкодивший пацаненок.

— Я... я...

— Должно не только стремиться к получению «ламеда», должно стремиться постоянно доказывать себе и окружающим свое право носить его. Безупречность и только безупречность помогает преуспеть в этом, беззаветное усилие блюсти свою безупречность!

— Извините, авва, — сказал Хэл дрогнувшим голосом. — Я прилагаю беззаветное усилие и блюду свою безупречность.

И с этими словами набрался смелости глянуть сандальфону в глаза, хотя, откуда набрался, и сам не знал. Смелости глянуть и смелости лгать наглейшим образом, лгать в присутствии безупречнейшего из безупречнейших, великого сандальфона! Он, Хэл, погрязший в еретической скверне!

— Однако не понял, что общего между моей безупречностью и тем, что брею бороду. Ни в «Талмуде Запада», ни в каком-либо другом труде Впередника нет ни слова об истиннизме или антиистиннизме касательно бороды.

— Вы мне будете рассказывать, что есть и чего нет в писаниях? — вспылил сандальфон.

— Разумеется, нет. Но при том я говорю правду, не так ли?

Макнефф снова заходил по кабинету.

— Мы обязаны быть безупречны, обязаны. Даже малейшее послабление псевдобудущему, малейший отход от истиннизма способны опорочить нас. Да, Сигмен нигде и никогда не высказывался по поводу ношения бороды. Но давно распознано, что только истинно безупречный достоин отращивать бороду по примеру Впередника. И в знак своей истинной безупречности мы обязаны блюсти соответствующий внешний вид.

— Всем сердцем согласен, — сказал Хэл.

Дошло, что дрожит он только по старой привычке, будто стоит на вытяжку перед Порнсеном, а не перед архиуриелитом. А Порнсена нет, с Порнсеном покончено, его пепел развеян по ветру. Рукой самого Хэла развеян во время погребальной церемонии. Мысль об этом добавила Хэлу решимости.

— В штатной обстановке немедля отрастил бы, — сказал он. — Но нахожусь в поле и помимо исполнения прямых служебных обязанностей произвожу эффективный сбор агентурных данных. Обнаружилось, что наблюдаемые считают бороду омерзительной; как вам известно, у них нет растительности на лице. Им непонятно, почему мы отращивали бороды при том, что располагаем средствами для удаления волос. Им дурно в присутствии человека с бородой. Я не смог бы войти к ним в доверие, если бы отрастил бороду. Но как только мы перейдем к окончательному решению поставленной задачи, я немедленно отращу бороду.

Макнефф хмыкнул и запустил пальцы в рыжее свидетельство своей безупречности.

— Отчасти резонно. Нештатная обстановка и ее последствия. Почему своевременно не поставили в известность?

— Вы настолько заняты с утра до вечера, что не хотел вас отвлекать по личному делу, — ответил Хэл.

А сам гадал, найдется ли у Макнеффа время и охота проверить правдивость слов бритого «ламедника». Жучи-то ни единым словом не обмолвились Хэлу насчет бород у землян. Все это он выдумал себе в оправдание, припомнив, как американские индейцы были удивлены видом бородатых белых людей. Где-то когда-то об этом читал.

Макнефф еще раз кратко напомнил Хэлу, как важно блюсти безупречность, и отпустил с Сигменом.

И Хэл, с трудом справляясь с дрожью после этого нагоняя, отправился домой. Дома принял маленько для успокоения, а потом добавил, чтобы поужинать вместе с Жанеттой. Когда чуток тянешь, перестает действовать на нервы зрелище, как Жанетта кладет себе пищу кусок за куском в открытый рот, — это он усвоил безупречно.

Глава 17

В один прекрасный день, возвратясь с рынка с тяжеленной корзиной, Хэл Ярроу объявил:

— Больно ты нажимаешь на солененькое в последнее время. Уж не за двоих ли? А может, и за троих?

Жанетта побелела.

— Ты что? Ты в своем уме? Что говоришь?

Он бухнул корзину на стол, взял ее за плечи.

— Буверняк, в своем. Не сей секунд в голову взбрело — давно замечаю да помалкиваю. Сначала убедиться хотел. Так я прав?

Она в одну точку уставилась, а саму трясет.

— Ой, нет! Не может быть!

— Уж так и не может!

— Да. Я знаю. Не спрашивай, откуда знаю. Но этого не может быть. И вперед не смей говорить мне такие вещи. Даже в шутку. Я с ума сойду!

Привлек ее к груди, сказал поверх плеча:

— Это из-за того, что не можешь? Из-за того, что знаешь: от меня детей не будет?

Пышная, слегка пахнущая духами прическа слегка дрогнула.

— Знаю. И не спрашивай, откуда знаю.

Приотпустил ее, удержал на расстоянии вытянутых рук.

— Слушай, Жанетта, кажется, я понял. Мы с тобой относимся к разным видам. Как твоя мать и отец. Но у них были дети. Точно так же, например, у осла и кобылы могут быть детеныши-лошачихи, но сами лошачихи бесплодны. Можно скрестить льва и тигрицу, а вот получившихся львигра и тигвицу — уже нельзя. Верно? И ты боишься, что с тобой, как с той лошачихой!

Она ткнулась лицом ему в грудь, от ее слез рубашка мигом насквозь промокла.

— Люба моя, давай смотреть правде в глаза. Может, так оно с тобой и есть. Ну и что? Впереднику ведомо, у нас положеньице то еще, не хватало нам ребеночка! Хорошо бы... да ну... у тебя есть я, у меня есть ты, разве не так? И большего не прошу. Главное, есть ты.

Утер ей слезы, поцеловал, помог затолкать покупку в холодильник, но мысль — она есть мысль: придет — не вдруг отвяжется.

Соленого и молочного Жанетта поглощала много больше нормы, особенно молочного. Но перемен во внешнем виде, чтобы сами за себя говорили, не было. А хоть как-то должно же сказаться это обжорство! Месяц прошел. Хэл с Жанетты глаз не спускал. В нее уходило, как в прорву. И безо всяких последствий.

Решил, что ошибся. И то сказать: вид другой, обмен веществ другой, а что он в этом понимает?

Еще месяц прошел. На выходе из библиотеки «Гавриила» снова попался навстречу Тернбой, ШПАГ-историк.

— Слух идет, технарей можно поздравить, — привязался. — Нынче в 15.30 на планерке вроде бы объявят, что последняя серия удалась.

— Неужели буверняк?

Отчаянием жгло, но Хэл постарался, чтобы голос не выдал.

Когда в 16.50 планерка закончилась, побрел домой — куда ж еще? — а лучше бы на край света. Пситовирус был уже в производстве. Самое большее через неделю наберется столько, что хватит наполнить емкости шести самолетов-снарядов. Первым номером по порядку намечена обработка города Сиддо. Следуя по разворачивающимся спиральным траекториям, самолеты-снаряды засеют район приличных размеров. Потом их возвратят, перезаправят и вышлют снова. И так до тех пор, пока не будет поражена вся Оздва.

Доплелся до дому, и оказалось, что Жанетта лежит в постели, черные кудри короной на подушке. Слабо улыбается.

Обо всем на свете позабыл, встревожился.

— Жанетта, что с тобой?

Пощупал ей лоб. Кожа сухая, шершавая, жарок чувствуется.

— Не знаю. Мне уже недели две неможется, но я держалась, виду не подавала. Думала, пройдет. А нынче совсем прихватило, пришлось лечь, я с утра лежу.

— Ну, мы тебя живенько поднимем.

Бодрым голосом сказал. А в голове звенело: «Каюк!» Если что серьезное, то врача взять негде и лекарств тоже.

Следующие несколько дней Жанетта провела в постели. Температура с утра держалась на 37,5°, к вечеру подскакивала до 37,8. Хэл ухаживал как только мог. Аспирин давал, мокрое полотенечко на лоб, пузырь со льдом. Аппетит у нее почти пропал, только пить просила. Пила и пила молоко. А тарако̀новки своей любимой и сигарет в рот не брала.

Но не так сама по себе Жанеттина хворь приводила Хэла в отчаяние, сколько Жанеттина молчаливость. Сколько он ее знал, Жанетта тараторила — легко, весело, радостно для души. Случалось, примолкала, но только если что-нибудь незнакомое рассматривает, полностью увлечена, от любопытства сама не своя. А теперь говорил только он один. И если умолкал, тишины не заполняли ни расспросы Жанеттины, ни мнения.

Надеясь ее развеселить, он рассказал, что задумал угнать гичку и бежать в джунгли. Помутневшие глаза у Жанетты ожили, давно так не сияли. Она даже привстала, когда он разложил перед ней на кровати карту материка. Показала, где жила, описала местность: тут джунгли в низине, там горы, а вот здесь, на плоскогорье, развалины древней столицы и в подземельях ее тетки и сестры ютятся.

Хэл присел на шестиугольный прикроватный столик, будто бы занялся бумажными делами. А сам украдкой на нее поглядывал. Полулежит на боку, лилейное плечико из халата торчит, глаза горят, а под ними — нехорошие тени.

— Всего хлопот — ключик увести, — объяснять пустился. — Видишь ли, на каждой гичке есть блокиратор, его перед каждым вылетом на нуль сбрасывают. Полсотни километров можно пройти на ручном управлении. Но как намотал полсотни, так блокиратор автоматически отрубает движок и в эфир идет сигнал, чтобы гичку запеленговали. Это чтобы никто не сбежал. Но блокиратор можно вскрыть и отключить. Для этого есть специальный ключик. И уж я-то добуду его в два счета. Так что ты не тревожься.

— Неужели ты меня настолько любишь?

— Насчет этого буверняк полный. А по мне, так и сверхбуверняк.

Встал, поцеловал ее. А у нее губы не шелковые, не сочные, а сухие, жесткие. Такое ощущение, что вся кожа ороговела.

Занялся писаниной. Час прошел — донесся вздох. Хэл вскинул взгляд. Жанетта полусидит, как сидела, глаза закрыты, нижняя губа чуть отвисла. И пот по лицу ручьем бежит.

Вспыхнула надежда: кризис, сейчас температура спадет! Нет. Даже чуть подскочила — 37,9.

Жанетта что-то пробормотала.

Наклонился к ней.

— Что?

Ни слова не понял. Видимо, язык ее материнского племени. Бредит.

Ругнулся. Действовать надо. И о последствиях не думать. Сбегал в ванную, вытряс из пузырька большую таблетку «баю-баю», вернулся, чуть ли не силком ей в рот втолкнул. Еле уговорил запить.

Запер спальню, накинул плащ, капюшон нахлобучил, побежал в ближайшую аптеку. Купил три средних иглы, три шприца, лимоннокислый натрий в растворе, чтобы кровь не сворачивалась. И бегом домой кровь у Жанетты взять. Игла только с четвертой попытки вошла, когда в спешке чуть ли не изо всех сил нажал.

А Жанетта, когда колол, ни глаз не открыла, ни руки не отдергивала.

Затаив дыхание, потянул кровь из вены в шприц. Самому невдомек, что даже губу закусил. Жуткое подозрение, которое вот уже месяц с трудом отгонял, всплыло и сей миг должно было разрешиться. В

шприц пробилась первая капелька крови — красной! Ерундовая мысль оказалась. И слава Сигмену!

С большим трудом растолкал Жанетту, чтобы взять на анализ мочу. Жанетта бормотала что-то непонятное, отрывочное и тут же не то засыпала, не то сознание теряла — он так и не понял. С отчаяния по щекам ей надавал, чтобы хоть ненадолго очнулась. Еще раз себя обругал: только сейчас сообразил, что прежде надо было на горшок посадить, а потом уже «баю-баю» в рот ей запихивать. Вот дурак! Но сосредоточиться не мог: волнение мешало. И по поводу Жанетты, и по поводу того, что предстояло на корабле.

Заварил кофе как можно крепче, попытался влить ей в рот. У нее по подбородку текло, весь халатик залило.

То ли от кофе, то ли все же от его отчаянного голоса, но Жанетта пришла в себя, глаза открыла, выслушала, что нужно сделать и зачем. Прокипятил баночку, слил туда мочу, завернул баночку и шприц с кровью в носовой платок, сунул в карман плаща.

Вызвал по браслетке гичку с «Гавриила». На улице бибикнуло. Глянул на Жанетту, запер спальню и кубарем скатился с лестницы. Гичка парила над землей у поребрика. Забрался, сел, нажал кнопку «ВОЗВРАТ». Гичка взмыла на триста метров и по глассаде в 11° пошла к парку, где стоял корабль.

В медотсеке было пусто, сидел один дежурный фельдшер. Вскочил, комикс на пол с колен уронил.

— Вольно, вольно, — сказал Хэл. — Я на минутку встану к анализатору. Без возни насчет заявки в трех экземплярах. Личные заботы-трудности. Вопросы есть?

А сам — плащ нараспашку, чтобы виден был золотой «ламед» на груди.

— Буверняк, нет, — буркнул дежурный фельдшер, заметив «ламед».

Хэл протянул ему две сигареты.

— Ого! Спасибо.

Дежурный фельдшер закурил, уселся и подхватил с пола комикс «Впередник и Далила в скверном городе Газа».

Анализатор стоял в закутке, дежурному фельдшеру не было видно Хэла. Ярроу набрал нужную программу, ввел пробы, сел. Вскочил, забегал по закутку. Тем временем анализатор мурлыкал, как довольный кот, пировал на свой манер химический. Через полчаса гукнул разок, и загорелась зеленая надпись «АНАЛИЗ ЗАВЕРШЕН».

Хэл нажал кнопку. Как язычок из металлического ротика, высунулась заполненная бланк-распечатка. Прочел. Моча в норме. Никаких инфекций, Нр в норме. И что самое удивительное, кровь в норме!

Не было уверенности, что анализатор не напортачил с анализом крови Жанетты. Но вероятность, что кровь у нее такая же, как у землян, тоже была велика. Почему бы и нет? Хотя от Земли до Оздвы четыре десятка световых лет, но законы развития живых существ от этого не меняются. Что там, что тут двояковогнутый диск — наиболее эффективная форма частички, которая обеспечивает максимальный перенос кислорода.

Так, по крайней мере, думалось, пока собственными глазами не увидел, как выглядят кровяные тельца у жучей.

Анализатор застрекотал. Пошла распечатка. Неизвестный гормон! Судя по виду молекулы, похожий на один из гормонов паращитовидных желез, управляющий обменом кальция.

Это что за новости! Может, как раз эта штука у Жанетты в крови и есть причина беды?

Сработала цифропечать. Содержание кальция в крови — сорок миллиграмм-процент.

Странно! При таком высоком проценте почки обязаны сработать, избыток кальция неизбежно пробился бы в мочу. А не пробился. Куда же этот кальций девается, Обратник его побрал бы!

Зажглась красная надпись «КОНЕЦ РАБОЧЕГО ЦИКЛА».

Хэл схватил с полки справочник, открыл раздел «Кальций». Прочел — гора с плеч. Похоже, прояснилось. Похоже, у Жанетты гиперкальцемия, она проявляется при большом числе заболеваний, с рахита начиная и кончая размягчением костей и дегенеративным гипертрофированным артрозоартритом. Но в основе всех этих хвороб — нарушения в работе паращитовидных желез, вот что главное!

Теперь — к фарматрону. Нажал три кнопки, набрал номер, две минуты подождал — откинулся лючок на уровне груди. Выкатился податчик. А на нем — пластиковая упаковка: шприц для подкожных вливаний и ампула на тридцать кубиков с чуть сизоватым раствором. «Сыворотка Джеспера», ударный регулятор деятельности паращитовидных желез.

Хэл сунул упаковку во внутренний карман, запахнул плащ и вышел вон. Дежурный фельдшер и ухом не повел.

Теперь — на оружейный склад. Вручил кладовщику требование — все, как положено, в трех экземплярах — на автоматический пистолет калибром 1 мм и сотню патронов с разрывными пулями. «Ламед» и тут сработал: кладовщик не стал разглядывать подписи, подделки не заметил и отпер шкаф. Пистолет, крохотный, в руке не видно, Хэл сунул в карман брюк.

Миновал один коридор, миновал другой и ту же операцию проделал, чтобы разжиться ключом от блокиратора на гичке. Вернее, попытался проделать.

Но тамошний дежурный глянул на бумаги, почесал в затылке и сказал:

— Извините. Такие требования должны быть завизированы лично начальником службы охраны. Часок придется подождать. Он сейчас на совещании у архиуриелита.

Хэл убрал бумаги.

Не горит. Дело есть. Завтра утром загляну. По пути домой прикинул план действий. Прежде всего сделать Жанетте укол, перенести ее в гичку и рвануть километров на сорок — сорок пять. Тогда-то и взломать кожух под панелью управления, два проводка закоротить, один перебросить на соседнюю клемму. Так снимается пятидесятикилометровое ограничение. Увы, при том на «Гаврииле» сработает сигнал тревоги.

Вся надежда на то, что к этому времени удастся уйти на гряду к западу от Сиддо. Гряда помешает, сигнал об отключении блокиратора до «Гавриила» дойти не должен. Но автопилот на гичке врубится, а на ходу, может, удастся разбить передатчик пеленг-сигнала, и тогда их никто не сыщет.

И если вести гичку на бреющем полете, есть шанс, что не заловят до самого рассвета. На рассвете надо будет нырнуть в ближайшее озеро или в глубокую реку и отлежаться до темноты на дне. Когда стемнеет, можно будет вынырнуть и рвануть в тропики. А если радар покажет признаки погони, можно попробовать идти подводным ходом. К счастью, гидроакустических приборов на «Гаврииле» нет.

Хэл оставил гичку у поребрика. Затопал по ступенькам. Попал ключом в скважину с третьей попытки. Запирать за собой не стал, просто прихлопнул дверь.

— Жанетта!

В жар бросило: вдруг она в полубреду встала, сумела открыть дверь и ушла!

Донесся тихий стон. Отпер спальню, распахнул дверь — Жанетта лежала с широко открытыми глазами.

— Жанетта, тебе не лучше?

— Нет. Хуже. Много хуже.

— Люба, не переживай. Я такое лекарство достал, что ты у меня козочкой запрыгаешь! Через пару часов вскочишь и начнешь кричать: «Где бифштекс?» А на молоко и глядеть не захочешь. Канистру «негоридуши» потребуешь. И...

И на полуслове осекся, увидев, как она изменилась в лице. Не лицо стало, а каменная маска отчаяния, точь-в-точь как жутковатые резные деревянные маски греческих трагиков.

— Матерь великая! — простонала. — Что ты сказал? «Негоридуша»? — ее голос окреп. — Так ты поил меня «негоридушой»?

— Буверняк, Жанетта. Да что ты? Тебе же нравилось. Какая разница? Сейчас мы...

— Ой, Хэл, ой, Хэл, что же ты натворил!

Серая скорбная маска исказилась. Хлынули слезы. Если бы камень мог плакать, так плакал бы камень.

Хэл развернулся, бросился на кухню, вынул упаковку, сорвал пленку, воткнул иглу в ампулу. Вернулся в спальню. Пока искал иглой вену, Жанетта молчала. А ему страшно стало, что игла сломается. Кожа у Жанетты сделалась, как ломкая корка.

— Землян эта штука поднимает, глазом моргнуть не успеешь, — сказал он, из всех сил стараясь изобразить жизнерадостную, полную оптимизма медсестру.

— Иди сюда, Хэл. Все это... все это не поможет.

Он вырвал иглу, протер место укола спиртом, наложил тампончик. Встал на колени рядом с постелью, поцеловал Жанетту. Губы у нее стали жесткие, как подошва.

— Хэл, ты меня любишь?

— А ты все не веришь? Сколько раз повторять?

— Что бы ты ни узнал про меня?

— Я про тебя и так все знаю.

— Нет, не знаешь. Не можешь знать. Ой, Великая матерь, надо было тебе сказать! Может, ты меня не разлюбил бы. Может...

— Жанетта! О чем речь?

Она сомкнула веки. И вдруг у нее начались судороги. Когда приступ миновал, зашептала непослушными губами. Он нагнулся поближе, чтобы расслышать.

— Что ты сказала? Жанетта, повтори!

Схватил ее за плечи, затряс. Жар у нее явно спал, плечи были холодные. И шершавые, как камень.

Донеслись тихие, полувнятные слова.

— Меня... к теткам... к сестрам... знают... что делать... не ради меня... ради...

— О чем ты?

— ... будешь... до самой... любить...

— Да! Ты же знаешь! Не о том разговор, нам улепетывать отсюда надо!

Может быть, она и расслышала, но никакого знака не подала. Голова откинулась на подушку, нос уставился в потолок. Глаза закрыты, губы сомкнуты, руки вдоль тела ладонями вверх. Грудь неподвижна. Если дыхание и есть, то такое слабое, что ни малейшего шевеления груди ни на взгляд, ни на ощупь не уловить.

Глава 18

Хэл молотил в дверь квартиры Лопушка, пока та не распахнулась. На пороге стояла супруга сострадалиста.

— Хэл, как вы меня напугали!

— Где Лопушок?

— Он на медфаке. У них ученый совет.

— Он мне срочно нужен.

Внизуня едва успела крикнуть вслед:

— Давайте за ним! Он на этих заседаниях дохнет от скуки!

Скатился вниз через три ступеньки, наискось пересек лужайку с такой быстротой, что в легких горело. Не замедляя бега, одолел лестницу здания медфака и бурей ворвался в зал заседаний.

Хотел слово сказать — пришлось остановиться и перевести дух.

Лопушок вскочил.

— Что случилось?

— Идем... идемте. Вопрос... жизни... смерти.

— Простите, господа, — сказал Лопушок.

Десяток жучей вразнобой закивали, заседание продолжилось. Сострадалист накинул плащ, надел шапочку с бутафорскими сяжками и вывел Хэла вон.

— Говорите, что случилось!

— Слушайте. Я вынужден вам довериться. Понимаю, что вы ничего не можете мне обещать. Но думаю, не выдадите нашим — не то у вас воспитание.

— Переходите к сути, друг мой.

— Слушайте. При всем вашем общем отставании эндокринология у вас не уступает нашей. И у вас есть опыт. Вы же изучали ее анатомию, физиологию и обмен веществ. Вы...

— Чью анатомию? Чью физиологию? Вы имеете в виду Жанетту? Жанетту Растиньяк? «Лэйлиточку»?

— Да. Она прячется у меня в квартире.

— Знаю.

— Знаете? Откуда? Я...

Жуча положил руку на плечо Хэла.

— И вам кое о чем следует знать. Я собирался вам сказать об этом вечером, после возвращения домой. Нынче утром землянин по имени Арт Хьюнех Пукуи снял квартиру в доме напротив — окна в окна с вашей. Заявил, что хочет жить среди нас, чтобы иметь возможность ускоренно изучать местный язык и нравы. Но большую часть времени провел за возней с чемоданом, в котором, как я полагаю, находится аппаратура для подслушивания того, что происходит у вас в квартире. Однако хозяин дома глаз с него не спускал, так что у вашего сородича не было возможности полностью развернуть наблюдение.

— Пукуи — аззит.

— Вам лучше знать. Как раз сейчас он у себя в квартире следит за нашим домом с помощью сильной оптики.

— И, возможно, даже слышит эти наши слова, — сказал Хэл. — У него сверхчувствительная аппаратура.

— Успокойтесь, стены здесь толстые, звуконепроницаемые. Не обращайте на него никакого внимания, но сделайте для себя выводы.

Лопушок следом за Хэлом вошел в спальню. Пощупал лоб Жанетты, хотел поднять веко и заглянуть в зрачок. Веко не поддалось. Лопушок хмыкнул.

— Однако! Кальцификация кожного покрова далеко зашла.

Одной рукой Лопушок сбросил с Жанетты одеяло, другой ухватил халатик за воротник и рванул так, что пуговки поотлетели. Отшвырнув халатик, Жанетта лежала нагая, безмолвная, лилейно-белая и прекрасная, будто дело рук замечательного ваятеля.

Со стороны глядя, это было похоже на нападение, и Хэл чуть не вскрикнул. Но подавил вскрик, поняв, что Лопушок действует как врач. Никаких иных чувств жуча при этом зрелище изведать был не способен.

Теряясь в догадках, Хэл во все глаза следил за Лопушком. А тот помял кончиками пальцев плоский живот Жанетты, прижался к нему ухом. Выпрямился и покачал головой.

— Не стану обманывать вас, Хэл. Постараемся сделать все, что сможем, но не все в нашей власти. Если яйца не созрели и нам удастся удалить их целыми, то это вкупе с сывороткой, которую вы ей ввели, может обратить процесс вспять, и тогда она выкарабкается.

— Яйца?

— Потом, потом. Укутайте ее для отправки. Я сбегаю наверх, доктору Ножжу позвоню.

Ярроу развернул одеяло рядом с Жанеттой. И перекатил ее на одеяло. Она была цельнотверда, как манекен с витрины. Накрыл Жанеттино лицо. От окаменевшего взгляда делалось не по себе.

Взвыла браслетка. Хотел было отключить, но помедлил. Браслетка выла громко, требовательно. Поколебавшись, решил, что, если не ответит, на «Гаврииле» разом поднимут тревогу.

— Ярроу?

— Буверняк.

— Ярроу, явитесь к архиуриелиту. В течение четверти часа.

— Буверняк.

Вернулся Лопушок и спросил:

— Что собираетесь делать?

Хэл постоял с открытым ртом и сказал:

— Берите за плечи, я возьму за ноги. Она так закоченела, что носилок не надо.

Когда спускались по лестнице, набрался духу и спросил:

— Лопушок, сможете спрятать нас после операции? Теперь нам не удастся уйти на гичке.

— Не волнуйтесь. У ваших сородичей вот-вот окажется столько хлопот, что будет не до вас, — загадочно бросил жуча через плечо.

За минуту внесли Жанетту в гичку, доставили в больницу и выгрузили. Хэл сказал:

— На секундочку положим ее на землю. Я переключу гичку на автоматический возврат, путь идет на «Гавриил». Так они, по крайней мере, не будут знать, где я.

— Не надо. Пусть стоит. Может быть, она вам после понадобится.

— После чего?

— Поговорим попозже. А вот и доктор Ножж...

Хэл расхаживал по комнате ожидания из угла в угол, дымил «Серафимской», что твой паровоз. Лопушок сидел на стуле, потирал голую макушку, теребил торчащий на затылке золотистый крученый вихор.

— Всего этого можно было избежать, — огорченно сказал он. — Если бы я знал, что «лэйлита» прибилась к вам, я сообразил бы, зачем вам понадобилась «негоридуша». Хотя вряд ли. Ведь я уже двое суток в курсе, что она у вас, а все-таки не догадался. Слишком занят был операцией «Землянин», времени не было подумать о Жанетте.

— Операция «Землянин»? Это что такое? — спросил Хэл.

Четверогубый рот Лопушка растянулся в усмешке так, что стали видны острые зазубренные жвалы.

— Некоторое время не могу вам сказать, поскольку ваши сородичи на «Гаврииле» очевидным образом способны выведать у вас о ней, прежде чем следует. Однако, видимо, могу без особых опасений поставить вас в известность, что мы полностью в курсе вашего плана распространить в атмосфере планеты смертоносный вирус, который разрушает белок крови.

— Прежде я пришел бы от этого в ужас, — сказал Хэл. — А теперь мне все равно.

— Даже не поинтересуетесь, как мы доведались?

— А что проку? — вяло сказал Хэл.

— Прочесть ваши мысли мы, конечно, не могли. Но тут у нас есть пара сяжков, — тронул себя Лопушок за непомерно длинный нос. — Они очень чутки, в ходе эволюции наше обоняние не притупилось, не то, что у вас, у землян. Посредством этих органов, через запахи, мы способны уловить мельчайшие перемены в обмене веществ у окружающих. Когда один из ваших уполномоченных обратился к нам с просьбой о предоставлении образцов крови для научных исследований, мы уловили подспудную эмоцию. Я правильно выражаюсь? «Подспудную»? В конце концов мы предоставили вам эти образцы. Но взятые у скота, в кровяных тельцах которого используется медь. А у нас в крови переносчиком кислорода работает магний.

— Значит, наш пситовирус ударит мимо цели?

— Да. Конечно, через какой-то срок, необходимый для обучения свободному чтению наших книг и соответствующих учебников, можно разобраться, как обстоит дело в действительности. Но прежде чем ваши специалисты разберутся, я верю, надеюсь и молюсь, окажется слишком поздно, чтобы их осведомленность имела хоть какое-нибудь значение.

Сострадалист очертил круг у себя над головой.

— А мы тем временем убедились в правоте своих подозрений. Увы, для этого пришлось применить силу, но на карте стояла целиком наша жизнь, агрессорами выступили вы, земляне, а в такой обстановке цель оправдывает средства. Неделю тому назад нам наконец удалось захватить одного из ваших биохимиков вместе с его АХ'ом во время визита к нам на факультет. Мы ввели им «сыворотку правды» и допросили под гипнозом. Разобрались с трудом, но мешал главным образом языковый барьер. Один я сносно владею американским. Мы в ужас пришли. Но не удивились. Прежде всего потому, что носом чуяли: вот-вот должно произойти что-то неприятное. Так что недаром мы готовились к контрдействиям с момента вашей посадки. С того самого дня мы трудились не покладая рук. Ваш корабль, как вам известно...

— Что же вы меня-то не допросили под гипнозом? — сказал Хэл. — Это легко было сделать, причем очень давно.

— Потому что сомневались в вашей осведомленности насчет планов, связанных с нашей кровью. Нам нужен был кто-то знающий. Но за вами мы следили. Правда, плохо, раз вы сумели тайно провести к себе «лэйлиту».

— А как вы дознались, что Жанетта у меня? — спросил Хэл. — И можно мне повидаться с нею?

— Ну, на ваш второй вопрос я должен ответить отрицательно, — сказал Лопушок. — А на первый вопрос отвечу, что не далее как двое суток тому назад нам удалось изготовить подслушивающее устройство, по своим техническим данным заслуживающее хлопот по подбрасыванию к вам в квартиру. Как вам известно, в некоторых областях мы сильно отстаем от вас.

— Сначала я каждый день осмотры в квартире устраивал, — сказал Хэл. — А потом бросил, поскольку убедился, что в электронике вы не тянете.

— Да, нашим ученым пришлось потрудиться, — сказал Лопушок. — Ваше появление вынудило нас ускорить исследования в кое-каких специальных областях.

Вошла медсестра и сказала:

— Доктор, вас к телефону.

Лопушок вышел.

Ярроу снова забегал по комнате, еще одну сигарету закурил. Лопушок вернулся минуту спустя и сказал:

— А к нам вот-вот нагрянут компаньоны. Один из наших, что наблюдают за кораблем, сообщил, что Макнефф и двое аззитов отбыли на гичке в город. Будут здесь, в больнице, с минуты на минуту.

Ярроу остолбенел. Челюсть отвисла.

— Здесь? Как они могли дознаться, что я здесь?

— Легко себе представить, что для этого у них имеются средства, о которых как-то недосуг было вас уведомлять. Но не робейте.

Бежать? Ноги не шли. Сигарета, дорогая, обожгла пальцы. Уронил ее на пол, растер подошвой.

В коридоре раздалось клацанье кованых сапог.

Вошли трое. Впереди долговязый тощий призрак — архиуриелит Макнефф. А следом два коренастых плечистых мужичка в черном. В мускулистых руках пусто, но поза у каждого: чуть что — мгновенно извлекут весь набор из карманов. Хмурыми взглядами окинули сперва Лопушка, потом Хэла.

Макнефф шагнул к ШПАГ'у. Водянистые глаза полыхнули, безгубый рот растянулся, зубы оскалились, как у черепа.

— Выродок! Нет для вас другого слова! — люто выкрикнул Макнефф.

Дернул рукой, свистнула отстегнутая плеть. Красные полосы вспыхнули на бледном лице Ярроу, начали наливаться кровью.

— Вы будете доставлены на Землю в цепях, и там вас выставят публично как мерзейшего извращенца, как предателя, как...

Макнефф задохнулся, ему не хватило слов.

— Вы! Вы прошли элохимметр, вас сочли безупречнейшим из безупречных, а вы — вы предались сладострастию, валялись с насекомым!

— Что?!

— Да. С существом примитивнее любого зверя полевого! Такое Моисею даже в голову не пришло, когда он запрещал скотоложество, такое Впереднику не предначерталось, когда он подтверждал Моисеев запрет и назначил за его нарушение высшую меру, — а вы это совершили! Вы, Хэл Ярроу, удостоенный носить на груди «ламед», означающий безупречность!

Лопушок встал и произнес густым басом:

— Позвольте вам заметить, вы не точны в таксономии. Это существо не относится к классу насекомых. Оно относится к классу хордовых псевдочленистоногих. Если угодно, предложите равноценное наименование.

— Что? — повторил Хэл в полной растерянности.

— Помолчите, когда я говорю, — рыкнул жуча. И обернулся к Макнеффу. — Вам известно об этом существе?

— Буверняк, известно. Ярроу готовил побег вместе с ним. Но как ни хитрят еретики, все равно попадаются. В данном случае он попался, когда спросил у историка о французах, покинувших Землю. Историк, ревностный слуга Госуцерквства, донес об этом разговоре. Мне было сообщено немедленно. Я прочел и передал донесение психологам. Они доложили, что вопрос ШПАГ'а выходит за рамки ожидаемых. Наличие такого вопроса — показатель того, что особь поддерживает нежелательные связи, а мы об этом не осведомлены. Отказ отрастить бороду

только усилил подозрения. Было установлено наблюдение. Наблюдение показало, что поднадзорный закупает продукты в двойном количестве. Вы переняли у нас обычай курить табак, стали изготовлять сигареты, и поднадзорный был прослежен при покупке этих сигарет. Вывод был очевиден. У него в месте проживания прячется некая самка. Причем не жуча, поскольку жуче прятаться незачем. Значит, женщина. Невозможно было понять, каким образом он обзавелся женщиной на Оздве. Провезти ее сюда на «Гаврииле» он не мог. Одно из двух: либо она прибыла сюда на каком-то другом корабле, либо является потомком народа, который располагал такими кораблями. Беседа Ярроу с историком дала ключ к загадке. Очевидным образом, французы побывали здесь и женщина, которую он прячет, — их потомок. Как они встретились, нам неизвестно. Да это и не столь важно. Важно, что мы оказались правы.

— Вы не договариваете, — спокойно заявил Лопушок. — Каким образом вы дознались, что она не человек?

— Мне бы сесть, — пролепетал Ярроу.

Глава 19

Хэл попятился и рухнул на стул у стены. Один из аззитов сделал движение к нему. Макнефф жестом остановил аззита и сказал:

— Этот историк сыскал жучу, который прочел ему книгу об истории оздвийских людей. Там столько про этих «лэйлит» написано, что само собой возникло предположение насчет породы этой красотки. А на прошлой неделе один из ваших медиков в беседе с тем же историком похвалился, что недавно лично наблюдал «лэйлиту». И упомянул, что она совершила побег. Сопоставив все эти данные, нетрудно было догадаться, где она скрывается.

— Друг мой, а вы разве не прочли книгу Уи'инэи? — обернулся Лопушок к Хэлу.

Тот помотал головой.

— Начали было, но Жанетта ее куда-то дела.

— И, несомненно, изрекли по этому поводу, что у вас есть иные предметы для занятий... более занимательные для мужчин. Вполне допускаю. Таковы жизненные цели «лэйлит».

Лопушок повел носом и продолжил:

— Что ж, придется взяться за объяснения мне. «Лэйлиты» — самый совершенный из известных пример мимикрического паразитизма. И уникальное явление среди мыслящих существ. Уникальное тем, что все они самки. Если бы вы прочли книгу Уи'инэи, вы весьма просветились бы на этот счет. Судя по костным останкам, еще в ту пору, когда «человек оздвийский» был мартышкоподобным насекомоядным, в его семейных группах наличествовали не только

самки его собственного вида, но и существа, относящиеся к совершенно иному зоологическому типу. Эти существа выглядели почти так же, как самки палеогоминидов-мартышек, и, по-видимому, выделяли такие же ароматические аттрактанты. Это позволяло им спариваться с самцами палеогоминидов и таким образом организовать себе комфортную продовольственную нишу. У них был внешний облик млекопитающих, и только вскрытием можно было выявить их происхождение от псевдочленистоногих. Разумно предположить, что эти предшественницы «лэйлит» паразитировали на «человеке оздвийском» задолго до обезьяноподобной стадии его развития. Возможно, этот симбиоз существовал еще с момента выхода предков «человека» из моря на сушу. Первоначально двуполые, «лэйлиты» приобрели все признаки самок. И в ходе неизвестного нам эволюционного процесса выглядели сначала как самки пресмыкающихся, позже — как самки примитивных млекопитающих, и так далее. Но зато мы точно знаем, что «лэйлиты» — это увлекательнейший опыт матери-природы в области паразитизма и эволюционной конвергенции. По мере прогресса «человека оздвийского» «лэйлиты» следовали за ним шаг в шаг. И, будучи самками, заметьте, нуждались в самце, принадлежащем к иному зоологическому типу живых существ, для продолжения собственного вида. Остается лишь строить догадки относительно того, каким образом они вливались в первобытные стаи оздвийских питекантропов и неандертальцев. Но подлинные затруднения начались у «лэйлит» лишь с появлением оздвийского «хомо сапиенс». Некоторые племена и роды принимали «лэйлит», некоторые уничтожали их. Им пришлось прибегнуть к хитрости и полностью уподобиться женщинам людского племени. Это было нетрудно, пока они не беременели. Забеременев, они погибали.

Хэл застонал и закрыл лицо руками.

— Грустно, но — истиннизм, как выразился бы наш любезнейший друг Макнефф, — сказал Лопушок. — В этом случае вид мог существовать лишь при наличии тайной организации «лэйлит». Успешно маскирующаяся в повседневной жизни, забеременевшая «лэйлита» должна была покинуть человеческую общину. И гибла в каком-нибудь укромном месте, где ее товарки принимали на себя заботу о детве, — (тут Хэла передернуло), — пока та созревала для контакта с человеческой средой в качестве найденышей или подмененных детей. В древнем племенном фольклоре имеются сказки и мифы, в которых «лэйлиты» действуют как центральные и побочные персонажи, причем довольно обиходные. Их считали ведьмами, демонами, а то и худшими существами. Однако с изобретением вина положение «лэйлит» изменилось к лучшему. Алкоголь делал их стерильными. А это в свою очередь означало для них, если не принимать во внимание несчастных случаев, инфекционных заболеваний или прямого убийства, практическое бессмертие.

Хэл убрал руки с лица.

— То есть... то есть вы хотите сказать, что Жанетта имела возможность жить... вечно? Что мой поступок обошелся ей...

— Она могла бы жить несколько тысяч лет. Некоторым «лэйлитам» такое удавалось. И более того, они избавлены от физического старения и весь этот срок сохраняют состояние, соответствующее двадцатипятилетнему возрасту. Позвольте мне продолжать. Так надо. Кое-что из того, что скажу, вас очень огорчит. Но иначе нельзя.

Диву можно было даться, как чисто заговорил Лопушок по-американски, но Хэл не обратил внимания на это.

— Долгожительство «лэйлит» привело к тому, что их стали почитать как высшие существа. Бывали случаи, когда «лэйлиты» присоединялись к малозначительным племенам, эти племена выступали организаторами могучих империй, империи существовали по нескольку веков, и, когда наконец рушились, то сами «лэйлиты» все еще оставались живы. Такие «лэйлиты», разумеется, расценивались как хранительницы мудрости, стражи сокровищ и символы власти и могущества. А то и как бессмертные богини, сексуальными партнерами которых непременно должны выступать сменяющие друг друга цари или верховные священнослужители. Но существовали и сообщества, где «лэйлиты» были вне закона. Таким сообществам грозило либо нападение со стороны соседних «лэйлитархальных», либо тайное проникновение «лэйлит» и их закулисное господство. Отличаясь красотой, «лэйлиты» становились женами и наложницами самых влиятельных мужчин. В соревновании с подлинными женщинами «лэйлиты» побеждали без особых усилий, ибо в «лэйлите» природа воспроизвела само женское совершенство. И в отношениях с партнерами-мужчинами у «лэйлит» никаких трудностей не возникало: они господствовали. Однако этого нельзя сказать об отношениях между ними самими. Изначально единое тайное сообщество «лэйлит» раскололось. Они начали отождествлять себя с народами, у которых правили, стали науськивать эти народы друг на друга. Сверхдолгожительство приводило к тому, что молодая смена «лэйлит» теряла терпение в ожидании своей очереди. Результат — кровавые распри, борьба за власть и тому подобное. А с точки зрения ученых-технологов, воздействие «лэйлит» вело к застою. Будучи самками, они всеми силами стремились сохранить «статус кво» в любой области культуры, и таким образом цивилизации «человека оздвийского» была сообщена тенденция к устранению новых, прогрессивных замыслов и людей — носителей этих замыслов.

Лопушок помолчал и продолжил:

— Боюсь, эти суждения по большей части покажутся вам умозрительными. Напрасно. Они основаны на рассказах тех немногих дикарей, которых нам удалось обнаружить. Недавно был открыт многосотлетней давности храм с настенной росписью, и пиктографи-

ческие изображения оттуда дали нам дополнительные сведения. Поэтому мы полагаем, что принятая у нас реконструкция истории «лэйлит» в общих чертах соответствует истине. И, кстати, Жанетта совершенно напрасно совершила побег. По окончании обследования мы собирались вернуть ее в родную семью. Мы ей об этом говорили, но она не поверила.

Из операционной вышла жуча-медсестра и что-то шепотом сказала сострадалисту.

Макнефф навострил было уши, не скрывая интереса к их разговору. Но медсестра говорила по-сиддийски, а сиддийского архиуриелит на слух не воспринимал, поэтому отвернулся и снова заходил по комнате из угла в угол. Хэл никак не мог понять, почему до сих пор не схвачен и не выпровожен вон, почему сандальфон ждет окончания Лопушковой лекции. Наконец понял: Макнефф хочет, чтобы он, Хэл Ярроу, все это выслушал и осознал всю глубину своего падения.

Медсестра вернулась в операционную. И архиуриелит громко спросил:

— Не сдох еще зверь полевой?

Хэл вздрогнул, как от удара, услышав слово «сдох». Но Лопушок пропустил мимо ушей вопрос Макнеффа. Он обратился к Хэлу.

— Ваши личин... то есть дети, извлечены. Они помещены в инкубатор. Они-и... — он запнулся. — У них прекрасный аппетит. Будут жить.

По тону Лопушка Хэл понял, что спрашивать о матери нет смысла.

Крупные слезы покатились из круглых голубых глаз сострадалиста.

— Вам не понять случившегося, Хэл, до тех пор, пока вы не в курсе оригинальнейшего способа размножения «лэйлит». «Лэйлита» беременеет в результате сочетания трех событий. Первое должно предшествовать двум остальным. Это первое событие я бы назвал инфицированием «лэйлиты»-подростка со стороны любой другой взрослой «лэйлиты». Этим инфицированием осуществляется передача генов.

— Генов? — переспросил Хэл. Даже в таком состоянии в нем затеплился любознательный интерес к словам Лопушка.

— Да. Поскольку «лэйлита» не получает от самца-человека никакого генного материала. «Лэйлиты» получают таковой материал одна от другой. Самец-человек им нужен, но не как поставщик генов. Однако об этом позже. Разрешите и позвольте мне пояснить. У взрослой «лэйлиты» имеются три генных банка. Два из них являются дубликатами внутривидового хромосомного набора. О третьем речь впереди. Первый банк заключен в яйцеклетках, находящихся в матке «лэйлиты». Второй — в микроскопических живчиках, которые образуются в огромных слюнных железах, находящихся у нее в полости рта. Генный

набор в яйцеклетках и живчиках совершенно одинаков. Взрослая «лэйлита» выделяет слюнных живчиков постоянно. И через их посредство инфицирует «лэйлиту»-подростка точно так же, как осуществляется передача обычной инфекции. Передача неизбежна: через поцелуи, через чихание, через прикосновение. До наступления половой зрелости «лэйлита»-подросток, по-видимому, защищена от такого инфицирования естественным иммунитетом. А созрев и будучи однажды инфицирована, слюнными живчиками от прочих взрослых «лэйлит» тоже не заражается. В ее организме вырабатываются соответствующие антитела. А вот первые слюнные живчики с током крови, через кишечно-желудочный тракт и кожный покров в конце концов достигают матки. Происходит соединение внутриматочных яиц с полученными извне слюнными живчиками. Образуются зиготы. Но на этой стадии оплодотворение приостанавливается. Фактически весь генный материал для потомства уже обеспечен. Весь, за исключением той части, которая ответственна за передачу черт лица. Именно эту информацию должен поставить самец-человек, становящийся сексуальным партнером «лэйлиты». И поставляет в ходе двух одновременно протекающих событий. Первым таким событием является оргазм. Вторым — возбуждение фотокинетической нервной системы. Одного без другого в естественных условиях не бывает. Оба не могут наступить, пока не произошло слияния приобретенных слюнных живчиков с маточными яйцами. Очевидно, такое слияние вызывает некие изменения в химизме «лэйлиты», делает ее способной к оргазму и полностью раскрывает возможности фотокинетической нервной системы.

Лопушок примолк, склонил голову набок, будто к чему-то прислушался. По опыту общения с жучами Хэл знал, что означает то или иное выражение у них на лицах, и понял, что Лопушок ждет не дождется какого-то важного события. Очень важного. Причем касающегося землян.

И содрогнулся при мысли, что находится на стороне жучи! Больше не чувствует себя землянином. По крайней мере, перестал быть, что называется, верным сыном Союза ВВЗ.

— Не сбил ли я вас с толку окончательно? — спросил Лопушок.

— Сбили, — ответил Хэл. — Я, например, в жизни не слышал о фотокинетической нервной системе.

— Фотокинетическая нервная система существует только у «лэйлит». Ее нервные пути начинаются на сетчатке глаз и проходят в мозг параллельно с глазными нервами. Оттуда следуют вдоль позвоночника и заканчиваются в матке. Матка у «лэйлит» ни в чем не похожа на человеческую. Даже не пытайтесь сравнивать. Уподобил бы матку «лэйлиты» фотолаборатории утробы, где биологическими средствами воспроизводится портрет «отца». И одновременно видоизменяется в женские лица его «дочерей». Это осуществляется посредством отбора фотогенов, которыми пополняются зиготы. Фотогенный банк — это тот

самый третий банк, о котором я упомянул. Во время полового акта, а точнее, в момент оргазма, в фотокинетической нервной системе происходят некие изменения, вернее, последовательности изменений. На свету, который «лэйлите» совершенно необходим, если она хочет испытать оргазм, как бы фотографируется лицо партнера. Рефлекторная дуга в этот момент не дает «лэйлите» закрыть глаза. Более того, если она прикроет глаза рукой, оргазм не наступает. И она настаивает, чтобы и партнер в это время не закрывал глаз. Уверен, что она требовала этого от вас во время половых сношений, а вы, в свою очередь, заметили, как у нее при этом сужаются значки. Это безусловный рефлекс, приводящий к тому, что поле зрения «лэйлиты» ограничивается пределами вашего лица. Зачем? Затем, чтобы фотокинетические нервы получили данные исключительно о вашем лице. Таким образом, например, информация о цвете ваших волос передается в банк фотогенов. Каким именно образом это происходит, мы не знаем. Но знаем, что происходит. У вас каштановые волосы. И сведения об этом поступили в банк фотогенов. В банке производится подавление генов иного цвета волос. А ген каштановых волос удваивается и поступает в зиготы, в ту часть хромосомного набора, которая определяет внешний облик. То же происходит и с иными генами, в которых зафиксированы прочие черты соответствующего лица. Например, форма носа, модифицированного в женский, избирается путем подбора целой последовательности генов, имеющихся в фотобанке. Они редуплицируются, и копии поступают в зиготы.

— Слышите! — торжественно завопил Макнефф. — Вы наплодили личинок! Ублюдков от нечистого антиистинного союза! Насекомую нечисть! И она тысячи лет впредь будет свидетельствовать о вашей извращенной похоти...

— Я не знаток человеческой красоты, — вмешался Лопушок. — Но этот молодой человек выглядит здоровым и не лишенным приятности черт. Имею в виду в вашем человеческом понимании.

Он обернулся к Хэлу.

— Теперь вам понятно, почему Жанетта так настаивала на том, чтобы половые сношения происходили при свете. И почему она симулировала алкоголизм. Употребление некой дозы спирта перед сношением приводит к анестезии фотокинетической нервной системы, весьма чувствительной к радикалам спиртов. Таким образом оргазм достигается, а зачатия не наступает. Смертоносная для «лэйлиты» новая жизнь продолжает дремать в ней. Но когда вы начали разводить таракановку «негоридушой» во все возрастающих дозах, разумеется, не зная, к чему это приведет...

Макнефф разразился злорадным хохотом.

— Какая ирония! Истинно сказано: всякое отступление от истинизма означает смерть!

Глава 20

А Лопушок сказал:

— Не стесняйтесь, Хэл. Плачьте, если хочется плакать. Вам станет легче. Не можете? Сочувствую от обоих своих сердец.

Перевел дыхание и продолжил:

— Как бы человекоподобно ни выглядела «лэйлита», ей не избежать судьбы членистоногого. «Лэйлита»-мать обречена на гибель. Что миллионы лет назад, что теперь, когда во чреве этого биологически примитивного существа из яиц вылупляются личинки, одновременно в теле матери выделяется особый гормон. Он вызывает кальцификацию внешнего покрова и превращает мать как бы в продовольственный склад, замурованный в склепе. В подобие раковины. Личинки пожирают внутренние органы и скелет, размякший от дефицита кальция. Дело личинок — питаться и расти, и когда эта стадия завершается, они преображаются в детву. Детва быстро приобретает облик человеческих детенышей, но вид самих личинок показался бы вам отталкивающим. Впрочем, вряд ли они так уж безобразнее пятимесячного человеческого эмбриона. Разумеется, на мой взгляд. Детва покидает раковину, расколов ее изнутри в слабом месте. Таким слабым местом у «лэйлиты» является пупок. Область пупка не кальцифицируется, кожа там остается мягкой. Ко времени выхода детвы мягкая мышечная ткань в этой области разрушается. При этом выделяются вещества, вызывающие охрупчивание внешнего покрова почти всего живота. Детва, хотя она и слабее, чем новорожденный человеческий детеныш, и много меньше его по размерам, руководимая инстинктом, разбивает изнутри истончавшую хрупкую корку. Обратите внимание: в принципе, поскольку личинки не связаны с матерью посредством пуповины, никакого пупка у «лэйлит» нет. Есть просто тканевое образование того же внешнего вида, исполняющее двойственную роль: сперва мимикрическую, потом функциональную. То же самое можно сказать и о грудях взрослой «лэйлиты». Точно так же, как груди настоящих женщин, груди «лэйлиты» исполняют сексуальную и репродуктивную функции. Но производят они отнюдь не молоко. В момент, когда вылупляются личинки, грудные железы «лэйлиты» начинают работать как мощные насосы, поставляющие гормон кальцификации внешнего покрова. Ничто не должно пропасть даром, природа бережлива. Все те органы, которые помогают «лэйлите» прижиться в человеческом обществе, так или иначе потом участвуют в процессе «смерти-рождения», свойственном ей как зоологическому виду.

— Могу понять необходимость в фотогенах на стадии эволюции развитого гоминида, — отозвался Хэл. — Но когда «лэйлиты» находились еще на животной стадии эволюции, что за смысл был в животной стадии эволюции, что за смысл был в воспроизводстве особенной лицевой части «отцовского организма»? У обезьяноподобных разница в

чертах лица самцов невелика и не играет роли в повседневной жизни, и то же самое можно сказать и о самках.

— Не знаю, — сказал Лопушок. — Возможно, в те времена фотокинетической нервной системы не существовало. Возможно, она развилась лишь на поздних стадиях эволюции как адаптация структуры, исполнявшей какую-то другую роль. А возможно, сама является рудиментарной. Предположительно, фотокинез был средством, которое позволило «палеолэйлитам» изменять форму тела целиком в соответствии с изменениями в пропорциях тела «человека оздвийского», поднимающегося по лестнице эволюции. Резонно предположить, что «лэйлиты» нуждались в таком биологическом аппарате. Мог сгодиться любой — сгодилась фотокинетическая нервная система. К сожалению, когда мы дозрели до научного изучения «лэйлит», на Оздве их практически не осталось. Поимка Жанетты — это было великое везение. Помимо всего прочего у нее обнаружилось несколько органов, функции которых нам так и остались неясны. Отловить бы еще десяток экземпляров — тогда дело пошло бы на лад.

— Еще вопрос, — сказал Хэл. — Что, если у «лэйлиты» будет несколько партнеров? Чьи черты воспроизведутся в потомстве?

— Если она подвергнется групповому изнасилованию, просто не наступит оргазм, он будет подавлен отрицательными эмоциями страха и отвращения. Но если у нее несколько любовников и перед сношениями с ними не употреблялся алкоголь, воспроизведены будут черты лица первого. К моменту, когда начнется сношение со вторым, даже если это наступит немедленно после сношения с первым, процесс развития зигот уже будет инициирован.

Лопушок печально покачал головой.

— Грустно, однако за миллионы лет в этом процессе изменений не произошло. Мать должна отдать жизнь своему потомству. Но взамен природа щедро одарила «лэйлит». Подобно тому, как пресмыкающиеся не перестают расти в течение всей жизни, «лэйлита» не знает смерти, пока не забеременеет. И...

Хэл вскочил и истошно крикнул:

— Да кончайте вы!

— Увы, — мягко сказал Лопушок. — Я просто пытаюсь объяснить вам, почему Жанетта не хотела, чтобы вы узнали, кем она является в действительности. Видимо, она вас любила, Хэл. Всеми тремя началами любви она обладала: природным темпераментом, глубокой впечатлительностью и ощущением единения плоти с вами, единения существ разных полов, такого единения, когда трудно сказать, где начинается одно существо и кончается другое. Мне это ведомо, поверьте. Ведь мы, сострадалисты, способны глубоко проникать в духовную организацию других существ, думать и чувствовать так, как думают и чувствуют они. Но любовь Жанетты была горька. Ее отравляла вера в то, что, узнай вы о ее принадлежности к совершенно чуждой вам

ветви животного царства, отделенной от вашей ветви миллионами лет эволюции, узнай вы о физиологической и анатомической невозможности завершения вашего союза рождением детей, — вы с ужасом отвернетесь от нее. Эта вера окутывала тьмой даже самые светлые минуты...

— Нет! Я все равно любил бы ее! Наверняка пережил бы шок. Но преодолел бы. Ведь она была так человечна! Намного более человечна, чем все женщины, которых я знал!

Макнефф издал странный звук, будто его вот-вот стошнит. Овладел собой и закричал:

— Вы, погрязшая особь! Как вы можете упорствовать теперь, когда знаете, с какой поганью предавались похоти? Выдавили бы себе глаза, которые любовались этой мерзостью мерзости! Вырезали бы себе губы, которые лобзали эту пасть насекомого! Руки поотрубали бы, которые с похотливой усладой ласкали это поддельное тело! С корнем вырвали бы сам развратный член...

— Послушайте, Макнефф, — прервал Лопушок этот ураган изуверства.

Длинное лицо сандальфона обратилось к сострадалисту. Глаза выкачены, губы растянуты будто в невероятно широкой усмешке — оскале беспредельной ярости.

— Что? — выдавил он, будто очнулся от глубокого сна. — Что?

— Макнефф, мне хорошо знаком ваш тип мышления. Скажите, вы уверены, что не замышляли использовать «лэйлиту» в своих личных целях, останься она жива? Не объясняется ли ваша ярость и показное отвращение неосуществленностью ваших вожделений? Как ни говорите, у вас уже год не было женщины и...

У сандальфона отвисла челюсть. Кровь бросилась в лицо, оно побагровело. А потом мертвенно побледнело.

Он ухнул, как сова:

— Хватит! Аззиты, взять этого... эту тварь, которая называет себя человеком! В гичку его!

Двое в черном разомкнулись, чтобы подойти к ШПАГ'у спереди и сзади. Не из особой осторожности — просто по привычке. Многолетний опыт научил их не ждать сопротивления. Перед представителями Госуцерквства арестуемый всегда стоит, оцепенев от страха. И несмотря на то, что Хэл был вооружен и они об этом знали, несмотря на всю необычность обстановки, они сочли, что он такой же, как и прочие.

Тем более что он стоял, опустив голову, сгорбясь, руки по швам — типичный арестант.

Но это длилось не дольше секунды — Хэл тигром метнулся вперед.

Аззит, тот, что спереди, отлетел, всплеснув руками, кровь хлынула у него из рта на черный мундир. С размаху ударившись затылком о стену, он сполз на пол и затих, выплевывая зубы.

А Ярроу уже успел развернуться и кулаком ударил в жирное брюхо аззита, того, что позади.

Тот издал рыгающий звук и согнулся. И тут же получил коленом в незащищенный подбородок. Хрустнула челюсть, аззит упал навзничь.

— Осторожно! — крикнул Макнефф. — У него оружие!

Аззит у стены сунул руку под китель, в кобуре под мышкой у него был пистолет. И в тот же миг тяжеленная бронзовая подставка для книг, пущенная рукой Лопушка, раскроила ему висок. Аззит скорчился и затих.

— Сопротивляться, Ярроу? Вы еще сопротивляться? — взвизгнул Макнефф.

— Буверняк, будь ты проклят! — рявкнул Хэл. И головой вперед ринулся на сандальфона.

А тот со всего размаха полоснул плетью. Семь хвостов обвились вокруг головы Хэла, но сбитый с ног излетом натиска поп в лиловой рясе растянулся на полу.

Встал на колени, но на колени встал и Хэл, обеими руками схватил Макнеффа за глотку и сдавил.

Лицо у Макнеффа посинело, он вцепился в запястья Хэла, силясь освободиться. Но Хэл сдавил еще сильнее.

— Не смей! — просипел Макнефф. — Как... сме...

— Еще как смею! — заорал Хэл. — Всю жизнь мечтал, ты, Порнсен! Ты, Макнефф!

И вдруг пол качнулся, задребезжали стекла. И чуть ли не сразу же громовой удар невероятной силы швырнул их, расшибая на лету, внутрь комнаты. Хэла покатило кувырком и ткнуло в угол.

Ночь за окнами засияла светом полдня. И тут же угасла.

Хэл кое-как встал на ноги. Макнефф лежал у его ног, закрыв руками горло.

— Что это? — спросил Хэл у Лопушка.

А тот был уже у окна, тянулся глянуть наружу. Из пореза на шее текла кровь, но сострадалист будто не замечал этого.

— То, чего я ждал, — сказал он.

И обернулся к Хэлу.

— С той самой минуты, как «Гавриил» приземлился, мы повели подкоп и...

— У нас же звукоанализаторы!

— Да! Ловили шум поездов, проходящих под кораблем. Работа шла скрытно, только во время движения поездов. Обычно поезда ходили каждые десять минут. Мы уменьшили интервал до двух минут, увеличили длину состава. Несколько дней назад подкоп был закончен, и мы заложили под «Гавриил» взрывчатку. Верьте слову, дышать стало легче, а то мы боялись, что ваши все же расслышат, да и подкоп мог обвалиться под тяжестью корабля. И капитан мог по каким-нибудь другим причинам сменить место стоянки.

— Так вы его взорвали? — изумленно сказал Хэл. События опережали его способность к оценкам и действиям.

— Вряд ли. Взрывчатки заложили порядочно, но разрушить такой большой и так прочно построенный корабль, как «Гавриил», даже таким зарядом невозможно. К тому же мы и не хотели его разрушать, если уж так-то говорить. Мы хотели изучить конструкцию. Но рассчитали так, чтобы ударной волной, прошедшей сквозь металлическую обшивку, насмерть поразило всех, кто находится на корабле.

Хэл побрел к окну, выглянул наружу. В осиянное лунным светом небо воздвигался разбухающий дымный столб, вскоре он весь город накроет.

— Немедленно пошлите туда своих, — сказал Хэл. — Если взрыв только оглушил офицеров на мостике и они придут в себя, прежде чем будут взяты в плен, они нажмут кнопку и взорвется термоядерная бомба. На мили вокруг все будет уничтожено. По сравнению с этим взрывом ваш — это все равно что младенец пукнул. Мало того. Пойдет такая радиация, что полматерика прикончит, если ветер будет с моря.

Лопушок побледнел, криво улыбнулся.

— Думаю, наши десантники уже на борту. Сейчас позвоню, проверю.

Минуту спустя он вернулся. Уж теперь-то улыбался во все четыре губы.

— Все, кто был на борту «Гавриила», погибли мгновенно, включая персонал на мостике. Я сказал командиру десантной команды, чтобы ни к каким механизмам и приборам управления никто ни под каким видом не прикасался.

— Обо всем подумали, все учли, можете почивать на лаврах, — сказал Хэл.

Лопушок пожал плечами и ответил:

— Мы народ глубоко миролюбивый. Но в отличие от вас, от землян, мы действительно придерживаемся истиннизма в том смысле, что умеем смотреть правде в глаза. И если начинаем войну против хищников, то воюем до конца. На такой планете, как наша, когда кругом одни прожорливые насекомые, опыта борьбы с хищниками у нас больше чем достаточно. Вся наша история — это именно такая борьба.

И глянул на Макнеффа. Тот стоял на четвереньках, выпучив глаза, и тряс головой, как раненый медведь.

— Вас, Хэл, я в число хищников не включаю. Вы вольны идти, куда пожелаете, вольны делать все, что вам угодно, — сказал Лопушок.

Хэл сел на стул. Заговорил осипшим от скорби голосом:

— Всю жизнь, всю жизнь я к этому стремился. К свободе идти, куда хочется, и делать, что хочется. Но зачем теперь мне эта свобода? Никого у меня нет, ничего у меня нет...

— У вас есть очень многое, Хэл, — перебил Лопушок. Слезы катились у него по длинному носу и собирались на кончике в крупные дрожащие капли: — У вас есть дочери, которые нуждаются в вашей заботе и любви. Извлечение из тела матери они перенесли хорошо, в инкубаторе им быть недолго, малютки из них выйдут очаровательные. Они ваши точно так же, как будь они детьми от земной женщины. Даже похожи на вас, в женском облике, разумеется. Ваши гены — это их гены. Что за разница, каким путем это достигнуто: редупликацией хромосом или фотокинезом? И без подруг вы не останетесь: у Жанетты есть тетки, есть сестры, все юные, все красавицы. Уверен, что мы найдем, где они прячутся.

Хэл закрыл лицо руками и сказал:

— Спасибо, Лопушок, но это не по мне.

— Сию минуту, — мягко сказал Лопушок. — Но не век же горевать. Жизнь снова предложит свои дары.

Кто-то вошел. Хэл оглянулся — это была медсестра.

— Доктор Лопушок, мы убираем после операции. Может, этот Безносый желает глянуть на прощанье?

Голова у Хэла затряслась. Лопушок подошел, взял за руку у плеча.

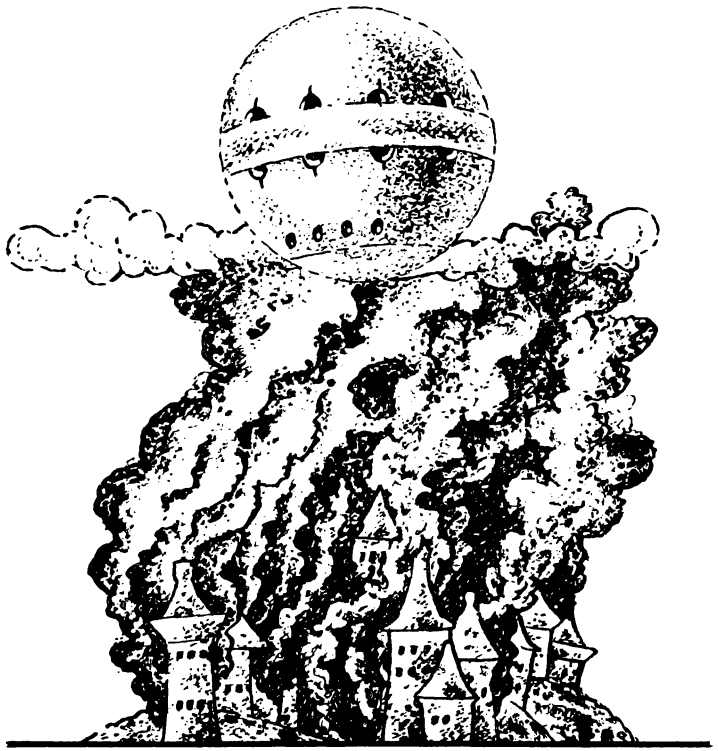
— Вид у вас, как перед обмороком, — сказал он. — Сестра, у вас далеко нюхательная соль?

— Не надо. Нужды нет, — сказал Хэл.

Появились две жучи-медсестры с каталкой. Укрытый белой простыней, там лежал взломанный панцирь, а в нем то, что прежде было Жанеттой Растиньяк. Из-под простыни во всю подушку роскошным веером рассыпались черные кудри.

Хэл не встал. Он сидел на стуле, всхлипывал и бормотал:

— Жанетта-Жанетта! Если бы ты любила меня по-настоящему, ты бы мне сказала...

ДЕЙР

РОМАН

ПРОЛОГ

Куда же они делись?

Сто восемь мужчин, женщин и детей не исчезают с лица Земли просто так!

Затерянная колония на острове Роанок, в Виргинии, исчезла именно так. Виргиния Дейр, первый белый ребенок, родившийся в Северной Америке, была среди тех, кого больше не видели на Земле. Она вместе со своими соплеменниками — выходцами из Англии и несколькими индейцами — исчезла неизвестно куда. Это произошло между 1587 и 1591 годами нашей эры.

Чарльз Форт, летописец давно забытых событий и автор объяснений необъяснимых явлений, знал об этом. Но ему ничего не было известно о некоторых других событиях. И это очень прискорбно, ибо они привели бы его в восторг. Какие гипотезы, какие парадоксальные заключения, исполненные иронии и сарказма, могли бы выйти из-под его пера!

Очень жалко, что никто из его южноамериканских корреспондентов не обратил его внимания на исчезновение генуэзского судна «Буонавита». В последний раз его видела команда испанской каравеллы «Тобоса». Это было 8 мая 1588 года в ста пятидесяти милях от Канарских островов.

Судно шло под португальским флагом. На борту «Буонавиты» было сорок ирландских и двадцать итальянских монахов. Они направлялись в Бразилию, где надеялись обратить в истинную веру язычников. Ни христиане, ни язычники больше их не видели.

Вот такие дела.

Само по себе исчезновение не является событием, достойным особого внимания. Парусники издавна имеют обыкновение выпадать из очевидного хода событий. «Буонавита» упоминается в различных церковных хрониках и в новой истории Бразилии потому, что главой монахов был некто Марко Соццини, или, как его чаще называли, Маркус Социнус. Он был племянником еретика Фаустуса Социнуса, и в Бразилию был направлен специальный папский курьер с приказом

Маркусу немедленно прибыть в Рим для дачи показаний. Этот курьер не смог бы вручить послание папы даже в том случае, если бы знал, где находится этот самый Маркус Социнус.

В то же самое время произошло еще одно событие, сообщение о котором могло бы заставить Форта плясать от радости.

В 1886 году была опубликована после этого никогда не переиздававшаяся книга, содержащая перевод нескольких глав из «Истории турков» Ибн-Кулаида. По случайному, но вполне в духе Форта совпадению, переводчиком был священник методистской церкви, преподобный Фарл Форт. Преисполненный такого же интереса ко всему неортодоксальному, как и его литературный внук, он приводит описание одного арабского историка об исчезновении целого большого каравана всего за одну ночь.

В 1588 году из поля зрения современников исчезли девяносто черкесских красавиц, предназначавшихся для гаремов мусульманских владык, и сорок охранников различных национальностей. Их лошади были найдены стреноженными на ночь. Палатки были готовы для ночлега. Нетронутый ужин остыл, не дождавшись едоков.

Единственным признаком беспорядка был валявшийся на земле окровавленный ятаган. Вместе с кровью к его лезвию прилипла дюжина грубых буроватых волос, которые, по мнению специалистов, не принадлежали ни одному из известных животных. Некоторые, впрочем, считали, что волосы принадлежат медведю, так как неподалеку от лагеря был найден отпечаток лапы гигантского медведя.

Куда, спрашивал Ибн-Кулаид, девались все эти люди? Может быть, их унес джинн в какую-то охраняемую пламенем твердыню? Не его ли волосы прилипли к лезвию?

История не дает ответа на эти вопросы. Так же, как ничего не говорит о таинственном исчезновении колонии Роанок и «Буонавиты».

Еще одно сообщение было бы очень интересно для Форта. Ныне не существующее парижское издательство «Эжилет Пресс» опубликовало очерки о китайском философе восемнадцатого столетия Хо Ки. Он в своих «Замерзших мыслях» мимоходом упоминает, что вся деревня Хан Чу решила в один из вечеров пуститься в дальнее странствие и после этого никто не видел ее жителей.

Еще он писал, что исход этот произошел в 1592 году. И это все.

От 1592 до 2092 года прошло пятьсот лет, срок не такой уж большой в истории Земли. С Земли до планеты Дейр очень далеко, даже для луча света. Дейр является второй планетой звезды, называемой современниками-астрономами Тау Кита. На ней живут говорящие по-английски, на латыни и на языке гривастых.

На старой карте, вычерченной Ананием Дейром, отцом Виргинии, изображен материк, на который высадили похищенных людей.

Называется он Авалоном. Контуры его, в спешке набросанные чернилами, по мере того как планета все больше увеличивалась в размерах при наблюдении из иллюминатора, представляют собой овал с четырьмя выступами, расположенными по центру, будто лепестки шара.

Крестиком обозначено местонахождение первого поселения людей, первоначально называвшегося Новый Роанок. Впоследствии оно было переименовано в поселок Далекий, поскольку маленькая Виргиния Дейр однажды сказала: «Он очень далеко от того места, где я родилась, правда, папа?»

На самой первой карте планеты Дейр помечены места, где водятся необычные для Земли существа, названные по аналогии с похожими на них земными существами, реальными или мифическими.

Глава 1

Джек Кейдж брел по древней дороге. Высокая шляпа с широкими полями защищала его от лучей горячего весеннего солнца. Из-под ее полей карие глаза оглядывали лесные заросли по сторонам дороги. В его левой руке был длинный лук, колчан, набитый стрелами. Слева к широкому поясу были прикреплены кожаные ножны с изогнутой саблей, справа с пояса свешивалась сумка. В ней была круглая стеклянная граната, наполненная черным порохом, из ее толстой шейки торчал короткий запальник.

Рядом с сумкой в ножнах был прикреплен нож из красномедного дерева. Если бы из чащи вдруг выскочил дракон и преградил ему путь, Джек был бы готов к встрече с ним. Прежде всего он пустил бы стрелу в один из его огромных глаз. Поразить дракона можно было только в глаз. Кремниевые наконечники не пробивали пятисантиметровую твердую кожу.

Он слышал, что живот у драконов мягкий, но на это он не мог полагаться. Как говорила пословица — слух может убить и кота. Он не был котом — даже не знал, что это такое, — но мог быть убитым, как любое живое существо.

Как бы читая его мысли, рыжий Самсон, гигантский, похожий на собаку «пес» из породы львов, начал хрипло урчать. Он остановился впереди, в трех метрах от своего хозяина. Балансируя на мощных лапах поперек дороги, он вглядывался в заросли слева от Кейджа.

Джек вытащил стрелу и натянул тетиву на прорезь в дуге лука. Поразмыслив, он отказался от первоначального намерения. Не стоит, пожалуй, целиться в глаз. Независимо от того, попадет он или промахнется, ему придется отбросить лук и выхватить гранату. Поджечь запальник спичкой и бросить ее в грудь чудовища, в расчете на то,

что время броска будет выбрано удачно и граната взорвется, как только коснется груди дракона и осколки стекла вонзятся ему в глотку.

Затем, не дожидаясь взрыва, он повернется и побежит, выхватывая на ходу саблю. Достигнув дерева на противоположной стороне дороги, он остановится, чтобы защищаться. Спрячется за широким стволом и будет доставать дракона саблей, кружась вокруг дерева, чтобы увернуться от огромного и внешне неуклюжего зверя.

Тем временем Самсон будет отвлекать чудовище, хватая его зубами за бока.

Он стоял позади своей собаки. В густой зелени виднелся небольшой просвет. В тот момент, когда он заглянул в него, там сверкнуло что-то блестящее. Он непроизвольно вздохнул с облегчением. Он не знал, что это было, но был совершенно уверен в том, что это не дракон. По-видимому, человек или гривастый.

Поскольку стрела была бесполезной в переплетении ветвей кустарников и лиан, он положил ее обратно в колчан, а лук повесил на специальный крючок. Потом вытащил саблю из ножен и приготовился.

— Тихо, Самсон, — негромко приказал он. — Вперед!

Рыжий пес неслышно двинулся по едва различимой тропе. Его нос, точно пробка на волне, метался то вверх, то вниз, ловя запахи. Он обнюхивал землю. Кто-то оставил здесь след, идя не по прямой, а петляя сквозь зеленый лабиринт.

Пройдя медленно и осторожно около тридцати метров, они вышли на небольшую полянку.

Самсон замер. Его ворчание перешло в глухое клокотание напрягшейся всеми мышцами глотки.

Джек взглянул через его голову и тоже застыл как вкопанный от охватившего его ужаса. Его двоюродный брат, Эд Ванч, низко склонился над сатиром, лежащим спиной к Джеку. Из огромной раны в нижней части спины хлестала кровь. Косматые волосы, росшие вокруг поясницы, были окровавлены.

Эд вырезал кожу вокруг хвостовой кости ножом из медного дерева. Он приставил нож к земле и, вращая его, вырезал круглый участок кожи вместе с длинным «лошадиным» хвостом. Закончив эту работу, он вытянул вперед руку, будто для того, чтобы полюбоваться своим кровавым трофеем.

— Что ты делаешь? — вскричал Джек, содрогнувшись при виде выражения лица брата. Голос отказывался повиноваться ему.

Эд резко повернулся, выронив хвост, и выхватил нож. Челюсть его отпала от неожиданности, черные глаза расширились. Он молниеносно изогнулся, готовясь к прыжку.

Но увидев, что это всего лишь Джек, несколько успокоился, но продолжал держать нож наготове.

— Святой Дионис! — прохрипел он. — Я принял тебя за гривастого.

Джек слегка подтолкнул коленом Самсона. Пес степенно вышел на поляну. Хотя он и знал Эда, но всем своим видом показывал, что метнется к его горлу, стоит тому сделать хотя бы одно неосторожное движение.

Джек опустил саблю, но в ножны не вложил.

— Что было бы, если бы я был гривастый? — спросил он.

— Мне бы тогда пришлось убить и тебя тоже!

Эд придвинулся к лицу брата, чтобы рассмотреть его реакцию. Джек сохранял невозмутимый вид. Эд пожал плечами и отвернулся, не спуская при этом глаз с Самсона. Наклонившись, он вытер лезвие ножа о густые, соломенного цвета волосы сатира.

— Это моя первая жертва, — сказал он медленно, — но отнюдь не последняя.

— Вот как! — Джек постарался вложить в свой возглас весь страх и все свое отвращение перед тем, что он только что увидел.

— Да! — в тон ему ответил Эд. Голос его срывался на крик. — Я сказал, что не последняя!

Он сверкнул глазами и принял горделивую позу.

Джек понял, что Эд близок к истерике. Ему уже приходилось видеть его в деле во время ссоры в таверне. Его отчаянные выпады столь же опасны для друзей, как и для врагов.

— Успокойся, Эд, — сказал Джек. — Разве я похож на гривастого? — Он сделал несколько шагов вперед, чтобы рассмотреть лицо убитого. — Кто это?

— Вав.

— Вав?

— Да. Один из членов семьи вийров, живущих на ферме твоего отца. Я шел за ним следом, пока не убедился, что он один. Затем я заманил его на эту поляну под предлогом, будто хочу показать ему гнездо мандрагора. Разумеется, здесь не было никакого гнезда, но когда он оказался впереди меня, я проткнул ему спину.

Он даже не пискнул. Вот и верь после этого вракам о том, что нельзя застать гривастого врасплох! Это было совсем просто, скажу тебе! Очень просто!

— Эд, ради бога! Что он тебе сделал?

Эд выругался и сделал шаг к Джеку, лезвие его ножа сверкнуло на солнце.

Могучая грудь Самсона раздалась вширь, когда он припал к земле для прыжка. Его хозяин, обороняясь, поднял саблю.

Но Эд остановился. Не обращая внимания на тот эффект, который произвел его выпад, он начал говорить. Джек опустил саблю, поскольку было очевидно, что его брат вовсе не намеревался на него нападать, он просто рубанул ножом воздух, чтобы подчеркнуть значение своих слов.

— А какая же еще нужна была мне причина, кроме той, что он — гривастый, а я — человек. Послушай, Джек! Ты знаешь Полли О'Брайен, не так ли?

Джек широко открыл глаза, удивившись такому повороту темы, однако кивнул. Он хорошо ее помнил. Она жила в городке Слашларк, названного так потому, что в его окрестностях в изобилии водились маленькие летающие хищники, очень напоминавшие земных жаворонков и прозванные слашларками за их верткую манеру полета. Она и ее мать, вдова аптекаря, совсем недавно переехали из столицы, города Сант-Дионис, в этот пограничный городишко. Здесь ее мать открыла лавку и продавала лекарства, вино, косметику и, как утверждали злые языки, различные приворотные зелья.

Полли с первого же дня произвела на него огромное впечатление. Это была стройная девушка с удивительно красивым лицом, контуры которого напоминали сердце. У нее были большие глаза, выражение которых, если можно так сказать, было невинно-распутным.

Джек, хотя он был дружен с Бесс Мерриот и уже собирался просить ее руки, не прочь был, однако, приударить за Полли. Даже рискуя навлечь на себя гнев родителей, своих и Бесс. Он воздержался от этого только потому, что Эд Ванч громогласно объявил в таверне «Красный Рог», что ухаживает за Полли О'Брайен.

Джек не мог позволить себе отбить у него девушку. Не без сожаления, он решил оставить ее в покое.

— Конечно, я ее знаю, — ответил он. — Ты был с ней очень ласков.

— Джек! — громко сказал он. — Она пришла искать убежище в кадмусе!

— Минутку! Что здесь произошло? Я был пять дней в горах.

— Святая Виргиния! Джек! Ты ничего не знаешь? Мать Полли была выдана властям за то, что продавала целебные средства гривастых, и ее посадили в тюрьму. Полли сначала не обвиняли, однако, когда пришел шериф, чтобы увести ее мать, девушка убежала. Никто не мог ее разыскать, но потом старуха Винни Оргард — ты ведь ее знаешь, Джек, ей делать нечего, кроме как наблюдать за дорогой в Слашларк, увидела, как Полли повстречалась с сатиром на окраине города. Она ушла вместе с ним, и с тех пор ее больше не видели, нетрудно догадаться, что она ушла в кадмус.

Он замолчал, чтобы перевести дух, и нахмурился.

— Что же дальше? — спросил Джек с показным хладнокровием.

— Дальше? На следующий день шерифу велели арестовать Полли. Вот смехота! Ты когда-нибудь слышал, чтобы арестовали кого-то после того, как он ушел в подполье к гривастым?

— Нет.

— Иначе и быть не может. Не знаю, что случается с ними, когда они уходят в кадмус. То ли гривастые пожирают их, как утверждают некоторые, то ли тайком переправляют в Социнию, как говорят другие. Но я знаю одно: Полли О'Брайен так просто от меня не уйти.

— Ты влюблен в Полли, Джек?

— Нет! — Эд поглядел в упор на своего рослого родственника и опустил глаза.

— Да, был. Но это прошло. Теперь я ненавижу ее, Джек. Я ненавижу ее за то, что она колдунья. Я ненавижу ее за то, что она путается с сатиром.

Не гляди на меня так недоверчиво, Джек. Я знаю, что говорю. Она с ним спала. Она покупала лекарства у гривастых и тайно встречалась с этим Вавом, чтобы получать их. Она занималась с ним любовью. Можешь себе представить это, Джек? Голый, волосатый зверь. Она встречалась с ним, и я... я готов на все, как только подумаю об этом!

— Кто выдвинул обвинение против миссис О'Брайен?

— Не знаю. Кто-то послал доносы епископу и шерифу. Имена доносчиков, сам знаешь, всегда держат в секрете.

Джек задумчиво потер подбородок и сказал:

— Аптекарь Нат Рейдли растерял свою клиентуру, потому что не мог конкурировать с матерью Полли.

Эд криво улыбнулся.

— Ох, какой ты умный! Да, не мог. И все догадываются о том, кто послал донос. Не забывай, парень, что жена Ната самая большая сплетница в Слашларке. А это о чем-то ведь говорит!

— Жаль...

— Если миссис О'Брайен торговала этими дьявольскими зельями, она заслужила, что ее сдали властям, какими бы ни были подлинные мотивы Рейдли.

— Что же сделали с миссис О'Брайен?

— Ее приговорили к пожизненной каторге на золотых копях в Горах Анания.

Джек поднял брови.

— Суд свершился так быстро?

— Она созналась во всем через шесть часов после ареста, а выслали ее двумя днями позже.

— Шесть часов пыток могут кого угодно заставить сознаться. Что, если местный блюститель соглашения услышит об этом?

— Ты говоришь так, будто защищаешь ее. Ты же знаешь, что, когда кто-нибудь явно уличен, небольшая пытка только помогает ускорить правосудие. А гривастым не положено знать об орудиях в подвале тюрьмы. Да и что они могут сделать, если даже узнают о том, что мы нарушили соглашение? Что из того?

— Значит, ты считаешь, что Полли прячется в кадмусе, на ферме у моего отца?

— Вот именно. И я намеревался загнать Вава в угол и принудить его рассказать мне правду, но когда я остался один на один с ним, я потерял контроль над собой и...

Он сделал жест в сторону трупа.

Джек посмотрел в том направлении и закричал:

— Что это?

Ванч наклонился и приподнял за длинные волосы голову убитого. Отвисшая челюсть оттянула кожу так, что ножевые разрезы на каждой щеке удлинились.

— Видишь эти буквы «УР» — убийца гривастых? Когда-нибудь ты увидишь их на щеках каждого гривастого в Дионисии, а если мы наладим сотрудничество с другими странами, то и по всему Авалону. Ими будет помечен каждый гривастый, и каждый гривастый будет мертв.

— Я слышал какие-то разговоры в тавернах о тайном обществе, посвятившем себя истреблению гривастых, — медленно произнес Джек. — Но я не поверил этому. Какая же это тайна, если об этом знает каждый пьянчуга? И кроме того, я подумал о том, что именно такую трепотню слышишь, как только заходит речь о проблеме. Всегда одни разговоры. И никаких действий!

— Клянусь всеми святыми, теперь ты увидишь действия!

Эд поднял мешок, висевший на веревке через его плечо.

— Помоги мне похоронить его, Джек.

Он вытащил из мешка лопату с короткой ручкой и штыком, изготовленным из недавно изобретенного прочного стекла. При виде ее Джек ужаснулся не меньше, чем при виде мертвого тела. Наличие лопаты говорило о хладнокровно выполненном замысле.

Ванч начал срезать дерн и откладывать его в сторону, не переставая при этом говорить. Говорил он все время, пока копал неглубокую могилу.

— Ты еще не член общества, но ты замешан в этом так же, как и я. Я рад, что именно ты, а не кто-то другой застал меня. Кое-кто из этих подхалимов, желчных любителей гривастых, вместо того чтобы пожать мне руку, побежали бы с жалобами к шерифу.

Разумеется, если бы они это сделали, это бы нам так не прошло. Не одни гривастые могут заработать такие отметины на щеках. Кожу человека-предателя резать столь же просто. Ну, что? Поможешь?

Джек оцепенело покачал головой. Ему нужно было сделать выбор: либо объявить, что он заодно с Эдом, который отождествлял себя со всей расой людей, либо против него. Его мутило от того, что произошло. Он искренне сожалел о том, что Самсон учуял запах крови и что он увидел блеск ножа в просвете между кустами. Ему хотелось по-

вернуться и бежать со всех ног отсюда, забыть обо всем этом. Отрицать это было невозможно, как невозможно было убедить себя, что ничего не произошло, а если и произошло, то он здесь совершенно ни при чем. Он не мог этого сделать. А теперь...

— Бери его за ногу, — сказал Эд, — я возьму за другую, и мы потащим его к могиле.

Джек вложил саблю в ножны. Вдвоем они потащили тело по поляне, руки сатира безвольно волочились, будто брошенные весла в угоняемой течением лодке. На примятой траве остался кровавый след.

— Нужно забросать могилу травой, — сказал Эд, взмокший от пота.

Кейдж кивнул. Он еще раньше задумался на тем, почему Эд, хотя и невысокий, но сильный парень, просил его, Джека, о помощи. Расстояние до могилы было всего каких-то десять метров. Теперь он понял: его помощь в погребении будет означать соучастие в содеянном.

Хуже всего было то, что он не мог отказаться. Нельзя сказать, что Эд принудил его к этому. У него не было страха ни перед Эдом, ни перед более могучим, хотя и окутанным туманом обществом убийц гривастых. Ведь в конце концов гривастые не были людьми: у них не было души, пусть даже, если оставить в стороне необычный рост волос на теле, они были похожи на людей во всем остальном.

Прикончить одного из них вовсе не считалось убийством, преступлением в полном смысле этого слова, хотя по закону это было преступлением. Убийство собаки не было наказуемо. Почему же должно было быть наказуемо убийство одного из вийров?

Было множество причин, по которым суды расценивали это как преступление, как убийство. Главная из них — необходимость. Правительство Дионисии заключило соглашение, которое устанавливало порядок взаимоотношений между людьми и гривастыми. Но ни один человек не испытывал ощущения вины, совершив подобный поступок. Тогда почему же он так мучается?

— Не кажется ли тебе, что могила недостаточно глубока? — машинально произнес он. — Дикие собаки или оборотни могут легко выкопать труп.

— А для чего тебе голова, Джек? Я и сам так подумал. Да, собаки могут добраться до него. Но они этого не сделают. Вот, смотри!

Он запустил руку в мешок и извлек оттуда бутылочку с прозрачной жидкостью.

— Это средство отбивает любой запах в течение двадцати четырех часов. К тому времени сектоны успеют управиться с ним. Останутся одни кости.

Он побрызгал содержимым бутылки на труп. Жидкость, растекаясь, покрыла все тело тончайшей пленкой, затем пленка исчезла.

Эд обошел всю поляну, перекапывая землю повсюду, где замечал кровь или примятую траву. Потом поднял длинный светлый хвост с земли, брызнул на него пару капель жидкости и запихнул в мешок. После этого он небрежно произнес:

— Разве ты не хочешь прикрыть тело землей?

Джек заскрежетал зубами и какую-то минуту стоял неподвижно. Слова готовы были сорваться у него с языка. Ему хотелось завопить: «Убийца!» — и броситься прочь. Но рассудок заставил его смолчать. Или он сейчас последует за Эдом, надеясь позже отмежеваться от него, или... разум рисовал картину другого вероятного шага, но совесть не позволяла: он не мог бы убить Эда и сбросить его тело в эту же яму.

Каким бы это ни казалось чудовищным, это было единственным способом уберечь себя от неприятностей. Он должен либо присоединиться к Эду, либо умереть.

Вздохнув, он начал забрасывать тело землей.

— Джек! Посмотри!

Джек посмотрел туда, куда указывал Эд, и увидел притаившегося под опавшими листьями секстона величиной с фалангу пальца. Его длинный тонкий нос непрерывно подергивался. Затем он исчез быстрее, чем мог уследить человеческий глаз.

— Хочешь поспорить, что за ночь он и тысячи его собратьев снимут все мясо с костей сатира?

— Это так, — угрюмо ответил Джек, — но когда эти пожиратели мертвечины сделают свое дело, земля над скелетом просядет и останется углубление. Если это заметят вийры, выкопав труп, они сразу же догадаются, что бедняга был убит. Ты поступил бы гораздо умнее, если бы просто оставил тело на траве. В этом случае они не могли бы по костям судить о том, что с ним случилось. Его смерть можно было бы приписать несчастному случаю или причина ее осталась бы неизвестной.

— Тебе надо было сказать мне об этом пораньше, Джек, — попенял ему Эд. — Ты у нас человек умный. Насколько я понимаю, ты будешь ценным приобретением для нашего общества.

Джек хмыкнул:

— Но, с другой стороны, его скрюченная поза все равно выдала бы убийство. Может быть, оно и к лучшему, что мы похоронили его.

— Ты понимаешь, что я имею в виду? У тебя хватило бы ума на то, чтобы сделать все как можно естественнее. Ты будешь великим убийцей, Джек!

Джек не знал, смеяться ему или плакать.

Эд не спускал глаз со своего рослого кузена, пока тот трудился над могилой, сравнивая землю вокруг. Потом заговорил, будто торопясь высказать все, пока не передумал и не забыл:

— Джек, хочешь знать правду? Ты мне нравишься, но личные чувства здесь ни при чем. Когда ты застукал меня, то я подумал, что, возможно, мне придется убрать и тебя тоже. Но ты молодец. Ты настоящий человек!

— Да, я — человек, — ответил Джек, не переставая работать. Пока Эд обрывал забрызганные кровью стебли травы, Джек аккуратно обложил дерном голую землю. Сделав это, он выпрямился, чтобы осмотреть свою работу.

Он остался недоволен. Если умудренные опытом лесной жизни вийры присмотрятся получше, они сразу поймут: что-то неладно. Оставалось надеяться, что охотники пройдут мимо поляны или же, не глядя, пройдут по ней. Зная обстоятельность аборигенов, Джек испытал тяжелые предчувствия.

— Эд, это твое первое убийство? — спросил он.

— Это не убийство! Это война! Запомни это! Да, это мое первое жертвоприношение нашей священной войне! Другие члены тайно прикончили двух гривастых в районе Слашларка. Среди них была сирена.

— Не было ли таинственных исчезновений среди членов УГ?

Эда передернуло, словно от удара.

— Что заставило тебя задать этот вопрос?

— Гривастые очень умны. Неужели ты считаешь, что они не догадаются, что происходит? И не возьмут инициативу в свои руки?

Эд Ванч сглотнул слюну.

— Они этого не сделают! У них соглашение с нашим правительством. Если они нас поймают, то будут обязаны передать нас на суд людей.

— Сколько правительственных чиновников являются членами УГ?

— Знаешь что, Джек? Не кажется ли тебе, что ты слишком умен?

— Ничуть. Что я хочу сказать, это то, что вийры — реалисты. Они понимают, что по закону убийца гривастого подлежит смертной казни. Они знают также, что, по сути, невозможно добиться такого приговора в нашем суде.

Правда, гривастые тоже не дураки. В соглашении есть оговорка, гласящая, что если другая сторона будет судить неправедно, то это автоматически означает расторжение соглашения.

— Да, но они должны предупредить другую сторону!

— Верно. Но напряженность все нарастает. В один прекрасный день наступит взрыв. Гривастые понимают это, поверь мне. И кто знает, может быть, они уже организовали свое собственное общество УЛ — «убийцы людей»?

— Ты с ума спятил! Они не могут сделать ничего подобного! Кроме того, никто из членов УГ пока что еще не исчез.

Джек понял, что разговор зашел в тупик.

— Здесь неподалеку ручей, — сказал он. — Нам не мешало бы вымыться. А затем и самим побрызгаться этой жидкостью, отбивающей запахи. Ты знаешь, какое у этих гривастых обоняние.

— Как у животных! Они дикие звери, Джек, это точно!

После того как они помылись и стерли следы своих ног на прибрежном иле, они решили разойтись.

— Я уведомлю тебя о том, когда состоится наше следующее собрание, — сказал Эд. — А как насчет того, чтобы ты принес на него меч? Если не считать того, что у Лорда Хоу это единственное стальное оружие во всей округе. Оно стало бы великолепным символом нашей организации. Чем-то вроде эмблемы нашей сплоченности.

— Это меч моего отца. Я взял его без разрешения, когда отправился на охоту на дракона. Не знаю, что он скажет, когда я вернусь. Но могу поспорить, что он не разрешит мне больше брать его.

Эд пожал плечами, многозначительно улыбнулся и попрощался с Джеком.

Джек проводил его взглядом. Затем, тряхнув головой, как человек, пытающийся проснуться, побрел в противоположную сторону.

Глава 2

Уолт Кейдж, выйдя из амбара, большими шагами пересек двор. Его сапоги хлюпали по раскисшей грязи. Попадавшиеся на его пути гоготуны разбегались во все стороны, издавая душераздирающие крики. Остановившись подальше от его ног, они опасливо смотрели на него своими большими синими глазами с двойными веками. Ковыляя на длинных тонких лапах, они хлопали рудиментарными крыльями-перепонками, натянутыми между длинными когтистыми пальцами, и высоко поднимали головы с вымазанными грязью клювами. Кормилицы издавали высокие лающие звуки, созывая малышей, чтобы покормить их из набрякших молочных желез, свешивавшихся у них между ногами. Несушки ревниво кусали кормилиц своими тонкими острыми клювами, а затем поспешно убегали, отгоняемые крупными петухами. То и дело самцы набрасывались друг на друга и щипали за бока, не причиняя, однако, при этом вреда. Их былая ярость значительно поубавилась за несколько столетий одомашнивания.

Все вокруг было пропитано острой вонью — смесь вони из открытого мусорного ведра, брошенного на солнце, и запаха мокрой псины. Запах этот был переносим для самого невзыскательного носа. Но они не замечали ее.

Уолт Кейдж поморщился и плюнул в их сторону. Затем ему стало неловко за себя: ведь эти неразумные твари не были виноваты в том, что так мерзко пахли. А вот мясо их и яйца были восхитительны и приносили немалый доход.

Он уже направился к переднему крыльцу своего дома, когда вспомнил о грязи, налипшей на сапоги. Кейт не даст ему спуску, если он снова наследит в сенях. Он повернулся к конторе: Билл Кемел, его надсмотрщик, по-видимому, уже ждет его там.

Билл сидел на стуле своего босса, раскуривая трубку и положив грязные сапоги на письменный стол. Когда хозяин с шумом распахнул дверь, Билл подпрыгнул от неожиданности, так что стул отлетел в сторону.

— Продолжай! — рявкнул Уолт. — Не обращай на меня внимания.

Когда Кемел сделал нерешительное движение, чтобы сесть, Уолт проскочил мимо него и тяжело опустился на свое место.

— Что за день! — простонал он. — За что ни возьмусь, ничего не получается! До чего же противно стричь единорогов. А эти гривастые! Все время останавливаются, чтобы отхлебнуть вина. Новый сорт!

Билл застенчиво прокашлялся и стал выпускать дым в другую сторону.

— Пусть тебя не беспокоит, что от тебя несет, как из бочки, — проворчал Уолт. — Я и сам хватил пару стаканов.

Билл покраснел. Уолт наклонился и взял карандаш.

— Ладно. Начинай.

Билл закрыл глаза и приступил к отчету:

— Все наши плуги оборудованы новыми лемехами из медного дерева. Наш агент в Слашларке сообщает, что может недорого купить лемех из прочного стекла. Он послал нам несколько штук на пробу. Они должны быть здесь через неделю, поскольку их везут в лодке. Говорят, что они притупляются быстрее, чем деревянные. Я передал ему, что мы переоборудуем наши плуги, если стекло покажет себя с хорошей стороны. Верно? И еще он сказал, что скинет десять процентов, если мы порекомендуем такие лемехи своим соседям.

Гуртовщик единорогов говорит, что из тридцати жеребят, с которыми он начал пахоту, пришлось оставить только пять. Может быть, они и станут хорошо пахать, но у него нет полной уверенности. Вы ведь знаете, какие беспокойные и ненадежные эти твари.

— Разумеется, знаю! — нетерпеливо произнес Уолт Кейдж. — Ты считаешь, что я ничему не научился за двадцать лет работы на ферме? Святой Дионис! До чего же я ненавижу весеннюю пахоту, и как мне надоело возиться с единорогами! О, если бы только у нас было животное, которое могло бы тянуть плуг, не пытаясь бежать вскачь всякий раз, когда ларк пролетает над ним и отбрасывает на него свою тень!

— Учетчик пчел сообщает, что в ульях очень беспокойно. По его оценке, у нас около пятнадцати тысяч пчел. Они должны вылететь на следующей неделе. Зимнего меда в этом году будет

меньше, потому что приходилось выкармливать большее количество молодняка.

— Это значит, что денег будет меньше? — требовательно спросил Уолт.

— В следующую весну меда будет больше, потому что к зиме подрастет молодняк.

— Пошевели башкой, Билл! От этого молодняка появится еще больше молодых пчел, и они сожрут весь запас меда на зиму. Не рассказывай мне байки о том, какой большой будет выход меда!

— Учетчик говорит совсем другое. Он утверждает, что каждый третий год матки поедают излишек молодняка, чтобы сохранить мед. Следующий год как раз такой.

— Прекрасно! — пробормотал Уолт. — Я доволен, что хоть что-то у нас получается. Но налоги в будущем году поднимутся, и мне придется платить уже с большего урожая. В прошлом году я понес большие убытки.

Билл смущенно посмотрел на хозяина и продолжал доклад:

— Ловчий ларков говорит, что сбор яиц будет таким же примерно, что и в прошлом году: около десяти тысяч. Но это, только если не увеличится число оборотней и мордашников. В противном случае мы добудем самое большее половину.

— Я знаю одно, — простонал Кейдж. — На доход от яиц мы должны обновить плуги и приобрести новую повозку.

— Ничего нельзя предугадать заранее, — сказал Билл.

— Послушай, эти сатиры прямо колдуны какие-то. Старуха-природа им что родная мать. Они ее знают, как мужчина свою жену, даже лучше, — добавил Уолт, так как ему на ум пришли некоторые сомнения относительно своей Кейт.

Если ловчий считает, что число оборотней вырастет, так оно и будет. И это будет означать, что придется нанимать еще сторожей и, может быть, заплатить большие деньги для организации охоты.

Кемел поднял брови и сердито запыхтел, сдерживаясь, чтобы не показать боссу, что он противоречит самому себе в отношении надежности суждений гривастых.

Глаза Кейджа сузились — он вырвал несколько волосков из своей густой черной бороды, будто это были зрелые мысли, которым нельзя было давать застаиваться на корню.

— У Лорда Хоу есть заклинание против оборотней. Если бы я мог только подбросить ему эту мыслишку и дать возможность хорошо ее обдумать, пока ему не начнет казаться, что она его собственная, он мог бы организовать большую охоту. Если мне не придется платить за пищу для охотников и их собак, то...

Он облизал губы, улыбнулся и потер руки.

— Ну что ж, посмотрим. Давай дальше.

— Смотритель фруктового сада говорит, что сбор должен быть больше, чем обычно. В прошлом году мы собрали шестьдесят тысяч плодов. Урожай этого года он оценивает в семьдесят тысяч. При условии, что не увеличится число слашкаров.

— Что? Каждый раз, когда ты докладываешь о чем-то, то после первой затяжки я богач, а после второй — нищий! Ну что, так и будешь сидеть и курить? Скажи, а что говорит ловчий ларков?

Билл пожал плечами.

— Он сказал, что число ларков увеличится не менее чем на треть.

— Дополнительные убытки?

— Необязательно. Слепой Король заметил, что было вчера вечером, что он может получить помощь от одной кочевой группы его соплеменников, это будет стоить только еду и вино. И он согласен часть вашего счета оплатить сам.

Билл замолчал, не решаясь говорить Уолту дурные новости, которые он приберегал. На конец. Хозяин, однако, его упредил:

— Ты проверял выкладки Смотрителя сада?

— Нет, я не считал, что это необходимо. Вийры не лгут. — Лицо приказчика покраснело.

— Разумеется, нет! — взревел Уолт. — Пока знают, что мы проверяем их!

Кемел хотел было ответить резкостью, но передумал и только пожал плечами.

— Ты чересчур легкомыслен, Билл, — проговорил Уолт более мягко. — Доверие к гривастым может доставить тебе крупные неприятности.

Билл сосредоточенно рассматривал какую-то точку чуть выше лысеющей головы Кейджа и задумчиво пускал клубы дыма.

— Ради бога, Билл, перестань пожимать плечами всякий раз, когда я что-то говорю. Ты пытаешься свести меня с ума?

— Нет, сэр. Мне это совершенно не нужно.

— Ладно. Я временами бываю вспыльчив, и не один я такой. Все вокруг натянуто, как струна. Но хватит об этом. Что ты делаешь, для того чтобы установить ночную засаду на дракона?

— Гривастые говорят, что дракон возьмет несколько единорогов и затем его не будет до следующего года.

Кейдж с силой трахнул кулаком по столу.

— Значит, я должен сидеть, не поднимая своей толстой задницы, и смотреть, как это чудовище забирает у меня скот! Поставь Джоба и Эда, пусть соорудят западню!

— А Джек? Может быть, он убьет его?

— Джек — дурень! — взревел Уолт. — Я велел ему ждать, пока не соберется отряд охотников! После стрижки единорога и весенней пахоты, разумеется. Я сейчас не могу разбрасываться ни людьми, ни гривастыми.

Но этот безмозглый идиот-романтик, мой сын, должен обязательно шляться за чем-нибудь, что может зашибить его легким ударом хлыста! Этот бездельник настолько неразумен, что может в одиночку напасть на это чудовище. И у него откусят голову! Он опечалит свою мать и сделает стариком своего отца!

Слезы побежали по его щекам и увлажнили бороду. Рыдания душили его, он поднялся и метнулся из конторы. Кемел остался сидеть, глядя смущенно на свою трубку и размышляя над тем, когда же он сможет сообщить хозяину по-настоящему плохие новости.

В ванной Уолт Кейдж набрал холодной воды в миску и плеснул себе в лицо. Зеркало отражало опухшие и налитые кровью глаза, но он думал, что это раздражение от мелких волосков, которых полно было в воздухе, в сарае, где стригли единорогов. Билл неплохой парень, и он никому не расскажет о том, как его хозяин сорвался. Об этом никто не должен знать, и особенно члены его семьи, которые могут потерять к нему уважение. С ними и так совсем нелегко управляться. Мужчина не должен плакать. Слезы — только для женщин.

Он расчесал бороду и возблагодарил бога за то, что не поддался новой моде и не сбрил бакенбарды. Что хорошего — походить на женщину или голомордого сатира. Эта мода была признаком коварного влияния гривастых.

Он успел надеть чистую фланелевую жилетку, из которой выпирали его загорелые грудь и живот, покрытые седыми волосами, когда услышал сигнал к обеду. Сняв грязные сапоги и надев шлепанцы, он вошел в столовую и остановился, обводя взглядом собравшихся членов семьи.

Его дети стояли за спинками стульев, выжидая, когда он посадит их мать — хозяйку дома. Быстрым взглядом зеленых глаз он засек присутствие своих сыновей — Уолта, Алека, Нела, Бориса и Джима, и дочерей — Дженни, Бетти, Мери и Мадлен. Два стула пустовали.

Кейт, предупреждая его вопрос, пояснила:

— Я послала Тони на дорогу — встречать Джека.

Уолт крякнул и усадил жену. Он обратил внимание, что сыпь, которая появилась несколько дней тому назад, увеличивалась с каждым днем. Если она будет образовывать корочки и окрашивать в красный цвет ее обычно белую как сметана кожу, он возьмет ее с собой в Слашларк и покажет доктору Чандеру. Как только закончится стрижка.

Когда он сел во главе стола, из кухни, шатаясь, вышел слуга, Данк Крайтон. Он едва не опрокинул поднос с дымящимся «шашлыком» из единорога на колени хозяина.

Уолт принюхался и сказал:

— Опять пробовал вино из тотума, Данк? Околачивался возле сатиров?

— А почему бы и нет? — грубовато ответил Крайтон. — У них готовится большой праздник. Слепой Король только что узнал, что с гор сегодня вечером возвращаются его сын и дочь. Вы знаете, что это означает? Много музыки, песен, жареного мяса и тушеной собачины, вина, пива, всяких рассказов и танцев.

— И никакой стрижки, — добавил он со злостью, — целых три дня!

Уолт перестал жевать и поднял голову.

— Они не имеют права бросать работу. Они договорились помогать нам. Три дня задержки будут означать, что мы потеряем половину нашей шерсти. К концу недели у этих тварей начнется линька. Что тогда?

Качаясь на ногах, Данк произнес:

— Не надо беспокоиться, хозяин! Они позовут на помощь лесных жителей, и все будет закончено в срок. К чему такая истерика? Мы все неплохо проведем время, а затем хорошо поработаем, чтобы нагнать упущенное.

— Заткнись! — вскипел Кейдж.

— Я имею право говорить, что хочу! — произнес Данк с достоинством выпившего человека. — Я больше не слуга по договору, как вы знаете. Я добровольно отрабатывал долг и могу уйти в любое время, когда захочу. — И он медленно вышел из комнаты, стараясь держаться прямо.

Уолт подскочил так резко, что стул опрокинулся и грохнулся на пол.

— Куда идет наш мир? Никакого почтения к уважаемым людям. Слуги... молодежь...

Он с трудом подбирал слова.

— Молодые парни бреются наголо и отращивают длинные патлы... женщины носят платья с низким вырезом, выставляя груди напоказ, будто сирены. Даже некоторые жены чиновников в Слашларке подражают этой моде. Слава богу, ни одна из моих дочерей еще не носит таких платьев!

Он обвел взглядом стол. Все девочки переглянулись из-под низко опущенных век. Теперь уж им не надеть новые наряды на военный бал! Разве только добавят еще больше кружев к глубокому вырезу спереди. Спасибо, что портной еще не принес наряды на ферму!

Их отец неловко взмахнул рукой, облив соусом новую рубашку Бориса, и закричал:

— Все это влияние гривастых, вот что это такое! Ей-богу, будь у нас железо на ружья, мы бы стерли с лица планеты эту безбожную, дикую, голую, аморальную, ленивую, пьяную, нахальную, вечно толку-

ющую о каких-то договорах породу! Посмотрите, какое воздействие они оказывают хотя бы на Джека! Он всегда слишком много проводил с ними времени. Он не только выучился ребячьему говору гривастых, но неплохо владеет и взрослой речью. Их подсказанные дьяволом нашептывания побудили его бросить работу на ферме. Ферме его деда, царствие ему небесное!

Как вы думаете, почему он рискует жизнью, охотясь на дракона? Чтобы получить премию за его голову и на эти деньги уехать в Дальний и изучать там науки под руководством Рудмена, человека, которого обвинили в ереси и сношениях с дьяволом... Зачем ему это, даже если он вернется с головой дракона? Хотя, скорее всего, его тело уже разодрано в клочья и валяется где-то в дебрях...

— Уолт! — вскричала Кейт. Дженни и Мадлен громко всхлипнули.

— Почему бы ему не потратить премию, если он ее получит, на свадьбу с Элизабет Мерримот? Объединить свою ферму и ее деньги? Она самая красивая девушка в округе, а ее отец второй, после Лорда Хоу, богач. Пусть женится на ней и растит детей во славу государства, церкви и бога, не говоря уже об удовольствии, которое он доставит этим моему сердцу.

Когда Уолт закончил свою тираду, из кухни торжественно появился Данк с яичным пудингом на большом блюде.

— Господи, избавь нас от сатанинской гордыни! — возгласил он и, зацепившись большим пальцем босой ступни о край ковра из шкуры хвостатого медведя, плюхнулся на пол. Блюдо полетело в лысую голову Уолта. Горячий густой джем каскадами стекал с его лица на бороду и ярко-желтыми полосами ложился на чистый жилет хозяина.

Тот взвыл от боли, изумления и ярости. В этот момент раздался пронзительный крик за окном столовой, и в комнату влетел малыш Тони.

— Джек идет! — кричал он. — Он вернулся! Теперь мы — богачи! Мы — богачи!

Глава 3

Джек Кейдж слышал пение сирены.

Она была далеко и в то же время близко. Она была тенью голоса, требовавшего, чтобы была найдена телесная оболочка его владельца.

Он сошел с дороги и исчез в густых зарослях. Впереди двигалась желтая громада Самсона. Звон струн дрожал среди извилистых зеленых проходов. Сделав несколько крутых поворотов по узкой тропе, вьющейся между огромных стволов, он остановился, чтобы произвести разведку.

Лес прерывался небольшой поляной, заросшей зеленым тростником, густо наполненной рассеянным солнечным светом. В центре ее был большой гранитный валун выше человеческого роста. В верхней части его было высечено сиденье.

На этом троне восседала сирена. Она пела и под чарующие звуки этой прелестной песни расчесывала свои длинные красно-золотые волосы высушенной раковиной озерной ресничницы. У ее ног, присев на корточки у основания валуна, перебирал струны сатир, гривастый мужского пола.

Она смотрела на просеку, начинавшуюся от поляны, — окаймленный деревьями проспект, спускавшийся по горному склону и открывавший широкую панораму местности к северу от Слашларка. Отсюда можно было видеть ферму отца Джека. Она была так далеко, что казалась не больше ладони, но все-таки он мог различить белые шкуры единорогов и их рога, поблескивающие на солнце, когда животные щипали траву или бегали по лугу.

В какую-то минуту мысли о гривастых были вытеснены внезапно нахлынувшей тоской по дому. Главное здание фермы отсвечивало красным светом — это лучи солнца отражались от кристаллов, прикрепленных к бревнам из медного дерева. Это было двухэтажное сооружение, построенное прочно, с плоской крышей, по которой можно было ходить, отражая атаки нападающих. Посреди двора был колодец, а на каждом из четырех углов крыши была установлена катапульта, своего рода бомбомет.

Тут же был амбар. За ним простирались разбитые на квадраты поля и фруктовые сады. На лугу, на самой северной оконечности фермы, вздымались двенадцать сверкающих белых клыков цвета слоновой кости, считалось, что они символизируют цвета зубов земных животных. Это были кадмусы.

Дорогу, которая шла мимо фермы, можно было проследить почти до самого Слашларка, центра округа. Самого города не было видно за густо поросшими лесом холмами.

Он вернулся к действительности и увидел, что сирена встала, чтобы пропеть свое последнее приветствие стране, куда она и ее спутник возвращались после соблюдения трехлетних ритуалов в горах.

Просвет между деревьями выделял ее силуэт на фоне ярко-голубого неба. От восхищения Джек затаил дыхание. Великолепный экземпляр своего народа, созданный в результате тщательного тысячелетнего отбора, она была прекрасна. Как и у всех вийров, на ней ничего не было, кроме раковины-гребня в волосах. Как раз в этот момент она расчесывала свою роскошную красно-золотую копну волос. Ее левая грудь, следуя за движениями руки, откидывалась наверх и опускалась вниз, подобно мордочке некоего выросшего на передней части ее туловища животного, захватывающего в качестве пищи воздух. Глаза Джека пожирали красоту этого существа.

Дуновение ветра подняло длинный локон и обнажило прелестное, точно такое же, как и у людей, ухо. Она слегка повернулась, и стало видно совершенно иное, чем у людей, распределение волос на теле. Густые, похожие на гриву волосы начинались с основания шеи и покрывали всю выемку вдоль позвоночника. С нижней части его они спадали вниз по крутой кривой — почти как лошадиный хвост.

На ее широких плечах волос не было, как и у женщин. Не было их и на остальной части спины, за исключением позвоночного столба. Джек знал, что поясница сирены покрыта пучками пушистых волос. Волосы в паховой части были длинными и в достаточной степени густыми, чтобы прикрывать половые органы. Эти волосы свисали, подобно набедренной повязке, до половины бедер.

Мужчины были покрыты косматыми волосами от пупка до середины бедер, как мифические сатиры, которым они были обязаны своим названием. У женщин, однако, бедра были голыми и волосы росли только на лобке, в форме ромба, поскольку над нижним перевернутым треугольником поднимался другой, сужающийся на животе и сходящий на нет у окруженного кольцом волос пупка, который напоминал глаз, балансирующий на вершине сверкающей золотом пирамиды.

Это был символ женственности у вийров — буква омикрон, пронзенная дельтой.

Охваченный восторгом, Джек ждал, пока замрет последний аккорд лиры и сочное контральто сирены пропоет последнюю фразу, гаснущую среди буйной зелени.

На какое-то мгновение наступила тишина. Сирена стояла, высоко держа голову, подобно увенчанной золотом статуе. Сатир припал к своему инструменту, закрыв глаза с мечтательным выражением на лице.

Джек вышел из-за мятного орешника и хлопнул в ладоши. Хлопок этот был равносилен недозволенному, почти богохульному нарушению святой тишины, которая наступила после музыки. По-видимому, оба музыканта погрузились в одно из своих добровольных полуэкстатических состояний.

Однако никто из них не был поражен, ни испуган, ни даже удивлен. Они спокойно глянули на него, и изящество их движений и поз вызвало в нем острую досаду и легкий стыд. Неужели они никогда не смущаются и ничто не может рассердить их?

— Добрый день, вийры! — поздоровался Джек.

Сатир поднялся. Его пальцы пробежали по струнам лиры, имитируя английские слова.

— Добрый день, — пропели струны.

Женщина воткнула гребень в волосы и соскочила на землю. Ее согнутые колени спружинили удар, ее большие конические груди под-

прыгнули, что привело Джека в замешательство. Еще до того, как они перестали подпрыгивать, она подошла к Джеку. Ее пурпурно-синие зрачки приятно контрастировали со зловещими, по-кошачьи желтоватыми зрачками брата.

— Как дела, Джек Кейдж? — произнесла она по-английски. — Ты меня узнаешь?

Джек усиленно заморгал, начиная понимать.

— Р-ли? Крошка Р-ли? Святой Дионис! Как ты изменилась!

Она провела рукой по волосам.

— Естественно. Мне было четырнадцать лет, когда три года тому назад я ушла в горы для прохождения обряда. В семнадцать лет я уже взрослая. Разве есть в этом что-то удивительное?

— Да... нет... то есть... ты была похожа на швабру... а теперь, — рука его непроизвольно описала волнистую линию.

Она улыбнулась.

— Не нужно краснеть. Я знаю, что у меня красивое тело. И все же мне нравятся комплименты, и ты можешь говорить их, сколько захочешь, при условии, что ты будешь искренен.

Джек почувствовал, как вспыхнуло его лицо.

— Ты... ты не понимаешь. Я... — он поперхнулся, ощущая свою полную беспомощность перед ужасной прямотой гривастых.

Ей, должно быть, стало его жалко, и она сменила тему разговора.

— У тебя есть закурить? — спросила Р-ли. — Мы уже несколько дней без курева.

— У меня есть как раз три.

Он вынул из кармана куртки коробочку. Она была сделана из дорогой меди и подарена ему Бесс Мерримот. Он вынул из нее три свернутых из грубой коричневой бумаги самокрутки. Непроизвольно он протянул первую из них Р-ли, потому что она была женщиной. Его рука позабыла привычное грубое обращение людей с гривастыми.

Другую самокрутку он, однако, взял себе, прежде чем предложить ее брату. Сатир, должно быть, заметил это неуважение, он как-то по-особому улыбнулся.

Когда Р-ли наклонилась, чтобы прикурить, она подняла глаза на Джека. Ее пурпурно-синие зрачки были столь же прекрасными — он не мог удержаться от сравнения, — как и у Бесс Мерримот. Он никогда не мог понять, что имел в виду его отец, говоря, что смотреть в глаза гривастым — все равно что смотреть в глаза дикого зверя.

Она глубоко затянулась, закашлялась и выпустила дым через ноздри.

— Отрава, — сказала она, — но я ее люблю. Один из драгоценных даров, который люди принесли с собой с Земли, это табак. Не представляю, как бы мы без него жили!

Трудно было сказать, говорила она это с иронией или искренне.

— Это единственный дар, который вы приняли у нас, — ответил он. — И совсем несущественный. У вас нет пороков.

Она улыбнулась.

— О, это не так. Как тебе известно, мы едим собак.

Она взглянула на Самсона. Он, как будто понимая, о чем она говорит, прижался к хозяину. Джек не смог сдержать своего отвращения.

— Тебе не нужно беспокоиться, большой лев, — сказала она Самсону, — мы никогда не жарим псов твоей породы. Мы едим только жирных, толстых и глупых собак.

Она повернулась к Джеку.

— Вам, землянам, не надо корить себя за то, что вы пришли к нам с пустыми руками. Мы научились у вас гораздо большему, чем вам кажется.

Она снова улыбнулась. Джек чувствовал себя глупо — выходило, что уроки, преподанные людьми, были сплошь отрицательными. Морн, ее брат, что-то сказал ей. Она ответила ему несколькими слогами (если перевести их на английский, подумал Джек, то разговор занял бы гораздо больше времени) и затем сказала на языке Джека:

— Он хочет остаться здесь и поработать над своей песней, которую давно задумал. Он сыграет ее завтра, после нашего возвращения домой. Я провожу тебя до жилища своего дяди, если ты не возражаешь.

Он пожал плечами.

— Почему я должен возражать?

— Мне кажется, на то есть много причин. Первая и самая главная — нас может увидеть кто-то из людей и донести, что ты за панибрата с сиреной.

— Прогулка по общественной дороге с кем-либо из вас не возбраняется, — возразил Джек.

Они молча зашагали по устланной опавшими листьями тропе. Самсон бежал впереди. Вслед им неслись яростные аккорды. Если пение сестры было мелодичным и радостным, исполненным одухотворенности, то игра Морна была неистовой, в духе Диониса.

Джеку захотелось вернуться и послушать, хотя он никогда не признался бы даже самому себе, что музыка гривастых нравится ему. Но повода для возвращения не было, и он продолжал идти по лесной просеке. Когда они вышли на дорогу и свернули в сторону, звуки музыки стали почти неслышными, теряясь среди буйной зелени. Дорога огибала пологую гору — широкое пятнадцатиметровое шоссе, построенное, наверное, около тысячи лет тому назад. Оно не было сложено из плит, как обычно, скорее всего, его залили в жидком виде каким-то очень прочным серым веществом, которое, затвердев, образовало прочное покрытие. С виду оно напоминало камень, но было чуть-

чуть эластичным, едва заметно пружинило под тяжестью идущего и приятно холодило босые ноги, хотя день был очень жаркий. Каким-то образом дорога пропускала тепло через верхний слой и задерживала, вероятно, его где-то в глубине, потому что зимой все было наоборот: дорога излучала тепло, согревая ноги даже в самую холодную погоду. Она всегда была сухая: снег и лед таяли, и вода стекала с чуть выпуклого покрытия на обочины.

Это была одна из тысяч дорог, которые покрывали густой паутиной материк Авалон, являясь частью дорожной сети, которая позволила человечеству быстро расселиться по всему континенту.

Он молчал так долго, что Р-ли, ища, по-видимому, тему для разговора, попросила, чтобы он показал ей свою саблю. Удивившись, он вынул ее из ножен и передал ей. Держа ее одной рукой, она медленно и осторожно провела пальцами другой руки по острому лезвию.

— Железо... — сказала она. — Ужасное название ужасной вещи. Не представляю себе, каким бы был наш мир, если бы его осталось много. Мне кажется, было бы намного хуже.

Джек наблюдал за тем, как она обращалась с металлом. Еще одна из легенд, которую он с детства слышал о гривастых, оказалась ложью: руки Р-ли не отсохли, ее не хватил паралич, она не скорчилась от боли.

Она показала на рукоятку и спросила:

— Что здесь написано?

— Не знаю. Говорят, что это по-арабски, на одном из языков Земли.

Он взял у нее оружие и повернул рукоятку, чтобы показать ей надпись с обеих сторон.

— Год первый эры ХД — Хомо планеты Дейр. Год, когда мы сюда прибыли. Вырезано, возможно, самим Ананием Дейром. Эта сабля была подарена Камелем Тюрком Джеку Кейджу первому, одному из зятьев, поскольку он не имел сыновей, которым мог передать ее.

— Это правда, — спросила она, — что твоя сабля такая острая, что ею можно разрубить на две части подброшенный волос?

— Не знаю, не пробовал.

Она выдернула у себя длинный волосок и пустила его по ветру.

Раздался свист клинка, и на землю полетели две красно-золотые нити.

— Знаешь, — сказала она, — дракону надо хорошенько подумать над тем, что ты вышел на него.

Челюсть его отвисла, выпучив глаза, он тупо смотрел, как она гасит окурок своей мозолистой пяткой.

— Как... как ты узнала, что я выслеживаю дракона?

— Мне сказал дракон. Вернее, драконихa.

— Она... тебе сказала?

— Да. Ты опоздал совсем ненамного. Она была с нами, но ушла за пять минут до твоего появления. Она устала убегать от тебя и совсем выбилась из сил. Она беременна и голодна. Я посоветовала ей подняться в горы, там ты не сможешь выследить ее.

— Ты это сделала! — голос его задрожал от гнева. — Но как ты все-таки узнала, что ей известно о... откуда она знает, что я напал на ее след? И как ты узнала о том, куда она направляется? Я думаю, ты говорила с ней на языке драконов? — с иронией заключил он наконец свою путаную речь.

— Верно.

— Что?

Он заглянул ей в глаза, стараясь найти подтверждение тому, что она водит его за нос. От этих вийров можно ожидать чего угодно!

Его взгляд встретил две спокойные пурпурно-синие загадки. Это был быстрый обмен взглядами, беззвучный, но многозначительный. Р-ли подняла руку, чтобы прикоснуться к нему, но остановилась на полпути, как бы внезапно вспомнив, что людям безразлично прикосновение ее соплеменников. Самсон предупреждающе зарычал и припал к земле, пристально глядя на нее, его желтая шерсть встала дыбом.

Они продолжали свой путь. Она весело болтала, будто ничего не произошло. Это еще больше раздосадовало его. Его раздражало и то, что она перешла на детский язык гривастых. Взрослые прибегали к этому языку только для того, чтобы выразить гнев или презрение, либо обращались к возлюбленным. Его она никак не могла считать своим возлюбленным!

Она говорила о том, какое это счастье вернуться домой и увидеть снова своих друзей и родителей, бродить по любимым полям и лесам вокруг Слашларка. Она улыбалась, глаза ее светились от избытка чувств. Руки то и дело взлетали, будто она отгоняла уже произнесенные слова, чтобы дать место другим. Ее алый рот непрерывно извергал плавные струи беззаботной речи, сохраняя при этом свое очарование.

Странная и неожиданная перемена произошла в нем при виде ее движущихся губ. Чувство гнева сменилось желанием. Ему захотелось прижать ее к себе, схватившись за красно-золотой водопад, низвергающийся вдоль спины, и слиться губами с ее ртом. Это была мимолетная и предательская мысль, она пронзила его, затуманила голову и едва не одолела его.

Он отвернулся, чтобы не выдать себя. Грудь его вздымалась, и ему казалось, что она взорвется, то ли от муки, то ли от возбуждения. Что бы это ни было, оно требовало выхода, и как можно быстрее.

Но он не допустил этого.

Испытай он такие чувства к тем девушкам, на которых он заглядывался в Слашларке, — а их было несколько, — он не стал бы мешкать. Р-ли, однако, в одно и то же время и манила его, и оттал-

кивала. Она была сиреной, особью женского пола, которую мужчины не признавали за женщину. Считалось, что она не имеет души и, значит, смертельно опасна. Она была наделена, в это все верили безоговорочно, всеми характерными чертами легендарных обольстительниц-полуживотных, живших на Земле по берегам Средиземного моря и Рейна. К ней нельзя было приближаться, не подвергая риску свою жизнь и свою душу. Государство и церковь в своей безграничной мудрости запрещали мужчине прикасаться к сирене.

Но сейчас государство и церковь были отвлеченными понятиями, далекими и смутными, а Р-ли же была рядом — с ее золотисто-смуглой плотью, пурпурно-синими глазами и алым ртом, блестящими волосами и возбуждающими формами. Ее взоры и смех, покачивающиеся бедра и вздымающаяся грудь — все в ней говорило: иди ко мне или убирайся прочь, я тебя не знаю, а ты меня не знаешь.

Она первая прервала натянутое молчание:

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем.

— Замечательно. Каким образом тебе удается сосредоточиться ни на чем?

Ее шутка помогла ему восстановить нарушившееся равновесие. Грудь перестало саднить, и он снова смог взглянуть Р-ли в лицо. Теперь она уже не казалась самым желанным существом на свете, она была просто... женщиной, которая воплощала в себе то, о чем мечтает каждый мужчина, думающий о женщине.

Но он был так близок к... Нет! Никогда! Он не позволит себе думать об этом. Он не должен думать об этом. Но как этого достичь? За несколько секунд до того, как вспыхнул этот черный и мучительный пожар, он так рассердился на нее, что едва не ударил: Затем вспышка гнева приняла форму желания.

Что же произошло? Неужели она опутала его какими-то чарами?

Джек рассмеялся. Нет, он ни за что не расскажет ей, почему смеется, даже если она спросит его об этом. Хотя если разобраться, тут нет ничего забавного. Когда он пытался объяснить свои чувства магией сирены, он не был перед самим собой. Он скептически относился к колдовству, хотя, разумеется, никогда не афишировал этого. Чары здесь ни при чем. Такое колдовство в состоянии совершить любая красивая женщина, не призывая на помощь дьявола.

Надо честно назвать это своим именем — и погасить. Похоть — вот что это такое, и ничего более.

Он быстро перекрестился и про себя поклялся, что расскажет отцу Тапмену об этом искушении на исповеди. И тут же сказал себе, что он снова лукавит: он никогда ни слова не скажет об этом. Уж очень велик стыд.

Как только он очутится дома и будет в состоянии договориться обо всем с отцом, он поедет в город и встретится с Бесс Мерримот.

Он забудет о Р-ли, когда окажется наедине с хорошенькой стройной девушкой, если только после того, что произошло сейчас, его прикосновения не осквернят ее... Нет! Это чепуха, он не должен допускать подобных мыслей. Он питал отвращение к тем, кто, нашкодив, напускал на себя виноватый вид и не позволял простить себя ни богу, ни кому-то другому. Это была своего рода жалость к себе, что, в свою очередь, было средством привлечь внимание к собственной персоне.

Осознав, что ему пора выбираться из засасывающей его трясины, ковыряния в собственной душе, он снова заговорил с Р-ли. Она, насколько он понял, пыталась избежать разговоров о драконе. Поэтому он и спросил ее об этом.

Она ответила просто, без затей:

— В сущности, ты обязан нам жизнью, понимаешь? Драконiха мне сказала, что ты преследовал ее с намерением убить. Она несколько раз могла обойти тебя и напасть сзади, но она этого не сделала. Ее договор с вами запрещает убийство человека, в самой крайней ситуации, в целях самозащиты она может...

— Договор? — простонал Джек.

— Да. Наверное, ты заметил определенный порядок в ее так называемых набегах на фермы Слашларка. Один единорог из поместья Лорда Хоу в одну неделю, на следующей неделе один с фермы Чаковилли. Еще через неделю один у О'Рейли. Через семь дней одно животное из стада Филиппинского монастыря. После этого одно у твоего отца.

Недавно цикл повторился, начиная с Лорда Хоу и кончая жеребчиком, взятым из стойла твоего отца пять ночей тому назад. Условия договора таковы: не берется ни один единорог, используемый для пахоты, и ни одна самка. Не берутся беременные кобылицы, а только те, что предназначены для продажи на мясо. По мере возможности избегать людей и собак. С каждой фермы брать не более четырех единорогов в год. И только один дракон на всю округу. Аналогичные договоры заключаются каждый год, с небольшими изменениями, если для них будут основания.

— Погоди минутку! Кто вам, гривастым, — слово это прозвучало так, будто он выплюнул его, — дал право распоряжаться нашей собственностью, как своей?

Она смотрела в землю. Только теперь до него дошло, что он держит ее за руку. Кожа у нее была гладкая, будто атлас. У него мелькнула крамольная мысль, что он сравнивает ее с Бесс.

Глаза ее сверкнули, когда он отдернул свою руку, затем она перевела их на его зардевшееся лицо и спокойно произнесла:

— Ты забыл, что, в соответствии с договором, заключенным между твоим дедом и моим племенем, когда они согласились сообща пользоваться фермой, ваши люди должны давать нам по четыре единорога

в год. Кстати, это условие не выполнялось в течение последних десяти лет, потому что у нас, гривастых, хватало собственного скота для еды. Мы не требовали своей доли, потому что мы не жадные.

Она на мгновение замолкла, а затем добавила:

— И не сообщали налоговому инспектору о том, что твой отец включал этих четырех единорогов в перечень необлагаемого налогом имущества, а на самом деле оставлял их себе.

Джек не был настолько разгневан, чтобы не заметить ее приверженности к местоимению «мы», которое специалисты по грамматике называли «частицей двусмысленного презрения».

Джеку пришло в голову, что в объяснении Р-ли насчет набегов дракона есть одно упущение. Если в действительности был заключен такой договор, то почему бы им просто-напросто не забирать этих четырех единорогов и не отдавать чудовищу? Зачем прикрывать пустопорожней болтовней опасные ночные вылазки зверя? Все это как-то плохо вязалось между собой.

Правда, гривастые лгали очень редко, но все же время от времени они прибегали ко лжи. И тогда они обращались к детской речи. Она и сама использовала этот прием в разговоре с ним.

Однако это вовсе не означало, что она говорит неправду, потому что она научила его этому языку, когда они играли детьми на ферме, и было вполне естественно сейчас воспользоваться этим.

Эгстоу, смотритель моста, стоял на дороге рядом с высокой круглой башней из камня с вкраплением кварца, которая была его домом. Он рисовал на большом холсте, укрепленном на мольберте.

Его жена Вигтва сидела на корточках метрах в тридцати от него на берегу ручья. Она сдирала чешую с какого-то двуногого животного длиной более полуметра, которое только что выудила из воды. Неподалеку в воде плескались трое ребятишек. Ана, девочка пяти лет, была неотличима от обычного ребенка ее возраста. Только при внимательном рассмотрении можно было обнаружить пух, начинавшийся от затылка и покрывавший углубление вдоль позвоночника.

У Крейна, мальчика десяти лет, хребет уже отливал золотом, когда он поворачивался под определенным углом к солнцу.

Лида, которой было около тринадцати лет, могла служить иллюстрацией предпоследней стадии роста волос на коже гривастых. Оранжево-красная гривка длиной в дюйм делила ее спину на две части и свисала на фут с копчика. Нижняя часть живота была отмечена первыми признаками намечающегося ромба и «кольца женственности». Эти первые намеки плюс слегка вздутые груди предвещали грядущее великолепие взрослой сирены.

Р-ли издала восторженный визг при виде своих родственников и побежала к ним. Эгстоу отложил палитру и кисть. Вигтва выронила чешуйчатую тварь и кинулась к мосту. Позади нее, крича от радости и брызжа водой, бежали дети.

Они без конца обнимали и громко целовали Р-ли, смеясь и громко крича. Она тараторила без умолку, выразительно жестикулируя, пытаясь рассказать за несколько минут то, что она пережила за последние три года.

Джек стоял в стороне, когда ее дядя подошел к нему и спросил по-английски, не хочет ли он отведать свежего хлеба и выпить кружку вина или пива. Чуть позже будет и жареное мясо.

Джек ответил, что у него нет времени ждать мяса. А вот хлеба и вина он с удовольствием отведал бы.

— У тебя не будет недостатка в компании людей: у нас есть еще один гость, — сказал Эгстоу.

Он махнул рукой мужчине, который только что вышел из башни. Джек удивился. На незнакомцев в этом пограничном округе всегда смотрели с любопытством и не без опаски. Особенно на тех, которые дружны с туземцами и запросто заходят в их жилища.

— Джек Кейдж, познакомься с Ментео Чаковилли, — сказал Эгстоу.

После того как они обменялись рукопожатием, Джек спросил:

— Вы родственник нашего соседа Эда Чаковилли?

— Все люди в конечном счете — братья, — без улыбки произнес незнакомец. — Тем не менее и он, и я могли бы проследить свое происхождение от грузина, фамилия которого была, если не ошибаюсь, Джугашвили. Точно так же я могу проследить происхождение своего имени. Ментео звали одного из индейцев племени краотанов, которые пришли сюда вместе с жителями колонии Роанок. А у вас?

«Черт бы тебя побрал!» — подумал Джек и решил отделаться от парня как можно быстрее. Очевидно, он один из тех, кто носит у себя в голове все генеалогическое древо и не жалеет времени на обследование каждого черенка, каждого листика и даже жилки в листике. Джек считал это пустым времяпрепровождением: ведь если на то пошло, любой человек может утверждать, что происходит от любого из первоначально похищенных.

Чаковилли было на вид лет тридцать, он был смугл и чисто выбрит. Лицо скуластое, пухлые губы и крупный с горбинкой нос. Одет он был щегольски: белая фетровая шляпа с широкими полями и высокой тульей, пиджак из темно-синей кожи оборотня, пояс с медными застежками, с которого свисали нож из медного дерева и рапира. Короткая белая в красную полоску юбка тщательно отутюжена. Такие кильты давно уже носили в столице, но здесь в сельских районах они еще не стали популярными. Костюм завершали высокие, закрывающие икры, коричневые сапоги.

Джек попросил разрешения взглянуть на рапиру. Чаковилли резким движением выхватил ее из ножен и подбросил в воздух в расчете на то, что Джек поймает ее. Юноша ловко поймал оружие за рукоятку,

но ему не понравился этот трюк незнакомца: он явно хотел застать его врасплох и выставить неуклюжим. «Столичная штучка!» — подумал про себя Джек и пожал плечами.

Это движение не ускользнуло от зорких черных глаз: полные губы раскрылись, обнажив не характерные для людей белые зубы, похожие на зубы сирены.

Джек принял позу, которой его научили в школе фехтования в Слашларке, отдавая незнакомцу честь, а затем сделал выпад в сторону воображаемого противника. Некоторое время он сражался как бы с тенью, пробуя возможности оружия. Затем вернул рапиру владельцу.

— Удивительно упругая, — заметил он. — Сделана из нового, гнущегося стекла, не так ли? Мне очень бы хотелось иметь такую. Здесь я еще не видел такого оружия, но слышал, что гарнизон Слашларка хотят оснастить новейшим вооружением и обмундированием. Стеклянные шлемы, панцыри, латы и щиты, копья и наконечники для стрел. Говорят, что уже есть такое стекло, которое выдерживает взрыв порохового заряда. Это значит, что вскоре могут появиться и ружья. Хотя, насколько я понимаю, стволы могут быть использованы только десяток раз, может быть, чуть больше, после этого их придется выбросить.

Он замолчал, уловив едва заметный кивок головы собеседника в сторону приближающегося смотрителя.

— Все это только слухи, — сказал Чаковилли. — Но чем меньше об этом будут знать гривастые, тем лучше.

— Да, я понимаю, — промямлил Джек. У него было такое ощущение, что он выболтал государственную тайну. — Так что вы здесь делаете?

— Как я уже сказал Эгстоуну, — без запинки ответил Чаковилли, — я один из тех глупцов, которым нравится искать Святую чашу Грааля, нечто Недостижимое. То, что никогда не удастся найти. Другими словами, я изыскатель, разведчик железа. Королева платит мне за то, что я ищу это сказочное вещество. Пока что, как и следовало ожидать, я нигде не встретил ни одной железной вещички. И это место — не исключение.

Он поднял голову и многозначительно улыбнулся Джеку.

— Между прочим, если вы вздумаете донести на меня за то, что я входил в жилище гривастого, то не стоит себя утруждать. В качестве государственного минеролога мне на законном основании это разрешено, при условии, разумеется, что данный конкретный вийр пригласит меня.

— Я об этом не думал! — вспыхнул Джек.

— Но вы обязаны это сделать. Это ваш долг!

Кейдж отвернулся и пошел прочь. Какой неприятный человек! Но желание произвести впечатление на незнакомца остановило его. Он

резко выхватил из ножен свою саблю и поднял ее так, что на лезвии заиграл солнечный зайчик.

— А что вы скажете вот об этом?

На лице Чаковилли отразилась зависть и некоторый испуг.

— Железо! Позвольте прикоснуться к нему, подержать его!

Джек подбросил саблю в воздух. Смуглый незнакомец ловко поймал ее за рукоять, чем разочаровал Джека, ибо тот надеялся, что Чаковилли промажет и, схватившись за лезвие, поранит руку. Глупая, ребячья выдумка! Ему следовало бы быть более взрослым, не копируя городские замашки.

Чаковилли хлестал воздух вокруг себя.

— Да, этим можно рубить головы! Раз! Раз! Чего только не могли бы совершить люди королевы, будь у них такое оружие!

— Можно себе представить, — сухо произнес Эгстоу, наблюдая, как саблю вернули ее владельцу. — Честно говоря, я сомневаюсь, что ваши поиски будут успешными. Тем не менее, насколько я понимаю, главный договор, заключенный с правительством Дионисии, не запрещает уполномоченным на то людям производить поиски минералов где угодно — при условии получения разрешения от местных вийров. Что касается меня, то, пожалуйста, поднимайтесь в Тракийские горы и ищите.

Но там много оборотней, да и драконам разрешено по договору нападать на любого человека, которого они там встретят. Более того, если кому-то из вийров заблагорассудится вас убить, то он может это сделать, не опасаясь возмездия со стороны соплеменников: Тракия в определенном смысле является для нас священной. Другими словами, никто вас не удерживает от похода в горы. Но никто и не станет вам помогать. Вы поняли?

— А как насчет попутчиков? Какой численности группа может пойти туда?

— Не более пяти. Любое превышение автоматически ликвидирует соглашение. Могу вам напомнить, что в Тракию отправлялись крупные отряды, однако никого из них больше не видели.

— Понимаю. И вы не можете мне сказать, находили ли вы, вийры, какие-нибудь следы железа?

— Не могу. И не хочу.

Эгстоу улыбнулся, как будто знал что-то в высшей степени таинственное.

— Спасибо, смотритель мостов.

— На здоровье, искатель неприятностей.

Чаковилли нахмурился. Подойдя ближе к Кейджу, он прошептал:

— Ох, уж эти гривастые! Но придет день...

Джек не обратил на него внимания: его глаза были обращены на выходящую из башни Р-ли. Она несла зеленое мыло, приготовленное из жира тотума, и охапку свежесрезанной мягкой травы. Он не мог

отвести глаз от ее покачивающихся бедер и конского хвоста, раскачивающегося, подобно чувствительному маятнику, в одном ритме с бедрами. Ему очень хотелось посмотреть, как она будет купаться в ручье, но он поймал на себе прищуренный взгляд незнакомца.

— Бойтесь бездушной сирены, как мерзкой твари. Бегите от нее, как от дикого зверя. Вам известно, что сделают с мужчиной, застигнутым с нею?

Джек невозмутимо пожал плечами и усмехнулся:

— Кошке можно смотреть на королеву?

— Но любопытство все же погубило ее.

— Острый нос выдает острый ум. Не суй свой нос в чужие дела, дольше проживешь! — отпарировал Джек и тут же подумал, насколько это все глупо. От повторения поговорок никто еще не стал богаче.

Он отошел от незнакомца, чтобы посмотреть на картину смотрителя.

Эгстоу последовал за ним и начал объяснять, пользуясь детской речью:

— Это — один из Арра, показывающий планету первому из землян. Он говорит ему, что здесь представляется возможность избавиться от всех болезней, нищеты, угнетения, невежества и войн, которые отравляют жизнь на планете Земля. Вся штука в том, что человеку придется сотрудничать с теми существами, которые уже обитают здесь Если он сумеет учиться у гривастых, а они у него, то он сможет развиваться дальше, навстречу грандиозным свершениям!

Как видишь, это более или менее контролируемый эксперимент. Обрати внимание на несколько угрожающий вид левого кулака. Это символизирует то, что может произойти с человеком как здесь, так и на Земле, если он не исправится к тому времени, когда вернутся Арра. У человека есть примерно четыреста лет на то, чтобы создать общество, в основе которого будет взаимопомощь, а не агрессивность, нетерпимость и предрассудки.

У человека на планете Дейр не будет совершенного оружия, которым он мог бы уничтожить туземцев, как он это делал на Земле. Здесь почти все железо и другие тяжелые элементы исчезли за тысячу лет до прихода человека.

Уничтоженное тогда общество применяло сталь, огонь и взрывчатые вещества в невообразимых масштабах. Вийры путешествовали в летающих машинах, переговаривались друг с другом через тысячи миль и делали многое такое, что вы, земляне, посчитали бы волшебством. Но этот мир был разрушен до основания, осталась только горстка людей, к счастью, самых умных. Большая часть растений, насекомых, рептилий и млекопитающих была уничтожена оружием, природа которого сегодня неизвестна.

Но вийры создали — именно создали, а не восстановили — новый тип общества и новый тип разумного существа. Те, что уцелели, пришли к заключению, что оказались на грани полного исчезновения по собственной глупости. Из-за того, что не понимали, что они собой представляют и каким образом функционируют. Поэтому они твердо решили сначала определить это, а затем, при необходимости, построить технологическое общество. Чтобы выжить и развиваться, нужно было прежде всего познать себя. Только после этого приходит раскрытие тайны природы.

И они преуспели в этом. На развалинах прошлого они создали мир, свободный от болезней, нищеты, ненависти и войн, — мир, который развивался не спеша и поступательно, именно такой, какой можно было ожидать от действующих по своему усмотрению индивидуумов. И все было хорошо до тех пор, пока не появились земляне.

Джек пропустил эти замечания мимо ушей. Когда на кончике языка гривастого боролись истина и вежливость, первая почти всегда одерживала верх.

Он присмотрелся к картине внимательнее. Он увидел немногое, ибо на этой бедной железом планете были очень резкие красители. Тем не менее ему удалось узнать Арра. Об этом существе достаточно много говорилось в школе, и Джеку доводилось видеть копии, сделанные углем с подлинного карандашного изображения Арра, сделанного самым первым Кейджем по памяти, вскоре после того, как землян поместили на эту планету. Арра с виду напоминал помесь человека с хвостатым медведем (отец Джо называл его урсокентавром).

— Ты замечаешь, — сказал Эгстоу, — что, несмотря на милостивое выражение этого лица, оно в какой-то степени выглядит и угрожающим, возможно, даже зловещим. Я попытался изобразить Арра в качестве символа Вселенной.

Это огромное и не имеющее ничего общего с человеком существо в равной степени стоит как за материальную сущность, которая проявляется в человеке с лучшей стороны, если он не одержим пороками или высокомерием, так и за то, что находится по ту сторону от чисто физической сути явлений. Многие из нас со всей определенностью ощущают существование таких — не хочется говорить «сверхъестественных» — сил. Хотя мы и пользуемся этим термином, но совсем в другом смысле, чем дейриане, существа, враждебные людям лишь внешне, могучие, но добрые. Они хотели бы прибегнуть к средствам устрашения только для того, чтобы человек лучше усвоил преподаваемый ему урок. Если же человек ничего не воспринимает, тех хуже для него.

Пойми меня правильно, Арра вовсе не сверхъестественное существо. У них такая же плоть и кровь, как у нас и как у тебя. И я не

верю, что они повинуются каким-то повелениям таинственных сил. Арра в равной степени являются существами той реальности, которая нам понятна, и той реальности, которая пока еще нам недоступна. Понял?

Джеку, разумеется, это было понятно, но ему совсем не нравилась мысль о том, что человек является ребенком, который еще не усвоил урок жизни, и что вийры должны быть его учителями.

Чаковилли фыркнул и отошел. Эгстоу улыбнулся. Кейдж поблагодарил смотрителя за толковые объяснения, а также за хлеб и вино. Он сказал, что ему надо уходить, хотя в действительности ему хотелось остаться и отведать жареного мяса. Он не хотел, однако, показаться назойливым, дав понять, что уходить ему не хочется. Каждый шаг к дому приближал момент отчета перед отцом за то, что он бросил стрижку и ушел на охоту, взяв самовольно бесценную саблю.

Решив, что больше откладывать уход нельзя, не признавшись самому себе в трусости, он свистнул Самсона. Чаковилли ушел чуть раньше, и Джек хотел его догнать. Хоть этот человек и чужак здесь, но это все же лучше, чем идти одному. Кроме того, ему хотелось спросить, намерен ли тот брать кого-нибудь с собой в экспедицию по разведке железа в Тракии. Джека разбирало любопытство, можно ли что-то найти там. В этот момент Р-ли позвала его. Он обернулся и увидел, что она идет к нему, вытираясь мягкой травой.

— Пожалуй, я пройдусь с тобой немного, — сказала она с улыбкой.

Громкий вой внезапно поразил Джека. Из-за высокой каменной стены в дальнем конце моста выскочили два единорога, таща за собой трехколесную повозку. Правил ею Чаковилли. Увидев двух пешеходов, он остановил своих зверюг. Как обычно, они повиновались не сразу, продолжая прыгать и метаться в упряжке. В конце концов кнут, пройдясь по их бокам, заставил их застыть на месте. Однако в их раскосых продолговатых глазах продолжал сверкать огонь, который подстегнул бы их при малейшем признаке слабости со стороны кучера.

Чаковилли выругался и крикнул:

— Святой Дионис уберег меня! За какие грехи нам приходится иметь дело с такими нервными и глупыми тварями! Как бы я хотел, чтобы мы привели с собой легендарных лошадей, когда пришли сюда. Какое, говорят, это было великолепное животное!

— Если оно вообще когда-нибудь существовало, — ответил Джек. — Можно мне поехать вместе с вами?

— И мне, — добавила Р-ли.

— Забирайтесь! Если не боитесь сломать себе шею. Эти твари так и норовят пуститься вскачь, когда завидят луг или сочные кустарники.

— Я знаю, — кивнул Джек. — Править ими достаточно тяжело. Но вам следовало бы попытаться пахать на них.

— Я пробовал. И должен сказать, что лучше впрячь в плуг дракона. Они гораздо сильнее и понятливее.

— Что?

— Это просто шутка, Кейдж. — Чаковилли показал в сторону Самсона. — Скажите ему, чтобы он держался позади нас, а то моя упряжка будет бояться.

Джек задумчиво посмотрел на него. Он не был похож на человека, способного шутить насчет драконов, как, впрочем, и всего другого.

— Пошли! — завопил смуглый и стегнул кнутом по покрытым густой шерстью спинам. Своенравная упряжка понеслась рысью. Кучер пожал плечами и пустил ее идти, как ей хотелось. Неподкованные копыта застучали по темно-серому материалу шоссе.

Железоискатель стал выспрашивать Джека, чем он собирается заняться. Джек вежливо ответил, что прошлой зимой он закончил ученье в монастырской школе и теперь помогает отцу.

— А как же армия?

— Мой отец заплатил за то, чтобы меня не взяли. Мы не можем позволить себе зря растрачивать время. Другое дело, если бы пахло войной...

— Ты все еще намереваешься поступить в училище в столице? — спросила Р-ли.

Ее вопрос удивил его. Он не виделся с ней три года и что-то не помнил, чтобы он говорил ей об этом до ее ухода. Хотя, может быть, и говорил, у гривастых ведь очень хорошая память.

Или она услышала об этом, когда находилась в горах. У вийров хорошо налаженная и очень далеко распространяющаяся система передачи сообщений.

— Нет, не сейчас. Я хочу поступить в училище, но не святого Диониса. Меня очень заинтересовали исследования в области психологии. Брат Джо, преподаватель, был одним из тех, кто поддерживал меня. Но он сказал, однако, что лучшее место, куда мне следовало бы поступить, это не духовная семинария в столице, а в Дальнем.

— Зачем же за границей? — бесцеремонно вмешался в разговор Чаковилли. — Или у нас преподавали хуже?

— Я хочу учиться у самых лучших! — резко ответил Джек. Теперь он уже не сомневался, что смуглый ему не по душе. — Священник говорил мне о Родмене. Считают, что ему известно о человеческом уме больше, чем кому-либо другому.

— Родмен? Тот, что обвиняется в ереси. Разве он не под следствием сейчас?

— Был, — ответила Р-ли. — Но его признали невиновным.

Джек поднял брови. Опять эта отличная информация. Отличная...

— Я слышал, что его освободили, потому что обвинители его исчезли при загадочных обстоятельствах. Ходили слухи о черной магии, о демонах, выкравших тех, кто хотел сжечь их колдуна.

— А разве кто-нибудь видел демонов? — спросила Р-ли.

— В том-то и дело, что их не видно, — важно сказал Чаковилли. — А что вы думаете об этом, Кейдж?

С тяжелым чувством Джек подумал о том, что этот человек, возможно, агент-провокатор.

— Я не видел ни одного, — осторожно сказал он. — Однако скажу, что не боюсь оставаться ночью на дороге один. Оборотней и бешеных хвостатых медведей — вот кого я остерегаюсь. И взбесившихся людей тоже, — добавил он, подумав об Эде Ванче. — Но только не демонов.

Чаковилли фыркнул, точно единорог.

— Я хочу предупредить вас, мой деревенский друг! Упаси вас бог произносить такие слова. Может быть, здесь, в пограничном поселке, на них и не обратят внимания, но в более цивилизованных районах Дионисии подобное заявление сработает как бомба, начиненная порохом. Миллионы ушей услышат, и миллионы языков донесут ваши слова до серых палачей.

— Остановите повозку! — закричал Джек. Затем, повернувшись к единорогам, он громко закричал: — Тпру!

Они остановились. Джек выпрыгнул и подошел к месту кучера.

— Слушайте, Чаковилли! Я не позволю никому называть меня деревенщиной! Если вы не в состоянии держать свой язык за зубами, то вам свои слова придется подкрепить еще кое-чем!

Чаковилли рассмеялся, сверкнув белыми зубами на фоне смуглого лица.

— Не обижайтесь, юноша. Моя речь, должен в этом признаться, весьма свободна в выборе выражений. Но я уверен, что вы можете навлечь на себя беду. Позвольте мне напомнить вам, что я здесь по поручению Королевы. И я вовсе не намерен принимать вызов — ни на мечах, ни на топорах, ни на кулаках, ни еще на чем-нибудь. А теперь забирайтесь назад, и мы поедем дальше.

— Без меня! Вы мне очень не нравитесь, Чаковилли!

С этими словами Джек повернулся и пошел по дороге. Хлопнул кнут незнакомца. Забарабанили копыта и деревянные колеса загрохотали по шоссе.

— Не обижайтесь, юноша, — окликнул его кучер, проезжая мимо.

Джек ничего не ответил. Он сделал еще два шага. И остановился. Сирены в повозке не было.

Он резко повернулся и произнес:

— Тебе незачем было делать то, что сделал я.

— Я знаю, но я всегда делаю то, что хочу.

Почему она захотела остаться с ним? Какие мысли были в этой роскошной красно-золотой голове? Она пошла за ним вовсе не потому, что ей нравились его большие карие глаза, в этом он был уверен.

Какой-то трепет в тени одного из деревьев привлек его внимание. Ничего не сказав своей спутнице, он подошел к крохотному существу, которое било воздух своими еще неоформившимися крылышками в тщетных попытках взлететь. Самсон подскочил к нему, но остановился и начал обнюхивать. Его хозяин не дал себе труда приказывать псу, чтобы он оставил существо в покое: он знал, что собака настолько хорошо выдрессирована, что не станет нападать без его разрешения.

— Детеныш синей бороды, — сказал Джек, не оборачиваясь к Р-ли.

Он поднял крохотное летающее млекопитающее, чью похожую на обезьянью мордочку окаймляла бахрома из сине-черной шерсти.

— Выпал из гнезда. Подожди минуту, я положу его обратно.

Он снял пояс с оружием и стал карабкаться вверх по стволу. Поскольку это был стрельчатый орех, у него не было ветвей до высоты в десять метров. Джек крепко обхватил гладкий ствол ногами и, держа в ладони, подальше от ствола, крохотный комочек из шерсти и крыльев, стал подниматься. Взбираться таким образом было неудобно и утомительно, но Джеку было в привычку — он всю жизнь лазил по деревьям.

Не останавливаясь, чтобы отдохнуть, он упрямо поднимался, пока не достиг первой ветви. Зацепившись за нее, он рывком бросил тело вверх, зацепился ногой за другую ветвь и быстрым движением поместил детеныша в гнездо рядом с его двумя собратьями. Они приветствовали его появление писклявыми голосами. Родителей поблизости видно не было.

Когда он спустился вниз, то заметил, что сирена смотрит на него сияющими глазами.

— У тебя доброе сердце, несмотря на злой язык, — произнесла она. — Да, Джек Кейдж, ты добр, а это очень редкое явление среди людей.

Он пожал плечами. Что бы она сказала, если бы узнала, что он помогал хоронить ее двоюродного брата Вава?

Они пошли дальше.

— Если ты так хочешь уйти в Дальний, то почему бы тебе так не сделать? — спросила она.

— Как старший сын я должен буду унаследовать большую часть фермы. Отец надеется на меня. Его сердце будет разбито, если я откажусь от своего будущего здесь и стану учиться у человека, которого он считает чернокнижником и врачевателем тро-

нутых. Кроме того, — неуверенно закончил он, — у меня нет денег на жизнь.

— Ты часто ссоришься с отцом?

Он решил не обижаться на этот вопрос: не следует ждать от гривастых такта и хороших манер.

— Часто.

— Почему?

— Отец — богатый фермер и мог бы послать меня учиться на четыре года. Но он не хочет. Иногда я думаю, что все равно уйду и буду зарабатывать деньги на период учебы в училище Родмена. Но моя мать становится больной, когда я заговариваю об этом. Сестры плачут, братья обижаются. Маме хотелось, чтобы я стал священником, хотя ее смущает мысль о том, что скорее всего церковь пошлет меня куда-нибудь далеко и я буду редко бывать дома.

Правда, я мог бы как священник изучать психологию, обратившись с просьбой о поступлении в училище Вс. Фомы. Но нет никакой гарантии, что меня примут. И даже если я поступлю туда, мои исследования будут держать под строгим контролем. Я не буду свободен в выборе предмета исследования, как это было бы у Родмена.

И еще. Если я стану священником, мне придется сразу же жениться. А я не хочу обзаводиться семьей. Во всяком случае, сейчас.

Если я присоединюсь к ордену филиппинцев, я стану монахом. Но этого я тоже не хочу.

Он замолчал, чтобы перевести дух. Его удивило, что он так свободно излил все, что было у него на душе. И главное, перед кем? Перед сиреной!

Но разве не делился он часто своими думами с Самсоном? Чем она лучше его? Одного поля ягода. И результат такой же. Она ничего не скажет его родителям о том, что он только что говорил.

— Может быть, если бы ты нашел что-нибудь, что развязало бы тебе руки в материальном отношении, тогда ты решился бы.

— Если бы я добыл голову дракона, мне бы этого хватило: вознаграждение Лорда Хоу плюс премия Королевы.

— Так вот почему ты так рассердился, когда узнал, что у нас договор с драконом?

Он кивнул.

— Это одна из причин. Я...

— Если бы не эти договоры, земли людей подверглись бы опустошению, — перебила его Р-ли. — Вы даже представления не имеете, насколько страшны драконы и до какой степени неуязвимы. Они могут за одну ночь уничтожить всю ферму, убить весь скот и разрушить все постройки.

Более того, если бы не договор, ты и сам был бы сейчас мертвецом. Драконихa сказала, что она могла напасть на тебя неожиданно добрый десяток раз.

Его охотничья гордость была уязвлена. Он выкрикнул короткое бранное слово, которое пережило множество столетий и пересекло без изменений много световых лет.

— Я сам в состоянии позаботиться о себе! И мне не нужны советы сирены!

Он молча пошел дальше, разгоряченный, усталый и раздраженный.

— А как ты отнесешься к тому, что тебе дадут денег взаймы? — спросила она, догнав его. — Достаточную сумму, чтобы ты мог окончить училище!

Сегодня был поистине потрясающий день!

— Взаймы? Зачем? Вы, гривастые, не знаете, что такое деньги.

— Позволь мне изложить все по порядку. Первое, нам известен человек по фамилии Родмен. Мы считаем его выводы в области психологии правильными и хотели бы, чтобы его учение распространялось. Если достаточное количество людей избавится от своих душевных заблуждений, то они смогут значительно уменьшить напряжение, которое возникло между людьми и нами, и предотвратить войну, которая в противном случае будет неизбежной.

Второе. Ты, возможно, об этом и не знаешь, но вийры давно уже приглядываются к тебе. Они знают, что ты — сознательно или по наитию, — тут она улыбнулась, — относишься к нам с симпатией. Поэтому они хотели бы закрепить это твое чувство. Только не думай протестовать. Мы знаем это точно.

Третье. Мы пытаемся добиться представительства в парламенте, с тем чтобы наши интересы в нем представляли люди. Если этого удастся добиться, то мы считаем, что когда-нибудь, когда ты станешь более зрелым, ты мог бы стать неплохим депутатом от вийров округа Слашларка.

Четвертое. Тебе нужны деньги, чтобы учиться. Мы дадим тебе их и сделаем все, что необходимо, для того чтобы ты оформил все, как положено. Мой отец, Слепой Король, мог бы быть опекуном, если тебе угодно, а если нет, то кто-нибудь другой. И если ты будешь настаивать, мы можем — для твоего спокойствия — нанять человека-адвоката, чтобы он оформлял документы. Мы, разумеется, сами этим никогда не занимаемся.

— Подожди! — прервал ее Джек. — Ты даже еще не видела моей родни! Откуда тебе известны их планы относительно моего будущего? И каким образом ты добилась полномочий предлагать мне деньги в долг?

— Я могу это легко объяснить, но ты все равно не поверишь. Что касается полномочий, то ими наделен у нас каждый взрослый. А я уже взрослая!

— Тогда прекрати свою детскую болтовню! Я тоже не ребенок. Я... Как я могу узнать обо всем, если не буду задавать вопросов?

— Верно. Но какое же ты собираешься принять решение?

— Это... это требует некоторого времени. Твое предложение так неожиданно... Я никогда не слышал о таком. Нужно все тщательно обдумать со всех сторон.

— Гривастый сразу же высказал бы свое отношение к этому.

— Я — не гривастый! — взорвался он. — И в этом все дело. Я не гривастый, и мой отец тоже! Понимаешь — н е т! Если я возьму у вас деньги, знаешь, какое прозвище дадут мне люди? Со-ба-ко-ед! Меня будут гнать отовсюду. Собственный отец вышвырнет меня из родного дома. Вот поэтому я и говорю — н е т!

— Может быть, ты возьмешь деньги для того, чтобы отправиться к Родмену? Только для этого?

— Нет!

— Ладно. Я возвращаюсь к дяде. До новой встречи, Джек Кейдж.

— Прощай, — пробурчал он и пошел своей дорогой. Но не прошел и трех метров, как услышал ее зов.

Джек повернулся, преодолевая внутреннее сопротивление. В ее голосе было что-то необычное.

Она подняла руку, требуя тишины. Голова ее была наклонена вперед.

— Прислушайся. Слышишь?

Он сосредоточился. Ему послышалось где-то на западе слабое громыхание. Это был не гром — в этом он был уверен. Да и звук становился все тише. Самсон превратился в желтую статую, весь вытянувшись в сторону запада. Его урчание эхом неслось по лесу.

— Что это, как ты думаешь? — спросил он.

— Я не знаю точно...

— Дракон? — он выхватил саблю.

— Нет. Если бы это был дракон, я бы пропустила его рев мимо ушей. Но если это то, что я думаю...

Она прошла в густую тень стрельчатых орехов, возвышавшихся над медными деревьями и переплетением лиан. Он последовал за нею, держа в руке стальную саблю. Примерно с милю они шли легкой поступью, еще с четверть мили продирались сквозь густые заросли. Несколько раз ему приходилось прорубать путь среди лиан. Таких густых, почти непроходимых зарослей ему еще не приходилось видеть. Хотя они были вблизи фермы, казалось, что об их существовании никто даже и не догадывается.

Наконец они остановились. Сноп света пробился сквозь отверстие в зеленом пологе и рассыпался узкими лучами по медно-золотистым волосам Р-ли. Она стояла, прислушиваясь, окруженная золотым ореолом, а Джек смотрел на нее, замирая от восхищения. Если бы он был художником, как ее дядя!

Внезапно шум раздался совсем близко. Она двинулась вперед. Еще секунда, и она бесшумно скользнула в тень.

Догнав ее, он прошептал:

— Никогда в жизни не слышал ничего подобного. Будто некий гигант пытается всхлипывать и хохотать одновременно.

Она тихо ответила:

— Мне кажется, тебе удастся попасть в Дальний, Джек.

— Ты имеешь в виду, что это дракон?

Оставив его вопрос без ответа, она перепрыгнула через поваленное дерево. Он протянул руку и схватил ее за локоть.

— Откуда тебе известно, что это тот же самый дракон? Может быть, это тот, что не заключил договора?

— Я не говорила, что это дракон.

Она стояла совсем близко к нему, касаясь голым бедром его одежды. Он напряг зрение, чтобы разглядеть что-нибудь в темноте.

— Может быть, это бешеный хвостатый медведь? Сейчас как раз самое подходящее для него время года. А ты знаешь, как страшен его укус?

— О! — Она затаила дыхание и прижалась к нему. Бессознательно он дал волю своему желанию защитить ее — впоследствии он говорил себе, что она напомнила ему его младших сестер, — и обнял ее за талию.

Глаза ее были полузакрыты, и он не мог видеть светившегося в них огня. Возвращаясь мыслями к этому мгновению в течение последующих дней, он вспоминал каждый раз легкую улыбку на ее губах. Значило ли это то, что происходящее было для нее лишь забавой? А если бы он мог прочесть то, что было в ее взгляде, он увидел бы, что выражение ее глаз соответствовало движению губ. Что она вовсе не была напугана, а просто насмехалась над ним.

Или это было выражением какого-то третьего чувства?

Что бы он ни думал об этом позже, в то мгновение у него не было никаких сомнений. Он забыл о загадочной ситуации, ждавшей их впереди. Его рука обхватила ее за талию и притянула к себе. У него сперло дыхание. Была ли она человеком, или нет, но в тот момент для него во всем мире не существовало женщины более прекрасной, чем она, и более желанной.

Грохот привел его в чувство, опустив руку, он сделал шаг вперед, чтобы она не увидела его лица.

— Стой сзади, — произнес он сдавленным голосом. — Не знаю, что это, но похоже, что-то очень большое.

— И большое тоже, — поправила она его. Ее голос был таким же приглушенным, как и у него.

Он осторожно раздвинул кусты.

Где-то совсем рядом, затаившись в густой зелени, рыгнуло огромное чудовище.

Глава 4

Тони с шумом ворвался в комнату. Его мать, сестры и братья повскакали со своих мест и смотрели на главу семейства с изумлением, страхом и едва сдерживаемым смехом. Единственным, кто остался сидеть, был хозяин дома, будто оглушенный дубиной. Казалось, его разбил паралич. Его лысеющая голова была покрыта толстым слоем еще дымящегося яичного пудинга, липкий поток скатывался по лицу и бороде.

Данк Крейтон превратился в восковой манекен с перевернутой тарелкой в руках. Его бронзовое лицо было более чем странным: нижняя челюсть свисала вниз, ноздри раздувались, глаза вылезли из орбит и округлились.

Нельзя было предугадать, что сейчас будет, ибо господин Кейдж был не из тех, кто может обратить такое в шутку, даже если все произошло чисто случайно. Глаза Данка закрылись, ноздри опали, тонкие губы изогнулись в шутовской усмешке. Рассмеявшись, он выдохнул целое облако винного перегара.

В тех местах, где из-под желтой липкой жидкости виднелась кожа лица Уолта, она тут же побагровела. Извержение вулкана должно было вот-вот начаться.

И тут с ликованием ворвался Тони.

— Мы разбогатели! Мы богачи!!

Только это слово и могло пустить по другому руслу накопившийся в его отце гнев. Он обернулся к сыну.

— Что?! Что ты сказал?

— Богачи! — вопил его младший отпрыск. Он подбежал к отцу и схватил его за руку. — Идем, папа. Там Джек! От него так и несет богатством за целую версту! — Тони неистово расхохотался. — Действительно! Он весь воняет, и он сказочно разбогател!

Мать его больше не могла вынести неизвестность. Она рванулась мимо сына и уткнулась в своего мужа — как раз в тот момент, когда тот поднимался. Хотя он и был тяжелее нее на добрую сотню фунтов, он потерял равновесие и плюхнулся на сиденье своего стула.

В любое другое время Кейт засуетилась бы. Но сейчас она только охнула и оставила его на стуле потерявшим дар речи.

За ней вскочила с мест вся ее ребятня, толкаясь и пихаясь. Данк отступил в сторону, схватил с буфета большую салфетку и начал вытирать лицо и бороду хозяину. Он и не думал извиняться. На его лице все еще сияла глупая ухмылка.

Уолт наконец-то смог выругаться. Он вырвал тряпку из рук слуги и тоже бросился на переднее крыльцо.

Это была очень забавная сцена возвращения домой. Все стояли вокруг Джека, но никто, даже его мать, не подходили к нему близко. Некоторые, особенно сестры, начали бледнеть. И все обращали гораздо

больше внимания на то, что Джек положил на стоявший на крыльце стол, чем на него самого.

Уолт остановился сразу, как только вышел на крыльцо. Он схватил ртом воздух, закашлялся и едва не задохнулся. Теперь он понимал, что означали крики Тони.

Если отец был в изумлении, то и его старший сын был изумлен не менее.

— Великий Дионис! — прорычал Уолт, как будто это было достаточное объяснение. — Не обращай внимания. — Он показал на предмет, лежащий на столе. Круглый, величиной с человеческую голову, студенистый и серый. Создалось впечатление, будто эта масса все время подрагивает, как живая, и трясется от ужаса, потому что с нее содрали кожу.

— Это клеевой жемчуг? Верно?

— Да, папа. Когда я возвращался домой, то услышал, как в лесу рыгнуло рвотное дерево.

— Рвотное дерево? Неподалеку от дома? Как это мы не заметили его? Ты сказал у самого порога? А гривастые?

— Мне кажется, они знали об этом, но не хотели говорить.

— Разве это не похоже на них? Это дерево — целое состояние, а они молчат.

— Не совсем так...

Джеку не хотелось рассказывать отцу о Р-ли и о том, как он ей обязан. Он намеревался объяснить это позже. В любом случае она отказалась бы от своей доли тех денег, которые он получит за это драгоценное для парфюмерии сырье. По договору она имела право на половину, но почему-то отказалась от нее. «Все принадлежит Джеку», — говорила она. «Почему?» — Это она объяснит позже.

Джек был не очень доволен таким оборотом дела. Он не мог не думать о ее убитом двоюродном брате. Джек едва успел смыть с себя кровь, когда она повела его к драгоценной лесной находке. Он был уверен, что это не случайность. По дороге домой он обстоятельно проанализировал все, что предшествовало тому событию. Он понял, почему она все деньги оставила ему. Так или иначе, ее соплеменники рассчитывали, что он отправится в Дальний, потом вернется и будет депутатом в парламенте.

— Понимаешь, — сказал он отцу, — вийры знают, что делают. Проходит не менее тридцати лет, пока в рвотном дереве созревает клеевой жемчуг. Если бы было известно, что где-то здесь есть такое дерево, то, как ты думаешь, сколько понадобилось бы времени какому-нибудь купцу или разбойнику с большой дороги, чтобы разрубить его и добраться до массы? В результате тогда настоящая ценность продукта оставалась бы неизвестной и в будущем никогда не было бы клеевых жемчугов. Нет! Они знают, что делают!

— Может быть, оно и так, сынок, — кивнул Уолт. — Но какой это сказочный поворот судьбы, чтобы ты проходил мимо именно в тот момент, когда оно срыгивало клей. Потрясающе!

Джек печально кивнул.

Уолт взглянул на саблю. Он открыл было рот, чтобы отчитать сына за самовольство, но замолчал.

Джек легко прочитал его мысли: если бы сын не взял без разрешения отцовский клинок и не отправился на поиски дракона, он не нашел бы клеевой жемчуг. Серая масса скорее всего лежала бы теперь у основания дерева, никем не обнаруженная. Сгнили бы три тысячи фунтов, как пить дать!

Вдруг, словно очнувшись, Уолт встрепенулся, посмотрел на Джека и широко улыбнулся:

— Ты весь провонял! Да черт с ним! Это приятная вонь! Почаще бы у нас так воняло!

Он потер руки. С кончика носа свалился комок пудинга.

— Данк и ты, Билл, берите его прямо со стола и тащите в подвал. Заприте все замки и засовы, а ключи принесите мне. Завтра мы отвезем эту находку в город и продадим.

С этими словами он повернулся к Джеку:

— Если бы ты не вонял так, я бы расцеловал тебя! То-то порадовал отца. Пораскинь мозгами, сынок! У тебя теперь хватит денег, чтобы купить ферму Эла Чаковилли да еще и останется. Теперь можешь свататься к Бесс Мерримот. У тебя будет две фермы да у нее три — все большие, доходные. Плюс кожевенная мастерская Мерримота, его магазин и таверна. Плюс самая красивая девушка во всей округе. О, эти алые губки и черные глаза! Я мог бы позавидовать тебе, Джек, если бы не твоя мать.

Он украдкой посмотрел на жену и добавил:

— Я хочу сказать, Кейт, что Бесс самая красивая из девушек. А из зрелых женщин, разумеется, ты выглядишь лучше всех. Это ясно каждому.

Кейт улыбнулась:

— Как давно ты не говорил мне таких слов, Уолт!

Он сделал вид, что не расслышал ее замечания, и повернулся к сыну:

— Послушай, мальчик. Может быть, тебе следует употребить эти деньги на подкуп чиновников при дворе, чтобы приобрести рыцарское звание? Тогда ты сможешь выбиться в лорды. Сам знаешь, чего может добиться здесь честолюбивый человек. Эта территория пограничная, а ты — Кейдж! С фермой можно и повременить.

Джек все больше сердился, но сохранял невозмутимость. Почему отец не обращается с ним, как с мужчиной, и не спросит его, чего он хочет сам. Ведь это его находка. Сколько должно пройти лет, прежде чем его будут считать взрослым?

— Довольно разговоров! — скомандовал Уолт. — Марш все в дом, и не выглядывать из окон! Джек сейчас станет голым, как сатир, — взревел Уолт.

Вернулись Данк и Билл. Слуга вручил хозяину большой стекломедный ключ от подвала. Уолт остановил жену у дома и передал уже на пороге ей ключ.

— Что ты задумал? — опасливо спросил Джек.

Кейт и сестры хихикали.

— Они хотят избавиться от этой вони, Джек, — сказала Магдалена.

Из дома вышел Данк с огромными мочалками и большим бруском мыла.

— Хватайте его, ребята! — распорядился Уолт. — Держите крепче!

— Да вы что?

— Срывайте с него одежду! Ее все равно нужно будет закопать! От нее такой дух. Снимайте с него штаны. Джек, ты лягнул меня, как бешеный единорог. Принимай лечение, как подобает мужчине!

Морщась от вони, смеясь и толкаясь, они схватили упирающегося голого Джека и поволокли его к наполненному водой корыту у амбара.

Джек вопил, отбивался и отплевывался. Его погрузили с головой в воду, и он затих.

Через три дня Джека разбудили крики петухов и лай собак. Он приподнялся с кровати и застонал. Голова у него гудела, как медный котел. Во рту было такое ощущение, будто это был не рот, а порожняя винная бочка. Прошлая ночь была долгим наслаждением и совсем коротким сном. Был совершен набег на подвал и захвачены два бочонка самого старого, перебродившего сока тотума.

Уолту Кейджу почему-то очень не хотелось отвозить в город клеевой жемчуг. Один вид этого трепещущего студня приводил его в экстатическое состояние. Первоначально он намеревался выехать в Слашларк на рассвете следующего дня. Когда же он поднялся на заре, то первым делом спустился в подвал и минут тридцать провел там в глубоком раздумье. После этого он сказал, что такую удачу было бы неплохо отпраздновать. К общему удивлению, он во всеуслышание объявил, что надо устроить попойку, независимо от того, закончена ли стрижка единорогов.

Данк уехал приглашать гостей. Билл Кемел пожал плечами и задумался, как ему обойтись значительно поредевшей бригадой стригалей. Женщины начали печь пироги, отмываться и обсуждать, что они наденут на праздник. Сам Уолт, хотя и орудовал ножницами, но реальной подмоги не представлял: время от времени он бросал работу и отправлялся, чтобы снова и снова полюбоваться сокровищем.

К вечеру следующего дня стали съезжаться гости. Вино и пиво текли рекой. На вертелах жарились два единорога. Все хотели обязательно посмотреть на сказочный клей.

Уолт витал в облаках — наполовину от радости и гордости, наполовину — от винных паров. Он кричал, что от частых посещений подвала у него ссохлись ноздри и язык, что еще одна вылазка и он будет вонять не меньше, чем клей рвотного дерева, и его с таким же рвением будут искать старатели.

Он брал каждого из вновь прибывших гостей за руку, вел его в подвал и держал там до тех пор, пока несчастный не начинал кричать, чтобы Уолт отпустил его, что они пропустят угощение и только добавят вони к столу, если сейчас же не уйдут из подвала.

Господин Кейдж смеялся и отпускал гостя. Или захлопывал дверь и вопил снаружи, что он намерен держать гостя всю ночь взаперти, чтобы тот стерег сокровище. Попавший в западню колотил в дверь и требовал, ради всего святого, чтобы Уолт прекратил свои шутки и выпустил его. Воздух в подвале был такой, что, казалось, могут сгнить легкие. Когда наконец дверь открывалась, гость, качаясь, выходил наружу, держась за горло, с лицом, на котором уже выступили зеленые и белые пятна. Все остальные смеялись и совали ему полные кружки и заставляли его сморкаться до тех пор, пока не освобождался от аромата.

Мистер Мерримот, его вдовая сестра и дочь были на празднике. Бесс, высокая темноволосая девушка с черными глазами и выступающими скулами, алыми губами и высокой грудью, получила разрешение прийти — даже несмотря на то, что час был поздний.

Джек был очень рад ее видеть. К тому времени он уже прилично ошалел от вина. Раньше он так не напивался, но в этот вечер он старался затуманить свой мозг, чтобы избавиться от противного запаха, преследующего его даже после тщательного мытья.

Возможно, поэтому он настоял на том, чтобы показать Бесс свою находку. Вблизи она не сможет обнаружить исходящий от него самого запах. Они вдвоем пошли по тенистой дорожке. Впервые тетка Бесс не сопровождала ее.

Отец ее поднял брови, увидев, как они ушли на прогулку одни, и выразительно взглянул на сестру: ведь Джек еще не сделал официального предложения. Он собирался было пойти следом, но тетка покачала головой, давая понять, что пришло время, когда девушка имеет право побыть наедине со своим парнем. Мистер Мерримот повиновался, дивясь про себя высшей женской мудрости. Приняв из рук слуги очередной стаканчик, он задумался над тем, что его сестра, видать, наделена неким шестым чувством, подсказавшим ей, что вероятнее всего именно сегодня вечером Джек сделает первый шаг к тому, чтобы захомутать себя... то бишь связать себя священными узами.

Джек и Бесс увидели зловонный трепещущий ком. К тому времени Джека уже тошнило от этого зрелища. Бесс издала подобающее случаю восклицание ужаса и протеста, после чего спросила,

сколько фунтов стоит эта штуковина. Он ответил и поспешно вывел ее в сад.

В этот момент раздались громкая барабанная дробь и звуки рогов, донесшиеся с лугов, расположенных к северу от фермы. Внезапно горизонт озарился кострами.

— Р-ли пришла домой, — пробормотал Джек.

— Что ты сказал? — не поняла Бесс.

— Хочешь посмотреть, как возвращаются домой гривастые?

— О, очень, — прошептала девушка, сжимая его руку. — Я никогда не видела этого. А они не будут возражать?

— Мы незаметно.

Пока они шли через поля в ярком свете полной луны, он чувствовал, как учащенно бьется его сердце. Из-за Бесс? Вина? Или того и другого?

Как только умолкли барабаны, зазвенели струны лир, наполнив озаренные лунным сиянием поля сладкоголосым пением. Взволнованно запела свирель. И под этот аккомпанемент возник кристально чистый голос Р-ли, он становился все выше и выше, с каждой секундой другой, но тем не менее особый, принадлежащий только ей, Р-ли, переливчатый, одновременно пламенный, нежный, но опасный, он как бы выражал самую суть сирены, женщины изменчивой, как ртуть.

В это удивительное сочетание звуков мягко влился еще один, по-видимому, очень крупный, струнный инструмент, он подчинил себе все остальные, и затем, когда они все умолкли, воспарив к небу последним высоким аккордом, он продолжал звучать, как будто в потоке длящегося времени бились крылья сильной птицы, символизируя могущество духа и плоти. Его звук не возрастал, но и не понижался, и длилось это до тех пор, пока у слушателей не прошел мороз по коже, а нервы не оголились.

Затем он замолк.

Бесс крепко сжала его ладонь и прошептала:

— Боже, как это было замечательно! Что бы о них ни говорили, приходится признать, что петь они умеют.

Он взял ее за руку и повел дальше, чувствуя, что боится сказать что-то не то.

Впоследствии он довольно смутно помнил о том, как смотрел сквозь кусты на празднество вокруг костров. Они с Бесс наблюдали ритуальный танец, в котором принимала участие Р-ли, а затем танец-импровизацию. Во время танца сирена исчезла в отверстии у основания ближайшего кадмуса. Вскоре она появилась вновь, и Джек, не сводивший с нее глаз, увидел кое-что еще.

В зыбкой тени изнутри кадмуса выглядывало какое-то лицо. Хотя его черты были плохо различимы из-за довольно большого расстояния и из-за дыма костров, контуры его напоминали сердце, а большие глаза

и пухлая нижняя губа красноречиво свидетельствовали о том, что это лицо Полли О'Брайен.

Когда отпали всякие сомнения, Джек взял Бесс за руку и потянул назад. Он сказал ей, что, вероятно, ее родные уже беспокоятся и надо возвращаться. Без всякой охоты, возбужденная музыкой и видом обнаженных тел, кружившихся вокруг костра, она медленно пошла, опираясь на его руку, без умолку болтая о том, что видела. Он почти не слушал: голова его еще кружилась от вида Р-ли и от того, что он обнаружил беглянку Полли. Они обе не выходили у него из головы, непрерывно кружась перед глазами, пока до него не дошло, что Бесс остановилась и смотрит на него, полузакрыв глаза и раскрыв губы для поцелуя.

Постаравшись забыть обо всех трудностях, он страстно поцеловал ее. Надо выбросить из головы мысли об этих сиренах. Ему нужна женщина, которая всецело принадлежала бы тому миру, который он знал. Семья, дом, дети и все остальное. Вот и все!

К тому времени, когда они вернулись, Бесс дала ему слово выйти за него. Они решили никому не говорить пока об этом. Когда закончится весенний сев и все будут иметь время для большого праздника, они объявят о своей помолвке. Джек, разумеется, испросит разрешение у ее отца встречаться с ней. Такие встречи в действительности были прелюдией помолвки, чем-то вроде обручения, ибо редкие пары отваживались выступить против общественного мнения, разорвав свои отношения после этого. Будучи еще девственницей, такая девушка фактически расценивалась уже как «тронутая». Шансы на то, что она найдет себе другого жениха, резко понижались. Лучшим выходом для нее было переехать в другую местность, где никто не знал, что она уже встречалась с парнем. Но это было сложно и почти никто к этому никогда не прибегал.

Фактически их тайна таковой была номинально. Джек считал всю эту затею глупой, но, как большинство мужчин, предпочитал в подобных вопросах не перечить женщинам.

Он заметил, что, когда они возвращались, Бесс шепнула что-то на ухо своей тетке. Обе при этом повернулись в его сторону, думая, что он на них не смотрит.

Гулянка продолжалась почти до рассвета. Поэтому спал Джек всего около двух часов и проснулся в скверном настроении с головной болью.

Он встал, оделся и прошел на кухню. Данк спал, развалившись на груде шкур оборотней за печкой. Когда Джек ткнул ему под ребра носком ноги, Данк даже не пошевелился. Решив, что проще приготовить что-нибудь бодрящее самому, чем объясняться со слугой, Джек развел огонь. Поставив на него котелок, он отмерил три полные ложки высушенных и измельченных листьев тотумного де-

рева. Пока он накормит собак, будет готов горячий стимулирующий отвар.

Вернувшись на кухню, он обнаружил, что кто-то выдул весь его «чай». Он снова лягнул Данка, но тот лишь издал тяжелый вздох и перевернулся на другой бок. Лицо его лоснилось от пота.

Джек пнул его еще раз, Данк сел.

— Это ты выпил мой отвар?

— Мне приснилось именно это, — хрипло пробормотал слуга.

— Приснилось?! Так вот, пусть тебе приснится, что ты встаешь и готовишь мне новый отвар!

Поскольку отец велел разбудить себя пораньше, Джек стучал в дверь спальни родителей до тех пор, пока не поднялась мать. Она, в свою очередь, начала будить мужа, пока он не поднялся и не сел в постели.

После того как трое мужчин наспех позавтракали жареным мясом, печенкой, яйцами, хлебом, сыром и зеленым луком, запив все это пивом и бодрящим отваром, Данк отправился запрягать телегу, а отец с сыном обошли ферму.

— Всякий раз, когда приходится что-то принимать у жителей кадмусов, — сказал Уолт, — это ущемляет мою гордость. Но я не думаю, что мог бы отговорить Р-ли от принятого ею решения. Ты ведь знаешь, их упрямство вошло в пословицу!

Он начал что-то насвистывать, потирая средним пальцем левую часть носа. Затем неожиданно замолчал и с силой хлопнул сына по плечу.

— Скажи мне честно, Джек, с чего бы этой сирене отказываться от своей доли?

— Не знаю.

Уолт запустил пальцы в бороду.

— Ты в этом уверен? Здесь нет ничего... личного?

— О чем ты?

— Ты не... — Уолт осторожно подбирал слова, пока не остановился на следующих: — Не сожительствовал с ней?

— Как ты мог такое подумать? С сиреной? Да и в глаза ее не видел целых три года. И мы были одни совсем недолго.

Уолт провел рукой по рыжим бровям.

— Я верю тебе, сын. Мне... мне не следовало задавать этот вопрос. Я бы не рассердился на тебя, если бы даже ты ударил меня. Я произнес ужасные слова. Но ты должен понять, сынок, сейчас такое время, когда приходит разное, о чем ты даже не догадываешься.

Я знаю, как они умеют соблазнять. Один раз, двадцать лет назад, перед тем как я женился... у меня самого было искушение.

Джек не посмел спросить отца, поддался ли он этому искушению.

Через несколько минут они остановились посмотреть на группу юных сатиров, чьи волосы на спине и на пояснице только начи-

нали интенсивно отрастать. Стоя на коленях, они крошили почву между пальцами. Время от времени они прикладывали уши к земле, будто прислушиваясь. Пальцы их барабанили по верхней корке почвы.

Их наставником был высокий взрослый сатир, чей хвост был таким длинным, что он заплел его в тугой шар, который ударял его по икрам во время ходьбы.

— Доброе утро! — поздоровался дружелюбно он по-английски.

У него были ясные глаза, лицо не было опухшим, на нем не было заметно никаких признаков длившегося всю ночь веселья. «Реже, чем головная боль у гривастого», — так говорилось в одной из поговорок.

— Доброе утро, слушатель почвы! Как дела?

Разговор их был серьезным и мудрым, будто беседовали два степенных крестьянина, уважающих друг друга. Они обсудили состояние почвы, содержание в ней влаги, сроки начала пахоты. Они говорили об удобрениях, о севообороте, о хищных животных, о сухих и влажных периодах времени. Слушатель почвы сказал, что он «слышит» под верхней коркой множество дождевых червей, и рассказал о новой, гораздо более эффективной породе червей, которая была выведена в одном из отдаленных кадмусов на территории Кроатании.

Он согласился с Уолтом, что можно ожидать неплохой урожай зерна. Уолт, однако, был пессимистично настроен в отношении набегов ларков, голых лисиц, хвостатых медведей и секстонов. Слушатель почвы рассмеялся. Ничего не поделаешь, приходится платить свою «десятину» иждивенцам матери-природы. Если же налог слишком велик, то охотники уменьшат численность захребетников.

В заключение он сказал, что его сыновья — испытатели грома, поднялись высоко в горы, пытаясь нащупать пульс погоды на ближайшее время. Когда они вернутся, он обязательно обсудит результаты их исследований с Уолтом.

Когда они расстались с гривастым, старший Кейдж сказал:

— Если бы они все были такими, как этот слушатель почвы, то у нас не было бы никаких хлопот.

Джек хмыкнул что-то себе под нос, вспомнив о тех видах, которые вийры имели на него самого.

Ферма была весьма обширной. Господин Кейдж считал необходимым проверить очень многое. Только через два часа перед их глазами предстали матово-белые конусы жилищ вийров.

Даже в свои девятнадцать лет Джек не мог скрыть восхищения. Отец запрещал ему, тогда еще ребенку, ошиваться вблизи кадмусов. Для Джека это было равносильно приказу слоняться возле них все свободное время. Следствием этого было то, что он знал о них столько же, сколько и любой другой, который никогда не спускался ни в один

кадмус. Его распирало любопытство, он хотел знать, что происходит под землей. Однажды он почти упросил одного из своих гривастых товарищей по играм пригласить его к себе в гости. Но тут же пришлось отступить — его остановил страх перед последствиями. Его страшили не только суровые наказания со стороны людей, но и слышанные им рассказы о том, что случилось с теми, кто переступал эту святая святых. Его храбрость быстро улетучилась. Теперь он уже не верил в эти бабьи сказки, но тем не менее не мог преступить запреты властей и законы, установленные людьми.

Лужайка кадмуса (такая лужайка была близ любого из кадмусов, располагающихся на фермах) представляла собой широкое поле, точно ковром покрытое зеленой и красной бахромчатой травой. Это растение было настолько выносливым, что его нельзя было вытоптать, несмотря на постоянную беготню. По территории лужайки без какого-либо порядка были разбросаны около дюжины белых, точно слоновая кость, строений, торчащих из земли в форме клыка, высотой в десять метров.

Их называли кадмусами в память о Кадме, мифическом основателе Фив, герое, который засеял поле зубами дракона и вырастил урожай воинов. Первые земляне дали им очень точное название. Когда земляне выросли численно и окрепли, тогда они стали нападать на ближайшие общины туземцев. И тогда из кадмусов высыпалось несметное количество воинов, которые легко отбивали нападение и обезоруживали нападавших.

Если бы тогда аборигены поступили с землянами так, как те собирались поступить с ними, они могли раз и навсегда решить проблему взаимоотношений между людьми и обитателями кадмусов. Ибо чужаки с далекой планеты замышляли истребить туземцев, захватить их подземные жилища и превратить в рабов оставшихся в живых.

К счастью для землян, им была предоставлена еще одна возможность. Был заключен договор. Сто лет прошли в мире.

Затем потомки Дейра, будто оправдывая это имя[1], нарушили свое слово и объявили войну туземцам на занимаемой ими территории.

И только тогда было обнаружено, что вийры не знают государственных границ и что каждый взрослый вийр на материке Авалон готов выступить против чужаков. Численное большинство гривастых было подавляющим, и война длилась всего один день.

Раздираемое внешним давлением со стороны обитателей кадмусов и внутренним бурлением, государство со столицей в Дальнем рухнуло.

Революция свергла правящую династию Дейров. Дальний стал республикой, которую возглавлял комитет граждан. Был заключен новый договор. Была установлена практика предоставления убежища в кад-

[1] Darc — вызов *(англ.)*

мусах преступникам и политическим беженцам. Смертная казнь была отменена. Ведьм больше не сжигали.

Меньшинство, состоявшее из католиков и последователей Социнуса — социнианцев, недовольное таким оборотом событий, воспользовалось неразберихой и отправилось в удаленные районы материка Авалон.

Изолированные от других людей высокими горными хребтами, социнианцы отказались от религии, одежды, жилищ и даже языка. Они превратились в туземцев.

Через тридцать лет после того, как был замучен Дионис Харви IV, основатель государства, носящего его имя, Дионисия была расколота гражданской войной. Политико-религиозный раскол имел следствием образование двух соперничавших группировок: церкви ожиданий и церкви целесообразности.

Прагматики победили. Снова недовольные сочли нужным отправиться подальше. Предводительствуемые епископом Гасом Кроатоном, они собрали пожитки и переселились на большой полуостров, где впоследствии образовалось новое государство.

Как выжидающие, так и прагматики, избрали своего церковного вождя, так называемого капута, и провозгласили, что только он является руководителем единственно истинной церкви. У каждого из них была своя столица.

Гривастые улыбались, указывая на Дальний, вернее, на государство, получившее такое же название. В Дальнем также был лидер, претендовавший на исключительную роль наместника господа бога на планете Дейр.

История планеты пробежала в памяти Джека, пока он приближался к лужайке. Мысли эти были прерваны, когда он и отец остановились перед ближайшим сверкавшим белизной кадмусом. О-Рег, по прозвищу Слепой Король, стоял у входа и курил скрутку в длинном костяном мундштуке.

— Приветствую тебя, о Хозяин Дома!

— Удачи тебе, о Нашедший Жемчуг.

Слепой Король был рыжеволос, худ и высок ростом. Он вовсе не был слепым, а королей в этом почти анархическом обществе никогда и в помине не было. Однако он занимал такое положение, которое давало ему этот титул, значение которого ыло утрачено в глубокой древности.

Старший Кейдж спросил разрешения поговорить с Р-ли.

— Вот она, — сказал О-Рег, указывая рукой в сторону ручья. Джек обернулся, и пульс его участился: выходившая из воды молодая сирена была видением истинной красоты. Тихо напевая и слегка раскачиваясь из стороны в сторону, она подошла к отцу и поцеловала его. О-Рег обнял ее за талию, и она прижалась к его плечу. Во время беседы с Уолтом ее глаза то и дело устремлялись

на Джека, и каждый раз она улыбалась. Когда раскрасневшийся отец наконец отказался от попыток уговорить ее принять свою долю или по крайней мере назвать причину отказа, Джек решил поговорить с нею.

Как только старшие перешли к обсуждению вопроса стрижки единорогов, Джек отвел Р-ли в сторону и сказал:

— Р-ли, ты ведь знаешь о том, что медведи такие звуки не издают. Почему же ты схватилась за мою руку и сделала вид, что испугалась? И повисла на ней? Ведь ты отлично знала, что это было рвотное дерево. Верно?

— Верно!

— Тогда почему же ты это сделала?

— А ты не догадываешься, Джек?

Глава 5

Старший Кейдж откладывал перевозку жемчуга в город со дня на день. Его частые визиты в погреб сделали старика посмешищем в глазах всех домашних. Он вел себя так, как будто этот серый трепещущий студень был частью его собственной плоти. Продать его было все равно что отрезать часть самого себя ради денег.

Джек, Тони и Мадлен, наименее сдержанные из его детей, отпустили в его адрес столько шуток, что наконец до него дошло: они расценивают его поведение как весьма странное.

На утро четвертого дня жемчуг был перенесен в повозку и двое старших Кейджей, Данк и Билл Кемел выехали за ворота фермы. Они надели шлемы из медного дерева, подбитые кожей, кирасы из кусков кости и тяжелые рукавицы. На козлах сидел Уолт, Джек и Билл держали в руках скорострельные луки. Данк с копьем наготове сидел на ящике, в котором был жемчуг.

Несмотря на их опасения, они покрыли двенадцать миль, отделявшие их от центра округа, без особых происшествий. Из леса не выскакивали разбойники с требованием отдать сокровище. Небо было ярким и безоблачным, там виднелись большие стаи слашларков. Их песни, состоявшие из четырех нот, заполняли все вокруг. Они порхали на своих зелено-желтых перепончатых крыльях. То и дело кто-нибудь из них выпускал огромные красные когти. Однажды какая-то самка пронеслась так низко над ними, что Джек сумел разглядеть крохотный комочек шерсти, прицепившийся к животу матери. Детеныш повернул плоскую мордочку и поглядел на людей черными крапинками-глазками.

Один раз на дорогу неторопливой поступью вышел хвостатый медведь. Трусливые единороги, испугавшись, едва не пустились в галоп,

но Уолту с помощью сына удалось удержать их, пока огромный зверь, не обращая на них внимания, исчез в зарослях.

Они миновали семь ферм. Местность к северу от столицы была мало населенной, и было весьма сомнительно, что население ее в будущем увеличится. Пока что обитатели кадмусов не давали разрешения на новые поселения, заявляя, что это нарушит экологическое равновесие.

Ферма Маури была последней перед мостом через ручей Сквамос-Крик. Смотритель высунулся из окна башни и помахал им рукой. Данк и Билл помахали в ответ. Видя, что отец нахмурился, Джек решил, что может нарваться на неприятности, если тоже поприветствует смотрителя.

После того как они пересекли ручей и поехали вдоль него до того места, где он превращался в речку Бигфи-ривер, вийры им больше уже не попадались. Они старались держаться подальше от больших городов, если только интересы дела не требовали этого.

Слашларк они увидели с вершины крутого холма. С тыльной стороны его замыкала высокая гора, лицом же он был обращен к широкой реке. Внешне ничем не примечательный, он состоял из длинной главной улицы и дюжины боковых. Вдоль проспекта стояли торговые казенные здания, таверны и танцевальный зал. Жилые дома размещались на боковых улицах.

На южной окраине города располагался приземистый форт, за чьими красными бревенчатыми стенами жила сотня солдат.

Вдоль причалов стояло множество лодок. Матросы работали на палубах, грузя меха, кожу, свежие яйца слашларков, шерсть и ящики с зимними плодами тотума. Те, что были свободны от работы, сидели по тавернам, споря со свободными от дежурства солдатами и глазея на женщин.

Военная полиция внимательно следила за тем, чтобы дальше взглядов дело не заходило. Со скуки полиция не упускала случая хватить дубинкой по твердому черепу речника.

Кейджи ехали по запруженной людьми и повозками улице. Вдруг Уолт резко потянул вожжи и заорал на возницу фургона, груженного пивными бочками, перегораживающего дорогу. Его кучер взмок от тщетных попыток расцепить единорогов, составлявших его упряжку. Четыре твари лягались, кусались, бодались рогами и пронзительно кричали по какой-то неизвестной причине. Вдруг сверкнуло копыто, и кучер, оглушенный ударом, повалился на спину.

Когда незадачливого кучера вытащили на тротуар, а упряжку отвели к обочине, Кейджи тронулись дальше. Немного погодя впереди выскочил какой-то мальчишка, и снова две твари попытались пуститься вскачь по битком набитому шоссе.

Джек и Билл спрыгнули с повозки и, схватив жеребцов за сбрую, повисли на ней, пока единороги не остановились. Хрипящих и дрожа-

щих животных повели к коновязи перед правительственным зданием — Палатой Королевы.

Здесь агент парфюмерной компании взвесил жемчуг, запер его в сейф и выписал чек на четыре тысячи фунтов, извинившись, что не может заплатить наличными. Сборщик податей засвидетельствовал сделку, взял налог, называемый «укус Королевы». Зубы Королевы оказались настолько большими, что после них у Джека осталось всего две тысячи фунтов.

Хотя и это было немало, Джек был до глубины души возмущен. Отец его закатывал глаза и божился, что налоги изведут его, что лучше продать ферму, переехать в большой город и жить на подачки.

Именно тогда до его сына наконец-то дошла истинная причина, почему Уолт пытался уговорить Р-ли не отказываться от своей доли. Поскольку она была обитательницей кадмуса, ей не нужно было платить налог со своей половины, а налог, удержанный с Джека, если верить счетам, уменьшился бы на две трети.

После этого, а Джек в этом не сомневался, отец предложил бы Р-ли передать ему деньги, вырученные от продажи. Таким образом они надули бы Королеву почти на три четверти того, что ей полагалось. Это было бы умно с его стороны, но упрямство гривастых испортило его планы. Неудивительно, что он высказал свое отношение к ним в очень сильных выражениях.

Покинув Королевскую палату, они повстречали смуглого Чаковилли. Тот сердечно поздоровался с ними и предложил им выпить за его счет в таверне «Красный Рог», где, по его словам, собралось немало местных жителей.

— Да, между прочим, Джек, там будет ваш кузен, Эд Ванч. Он очень хочет с вами повидаться.

Сердце у Джека екнуло. Неужели это собрание УГ? Пригласят ли его — или, вернее, заставят присоединиться?

Он посмотрел на отца. Тот отвел глаза.

— Я приду, — сказал Джек, — но немного позже. Сначала мне надо повидаться с Бесс Мерримот.

— Вот и отлично, сынок. Но когда придешь, переверни получасовую склянку.

Уолт посмотрел на Чаковилли, который дал понять, что это его устраивает.

Джек задумчиво побрел прочь. До этого он спросил у Данка, сколько времени рудоискатель находится в городе. Слуга, который, казалось, знал все, что касалось передвижения людей, ответил, что Чаковилли появился в Слашларке около двух недель назад. Он перезнакомился со всеми, кто этого стоил, и тратил много времени на общественные дела и очень мало на подготовку к экспедиции в Тракию.

Насколько Джеку было известно, Чаковилли не встречался с его отцом; пока он искал дракона, отец не уезжал в город. Но он мог это

сделать, пока его сын бродил по горным склонам. Этого Джек не знал, а спросить об этом Данка забыл. Как бы то ни было, теперь было совершенно ясным, что Уолт и Чаковилли знакомы.

Мерримоты жили в большом двухэтажном доме, расположенном на вершине холма. Дом был построен на окраине Слашларка, и после дома Лорда Хоу он был лучшим домом округа. Когда-нибудь, если Джек женится на Бесс, он будет принадлежать ему вместе с фермами Мерримота, сыромятней, магазином и золотом в банке. У него будет самая красивая жена, а сам он будет предметом зависти всех молодых людей.

И все же через час он ушел из этого дома, недовольный собой и сердитый.

Все было как раньше. Бесс была такая же милая, красивая и веселая, как прежде. Она села к нему на колени и целовала до тех пор, пока в гостиную не вошла ее тетка. Тогда она стала шепотом обсуждать с ним предстоящую свадьбу.

Он не испытывал того волнения от ее близости, которое должен был испытать. Его не покидала мысль, что он должен сказать ей о своем намерении отправиться в Дальний. Несколько раз он открывал было рот, но слова застревали в горле, как только до него доходило, что если он предложит отложить свадьбу на четыре года, то это погасит счастливый огонь в ее глазах.

Он не назначил какую-либо определенную дату помолвки. Но в Слашларке считалось само собой разумеющимся жениться как можно быстрее и быстрее обзаводиться детьми. Было бы невозможно упросить ее сейчас сидеть и ждать сорок восемь месяцев, когда он будет жить в городе за три тысячи миль отсюда. Да он и не хотел от нее подобной жертвы.

Только перед самым ужином ему в голову пришло, что он мог бы взять ее с собой, что ей, может быть, даже понравилась бы мысль уехать отсюда. На какое-то короткое время настроение его поднялось, но тут он вспомнил о привязанности отца к дочери. Можно не сомневаться, что мистер Мерримот поднимет такой шум, что она скорее останется дома, чем пойдет против воли отца.

Это будет означать, что отца она любит сильнее, чем его.

«А что, если прямо спросить ее об этом?» — подумал Джек.

Он спросит, но не сейчас, а чуть позже, когда у него будет больше времени и когда ее тетка не будет их слышать.

А может быть, это только увертки с его стороны?

Хотя это причиняло ему боль, он вынужден был признать, что у него не хватило духу открыто заявить о своих намерениях.

Поэтому он решил быстрее двинуться к «Красному Рогу»: ему нужно было выпить.

Джим Тапман, владелец таверны, дружески кивнул, когда он переступил порог его заведения.

— В задней комнате, — указал он.

Джек постучал. Ему открыл Эч Ванч. Вместо того чтобы распахнуть дверь и пропустить Джека, он высунул голову. Очевидно, он не хотел, чтобы его слышали те, кто находится в комнате.

— Слушай, Джек, — произнес он вполголоса. — Не говори им про Вава. Пожалуйста. Они знают, что он мертв. Я им рассказал. Но не совсем так, как это сделаешь ты.

— Не такой уж я дурак, — спокойно ответил Джек. — Сначала я посмотрю, как все обернется. А теперь прочь с дороги, братец!

Эд бросил на него свирепый взгляд. Джек шагнул к двери. Какое-то мгновение у Эда был такой вид, будто он собирался подпереть ее плечом и не впустить Джека. Затем по его лицу пробежала новая непонятная мысль, заставившая его передумать. Он отступил назад, и Джек, не колеблясь, прошел мимо него внутрь.

В комнате на твердых грубых скамьях, расставленных вдоль стен, сидело около тридцати человек. За большим овальным столом в центре сидели еще двадцать. Среди них был Уолт, который поднял руку, чтобы показать на пустой стул рядом с собой.

Разговор смолк. Большинство собравшихся внимательно наблюдало за Джеком. В их глазах, скрытых поднятыми кружками или дымящимися трубками, ничего нельзя было прочесть. Джеку стало не по себе. Он предположил, что, возможно, они как раз сейчас обсуждали его пригодность в качестве кандидата.

Перечень присутствующих здесь людей не отличался от списка самых влиятельных лиц округа Слашларка: Мерримот, Кейдж, Эл Чаковилли, Джон Маури, шериф Глейн, лесопромышленник Ковский, доктор Джей Чаттерджи, отец Эда Лекс, мехоторговец Нокенвуд.

Лорд Хоу отсутствовал, и Джека это не удивило. О старике часто говорили, что он слишком любит вийров, живущих на территории его поместья, и намеками, что в дни молодости у него было отнюдь не платоническое влечение к сиренам.

Тем не менее молодой Джордж Хоу присутствовал. Он поднял каменную чашу в знак приветствия и выпил. Пиво расплескалось по его толстым губам и потекло по двойному подбородку.

Джек улыбнулся в ответ. Джордж был неплохим собутыльником, но у него был один недостаток. В начале пирушки это был душа-человек. Но затем, как правило, уже поздно вечером, он неожиданно вскакивал на стол и с горящими глазами и пеной на губах начинал поносить последними словами своего отца. Когда запас ругательств истощался или когда его переставали слушать, он яростно обрушивался на сотрапезников, обвиняя их во множестве настоящих или воображаемых грехов. Затем он бросался на них с кулаками.

Те, кто знал его, были к этому готовы. Они тут же вскакивали и припечатывали его к полу, а другие лили на него воду, пока он не протрезвлялся. Несколько раз, однако, они были вынуждены применить

более крутые меры. На его высоком лбу были прочерчены две близко расположенные параллельные линии. Это были шрамы, нанесенные ему товарищами по попойке, которые несколько увлеклись, утихомиривая его с помощью пивных кружек.

Но все это не имело для него никакого значения. На следующий день он не помнил, что вытворял накануне, и здоровался как ни в чем не бывало с теми, на кого еще вчера набрасывался, как зверь.

Когда Джек сел, он заметил, что единственный, кто стоит, был Ментео Чаковилли. А рядом с ним сидят двое военных из форта — сержант Амин и капитан Гомес.

— Джек Кейдж, эта встреча — неофициальная, — сказал рудоискатель. — Не будет ни свеч, ни масок, ни торжественных клятв.

Его губы иронически изогнулись.

— Так что можете вести себя, как вам будет угодно, а не как вновь посвященный, который должен выказывать соответствующее почтение и страх перед старшими.

Несколько мужчин постарше обратили на него решительный взгляд.

— Эд Ванч рассказал нам, как на него напал Вав и как он был вынужден убить его. Он также рассказал нам, как вы это обнаружили. Не угодно ли вам будет описать своими словами то, что произошло?

Джек начал неторопливо и четко излагать все, что он знал. Когда его рассказ подошел к концу, он посмотрел на Эда. У его кузена было такое же выражение лица, как и тогда, когда Джек застал его рядом с трупом гривастого.

— Значит, — уточнил Чаковилли, — у сатира было на спине три раны. Господин Ванч, вы не упомянули об этом.

Эд вскочил на ноги:

— Я нанес ему удар, когда он повернулся, чтобы убежать. Как и все гривастые, он оказался трусом. Он знал, что я сильнее его и что я решил его убить.

— Гм... Джек, какого роста Вав?

— Шесть футов и два дюйма. А вес более центнера.

Чаковилли смерил взглядом низкорослого Эда.

— Я ненавижу вийров, но не позволю себе отступление от истины. Никогда я не видел трусливого сатира. И никогда не слышал ни об одном случае нападения на человека. Я имею в виду неспровоцированного нападения.

Лицо Эда исказилось и побледнело.

— Сэр, вы называете меня лжецом? За такое вызывают на дуэль, сэр!

— Сэр, — возвысил голос смуглый, — сядьте! Когда мне нужно будет, чтобы вы встали, я вам об этом скажу!

А пока что позвольте мне, джентльмены, напомнить вам вот о чем. УГ — это не общество для рискованных игр. Мы здесь собрались не

для того, чтобы проливать кровь. Мы выбрали вас, цвет этого округа, в качестве ядра местного филиала.

Заметьте, я сказал, «выбрали», а не «пригласили». Мне нет надобности говорить о том, что будет с теми, кто откажется присоединиться. Мы должны исключить всякий риск. И мы, несмотря на кажущуюся неофициальность, являемся организацией военной. Я ваш командир. Вы должны безоговорочно подчиняться моим приказам. В противном случае понесете положенное наказание.

А теперь... — он замолчал, нахмурился и вдруг рявкнул на Эда.

— Я же вам сказал, чтобы вы сели, сэр!

Шея Эда задрожала, голова тряслась.

— А если я не... — прошелестел он.

Чаковилли кивнул сержанту Амину. Огромный мужчина в военной форме вынул из-под стола руку с увесистой дубиной. Со всего размаха он хватил краем этой дубины по лицу Эда. Тот упал, перевернув стул, и растянулся на полу. Из расквашенных губ текла кровь. Спустя минуту он поднялся и выплюнул три зуба. Когда он приложил платок ко рту, из его полузакрытых глаз потекли слезы.

— А теперь садитесь, господин Ванч. Пожалуйста, запомните на будущее: никаких убийств без моего указания! И пусть вас не беспокоит, не раздражает отсутствие немедленных действий. Придет день, когда вы все окажетесь по колено в крови.

Он повернулся лицом к остальным и сказал:

— Если здесь есть кто-то, кто не согласен со мной, он может обратиться к властям. Шериф Глейн и капитан Гомес к вашим услугам. Вам даже не нужно будет покидать этой комнаты, чтобы предъявить мне официальное обвинение.

По комнате пробежал неловкий смешок. Мерримот поднялся и вытянул руку с пивной кружкой в сторону рудоискателя.

— Мистер Чаковилли, вы мне по душе! Практичный, решительный, твердо стоящий обеими ногами на земле. Вы знаете, когда надо нанести удар, а когда — воздержаться. Ваше здоровье! И за УГ!

Чаковилли поднял кружку.

— За вас, сэр! — С этими словами он одним махом осушил свою кружку.

Остальные тоже встали и выпили. Однако они не слишком напрягали свои голоса, провозглашая здравицы.

— А теперь, Эд, не угодно ли вам присоединиться к нашему тосту? — произнес смуглый. — Между нами не должно быть обид: с вами произведен расчет — и конец! Когда я занимался созданием организации в Старом городе, мне даже пришлось убить одного человека, потому что он настаивал на сведении личных счетов с сатиром. Дурак видел только то, что было у него под носом, не заботясь о будущем.

Эд спрятал платок, поднял кружку и выпил ее до дна — за вожака. Голосом, в котором еще было непроглоченное пиво, он произнес:

— За вечные муки всем гривастым, сэр!

— Вот и прекрасно, Ванч, — улыбнулся Чаковилли. — Когда-нибудь вы еще поблагодарите меня за то, что я вдолбил в вашу голову немного здравого смысла. А теперь, если вы не возражаете, то не угодно ли вам рассказать всем присутствующим о том, что вы поведали мне перед этой встречей?

Сначала голос Эда дрожал, но по мере того, как он вел разговор, в нем снова стал звучать обычный для него металл.

— Так вот. Джон Майри знает, какие чувства я испытываю, то есть испытывал, к Полли О'Брайен. Вчера он пришел ко мне и сказал, что в ту ночь, когда она убежала, он возвращался домой с фермы Коспито. (Он ухаживает за Салли Коспито.) Было очень поздно, около четырех часов ночи. Луна стояла еще высоко. Он спешил, потому что боится оборотней. Вы знаете, их недавно снова видели.

Он должен был вот-вот повернуть к ферме своего отца, как вдруг услышал громыхание повозки по мосту через Сквамс-крик. Любопытствуя, кто это поднялся в такой поздний час, он притаился в кустах. И был очень доволен, что это сделал, потому что повозкой правил человек в маске, а рядом с ним сидела женщина в капюшоне. Сзади сидели два сатира. Он, разумеется, не мог разобрать, кто эти люди. Но одним из сатиров был Вав. В этом он был уверен.

Джон также сказал, что, хотя он и не мог разглядеть достаточно хорошо лицо девушки под капюшоном, но мог бы поклясться, что это О'Брайен. Я считаю несомненным то, что она нашла убежище в кадмусе на ферме Кейджа. И я полагаю, что...

— Садитесь! — оборвал его Чаковилли. — Мистер Кейдж, судя по тому, как вы отложили в сторону свою трубку, вам, должно быть, хочется что-то сказать.

Уолт поднялся и хрипло произнес:

— Мне ничего не известно о пребывании девушки на моей ферме. Поверьте мне...

— Никто вас не подозревает, — успокоил его Чаковилли. — Она могла оказаться где угодно. Хорошо зная вийров, я даже удивлен, что они не спрятали ее на ферме Ванча. Но ваша ферма, Уолт, является логически наиболее подходящим местом, так как ближе всего к горам.

Эд снова поднялся с места:

— Если это правда, то Полли, вероятно, уведут в Тракию! Не считаете ли вы, что этого нам допустить нельзя: нужно сделать набег на кадмусы, найти Полли и сжечь ее как ведьму? Это показало бы гривастым, что у них ничего не выйдет из того, что они затевают. Пусть знают люди, что у них есть надежда, что есть группа людей, готовая на все ради того, чтобы восторжествовала справедливость и осуществилось правосудие!

Мы могли бы, замаскировавшись, напасть на них с гранатами и горящей нефтью. Застать их врасплох, когда они будут спать, вырезать их, сжечь кадмусы. И заодно уничтожить их имущество, их урожай и деревья, вино и скот...

— Сядьте! — прогремел Чаковилли.

Отец Джека приподнялся и ударил кулаком по столу.

— Мистер Чаковилли! Я протестую! План Ванча означает большее, чем истребление моих гривастых. Это будет равносильно моему разорению! Моя ферма будет уничтожена, я стану нищим. Разве нападающие в состоянии отличить собственность вийров от моей? И не только это...

— Пожалуйста, сядьте, мистер Кейдж.

Уолт, поколебавшись, сел. Он дышал тяжело, лицо его побагровело. Пальцы его машинально выдергивали с корнем волосы из бороды.

— Вы правы, — кивнул Чаковилли. — Ваше разорение, как землевладельца, может быть результатом УГ, причем наименьшим результатом.

— Соблюдайте, пожалуйста, тишину, — сказал он, когда поднялся ропот. — Позвольте мне объяснить.

Он повернулся к стене и развернул карту Авалона. Пользуясь кинжалом, как указкой, он начал:

— Каждый из этих крестиков обозначает группу кадмусов. Кружками обозначены центры расселения людей. В больших поселках и городах кадмусов немного. Сейчас соотношение людей и гривастых двенадцать к десяти в пользу людей.

Однако в сельских районах гривастых больше, чем нас. Если все останется так, как сейчас, в таких округах, как Слашларк, у них будет превосходство.

Мы не намерены мириться с таким положением. В назначенный день, одновременно с ночным нападением нашего общества на кадмусы, из городов в сельские районы хлынут толпы горожан, подогретых речами, бесплатным спиртом и призывами к грабежу. Они будут вооружены, мы позаботимся об этом. И они будут доведены до такого состояния невменяемости, что будут убивать без содрогания.

Как только развернется сражение, правительство принудят поддержать граждан, поскольку многие чиновники являются членами организации УГ. И королева, я в этом уверен, только ищет подходящий повод, чтобы порвать договор с вийрами. Найдя его, она прикажет армии напасть на них.

Организация УГ является международной. Мы пошли на союз с еретиками, чтобы люди могли выступать как единое целое. Как только будут уничтожены гривастые, мы сами разберемся с еретиками.

Итак, мистер Ванч, вы жаждете немедленных действий? Вы получите такую возможность. Мы планируем нападение, но не на

кадмусы. Это будет нападение на армейский обоз, направляющийся в здешний форт по дороге мимо Черной Скалы. В фургонах будут новые ружья из твердого стекла с кремниевыми затворами, а также изготовленные из твердого стекла пули, гранаты и пушка, которая нам очень понадобится для того, чтобы разрушить прочные стены кадмусов.

Кроме того, там будет еще фургон с огнеметами. Они выпускают такие химические вещества, которые, если их направить в вентиляционные отверстия, сожгут или задушат все живое под землей.

Джек задумался. Если правительство не готовится тайно к войне и не одобряет организацию УГ, то зачем же оно посылает сюда оружие, которое будто бы специально предназначено для штурма кадмусов?

Ответ был очевиден.

— ... Встречаемся в десять вечера в магазине Мерримота и обсуждаем детали набега. Участники должны будут замаскироваться под сатиров...

Послышался ропот, но Чаковилли решительно пресек недовольство.

— ... чтобы у королевы появился повод для объявления войны гривастым.

Он рассмеялся, и собравшиеся тоже затихли, решив, что ему лучше не перечить.

— А теперь, мистер Кейдж, о том, что тревожит вас. Вы опасаетесь, что УГ уничтожат мили, разграбят все, что попадется им на глаза. Вы в чем-то правы. Именно так поступят толпы городского сброда. Поймите, джентльмены, вы живете очень далеко от больших городов. Вам не понять, насколько обездоленные бедняки доведены до отчаяния. Загнанные в свои ветхие и грязные трущобы, битком набитые вечно голодной орущей ребятней, они и сами вечно негодуют, точно малые дети. Они столь же люто ненавидят состоятельных людей, как и гривастых. Даже, пожалуй, еще больше, потому что в своем бедственном положении они обвиняют аристократов и богачей, а с гривастыми практически они не сталкиваются.

В тот день, когда они хлынут из больших городов, они не ограничатся нападением на вийров. Можно не сомневаться, что, войдя во вкус, они повернут свое оружие против тех, кто имеет то, чего у бедняка никогда не было.

— Подождите, — он поднял руку, чтобы заглушить возгласы протеста. — Организаторы УГ предусмотрели это. Нашей первоначальной целью, разумеется, являлась подготовка и проведение нападения на гривастых. Однако не менее важно соблюсти закон и порядок. Короче, защитить себя от противника, почти столь же опасного, как и сами гривастые — от людской черни.

Только половина армии будет использована для нападения на кадмусы. Вторая половина будет оставлена в резерве, чтобы в нужный

момент вмешаться и навести порядок. Чернь, когда она сделает свое дело, будет водворена назад в город. Поэтому, джентльмены, пожалуйста, не удивляйтесь ничему, что будет происходить в день УГ. Будет много убитых, вероятно, и среди нас. Дома и амбары будут сожжены, урожай вытоптан. Большая часть скота будет зажарена прямо на месте голодными обезумевшими бедняками. Поэтому укрепляйте свои дома, запирайте свой скот.

Но только не надо падать духом. Мы избавим себя раз и навсегда от этих зверей, лишенных души. Победа ничего не стоит, если добыта малой кровью. А теперь какие будут вопросы?

Снова поднялся отец Джека, тяжело упираясь ладонями о стол. Пот сбегал по его щекам, голос был сдавленным.

— Мы не предусматривали таких последствий. Если я вас правильно понял, все гривастые будут убиты до единого. Но это не совсем то, что я думал. Я считал, что вполне достаточно было бы убить лишь некоторых, чтобы показать остальным, кто их повелитель. А после этого оставшихся в живых погнать на работу в поле, теперь уже в качестве наших рабов. И никакой ерунды вроде дележа с ними плодов труда.

— Категорически протестую! — Чаковилли воткнул свой кинжал в стол, чтобы подкрепить свои аргументы. — Не должно быть никаких колебаний. Каждый гривастый должен быть убит! Вы что, хотите подменить одну проблему другой? Если мы поступим так, как вы говорите, то нам опять некуда будет деть всю эту городскую братию. Как мы сможем выселить их в сельскую местность, если гривастые будут жить в кадмусах? Нет! Как только исчезнут вийры, безземельные будут постепенно перемещаться в наиболее пустые районы. Они станут фермерами.

— Но... но... — задыхаясь от волнения, стал возражать Уолт. — Они ведь понятия не имеют о том, как вести хозяйство. Они загубят почву, сады, скот. Они невежественны, ленивы, грязны, неумелы. Мы никогда не сможем получить от них ту помощь, какую получаем от гривастых. И не будет у нас уверенности в том, что мы получим причитающуюся нам долю в конце страды. Разве можно полагаться на них? Дело кончится тем, что они потащат нас вниз, до своего уровня. Мы будем такими же нищими, как и они!

— Возможно, вы и правы, — согласился Чаковилли. — Да иначе и быть не может. Но вам, джентльмены, не придется уступать им часть своей земли или делиться с ними. Ваша собственность останется при вас. Переселенцы станут батраками, зависящими от нас. Они будут в определенном смысле безгривными гривастыми. Только не такими независимыми.

Разумеется, будет трудно приучить их к дисциплине, научить любить земледелие так же, как любили его их предшественники. Они будут совершать ошибки. Но со временем все станет на свои места.

— А что будет с теми людьми, которые останутся в городах? — спросил мистер Нокенвуд. — У нас и без того сейчас достаточно хлопот, чтобы прокормить их. Не будут ли они голодать, пока все уладится?

— Не более, чем раньше. Почему? Да потому, что вам придется кормить только половину тех, кого вы сейчас кормите.

— Почему? — послышалось со всех сторон.

— Почему? Пошевелите мозгами, джентльмены. До сих пор будущее рисовалось вам в розовом цвете — вийров уберут с пути, все богатства будут ваши! Гривастые ведь понимают, что происходит, и они будут драться еще более яростно, чем люди, потому что понимают, что это — война на истребление. Очень возможно, что они назначили дату своего УЛ-дня, для того чтобы убить всех людей! И может быть, даже более раннюю. Может быть, они планируют уничтожить сначала сельское население, а потом уже двинуться на города.

Джек посмотрел на Чаковилли с уважением. Этот циник был честен, умен и реалистичен, что вряд ли можно сказать об остальных собравшихся в этой комнате.

— Скажу вам сразу, — продолжал рудоискатель, — пусть слабонервные укрепятся духом, ибо мы ожидаем, что потеряем половину своих людей.

— Половину?!

— Да, цена большая. И хотя мне крайне неприятно говорить, это совсем неплохо. Будет больше свободного места. Сменится несколько поколений, прежде чем Авалон снова станет перенаселенным. И это отведет угрозу революции со стороны горожан, которые, как и вы, джентльмены, уже давно доставляют немало неприятностей королеве.

Это будет кровавое, лихое время. Готовьтесь к нему, джентльмены!

Собравшиеся еще немного пошумели, но все же решили не терять надежды. С тем и разошлись по домам.

Глава 6

Тони принес Джеку обед. Он нашел своего брата посреди поля: тот изо всех сил налегал на ручки плуга, проклиная упрямых трусливых единорогов.

— Всякий раз, как только они увидят чью-либо тень, они пытаются пуститься вскачь. Я здесь с самого рассвета, а ничего еще не сделал, только вожусь с этой скотиной.

— Привет, Джек! — поздоровался Тони. — Почему бы тебе теперь не перекусить? Может быть, после этого ты почувствуешь себя лучше?

— Разве дело во мне? Все эти треклятые твари! Господи, чего бы я только не дал за допотопную лошадь! Говорят, это был лучший

друг человека: можно было лежать себе в теньке, а она все сама вспашет.

— Почему бы нам не нанять людей на пахоту? Папа говорит, что первые люди здесь так и делали.

— Тони, когда зерно ложится в землю, оно очень разборчиво. Его нужно заделать очень глубоко, иначе корни не будут держать.

— Папа говорит, что наша пшеница совсем не такая, какая была на Земле. Он говорит, что мы печем хлеб из зерен растения, которое гривастые вывели из сорняков. Но когда они это сделали, им пришлось смириться с тем, что растение сделалось очень прихотливым.

Джек выпряг животных и повел их к ручью.

— Я понимаю, что единороги, которых мы используем, всего лишь карлики. Когда-то существовал гигантский собрат нынешних тварей, которого гривастые использовали как лошадь.

— Что же с ним случилось?

— Он был истреблен, как и большая часть крупных животных, всего за один день. Так, во всяком случае, говорят. Это было в тот самый день, когда в одночасье взорвалось все железо на поверхности Дейра. И поубивало почти все живое здесь.

— И ты в это веришь? — удивился Тони.

— Шахтеры и рудоискатели находят кости множества животных, которых уже не существует. И можно увидеть развалины больших городов, например, возле Черной Скалы, ясно, что их уничтожила какая-то катастрофа.

— Вот здорово! Это тоже произошло тысячу лет тому назад, так говорит отец Джо. Джек, ты думаешь, что тогда гривастые действительно умели летать?

— Не знаю. Во всяком случае, я хотел бы, чтобы, когда все железо взлетело в воздух, оно пощадило бы некоторых хороших пахотных зверей.

— А почему бы тебе не запрячь дракона? — спросил Тони.

— Вот еще! — Джек засмеялся и начал есть.

— Я читал о том, что Святой Дионис умел делать это.

— Ты имеешь в виду рассказ о том, как он и его последователи бежали из Дальнего и пришли сюда? Гривастые согласились, чтобы он и его родичи заселили такую территорию, какую им удастся обвести плугом за один день. И он провел их, использовав в упряжке христианского дракона и прочертив границы нашего нынешнего государства.

— Да, именно так. Замечательно, правда? Хотелось бы мне посмотреть в тот момент на лица тех гривастых!

— Не нужно верить всему, что услышишь, Тони. Но я хотел бы иметь одного из тех чудовищ. Держу пари, что они могли бы сделать такую глубокую борозду, какая нужна.

— Ты когда-нибудь видел дракона, Джек?

— Нет.

— Но ведь ты сам сказал, что нужно верить только тому, что увидишь своими глазами! Откуда же ты знаешь, что такие животные существуют?

Его брат рассмеялся и шутливо ткнул мальчика под ребро.

— Если его нет, то кто же крадет наших единорогов? — Джек посмотрел куда-то за спину брата. — Кроме того, сирена мне говорила, что она беседовала с тем самым драконом, который ворует у нас животных. А вот и она сама! Спроси у нее, если не веришь.

Тони скорчил недовольную мину:

— Мне, пожалуй, пора домой, Джек.

Джек рассеянно кивнул. Его внимание было приковало к приближающейся сирене, покачивавшейся из стороны в сторону. Она несла глиняную вазу в форме слезы.

Тони прищурился и скользнул между деревьями.

— Хэлло, Джек! — сказала Р-ли по-английски.

— Привет! — ответил он на детском языке гривастых.

Она улыбнулась, как будто увидела нечто знаменательное в том, что он прибег к этой речи. Он посмотрел на амфору, которую она держала в руках.

— Идешь за медом?

— Да.

Джек осмотрелся: никого не было.

— Я пойду с тобой. Пахота же может и подождать. Боюсь, что если сейчас не уйду отсюда, то не смогу преодолеть искушения убить этих тварей.

Она стала напевать мотив одной из последних дошедших до их округа песенок. «Запряги дракона в плуг» — такова была первая строка этой песни.

— О, если бы я только мог это сделать!

Он снял шляпу и куртку, разулся и стал плескать на себя воду из ручья. Сирена вошла в воду и присела в ней.

— Ты мог бы сделать то же самое, если бы ты не стеснялся своего тела, — дразнила она его.

Он оглядел себя и сказал:

— Это кажется нелепым. То есть когда я с тобой.

— Я удивлена, что ты признаешься в этом.

— Ну, я не совсем это имел в виду. Одежда нужна людям, а для вас, гривастых, ничего нет дурного в том, что вы ходите голыми.

— О, да, да! Мы же животные... У которых нет души, — она рассмеялась. — Или что-то в этом роде. Джек, ты помнишь, когда мы были детьми, ты часто убегал к пруду и плавал вместе с нами? Тогда на тебе штанов не было.

— Я был ребенок!

— Верно. Но ты не был таким уж невинным, как воображаешь теперь. Мы часто смеялись над тобой, но не потому, что ты был голый, а потому, что ты считал себя ужасно испорченным и приходил в дикий восторг при мысли о том, что совершаешь грех. Твои родители запрещали это. Если бы они увидели, то порка запомнилась бы надолго.

— Когда мне говорили, что чего-то делать нельзя, ужасно хотелось это сделать! Кроме того, это было так забавно.

— Значит, уже тогда ты не был убежден в том, что нужно стыдиться своего тела. Теперь ты изменился. Начал стыдиться... Позволь же убедить тебя в том, что ты ошибаешься. Я понимаю, почему ваши женщины носят одежду: они стараются скрыть дефекты своего тела, а отнюдь не для того, чтобы подчеркнуть свою красоту.

— Не будь злюкой.

— Ничуть. Я говорю то, что думаю.

Он поднялся, надел шляпу и подобрал куртку.

— Прежде чем я уйду, скажи мне одну вещь. Почему ты уступила мне свои права на жемчуг?

Она выпрямилась и пошла к нему. Каждая капля на ее груди сверкала, как маленькая хрустальная вселенная со своим крохотным солнцем в ее центре. Струйки воды стекали с мокрых прядей ее «конского хвоста» и падали на песок. Она распустила свои длинные волосы, перекинула их на левую сторону и подняла к свету. Желтые и красные пряди переливались на солнце.

Она в упор посмотрела на Джека своими пурпурно-синими глазами. Ее правая рука сделала интимный жест в его сторону и замерла. Он некоторое время смотрел на нее, затем вытянул руку и крепко схватил ее за локоть. Она не отпрянула. Она уступила нежной, но твердой настойчивости его руки и очутилась в его объятиях.

Глава 7

Неделей позже было совершено нападение на армейский обоз. Члены общества замаскировались под сатиров. Днем их маскировка вряд ли могла кого-нибудь провести, да и при плохом освещении достаточно было чуть-чуть приглядеться, чтобы понять что к чему. Их это не беспокоило. Они пошли на это только для того, чтобы дать людям королевы возможность обвинить местных вийров.

Было девять часов вечера, когда они приблизились к таверне, носившей название «Вся из стекла». Она вся сверкала огнями. Внутри солдаты дули пиво и играли в кости. Фургоны выстроились цепью позади сарая. Сержант присматривал за сменой лошадей в упряжках и даже не поднял глаза, когда первые из участников налета выскочили из-за сарая.

Взять верх над часовыми оказалось делом простым. Мнимые сатиры выскочили из темноты, окружили изумленных солдат и мигом скрутили их. Сопротивление было на редкость слабым. «Так ли уж это удивительно?» — подумал про себя Джек, затыкая кляпом рот одному из этих простоватых парней.

В таверне продолжался пир, будто никто из пирующих не слыхал скрипа тележных осей, сопения животных и стука колес. Выехав на дорогу, участники налета и вовсе забыли всякую осторожность и стали кричать и стегать упряжки. Только тогда распахнулись двери, и из таверны спотыкаясь, с криками и руганью посыпались обозные, все еще держа в руках кружки и деньги.

Джек подумал, что актеры они никудышные: проклятия их были слабыми, и он мог бы сам поклясться, что слышал приглушенный смех.

На протяжении всей долгой обратной дороги он испытывал что угодно, только не чувство дерзости и отваги. Он был разочарован, потому что ему так и не пришлось вытянуть свою шпагу из гибкого стекла. Еще недавно ему так хотелось проткнуть ею кого-нибудь или что-нибудь. Какой-то тяжелый серый груз давил на него, и, как он ни старался, он не мог избавиться от него.

Даже в течение редких встреч с Р-ли он не был в состоянии полностью освободиться от этого затаенного гнева. Слишком много слов были такими же, когда они с Р-ли в первый раз поцеловались.

Он очень хорошо запомнил их. Он набрал побольше воздуха и повторял, что он ее любит, он ее любит, и ему наплевать, если кто-то узнает об этом, если кто-то узнает об этом!

Он прижал ее к себе и поклялся, что говорит то, что думает.

— Да, сейчас ты любишь. Но ведь ты знаешь, что это невозможно. Церковь, государство, родня — все запретят тебе это.

— Я им не позволю!

— Есть один выход. Идем со мной.

— Куда?

— В Тракию.

— Я не могу этого сделать.

— Почему?

— Оставить своих родителей? Разбить их сердца? Предать девушку, которая мне обещана? Подвергнуться отлучению от церкви?

— Если бы ты по-настоящему любил меня, то пошел бы куда угодно.

— О, Р-ли, для тебя это все легко. Но ты же не человек.

— Если бы ты перешел со мной горы и поселился в долине, ты приобрел бы гораздо большее, чем только меня. Ты бы стал таким, каким никогда не будешь здесь, в Дионисии.

— Кем же?

— Идеальным человеком!

— Не понимаю!

— Ты бы стал более уравновешенным, у тебя было бы большее единство тела и души. Твое подсознание работало бы рука об руку с сознанием. Ты не был бы суматошным, подобно ребенку, подобно ненастроенному музыкальному инструменту.

— И все же я не пойму, что ты имеешь в виду?

— Идем со мной. В долину, где я провела три года, проходя обряды посвящения. Там ты будешь жить среди людей, среди совершенных людей. Сейчас ты как бы неотделанный, как бы состоишь из множества отдельных черт, не составляющих единого целого. Просто набор разных черт, и только.

— Значит, я пугаю тебя. Большое спасибо!

— Сердись, сердись, если это тебе поможет. Но я вовсе не хотела обидеть тебя. Я имею в виду, что ты еще не осознаешь всех своих способностей. Они скрыты от тебя. Другими и самим тобой, ты как бы сам с собой играешь в прятки, понимаешь? Отказываешься увидеть, кем ты являешься в действительности!

— Если ты такая цельная, то почему же ты меня любишь? Я же весь разрозненный!

— Джек, у тебя есть такие же возможности стать сильным и совершенным, как у любого гривастого. Ты мог бы там, в Тракии, стать таким, каким должен был стать. Любой человек мог бы, если бы преодолел этот барьер ненависти и страха и научился тому, на что у нас ушли мучительные столетия.

— И ради этого бросить все, что есть у меня сейчас?

— Брось то, что тебе не нужно, а лучшее, доброе — сохрани! Но не решай сам, что является наилучшим, пока не пойдешь со мною.

— Я подумаю над этим.

— Решай сейчас!

— У меня голова кружится от искушения.

— Идем! Оставь животных привязанными к дереву, а плуг в борозде. Никаких прощаний. Просто уходим вместе. Со мной.

— Я... я не могу... Это так...

— Пожалуйста, не надо никаких извинений.

С того времени он никак не мог избавиться от чувства, что он отказался от пути, который принес бы ему много счастья. В течение некоторого времени он пытался убедить себя в том, что просто приказал себе: «Изыди, сатана!» Через несколько дней он честно признался самому себе, что у него не хватило смелости. Если бы он любил сильно, как она говорила, он все бы бросил и пошел за нею. Отказавшись от всего, преданный только ей...

Но это означало бы... нет, он никогда не мог бы вступить с нею в священный брак!

Но он любил ее! И так ли уж необходимо, чтобы человек в рясе произнес над ними какие-то слова? Вероятно, он все же считает это

необходимым, так как не ушел с нею. И она сказала, что проверкой его любви будет решение об уходе с нею.

Он не пошел. Значит, он не любил ее.

Но ведь это неправда!

Он ударил кулаком по сиденью фургона. Он любит ее! Очень любит.

— Что это с тобой делается, черт побери? — спросил молодой Хоу, сидевший рядом с ним.

— Ничего!

— Тебя часто приводят в бешенство разные пустяки, — рассмеялся Хоу. — На, глотни.

— Нет, спасибо. Нет настроения.

— Как хочешь, за твое здоровье, Джек. Между прочим, ты заметил, что Джона Маури с нами не было?

— Нет.

— А вот Чаковилли заметил и поднял крик. Никто не знает, где он. Или, по крайней мере, все делают вид, что не знают. Но я-то знаю!

Джек иронически хмыкнул.

— Тебе интересно?

— Ничуть.

— Ты, видно, болен, дружище! И все равно я тебе скажу. Эд Ванч послал Джона наблюдать за кадмусом на вашей ферме!

Джек встрепенулся.

— Почему?

— Эд считает, что Полли все еще не покинула ферму.

Хоу засмеялся и опорожнил флягу. Затем начал стегать покрытые густой шерстью спины единорогов и, когда фургон набрал скорость, крикнул, перекрывая грохот колес:

— Эд упрямый, как молодой единорог! Вот увидишь, когда-нибудь он здорово схлестнется с Чаковилли!

— И тот убьет его.

— Может быть. Если только Эд не засадит медное дерево ему под ребро. Сейчас он ведет себя примерно, это правда, но думаю, что никогда не забыть ему выбитых зубов.

— С кем мы деремся? С гривастыми? Или друг с другом?

— Наши распри должны быть улажены до того, как план действий начнет претворяться в жизнь.

— Скажи мне, Хоу, а ты сам на чьей стороне?

— Мне все равно. Я просто дожидаюсь того дня, когда начнется большая драка.

Он вытащил еще одну флягу, сделал затяжной глоток и только после этого посмотрел на Джека. Джеку пришло в голову, уж не думает ли Хоу напасть на него? Ему уже доводилось раньше видеть это напряженное выражение на его лице.

— Хочешь, я скажу тебе кое-что, Джек? В день УГ очень много добра уйдет к посторонним владельцам. Гривастые и обезумевшие от грабежа люди... обязательно... сведут счеты с некоторыми людьми. Когда настанет этот день...

Он снова поднял флягу и произнес:

— Я, возможно, скоро стану лордом Хоу. Разумеется, убитый горем, я воздвигну памятник моему бедному старому папаше, не пережившему кровавых событий.

— Твой отец говорил как-то, что он ощенился жирным, глупым, негодным псом! Оно и видно!

— Придержи язык, Кейдж! Когда я стану бароном Хоу, я не забуду своих врагов!

Он отшвырнул пустую флягу. Вожжи ослабли в его руках, и единороги, почувствовав это, сбавили ход.

— Ты считаешь себя чертовски умным, Кейдж, а я намерен доказать тебе обратное. Как-то в разговоре с тобой я сказал, что мне все равно, кто станет главарем УГ. Ха! Я тебе соврал. Я всегда вру. Так вот, я знаю кое-что такое, чего ты не знаешь. Об этом сумасшедшем Ванче и большеглазом лакомом кусочке Полли. И об этом нахальном выскочке Чаковилли тоже...

— Что именно?

Хоу помахал у него перед лицом пальцем и несколько раз мотнул головой.

— Ишь, какой шустрый! А ты меня попроси.

Он запустил руку в карман куртки и вытащил еще одну флягу. Джек схватил его за шиворот и подтянул к себе.

— Скажи сейчас же, или я заставлю тебя пожалеть о том, что ты начал этот разговор.

Хоу обхватил флягу за горлышко и поднял руку, чтобы ударить Джека. Тот мгновенно среагировал и рубанул тыльной стороной ладони по бычьему затылку Хоу. Молодой баронет упал в фургон, где его подхватили другие участники налета.

Джек схватил вожжи и крикнул через плечо:

— Он не окочурился?

— Пока что дышит.

Несколько человек засмеялись. Джек почувствовал себя немного лучше. В свой удар он вложил всю накопившуюся в нем ярость. Однако на что намекал этот свинтус?

Следующие шесть миль от Черной Скалы до Слашларка животных не жалели. Джек удивлялся, каким образом им удается сохранить скорость. К тому времени, когда они достигнут окружного центра, они должны пасть от изнеможения. А ведь надо еще сделать крюк вокруг города, чтобы никто из жителей не заметил фургонов. Вместе это составит семь миль, после чего придется протащить фургоны еще семь до фермы Кейджа. Там фургоны

заведут в амбар, а оружие спрячут под стогом сена. Но выдержат ли единороги?

В полумиле от Слашларка Чаковилли велел остановиться. Именно тогда Джек, как и все другие участники налета, обнаружил, что он посвящен далеко не во все детали плана.

Из леса вышли люди с факелами, выпрягли пышущих паром, покрытых пеной животных и впрягли свежих. Чаковилли приказал участникам налета надеть свою одежду.

Когда все уже переоделись, из фургона выполз Хоу. Он потер шею и непонимающе уставился на факелы.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты упал и вышиб из себя дух, — сказал кто-то из попутчиков.

— Разве мы перед этим не разговаривали с тобой, Джек?

— Да.

— И что я говорил?

— Свой обычный бред.

— Ха! Ха!

Хоу не сердился. Он с опаской посматривал на Эда, который стоял поблизости. Потом улыбнулся и хлопнул Ванча по плечу.

— Вот видишь, Эд! Все в порядке!

— Заткнись! — прорычал Эд, повернулся и скрылся в темноте.

Джек задумчиво посмотрел ему вслед. У кузена был тот самый безумный и отрешенный вид, который свидетельствовал, что он что-то задумал.

Обоз снова тронулся в путь. Он прошел по дороге, огибавшей Слашларк с запада. Неожиданно гряда невысоких гор, закрывавшая им вид на город, уступила место равнине. Они вернулись на главное шоссе, которое шло вдоль реки Бигфилд до места, где в нее впадала Сквамос-Крик. Там, в двух сотнях метров к югу от моста, фургон остановился.

— Отсюда большинство из вас разойдется по домам, — сказал Чаковилли. — Кучера продолжат путь к Кейджам, до фермы Кейджей, где и заночуют. Я тоже останусь там. Нам, однако, понадобятся еще люди, чтобы побыстрее разгрузиться.

Однако люди не спешили уходить в темноту. Те из них, кто жил неподалеку, наконец ушли. Те, чьи дома были далеко, забрались в повозки, которые дожидались их всю ночь.

Смуглый руководитель правил последним фургоном. Хоу — вторым, Ванч — третьим. С остальными кучерами Джек знаком не был.

Прогрохотал мост. Люди выглядывали, чтобы увидеть разбуженного и высунувшегося из окна башни смотрителя. Они облегченно вздохнули, когда проехали мимо высокого каменного сооружения, не обнаружив признаков тревоги среди тех, кто должен был быть внутри его. В этот момент на берегу ручья вспыхнул фонарь. Навстречу им шел смотритель с длинным тонким шестом на плече и соломенной корзи-

ной, свисавшей сбоку. Надо же было так случиться, что гривастый как раз возвращался с длившейся всю ночь рыбалки.

Джек повернул голову в его сторону. Ванч остановил свой фургон, задерживая обоз, и выпрыгнул. В руках у него был дротик со стеклянным наконечником.

Джек вырвал вожжи у Хоу, остановил животных и крикнул:

— Эй, Чаковилли!

Рудоискатель тоже остановился. Увидев, что происходит, он закричал на Ванча:

— Ты, идиот! Немедленно иди на место и двигай дальше!

Ванч издал пронзительный вопль. Не на своего вожака, на сатира. Не сбавляя скорости бега, он метнул дротик в вийра.

Тот выронил фонарь и упал на землю. Дротик пролетел над его головой и исчез в ночной тьме. Сразу же после этого Аум вскочил, подхватил с земли фонарь и швырнул его в бегущего Ванча. Фонарь попал в голову нападавшего, и тот упал. Стекло фонаря разбилось, масло растеклось по земле. Пламя лизало голову потерявшего сознание Ванча. Смотритель повернулся и исчез между деревьев.

— Безмозглый болван! — вне себя произнес Чаковилли. — Поделом ему, пусть себе горит.

Тем не менее он схватил Эда за ногу и осторожно оттащил от огня.

Ванч медленно приходил в себя. Его рука потянулась ко рту.

— Где я?

— Идиот! Зачем ты напал на него?

Эд, пошатываясь, встал на ноги.

— Я не хотел, чтобы кто-либо из гривастых был свидетелем.

— Но теперь уже один есть, это точно. Ведь я не давал приказа. Я что, должен выбить все зубы из твоей глупой башки, чтобы ты понял, что можно делать, а что нельзя?

Эд угрюмо пробурчал:

— Мне кажется, что Аум это уже сделал. — Он убрал руку с лица, обнажив окровавленный рот. Два зуба выпали сами, третий, свободно шатавшийся, он попробовал пальцем.

— Жаль, что он не убил тебя. Считай, что ты арестован. Возвращайся в свой фургон, править будет Тюрк. Нокенвуд, проследите за Ванчем! Если он будет делать что-то невпопад, прикончите его на месте!

— Есть, сэр!

Хлопнула дверь. Люди повернули головы в сторону башни. Послышались звуки засовов, затем раздался шум голосов. В похожем на щелку окне второго этажа вспыхнул факел.

— Пока мы с тобой разбирались, Аум проскользнул домой! Теперь нам его не взять!

Засветились окна третьего, четвертого и пятого этажей, после чего свет в них погас. Похоже, смотритель продолжал идти наверх. На

шестом этаже вспыхнул свет и продолжал гореть. Вскоре при свете полной луны стало видно, как с крыш был выставлен какой-то продолговатый предмет.

Джек не мог определить, какого он цвета, но догадывался, что сделан он из дорогой меди. Время от времени он видел такие шесты, торчащие из домов смотрителей или из конусов кадмусов. Он не знал, что они собой представляют, предполагая, что они используются в черной магии гривастых.

Джеку стало не по себе, когда он увидел этот торчащий, словно рог демона, шест. Что же касается Ванча, тот был еле жив от страха. Его выпученные глаза вращались из стороны в сторону.

— Уже достаточно сделано глупостей, — сказал Чаковилли. — Пора смываться.

Он повернулся и хотел уйти. Тогда Эд нагнулся и поднял камень величиной с кулак. Прежде чем Джек успел помешать, Эд прыгнул вожаку на спину.

У Чаковилли, должно быть, была реакция гривастых: он повернулся еще до того, как Джек предостерегающе завопил. Рука его метнулась к шпаге, но камень все же угодил ему в висок, и он упал вниз лицом.

В то же мгновение Эд выхватил у рудоискателя его шпагу и приставил ее кончик к груди Джека. Кейдж остановился.

— Это случилось быстрее, чем я предполагал, — пронзительно завопил Эд. — Впрочем, теперь уже все равно. Джордж, вяжите ему руки. Тапмен, несите Чаковилли в свой фургон. Да не забудьте заткнуть ему рот.

— Что происходит? — спросил Джек.

Окровавленные губы Эда расплылись в беззубой улыбке.

— Просто небольшая операция, братец. Мы, у кого молодая кровь, не хотим мириться со сверхосторожностью, с какой ведет дело этот рудоискатель. Нам нужно настоящее дело. И сейчас, немедленно! Я никому не позволю стать между Полли и мной!

Поэтому я подговорил двадцать пять человек настоящих мужчин напасть на ваших вийров сегодня ночью. Чаковилли сказал, чтобы они расходились по домам, но они этого не сделали. Они крутятся здесь, поблизости.

Он оказался прав, минутой позже раздался цокот копыт. Эд приветствовал своих друзей и рассказал о том, что произошло. Затем он взобрался на передок фургона, и караван тронулся в путь. Джека швырнули в фургон. Ноги и руки ему связали, но рот не заткнули. Он крикнул:

— Чаковилли никогда не простит тебе этого! Он убьет вас всех!

— Нет, он этого не сделает. И знаешь почему? Потому что, когда мы будем нападать на пожирателей собак, наш храбрый предводитель умрет среди тех, кто был в первых рядах. Он станет мучеником и будет причислен к лику святых.

Эд разразился злобным смехом. Он продолжал смеяться, когда где-то высоко в небе вспыхнул яркий красно-голубой-белый шар.

— Это ракета Маури! — закричал Ванч. — Полли, должно быть, покидает кадмус!

Эд яростно стегал по спинам единорогов, так что на них показалась кровь, фургон бросало на ухабах, заносило на крутых поворотах, ветер хлестал Эда в потное лицо, запястья ныли от врезавшихся в них вожжей...

Эта неистовая гонка окончилась так же внезапно, как и началась; к тому времени, когда Эд стер себе руки в кровь, когда горло у него пересохло и голос сел от ругани, они въехали во двор фермы Кейджей, остановились перед амбаром.

Эд спрыгнул и стал колотить в дверь амбара. Зеб, один из временных работников, высунул голову. Глаза его расширились от удивления, и он исчез. Через минуту огромный засов был отодвинут и ворота распахнулись. Фургоны один за другим въехали во двор, после чего Эд приказал Зебу закрыть ворота.

Джек, с трудом встав на колени, увидел отца, поднимающегося с груды шкур, наваленных в темном углу. Глаза у него были опухшие, а красные рубцы на лице указывали на то, что он долго спал, не меняя положения.

Джек подумал о матери и сестрах: им не положено было знать о том, что сейчас происходит. Но разве могли они спать спокойно, когда дурными голосами кричали единороги, громыхали колеса фургонов, раздавались крики людей? Мать, вероятно, думала, что Уолт всю ночь провел в амбаре. Каким образом ему удалось обмануть ее?

Во многих отношениях, подумал Джек, это была неумелая и совсем несекретная акция. Но какое значение это имело, если она удалась его двоюродному братцу?

Раздался слабый стук в главные ворота. Зеб приотворил калитку и увидел Джона Маури. Даже очень смуглая кожа не могла скрыть бледности его лица. Губы у него прыгали.

— Вы видели мою ракету?

— Да, — кивнул Эд. — Но что это значит?

— Я видел, как Клиц, ты его знаешь, ловчий ларков, спускался по шоссе с гор. Его не было здесь две недели. Понимаешь?..

Джон сделал паузу, чтобы получить подтверждение, в котором он отчаянно нуждался.

Эд кивнул:

— Продолжай.

— И вот он входит, понимаешь, в кадмус, второй слева, если стоять лицом к ручью. Затем, примерно через час, он выходит оттуда с Р-ли и Полли О'Брайен. Они развели костер и сидели вокруг него некоторое время, беседуя и жаря грудинку. Они вытащили несколько больших мешков, вроде тех, что берут, отправляясь в долгий путь. Я продолжал

следить за ними. Но ничего не происходило. И вот тогда я подумал, если Полли открыто показывается при таких обстоятельствах, это может означать только одно. Понимаешь?

Вдруг он судорожно втянул в себя воздух и зашелся в кашле. Когда ему удалось справиться с приступом, он сказал:

— Черт возьми, Эд! Неужели мы не можем поговорить снаружи? Ты же знаешь, что я не переношу близости единорогов. Проклятая одышка.

— Ты хочешь, чтобы весь Слашларк знал, что здесь происходит? Оставайся тут! И поменьше подробностей — ты же не книгу пишешь.

Джон сделал обиженное лицо.

— Если меня замучает одышка, какой же из меня будет боец? Так вот, как я понял, она готовится отправляться в Тракию. Но чего она ждет? Этого я не могу сказать. Я был слишком далеко, чтобы слышать их разговор. А подползти ближе я не решался. Ты же знаешь, Эд, этих гривастых, они чуют запах человека за милю и слышат, как со лба капает пот. Разве не так?

— Не тяни, говорят! Видно, по тебе палка соскучилась!

Джон тяжело вздохнул:

— Проклятые твари! Не бесись, Эд. Я с самого начала подкрался как можно ближе, ты же знаешь, я это умею. Затем я увидел, как что-то мелькнуло между деревьев. Когда оно оказалось достаточно близко и я смог разглядеть его, у меня волосы стали дыбом. Я ничего не выдумываю, Эд, они действительно там стояли. Я в своем укрытии едва не наложил в штаны. Жаль, что ты его не видел, Эд!

— Что это было? — В голосе Эда появились истерические нотки.

— Огромный, как дом. Зубы в три раза длиннее, чем у медведя. Он мог бы одним махом свалить дерево. И хотя я раньше не верил...

— Ты что, хочешь умереть раньше времени?

— Это был дракон!!

Джон обвел взглядом присутствующих, чтобы насладиться их изумлением и страхом.

Ванч, по-видимому, почувствовал, что если он сразу же что-то не предпримет, то утратит роль лидера.

— Ладно! — закричал он. — Дракон так дракон, нам все равно! Люди, разгружайте фургон. Кто не уверен в том, что умеет пользоваться оружием, пусть читает инструкцию. Встряхнитесь, черт побери! Скоро уже рассвет!

В это время Джек увидел, что Чаковилли пришел в себя и ему помогли выбраться из фургона. Одновременно он увидел, что к нему направляется отец, не обращая внимания на других. Взгляд его был устремлен на сына, в левой руке он держал саблю. Глаза были красны и опухли от слез, борода промокла насквозь.

— Сынок, — Уолт говорил так тихо, в такой неестественной для себя манере, что Джек испугался. — Тони рассказал твоей матери и мне то, что он был не в состоянии дальше скрывать.

— Что такое?

— Он видел, как ты целовал эту... эту сирену Р-ли. Ласкал ее.

— Ну и что?

Голос Уолта звучал еле слышно:

— Ты сознаешься в этом?

Джек твердо выдержал взгляд отца.

— А что тут такого? Я не собираюсь стыдиться этого.

Уолт бешено взревел и поднял саблю. Эд схватил его за руку, и клинок упал на землю. Уолт взвыл от боли, держась за запястье. Эд быстро нагнулся, чтобы схватить саблю. Уолт стоял посреди амбара, тяжело переводя дух, глаза обрели ясность видения, и до него дошло, что его сын и их предводитель связаны.

— Чаковилли! Что происходит?

Смуглый рудоискатель, лицо которого было покрыто коркой запекшейся крови, объяснил.

Уолт окаменел. События развивались быстро. Удары, полученные им, лишили его возможности спокойно оценивать обстановку.

— Сегодня ночью мы нападем на ваших вийров, — сказал ему Эд. — Вы нам поможете? — Он многозначительно помахал саблей.

— Ведь это бунт? — прошептал старый Кейдж. — А Джек? Встал на сторону Чаковилли?

— О, с ним ничего не случилось, — добродушно произнес Эд. Волшебное действие железа в его руке подняло у него настроение. — Джек просто на минуту потерял голову. Но теперь он мыслит правильно. Верно, братец?

Того факта, что его видели с сиреной, было бы достаточно, чтобы немедленно приговорить его к смерти. Но ведь он в конце концов просто немножко позабавился. Верно, Джек? Ведь сирены такие красивые! Бесс Мерримот вряд ли поймет это, когда узнает обо всем. Но она не узнает, правда же? А почему? А потому что ты понимаешь, кого должен убить первым? Догадываешься?

Джек медленно произнес:

— Р-ли.

Эд кивнул.

— Это единственный способ искупить грех. Смыть с себя и этим вернуть мою благосклонность, не говоря уже о церкви. Позволь напомнить тебе, что с этой минуты в нашем округе будет считаться правильным только то, что заслуживает моего одобрения.

На обоих связанных разрезали веревки. Чаковилли был теперь пленником, хотя в обращении с ним грубостей не допускали.

Один из разгружавших фургон сказал:

— Эд, что мы будем делать со всеми этими ружьями? Ведь никто из нас не умеет с ними обращаться.

— Разумеется, нет, — презрительно бросил Чаковилли. — Вы, паршивые сорвиголовы, даже не подумали научиться стрелять, прежде чем нападать. Почему, как вы думаете, я настаивал на отмене этого налета? Какая польза от ружья, если вы не умеете даже правильно зарядить его, не говоря уже о том, чтобы попасть в цель? Кто из вас знает, как обращаться с этой стеклянной пушкой? А с огнеметом? Безмозглые чурбаны, вы потерпели поражение, еще не начав битвы!

— Черта с два! — воскликнул Эд. — Эй, люди! Кто успел прочесть инструкцию, заряжайте ружья!

Он выделил расчет канониров, другой группе велел тащить машину на колесах. В течение часа он муштровал своих солдат.

— Не стреляйте, пока не подойдем совсем близко. Они помрут со страха от одного только грохота.

— Так же, как и твои люди — после того, как нажмут на спуск, — вставил Чаковилли.

Вскоре весь отряд уже маршировал по шоссе. Впереди шли Чаковилли и Джек Кейдж. Оба были вооружены шпагами, но позади них шел человек с пистолетом наизготовку.

Прикосновение к сказочной стали придало Эду смелости и воодушевления. Он тихонько напевал и расхваливал своих людей, пока они не вышли на тропинку, ведущую в лес. В соответствии с замыслом, они должны были пройти по ней, таща за собой пушку, пока не окажутся в поле.

В лесу колеса пушки застряли в грязи. Весь отряд ничего не мог с нею поделать.

Под конец Эд выругался:

— Бросьте ее к чертовой матери! Все равно она нам ни к чему.

Удрученные потерей, взвинченные страхом перед неизвестностью, убийцы гривастых шли через лес. Стоило кому-то задеть ружьем за ветку или наступить ногой на ломкий сучок, как все испуганно вздрагивали.

Наконец между ними и полем осталось только несколько кустов. У входа в один из кадмусов догорал костер, но никого из гривастых не было видно.

— Огнеметы — вперед! — вполголоса приказал Эд и сердито повернулся к Джону, чтобы отчитать его за то, что он слишком громко дышит.

— Здесь всего двенадцать кадмусов. По моему сигналу направляйте пламя огнеметов во внешние входные отверстия восьми из них. По два человека останутся стеречь выходы еще из двух, их задача — приканчивать каждого, кто попытается выбраться наружу. Остальные делятся на две части: одни идут за мной к тому кадмусу, что справа,

другие во главе с Джоном — к тому, что слева. Чаковилли идет впереди меня, Джек — впереди Джона. Уолт, с кем ты хочешь пойти?

Старший Кейдж покачал головой и хрипло сказал:

— Не знаю. Куда прикажешь.

— Тогда ступайте с сыном. Может быть, вам удастся схватить его за шиворот и помешать присоединиться к гривастым.

Тот прежний Уолт, которого Джек так хорошо знал, услыхав подобное оскорбление, вышиб бы из Эда дух. Но сейчас он только покачал головой:

— Ребята, нет никакой необходимости сжигать все это. Как-никак это все же добро. Там есть много такого, чем вы можете поживиться, да и мне кое-что останется. Ведь это как-никак моя собственность. Зачем все уничтожать? Это не по-людски.

— Папа, ради бога! — закричал Джек. — Как ты можешь в такую минуту, когда вот-вот прольется кровь?!

Кулак Эда заставил его замолчать. Шатаясь, он отпрянул назад, ощущая во рту соленый вкус.

Уолт часто заморгал, будто не в состоянии понять слов сына.

— Теперь, после того, что ты натворил... ты еще о чем-то просишь?!

Вооруженная группа крадучись пересекла луг.

Глава 8

Полная луна ярко освещала местность. Ветра не было. Единственными звуками были шелест шагов по траве, приглушенные ругательства оступившихся, свистящее дыхание Джона Маури.

Круги у оснований кадмусов были черными и казались пустыми. Но Джек невольно рисовал себе зрелище глядящих на них из темноты глаз и рук, сжимающих луки и копья. Может быть, в его незащищенную панцирем грудь уже направлена стрела.

Эд шепнул Маури:

— Как ты думаешь, где сейчас Полли? Может быть, она успела уйти, пока мы сюда добирались?

Сверкнув белками глаз, Джон с шумом выдохнул:

— Не знаю. Полли сейчас меня не интересует. Хотелось бы мне знать, где дракон?

Эд фыркнул:

— Единственный дракон, которого ты видел, мог появиться только из бутылки.

— Ко мне это не относится. Когда я выпью, у меня не бывает одышки. А сейчас, слышишь? Но где же, черт побери, он может быть?

Как будто в ответ на его слова впереди них раздался страшный рев. Ничего подобного никто из них в жизни не слышал. Могучая

гортань издавала такой низкий утробный рык, по сравнению с которым рычанье медведя могло показаться звуками свирели.

Люди в смятении повернули назад, истошно вопя.

Существо, бросившееся на них из-за деревьев, было более чем вдвое выше высокого мужчины. Оно бежало на толстых задних лапах, держась вертикально. Его лапы напоминали задние лапы собаки, ступни были устроены иначе: пять чудовищных пальцев были широко разведены, чтобы держать вес массивного туловища. Две передние лапы он вытянул вперед: в сравнении с задними конечностями они казались крошечными. На самом же деле они были такой толщины, как тело взрослого человека. В каждой из трехпалых лап он держал по дубинке — стволу молодого дерева. При свете полной луны четко просматривался злобный оскал зубов.

Передняя часть головы являла собой нечто среднее между звериной мордой и человеческим лицом: высокий хрящеватый гребень на лишенном волос черепе, выпуклый лоб, массивные надбровные дуги, сверкающие глаза в форме лиры, покатая собачья морда, тяжелая челюсть, массивный подбородок и свисающий морщинистый мешок вместо бороды. С обеих сторон ухмыляющихся губ торчало по дюжине волосков толщиной в карандаш, образуя гротескные усы.

А вслед за этим громоподобным раскатом со стороны ручья донесся другой такой же. Люди, повернув головы, увидели второго дракона.

Эд, вопя, как взбесившийся единорог, умудрялся отдавать команды:

— Огнеметы! Стреляйте по ним из огнеметов! Пламя их отпугнет!

Но люди не умели обращаться с незнакомыми механизмами. Страх усугублял положение. И половина людей из тех, что несли на себе вооружение, побросали его и побежали прочь.

Одному все же удалось поджечь горючую смесь. Изогнутая струя красного пламени озарила тьму ночи и упала, но не на приближающееся чудовище, а на группу людей. Огнеметчик поспешно поднял дуло оружия, направив его на дракона. Но для полудюжины нападавших было уже слишком поздно. Истошно вопя и сбивая пламя с одежды, они упали на землю, корчась от боли. Один человек побежал к ручью, но упал на полдороге и больше не поднялся.

Языки пламени заставили чудовище остановиться, развернуться и попробовать обойти толпу спереди, рассчитывая оказаться перед бегущими людьми, где огнемет не смог достать его.

— Стреляйте ему в живот! — вопил Эд. — Он у дракона мягкий!

Он поднял свой двухствольный пистолет с кремниевым затвором и нажал на оба спусковых крючка.

Выстрел остановил чудовищ. Однако, казалось, ни одно из них не пострадало.

Несколько человек набрались духу и тоже подняли пистолеты и ружья. Многие разрядили их в драконов, но дали осечку. Один человек

упал, пораженный в спину своим же товарищем, стреляющим, не целясь.

Оружие перезарядили. Страх делал движения людей поспешными и неуклюжими. Они рассыпали порох, роняли пули.

Оба дракона беззвучно неслись на людей. Они были уже слишком близко, чтобы их можно было остановить огнем из ружей, а струя из огнемета могла спалить заживо кого-нибудь из людей. К тому же одно из чудовищ швырнуло свою дубину поверх голов толпы. Она угодила огнеметчику в грудь, и он упал то ли мертвый, то ли без сознания. Содержимое огнемета вылилось на землю.

Гигантское животное мчалось мимо Джека: его толстый, заостренный на конце хвост хлестал по сторонам, что твоя дубина. Джек вовремя бросился на землю, слыша над самой головой хлесткий, как от бича, звук закованной в броню плоти. И тут же услышал хруст костей человека, бежавшего сзади.

Несколько секунд он лежал, зарывшись в траву и дрожа всем телом, потеряв над собой контроль. Когда он овладел собой настолько, чтобы поднять голову, он увидел, что человек, которого чудовище зацепило хвостом, был его отец. Он лежал на спине, у рта пузырилась кровь. Его правая рука чуть пониже локтя была неестественно изогнута.

Увидеть что-то еще Джек не успел, так как чудовище теперь двигалось прямо на него. Он снова буквально втиснулся грудью в трясущуюся землю. Огромная ступня с пятью острыми когтями обрушилась совсем рядом с его головой. Затем она поднялась, будто в самое небо, и больше он ее не видел.

Однако вскочить он не успел, так как вслед за первым драконом появился второй, держа в зубах Джорджа Хоу. Джордж вопил истошным голосом и извивался словно червяк. Но вот челюсти сомкнулись, и из толстяка, точно из лопнувшей кровяной колбасы, хлынула кровь.

— Отец! — успел вскрикнуть Хоу и, безвольно раскачиваясь, повис в зубах дракона.

Первый дракон повернул голову и сказал, пользуясь детской речью гривастых:

— Позабавилась, сестренка?

Второй дракон ничего не ответил. Он перекусил тело Джорджа, и изуродованные его части упали на траву рядом с Джеком. Глаза мертвеца были открыты, их взгляд, казалось, говорил Джеку:

— Ты — следующий!

Объятый ужасом, Джек вскочил на ноги и побежал. У него не было какой-то определенной цели, иначе он не побежал бы к ближайшему кадмусу.

И оказавшись у входа, он нырнул в него головой вперед. Он не знал, где находится пол — в шести дюймах или в шести футах у него под ногами. Ему показалось, что он упал на добрую сотню футов

вниз, но на самом деле голый земляной пол кадмуса был на том же уровне, что и луг снаружи. Только тогда он осмелился остановиться и посмотреть назад.

Его пример заразил других: они со всех ног помчались вслед за ним к этому убежищу. Впереди всех летел Эд, изо всех сил перебирая своими короткими ножками, в вытянутой руке под углом сорок пять градусов к телу он держал саблю.

Как раз перед тем, как Эд и те, что были за ним, вбежали внутрь, еще один человек запоздало поднялся и попытался совершить такую же пробежку. Уже издали можно было слышать свистящее дыхание Джона Маури. Драконы как раз в этот момент прекратили рев, раненые не стонали. Примерно в течение тридцати секунд стояла та странная тишина, какая бывает порой в разгар самой шумной битвы.

Один из драконов бросился вслед за ним. Звероподобная фигура чудовища загородила луну, и тень от него накрыла бегущего пигмея. Поднялась огромная лапа, дубина описала в небе гигантскую дугу, на мгновение зависла и... хрясь!

Прерывистое дыхание оборвалось. Собственная инерция вместе с силой удара швырнула Джона вперед. Тело его, обезглавленное ударом, проехало по скользкой от крови траве.

Больше Джек ничего не видел, так как толпа оттеснила его в глубь кадмуса.

Его била дрожь, голова кружилась, тем не менее он сообразил, что в сравнении с вновь прибывшими у него есть преимущество. Их силуэты четко вырисовывались в лунном свете, а его видеть было невозможно. Ему не стоило особого труда ударить кулаком по кисти Эда и выбить саблю из его рук.

Эд завопил и стал хватать руками воздух в надежде поймать обидчика. Джек наклонился, поднял саблю и нырнул в темноту.

Внезапно во мраке сверкнула искра, а за ней вспышка и грохот. Что-то близко просвистело у его уха, слегка задев мочку. Он сразу же упал на землю, чтобы уберечься от последующих выстрелов. К нему бросились другие и, спотыкаясь о его распростертое тело, стали падать на него и рядом с ним.

В наступившей неразберихе никто не знал, где противник. Они били друг друга кулаками, кричали, падали, вскакивали и тут же получали новые удары.

Мгновением позже появился свет. В отверстие в стене кадмуса кто-то просунул факел, высветивший происходящее внутри. Но участникам потасовки было теперь не до Кейджа, ибо рука, сжимавшая зажженный сук дерева, была огромной и трехпалой.

В том месте, куда они забились, стены были сделаны из какого-то твердого, похожего на древесину материала. Единственным выходом было отверстие, через которое они сюда проникли. Проход, если он и существовал, был так искусно заделан, что не было видно никаких

его следов. Если нападавшие хотели пройти дальше, им нужно было бы прокладывать себе путь взрывчаткой. Оставаясь внутри кадмуса, они не могли этого сделать. А поскольку снаружи их поджидал дракон, всем пришлось остаться на своих местах.

Положение было безвыходным. Огнестрельное оружие оставалось у четверых: трое возились с перезарядкой, у четвертого не было пороха.

Не смелость, а крайнее отчаяние побудили Джека броситься вперед — на лапу, державшую факел.

Он вскочил на освещенное место и смело встретил взгляд чудовища, успев при этом заметить, что левый клык в раскрытой пасти был черным, скорее всего, гнилым. Джек взмахнул саблей, острый клинок вонзился глубоко в большой палец, придерживающий факел. Миг — и факел упал на пол.

Джек нагнулся, чтобы поднять его, чувствуя, как на его затылок хлынул поток крови из раны. Страшный рев оглушил его, его раскаты многократным эхом отдались в узком пространстве кадмуса. Джек сгреб все еще горевшее полено, повернулся и швырнул его в нападающих.

Сразу же после этого произошло следующее: он заметил, что большой палец дракона все еще обвивает полено: его длинный толстый ноготь вонзился глубоко в древесину. Позади Джека рев сменился нелепым жалостным хныканьем, за которым последовали причитания на детском языке.

— Мой большой палец, человек! Отдай мне мой палец!

Джек не обратил внимания на дракона: взор его был прикован к стене за спинами людей. Она начала открываться. В ее коричневой полированной поверхности появилось отверстие высотой в рост человека.

Он отказался от намерения попытаться ускользнуть от дракона и убежать в лес. Вместо этого он бросился мимо остатков отряда в это только что появившееся отверстие. Он надеялся, что времени, которое он выиграл, бросив в налетчиков факел и вынудив их поднять руки, защищая глаза, ему хватит.

Так оно и вышло.

Раздались крики разъяренных преследователей, потом выстрел из пистолета. Но Джек уже завернул за угол и очутился в каком-то узком проходе. Звуки за ним были разом отсечены, будто захлопнулась некая дверь.

Мгновением позже он понял, что именно это и произошло. Весь проход, будто гигантская рука, сомкнулся вокруг, наваливаясь на его тело, сдавливая так крепко, что он подумал, что сейчас начнут ломаться ребра и хлынет изо рта кровь. В довершение всего какое-то текучее и вязкое вещество, из которого состояли стены, попало ему в рот и лишило его возможности дышать. Грохот, тьма, отчаяние. Он полностью отключился.

Как бы сквозь пелену, легкую, но непробиваемую, донесся голос Р-ли:

— Он мертв?

— Джек Кейдж? — переспросил незнакомый мужской голос.

— Нет. Его отец.

— Он будет жить, если захочет.

— О, Целитель души, неужели ты всегда должен изрекать только то, что узнаешь при прохождении обряда?

— А разве это неверно?

— Но это самоочевидно и потому скучно, — ответила сирена. — Уолт Кейдж, по всей вероятности, захочет умереть, когда обнаружит, что его затащили в кадмус. Настолько он нас ненавидит.

— Это его дело.

Джек открыл глаза. Он лежал на возвышении из какого-то мягкого материала в большом круглом помещении. Стены его и пол были образованы из коричневого волокнистого вещества. Слабый рассеянный свет исходил из серых шарообразных гроздей, гирляндами висевших на потолке и на стенах. Он сел и прикоснулся к шарам. И тут же отдернул руку, но не потому, что они были горячими. Наоборот, они были ужасно холодными. От его прикосновения гроздь слегка скособочилась.

Он осмотрелся. Р-ли и Полли О'Брайен наблюдали за мужчиной, лежавшим напротив него. Это был его отец. Под ним было ложе из какого-то похожего на мох вещества. Над ним склонился Иат, местный врачеватель вийров, поправляя бинты. То и дело он что-то шептал ему на ухо. Что именно, об этом Джек мог только гадать. Отец был без сознания, голова его поседела от пережитых потрясений.

— Иат, моему отцу плохо?

— Пожалуйста, не мешай ему, Джек, — быстро ответила Р-ли. — Ему сейчас нельзя ни с кем говорить. Но я скажу тебе. У твоего отца три перелома на правой руке, сломаны два ребра с правой стороны, два сложных перелома правой ноги и, возможно, внутреннее кровоизлияние. Он, естественно, без сознания. Мы делаем все, что в наших силах.

Джек пошарил в карманах. Р-ли протянула ему скрутку и поднесла огонь.

— Спасибо. А теперь расскажи, что за чертовщина произошла со мной. Последнее, что я помню, это как вокруг меня сомкнулись стены!

Р-ли улыбнулась и взяла его за руку.

— Если бы у нас было время разговаривать о чем-нибудь другом, кроме нас самих, ты бы обязательно узнал, что из себя представляет кадмус. Я бы рассказала тебе, что это живое существо — наподобие тотумного дерева. Это наполовину растение, наполовину животное. Первоначально это было огромным, частично подземным существом, живущим в симбиозе с медведями или мандрагорами. Впрочем, с кем

угодно, кто доставлял бы ему пищу, мясную или растительную. В обмен на это оно предлагало кров и защиту от врагов. Если, однако, пища не поступала, то союзник становился врагом и отправлялся в пустую желудочную сумку.

Когда я говорю «предлагало кров», то я не придаю этому выражению тот смысл, который характеризует разумное существо. Насколько нам известно, у него нет мозга. Но когда мы создавали свою цивилизацию, мы вывели эту породу кадмусов, имея целью большие размеры, большую меру «разумности» и другие желательные для нас качества. Результатом такой селекции является существо, в котором ты сейчас находишься. Оно снабжает нас свежим воздухом, поддерживает постоянную приемлемую температуру, освещение и безопасность. По существу, наше подземное жилище является колонией из двенадцати таких существ, каждое из которых отращивает почти неразрушимый рог, который ты видишь торчащим на лугу.

— Неужели все так просто? Тогда зачем же такая таинственность в течение всех этих веков?

— Эти сведения никогда не были тайной для людей. Но ваши руководители наложили на них запрет. Поверь, они знают всю правду, но предпочитают, чтобы масса простых людей считала кадмусы камерами ужаса и злого волшебства.

Джек пропустил это замечание.

— Но каким образом вы управляете этим существом? Откуда ему известно, что мы враги?

— Прежде чем заключить договор с кадмусом, нужно предложить ему определенное количество пищи возле определенных входных отверстий. После этого он узнает тебя по запаху, весу и форме. Стены комнаты обволокли тебя и запомнили контуры твоего тела.

Мы учим их реагировать так или иначе на наши воздействия, и после этого мы являемся его хозяевами или партнерами, пока не закончится пища. Он обязан хватать все, что не смог опознать, и держать это до тех пор, пока мы не прикажем освободить. Или убить.

Она протянула руку к одной из светящихся гроздей.

По мере приближения руки яркость свечения стала увеличиваться. При удалении руки свет тускнел. После трех прикосновений гроздь увеличила яркость и сохранила ее такой даже после того, как сирена убрала пальцы.

— Они будут поддерживать такую яркость до тех пор, пока к ним не прикоснутся дважды. В этом и заключается вся суть общения с ними и воспитание.

Джек не мог решить, что он хотел бы узнать прежде всего: о нападении, об Эде, Полли, драконах, отце или о своем нынешнем статусе.

Он тихо застонал.

На лице Р-ли мелькнуло беспокойство. Он обрадовался этому: в некотором роде это было ответом на вопрос, который неожиданно пришел ему в голову.

— Что вы обо мне подумали, когда узнали, что я был в числе налетчиков?

Наклонившись, она крепко поцеловала его в губы.

— Я знала все о том, что происходит. У нас свои источники информации.

— Мне следовало воспротивиться им с самого начла. Я должен был послать их ко всем чертям!

— Да, и кончить, как бедняга Вав.

— Когда вы об этом узнали?

— Некоторое время тому назад, через определенные... каналы.

— Значит, вам известно и о УГ?

— Да.

Иат, подняв голову, дал знак.

— Мы мешаем ему ухаживать за твоим отцом, — сказала Р-ли и провела Джека в другое помещение.

После того, как туда вошла Полли, Р-ли трижды погладила по стене и отверстие в ней закрылось.

Джеку хотелось остаться там, где они были, так как здесь один из вийров говорил что-то в большой металлический ящик со стрелками и циферблатами на передней панели. Когда он замолчал, из ящика послышался мужской голос, и Р-ли пригласила их пройти в следующую комнату. Там за столом сидел О-Рег, ее отец.

Слепой Король сразу же перешел к делу.

— Пожалуйста, сядь, Джек. Мне хочется объяснить кое-что в отношении твоего ближайшего будущего. В частности, потому, что твоя судьба затрагивает мою дочь.

Джек хотел спросить, все ли он знает о Р-ли и о нем, но О-Рег, очевидно, не хотел, чтобы его перебивали.

— Прежде всего, твой отец будет чрезвычайно расстроен из-за того, что оказался в кадмусе против своей воли. Но иначе он бы умер, дожидаясь врача-человека.

Ему придется вытерпеть немало мучений, прежде чем ему станет легче и он будет в состоянии принять какое-то решение. Но жизненно важно, чтобы Полли и ты решили за себя сразу же. Вы должны сейчас же сказать нам, чего вы хотите. Мы получили известие о том, что о налете стало известно в Слашларке и что весь гарнизон сейчас направляется сюда, чтобы окружить ферму.

Десять минут тому назад его авангард, двигаясь на повозках, промчался мимо смотрителя у ручья Сквамос-Крик. За ним следует пехота. Это означает, что головной отряд будет здесь часа через полтора.

Официальной их целью является обезопасить нас, вийров, от восставшего населения. На самом же деле они, возможно, ищут повод для

нападения на наши кадмусы. Они знают, что мы взяли в плен УГов. Они, вероятно, опасаются, что мы заставим их выдать секреты, и потому предпочли организовать нападение на гривастых раньше, чем намечалось.

Тем не менее давайте будем надеяться, что они не осмелятся так поступить, не получив распоряжения из столицы. Сейчас день. Государственные гелиографы загружены на полную мощность. Отсюда до Санто-Диониса 1500 миль: потребуется время для передачи в Слашларк разъяснений по поводу случившегося.

А солдаты прибудут сюда скоро. Они возбуждены не меньше, чем местное население. Можно себе представить, что произойдет, если они выйдут из повиновения. На тот случай, если они нарушат договор о неприкосновенности кадмусов, вам было бы лучше решить сейчас, как вы собираетесь поступить.

У вас есть две возможности. Первая — предстать перед судом. Вторая — спастись бегством в Тракию.

— Не слишком большой выбор, — невесело пошутил Джек. — Первое означает верную гибель в рудниках.

Несмотря на то что внимание его было приковано к Слепому Королю, он заметил, что Полли О'Брайен все ближе придвигается к нему. Первой мыслью Джека было, что у нее там нож. И немудрено: слишком много людей хотели напакостить ему в последние несколько часов. Но потом он подумал, что у нее нет причин воткнуть ему нож под ребро и что он стал сверхосторожным, потому что очень нервничает.

В помещение вошел один из вийров и что-то сказал на языке взрослых О-Регу. Тот кивнул и тут же произнес по-английски:

— Я вернусь через несколько минут.

После того, как он вышел, Джек спросил:

— У моего отца есть шансы выкарабкаться?

— Я не могу ничего обещать наверняка, — ответила Р-ли детской речью. — Но Иат очень хороший целитель. Пожалуй, один из лучших представителей класса врачевателей.

В другое время это замечание удивило и заинтересовало бы Джека. Он не подозревал о том, что у вийров существует какое-то деление по общественному положению. Профессии и ремесла — да, но слово, которым она воспользовалась, в переводе на английский не могло означать ни того ни другого. Оно содержало в себе отличительную частицу «панч», указывающую на то, что измененное с его помощью существительное безусловно обладает качествами, которые ограничены определенными рамками. Таким образом, в определенном контексте оно могло указывать на то, что определенное лицо, обозначаемое этим существительным, от рождения занимает определенное положение и не может выйти за его пределы.

Если бы разговор об этом зашел раньше, то Джек сказал бы, что у него весьма смутные представления об общественном устройстве

обитателей кадмусов. Более того, он всегда считал, что вийры живут почти что в состоянии анархии.

Но теперь все его мысли были прикованы к состоянию отца.

— Иат уже исцелил сломанные кости, — продолжала Р-ли. — Если бы не сотрясение, которым занимается сейчас Иат, Уолт был бы сейчас в состоянии подняться и ходить.

Полли О'Брайен издала изумленный возглас:

— Черная магия!

— Нет, — возразила Р-ли. — Просто знание природы. Иат вправил кости, а затем сделал впрыскивание очень сильного и быстросохнущего клея, который связывает сломанные кости крепче, чем до переломов. Он также дал Уолту успокоительную микстуру, чтобы снять стресс. Он поместил твоего отца в состояние «кипума». В приближенном переводе это означает такое бессознательное состояние, в котором больной широко раскрыт для психологического внушения, посредством которого тело получает возможность самоисцелиться быстрее.

Нет, в наших методах нет магии. Если бы Иат объяснил свои методы лечения, тонкости своей профессии, составы своих лекарств, то вы наверняка поняли бы, что здесь нет никакого волшебства. Но он расскажет вам не больше, чем мне. Это одна из привилегий его класса. Он никогда не сможет стать королем, но его право лечить людей тем не менее достойно всяческого уважения.

В комнату вернулся О-Рег.

— Чаковилли удалось убежать от драконов Мар-Кук и Ниа-Нан. Он встретил солдат на единорогах и сейчас движется сюда вместе с ними. Через несколько минут мы узнаем, чего он хочет.

Немного помолчав, он добавил:

— Я ожидаю, что он потребует выдать тебя, Джек, и всех людей, находящихся сейчас в этом кадмусе, то есть Полли, твоего отца, Эда Ванча и его приятелей.

Р-ли с тревогой посмотрела на Джека.

— Неужели ты не понимаешь, что это означает? Все вы, независимо от причин, по которым попали сюда, будете осуждены! Тебе же известны ваши законы! Если ты войдешь в кадмус, ты виновен в осквернении. Тебя автоматически обвинят и осудят. Единственное, что неизвестно, сожгут ли тебя на костре или погубят в рудниках!

— Я знаю об этом, — Джек криво усмехнулся. — В каком-то смысле даже забавно, что произойдет с Эдом. Его ненависть к вам, гривастым, и к тем людям, у которых хорошие с вами отношения, как раз и побудили его оказаться среди тех. А теперь, нравится ему это или нет, он должен будет сам разделить их судьбу.

— Эд Ванч вовсе не считает свое положение забавным, — сказал О-Рег. — Я сказал ему, что его ждет, и он едва не лишился чувств от гнева и ощущения собственного бессилия. А также, я в этом уверен, от панического страха. Когда я уходил от него, он выкрикивал угрозы

и непристойности. — На лице О-Рега отразилось отвращение. — Гнусный подлец!

— Как ты намерен поступить? — спросила Джека Р-ли.

— А что, если я останусь здесь? Нельзя сказать, чтобы мне очень уж этого хотелось. Вечно под землей не прожить!

— Да и нам вовсе не нравится сидеть взаперти у себя дома, — кивнул О-Рег. — Ты ведь знаешь, как мы любим открытые просторы, деревья, наши поля. Хотя мы и привыкли спускаться в кадмусы для нужд дела или на случай защиты, мы тоже сходим с ума, когда вынуждены оставаться в этих каморках длительное время.

Тем не менее в данный момент это зависит не от нас. Я расскажу тебе о том, что происходит снаружи. Как ты догадываешься, правительство Дионисии давно уже готовится напасть на вийров в пределах своей территории. Более того, оно вступило в союз с Кроатанией и Дальним. Все три правительства намерены уничтожить нас, вийров, убить всех до единого мужчин, женщин и детей.

Мы узнали об этом некоторое время тому назад. Пока мы не знаем, что делать. Мы приготовились пойти на любые уступки, лишь бы сохранить мир, но мы не откажемся от своей независимости и своего образа жизни! Однако правительства людей не желают никаких средних мер, никакого другого пути разрешения конфликта. Они хотят решить проблему немедленно раз и навсегда. Поэтому...

— Если вы знаете о том, что придется сражаться, почему же вы не наносите удар первыми? — перебил его Джек. — Надо быть реалистами!

— Мы подготовились к борьбе, — сказала Р-ли. — Мы прибегнем к защите Байбан, нашей матери.

Она упомянула, Джек точно этого не знал, то ли какую-то силу, то ли божество. Он предполагал, что Байбан была земной богиней, которую ненавидели все христиане, считая ее демоном и лже-божеством. Говорили, что гривастые приносят ей в жертву своих детей, но Джек этому не верил. Никто, зная вийров и их отвращение ко всякому кровопролитию, зная их очистительные обряды, которыми они окружили даже убой скота, не мог в это поверить.

О-Рег печально улыбнулся:

— Общество УГ не было официальной организацией, но я уверен, что правительство знало о его существовании и даже внедряло туда своих агентов для подстрекательства к скорейшему открытому столкновению. И все же у меня есть для тебя новость.

— Какая? — удивился Джек.

— Столичный город Дионисии охвачен огнем!

— Каким огнем?

— Огнем пожара, который вспыхнул в трущобах. Сильный ветер быстро разнес его по деревянным жилым кварталам. Более того, он угрожает домам купцов и знати. Толпы беглецов из трущоб Санта-Ди-

ониса хлынули через ворота в город и стали заполнять его. Я подозревал, что у правительства есть и другие заботы, кроме войны против вийров. Во всяком случае, сейчас.

— Отчего начался пожар? — спросила Полли О'Брайен.

В ответ О-Рег пожал плечами.

— Какая разница? Трущобы были скопищем гнили уже много лет, взрывоопасным погребом. Рано или поздно это должно было произойти. Но можете не сомневаться, какова бы ни была истинная причина, обвинят в этом гривастых.

Джека удивляло, каким образом Слепой Король так быстро узнает обо всем, что происходит в столице. Затем он вспомнил переговорные ящики. Но 1200 миль!

— Еще несколько минут, и вам волей-неволей придется остаться здесь, — сказал О-Рег. — Солдаты не дадут вам выйти отсюда.

Вошел незнакомый вийр, обменялся с О-Регом несколькими фразами на взрослом языке и вышел. О-Рег объяснил по-английски:

— Эд Ванч и его сообщники покинули кадмус. Они побежали в лес, как я полагаю, надеясь скрыться в Тракии.

Р-ли положила руку на плечо Джека.

— Ты не пойдешь сдаваться! — сказала она. — Если ты это сделаешь, ты погибнешь! Тебя обязательно казнят!

— А что будет с моим отцом?

— Он, вероятно, поправится, — ответила она, — и притом скоро. Но ему придется провести в постели еще хотя бы один день.

— Я не брошу его! — твердо произнес Джек, сжав губы и обведя глазами собравшихся.

— Ну а ты, Полли О'Брайен? — спросил О-Рег.

Ее похожее на сердце лицо, ее огромные глаза вмиг утратили всю свою привлекательность. Кожа вокруг глаз набрякла и посинела, глаза беспокойно забегали. Она посмотрела на Джека, затем на вийров.

— Ты должна сама решить, что тебе делать, — сказал Джек. — Мне надо позаботиться об отце.

Он вышел из комнаты в длинный овальный проход, в котором могли бы разминуться два человека. Стены его были зеленовато-серыми, гладкими, без волокон, и блестящими. Через каждые несколько футов с мясистых стеблей, прикрепленных к потолку, свисали гроздья шаров. Большинство их светилось, но свет был сумрачным. Не было слышно никаких звуков, кроме его собственных шагов по слегка пружинистому холодному полу. С обеих сторон, на расстоянии шести метров одна от другой, едва различались диафрагмы, закрывавшие проемы в стене.

Одна из диафрагм с правой стороны была полуоткрыта, и он заглянул в проем. Ячейка за этой диафрагмой была очень просторной и освещена ярче, чем те, которые он видел раньше. Стены ее были

тускло-оранжевого цвета со светло-зелеными прожилками. Посреди пола, покрытого коврами из шкур единорогов, хвостатых медведей и еще каких-то неизвестных ему животных, был расположен широкий и очень низкий круглый стол из светлокоричневого дерева. Вокруг него были разбросаны груды мехов, по-видимому, для тех, кому захотелось бы прилечь.

Диафрагма на противоположной стене была открыта, и сквозь нее он мельком увидел девочку примерно лет пяти, глядевшую снизу вверх на сирену. Сирена скорее всего была матерью ребенка. Она подняла глаза и увидела Джека Кейджа. Ее реакция была неожиданной. Удивление, смущение, легкий испуг, все было естественно, только не ужас на лице. Даже с такого расстояния он увидел, как она побледнела и открыла рот, хватая ртом воздух.

Он не стал ждать продолжения этой сцены и пошел дальше. Но он не мог не задуматься над тем, что ее лицо в момент потрясения могло отражать истинные чувства, которые испытывала она и ее соплеменники по отношению к людям. Обычно они были дружелюбны или, во всяком случае, вежливы в обращении. Но под этой внешней маской они, вероятно, скрывали те же чувства, которые люди испытывали к ним.

Мгновением позже он вошел в ячейку, где лежал его отец. Иат все еще сидел на корточках сбоку от Уолта Кейджа и что-то шептал ему в ухо. Уолт по-прежнему был без сознания или погружен в глубокий сон, однако теперь кожа на его лице была румяной, а на губах угадывалось некоторое подобие улыбки.

Иат перестал шептать и выпрямился.

— Он будет спать некоторое время, после чего станет есть и немного прохаживаться.

— Когда он сможет уйти отсюда?

— Примерно через десять часов.

— Вернутся ли к нему силы к тому времени?

Иат пожал плечами.

— Это зависит от самого человека. Ваш отец очень крепок. Я полагаю, что он сможет пройти несколько миль, только медленно. Если вы думаете о том, чтобы в скором времени забрать его с собой в Тракию, этого делать нельзя. Должно пройти несколько дней, прежде чем он сможет выдержать трудности, связанные с путешествием через эту глухомань.

— Я хотел бы поговорить с ним, — сказал Джек.

— Вам придется некоторое время подождать, — ответил Иат. — К тому времени луга и леса будут кишеть солдатами. Нет, мой мальчик, вам нельзя ждать, пока он вам скажет, что делать. Вы должны сделать выбор сами и как можно быстрее.

Из коридора донесся знакомый голос:

— Джек!

Узнав Полли, Джек вышел из ячейки. Она протянула ему какой-то цилиндрический предмет, завернутый в белую тряпку, испачканную кровью.

— Большой палец дракона, — сказала она. — Р-ли собиралась его выбросить, но я забрала его. Она посмеялась надо мной, даже несмотря на то, что я хранила его для тебя.

— Зачем?

— Дурак! Ты что, не знаешь, что Мар-Кук едва не сорвала рог этого кадмуса, пытаясь вернуть себе большой палец? Ей это не удалось, но она поклялась, что убьет тебя, как только еще раз увидит, и обязательно вернет себе свой драгоценный палец. Я не знаю откуда, но ей известно, как тебя зовут. Вероятно, гривастые сказали ей некоторое время тому назад, когда она грабила наши фермы. Она сказала, что как только повстречается с тобой еще раз, то искромсает твое тело на мелкие кусочки. И слово свое она сдержит, если только ты не...

— Если только я?..

— Если только ты не будешь иметь при себе эту частицу ее тела. Моя мать была аптекарем, помнишь? И она знала гораздо больше, чем следовало бы. Она имела дело с костями драконов, которые выкапывают рудокопы или находят охотники. Они стоят очень дорого: считается, что это сердечное лекарство, если их растереть в порошок и пить с вином. Кроме того, это средство повышает сладострастие.

Мать мне рассказывала кое-что о драконах. Они очень свирепы. Они верят в то, что если у кого-то другого будет храниться частичка их тела: зуб, коготь и что угодно, то он сможет контролировать их поведение. Разумеется, Мар-Кук рассчитывает на то, что ты об этом не знаешь, и хочет убить тебя до того, как тебе станет это известно. Более того, драконихa верит в то, что если в момент ее смерти какой-нибудь части ее тела будет недоставать, то она будет вечно скитаться и искать их в аду.

Джек взглянул на палец драконихи и сунул его в карман куртки.

— Зачем он мне сдался? — спросил он. — Я ведь не собираюсь покидать кадмус. А ты считаешь, что я должен уйти?

— Разумеется! Нам обоим лучше убираться отсюда! Солдаты сделают подкоп, доберутся до нас, можешь в этом не сомневаться! Они убьют всех! Мы в ловушке!

— Я не уйду, — он покачал головой. — Я не могу бросить отца.

— Скажи лучше, не хочешь расстаться с этой сиреной. Неужели ты действительно любишь ее? Или то, что говорят о сиренах, — правда? Они действительно умеют привораживать мужчин?

Джек вспыхнул.

— Она пойдет со мной, если я ее попрошу. И даже без этой просьбы. Я не хочу покидать отца.

— Тогда ты совершаешь бессмысленный поступок: ты приносишь в жертву и себя и отца! Я не хочу иметь с тобой ничего общего! Я ухожу сейчас же.

К ним подошел высокий рыжеволосый сатир. Он нес небольшую кожаную сумку.

— Нам пора идти, — сказал он, обращаясь к Полли. — Солдаты уже близко.

— Еще не поздно передумать, — сказала Джеку девушка. — Сифлай проведет нас через горы.

Джек покачал головой.

— Ну и дурак! — крикнула ему Полли на прощание.

Он проводил взглядом обоих, пока они не скрылись за поворотом, затем вернулся в ту ячейку, где лежал отец. Через несколько минут туда вошли Р-ли и ее отец.

— Солдаты окружили кадмусы, — сказал О-Рег. — Капитан Гомес и Чаковилли потребовали, чтобы мы выдали всех людей. Я собираюсь выйти на переговоры с ними.

Он обнял и поцеловал Р-ли.

— Вы ведете себя так, будто видитесь в последний раз, — удивился Джек.

— Мы всегда целуем друг друга, даже тогда, когда собираемся разлучиться на несколько минут. Кто знает? В этом мире мы можем потерять друг друга навеки в любую минуту. Но сейчас действительно существует очень большая опасность.

— Пожалуй, нам с отцом лучше сдаться, — сказал Джек. — Нет веских доводов в пользу того, чтобы из-за нас подвергалась опасности вся ваша колония.

— Пожалуйста, больше не говори об этом, — нетерпеливо проговорила Р-ли. — У нас нет выбора. Эти таррта (слово на языке гривастых, обозначающее «прибывшие позже») в такой же степени хотят напасть на нас, как и на вас.

Джек начал ходить по ячейке. Р-ли села на груду мехов и принялась тихонько напевать, расчесывая волосы. Ее самообладание и беззаботная улыбка раздражали его.

— Ты говоришь, что вы — тоже люди! Как же вы можете быть такими беспечными? — со злостью бросил он.

Р-ли улыбнулась.

— Потому что это сейчас необходимо. Какая мне польза от того, что я буду растрачивать себя в беде ненужными тревогами и капризами? Если бы я могла сделать что-то определенное, я бы это сделала. Но это не в моих силах. Поэтому я стараюсь отодвигать от себя заботы. Я знаю, что они никуда не денутся, они как бы скрыты от меня.

Он непонимающе посмотрел на нее.

— Если ты, дорогой, когда-нибудь прошел бы обряды, ты тоже мог бы так себя вести. И был бы счастлив, что наделен такой способностью.

Вошла женщина-вийр.

— Джек Кейдж, — сказала она. — О-Рег хочет, чтобы ты показался Гомесу и Чаковилли. Они утверждают, что тебя убили. Они угрожают напасть, если не увидят тебя. О-Рег говорит, что если ты не хочешь, то можешь этого не делать.

— Им известно, что Полли О'Брайен была здесь, — сказал Джек. — Что с ней?

— Она тоже должна выйти. Солдаты пришли слишком быстро — она не успела выбраться отсюда.

Р-ли поднялась и сказала:

— Я выйду вместе с тобой, Джек.

— Мне кажется, тебе не следует этого делать. Это требование, возможно, всего лишь уловка, чтобы схватить Полли и меня. Может быть, они замышляют также убить тех гривастых, которые выйдут. Нет, тебе лучше остаться.

— Я иду с тобой. Не надо спорить.

Выйдя в проход, Джек спросил у гривастой, которая принесла ультиматум:

— Что они говорили в отношении моего отца?

— Гомес хочет видеть и его. О-Рег объявил, что у него слишком тяжелые повреждения, не позволяющие ему двигаться. Но Гомес сказал, что ему необходимо твое подтверждение.

— Я подозреваю западню, — сказал Джек. — Почему вдруг они так нами заинтересовались? Мы нашли себе здесь убежище и тем самым поставили себя вне законов Дионисии. Почему их так беспокоит наша судьбы?

— Я сомневаюсь в том, что они заботятся именно о вас, — ответила Р-ли. — Они ищут повод для того, чтобы напасть на нас. Мы пытаемся, насколько это возможно, умиротворить их.

Но мы не такие уж беспомощные: в распоряжении О-Рега имеется пятьдесят вооруженных воинов, и если на нас нападут, то мы докажем, что с нами нельзя обращаться, как с безродными щенками.

Они прошли сквозь диафрагму и пространство внутри рога кадмуса, а затем вышли на лужайку. Солнце взошло примерно час назад, и на лугу было уже совсем светло. У входа в кадмус стоял О-Рег и группа сатиров с луками и копьями. Полли О'Брайен была в нескольких шагах позади Слепого Короля.

Переговоры с О-Регом вели двое людей. Гомес, командир гарнизона, был невысок и коренаст, широколицый, с густыми светлыми усами. На нем был конический кожаный шлем, кожаная кираса и длинная юбка военнослужащего Дионисии. На широком кожаном поясе висели ножны и кобура для пистолета со стеклянным дулом и кремниевым затвором. Стеклянную шпагу он держал в руке. Чаковилли стоял рядом с ним. Позади них, на удалении в сорок метров, стояло несколько сотен солдат и около пятидесяти местных жителей, вооруженных глав-

ным образом луками. Небольшой отряд был вооружен мушкетами со стеклянным дулом.

— Тебя держат здесь против твоей воли? — спросил Гомес, увидев Джека Кейджа. — Твой отец жив?

Джек открыл было рот, чтобы смело сказать правду, но слова застряли у него в горле. Он впервые в полной мере осознал, что он делает, когда столько глаз были устремлены на него, причем большинство этих людей были представителями властей его родины. Он был предателем. Хуже того, он перешел на сторону врага рода человеческого, существ без души, которые отвергали его бога. Он будет отлучен от церкви, предан анафеме до конца дней своих, будет сожжен заживо. Его имя станет бранным словом, любой человек будет иметь право его презирать и ненавидеть.

Р-ли, стоявшая рядом, дотронулась до его плеча.

— Я понимаю те чувства, которые ты испытываешь, — прошептала она. — Никто не может просто так отрезать себя от своих соплеменников. Если ты не сможешь этого сделать, я тебя пойму.

Позже он задумался над тем, знала ли она, что надо сделать в данный момент, чтобы добиться того, что ей было нужно. Неужели она настолько хороший психолог, что поняла, к каким струнам его души надо прикоснуться, каким образом задеть его гордость и его любовь к ней?

Тогда же он совсем не думал об этом и действовал почти бессознательно. Он обнял Р-ли за талию, развернулся лицом к Гомесу и Чаковилли и поцеловал ее прямо в губы.

Толпа разразилась возмущенными выкриками.

— Гнусный ублюдок! — закричал Гомес.

О-Рег был потрясен. Он подошел вплотную к Джеку и свирепо прошептал:

— Глупец! Ты хочешь, чтобы прямо сейчас началось сражение? Ты хочешь, чтобы нас всех поубивали?

Потом отступил назад со словами:

— Ну что ж, того, что сделано, не поправишь. Для тебя теперь нет пути назад, Джек Кейдж. Так же, как и для всех нас.

— Я люблю тебя, — сказала Р-ли.

Джек был так ошеломлен своим собственным поступком, что был в состоянии, близком к обмороку. Сердце в его груди стучало, как молот.

Голос О-Рега перекрыл все остальные голоса.

— Вот вам и ответ! Джек Кейдж добровольно пришел сюда и желает остаться у нас. Что касается его отца, он будет освобожден, как только сможет ходить — если пожелает вернуться.

— Вы прибегли к своему дьявольскому колдовству, — закричал Чаковилли, — чтобы загубить душу этого несчастного мальчика! Я ни за что не поверю, что он мог бы сделать это, если бы был в состоянии

контролировать себя! Я требую, чтобы вы немедленно передали его нам: пусть наши врачи и священники определят состояние его разума!

О-Рег усмехнулся.

— И если вы найдете, что он в здравом уме, то вы отпустите его назад? Вы можете нам это обещать?

— Разумеется, мы так и сделаем. Клянусь на Библии, что его отпустят на свободу, — сказал Чаковилли.

— Наши отцы, встречаясь с вашими отцами, на собственном опыте познали, чего стоят клятвы на Библии, — сказал О-Рег. — Мы увидели, как сильно вы страшитесь божьего гнева за грех преступления клятвы. Нет, благодарю.

Гомес стоял неподвижно как статуя, лишь время от времени дергая себя за кончики усов. Очевидно, он пытался принять какое-то решение.

Однако Чаковилли не стал этого дожидаться. Он повернулся к солдатам и заревел:

— Хватайте еретиков и колдунов!

Некоторые солдаты двинулись было вперед, но, видя нерешительность остальных, остановились. Гомес вышел из коллапса и закричал:

— Здесь командую я, сэр! Всем оставаться на своих местах! Назад!

— Переговорами здесь ничего не добьешься, — сказал Джек О-Регу. — Я считаю, что нам надо вернуться в кадмус! И поскорее!

— Ты прав, — кивнул Слепой Король. — Ты и Полли О'Брайен идите первыми, мы вас прикроем. Р-ли, иди с Джеком.

— Нет! Никому не двигаться! — закричал Чаковилли.

Он вытащил шпагу и побежал к Джеку. О-Рег стал перед Джеком и поднял жезл Слепого Короля, чтобы защититься. Шпага прошла мимо жезла и вонзилась в солнечное сплетение О-Рега. Вийр громко вскрикнул и повалился замертво, увлекая за собой Чаковилли.

Джек подтолкнул Р-ли и завопил:

— Ты и Полли, марш отсюда!

Жезл О-Рега лежал рядом с неподвижной рукой убитого. Убийца поднимался на ноги. Джек прыгнул вперед, пригнулся, подхватил жезл и с силой обрушил его на кожаный шлем Чаковилли. Тот взвыл и повалился вниз лицом на труп Слепого Короля.

У самого уха Джека просвистела стрела, и вслед за тем раздался крик одного из гривастых, стоявшего позади него. Это было сигналом к началу общего сражения. Раздалось несколько пистолетных выстрелов. Джек бросился на землю с двумя лежащими на ней телами, но секундой позже уже вскочил. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что огонь с обеих сторон вызвал у каждой стороны большие потери. Полли и Р-ли лежали на земле, но были живы и невредимы.

— Бегите! — крикнул им Джек, а сам схватил шпагу Чаковилли и стал лицом к лицу с шумной толпой солдат и мирных жителей, уцелевших после первого залпа.

Сломав строй, они пытались перехватить гривастых до того, как те выстрелят во второй раз. Сделать это им не удалось: гривастые, повинуясь отрывистым приказам своего вожака, снова открыли огонь. Бежавшие в передних рядах рухнули как подкошенные. Другие перескочили через их тела и схватились врукопашную с лучниками.

Гомес отбил дротик, который метнул один из вийров, и отступил назад. Джек с воплем побежал к нему и вонзил шпагу в горло офицера. Гомес упал на спину, потянув за собой шпагу и вырвав ее из руки Джека.

Джек смотрел прямо в открытые, но безжизненные глаза Гомеса, когда на него напал солдат с коротким колющим копьем.

Джек выхватил шпагу из тела Гомеса и успел поднять клинок как раз вовремя, отразив выпад нападающего. Другой рукой он схватился за древко копья и рванул солдата на себя, после чего полоснул лезвием шпаги по его шее. Солдат упал прямо на Джека, но тот ударом колена в подбородок отбросил безжизненное тело.

После схватки он не мог вспомнить всех ее подробностей. Выпады, увертки, прыжки, удары... Он не считал, что после этих двоих он убил или ранил кого-то. Его прежде всего волновала судьба Р-ли, и первым делом он попытался пробиться ко входу в кадмус.

Он обнаружил, что отверстие наполовину блокировано валяющимися телами и у самого входа кипит жаркая схватка. Затем он заметил, что Р-ли и Полли убегают. Они бежали к опушке леса, начинавшегося сразу же за лужайкой. Джек начал кричать им, забыв о том, что они не в состоянии услышать его среди криков и грохота оружия.

Он бросился вслед за ними. Когда расстояние сократилось наполовину, ему снова преградили путь солдаты. Дважды его сбивали с ног, затем он почувствовал, как ему под ребро воткнулся кремниевый наконечник. Он успел рвануться назад, и острие вышло из раны. Человек с копьем сделал шаг назад, чтобы повторить выпад. Однако он тут же выронил оружие: кто-то из гривастых всадил ему в спину нож.

Джек отбежал, не поблагодарив даже своего спасителя, затем он упал и пополз, как ни странно, этот способ бегства оказался самым быстрым и безопасным. Те, кто замечал его, не удостаивали своим вниманием, считая, что он тяжело ранен и нет смысла заниматься им.

Р-ли и Полли прятались где-то в кустах. Он повернулся, чтобы посмотреть, что происходит на лугу перед кадмусом. Теперь уже люди спасались бегством. Из других кадмусов хлынули гривастые, и сразу же обозначилось их превосходство над солдатами и помогавшими им местными жителями. Вийры могли без труда догнать беглецов, но предпочли не делать этого.

Р-ли плакала, Джек пытался ее утешить, но особого результата не добился.

— Пусть выплачется, — остановила его Полли и вдруг воскликнула: — О Боже!

Джек посмотрел туда, куда она указывала, и содрогнулся: на луг выбежало подкрепление в несколько сотен солдат, вооруженных мушкетами. Увидев их, гривастые бросились подбирать своих убитых и раненых. Прежде чем они успели добраться до кадмусов, солдаты образовали две шеренги, выстроившись поперек луга. Командир отдал короткую команду. Стрелки из первого ряда присели на одно колено и стали целиться.

Огонь!

По меньшей мере тридцать гривастых остались лежать на земле. Остальные то ли поддались панике, то ли, поняв тщетность попытки спасти своих раненых, побежали ко входам в кадмусы. Но пробиться внутрь оказалось не так-то просто. Второй залп скосил большую часть бегущих.

Джек взял Р-ли за руку.

— Теперь мы не можем вернуться. Мы отрезаны. Единственный выход — бежать в Тракию.

Р-ли даже не шелохнулась. Казалось, она не слышала его. Он медленно развернул сирену, чтобы она не видела резню, и потащил ее, спотыкавшуюся на каждом шагу, за собой. Ничего не видя от слез, с перекошенным болью лицом, она позволила увести себя. Полли куда-то пропала, и Джек надеялся, что она не настолько глупа, чтобы отдаться на милость правителей Дионисии.

Внезапно появилась из-за дерева Полли О'Брайен. В одной руке у нее был лук и колчан со стрелами, в другой — окровавленный кинжал со стеклянным лезвием. Глаза ее были широко раскрыты, и выглядела она как-то странно.

— Откуда у тебя это? — спросил Джек.

— Я подумала, что нам не добраться до Тракии без оружия, — пояснила она. — Я побежала назад и подобрала на краю луга луки и стрелы, а кинжал я отобрала у попа.

— Отобрала?

— После того как заколола его. Жирный слуга бога стоял за деревом и наблюдал за резней. Мне кажется, он намеревался выйти позже, благословить оставшихся в живых и воздать последние почести мертвым и умирающим. Но я подкралась к нему сзади, выхватила нож и воткнула в его огромное брюхо, когда он повернулся, чтобы посмотреть, кто это посмел нарушить его уединение. Свинья! Это был один из тех подлецов, кто замучил пытками мою мать.

Джек был потрясен, хотя и был рад тому, что Полли не оказалась слабой и беспомощной женщиной. Чтобы добраться до Тракии, каждому из них придется призвать на помощь все свое мужество и умение. А о Р-ли можно не беспокоиться — пусть только она немного придет в себя от постигшего ее горя.

Они постарались как можно быстрее выйти из леса. Джек то и дело оглядывался назад: людей не было видно. Теперь стре-

льба прекратилась, а может быть, была не слышна в густых зарослях.

Они вышли к широкому мелкому ручью, который низвергался вниз рядом последовательно идущих один за другим водопадов. Вода была чистой и очень холодной. Они напились, смыли грязь, пот и кровь. Рана на боку Джека еще некоторое время кровоточила, но затем кровь свернулась. Заметив рану, Р-ли начала проявлять первые признаки внимания к окружающему. Она стала присматриваться к растениям, которые росли вдоль ручья, и скоро нашла то, что искала, — черно-красный цветок, напоминающий по форме сердце.

После того как она промыла рану, пришел черед этого цветка.

— Приложи его к ране примерно на час. После этого я смою частицы, приставшие к ране, и ты будешь в полном порядке.

Наградив Джека мимолетным поцелуем, она поднялась и стала вглядываться в отдаленные горы на севере. Они вздымались так высоко, что казалось, будто они совсем рядом. Однако все трое знали, что до подножия самой ближайшей горы не менее трех дней ходу.

— Жарко, — сказала Полли. Она встала, расстегнула свое длинное платье и сняла его. Под ним не было плотной нижней рубашки, как можно было ожидать. Теперь на ней ничего не было, кроме колотушек на ногах.

— Не надо удивляться, — произнесла она, перехватив взгляд Джека. — Тебя же не смущает, что Р-ли ходит обнаженная.

— Но... но ты... человек!

— Только в том случае, если ты игнорируешь поучения церкви. Она, кажется, считает, что ведьмы людьми не считаются.

Джек потерял дар речи от изумления и страха.

Полли встала перед ним и начала медленно поворачиваться, пока не сделала полный оборот. И хотя он был крайне взволнован, он не мог не заметить, какое у нее восхитительное тело.

Она улыбнулась Джеку и сказала:

— Неужели ты думаешь, что моя мать и я были безвинно пострадавшими и церковь нас преследовала несправедливо? Нет, наш обвинитель был прав, хотя и сам не понимал многого. Рейли сказал попам, что моя мать — ведьма, потому что хотел, чтобы в Слашларке была только одна аптека. Пусть хоть и неосознанно, но он попал в цель.

Моя мать мертва, это так. Но скоро наступит день, когда умрет и Рейли. Наше сборище ведьм убило бы его давным-давно, но я упросила их разрешить мне умертвить его собственными руками. Похоже, что с этим мне пока придется подождать. Но когда я доберусь до него...

Она провела языком по губам, полным и зовущим, будто специально предназначенным для поцелуя.

— Его смерть, — продолжала она, — будет гораздо ужасней, чем смерть моей матери.

Р-ли посмотрела на Полли так, будто та была омерзительным гигантским червем.

— Скажите пожалуйста! — возмутилась Полли. — Тебе, моя щепетильная красавица, следовало бы понимать такие чувства. Ты и сама достаточно испытала унижений и несправедливости от христиан.

— Значит, это правда, — раздумчиво произнес Джек, — что среди землян, которых доставили сюда Арра, были ведьмы?

— Правда. Но мы не поклоняемся тому демону-мужчине, которого вы считаете своим главным богом. Он всего лишь сын и любовник Великой Богини. Мы поклоняемся Белой Матери, той, вера в которую намного старше, чем ваша, христианская. Когда-нибудь она восторжествует. Вам невдома вся правда о нас. Все, что вы слышали, это ложь и извращение, которое вам вдалбливают в головы ваши жирные попы.

Она указала на свое платье.

— Я буду носить это тряпье только тогда, когда будет холодно, или когда мы будем в колючих зарослях. Просто замечательно, что не нужно обременять себя одеждой и чувствовать себя снова свободной!

— Это правда, что вы, ведьмы и колдуны, обладаете магическими способностями? — спросил Джек.

— Нам известно такое, о чем вы, христиане, и понятия не имеете, — кивнула Полли. Она взглянула на Р-ли и продолжала: — Но почти все это известно вийрам. Они такие же колдуны, как и мы. Они тоже поклоняются Великой Матери и...

— Но мы не приносим ей в жертву своих детей! — перебила ее сирена.

Полли от неожиданности запнулась, но тут же овладела собой и рассмеялась.

— Откуда вам это известно? У вас есть шпионы? Это невозможно. Наверное, какая-нибудь колдунья рассказала вам об этом! Ну так что? Что, если и делаем это? Это происходит нечасто, зато ребенку, которому посчастливилось погибнуть в ее честь, обеспечена вечная и полная счастья жизнь во Дворце самой Великой Матери!

Кроме того, не вам бы бросать в нас камни. Только из-за присутствия землян, вследствие их реакции, которую нетрудно было предсказать, вы, вийры, прекратили человеческие жертвоприношения. Признайся, разве это не так?

— Нет, — спокойно ответила Р-ли. — Мы отменили этот обряд по крайней мере лет за пятьдесят до того, как Арра доставили сюда ваших предков.

— Этот спор — напрасная трата времени, — сказал Джек. — Мы сейчас нужны друг другу. Поэтому давайте не будем ссориться. Р-ли говорит, что до Тракийской долины около четырехсот миль. Нам придется взбираться на высокие горы, пересечь местность, полную опасностей: траки, мандрагоры, оборотни, хвостатые медведи, различный людской сброд и еще бог знает что.

— Еще социнийские патрули, — добавила Р-ли. — За последние несколько месяцев их активность резко возросла.

Они взяли оружие и пошли вдоль ручья. Впереди шла Р-ли, поскольку она хорошо знала дорогу. Сначала надо было добраться до долины Аргул, откуда она сможет уверенно повести их дальше. Однако на первом этапе ей трудно ориентироваться. Самое главное, это все время подниматься в горы. Через некоторое время они выйдут на тропу, которая выведет их к Идолу. Он находится по ту сторону ближайшей вершины Фула. Она возвышается по крайней мере на две тысячи метров, однако спуск с нее гораздо более пологий, чем подъем. Отсюда она видна как гриб с небольшой шляпкой или как булава.

— По ту сторону горы есть широкая и глубокая долина, — сказала Р-ли. — Когда мы ее пересечем, нам нужно будет взобраться на кручу массива Плел. Перевал Идола находится высоко в горах, в дальнем конце массива.

Джек остановился:

— Не знаю, Р-ли, что делать. Может быть, нам следовало бы побыть здесь некоторое время? Сначала я всецело был за то, чтобы бежать, потому что положение казалось мне безнадежным. Но, возможно, ваш кадмус выстоит. Если это произойдет, то я смог бы как-нибудь ночью забрать оттуда своего отца. И не забывай, что у меня есть братья и сестры. Что будет с ними?

Р-ли удивленно взглянула на него.

— Джек, — мягко произнесла она, — неужели ты так и не понял до конца, что ты сделал, когда на виду у всех этих людей поцеловал меня? У тебя больше нет семьи!

— Но это вовсе не означает, что я не должен о них заботиться.

— Понимаю. Но они не захотят иметь ничего общего с тобой. Они могут даже убить тебя, как только ты попадешься им в руки.

— Я голодна! — капризно надула губки Полли. — То, что разбито, уже не починишь, а потому не лучше ли подумать о чем-нибудь насущном? Если мы не наполним наши желудки и не найдем места для ночлега, мы умрем. И притом быстро.

— Ладно. Дай мне лук и колчан, — сказал Джек. — Пойду на охоту.

— Ни в коем случае, — твердо произнесла Полли. — Это мое оружие. Я рисковала жизнью ради того, чтобы добыть его. И я не собираюсь с ним расстаться.

Джек весь закипел от злости:

— Если мы хотим выпутаться живыми из этой переделки, надо слушать кого-то одного! Я здесь единственный мужчина, оружие должно принадлежать мне, так же, как и право отдавать распоряжения!

— Полли права в части охоты, — вмешалась Р-ли, — я видела, как она управляется в лесу.

Полли с интересом взглянула на сирену, но та только улыбнулась в ответ. Джек пожал плечами и оглядел берег ручья. Полли исчезла в зарослях. Вскоре он нашел несколько кремней, принесенных течением с гор. Испортив два или три, он в конце концов создал некоторое подобие ножа, которым с грехом пополам можно было пользоваться. Он нашел тотумное дерево с веткой необходимой толщины. Пользуясь ножом, он отрубил эту ветку, стесал боковые побеги и заострил ее конец. К тому времени нож затупился, но зато у него появилось копье.

— Я обожгу острие, чтобы оно стало тверже, — сказал он Р-ли. — Поищи камни, которые удобно было бы бросать. Если я смогу убить какое-нибудь животное, я использую его шкуру, чтобы сделать пращу.

Вдвоем они охотились в лесу три часа. За это время они повстречали только одну голую лисицу. Джек угодил ей камнем по ребрам, но грызун, подпрыгнув, с визгом скрылся в кустах. Наступило время возвращаться к королевскому дереву, где они должны были встретиться с Полли.

Она уже поджидала их, начала потрошить и свежевать дикую собаку, которая свисала с сука.

— Поздравляю, — сказала Р-ли. — По меньшей мере на три дня мы обеспечены едой.

Лицо Джека исказилось от отвращения.

— Вы собираетесь есть собаку? И вы думаете, что я тоже буду ее есть?

Полли обернулась к Джеку и проговорила:

— А я съем что угодно, лишь бы остаться живой. У меня нет никаких возражений против собачины. Мне, если говорить честно, даже нравится собачье мясо. Моя мать нередко ловила собак и жарила их для нас. Она не хотела, чтобы я росла в предрассудках, свойственных вам, христианам. И, разумеется, собачье мясо — главное блюдо на шабашах, которые мы устраиваем в полнолуние.

— Это ведь не домашнее животное, — вставила Р-ли. — Не забывай, что это — дикий и опасный зверь.

— Нет! — наотрез отказался Джек.

— Но, — продолжала Р-ли, — вы ведь выращиваете единорогов, гоготунов и других животных, а потом едите их. Я не раз видела это на вашей ферме.

— Нет!

— Тогда помирай с голоду! — сказала Полли.

— Эх вы, пожиратели собак! — отозвался Джек и побрел прочь. В течение двух часов ему ничего не попадалось. В конце концов он отведал плодов дикого тотумного дерева, но такая пища была совершенно недостаточной. В отличие от своего культурного сородича плоды дикого дерева содержали грубую мякоть и очень мало молока, к тому же кислого.

Возвратившись, он увидел, что обе женщины с удовольствием жуют мясо, поджаренное на небольшом и сравнительно недымном костре. Полли молча протянула ему кусок. Он понюхал — запах был весьма привлекательным. Однако желудок противился.

— Может быть, завтра нам удастся найти что-нибудь еще, — сказала Р-ли, явно жалея Джека. Зато Полли ухмылялась и глядела на него, как на дурака.

Глава 9

Прошло трое суток. Джек отказывался от мяса, которое ему по три раза на дню предлагала Р-ли. Он питался плодами тотумного дерева и настойчиво искал голую лисицу, горного единорога или дикого гоготуна. Несколько раз они попадались ему на глаза, но быстро уходили. С каждым днем он слабел все больше, ноги подкашивались, а живот раздулся от кислых плодов. На третий день вечером, сидя на корточках у костра, он отрезал себе ломтик мяса. Выражение лица Р-ли не изменилось. Полли оскалила зубы, но его взгляд дал ей понять, что лучше будет, если она промолчит. Он с жадностью проглотил мясо. Голод был так силен, что на вкус мясо показалось ему таким, лучше которого он никогда ничего не пробовал. Однако в следующее мгновение он бросился в кусты, чтобы вернуть съеденное. В эту ночь он поднялся и развернул нижнюю юбку, в которой Полли хранила оставшееся жареное мясо. Он съел его, несколько секунд боролся с восставшим желудком, но все обошлось. В ту ночь ему снились плохие сны. Проснулся он раздраженным, во рту было гадко. Но когда в тот день Полли убила еще одну собаку, он ел мясо уже с аппетитом.

— Теперь ты мужчина, — сказала Полли. — Во всяком случае, почти настоящий.

На следующий день ему повезло на охоте: он заколол самку единорога, идущую лесной тропой с двумя ягнятами. Он находился с подветренной стороны, и она не почувствовала его приближения. Казалось, у нее не было присущей диким животным осторожности. Копье вонзилось ей в бок, и она повернулась с такой силой, что вырвала древко из его рук. Он прыгнул ей на спину и стал наносить удары ножом до тех пор, пока она не упала. К несчастью, она упала ему на ногу. Кости остались целы, но в течение нескольких дней он хромал.

Теперь мяса было у них вдоволь. Сухожилия были использованы для изготовления тетивы к луку. Джек отделил от черепа острый рог и прикрепил его к ровной ветке. Получилось хорошее копье. Несколько дней они провели, изготовляя стрелы и наконечники к ним, луки и колчаны. Р-ли нетерпеливо ожидала окончания работы: она спешила снова двинуться в путь, но не спорила, зная, что оружие необходимо.

Мясо нарезали на полосы и закоптили. Запах привлек хищников: два раза к их лагерю, принюхиваясь, приходили хвостатые медведи. Джек и обе женщины выпустили в них несколько драгоценных стрел. И хотя промахов не было, животных они не убили. Один медведь хотел было броситься на них, но передумал и убежал. Другие убегали сразу.

Более опасными были дикие собаки, которые появлялись стаями — от шести до двадцати штук. Они рассаживались на недоступном для стрел расстоянии и бросали голодные взгляды в сторону лагеря, на мясо, развешанное на ветвях, и на людей. Джек выходил к ним. Некоторые из них пятились назад, другие начинали окружать его. Тогда Р-ли и Полли стреляли из луков в ближайших псов. Остальные разрывали на куски раненых собратьев и пожирали их. И через некоторое время появлялись снова.

— Надеюсь, что они не застанут нас на открытом месте, — сказала Р-ли. — Они очень умны и действуют быстро.

— Насколько я понимаю, они ничего по сравнению с мандрагорами или с оборотнями, — заметила Полли. — Те являются наполовину людьми и гораздо более умны, чем собаки.

— Не говоря уже о драконах! — кивнул Джек.

Они сняли лагерь и возобновили подъем по нижней половине Фула. Местность стала более возвышенной, но все еще была покрыта густым лесом. Пробиться вперед можно было только по воде, следуя против ручья. Метод этот, однако, годился для коротких пробежек, так как в ледяной воде быстро сводило ноги судорогой. К тому же через два дня стали попадаться пороги все выше и круче.

— Все равно нам лучше уйти от ручья, — сказал Джек. — На воде нас легко заметить и запросто пристрелить с берега.

Р-ли не возражала: пришло время оставить ручей. Чтобы попасть в Долину Аргул, нужно было прекратить подъем в гору. Они должны были обогнуть ее на этой высоте.

Через некоторое время Джек заметил, что тропа, по которой они шли, стала ровной и гладкой.

— Под лесной почвой здесь скрывается дорога, сооруженная Арра, — сказала Р-ли. — Она идет вдоль склона горы и огибает ее, пока не заканчивается вон там, — она показала на обширную каменную площадку в пятистах фунтах над ними.

— Там есть большое плато, а на нем — развалины города Арра.

— Мне хотелось бы посмотреть на них, — заинтересовался Джек. — Что, если мы отклонимся в сторону?

Р-ли колебалась.

— Это, конечно, стоит посмотреть. Никогда не следует упускать такой возможности. Но нас ждет еще немало опасностей, и мне не хотелось бы добавлять лишнее.

— Я так много слышал об Арра и их огромных городах, — сказал Джек. — Я всегда мечтал посмотреть хоть на один из них. Если бы я знал, что здесь, неподалеку от нашей фермы, есть такой город, я давным-давно побывал бы там.

— Нет причин запрещать посещение этих мест вам, людям, — сказала Р-ли. — Ну что ж, мне и самой хочется взглянуть на него еще раз. Только мы должны быть очень осторожны.

Полли О'Брайен не возражала. Наоборот, она, казалось, рвалась туда. Джек спросил, почему ее глаза блестят от одной мысли об этом, почему она вдруг так засуетилась.

— Говорят, что в городах Арра погребено много различных тайн. Если бы только я могла добраться до некоторых...

— Не стоит особенно волноваться, — сказала Р-ли. — Эти развалины были перерыты много раз.

Тропа, по которой они следовали, плавно поднималась вверх, огибая гору, затем сделала резкий поворот. Теперь они шли в противоположном направлении и были почти на сотню футов выше, чем раньше. Они говорили шепотом, оружие их было наготове. Р-ли первая заметила в листве лицо примерно в двадцати метрах от них. Через секунду Джек тоже его увидел.

— Идите как ни в чем не бывало, — прошептал он. — Но соблюдайте осторожность. Мне кажется, что это Джил Уайт, один из приспешников Эда Ванча.

Еще через несколько секунд он резко остановился с криком:

— Ложись!

Он камнем упал на землю, через долю секунды рядом залегли обе женщины. Что-то звонко цокнуло о ствол дерева справа от них. Подняв головы, они увидели еще дрожащую стрелу.

Сзади них и выше по тропе раздались громкие выкрики. Из-за деревьев и кустов выскочило шестеро людей, впереди которых несся Эд Ванч.

Джек весь подобрался, поправил стрелу и отпустил тетиву. Трое парней тотчас же залегли, однако другие трое продолжали двигаться вперед, держа луки наизготовку. Выстрелив, Джек сразу же снова прижался к земле. Он не видел, попала ли в цель его стрела, но услышал отчаянный вопль одного из лучников.

Как только три стрелы, выпущенные людьми Ванча, просвистели у них над головой, обе женщины приподнялись и выстрелили сами. Ни одна из их стрел не поразила цель, но нападавшие испугались и спрятались за деревьями. По-видимому, они ожидали, что только Джек окажет настоящее сопротивление.

— Бежим! — крикнул Джек и первым подал пример. На бегу он пытался осмотреть обе стороны лесной тропы, поскольку Эд мог разместить еще нескольких людей в засаде, хотя это и было маловероятным. Насколько он помнил, когда Эд покидал кадмус, с ним было только пятеро его людей.

Тропа сделала еще один крутой поворот, и теперь они уже бежали в противоположном направлении, по более крутому склону.

— Развалины всего лишь в двухстах метрах отсюда, — крикнула бежавшая чуть сзади Р-ли. — Там есть много мест, где можно спрятаться. Я знаю их довольно хорошо.

Джек то и дело поглядывал вниз. Между деревьями были видны преследователи, которые с трудом взбирались по крутому склону, пытаясь напрямик выйти на перехват. Если бы они бежали по дороге, у них бы было гораздо больше шансов догнать тройку беглецов. Джек оглянулся и, никого не увидев сзади, перешел на быстрый шаг. Нужно было экономить силы и восстановить дыхание.

— Где Полли? — спросила остановившаяся сирена.

— Не знаю, куда подевалась эта сучка, черт бы ее побрал. Что это она затевает?

— Мне кажется, она залегла где-то сзади, чтобы сделать несколько выстрелов наверняка, — сказала Р-ли. — Что ни говори, но смелости ей не занимать. Хотя, как мне кажется, ею иногда движет безумие.

— Она хочет отплатить Эду Ванчу, — согласился Джек. — Но не думаю, что ради этого она станет подвергать себя риску.

Они решили не искать ее. Она поступила глупо, и Джек не собирался ради нее подвергать опасности жизнь Р-ли.

— Черт с ней! Если ее возьмут живой, то изнасилуют до смерти. Я знаю, что ей готовит Эд.

Они миновали еще один поворот и оказались на плато. Перед ними были развалины. Над ними — тоже.

Несмотря на грозившую им с тыла опасность, он был ошеломлен увиденным. Это, должно быть, был один из грандиозных центров цивилизации Арра — до того, как разразилась катастрофа. Сохранилось несколько гигантских зданий высотой не менее сотни метров, сооруженных из чудовищной величины гранитных и базальтовых глыб не менее пятнадцати метров в длину. Фасады их когда-то, по-видимому, были покрыты тонким слоем яркой разноцветной штукатурки. На некоторых стенах можно было видеть фрагменты фресок. Наиболее часто на них встречались изображения необычных существ — что-то среднее между медведем и лошадью. Подобных существ изобразил на своей картине Клиз. Были на них также и люди, впрочем, скорее, гривастые, прислуживающие Арра. Были и другие существа — полулюди, частично похожие на человека, но со звериными мордами и покрытые густой шерстью.

— Арра привозили сюда самых разных существ в качестве своих невольников. После катастрофы их потомки опустились до совершенно дикого состояния. Это те самые существа, которых вы называете мандрагорами и оборотнями. Будь осторожен: возможно, среди развалин обитают некоторые из них.

— Куда же все-таки подевалась эта треклятая Полли? — спросил Джек и тут же притих, услышав доносившиеся из-за деревьев внизу холма крики. Из леса выскочила обнаженная девушка и помчалась вверх по дороге. Минутой позже в ста метрах позади показались четверо мужчин.

— Похоже, одного она все же прикончила, — заметил Джек. — Но в Эда, видно, не попала.

Он велел Р-ли спрятаться за глыбу, лежащую на земле, сам занял удобную позицию позади другой такой глыбы и стал ждать. Если преследователи будут настолько неосторожны, что последуют за ней на плато, их можно будет обезвредить. И он на это надеялся.

Полли подбежала к нему и залегла рядом. Но ждали они напрасно: у Эда Ванча хватило ума не лезть в западню.

Полли с трудом перевела дух:

— Они, вероятно, теперь карабкаются вверх по склону и проскользнут среди руин где-то чуть ниже.

Джек не хотел, чтобы они оставались у него за спиной. Он позвал Р-ли, и они втроем углубились в развалины. Они пробирались между упавшими строениями, иногда им приходилось уходить в сторону, чтобы обойти громадные нагромождения камней. Чтобы не выделяться на фоне неба, они старались не подниматься на глыбы, а идти по земле.

Во время одной из остановок Р-ли, прислушавшись, сказала:

— Тихо! Мне кажется...

Она легла на землю и приложила к ней ухо.

Джек ощутил, как шевелятся волосы на затылке, а кожа покрылась мурашками. Вокруг стояла мертвая тишина. Не было даже ветра. Не слышно было даже криков слашларков, всего лишь минуту назад заполнявших лесное пространство.

Р-ли поднялась и произнесла на детском наречии:

— Тррак!

— Один? — спросил Джек.

— Похоже, один. Похоже, что он недавно прошел здесь. Может быть, это Мар-Кук, которая разыскивает человека, забравшего его палец.

— Если она уйдет отсюда добровольно, я отдам ей его, — сказал Джек. — Я готов на все, чтобы разойтись по-хорошему.

Полли схватила его за плечо:

— Не отдавай! Если она покажется, пригрози, что уничтожишь его. Она не будет знать, каким образом это тебе удастся, но думаю, что рисковать она не станет.

— Полли права, — заметила Р-ли и добавила, что самое лучшее это пройти на другую, заднюю, сторону развалин. Они смогут пройти по краю плато, а затем спуститься в долину Аргул. Спуск не из таких, каким она предпочла бы воспользоваться, будь у нее выбор. Но это все же безопаснее, чем возвращаться на старую дорогу.

Город был огромным. До заката оставалось примерно часа два, когда они достигли его северной окраины. Внезапно глыбы закончились, уступив место открытой равнине. Она простиралась почти на целый километр. На ней не было никакой растительности, кроме травы по колено и нескольких чахлых кустиков. Затем она резко обрывалась. Внизу лежала долина Аргул, но им была видна только ее противоположная сторона. Над ней возвышалась шестиугольная громада массива Плел.

Более получаса они шли, пробираясь между каменных глыб. Джек нервничал, думая о том, удастся ли им пересечь ровную местность засветло. Р-ли остановилась и сказала:

— Тропа начинается вон там, где на краю крутого обрыва торчит конический валун.

— До заката еще около полутора часов, — сказал Джек. — Мы можем отдохнуть.

— Тропа — только одно название, — ответила сирена. — Идти по ней чрезвычайно трудно, даже когда светло. В темноте же запросто можно свалиться. Но если нам удастся опуститься чуть ниже засветло, мы сможем отдохнуть, проведя ночь на одном из уступов. Более того, на уступе легче будет защищаться в случае нападения.

Джек тяжело вздохнул:

— Давай тогда пробежим это расстояние до обрыва.

Они подняли оружие и побежали. Но не успели они сделать и десятка шагов, как услышали сзади себя крик. Джек обернулся и увидел Эда и трех его дружков, выбегавших из-за каменной глыбы.

— Нам придется залечь перед обрывом! — жалобно вскричала Р-ли. — Если мы начнем спускаться, они будут бросать в нас камни или стрелять. Мы будем перед ними как на ладони!

Джек промолчал и продолжал бежать. Остановил его могучий рев, который мог исходить только из огромной глотки дракона. Обе женщины тоже остановились и обернулись. Это была Мар-Кук, чудовище, у которого недоставало большого пальца на передней лапе.

Теперь преследователи сами превратились в преследуемых. Они сломя голову бежали по направлению к тройке, которую еще несколько секунд назад считали своей добычей. Эд размахивал луком и что-то кричал. Хотя из-за рева чудовища, преследовавшего его, нельзя было разобрать слов, они догадались, что он имеет в виду. Он хотел, чтобы они объединили усилия против дракона.

— Пусть присоединятся к нам, — сказал Джек, — может быть, это наш единственный шанс.

Один из людей Эда, Эл Мерримот, отстав от остальных, упал. Мар-Кук неумолимо приближалась к нему. Тогда Мерримот перевернулся на спину и закрыл лицо руками, чтобы не видеть опускавшейся на него чудовищной лапы.

Пока драконихa разбиралась с Элом, Эд и его люди достигли своей цели. Едва переводя дух, они нашли в себе силы развернуться и стать бок о бок с Джеком и обеими женщинами.

— Разрешите мне поговорить с ней, — предложила Р-ли.

И не дождавшись ответа, она сделала шаг вперед и произнесла на детском наречии:

— Мар-Кук! Ты помнишь договор с обитателями кадмусов? Так пусть твоя мать и все твои бабки до самого Великого Яйца проклянут и отвергнут тебя, если ты откажешься его соблюдать!

Мар-Кук приостановилась, напрягая чудовищные задние лапы и бочкообразное туловище, чтобы не упасть по инерции. Ее громадные стопы проехали по траве, прежде чем ей удалось притормозить.

— Я чту договор, — сказала она густым утробным голосом. — Но только в течение определенного срока.

— Чего ты хочешь? — спросила Р-ли, хотя прекрасно понимала, что нужно дракону.

— Чего я хочу? — голос Мар-Кук внезапно сорвался на высокий визг. — Я хочу получить назад свой палец! И я хочу тело твоего человека, который осквернил меня, отрубив частицу моего тела, и хранил ее поблизости от своей мерзкой плоти самца!

— Он вернет его тебе, чтобы ты могла пройти обряд очищения и возвратиться в теплую Утробу Величайшей из Матерей после своей смерти. Но только в том случае, если ты поклянешься уйти и никогда не причинять вреда ни ему, ни тем, кого с ним увидишь. Ты должна поклясться Тягчайшими Муками Величайшей из Матерей, которые она выдержала, когда откладывала восьмиугольное яйцо, из которого вышел Первый Самец.

Челюсть Мар-Кук отвисла, она тупо замигала. Затем сцепила одну с другой передние лапы.

— Не думаю, что она так поступит, — тихо сказала Джеку Р-ли. — Если она поклянется, то никогда не будет способна причинить тебе вреда, не подвергнув себя опасности очутиться в холодном безжизненном аду, где не будет тепла всех ее праматерей. Никто из трраков еще не нарушал этой клятвы. Если она все-таки поклянется, само по себе это еще не обеспечит место там, где находится рай ее представлений. Ритуальное очищение в этом случае займет многие годы. И если случится так, что она умрет до завершения ритуала, она будет обречена на адские муки.

— Во всяком случае, она не должна отказываться от возможности избежать их.

— Надеюсь, что она придет к такому же выводу, — сказала Р-ли. Она стала говорить еще тише, подсказывая Джеку, что он должен сделать. Он кивнул, затем пошел небрежной походкой, вовсе не соответствующей обстоятельствам, к краю плато. Он не оборачивался, но ясно представлял себе глаза Мар-Кук и ее нерешительность. Когда он

был в нескольких метрах от обрыва, то услышал могучий рев. Обернувшись, он увидел, что Мар-Кук бросилась к нему, похоже, она приняла решение.

Р-ли и Полли отбежали в сторону, отведя луки подальше от своего тела: Р-ли, должно быть, сказала Полли, чего можно ожидать. Эд же и двое его приятелей совершили ошибку. Они продолжали удерживать позицию и выпустили три стрелы, две из которых попали в цель, но отскочили от толстой шкуры чудовища.

После этого налетчики повернулись и побежали, но двое из них сделали это недостаточно быстро, Мар-Кук слегка изменила свой курс. Ее длинный хвост хлестал из стороны в сторону. Эду удалось увернуться, но двоих его друзей удары хвоста швырнули на землю. Раздался хруст ломающихся костей.

Это было ужасное зрелище, настолько ужасное, что Джек едва не потерял самообладание и пытался было спастись, прыгнув с обрыва на тропу вниз. Однако Р-ли настояла на том, чтобы он держался непоколебимо. Если это ему не удастся, то все будет кончено, ибо ярость Мар-Кук будет всесокрушающей.

Он стоял на самом краю обрыва и держал палец чудовища в руке, вытянутой над бездной. Стоит ему разжать ладонь — и палец полетит вниз более чем с километровой высоты.

Мар-Кук снова притормозила и заскользила по траве. На этот раз ей удалось остановиться всего лишь в паре метров от Джека Кейджа.

— Не делай этого! — зазвенел у него в ушах ее рев.

Джек покачал головой, громко и внятно проговорив на детском наречии:

— Если ты убьешь меня, Мар-Кук, то твой палец будет потерян для тебя навсегда. Сомневаюсь, что тебе удастся разыскать его. Тебе придется уйти слишком далеко отсюда, чтобы попасть на дно долины: здесь ты не сможешь спуститься по склону. Ты слишком велика для этого. А пока ты будешь туда добираться, палец твой сожрут какие-нибудь мелкие животные.

Она разразилась серией нечленораздельных звуков. Джек догадался, что она ругается на первоначальном языке драконов. Р-ли рассказала, что, поскольку речь гривастых была более престижной, драконы стали ею пользоваться вместо своего собственного языка. Однако у них сохранились некоторые фразы утраченного языка для заклинаний и ругани.

Джек попробовал улыбнуться, показав, что он является хозяином положения и считает забавным такое поведение дракона. Однако чудовищно толстое туловище и невообразимо жуткая морда, вкупе с яростью, распиравшей все тело дракона, превратили его улыбку в жалкую гримасу. Колени тряслись, дрожала рука, державшая палец.

— Мы отдадим тебе его тогда, когда достигнем перевала Идола, — сказала Р-ли. — При условии, что ты не будешь идти за нами после

этого. И ты должна дать нам обещание, что будешь сопровождать нас до перевала и защищать!

Мар-Кук едва не задохнулась в бессильной злобе, но смирила себя.

— Хорошо.

Джек продолжал держать палец, пока Р-ли не заставила дракона торжественно поклясться. Рука его ныла от напряжения. Наконец, когда с формальностями было покончено, он вернулся к сумке из шкуры единорога и положил туда палец. Мар-Кук пожирала его глазами, но ни разу не шелохнулась, чтобы схватить свое сокровище.

Джек и Р-ли подтащили тела погибших к краю обрыва и спихнули вниз. Джеку очень хотелось похоронить несчастных, но у них нечем было вырыть могилу.

Мар-Кук пожаловалась, что ее лишили свежего мяса. Замолчала она только после того, как Р-ли сказала ей, что они избавились от трупов, чтобы не привлекать мандрагоров. Джеку стало интересно, что это за звери, если даже колоссальная драконихa предпочитает не встречаться с ними.

Эд смотрел на них исподлобья. Лук и нож Полли приказала ему отбросить далеко в сторону. Сама она стояла, подняв лук, в нескольких метрах от него, готовая в любой момент пустить стрелу.

Из-за спины Джека раздался голос сирены:

— Лучше убей его сразу!

Джек повернулся:

— Неужели ты это говоришь?

— Нельзя отпускать его с оружием. Если сделать это, он будет пытаться прикончить нас, когда мы уснем. Посмотри, он весь пылает ненавистью! Если же отпустить его без оружия...

— Он сможет сделать свое, вроде нашего.

— У него для этого не будет никакой возможности. Разве ты не слышал, что сказала Полли? Она ненавидит его. И она пойдет за ним следом. Он умрет самой мучительной и медленной смертью. Я знаю этих колдуний. И я знаю Полли.

— Жаль, что я не убрал его тогда, когда он напал на нас, — сказал Джек. — Теперь же я не могу этого сделать хладнокровно и...

— Когда-то ты убил взбесившуюся собаку, свою любимицу. Помнишь? А Эда ты никогда не любил.

— Я в этой глуши с двумя самыми злыми ведьмами, каких еще никому не доводилось видеть! — воскликнул он и пошел прочь. И все же он понимал ее правоту и то, что слова ее были продиктованы человечностью. Ведь Эд пытался убить их всех, и притом не один раз.

Р-ли медленно подошла к Полли и стала рядом с нею. Джек не сводил с них глаз. Что это они затевают? Казалось, они говорят о чем-то обыденном. Полли весело смеялась.

Вдруг Р-ли нанесла ей удар. Ее кулак пришелся в челюсть Полли, и та полетела на землю. Она упала на четвереньки и несколько секунд

не могла подняться. Р-ли этих секунд хватило. Она подобрала лук Полли, зарядила, натянула тетиву и прицелилась в Эда.

Он в ужасе завопил и кинулся бежать, намереваясь скрыться под обрывом. Стрела Р-ли настигла его как раз в тот момент, когда он, сжавшись в комок, припал к земле близ обрыва. Он собирался скатиться вниз, надеясь, что тропа, о которой они упоминали, начнется под обрывом. Он споткнулся, сделал еще несколько шагов по инерции и рухнул наземь. Из-под левой лопатки торчала стрела. Его вопль разорвал воздух и поднялся к небу. Затем наступила тишина.

Джек метнулся к спутницам. Полли поднялась, потерла челюсть и процедила сквозь зубы:

— Вот бука! Ты обманула меня!

— Но он мертв, — сказала Р-ли. — Забудь о нем.

— Я тебе этого не забуду!

— Я велю Мар-Кук не спускать с тебя глаз, — спокойно произнесла Р-ли.

Все четверо вернулись к развалинам города. Мар-Кук, шедшая впереди, остановилась и что-то крикнула. Джек последовал знаку ее вытянутой передней лапы — той, что была без пальца, — и увидел свежий помет крупного животного.

— Мандрагор! — сказала драконiха.

— Их помет всегда имеет характерную форму в виде баранки с маленьким отростком, — объяснила Джеку Р-ли. — Ну что ж, придется, видимо, подыскивать какое-нибудь убежище понадежнее. Надо спешить, солнце зайдет через несколько минут.

— Вот хорошая нора, — сказала Мар-Кук. Она обнюхивала квадратный проход между двумя свалившимися глыбами. Внутри было темно, но, несмотря на это, можно было определить, что места там хватит для всех четверых.

Р-ли сказала Мар-Кук несколько слов, и та ушла на поиски хвороста. Остальные стали устраиваться на ночь. Проверка показала, что вход, через который они проникли, был единственным.

Мар-Кук вернулась минут через пятнадцать с огромной охапкой веток, сучьев и большим поленом. Все это она положила на выступающий перед входом камень, протиснулась внутрь и только после этого втащила дрова.

С помощью острых камней Джек быстро развел костер как раз напротив входа. Единственное, что им мешало, это редкие порывы ветра, обдававшие их клубами дыма. Они зажарили мясо единорога и с аппетитом поели. Львиная доля, разумеется, досталась Мар-Кук, которая тут же поспешила их успокоить:

— Не переживайте, карлики, завтра я найду для вас другого единорога.

— Как же она пойдет с нами? — шепотом спросил Джек у Р-ли. — Ведь она не сможет спуститься по тропе!

— Мы с ней пойдем кружным путем. Это займет больше времени, зато будет намного безопаснее. Почему ты говоришь шепотом?

Он показал рукой в сторону расположившейся неподалеку живой глыбы:

— Эта драконiха действует мне на нервы.

Р-ли поцеловала Джека в щеку и погладила по спине.

— Извините, — подала голос Полли. — Я понимаю, что мое присутствие доставляет вам неудобства. Но я не стану вас беспокоить. Не обращайте на меня внимания. Может быть, я даже решусь на некоторое время покинуть вас...

— Ты — подлая сука! — крикнул Джек.

— Зато честная, — парировала она. — Но я говорю совершенно серьезно. Я замечаю давно, как ты ее тискаешь и целуешь эти роскошные груди, когда думаешь, что я не вижу. Вы, наверное, уже давно познали друг друга, не так ли? Тогда почему она до сих пор не беременная? Или не хочет?

Джек изумленно открыл рот.

— Что? Разве ты не знаешь, что люди с гривастыми не могут иметь детей?

Полли громко рассмеялась и долго не могла успокоиться. Мар-Кук, залегшая в дальней части пещеры, начала шевелиться. Отсмеявшись, Полли сказала:

— Разве твоя возлюбленная не раскрыла тебе глаза на те бредни, которыми вас пичкали жирные попы? — Полли изумленно вздернула брови. — Конечно же у вас могут быть дети! Сейчас уже есть тысячи метисов, которые преспокойно живут, большей частью в Социнии.

— Это правда, Р-ли? Почему ты не сказала мне об этом?

— Джек, мы же были вместе совсем немного. Мы с тобой говорили все больше о своей любви. Мы никак не могли охватить все, что могло интересовать тебя. Кроме того, ты мог не опасаться моей беременности: дети у вийров появляются только тогда, когда они хотят этого. Вернее, когда следящие за численностью населения дают разрешение. Мы постоянно поддерживаем равновесие между рождаемостью и смертями. Вы, люди, этого не делаете, поэтому вас стало больше, чем нас, и вы возжаждали захватить наши земли.

— Нам, колдуньям, тоже известно, каким образом можно предотвратить зачатие, — вмешалась Полли. — Нужно взять определенной травы, смешать с настоем из плодов тотумного дерева и пить это в определенное время.

Р-ли промолчала. Через некоторое время сирена выглянула наружу. Луна еще не взошла. Сразу же перед входом было открытое пространство, примерно метров в двадцать, дальше громоздились завалы из камней и обломков скал.

— Кажется, настало время рассказать тебе подлинную историю вийров, или гривастых, или сирен и сатиров — какими только имена-

ми вы нас не награждали. Ту правду, которую ваше государство и церковь скрывают от вас. Хотя, возможно, они и сами не знают многого.

Вийры, как мы себя называем, тоже родом с Земли.

Джек молчал.

— Это правда, Джек. Наших предков привезли сюда, на эту планету, около четырех тысяч лет тому назад. Год планеты Дейр почти точно соответствует земному году. В те времена у Арра на этой планете была процветающая колония. Они насильно увозили людей с Земли и использовали их в качестве рабов или слуг. Не то чтобы невольники им были нужны для работы на них. Для этого у них были машины. Но им были нужны другие, менее развитые, но разумные существа в качестве любимых домашних животных или для престижности.

Они завезли сюда разумных существ и с планет других звездных систем. Это были предки нынешних мандрагоров и оборотней. Драконы же обитали здесь всегда. Они были примитивной группой существ, слишком больших и слишком опасных для того, чтобы приручать их. Поэтому Арра их содержали в особых резервациях.

Примерно две тысячи лет назад другая межзвездная цивилизация, Эгзви, начала военные действия против Арра. Они применили оружие, которое привело к взрыву или распылению всего находившегося на поверхности планеты железа. А также, я в этом уверена, некоторых других металлов. Уцелевшие Арра покинули свою колонию, а Эгзви так никогда и не высадились на эту планету. Из четырех видов разумных существ, брошенных здесь на произвол судьбы, только людям удалось не скатиться в состояние дикости. Мы охотились на мандрагоров и оборотней, как вы их называете, и разоряли их места обитания, оттесняя их в пустынные горные районы.

— Какие же у вас есть доказательства? — спросил Джек. — Если вы — люди, то почему же у вас лошадиные хвосты и желтые глаза?

— Согласно одним предположениям, это результат воздействия облучения во время взрыва железа и других металлов. Согласно другим — Арра преднамеренно вывели такую породу людей. Нам известно, что они занимались селекцией для получения определенных свойств человека.

Кроме того, у нас есть и свои предания. Их, возможно, недостаточно, чтобы доказать, что мы родом с Земли, а не с другой планеты. Но есть еще один фактор — язык!

— Ваш язык совершенно другой!

— Взрослое наречие — да. Это язык Арра, которому должны были научиться все рабы. Это шифровальный язык, язык стандартных фраз, вернее, мнемонический язык. Он состоит из коротких кодовых слов, содержащих значение целых словосочетаний или предложений.

Но детский язык вийров — это потомок изначального языка, который мы употребляли на Земле. Рабам разрешали пользоваться

им в общении между собой, и они цеплялись за него, как за напоминание о их былом свободном положении. После катастрофы это наречие стало разграничительным признаком между господствующим классом вийров и остальными. Вы считаете, что все гривастые говорят на взрослом наречии, но это неверно. Им пользуются только аристократы.

Тем не менее очень важно то, что наше детское наречие и большинство языков, которые употребляли земляне, привезенные наиболее поздним рейсом звездолета Арра, произошли от одного и того же корня. Наши ученые записали эти языки до того, как английский стал сначала господствующим, а затем и единственным языком среди нас, «таррат», то есть «позднеприбывших». Английский, немецкий, исландский, испанский, португальский, болгарский, русский, албанский, ирландский, греческий и даже язык ваших богослужений — все они происходят из латинского. Только турецкий и китайский языки, да еще язык индейцев-кроатанов не являются родственными вашему английскому.

— Мне трудно поверить в это, — покачал головой Джек.

— Постарайся поверить этому, дорогой. Ведь это доказывает наше общее происхождение!

— Не знаю. Не вижу никакого сходства между английским, языком гривастых и латынью. Кроме разве того, что, как говорят священники, мы позаимствовали некоторые слова из латинского языка.

— Ты знаешь, что я не принадлежу к ученым. Но мне кое-что известно об этом, и я могу отвести тебя к образованным людям из числа моих соплеменников, которые знают гораздо больше меня в этой области. Кроме того, ваши собственные священники дважды, независимо друг от друга и в различное время, приходили точно к такому же выводу. Одному пригрозили отлучением, если он не будет молчать. Другому пришлось искать убежище в кадмусах.

— Ладно. Я вовсе не сержусь, как тебе, может быть, показалось. Просто все это настолько ошеломило меня, что...

В это мгновение дракон зашипел и попробовал выпрямиться в этом довольно низком помещении.

— Тсс! Тихо! Снаружи кто-то есть!

Все трое зарядили стрелы и стали всматриваться в темноту, слабо освещаемую отблесками костра.

— Как ты думаешь, кто это может быть? — тихо спросила Р-ли.

— Я не ощущаю их запаха, но слышу их. Их больше, чем один. Мне хотелось бы быть сейчас где-нибудь подальше от этой дыры. Здесь я чувствую себя в западне!

Раздался целый хор криков и жутких воплей, и пять или шесть темных силуэтов появились перед входом в пещеру. При свете костра можно было разглядеть, что у этих существ были тела, напоминающие человеческие, но покрытые длинными темными волосами. Их огромные

руки были длиннее, чем у людей, а плечи гораздо шире, не говоря уже о грудной клетке, которая казалась необъятной.

На лице, покрытом белыми волосами, выступали массивные челюсти и огромные носы, покрытые хрящами или, может быть, роговицей. Квадратные уши торчали под прямым углом к голове, густые черные брови резко контрастировали с белыми волосами. Глаза казались огромными и в отраженном свете костра имели темно-оранжевый цвет, как у животных.

Они метнули во входной проем длинные деревянные копья с обожженными для твердости остриями. Те, кто находились внутри, выпустили стрелы. Все три попали в цель — было просто невозможно не попасть в широченную грудь этих существ. После этого они исчезли.

— Мандрагоры! — крикнула Р-ли.

Мар-Кук тут же заявила, что ей необходимо выйти: она больше не может находиться в таком тесном помещении. Остальные не стали спорить и сплотились тесной кучкой позади нее. Одним взмахом своего хвоста она сбила костер с камня, разметав по земле головешки. Быстро, как только могла, она протиснула свое огромное тело между двумя глыбами. Очутившись наполовину снаружи, она огласила окрестности своим могучим ревом. Сверху на нее упало шесть темных тел. Драконiха рванулась и высвободила из каменной теснины все тело, в которое вцепились мандрагоры. Прежде чем подняться на здание лапы, она повернулась, и у двоих пришельцев затрещали кости. Остальным удалось увернуться, и они сразу же снова набросились на нее. К ним присоединилось еще не меньше десятка прятавшихся в темноте между глыбами.

Джек Кейдж и женщины пускали стрелы, как только представлялась малейшая возможность. Но Мар-Кук так вертелась и бросалась из стороны в сторону, что им удалось только трижды хорошо прицелиться. Два раза цель была поражена, хотя и не насмерть, ибо раненые мандрагоры, завывая, убегали прочь.

Еще некоторое время нападавшие орудовали своими копьями, дубинами и зубами. Наконец они сочли, что им уже досталось более чем достаточно, и прекратили удары и разбежались. Мар-Кук помчалась за группой беглецов между грудами каменных блоков. Еще некоторое время Джек мог слышать рев дракона. Затем все стихло.

Джеку и девушкам пришлось по очереди дежурить у входа. Мар-Кук вернулась только на рассвете. Она выглядела усталой, но довольной и сытой. Когда они возобновили путешествие, она захватила с собой одного из мертвых мандрагоров, заявив, что это будет ее завтрак на следующий день.

За весь этот день они сделали лишь несколько коротких привалов. В полдень они оставили у себя за спиной развалины города и теперь шли вдоль края плато. Когда наступили сумерки, они спустились до

середины склона большой горы. Р-ли прикинула, что они смогут достичь долины Аргул только во второй половине следующего дня.

— Долина имеет в ширину не менее шести миль, она очень неровная и густо поросла лесом. В ней человека подстерегают самые разные опасности. Даже единороги здесь крупнее и агрессивнее. Но поскольку с нами Мар-Кук, я думаю, что волноваться не следует, — заключила Р-ли.

Глава 10

К полудню третьего дня они почти пересекли ущелье. Пока что они не встречали никаких помех, им даже не пришлось самим добывать себе пищу: Мар-Кук загнала в небольшую расщелину единорога и убила его. Они развели небольшой костер на берегу широкого мелководного ручья и перекусили. Мар-Кук несколько минут переминалась с ноги на ногу, а потом заявила, что ей надо на некоторое время отлучиться.

— Здесь по соседству бродят твои сестры? — спросила Р-ли.

— Да. Я хотела бы поговорить с ними. Пусть они предупредят всех, чтобы вас оставили в покое, если не хотят иметь дело со мной.

— Надеюсь, что она скоро вернется, — сказала сирена. — Но полной уверенности у меня нет: самки драконов любят поболтать не меньше, чем наши женщины.

Прошел час. Джека охватило нетерпение. Р-ли сидела, устремив взгляд прямо перед собой, в глубокой задумчивости. Она не обращала на Джека никакого внимания, и это его раздражало. Впоследствии она и сама не могла объяснить, о чем она думала. Полли лежала на спине, заложив руки за голову, в откровенно вызывающей позе. В последнее время она поглядывала на него с недвусмысленным выражением на лице, да и ее замечания становились все более смелыми. Р-ли не обращала внимания ни на взгляды, ни на реплики. Джек, хотя он и недолюбливал Полли, пожалуй, даже питал к ней отвращение, чувствовал себя виноватым. Тяготы перехода все же не настолько утомили его, чтобы он не испытывал все более накапливавшуюся напряженность. Невозможность уединиться и непонятная отчужденность Р-ли усугубляли положение еще больше.

Как-то раз, оставшись наедине с Р-ли, он спросил у нее, почему она стала так холодна с ним.

— Вовсе нет. Но в течение четырнадцати дней я должна соблюдать табу. Каждая женщина вийров соблюдает воздержание в течение этого промежутка времени, наступление которого зависит от даты рождения. Это делается в честь Богини и ее ипостаси святой охотницы.

Джек всплеснул руками: всю жизнь он провел рядом с гривастыми, но как же мало он знает, оказывается, об их обычаях.

— А я? — спросил он. — Значит, я должен терпеть на протяжении всего этого священного ритуала?

— Есть Полли.

У него от изумления отвалилась челюсть.

— Ты хочешь сказать, что тебе это все равно? Да?

— Вовсе нет. Но я никогда не позволю себе возражать против этого. Мне запрещено так поступать. И я поняла бы это... как мне кажется.

— Клянусь, что не притронусь к этой сучке, будь она даже последней оставшейся в живых женщиной!

Р-ли улыбнулась.

— Ну, это уж слишком! Тогда это было бы твоей священной обязанностью — обеспечить продолжение человеческого рода.

По зрелым размышлениям он решил, что Р-ли в действительности не могла принудить его соблюдать воздержание, но дала ясно понять, что она была бы очень обижена, если бы он не сумел сдержать себя. Он был рад, что не поддался искушению. Однако ему претило, что Полли так откровенно выказывает желание. Зов плоти был силен, с ним было трудно совладать.

Он сердито ткнул большим пальцем ноги в бедро Р-ли и произнес:

— Давай двигать дальше! Мар-Кук отыщет нас по следам.

— К чему такая поспешность? — удивилась сирена.

Джек украдкой скосил глаза на Полли и просипел:

— Просто я устал ждать, вот и все!

Р-ли тоже взглянула на Полли, которая лежала, не меняя позы.

— Хорошо, пойдем.

Через полчаса Джек жалел о своей опрометчивости. Чем большее расстояние отделяло их от Мар-Кук, тем больше увеличивалась их уязвимость. Но он был слишком упрям, чтобы признать свою ошибку. Еще через пятнадцать минут он уже признался в душе, что было бы глупо продолжать путь без опеки драконихи.

Он остановился и сказал:

— Давайте подождем ее здесь. Я был не прав.

Женщины обошлись без замечаний. Р-ли воткнула палку в мягкую землю и, скрестив ноги, устремила взгляд на ее кончик. Полли легла на траву в прежней позе, раздвинув ноги и запрокинув руки за голову. Все было, как и раньше, только теперь их защитница была гораздо дальше от них. Джек стал нетерпеливо прохаживаться.

Вдруг что-то заставило его остановиться. Полли тоже села, широко раскрыв глаза и вытянув шею. Кто-то бежал в зарослях, не пытаясь делать это бесшумно, подобно Мар-Кук.

Из леса выбежал гривастый и побежал через ручей. Он был примерно в пятидесяти метрах от них, но их не видел.

— Морн! — воскликнула Р-ли.

Джек тоже узнал вийра. Это был брат Р-ли.

Раздался ружейный залп. На самой середине ручья Морн споткнулся и упал ничком. Затем поднялся, сделал несколько шагов и снова упал в воду. Тело его стало сносить вниз по течению.

Увидев, что ее брата убили, Р-ли закричала.

Джек молниеносно принял решение.

— Скорей в чащу! — скомандовал он.

Они подхватили оружие, сумки с продовольствием и побежали к ближним кустам. Но прежде чем они их достигли, из зарослей вышло несколько мужчин, вооруженных огнестрельным оружием. Среди них был Чаковилли.

Он улыбнулся и сказал:

— Твой брат искал тебя, а мы выслеживали его. Теперь мы все должны быть довольны: каждый нашел то, что искал. Разве я не прав? Или вы не рады встрече со мной?

— Мне казалось, что я прикончил тебя, — сказал Джек.

— Вы только хорошенько трахнули меня по голове. Я немало помучился от головных болей, пока сидел в тюрьме в Слашларке.

— В тюрьме?

— Да, парень. Правительство решило, что еще не приспело время для нападения на гривастых. Королева была крайне разгневана тем, что произошло у кадмусов Кейджа. Она велела арестовать меня и предать суду, что должно было свидетельствовать о ее добрых намерениях по отношению к вийрам. Однако несколько моих друзей вломились в тюрьму уже на третью ночь и освободили меня. Я решил, что моя миссия здесь завершена, и отправился в Социнию, на свою родину. Сначала я наткнулся на этот патруль, а чуть позже мы встретили и Морна с парой его друзей. Я уверен, что они разыскивали именно вас.

Джек обнял Р-ли и прижал к себе. На ней не было лица. Бедняжка! За такое короткое время потерять сначала отца, а потом брата!

— Вы социниец? — удивился Джек.

— Агент, в обязанности которого входило спровоцировать войну между жителями Дионисии и гривастыми. Может показаться, что я потерпел неудачу на вашей ферме, но это не так. Поднялись все кадмусы трех государств, готовые нанести ответный удар. Другие социнийцы спровоцируют новые инциденты. Весь материк вспыхнет, как пороховая бочка. В это будут втянуты все государства, кроме, разумеется, моего. Мы будем готовы выступить на сцену, как только люди и гривастые обескровят себя в битве.

А пока мы должны решить, что делать с вами. Буду краток: или вы поклянетесь идти в Социнию, где станете ее гражданами и будете за нее сражаться, или умрете здесь, на месте.

Несколько солдат вошли в ручей и вытащили Морна на берег. Он сел и стал откашливать воду из легких. Из раны на голове сочилась кровь — к счастью, пуля лишь скользнула по его черепу.

Чаковилли повторил свое предложение всем троим: Джеку, Р-ли и Полли.

Морн сплюнул и сказал:

— Моя сестра и я предпочитаем смерть!

— Не очень дальновидно с вашей стороны, — усмехнулся Чаковилли. — Будь вы хоть немного умнее, вы согласились бы присоединиться к нам, а затем стали бы искать удобный случай удрать. Но вы — гривастые из правящего класса, а они никогда не лгут. Или бывает, что и лгут, а?..

— Впрочем, пусть каждый говорит за себя, — повернулся он к Р-ли. — Зачем вам отказываться от моего предложения только на том основании, что вы — вийры? Двое из моих людей происходят из гривастых, один — метис. Я, кстати, тоже полукровка. Должен вам сказать, что Социния является примером того, что две культуры могут слиться и стать почвой, жизнеспособной для третьей.

— Почему бы вам просто не отпустить нас? — спросила Р-ли. — Мы направляемся в Тракийскую долину. Мы намерены жить там мирно, никому не причиняя вреда.

Он поднял брови и, ухмыляясь, произнес:

— Жить там мирно? А как долго? Должен вам сказать, что Социния намерена покорить и эту долину. После того как будет ликвидирована Дионисия, Кроатания и Дальний.

— Она прекрасно защищена, — холодно возразила Р-ли. — Вы потеряете сто тысяч человек и все равно не прорветесь через перевал.

— Что случилось с хваленными шпионами гривастых? Разве вы не слышали о наших больших пушках и мощных снарядах? По сравнению с ними артиллерия Дионисии выглядит игрушкой. У нас есть огромные воздушные шары, приводимые в движение моторами, которые могут перелететь через перевал и разбомбить ваши поселения в долине. Мы также можем высадить десант, который скосит ваших воинов, как крестьянин косит траву.

Р-ли вспыхнула и прижалась к Джеку.

— Ну, так что же вы решили? — спросил Чаковилли. — Да будет вам известно, что, если вы откажетесь, вас ждет незавидная участь. Мои люди очень огрубели за это время, проведенное в такой глуши.

Р-ли попросила разрешения переговорить с Джеком без свидетелей. Чаковилли согласился, однако велел, чтобы им связали руки и ступни.

— Что делать? — спросила сирена, когда они остались одни.

— Соглашаться на его предложение. Он сам сказал, что после можно найти возможность для побега.

— Ты ничего не понимаешь, — сокрушенно покачала она головой. — Мы, происходящие из рода Слепых Королей, не можем сделать это даже ради спасения своей жизни.

— Черт побери! Я ведь не говорю о предательстве. Только немного притворства. Ладно, не можешь лгать, не лги! Избегай прямых ответов.

Скажи Чаковилли, что будешь поступать во всем точно, как я. Ты знаешь, каковы мои истинные намерения.

— Но это все равно будет обманом, мы называем это косвенной ложью.

— Ты что, собираешься умереть здесь?

— Я знаю, что это будет не зря! — твердо сказала она. — Но я люблю тебя. Ты пожертвовал многим ради меня. Хорошо, я поступлю так, как ты скажешь.

Джек крикнул Чаковилли.

— Я присоединяюсь к вам. Р-ли будет делать все, что я скажу.

Бывший рудоискатель понимающе ухмыльнулся.

— Она не только красивая девочка, но и очень хитрая. Ладно, я развяжу вам ноги, но руки пока что останутся связанными.

Как и следовало ожидать, Полли О'Брайен уже принесла клятву верности на жизнь и смерть Социнии. Чаковилли сказал ей, что ему известно о ней гораздо больше, чем она думает. Она, конечно, присоединяется к его отряду из личной корысти, но он надеется, что она останется верной присяге. А почему бы и нет? Она из тех, кто всегда держит сторону победителя. А Социния будет победоносным государством, как только она окажется на его родине, она сможет в этом убедиться.

Полли даже сможет открыто придерживаться своей религии, так как для Социнии характерна веротерпимость. Однако человеческие жертвоприношения строго запрещены. Если она все поймет, как надо, а он ожидает, что она поймет, то ей незачем будет принимать участие в тайных обрядах. Некоторые пробовали и теперь заживо гниют в рудниках.

Полли все выслушала и попросила дать закурить.

Джек овладел собой настолько, чтобы отметить, что солдаты вооружены огнестрельным оружием, какого ему до сих пор еще не доводилось видеть. Ружья были сделаны из какого-то «пластического» материала, не менее прочного, чем редкое здесь железо. Пули и заряды пороха помещались в общей капсуле и вставлялись сквозь отверстие в казенной части. Он спросил об этом у Чаковилли.

— Один социнийский солдат обладает огневой мощью десяти дионисийских, и стрельба его во много раз эффективнее. Круглые предметы, что свисают у них с пояса, — это гранаты, мощь которых втрое превосходит гранаты Дионисии того же размера. Более того, с помощью своих ружей мы можем запускать их на весьма значительное расстояние.

Если ваш дракон и покажется здесь, я думаю, ему несдобровать.

Джека ошеломила его осведомленность, но, немного поразмыслив, он понял, что Чаковилли видел следы Мар-Кук вместе с его следами и следами женщин.

Социниец подошел к Морну.

— Я вам предоставляю еще один шанс, мой дорогой вийр. Неужели вы думаете, что ваша смерть принесет какую-то пользу? Нет! Культура вашего народа, как и любого другого, не присоединившегося к Социнии, обречена. Мы намерены разрушить кадмусы и заставить вас, гривастых, отказаться от прежнего образа жизни. Он полностью соответствовал стабильному аграрному обществу, но сдерживал прогресс техники. Он отошел в прошлое.

Чаковилли снова повернулся к Джеку и сирене.

— Попробуйте убедить его. Социнию нельзя остановить. Мы должны стать передовым обществом в научном и техническом отношении за очень короткое время. Арра уже дважды побывала здесь, и они, или им подобные, могут появиться снова. Когда это произойдет, они увидят перед собой людей, которые смогут оказать им достойное сопротивление и, возможно, даже победить их. Люди не должны снова стать рабами. У Арра есть космические корабли, у нас они тоже когда-нибудь будут! Когда мы этого добьемся, мы перенесем борьбу на территорию Арра.

Слова эти взволновали Джека. Чаковилли действительно проявлял здравый смысл. Много раз Джек задумывался над тем, что произойдет, если Арра когда-нибудь вернутся. Как-то раз он спросил об этом у отца Патрика. Священник ответил, что Бог не оставит их без своей защиты. Если человечество снова вернется к рабству, то это пойдет ему только на пользу. Это научит его смирению. Джек тогда ничего не сказал, хотя ответ попа был для него абсолютно неприемлем.

— Мне не доставляет ни малейшего удовольствия убивать вас, Морн, — сказал Чаковилли. — Честно говоря, мне самому тошно. Но нам приходится быть безжалостными: нам может просто не хватить времени. Корабли Арра могут появиться в небе в любой момент, тогда с человечеством будет покончено.

— Лучше умереть, чем жить так, как живете вы! Я — Вийр, сын Слепого Короля. Теперь я — Слепой Король!! И я говорю — НЕТ!

Чаковилли вынул короткоствольное оружие из кобуры и прицелился в лоб вийра. Палец его напрягся, и какая-то деталь поднялась позади ствола. Затем она рывком подалась вперед, из дула брызнул огонь и раздался грохот. Морн упал навзничь. Прямо над его правым глазом зияла огромная дыра.

Р-ли вскрикнула и зарыдала.

— Я бы мог заставить тебя доказать свою преданность, предложив тебе самому казнить его. Но я не настолько бесчеловечен. Это было бы слишком.

Джек ничего не ответил. Он никогда не убил бы брата Р-ли или кого-либо другого.

Всхлипывая, Р-ли спросила у Чаковилли:

— Могу я похоронить брата, как положено по обычаю? Ведь он — Слепой Король. Его нельзя оставить гнить, точно дикого зверя.

— Вы имеете в виду отделение головы от туловища и сожжение ее, не так ли? Нет, я не хочу, чтобы был дым. Я похороню его, но полного ритуала разрешить не могу. На это уйдет слишком много времени.

Вслед за его словами раздался ружейный залп. Троим драконам удалось незаметно подкрасться совсем близко к отряду, и они с ревом выскочили из-за деревьев. Солдаты стреляли в упор, и одно из чудовищ рухнуло с разверстым брюхом. Двое других, хотя и были ранены, продолжали наступать. Джек был единственным, кто заметил, что на противоположном берегу появилась Мар-Кук. Грохот ружей, крики людей и рычание драконов заглушили ее тяжелую поступь по воде. Она напала сзади и первым же взмахом хвоста скосила четверых солдат. Чаковилли открыл по ней огонь из своего пистолета и трижды ранил ее. Джек бросился к нему и повалил на землю. Хвост Мар-Кук хлопнул как раз по тому месту, которое мгновением раньше они оба занимали. Пытаясь вывести Чаковилли из строя, Джек, сам того не желая, спас его.

Теперь же он был беспомощен, так как руки его оставались связанными за спиной, и он не мог ни встать, ни помешать Чаковилли подняться на ноги. Социниец выстрелил снова и попал в правую переднюю лапу драконихи. Перезарядив пистолет, он повернулся, чтобы перебежать через ручей. Джек сделал ему подножку, и он упал. Мар-Кук схватила Чаковилли и высоко его подняла, чтобы швырнуть о ствол дерева, как вдруг ее тело обмякло, и она рухнула наземь у самых ног Джека. Земля задрожала от падения этой громады...

Р-ли и Полли продолжали стоять. Руки сирены были связаны.

— Полли! — крикнул Джек. — Развяжи меня!

Полли, однако, не пошевелилась. С превеликим трудом он поднялся и стал оглядываться. Все солдаты были либо мертвы, либо тяжело ранены. Чаковилли был без сознания. Трое драконов лежали мертвыми, но Мар-Кук еще дышала. Глаза ее были открыты, она смотрела на Джека. Кровь хлестала из ее брюха и из нижней части хвоста.

Полли подняла лук, приладила стрелу и остановилась в нерешительности.

В течение нескольких секунд она напряженно размышляла. Затем пожала плечами и положила лук на землю. За три минуты она собрала все оружие и патроны и сложила под деревом. Затем сняла с одного из трупов пояс с кобурой и нацепила его на себя. Она проверила пистолет, попробовала его зарядить, сделала один выстрел в воздух и опять положила в кобуру.

Чаковилли наконец пришел в себя. Застонав, он сел спиной к Мар-Кук и стал наблюдать за Полли.

— Военные трофеи, а? Что же теперь? — спросил он.

— Позволь нам идти своей дорогой, — сказал Джек. — Мы не причиним вам вреда. Вы двое делайте, что хотите.

Ответ Полли утонул в отчаянном вопле умирающего дракона.

— Мой палец! Отдай мне мой палец!

— Я обещал ей, Полли, — сказал Джек.

Полли нерешительно пожала плечами.

— А почему бы и нет? Драконы помогали нам, колдуньям, и раньше. Мне нечего терять.

Она открыла кожаную сумку и вынула палец. Мар-Кук разжала лапу, чтобы взять его, прижала палец к своей груди и испустила дух.

К этому времени Чаковилли удалось подняться на ноги.

— Пусть уходят, Полли. Такие, как они, не представляют угрозы Социнии. Они еще пожалеют, что отвергли мое предложение, когда мы вступим в те места, где они собираются укрыться. Но до тех пор они испытают малую толику счастья. В списке они будут значиться последними.

— Ваше слово для меня — закон! — произнесла Полли.

Она развязала веревки, связывающие руки пленников, затем, не сводя с них глаз, отступила назад, подняла флягу одного из мертвых солдат и напилась. В ручье вода все еще была алой от крови упавшего в нее дракона.

Джек начал растирать руки, чтобы восстановить кровообращение.

— Надеюсь, вы не отпустите нас без оружия? — спросил он.

— Разумеется, — кивнула Полли. — Я не настолько мстительна, как ты думаешь. Вам, конечно, понадобится оружие и по дороге в кадмус, и в самом кадмусе.

— Что-то я тебя не понимаю, — удивился Джек.

Полли показала на Р-ли.

— Ты плохо знаешь вийров, Джек. Ей нужно возвращаться домой. Отец ее, брат и дядя погибли. Это означает, что она теперь глава кадмуса. И будет ею, пока не умрет или не родит сына. Это ее обязанность.

Джек повернулся к Р-ли.

— Это правда?

Она попыталась что-то сказать, но только кивнула головой.

— Черт возьми, Р-ли! Тебе же некуда возвращаться! А если бы было куда, то — нельзя! Ради тебя я пренебрег своими обязанностями в отношении семьи, когда ушел от своих соплеменников. И ты должна сделать то же самое!

— Пока были живы мой отец, дядя, Морн, я могла поступать так, как мне заблагорассудится. Я могла даже выйти за тебя замуж, хотя отец отговаривал меня от этого и даже говорил, что я тогда не смогу оставаться в нашем кадмусе, поскольку это вызовет осложнения в наших взаимоотношениях с вами, таррта. Мне пришлось бы уходить с тобой в Тракию.

Я могла еще это сделать, пока был жив Морн. Но теперь...

Ее душили рыдания. Не сразу ей удалось овладеть собой, чтобы продолжать говорить.

— Я должна. Таков обычай. Я не имею права забывать... мой кадмус.

— Теперь ты начинаешь понимать, Джек? — вмешался Чаковилли. — Ведь они живут традициями и обычаями и не позволяют никаких отклонений от этого. Они настолько погрязли в тине столетий, что она засохла на них и, точно камень, сковала и омертвила их общество. Мы, социнийцы, намерены сломать эту каменную оболочку.

— Мне это надоело, — произнес Джек, повышая голос. — Ты понимаешь, от чего я отказался ради тебя, Р-ли?

Она вновь кивнула. Ее лицо стало суровым и приняло хорошо известное ему выражение. Обычно ласковая и податливая, Р-ли временами становилась твердой, как гранит.

— Ты должна пойти со мною! — вне себя выкрикнул он. — Я — твой муж! Ты обязана повиноваться мне!

Полли рассмеялась.

— Твоя жена — гривастая, Джек. К тому же она дочь Слепого Короля.

— Может быть, мы не пробудем там долго, — умоляюще произнесла сирена. — Если бы нам удалось уговорить сына О-Рега из другого кадмуса принять пост короля, я могла бы уйти в почетную отставку.

— Как можно рассчитывать на это? Ты ведь отлично знаешь, что в любой момент может произойти черт знает что! Сомневаюсь, что хоть один из гривастых в такое время осмелится покинуть кадмус, когда там будет нужен каждый способный держать в руках оружие.

— Тогда я должна идти!

— Ты хочешь, чтобы мы увели ее силой? — обращаясь к Джеку, сказал Чаковилли.

— Я не хочу принуждать эту женщину! — воскликнул Джек. Внезапно ему в голову пришла страшная мысль. Как может Чаковилли позволить Р-ли или кому бы то ни было вернуться в Дионисию? Он не имеет права рисковать — ведь Р-ли может уведомить правительство Дионисии об угрозе со стороны Социнии. Что же делать? Несмотря на охватившую его нерешительность, он чувствовал, что любит Р-ли. Даже ее отказ пойти за ним не повлиял на это чувство. Будь по-другому, ему было бы все равно, убьют ее или нет! И все же в их содружестве мужчиной был он, и она должна идти туда, куда идет мужчина!

Будто прочитав его мысли, Чаковилли сказал:

— Если ты думаешь, что я хочу убить Р-ли, чтобы она не смогла рассказать обо всем, выкинь это из головы. Она даже не заикнется, да люди и не поверят сирене.

Говорить было больше не о чем, а дел у них было предостаточно. Чаковилли показал им, как собрать маленькие складные лопаты, которые были у солдат. С их помощью они выкопали неглубокую могилу,

подтащили к ней трупы и забросали землей. Ушло немало времени, чтобы собрать достаточное количество крупных камней и валунов, чтобы прикрыть могилу от диких животных. Драконов оставили лежать там, где они были, за исключением того, который упал в ручей. Его с трудом вытащили на берег.

Р-ли настояла на том, что она сама выкопает могилу для брата. Прежде чем поместить туда его тело, она отрезала ему голову. Тело она забросала камнями и землей. Затем, невзирая на возражения Чаковилли, сложила костер и сожгла голову. Когда языки пламени пожирали плоть, она молилась на детском наречии и пела гимны на взрослом. После этого она разбила камнем непрогоревший череп на мелкие кусочки и бросила их в ручей.

Солнце уже начало клониться к западу. С каждой минутой Чаковилли все больше нервничал. Он смотрел на поднимающийся дым, и его мысли были ясны для Джека и Полли. Каких угодно врагов мог привлечь этот столб дыма, хорошо видимый по всей долине!

В конце концов он не выдержал:

— Мы не можем здесь больше оставаться!

Он дал Джеку и Полли ружья, револьвер и патроны и показал, как обращаться с оружием. Оставшееся оружие они обернули кожей и закопали под приметным деревом.

Джек в последний раз посмотрел на Р-ли. Она стояла возле ручья спиной к нему и смотрела на уплывающие по течению останки брата. В какое-то мгновение он подумал о том, что надо попытаться уговорить ее. Но ее поза заставила его отбросить эту мысль.

— Прощай, Р-ли, — тихо сказал он и поспешил вслед за Чаковилли и Полли.

В этот вечер, после того как они разбили лагерь и поужинали, Чаковилли сказал:

— Ты, наверное, согласился присоединиться ко мне в надежде выведать наши секреты и сбежать в Дионисию. Тебе не удастся отмыться от совершенных тобой грехов, так и знай! Тебе, еретику, любовнику сирены, будут верить ничуть не больше, чем любому из гривастых. Тебя без лишних слов сожгут на костре.

Но меня совсем не это беспокоит. После того как ты поживешь некоторое время в нашем государстве, ты поймешь, сколь безнадежным будет сопротивление со стороны людей и гривастых, даже если они объединятся, вместо того чтобы убивать друг друга. Ты задумаешься о том, что Арра могут вернуться, и сам поймешь, что на этой планете только Социния может устоять перед ними. Ты станешь социнийцем хотя бы ради того, чтобы спасти свой народ.

Джек слышал его слова, но не задумывался над ними. Он думал о Р-ли, страдал в душе за нее, по его щекам медленно катились слезы.

Они шли по лесной тропе в течение пяти дней. Дважды им приходилось прибегать к огнестрельному оружию: один раз, чтобы отра-

зить нападение стаи мандрагоров, в другой раз, чтобы отпугнуть драконов. Затем они оказались у подножия высокой горы. Два дня ушло на то, чтобы преодолеть ее, день они пересекали небольшую долину, еще три дня взбирались на другую гору. Перевал неподалеку от ее вершины был длиной примерно в пять миль. К концу его они вышли к подножию одной из древних вершин Арра.

Здесь в небольшом форте квартировал социнийский гарнизон. Чаковилли назвал себя и рассказал, что с ним произошло. Все трое сели в фургон с паровым двигателем и отправились в путь. Взглянув на указатель скорости, Джек отметил, что стрелка показывает восемьдесят километров. Ему стало не по себе. А когда он увидел вверху огромный воздушный шар, он закричал от удивления.

В местности, по которой они проезжали, было множество торчащих над лужайками матовых рогов кадмусов. Чаковилли сказал ему, что большая часть их сейчас пустует, так как все ушли жить на поверхность земли.

— У нас здесь была своя гражданская война, — сказал он. — Война людей и метисов против гривастых, которые не хотели отказаться от своего образа жизни.

Им пришлось снизить скорость, так как движение паровиков резко возросло. Проехав километров тридцать, они свернули к форту. Здесь началась воинская подготовка Джека. Его приставили обслуживать большие, покрытые броней паровики, которые назывались «медведями». В них была пушка и несколько скорострельных крупнокалиберных устройств под названием «самострел». Оператор вращал маховик, который, в свою очередь, передавал вращение колесу, к которому присоединялись десять стволов. Когда каждый из них подходил к определенной точке, с особого диска в ствол соскальзывал патрон и заряженный ствол выстреливал в своем следующем положении. «Самострел» мог выпускать десять пуль в секунду.

Здесь было множество других диковинок, но Джеку не удалось увидеть всего. Ему разрешалось покидать место подготовки только один раз в две недели. Он узнал, что большая часть технических новинок обязана своим появлением тому, что социнийцам посчастливилось найти уцелевшую при пожаре библиотеку Арра.

Глава 11

Наступила зима. Теперь учения и маневры проводились и в метель, и в гололед. Ближе к весне батальон Джека получил приказ выступать. Они шли уже знакомой Джеку дорогой. Пройдя через перевал, они вошли в долину Аргул. Старая дорога Арра, занесенная землей и глиной, была раскопана, вдоль нее были сооружены укрепления. Дра-

коны, мандрагоры и оборотни были либо истреблены, либо загнаны в удаленные районы долины.

На границе, где кончалась территория Дионисии и начиналась священная земля вийров, армия расположилась лагерем.

Впервые с начала службы Джек увидел Чаковилли. На нем была эмблема слашларка, обозначавшая чин полковника: цвет погон указывал на то, что он служит при штабе командующего войсками.

Джек отдал честь. Чаковилли улыбнулся и скомандовал «вольно».

— Ты теперь, я вижу, капрал? Поздравляю. Это для меня не новость. Я следил за тобой. А теперь скажи мне честно: ты думаешь о том, чтобы дезертировать в Дионисию?

— Нет, сэр!

— Почему?

— Тому есть много причин, сэр. Вы знаете большую часть из них. Но есть одна, которую вы, возможно, не знаете. Я тут повстречал одного человека, который был шпионом в Слашларке. Он рассказал, что мою мать, сестер и братьев сослали в рудники. Отец покинул кадмус, чтобы возвратиться к людям. Его судили, признали виновным и приговорили к сожжению заживо. Но он заставил убить себя — стал отбиваться от стражников и убил двоих.

Чаковилли помолчал.

— Поверь, мне очень жаль, что все так случилось. Мне не хотелось бы вселять в тебя какие-то ложные надежды, но я распоряжусь, чтобы узнали, где именно находится твоя семья. Завтра мы пойдем в наступление, пересечем границу в нескольких местах. Рудники находятся поблизости от одного из них. Я прослежу за тем, чтобы позаботиться о твоей семье.

Голос Джека задрожал:

— Благодарю вас, сэр.

— Ты мне понравился сразу же, с первой встречи с тобой, хотя ты этого, возможно, и не подозревал. Ты бы хотел быть моим ординарцем? Если справишься, то можешь стать сержантом. И тогда тебе не придется стрелять в своих соотечественников, разве что нам станет очень туго.

— Спасибо, сэр. Это мне подходит. Хотя есть несколько дионисийцев, которых я был бы не прочь увидеть на мушке своего ружья.

— Я знаю, но мы не можем позволить себе жестокости. Оставшиеся в живых дионисийцы, мы надеемся, будут потенциальными социнийцами.

— Вы высоко поднялись с тех пор, как я видел вас в последний раз, сэр, — сказал Джек. — Тогда вы были простым офицером, не так ли?

Чаковилли как-то странно улыбнулся, и Джеку стало неловко за свой вопрос.

— Очевидно, ты ничего не слышал о моей женитьбе. Я взял в жены ту красивую колдунью, вернее, следовало бы сказать — суку. Полли очень честолюбива и агрессивна, как ты знаешь. Она ухитрилась — как, лучше в это не вдаваться, — привлечь ко мне внимание нашего главнокомандующего. Старик Ананий Кроатан всегда заглядывался, не говоря уж об остальном, на красивых молоденьких женщин. Я довольно быстро стал продвигаться по службе и не удивляюсь этому: я ведь очень способный.

Джек ощутил, что краснеет. Чаковилли рассмеялся и похлопал его по плечу.

— Не смущайся, сынок! Я знал, что делаю, когда женился на... ней.

Глава 12

На рассвете армия начала сниматься с места. Численно уступая силам противника, она была прекрасно вооружена, маневренна, практически не зависела от снабжения и обладала чудовищной огневой мощью. План наступления армии был тщательно подготовлен и продуман до мелочей. Она не делала попыток наступать скрытно, наоборот, все делалось так, чтобы была видна ее сокрушительная сила. В ее рядах было двадцать тысяч человек, из них на передовую было послано только восемь тысяч бойцов, хотя противостояло им не менее пятидесяти тысяч. У солдат королевы была уйма времени на то, чтобы выстроиться в боевые порядки перед городом Слашларк.

На то, чтобы достичь фермы Кейджей, у них ушел всего час. Джек, стоя на открытой башне в верхней части паровика, с каменным от горя лицом смотрел на опустошение. Рога кадмусов почернели от пожара и были повалены в разные стороны. Лужайки перед ними были покрыты огромными воронками, зиявшими, как незажившие раны. Это свидетельствовало о том, что был «произведен подкоп» под кадмусом, куда закладывалось огромное количество взрывчатки. Там и сям из-под снега торчали скелеты.

Дом, в котором он родился и прожил всю свою жизнь, был теперь грудой обугленных досок. Амбары представляли собой заснеженные холмы. У одного из них валялся обугленный, опрокинутый набок фургон без колес.

Джек закрыл глаза и долго не открывал их. Он не мог отогнать от себя мысль, которая пронизывала все его существо. Где Р-ли? Что с ней?

В полдень началось главное сражение. Бронированные фургоны и повозки на полугусеничном ходу выдвинулись вперед и пошли в наступление. Через полчаса в гавань Слашларка вошла социнийская флотилия и начала обстрел города. Тридцать дирижаблей, приводимых

в движение недавно изобретенными моторами, работающими на нефти, сбрасывали тяжелые бомбы.

Через два часа остатки армии Дионисии бежали, и город был взят. В нем был оставлен оккупационный гарнизон, тогда как большая часть армии двинулась дальше по гладкой дороге, используя скорость своего транспорта. Когда на дороге встречались баррикады, их обходили. Общий план кампании предусматривал прорыв через любые военные позиции, противостоящие наступающей армии. На большой скорости армия направлялась к своей главной цели — столице Дионисии. Командование социнийцев не беспокоило, что местность кишит вражескими солдатами и гражданскими лицами, как не беспокоило его и то, что армия оставалась без линий снабжения и связи в своем тылу. Еще до того, как иссякли бы запасы пищи или боеприпасов, они были бы пополнены сбрасываемыми с дирижаблей. К тому же по пятам за наступающей армией должна была последовать еще одна армада бронированных паровиков и фургонов с пехотой, чтобы добить остатки армии Дионисии, захватить и ударить по некоторым городам покрупнее.

Джек узнал об осадах кадмусов дионисийцами и об ответной партизанской войне, которую вели гривастые. Повсюду были видны разоренные и сожженные дотла фермы. Погибло множество кадмусов: под их прочными стенами люди выкапывали глубокие ямы и закладывали туда гигантские пороховые заряды. Гривастые сражались упорно. Они поставили под ружье всех до единого, заставляя людей расплачиваться за их злодеяния. И многие кадмусы еще держались.

Джек ехал, находясь за ограждением размером с небольшой домик, в задней части огромного паровика. Он сидел за столом, принимая и передавая сообщения с помощью дальнеговорителя — устройства, которое давало ему возможность говорить с людьми, удаленными на расстояние до двух тысяч миль. Время от времени он сопровождал Чаковилли на передовую. Однажды ему даже пришлось принять участие в рукопашной схватке.

«Таран», как неофициально называли их ударную армейскую группировку, стал ощущать нехватку боеприпасов. Буря держала дирижабли на земле, вдалеке от городка, над которым нужно было сбрасывать необходимые боеприпасы на парашютах. Внезапно дионисийцы пошли в атаку и в конце концов ворвались в город.

Но вот ветер утих, небо прояснилось, и снабжение армии по воздуху возобновилось. В течение часа дионисийская армия была разгромлена, на следующий день «Таран» на всех парах помчался вперед. До самого города Уитторн он почти не встречал сопротивления. По-видимому, дионисийская армия бросила все свои силы на защиту последнего оставшегося у них крупного города. Это был морской порт Мерримот, ставший столицей, после того как Сан-Дионис был сожжен.

В Уитторне армия, в которой служил Джек, соединилась с тремя другими ударными группировками, которые вторглись в Дионисию в

разных пунктах, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Пять дней объединенная армия пополняла боезапасы с помощью дирижаблей и обозов, состоявших из бронированных повозок. Последние следовали тем же маршрутом, что и «Таран», после того как руководство решило, что враг уже не может оказать сопротивления, которое остановило бы их.

Мерримот был взят через две недели. Он пал под объединенными ударами социнийского флота, военно-воздушных сил и сухопутных войск. Но он не сдался. Солдаты Дионисии храбро сражались до последнего человека. Когда у них кончились патроны, они взялись за копья и луки.

Спустя некоторое время Джек стоял на холме вместе с Чаковилли и высшими чинами армии и смотрел на то, как пленную королеву ведут к специально для нее отведенной палатке в середине лагеря. Елизавета III была крупной, хорошо сложенной женщиной лет тридцати пяти с огненно-рыжими волосами. Волосы ее были в беспорядке, лицо покрыто пылью. Она была бледна, но держалась высокомерно, гордо распрямив плечи и не сгибая спины.

— Мы уговорили ее отдать приказ своим подданным сдаться, — сказал Чаковилли. — Когда прибудет достаточное количество наших людей, чтобы удержать ключевые пункты, мы сможем двинуться против других государств.

Джек машинально снял каску, когда мимо него прошла королева. С самого детства его приучали обнажать голову при одном упоминании имени королевы на любом собрании. Потом он перевел взгляд на охваченный пожарами город. День был ясный, ярко светило солнце, и для зимы было тепло. С запада дул легкий, но упорный ветерок, унося с собой широкий шлейф дыма, закрывавшего и землю, и небо над нею. Джек находился к северо-западу от города, и с высоты крутого холма ему все было видно как на ладони.

Он ломал голову, как бы узнать о судьбе матери, братьев и сестер. Сейчас самое подходящее время спросить об этом у Чаковилли.

Он сделал несколько шагов к командиру, но вдруг остановился в смятении.

— В чем дело? — спросил Чаковилли, заметив нерешительность Джека. — Ты побледнел, как...

Слова его застряли в горле, он сделал глубокий вдох, его смуглая кожа стала белой как снег. Каска свалилась с головы и покатилась по склону. Сквозь тяжелые мужские рыдания он ругался, как последний плебей, слезы бежали по его щекам.

— Поздно! Слишком поздно! Опоздали на какие-то пятьдесят лет!

На фоне голубого неба над ними возник незнакомый предмет. Он сверкал на солнце и по мере приближения становился все больше. Наконец он завис на высоте около тридцати метров над пыльным городом — сфера из какого-то блестящего материала, размером не

менее шестидесяти метров в диаметре. Из лагеря, находящегося у подножия холма, раздавались крики. Люди, казавшиеся муравьями с вершины холма, заполнили местность вокруг города. Какие-то аппараты промчались прочь, подальше от города. Чаковилли застонал.

— Боже! Мы были так близко к полной победе, и вот на тебе! В день нашего величайшего торжества!

— Что же сделают Арра, как вы считаете? — спросил Джек.

— Все, что им заблагорассудится: мы не в состоянии дать им должный отпор.

Джек почувствовал, как его охватывает страх. Слишком много статуй и изображений он видел, слышал слишком много преданий.

— Не лучше ли нам убраться отсюда восвояси, сэр? — спросил он. — Мы могли бы уйти в Тракию.

Чаковилли немного успокоился.

— Нет! Сейчас нет необходимости спасаться бегством. Пока что они не начнут порабощение. Возможно, они высадятся на этом холме только для того, чтобы взять несколько человек на пробу. — В голосе его мелькнула надежда. — Вероятно, это всего лишь разведывательная экспедиция. Если они вернутся на свою родную планету с донесением, то их, возможно, не будет еще лет пятьдесят. Может быть, даже сто! Черт! Еще не все потеряно! Может быть, нам и удастся совершить задуманное. Ей-богу, если они чуть-чуть подождут, мы будем готовы к встрече с ними!

Гигантский шар приближался быстро и без всякого шума. Наконец он оказался над ровной площадкой по другую сторону холма. Он тотчас спустился на землю, погрузившись в промерзшую почву на добрый метр.

Прошло несколько минут. Джек, Чаковилли и все остальные ждали в полной тишине. Внезапно в сфере образовался проем, и из него высунулась продолговатая полоса, одним своим концом коснувшись земли. Джек затаил дыхание. Он чувствовал, что колени его трясутся от страха. Сейчас эти чудовищные существа вперевалку сойдут по наклонному трапу. Что они будут делать? Просто побродят вокруг и вернутся назад или схватят кого-либо из людей, кто поближе?

Из темноты проема вышло существо. Это был человек!

— Это не Арра! — воскликнул Чаковилли. — Разве что они послали сюда своих рабов, чтобы они успокоили нас. Это и не Эгзви: те не такие крупные!

Несколько социнийцев спрятались в расщелине сбоку от площадки. Потом они стали медленно приближаться к чужакам.

— Садись в паровик, Джек! — приказал Чаковилли. — Мы должны немедленно отправиться туда!

Джек повиновался. Он повел машину по извилистой дороге вниз к подножию холма, затем направил ее прямо к шару. Остановив машину в нескольких метрах от проема в корпусе корабля, он последовал за

Чаковилли. Пришельцы были людьми. В этом можно было не сомневаться. По большей части они имели белую кожу, за исключением одного, с черной кожей и волнистыми волосами. И еще двоих со смешной складкой в уголках глаз. Их одежда состояла, как казалось, из одной вещи. Но она была разноцветной, с различными эмблемами. Каждый человек держал какое-то необычное устройство. Несомненно оружие.

Их руководитель заговорил или, вернее, попытался заговорить с сержантом, который первым подошел к кораблю. Чаковилли решительно отстранил солдата и попытался завязать разговор, но безуспешно.

Руководитель повернулся к человеку, который, должно быть, был переводчиком. Тот произнес несколько предложений на разных языках. Черный заговорил о чем-то с раскосым.

Затем Джек увидел распятие, висевшее на груди у одного из этих людей и наполовину спрятанное за вырезом одежды. Джек не поверил в то, что крест — всего лишь совпадение, поскольку символ был настолько простым и очевидным, что мог быть универсальным. Он произнес первую строку из «Отче наш» на латыни, и несколько пришельцев обернулись к нему, в изумлении уставясь на него широко раскрытыми глазами. Человек с распятием очнулся первым и стал читать молитву дальше, тоже на латыни. Затем он заговорил на этом языке. Произношение его было несколько иным, чем у священнослужителей Дионисии. Джек беспомощно взглянул на него, он ничего не знал по латыни, кроме тех выражений, которые используются во время богослужений.

Он объяснил это Чаковилли, и тот сразу же послал солдата, велев ему поскорее отыскать священника. Через час солдат вернулся с перепуганным насмерть попом, епископом Поссосом, которого взяли в плен вместе с королевой. Но он оправился от испуга, как только начал понимать пришельца с распятием. Впоследствии он волей-неволей стал официальным переводчиком и был прикреплен к Чаковилли.

— Они прибыли с Земли! — воскликнул Поссос. — Хвала Всевышнему, это земляне! А он, — поп указал на говорившего по латыни, — священнослужитель Святой католической церкви! На Земле он разговаривал с самим папой римским!

Чаковилли, как всегда, освоился быстро и тихонько шепнул Джеку:

— Интересно, будет ли он так радоваться, когда обнаружится, что поп с Земли считает его еретиком. У него ведь нет ни малейшего представления, насколько далеко католицизм Дионисии отклонился от первоначальной веры.

Затем епископ произнес:

— Отец Гудрич говорит, что мы, должно быть, ошибаемся. Не мы говорим по-английски, а они!

— Две различные ветви! — кивнул Чаковилли. — Языки тоже разошлись и сильно отличаются друг от друга. Спросите у него, отче, не хотят ли они посетить нашего командующего. Если же они нам не доверяют, а я не могу порицать их за это, то можем ли мы поглядеть на их корабль изнутри.

При посредничестве двух переводчиков капитан звездолета ответил, что он посетит командующего в его палатке. Такое бесстрашие могло означать только то, что земляне чувствовали себя здесь в безопасности. Джек решил, что они, должно быть, обладают сверхмощным оружием. От его радости не осталось и следа, когда он подумал, а не являются эти люди угрозой не меньшей, чем Арра? Судя по выражению лица Чаковилли, тот думал так же.

В палатке генерала Флорца дейриане и земляне беседовали до поздней ночи. Джеку разрешили прислуживать Чаковилли, поэтому он слышал весь разговор, слово в слово. Когда земляне обнаружили, что дейриане были потомками потерянной колонии Роанок и других аналогичных, переселенных на эту планету, настала их очередь изумиться. Однако сообщение о существовании Арра и Эгзви заставило их насторожиться. Они подробно начали расспрашивать епископа. Джек, зная, что они пользуются разновидностью английского языка, внимательно слушал их речь. Через полчаса он уже был в состоянии понимать некоторые слова.

Чаковилли и генерал в свою очередь расспрашивали пришельцев. Каким образом им удалось преодолеть космическое пространство? Что за энергию они используют? Что представляет сейчас собой Земля?

Пришельцы, казалось, отвечали откровенно. Некоторые ответы вызвали тревогу. Джек даже подумал: может, сошла с ума вся планета? Могли ли люди в здравом уме вести такой образ жизни? Они же, однако, заявляли, что счастливы и что Земля процветает.

Через переводчика капитан звездолета «Юнайтед» Свенсон объяснил, что, насколько ему известно, его корабль первым высадился на обитаемой планете. Землю должны были покинуть еще два исследовательских корабля, но поиск должен был производиться в совершенно другом направлении. Экипаж «Юнайтед» был подвергнут глубокому замораживанию те тридцать земных лет, которые понадобилось им, чтобы достичь окрестностей солнца планеты Дейр. Автоматическая аппаратура произвела их оттаивание, и они стали проверять, на каких планетах возможна жизнь. Они кружили вокруг этой планеты в течение нескольких суток. Глядя через приборы с очень сильным увеличением, они с изумлением обнаружили существ, в точности похожих на них. Совпадение было совершенно невероятным. Они так же во всех подробностях рассмотрели гривастых и пришли к заключению, что те несколько иной породы или даже вида.

Чаковилли объяснил им, что гривастых тоже переселили на эту планету.

Капитан Свенсон ответил, что сообщение о существовании Арра и Эгзви его очень встревожило. Они могут предоставлять очень большую угрозу для Земли.

— Чтобы сообщить об этом на землю, вам необходимо вернуться туда на этом корабле, не так ли? — поинтересовался Чаковилли. — Или у вас есть средство связи в межзвездном пространстве?

Свенсон улыбнулся. Он, должно быть, догадался, что у Чаковилли есть иная причина для этого вопроса. Но ответил он честно: да, у них есть средства связи, но они не могут дожидаться ответа с Земли, который придет только через шестьдесят лет.

— Вы, вероятно, захотите как можно скорее уведомить Землю об Арра, — сказал Чаковилли. — Ведь Арра уже побывали на Земле по меньшей мере дважды, насколько это нам известно. В следующий раз они могут появиться, как завоеватели. И этот следующий раз может наступить скоро. Даже очень скоро!

— Вы очень проницательный человек, — ответил Свенсон. — Не стану от вас скрывать, что мы встревожены. Очень встревожены. Первоначально мы хотели остаться здесь на несколько лет и лишь после этого улететь. Теперь же нам не останется ничего другого, как отбыть через самое непродолжительное время. Нельзя терять ни минуты.

— Я хотел бы узнать... я должен узнать вот что, — начал Чаковилли. — Вы, земляне, считаете планету Дейр своей собственностью?

Свенсон на мгновение задумался, перед тем как ответить.

— Нет, — медленно произнес он наконец. — Наше правительство объявило политику невмешательства по отношению к планетам, которые могут оказаться обитаемыми. Планеты, не населенные, я имею в виду разумными существами, но пригодные для обитания, являются собственностью Земли, при условии, что на них нет претендентов со стороны других внеземных цивилизаций.

Нет, мы не выдвигаем каких-либо притязаний. Но нам хотелось бы заключить договор, устанавливающий наше право построить здесь базу. В конце концов, вам это очень выгодно. При нынешнем состоянии технологии вы нуждаетесь в помощи Земли. В следующих кораблях несомненно прибудет много ученых, которые смогут совершенствовать вашу науку.

— Сомневаюсь, — сухо сказал Чаковилли, — что мы могли бы помешать этому, даже если бы захотели.

— Мы здесь не для того, чтобы применять силу, — ответил Свенсон.

— Но сообщение об Арра могут изменить намерения вашего правительства, — буркнул Чаковилли.

Свенсон пожал плечами и сказал, что он хотел бы вернуться на «Юнайтед». Лицо его ничего не выражало, но было в нем нечто такое, что говорило о том, что он не удивился бы, получив отказ от сотрудничества. Чаковилли и генерал, однако, были уверены, что Свенсон не

принял бы их приглашения, если бы подозревал, что они могут предпринять что-либо против него. Более того, они подозревали, что все, что говорилось здесь, записывалось теми, кто был внутри корабля.

После того как пришельцы ушли, Чаковилли сказал Джеку:

— Мне это не нравится. Когда они вернутся и построят здесь базу, разумеется, для нашей планеты, они неизбежно подчинят нас. Слишком далеко вперед ушла их культура. Дейр станет придатком Земли. Дейриане растеряют свою самобытность и будут вынуждены перенимать образ жизни землян.

— У нас будет по меньшей мере шестьдесят лет, чтобы догнать их, — ответил Джек.

— Не говори глупостей, парень! За шестьдесят лет они также продвинутся далеко вперед. А нам, не забывай этого, очень не хватает минеральных ресурсов, чего на Земле вдоволь.

— Некоторым дейрианам не мешало бы вернуться на Землю в этом корабле, — сказал Джек. — В этом случае они могли бы многое узнать о Земле и приобщиться к ее культуре.

— Клянусь великим драконом, парень, в этом что-то есть!

Они вернулись в палатку. Джек подогрел воду с тотумом и сел вместе со своим начальником ужинать. Оставаясь наедине с Джеком, Чаковилли был очень демократичен.

— Мы попали в беду, Джек. Мы не сможем двигаться дальше без помощи Земли. Но если мы примем ее, мы перестанем быть дейрианами.

Он стукнул кулаком по столу.

— Черт побери! Надо же, на самой вершине нашего торжества!

— Вы мне неоднократно говорили, что мне следует смириться с неизбежностью исторического процесса, — сказал Джек. — Вы рассказывали о развитии Социнии, которой как бы самой судьбой было предназначено завоевать остальных. Теперь история на стороне землян. Почему же вы сами не можете смириться с неизбежностью судьбы?

Чаковилли вскипел. Однако через несколько секунд он рассмеялся:

— Побит собственным же оружием! Ну что ж, все правильно!

Некоторое время он молчал. Джек снова наполнил чашки.

— Если бы мы могли захватить корабль и взять в плен весь экипаж! — размышлял вслух Чаковилли. — Добытое таким образом знание дало бы грандиозный толчок нашей науке. Возможно даже, что к тому времени, когда сюда прилетит другой корабль с Земли, мы могли бы встретить землян на равных.

Он поднялся.

— Генерал Флорц сказал, что он очень устал и что мы обсудим это завтра. Нет, побери его дракон! Мы должны обсудить это сегодня! Сейчас не время отсыпаться!

Он сказал Джеку, что тот больше ему не нужен, и вышел из палатки. Некоторое время Джек размышлял, потом задремал и хотел

лечь спать. Ему казалось, что он только-только закрыл глаза, как его кто-то потряс за плечо.

Над ним стоял какой-то сержант.

Джек прищурился, стараясь не смотреть на тусклый свет масляного фонаря, свисавшего на веревке посредине палатки.

— Что, черт побери, стряслось, сержант? — спросил он.

— Ты, должно быть, великий кобель, — рассмеялся тот. — Снаружи лагеря тебя ждет какая-то женщина. Она сказала, что ей нужно повидаться с тобой, и просила тебя обязательно разбудить. А теперь скачи! Когда же, дьявол тебя побери, ты умудрился выкроить время, чтобы договориться с женщиной? — Джек сел и начал натягивать сапоги.

— Я ни с кем не договаривался.

Он поднялся, не в силах скрыть волнение.

— Может, это моя мать или одна из моих сестер? О боже, неужели им удалось выбраться живыми из рудников?

— Она слишком молода, чтобы быть твоей матерью. Должно быть, это твоя сестра.

— А она не назвала себя?

— Нет. Сказала только, что с фермы твоего отца.

— Дочь Ланка? — спросил Джек. — Такая смуглая? С торчащими скулами?

— Да нет, светловолосая и очень привлекательная.

— Элизабет!

Джек кинулся из палатки, но затем вернулся, услыхав напоминание сержанта о том, что он забыл взять с собой револьвер и ружье. Быть пойманным без оружия во время военных действий означало для солдата смерть.

Джек поблагодарил сержанта и снова выбежал из палатки. У границы лагеря он перешел на быстрый шаг. Ему вовсе не хотелось, чтобы какой-то сверхбдительный часовой подстрелил его.

Лагерь был со всех сторон окружен паровиками, стволы которых были направлены наружу. В каждом третьем из них было не менее двух дежурных солдат, греющихся у костра. Часовой окликнул Джека. Тот произнес пароль, а затем спросил, где женщина, спрашивающая Джека Кейджа. Часовой показал на небольшой костер в ста метрах от лагеря. Ближе женщине подойти не разрешили.

Он побежал по промерзшей земле, выдыхая на бегу клубы пара. Днем снег подтаивал, но по ночам было еще холодно. Его ноги скользили по насту к плотно закутанной фигуре женщины, стоявшей у костра.

— Элизабет! — закричал он, обнял ее и заплакал.

В ответ ему раздался до боли знакомый голос:

— Нет, Джек, это я, Р-ли...

Он сделал шаг назад. На мгновение лишился дара речи.

— Ты? Как? Что ты здесь делаешь? Я думал...

— Я все-таки вернулась домой, Джек. Но кадмусы уже были взорваны, все погибло. Поэтому и пошла в долины Тракии. Но мы слышали о войне между людьми и вийрами. Мы не могли отсиживаться в безопасности, пока наших соплеменников истребляли. Мы организовали несколько партизанских отрядов. Я была в одном из них.

После того, как меня едва не убили, а потом едва не взяли плен, я была вынуждена искать убежища в одном из кадмусов, который еще держался. Мы думали, что через несколько дней мы все погибнем, так как люди сделали уже подкопы под основание кадмуса и готовились заложить в них заряды.

И вот тогда мы и услышали о нападении Социнии. Осаждавшие оставили нас в покое. Я предполагаю, что они ушли оборонять Мерримот.

Я надеялась, что ты в войсках Социнии, и поэтому пришла сюда. И вот я здесь.

Джек страстно обнял ее и стал целовать.

— Ты себе не представляешь, как мне тебя не хватало, — повторял он снова и снова.

— Я боялась, что ты возненавидишь меня за то, что я покинула тебя тогда....

— Так оно было в течение долгого времени. Но в конце концов я сказала себе, что иначе ты просто не могла поступить. Что ты не могла изменить своему предначертанию. И тогда я понял, что люблю тебя. Ночи напролет я не мог уснуть, думая о тебе. Я намеревался искать тебя и надеялся, что ты найдешься, когда все закончится. Но я никак не ожидал, что найду тебя. Это просто дар небес: снова можно любить тебя, держать тебя в своих объятиях...

Он стоял перед ней, не зная, что предпринять.

— Я не могу позволить тебе остаться здесь одной. Слишком много всякого сброда вокруг. Я не хочу снова тебя потерять, на этот раз навсегда. Но и взять с собой в лагерь не могу. Дисциплина здесь очень строгая.

Впрочем, прибытие землян — ты слышала о них? — заставило нас изменить планы. Мы останемся здесь, пока все не уладится. И все же... где ты можешь чувствовать себя в безопасности?

— Мой кадмус всего в пяти милях отсюда. Хотя он и близко от Мерримота, он очень большой и расположен на плоской вершине крутого холма. Его удалось отстоять. Люди понесли большие потери, прежде чем загнали нас под землю. Я вернусь туда, там я в безопасности.

— Я пойду с тобой, как бы далеко ни был твой дом. Я не хочу, чтобы какой-нибудь бродяга убил тебя, черт побери, я прямо готов дезертировать! Да, прямо сейчас! Я остаюсь с тобой!

Она улыбнулась и покачала головой, ласково поглаживая его по щеке.

— Нет, я не позволю, чтобы ты снова рисковал собой ради меня. Если за тобой пойдут социнийцы, ты будешь убит. Нет, и еще раз нет!

— Тогда я по крайней мере провожу тебя до кадмуса.

— В этом нет необходимости. Мои провожатые прячутся здесь. Ведь я все-таки, как ты знаешь, дочь О-Рега.

Они беседовали не меньше часа, целовались, жалели, что не могут остаться наедине. Наконец нежно и твердо Р-ли сказала «До свидания!» и исчезла во тьме. Джек вернулся в лагерь, где ему пришлось стерпеть малоприятные, хотя и добродушные шутки. К тому времени, когда он добрался по палатки, уже начало рассветать. Чаковилли встретил его у входа.

Он удивленно спросил у Джека, где он пропадал. Джек честно рассказал ему обо всем. Чаковилли, казалось, был доволен, но вскоре настроение его испортилось. Он попросил Джека приготовить тотумной воды.

— Флорц слишком ошеломлен и напуган, чтобы предпринять что-нибудь конкретное. По-моему, он вообще ничего не будет делать. Мы не можем просто так сидеть на онемевших ягодицах, поэтому я запросил по дальноговорителю штаб-квартиру в столице Социнии. Они со мной согласились, что нужен человек, способный на решительные действия, и, переговорив с Флорцем, сказали, что больше не нуждаются в его услугах. Завтра он должен возвратиться в столицу, где его встретят как героя. Большой парад, речи, цветы, вино и женщины. Командующим назначен я.

Чаковилли встал, сцепив пальцы за спиной, и начал ходить по палатке.

— Мое решение не так-то легко осуществить. Если мы нападем открыто, то, по всей вероятности, будем уничтожены. Или корабль просто поднимется в воздух и оставит нас ни с чем. Если же мы ничего не предпримем, нам останется подбирать крохи знаний с их барского стола. Но они не захотят, в этом можно быть уверенным, чтобы мы узнали слишком много. Иначе мы хорошо вооружимся к тому времени, когда они вернутся сюда.

Нам необходимы научные знания. Арра могут появиться здесь до прибытия второго корабля землян. И мы окажемся беспомощными. Более того, если мы сумеем захватить корабль и его экипаж, возможно, пройдет лет сто, если не больше, прежде чем сюда прилетит другой корабль с Земли. А когда это произойдет, мы будет готовы к встрече и с ними, и с Арра, и с Эгзви.

— Так вы все-таки намерены напасть на них, сэр?

— Да! Вопрос только в том, как? Пока корабль наглухо закрыт, мы ничего не можем предпринять. Наши пушки бессильны перед металлом, из которого они сооружены. Готов проспорить последние штаны! И мы не можем подобраться так близко, чтобы суметь ворваться туда, когда дверь откроется. Их капитан был настолько любезен, что поведал мне о том, что у них есть средства обнаружения, которые заранее предупреждают об опасности.

Насколько я понимаю, даже эти слова, которые я произношу сейчас, могут быть услышаны с помощью их дьявольских машин!

— Мне кажется, сэр, что у вас есть только две возможности, да и то сомнительные. Вы можете захватить в плен капитана и всех, кто будет с ним, когда они снова выйдут из корабля. Либо вы сумеете уговорить их взять с собой несколько социнийцев. В этом случае социнийцы постараются захватить корабль и на нем возвратиться сюда.

— Социнийцы, которых они возьмут с собой в качестве пассажиров, не смогут управлять таким кораблем. Даже если они заставят это сделать землян, то те скорее разобьют его, чем допустят, чтобы он попал в руки социнийцев. На борту любого корабля найдется один или два героя.

— Они предпримут меры предосторожности против вероломства.

— Это не будет вероломством, если мы не будем связаны обещанием не делать что-нибудь подобное.

Чаковилли пожал плечами, еще немного подумал, потом лег в постель, а вслед за ним и Джек. Однако проспал он всего лишь два часа, когда его разбудил Чаковилли. Корабль с Земли снова выставил трап, и по нему спустились Свенсон с несколькими спутниками. На этот раз они взяли с собой машину для передвижения. Небольшая, вытянутая, как игла, она летела в нескольких метрах над землей, направляясь прямо к лагерю.

Чаковилли развил бурную деятельность. Он проинструктировал двенадцать офицеров, заставив их повторить свои распоряжения, чтобы исключить всякую ошибку. Если он дает условный сигнал, они набросятся на землян и захватят их. Пришельцев нужно сразу же заставить молчать, офицеры тоже могут действовать молча. Если даже у землян будет аппаратура, которая может передавать звуки на корабль, она не зарегистрирует ничего подозрительного. Капитана Свенсона отведут подальше, чтобы остальные не могли ничего услышать. После чего у него отберут аппаратуру для дальнеговорения и скажут, что он должен делать, если хочет остаться живым. Если он согласится, его отведут к основной группе, чтобы он мог объяснить, что ничего не произошло. Тем временем остальных отведут в сторону и сделают точно такое же предложение. Затем пришельцы и их захватчики взойдут на борт корабля, причем социнийцы попытаются придержать входную дверь открытой, с тем чтобы заранее спрятанный за деревьями отряд мог ворваться внутрь.

Для осуществления плана Чаковилли социнийцы заберут у землян их оружие, научатся стрелять из него, а затем воспользуются им внутри корабля.

Если люди Чаковилли не увидят сигнала во время совещания, они будут обращаться с землянами, как с почетными гостями.

— Это слабый и безумный план, — признался Чаковилли Джеку. — Он продиктован отчаянием. Если один из офицеров Свенсона

решит пожертвовать собой ради спасения корабля и закричит, то все пропало. Даже если нам удастся прорваться внутрь, мы вряд ли сумеем овладеть помещением, откуда производится управление, мы даже понятия не имеем, где оно находится и что оно из себя представляет.

Прибыли земляне. Они были удивлены, увидев, что Чаковилли теперь генерал, и поздравили его. Свенсон сказал, что информация о Арре слишком важна для Земли и что нельзя откладывать ее передачу. Поэтому «Юнайтед» должен отправиться в полет уже через неделю.

Тем не менее он хотел бы договориться о том, чтобы оставить здесь несколько ученых, инженеров и техников. Они не только будут собирать данные, касающиеся планеты, ее жизни и истории, но и будут активно содействовать прогрессу Социнии. Убежденные в том, что социнийцы не только могут победить в этой войне, но и должны это сделать, поскольку в этом случае дейриане станут единым народом, земляне решили признать социнийское правительство в качестве полномочного представителя всей планеты Дейр.

— Тем не менее, — сказал через двух переводчиков капитан Свенсон, — необходимо заключить официальное соглашение. В равной степени важно организовать базу для тех, кого мы здесь оставим. Мы смонтируем на ней определенное оборудование, и наши люди будут на нем работать. Я предлагаю, чтобы некоторые ваши люди, возможно, вы, генерал Чаковилли, полетите вместе с нами в столицу Социнии. Вы сможете объяснить главе вашего государства, кто мы и чего хотим.

Чаковилли улыбнулся. Только один Джек догадывался, что скрывается за этой улыбкой.

— Наша армия должна немедленно выступить в направлении границы. Но общение с вами важнее, чем покорение других государств. Мой заместитель сможет командовать войсками, а я буду сопровождать вас в Грейтхоус.

— Вы хотите закончить свои завоевания минимумом кровопролития? — спросил Свенсон. — Если бы вы могли задержать ненадолго выступление ваших войск, мы могли бы снабдить вас средствами для осуществления этого гуманного плана.

Чаковилли сказал, что это более чем великодушно. Что же это за средства?

— Их у нас несколько, — ответил капитан. — Но, как мне кажется, лучше всего было бы применить сейчас газ, который может лишить сознания ваших противников на несколько часов. У нас есть также устройство для того, чтобы парализовать противника в ближнем бою.

— Очень хорошо, — оживленно произнес Чаковилли. — Я переговорю обо всех ваших предложениях со столицей по дальнеговорителю. И возьму с собой десять офицеров своего штаба.

— Очень жаль, — покачал головой Свенсон, — но у нас нет возможности взять столько людей на борт корабля.

Чаковилли скрыл за внешней невозмутимостью свое разочарование. Он спросил, может ли он взять с собой хотя бы четырех. Свенсон согласился. Земляне учли, Чаковилли так и не подал знака.

— Можно ли мне взять с собой Р-ли, сэр? — спросил Джек. — Мне хотелось бы, чтобы она была в безопасности в Социнии.

— Неплохая мысль. Может быть, земляне, увидя, что мы привели с собой женщину, не будут беспокоиться, что мы хотим захватить корабль.

— Вы все еще не отказались от этой мысли, сэр?

— Если есть хоть малейший шанс, мы должны попытаться, — сказал Чаковилли. Он написал на бумажке несколько имен и отдал ее Джеку. — До того, как ты пойдешь за своей сиреной, вызови ко мне этих людей. Это смелые и быстрые парни.

Через несколько часов Джек на паровике возвращался в лагерь. Рядом с ним сидела Р-ли. Он объяснил ей, что может произойти, и сказал, что, возможно, для нее будет лучше, если она не пойдет с ним. Но Р-ли настояла на своем, предпочитая быть там, где будет он.

Неподалеку от лагеря Джек сказал:

— Я много размышлял над тем, что говорил Свенсон. Земляне теперь единый народ и остаются землянами, где бы они ни были. Но социнийцы не этого хотят. Они хотят овладеть планетой для себя, но при этом твердят, что их война оправдана, так как объединит Дейр и сделает планету сильной, способной противостоять Арра.

Теперь все переменилось: Земля может объединить нас без всякого кровопролития. И мы нуждаемся в землянах. Что из того, что мы утратим свой язык, свою веру, свою религию? Они точно так же будут утрачены под игом социнийцев. Чаковилли сам твердит о том, что они погибнут, ибо возникнет новая культура. Вся разница в том, будет ли это земная культура, или социнийская.

— А что ты намерен делать? — спросила заинтересованная Р-ли.

— Не знаю. Один раз я уже стал предателем своей страны, когда понял, что она является носителем зла. Смогу ли я стать предателем во второй раз, вот в чем вопрос. Теперь это было бы более оправданным, чем тогда. Но меня мучает вот что. Был ли я предателем потому, что не имел понятия, что такое верность своему государству и думал только о себе? Или мой поступок был действительно оправдан?

В палатке командующего их приветствовал сам Чаковилли. Он отвел Джека в сторону и сказал:

— Тебе ничего не надо делать, пока мы будем на корабле. Чтобы показать землянам, что я не намерен совершить какие-нибудь вероломные поступки, на корабль отправятся только ты, Р-ли и я.

— Почему? — удивился Джек. Он слишком хорошо знал своего начальника, чтобы не догадаться, что тот задумал какой-то более выигрышный план.

— Рядом со зданием парламента есть большой газон, — произнес Чаковилли, имея в виду дворец, в котором жил глава правительства Социнии. — Сейчас там тысячи людей копают, как кроты. Они заложат в ямы огромное количество взрывчатки, прикроют ее землей и на место положат срезанный дерн с травой. Я предложу землянам совершить посадку на этом газоне. У них не будет причин для отказа. Они слишком уверены в своей неуязвимости. После того как откроется вход и мы вместе с земной делегацией пройдем в Народную Палату, произойдет взрыв.

Мы не думаем, что кораблю будет причинен хоть малейший вред, но всех, кто будет там находиться, убьет волной либо лишит их сознания. Наши солдаты ворвутся туда немедленно после взрыва и захватят корабль.

Чаковилли расхаживал по палатке, торжествующе улыбаясь.

— А как будет со следующей земной экспедицией? — спросил Джек.

— Если мы будем готовы к тому времени, мы нападем на корабль. Если же нет, то мы сделаем вид, что понятия не имеем о корабле «Юнайтед», а потом захватим и этот корабль.

Чаковилли продолжал говорить не умолкая, пока не пришло сообщение о том, что Свенсон готов к вылету. Чаковилли ответил, что он еще не готов. Он связался по дальноговорителю со столицей и спросил, как продвигается работа по устройству ловушки. Ему посоветовали протянуть еще два часа. Чаковилли отправил послание Свенсону, в котором сообщалось, что президент Социнии совещается со своими министрами об условиях договора и что он уведомит Свенсона, как только совещание закончится. Землянам не надо торопиться, если у них есть корабль, который способен долететь до столицы всего лишь за один час.

— Это нам дает фору по меньшей мере в три часа, — сказал Чаковилли Джеку.

Джеку казалось, что время тянется бесконечно долго. Он сидел рядом с дальноговорителем, ожидая сообщения из столицы. Р-ли сидела на стуле рядом с ним. В одежде она выглядела непривычно. Более того, у нее было какое-то отчужденное выражение лица. В конце концов, как только Чаковилли на минуту вышел из палатки, Джек обратился к ней:

— О чем ты думаешь?

— Во-первых, я думаю о том, как мы жили раньше, что все это теперь навсегда для нас потеряно. Ты не представляешь себе, как это много значит для вийров. Несмотря на все недостатки человеческого общества, люди гораздо легче ко всему приспосабливаются — в широком смысле этого слова. И все же я могу воспринять перемены. Просто должна. Чтобы выжить!

Но Социнии, как только установит новые порядки, сама станет носительницей старых порядков. Ее идеалы, даже если они и были

раньше обоснованными, более уже таковыми не будут. Следовательно, они должны обратиться в прах, так же, как люди и гривастые уступят свое место метисам. Это логично и справедливо.

Джек ничего не ответил, но глубоко задумался над ее словами. Прошло два часа. Еще полчаса. Вдруг дальноговоритель ожил. Далекий голос докладывал, что сооружение ловушки закончено.

Чаковилли, Джек, Р-ли и епископ Поссос отправились на паровике к «Юнайтед». Оружия у них с собой не было, так как Чаковилли хотелось убедить землян в полном отсутствии каких-либо задних мыслей. Когда они вошли внутрь корабля, вход закрылся, и они почувствовали, что поднялись в воздух.

У капитана Свенсона и отца Гудрича были небольшие черные коробочки, свисавшие на тесемках с шеи. Из каждой коробочки шел провод в ухо. Свенсон взял со стола четыре подобные коробочки и вручил из каждому из дейрианцев, объяснив через священников:

— Этот прибор поможет нам разговаривать, не прибегая каждый раз к помощи переводчиков. Мой преобразователь принимает вашу английскую речь, улавливает смысл сказанного и воспроизводит его на земном аналоге английского языка.

Этот прибор — не очень совершенный переводчик, так как ваш английский очень сильно отличается от нашего. У вас сохранилось очень много слов, которые мы уже дано не употребляем. Другие слова, хотя и общие для обоих наших языков, имеют совершенно другое значение. Вы позаимствовали много слов у гривастых, да и синтаксис у вас несколько отличается от нашего. И все же, я надеюсь, что нам удастся по крайней мере процентов на девяносто понимать друг друга без помощи переводчиков.

Точно так же ваши приборы будут преобразовывать мою речь в привычную для вашего слуха.

Они попробовали пользоваться этими преобразователями. Хотя слова звучали как-то механически, не так, как их производят живые люди, Джек быстро преодолел связанные с этим ощущения. Он понимал почти все, что говорил капитан. Главная трудность заключалась в том, что он слышал Свенсона, говорящего как бы в два голоса. Однако, поскольку речь, собственно, Свенсона была непонятна для дейрианца, она воспринималась просто как отвлекающий шум. Джек быстро научился не обращать на нее внимания.

Капитан повел их осматривать корабль. Джек, Р-ли и епископ даже не пытались скрыть свой страх и изумление. Чаковилли несколько раз невольно ойкнул, но в остальное время лицо его было совершенно непроницаемым.

После осмотра корабля Свенсон пригласил их к столу. Не угодно ли им помыть руки перед едой? То, как он произнес эту фразу, дало ясно понять, что капитан будет неприятно удивлен, если они откажут-

ся. Епископ вошел в одну умывальную комнату, Чаковилли — в другую. Джек и Р-ли остались дожидаться своей очереди. Чаковилли остановился в нерешительности на несколько секунд, прежде чем оставить их, и Джек понял, что он не хочет оставлять их наедине с землянами. Однако правила этикета требовали, чтобы Чаковилли как начальник Джека шел мыть руки первым.

Именно тогда Джек принял окончательное решение. Сейчас, или никогда! Он сомневался, будет ли он еще хоть раз с глазу на глаз со Свенсоном. Более того, через тридцать минут корабль должен будет совершить посадку с столице Социнии Грейтхоусе, и тогда он уже ничего не сможет сделать.

— Капитан! — обратился он к Свенсону. — Я должен вам кое-что сообщить...

Через несколько минут из умывальных комнат вышли епископ и генерал. Джек вошел в ту из них, где до него был его начальник, и стал долго и нудно мыться. Когда он наконец вышел, все вокруг молчали и были бледны. Р-ли улыбалась Джеку.

— Предатель! — прошипел Чаковилли.

Джек не мог унять дрожь, чувствуя себя виноватым, хотя и убеждал себя в обратном. Однако ему все же удалось сохранить твердость голоса.

— Я решил рассказать все, что знаю, капитану Свенсону по тем же самым причинам, по которым решил присоединиться к социнийцам. Именно вы были тем человеком, который убедил меня в обоих случаях.

— Мы тем не менее можем идти обедать, если у кого-то остался аппетит, — сказал Свенсон.

— Я склоняюсь перед неизбежным ходом судьбы, — подбирая слова, медленно произнес Чаковилли. — Гораздо важнее, я полагаю, чтобы человечество существовало объединенным, а не разъединенным на враждующие между собой нации. Однако очень нелегко отказаться от своей мечты.

— Тем, кто был против вас в прошлом и потерял все, что имел в этой битве, наверное, было столь же трудно отказываться от своих идеалов, — сказал Свенсон.

Глава 13

Через двадцать минут показался Грейтхоус. Он находился в долине, окруженный со всех сторон островерхими горными вершинами. «Юнайтед» направился прямо к подготовленному для него посадочному полю. Однако примерно в километре над землей он остановился и сдвинулся чуть в сторону от посадочной площадки. Прошло пять минут. Внезапно земля перед кораблем исчезла. Клубы поднявшегося дыма образовали гигантское грибоподобное облако.

— Если бы я захотел, — сказал Свенсон, — я мог бы приказать, чтобы весь город был просканирован нашими лучами, заставляющими взрываться любые взрывчатые вещества. Каждая частица пороха во всей округе взорвалась бы. Если бы я пожелал, я мог бы это же самое проделать с каждым метром этого материка.

Корабль сел у края широкой и глубокой воронки, которая образовалась на месте газона.

Через три дня был подписан договор, а еще через неделю с помощью невообразимых машин была построена с фантастической скоростью база землян. А «Юнайтед» покинул планету Дейр.

Джек и Р-ли провели конец зимы на базе. Оба они делились знанием своих родных языков с землянами. Лингвисты, записывающие их речь, объяснили им, что их интересует не только возможность говорить на их языках, но и стремление сохранить их для дальнейшего изучения. Они ожидали, что язык социнийцев, гибрид английского и взрослого наречия гривастых, поглотит оба языка.

Услышав это, Чаковилли фыркнул:

— О чем они умалчивают, так это о том, что земной вариант английского языка поглотит социнийский. Но это случится гораздо позже.

Чаковилли дал Свенсону торжественное обещание, что против Кейджа не будут применены репрессивные меры за то, что он разоблачил попытку захватить «Юнайтед». Джек и Р-ли не были уверены в том, что его слову можно доверять. Но единственной для них альтернативой было путешествие на Землю, а они этого не хотели. Лучше рискнуть, оставаясь в знакомом им, хотя и изменяющемся мире, чем оказаться в обществе абсолютно для них новом, сложном, ошеломляющем и совершенно чуждом.

ЭПИЛОГ

Прошла весна. Солнечным утром Джека и Р-ли переправили в район фермы Кейджа на одном из летающих аппаратов, которые «Юнайтед» оставил на базе. Земляне снабдили супругов палатками, пищей, оружием и инструментами, пожелали им удачи и улетели.

Джек долго глядел вслед узкой, точно игла, воздушной лодке. Пополневшая в ожидании ребенка Р-ли стояла рядом. Когда аппарат растворился в голубом небе, Джек окинул взглядом опустошение, открывавшееся после таяния снега. Нужно потратить несколько лет, чтобы построить дом и амбар, достаточно вместительные и прочные, чтобы они удовлетворяли его потребностям. Там же, где сейчас лежат развалины дома его отца, он соорудит небольшую бревенчатую хижину. Позже, после того как он соберет два-три урожая и появятся еще дети, он добавит к ней пару помещений.

Вспахать землю будет очень и очень непросто, потому что у него нет единорогов, да и не предвидится. Правда, земляне обещали привезти ему паровой луг. Он надеялся, что они не забудут обещания. Сейчас они ему благодарны за то, что он спас им жизнь, но он знал, что благодарность чувство недолговечное.

Р-ли поцеловала его в щеку.

— Не тревожься, милый. Все будет хорошо.

— Во всяком случае, я буду заниматься тем, что знаю и люблю. Я устал торчать взаперти на базе и учить язык, обреченный на гибель. Но сейчас все так неопределенно и тревожно. Мои соплеменники, в этом не может быть сомнений, будут относиться ко мне враждебно. И пройдет немало времени, прежде чем оккупационные войска Социнии сумеют разделаться с повстанческим подпольем и партизанскими отрядами в горах. К тому же Чаковилли, возможно, будет искать случая, чтобы отомстить. Он может подослать к нам убийц, обвинив в нашей смерти дионисийских мятежников.

Она покачала головой.

— Здесь ты подвергаешься не большей опасности, чем тогда, когда все это начиналось. Жизнь, дорогой, непредсказуемая штука, смерть же подживает за каждым углом. Давай построим дом, обработаем землю и будем растить детей. Мы не будем питать ни к кому ненависти в надежде на то, что и нас не будут ненавидеть, помня, что в этом мире существует не только ненависть, но и любовь.

Что бы ни случилось, мы сделаем все, что в наших силах, — ради себя, ради наших детей и наших соседей. Это самое главное, что мы в состоянии сделать, и это далеко не все. Конечно, нам будет нелегко. Единственное, что легко сделать, — это сдаться.

ВРАТА ВРЕМЕНИ

РОМАН

Полет становится путешествием без возвращения — потому что они совершили посадку в другом мире.

Лейтенант Роджер Ту Хокс, а также пилот и бортовой стрелок О'Брайен спаслись, когда их четырехмоторный бомбардировщик был сбит при налете на нефтяные скважины близ города Плоешти в Румынии.

Выпрыгнув из машины, Ту Хокс и О'Брайен обнаружили, что они оказались в совершенно другом фантастическом мире.

После этого начались кошмарные происшествия. Люди, которых встречают оба члена экипажа, примитивно одеты, используют в качестве оружия луки и стрелы и говорят на языке, который не похож ни на один из языков двадцатого столетия.

Существует только одно объяснение этого феномена: они непонятным образом попали в другую Вселенную.

Глава 1

Через год после окончания войны мой издатель отправил меня в Ставангер, в Норвегию, чтобы проинтервьюировать Роджера Ту Хокса. Я был уполномочен заключить с ним договор. Условия были весьма благоприятными, особенно принимая во внимание цены на типографские расходы и пересылку в послевоенный период. Я сам попросил об этом поручении, потому что был наслышан о Роджере Ту Хоксе. Большая часть историй о нем были невероятными, иногда противоречивыми, однако, согласно моей информации, сами его рассказы были правдивы.

Мое любопытство было так распалено, что я уволился бы со своей должности и на свой страх и риск отправился бы в Норвегию, если бы даже мой издатель не согласился на это. А это было время, когда

с моей профессией получить работу было нелегко. Восстановление разрушенной войной цивилизации было нашей важнейшей целью; умение обрабатывать металл или класть стены из камня было предпочтительнее умения владеть пером.

Тем не менее люди покупали книги, и тайна этого чужака Роджера Ту Хокса возбуждала интерес во всем мире. Почти каждый слышал о нем, но те, кто его знал, были или мертвы, или пропали без вести.

Я купил билет на старый грузовой пароход, которому потребовалось семь дней, чтобы дотащиться до Ставангера. Хотя, когда я сошел на берег, был уже поздний вечер, я все же спросил на своем скверном норвежском, где находится отель, в котором, по моим сведениям, остановился Ту Хокс. Перед отъездом я безуспешно пытался заказать там комнату.

Такси стоило очень дорого, потому что бензин был все еще строго нормирован. Мы проехали по многим темным улицам, но окна отеля были ярко освещены и вестибюль был заполнен надменными гостями, которые, по-видимому, все еще радовались, что им удалось пережить войну.

У конторки я осведомился, в каком номере остановился Ту Хокс, и мне ответили, что сейчас он в танцевальном зале, где бургомистр Ставангера устраивает бал. Это объясняло оживление в вестибюле.

Мне было нетрудно разыскать Роджера Ту Хокса, потому что я знал его по многим фотографиям. Он стоял в углу зала, окруженный гостями. Я пробился туда и мог разглядеть его вблизи: средний рост, приятное лицо с высокими залысинами и массивным крючковатым носом, темно-каштановые волосы. Смуглая кожа была, однако, не более темной, чем у обычного загоревшего на солнце европейца. Глаза его были неожиданно серыми, такими же холодными и серыми, как зимнее небо в Исландии. В правой руке он держал стакан с водкой и что-то оживленно говорил, причем его белые зубы все время поблескивали в добродушной и даже застенчивой улыбке. Его норвежский был ненамного лучше моего, с сильным акцентом и весьма неправильными грамматическими формами. Возле него стояла красивая блондинка, которую я также видел на фотографиях: его жена.

Когда в разговоре возникла короткая пауза, я использовал ее и представился. Он, конечно, знал обо мне и о моей профессии, потому что мой издатель и я переписывались с ним. У него был глубокий, вызывающий доверие баритон, и он вежливо осведомился, как прошло мое путешествие. Потом он, улыбаясь, сказал:

— Я уже боялся, что ваш издатель передумает и вы не сможете сюда приехать. — Он сделал короткую паузу, затем, с сожалением пожав плечами, продолжил: — Через два дня я покидаю Норвегию.

Это значит, что я смогу посвятить вам полтора дня. Я вам расскажу свою историю и хочу надеяться, что вы сочтете ее достаточно занимательной. Пожалуйста, постарайтесь запомнить ее правильно. Как у вас с памятью?

— Она у меня фотографическая, — ответил я. — Но только я боюсь, что ни одному из нас не придется спать вволю. Я устал, но я начну слушать ваш рассказ тогда, когда вам будет угодно...

— Немедленно. Я хочу только поблагодарить хозяина дома.

Пятью минутами позже мы уже были в его комнате. Он поставил на печку большой кофейник, а я тем временем достал бланк договора, карандаш и блокнот.

— Я не знаю, — сказал он, — верно ли то, что я делаю, но мне нужны деньги, а эта книга кажется мне самым простым способом добыть их. Может быть, я и не вернусь, чтобы забрать мой гонорар. Все зависит от того, что произойдет в конце моего путешествия.

Я поднял брови, но ничего не сказал. Он быстрыми шагами пересек комнату, взял со шкафа глобус и поставил его на стол. Эта вещь была сделана еще до войны, и на ней не отразилось изменение границ, происшедшее за последний год.

— Идите сюда, — сказал он. — Я хочу показать вам, где началась моя история.

Я подошел к нему. Он медленно повернул глобус и кончиком карандаша указал на точку на некотором расстоянии от западного берега Черного моря.

— Плоешти, — сказал он. — Отсюда я хочу начать. Я мог бы отодвинуть начало еще дальше в прошлое. Но на это потребуется время, которого у нас нет. Правда, у меня есть рукопись, в которой моя жизнь описана подробно, день за днем. Начнем, однако, с налета на нефтяные промыслы в Плоешти.

— Плоешти в Румынии? — спросил я.

— Да. Плоешти, центр добычи и переработки нефти для Германии. Цель нашего Девятого воздушного флота, который тогда базировался в Киренаике в Северной Африке. Прошло уже пять лет войны, прежде чем американцы смогли совершить нападение на важнейший центр жизнеобеспечения фашистской Германии. Сто семьдесят пять четырехмоторных бомбардировщиков, нагруженные бомбами, боеприпасами и горючим, стартовали с полевого аэродрома в оккупированной части Южной Италии, чтобы нанести бомбовый удар по резервуарам с горючим, нефтяным вышкам и ректификационным колоннам в Плоешти. Нам не сказали, что город и нефтеперерабатывающий комплекс окружены множеством орудий всех калибров и что здесь самая большая концентрация зенитных батарей во всей Европе. Но если бы мы об этом и знали, события развивались бы примерно так же, разве что мы бы меньше удивились.

Я был пилотом одного из «Б-24», носившего собственное имя «Гайавата». Моим вторым пилотом был Джим Эндрюс. Он был из Бирмингема в Алабаме, но ему, казалось, ничуть не мешало, что я был индейцем-полукровкой. Мы были лучшими друзьями.

Он улыбнулся.

— Может быть, мне нужно сказать вам, что я ирокез, по крайней мере, по материнской линии. Мой отец был урожденным шотландцем. Ирокезы — близкие родственники чероки.

Я кивнул и осторожно сказал:

— Я могу надеяться, что эти сведения упоминаются в рукописи, которую вы мне обещали?

— Да, само собой разумеется. Итак...

Командир соединения бомбардировщиков проложил курс южнее Тырговиште и, вместо того чтобы отклониться на север, где должен был находиться Плоешти, вел машины почти точно на Бухарест. Лейтенант Ту Хокс заметил навигационную ошибку и так же, как и некоторые другие командиры самолетов, нарушил предписанное радиомолчание. Командир звена не дал никакого ответа и упрямо продолжал следовать ложным курсом. Несколькими минутами позднее далеко слева и над самым горизонтом Ту Хокс увидел грязно-коричневое облако и понял, что это, должно быть, дым над горящими нефтехранилищами. Первая волна нападающих достигла цели и сбросила бомбы.

Он наблюдал за флагманским бомбардировщиком и спрашивал себя, видел ли полковник этот предательский дым. Внезапно флагманский бомбардировщик заложил крутую кривую и взял курс на дымящиеся нефтепромыслы. Ту Хокс и другие командиры бомбардировщиков, предупредив ведомых, повторили этот маневр. «Гайавата», запустив все четыре мотора на полную мощность, понесся на север со скоростью примерно четыреста километров в час. Соединение опустилось на предписанную для нападения высоту в сто метров. Зеленые кукурузные поля сменились желто-коричневыми полями пшеницы; каналы, дороги, тропинки и ручейки пронеслись под ними. На фоне облаков дыма парили огромные серые тела аэростатов воздушного заграждения. Некоторые из них поднимались, чтобы пополнить заграждение, другие висели на большой высоте; часть из них была сбита.

Ту Хокс был смущен, хотя и не показывал этого Эндрюсу. Соединение заходило не с того направления, и проводившийся на протяжении целой недели инструктаж о положении целей в зоне нападения не приносил теперь никакой пользы; неделя эта была потрачена зря. При подлете с юга все выглядело иначе, чем на фотографиях разведчиков.

Соединение бомбардировщиков еще не достигло аэростатов, когда немцы открыли огонь. Копны сена, группы кустов и полевые амбары оказались замаскированными зенитными установками. Двадцатимилли-

метровые четырехствольные зенитки и тридцатисемимиллиметровые скорострельные пушки поливали небо трассирующими снарядами. С обочин дорог, из кюветов и защитных окопчиков посреди полей били пулеметы. Стоящие в отдалении крытые грузовики внезапно разъехались, и открылись новые орудия. Далеко впереди вели огонь батареи длинноствольных 88-миллиметровых зениток, стреляющих взрывчатой шрапнелью, и облачка взрывов рисовали в небе плотный узор.

«Гайавату» сотрясали ударные волны взрывов. Осколки снарядов и пулеметные пули пронизывали плоскости и фюзеляж. Бортовые стрелки вели огонь по зенитным установкам из своих спаренных пушек. Воздух был словно бы накрыт сеткой, сотканной из трасс-пуль и снарядов, из вспышек взрывов, преодолеть которую казалось невозможным, а попытка сделать это была равна самоубийству. Многие машины уже горели, другие в аварийном порядке избавлялись от своего груза бомб и с двумя работающими моторами пытались набрать высоту и уйти подольше. Рев четырнадцатицилиндровых моторов смешивался с залпами 88-миллиметровых орудий в оглушительную какофонию.

Роджер Ту Хокс шел в звене прорыва. Он удивлялся, что его машина все еще избегала прямого попадания, что все четыре мотора еще работали, что приборы не зарегистрировали еще ни течи в топливных баках, ни прорыва трубопроводов. Хвостовой стрелок сообщил, что левое вертикальное хвостовое оперение с рулем сорвано. Машина справа от них выглядела так, словно гигантский меч разрубил ее фюзеляж. Машина слева от них вдруг провалилась, нос ее окутался дымом, вероятно, от прямого попадания. В следующее мгновение она камнем рухнула вниз, ударилась о землю и исчезла в ярком шаре огня.

Перед аэростатным заграждением звено рассеялось; маневрируя, пилоты старались уклониться от стальных тросов. Сквозь завесу дыма тут и там были видны баки с горючим и ректификационные колонны. Один из бомбардировщиков спикировал вниз и взорвался, упав на одну из нефтеперегонных установок; с другой стороны самолет, с двумя охваченными огнем моторами, медленно вошел в штопор и рухнул вниз; еще один, тоже горящий, сбросил свой бомбовый груз в поле и попытался набрать высоту, чтобы его экипаж смог выпрыгнуть с парашютами. Куски обшивки носились в воздухе. В одно из бензохранилищ, расположенных на отшибе, попало несколько бомб, и оно взлетело на воздух. Взрывная волна подхватила «Гайавату» и швырнула его вверх. Ту Хокс и Эндрюс несколько секунд старались удержать машину от падения. Ту Хокс, взглянув на машину командира эскадрильи, увидел, как она развалилась в воздухе на две части и в облаке дыма рухнула вниз.

Впереди на земле находилось скопление емкостей, трубопроводов и буровых вышек, которые занимали более квадратного километра площади. Ту Хокс проревел в переговорное устройство:

— Сбросить бомбы!

Он ждал, что машина, освободившись от груза, пойдет вверх, но этого не произошло. Он вызвал стрелка и повторил приказ сбросить бомбы, но на связь вышел не он, а О'Брайен, бортовой стрелок из верхней башни, и прохрипел на своем ирландском диалекте:

— Гаазара мертв! Он лежит на бомбовом люке!

Ту Хокс выругался. Драгоценное время уже было упущено. Увидев впереди и чуть в стороне грузовую станцию, он сосредоточился на новой цели и взял курс туда. Эндрюс сбросил бомбы, и машина прибавила в высоте и скорости. Эндрюс обернулся назад, лицо у него было грязное и бледное.

— Чарли тоже зацепило, — сказал он. — Кормовая кабина сорвана.

— Ты почувствовал попадание? — спросил Ту Хокс. — Я — нет.

— Я тоже нет, — сказал Эндрюс. — Иисусе! Я не верю, что мы сделали это!

Ту Хокс ничего не ответил. Он повел бомбардировщик по крутой дуге налево, чтобы снова лечь на прежний курс. Машина дрожала, один из взрывов оглушил их, и ветер завыл в кабине. Плексиглас со стороны Эндрюса был продырявлен, а второй пилот безвольно повис на ремнях; лицо его превратилось в сплошную массу из разорванного мяса и раздробленных костей. Все это было пропитано кровью.

Ту Хокс повернул машину на юго-запад, однако, прежде чем бомбардировщик успел закончить маневр, в него попал еще один снаряд. Внезапно кто-то закричал так громко, что его можно было расслышать, несмотря на грохот снаружи и резкий вой, с которым воздух врывался внутрь самолета через пробоины в фюзеляже. Ту Хокс повел «Гайавату» вверх так круто, как только мог; один из левых моторов охватило пламя, а внешний мотор справа потерял винт. Машина не могла долго держаться в воздухе, нужно было набрать максимальную высоту, а потом прыгать.

У него появилось странное чувство — чувство расщепления сознания. Это продолжалось секунды две, потом оно исчезло, но он знал, что за этот короткий промежуток времени произошло что-то чуждое, что-то неземное. Особенно странным было то, что расщепление сознания, казалось, не было чисто субъективным; он был убежден, что сама машина и все, что в ней находится, было вырвано из нормальных взаимосвязей — или из реальности.

Потом он забыл об этом чувстве. Паутина трассирующих пуль и снарядов на мгновение раздвинулась, и он пролетел над ней и сквозь нее. Грохот и сотрясение от взрывов исчезли; только ветер ревел в продырявленном плексигласе пилотской кабины.

Вдруг, словно из ничего, возник истребитель. Он появился так быстро, словно свалился из какой-то дыры в небе, и у Ту Хокса не было времени, чтобы определить его марку. Он мчался как черная молния,

выплевывая смерть из бортовых пушек и пулеметов. Столкновение казалось неизбежным; внезапно немец лег на крыло и нырнул под «Гайавату».

Бомбардировщик получил смертельный удар. Его левое крыло обломилось и, кружась, исчезло внизу.

В следующее мгновение Ту Хокс оказался вне «Гайаваты». Земля была так близко, что невозможно было выдержать предписанную паузу, и он тотчас же рванул кольцо. Он падал, опрокидываясь в воздухе, и тут увидел, что города Плоешти, который должен был находиться внизу, больше не было. Вместо его предместий, которые он еще незадолго до этого видел внизу, он увидел только немощеную дорогу, деревья и отдельные крестьянские дворы. Плоешти теперь находился так далеко, что был виден только столб дыма.

«Гайавата» под ним был полностью объят пламенем и окутан черным дымом. Ту Хокс почувствовал резкий рывок, который удержал его в воздухе, взглянув вверх, он увидел, что парашют раскрылся.

Слева от него под шелковым куполом покачивался другой человек. Ту Хокс узнал О'Брайена, своего бортового стрелка. Только им двоим из всего экипажа «Гайаваты» удалось избежать гибели.

Глава 2

Ту Хокс рассматривал постоянно приближающийся к ним ландшафт. Подробности его становились все ближе и яснее, но поле зрения сужалось.

Ветер нес их над участком густого леса со скоростью примерно десять километров в час. Ту Хокс наметил себе для посадки только что убранное пшеничное поле. За пшеничным полем бежала узкая, окаймленная с обеих сторон деревьями полевая дорога, а по ту сторону дороги стояли небольшой, крытый соломой крестьянский домик, сарай и пристройка. Огороженный садик занимал площадь между усадьбой и деревьями ольхи, ивы и пробивающимся через густой кустарник ручьем.

Ту Хокс опускался все ниже, его ноги чиркнули по кронам деревьев на опушке леса. Потом он оказался на земле, сделал кувырок через голову и тотчас же снова вскочил на ноги, чтобы освободиться от строп. Деревья защищали место его посадки от ветра, парашют быстро опал. Ту Хокс расстегнул ремни и стал скатывать парашют.

О'Брайен, который опустился неподалеку от него, делал то же самое. Когда все было готово, Ту Хокс подхватил парашют и рысью побежал к О'Брайену, который помахал ему рукой. О'Брайен возбужденно сказал ему:

— Ты видел этих солдат слева от нас?

Ту Хокс отрицательно покачал головой.

— Они идут в нашу сторону?

— Они находятся на одной из дорог, примыкающих к этой справа. Эта дорога, должно быть, главная, хотя она и не мощеная. А солдаты были так далеко, что я не мог рассмотреть подробности. Но они выглядели чертовски странно.

— Странно?

О'Брайен снял свой шлем и провел покрытыми веснушками, толстыми, как сосиски, пальцами по рыже-коричневым, слипшимся от пота волосам.

— Да. У них много повозок, которые тянут волы. Во главе колонны идут две машины, но они не похожи ни на одну машину, которые я когда-либо видел. Что-то вроде броневиков. Они напомнили мне картинки времен первой мировой войны.

— Сначала пойдем в лес и закопаем эти штуки, — произнес Ту Хокс. — У тебя была возможность захватить с собой эн зэ?

Они направились к ближайшему краю леса. О'Брайен покачал головой.

— Еще скажи спасибо, что нам удалось выбраться оттуда целыми и невредимыми. А кто-нибудь еще из нашего экипажа прыгнул?

— Не думаю, — сказал Ту Хокс. — Я не видел больше никого.

Они пробирались через густой подлесок. Руки Ту Хокса дрожали. «Реакция», — сказал он самому себе. Это вполне естественно. Когда он успокоится, все пройдет. Глупо было только то, что у них, возможно, больше не будет времени для отдыха. Вероятно, немцы или румыны уже выслали военные патрули, которые прочесывают местность. Возможно также, что окрестные крестьяне заметили снижающиеся парашюты и дали знать об этом в ближайшее отделение жандармерии. Или позвонили туда.

Он опустился на колени и засыпал свой парашют землей и листвой, затолкав его в углубление между двух толстых корней одного из деревьев. Когда он поднялся, выражение его лица было задумчивым и озабоченным. Ему пришло в голову, что за время спуска он не видел ни одной телеграфной линии, не видел также ни линий электропередач, ни прожекторных мачт — ничего в этом роде. Это было странно. Румыния, конечно, не особенно развитая страна, но бомбардировщик не мог удалиться более чем на десять километров от нефтеперегонных установок и индустриальной зоны Плоешти, когда немецкий истребитель подбил его. И эта внезапность, с которой появился немец, — в этом тоже было что-то странное. Ту Хокс мог поклясться, что тот свалился с неба.

После того как они спрятали парашюты, Ту Хокс снял свою тяжелую пилотскую форму и тотчас же почувствовал себя лучше. О'Брайен уже снял свой мундир. Он вытер лоб и огляделся.

— Чертовски тихо, не правда ли? Но так будет не долго, — он посмотрел на Ту Хокса и указал на пистолет, который был засунут в

кобуру у него под мышкой. — С этими штуками мы едва ли что сможем сделать. Сколько у тебя патронов?

— Пять в магазине и двадцать в кармане.

— Ну да, — произнес ирландец. — Лучше, чем ничего. Даже лучше наших ножей с выскакивающими лезвиями.

— Не намного лучше, — Ту Хокс достал из нагрудного кармана своей куртки карту, разложил ее на земле, и они с О'Брайеном стали обсуждать возможность бегства. Через полчаса было разработано три различных варианта. Тем временем жара заставила их снять куртки и расстегнуть шлемы.

— Пойдем назад, к краю леса, и будем оттуда наблюдать за дорогой, — предложил Ту Хокс. — А также за крестьянским домом. Если нам повезло, нас никто не заметил. Но если кто-нибудь из крестьян уведомил жандармерию, они скоро обыщут этот лес. Может быть, нам лучше исчезнуть отсюда, если снаружи все будет чисто.

Они густым кустарником проползли к краю поля и стали наблюдать за дорогой и крестьянским домом. Прошло полчаса. Они сражались с комарами и слепнями. Людей видно не было. Единственным звуком был тихий шум теплого ветра в кронах деревьев. Однажды где-то залаяла собака, в другой раз промычала корова.

Следующие полчаса прошли без всяких происшествий. О'Брайен тихо охал, ворочая свой тяжелый корпус и пытаясь устроиться поудобнее.

— Да, охотник из тебя не получится, — заметил Ту Хокс.

— Я не индеец, — сказал О'Брайен. — И ни разу в жизни не покидал большого города.

— Мы не в городе. Тебе придется потерпеть.

Они подождали еще пятнадцать минут, потом Ту Хокс кивнул своему спутнику.

— Пойдем к дому. Похоже, что он покинут. Может быть, мы найдем там чего-нибудь поесть и сможем незамеченными пробраться в лес на другой стороне.

Он встал и по скошенному пшеничному полю направился к дому. О'Брайен хотел было побежать, но Ту Хокс остановил его.

— Медленнее, — сказал он, — мы должны вести себя так, как будто имеем право находиться здесь. Если нас увидят издалека, они не обратят на нас внимания, а побежав, мы можем навлечь на себя подозрение.

Между полем и дорогой находилась заполненная водой канава. Они перепрыгнули ее и пошли вдоль дороги. Земля была твердой и не пыльной. Остатки нескольких луж свидетельствовали о том, что здесь недавно шел дождь. Поверхность дороги была испещрена глубокими колеями от колес, следами скота и коровьими лепешками, засохшими и свежими.

— Никаких лошадей, — сказал Ту Хокс самому себе.

О'Брайен спросил:

— Что?

На другой стороне дороги находились деревянные ворота усадьбы. Ту Хокс подошел к ним и открыл, стараясь действовать как можно бесшумнее. Петли были вырезаны из дерева и забиты клиньями в створки ворот. Пара овец с жирными курдюками паслись во дворе. Они, испугавшись, подняли головы, но не издали ни звука. Ту Хокс услышал кудахтанье кур. Из стойла донеслось сопение какого-то крупного животного. Крестьянский дом был построен в форме буквы «Н». Впереди, по-видимому, находились жилые помещения — по крайней мере, два, как оценил Ту Хокс, — в то время как заднюю часть дома занимали стойла. Внешние стены были сложены из рубленых бревен, пазы замазаны глиной. Дом венчала крутая соломенная крыша.

На истертой деревянной двери дома кто-то неумело изобразил орла. Под ним был нарисован большой глаз и черное «Х».

Ту Хокс поднял деревянную щеколду и толкнул дверь.

Но зайти в дом он не успел, потому что в это мгновение из-за угла дома вышла женщина. Она испуганно вскрикнули и широко раскрытыми карими глазами на побледневшем лице уставилась на обоих мужчин.

Ту Хокс улыбнулся ей и мобилизовал все свое знание румынского языка, который он изучал согласно инструкции. Это были в основном формулы обращения.

Женщина смущенно произнесла что-то на незнакомом языке и осторожно приблизилась на пару шагов. У нее было открытое добродушное лицо, черные блестящие волосы, смазанные маслом, и сильная, коренастая фигура. Костюм ее состоял из белой хлопчатобумажной кофточки и длинной красной юбки, которая достигала ее щиколоток, на шее — ожерелье из красных и белых раковин. Босые ноги были запачканы землей и куриным пометом. «Настоящая крестьянка, — подумал Ту Хокс, — и как будто дружелюбно настроенная».

Он попробовал произнести пару немецких фраз, но она снова ответила на том же непонятном языке. Когда он беспомощно пожал плечами, женщина попробовала заговорить на другом языке, которым она сама, казалось, владела недостаточно хорошо.

Ту Хокс снова должен был признаться, что он ее не понял, но на этот раз она, казалось, была этим довольна. Она даже улыбнулась и потом снова попыталась заговорить на своем собственном языке.

— Мы должны использовать язык жестов, — сказал Ту Хокс О'Брайену. — Я...

Он замолк. Женщина теперь смотрела мимо него и ожесточенно жестикулировала. Он повернул голову и увидел сквозь деревья машину, металл которой сверкнул на солнце. Она двигалась по проселочной дороге и находилась от них примерно в километре. О'Брайен тоже увидел ее.

— Машина, — сказал он. — Мы должны исчезнуть!

Ту Хокс с сожалением взглянул на опушку леса.

— Я думаю, мы должны довериться этой девушке, если мы не хотим тащить ее с собой.

Женщина ускорила их решение, она схватила Ту Хокса за запястье и потянула за угол дома, а он свободной рукой махнул О'Брайену. Женщине было ясно, что оба чужака хотят укрыться и не хотят, чтобы их заметили люди с машины.

Ту Хокс примирился с этим. Бегство в лес могло привести только к тому, что их тут же возьмут в плен.

Женщина провела их через боковую дверь в кухню. У Ту Хокса еще было время заметить огромный облицованный камнем очаг, наполненный дровами, с большим железным котлом на треножнике, потом женщина подняла в углу кухни крышку в полу и знаком указала, что они должны спуститься вниз. Ту Хоксу не понравилось, что они с О'Брайеном окажутся в таком месте, из которого не смогут вылезти, однако у него не было другого выбора. Вслед за О'Брайеном он опустился вниз по крутой лестнице. Крышка закрылась, и они оказались в полной темноте.

Глава 3

Над ними что-то скребло, царапало по крышке подпола. Женщина заставляла ее какой-то мебелью. О'Брайен вытащил из кармана фонарик, и они осмотрели помещение, в которое попали. Они находились в низком темном подполе с глиняными стенами, скорее яме, чем настоящем подполе. С потолочной балки свисали два пласта шпига. Маленькие бочонки с солеными огурцами, солониной, белой фасолью и овечьим сыром стояли в ряд вдоль стен. В другом конце помещения лежали пустые мешки, инструменты и огромная выделанная деревянная маска, привлекшая внимание Ту Хокса. Она представляла из себя лицо какого-то демона или чудовища и на ней были следы раскраски.

— Смешно, — сказал О'Брайен. — От всего этого мне как-то не по себе. Я хотел сказать тебе об этом, но ты мог вообразить, что у меня какой-то заскок. Незадолго до того, как появился этот истребитель, у меня возникло странное чувство, как будто внезапно начался приступ морской болезни. Сначала я подумал, что меня зацепило, но я не почувствовал и не заметил ранения. Потом у меня больше не было времени думать об этом. Но когда мы опустились на опушке леса, у меня снова появилось то же самое чувство, но только не такое сильное. Чувство, что находиться здесь намного хуже, чем получить пулю в лоб или прятаться от немцев.

Ту Хокс кивнул.

— Да, я знаю. У меня самого было такое же чувство. Но я не могу объяснить его.

Тут они услышали, как автомобиль приблизился и остановился возле дома. Мотор его громко стучал. О'Брайен выключил фонарик и попытался выковырять глину между верхним краем ямы и плотно прилегающим бревном внешней стены. Потребовалось немного времени, чтобы проделать узкую щель, через которую в подвал просочился дневной свет. Они приникли к щели. Щель была не больше чем в полсантиметра шириной, но она позволила им увидеть машину и двоих солдат, вылезших из нее. На вид машина была очень странная, может быть, не столько странная, сколько старомодная.

— Румыния, — рассуждал Ту Хокс, — выглядит очень отсталой страной, но она располагает мощнейшими в Европе нефтеперерабатывающими заводами. И солдаты эти конечно же не подданные германского вермахта. Их мундиры не похожи ни на что, что Ту Хокс видел до сих пор, не были похожи они и на изображения, которые ему показывали во время инструктажа. Офицер — если это был офицер — носил блестящий шлем в виде головы волка, в разверстой пасти которого виднелось лицо мужчины. Все, даже волчьи уши, было изображено достаточно точно. Куртка из зеленого материала с меховым воротником доходила до колен. Костюм его дополняли узкие красные брюки с двумя кожаными накладками на коленях, а также сапоги с довольно высокими голенищами. В правой руке он сжимал странной формы пистолет, которым он жестикулировал, отдавая приказы. Когда он повернулся, оказалось, что на левом боку у него был меч в ножнах.

Солдаты носили цилиндрические, заостряющиеся кверху шлемы с козырьком для защиты шеи, черные кители до колен с застегивающимися на кнопки полами и красные длинные брюки, заправленные в сапоги. У них тоже были мечи на широких кожаных поясах, а в руках они держали ружья. На ружьях были полукруглые барабаны для патронов. Офицер был гладко выбрит, а у солдат, насколько это было видно, были окладистые бороды и длинные, до плеч, волосы, что делало их похожими на кочевых цыган.

Солдаты начали обыскивать двор. Летчики в укрытии слышали, как они топают и хлопают дверями. Офицер, казалось, взялся за крестьянку. Ту Хокс слышал, как он медленно и с акцентом говорил с ней, словно использовал язык, который он изучал в школе. Женщина отвечала, и, казалось, этот язык был ее родным. Ту Хокс снова попытался понять смысл их разговора, и, хотя ему казалось, что он вот-вот поймет его, это ему так и не удалось. Прошло минут десять. Страшное кудахтанье, хлопанье крыльев свидетельствовали о том, что идет экспроприация крестьянского добра, во всяком случае, птицы. «В военное время в таком грабеже нет ничего особенного», — подумал Ту Хокс. Солдаты, однако, должны были быть не той национальности, что женщина, иначе она и офицер легко поняли бы друг друга. Может быть,

он принадлежал к другой народности, которая населяла Румынию? Может быть, это венгры? Это казалось логичным выводом, но Ту Хокса не оставляли сомнения.

Они ждали. Солдаты смеялись и громко разговаривали. Голоса женщины не было слышно. Наконец офицер решил, что пора ехать дальше, отдал приказ и пошел к машине. Солдаты, каждый с одной или двумя прирезанными курами на поясе, перебрались через борт автомобиля.

Звук мотора отдалился, автомобиль исчез из виду. Ту Хокс покинул свой неудобный наблюдательный пост и повернулся к О'Брайену:

— Я не думаю, что они искали именно нас, иначе они простукали бы весь пол и обнаружили бы вход в подпол. Но кого же они тогда искали, если не нас?

Он хотел выбраться наружу, но решил проявить терпение. Может быть, солдаты скоро вернутся или поблизости находится еще один отряд. Медленно проходили часы. Наверху было тихо.

К вечеру дом над ними ожил. Послышались шаги, звук отодвигаемой мебели. Крышка над ними со скрипом поднялась. В отверстие упал свет лампы. Ту Хокс достал пистолет и поднялся по лестнице, твердо решив сопротивляться, если их попытаются взять в плен.

Возле очага стоял мужчина и занимался куском вяленого мяса. Ту Хокс увидел, что кроме большого охотничьего ножа он ничем не вооружен, и сунул пистолет обратно в кобуру. Мужчина с застывшим выражением лица посмотрел на обоих летчиков. Он был черноволос, как и женщина, спутанные пряди волос свисали ему на лоб. На нем была рубашка и брюки из грубой прочной материи, на ногах — грязные сапоги; от него воняло потом. Лет ему было немало — скорее всего, он был отцом молодой женщины.

Женщина предложила им густого супа, который бурлил в котле. О'Брайен и Ту Хокс не были голодны, потому что в подполе они закусили шпигом и солеными огурцами, однако Ту Хокс боялся, что их отказ обидит этих гостеприимных людей. Он благодарно кивнул женщине, потом объяснил О'Брайену свои соображения. Пока он с ним разговаривал, старый крестьянин удивленно переводил взгляд с одного чужака на другого, и на лбу у него пролегли глубокие морщины.

Женщина разлила суп в пестро раскрашенные миски из обожженной глины, положила возле них деревянные ложки, потом снова занялась своими кухонными делами. Мужчина некоторое время походил взад и вперед по комнате, разговаривая с женщиной, потом сел за стол и стал есть суп из своей миски.

Больше не было произнесено ни слова. Опустошив свою миску, мужчина встал и знаком указал обоим летчикам, чтобы они следовали за ним. Они вышли, откинув тонкую ткань, которая занавешивала дверь, ведущую наружу. Ткань была хотя и тонкой, но очень грубой и едва ли годилась для защиты от комаров, но потом Ту Хокс заметил,

что она пропитана каким-то маслом. Он узнал этот прогорклый запах. Это было такое же масло, каким женщина смазывала себе волосы.

Хотя это не было подсолнечное масло, оно направило ход мыслей Ту Хокса совершенно в другую сторону. У его индейских предков женщины смазывали свои волосы подсолнечным маслом. Ассоциации, которые пришли ему в голову, он постарался отбросить, поскольку такого просто не могло быть. Но непреложным фактом было то, что он заметил в разговоре фразы, которые напомнили ему диалект ирокезов. Они все еще были ему непонятны, но они не могли принадлежать ни к румынскому, ни к славянским языкам; этот язык не входил ни в индоевропейскую, ни в угрофинскую семью. Это был диалект, фонетика и структура которого была родственна фонетике и структуре языков, на которых говорили окондага, секепа, мохауки и чероки.

Он ничего не сказал О'Брайену о своей нелепой гипотезе. Мужчина провел их по двору к сараю. Огромная дверь со скрипом закрылась за ними. Там было темно, хоть выколи глаз. Ту Хокс положил руку на плечо О'Брайена и мягко оттолкнул его на пару шагов влево. Если крестьянин намеривался неожиданно напасть на них, он не найдет их там, где видел их только что. С полминуты не было слышно ничего, кроме тихого шороха в сене. Затем раздался слабый металлический звук, словно звякнуло оружие. Ту Хокс, готовый к прыжку, присел на полу и сжал в своих вспотевших пальцах рукоятку пистолета. Вспыхнула спичка, и Ту Хокс увидел крестьянина, подносящего пламя к фитилю фонаря. Крестьянин отрегулировал длину фитиля. Помещение сарая наполнилось пятнами света и танцующими тенями.

Когда мужчина увидел, что они присели на пол, он коротко улыбнулся, потом махнул рукой. Перед дверью в задней части сарая он остановился, трижды постучал, подождал несколько секунд и снова постучал три раза. Дверь открылась, крестьянин пропустил летчиков вперед, тотчас же закрыл дверь и запер ее.

Ту Хокс и О'Брайен оказались в низком сарайчике, в котором уже было шесть человек. От сильного, едкого запаха пота, грязной одежды и прогорклого масла перехватило дыхание. Пятеро мужчин со смуглыми лицами, в грубой одежде, сидели на полу или стояли, прислонившись к дощатым стенам. Двое их них были вооружены заряжающимися с дула ружьями, один — луком и стрелами. У двоих были ружья с револьверными магазинами, такие же, какие Ту Хокс видел у солдат. У всех были длинные ножи в кожаных ножнах, прикрепленных на поясе.

— О Иисус! — вздохнул О'Брайен. Было неясно, испугался ли он, потому что считал, будто они попали в западню, или потому, что он уже заметил эти дикие фигуры, вооруженные старинным оружием. Вероятно, было также, что его внимание привлекла шестая фигура. Это была женщина, и, хотя она носила такую же одежду, как и все остальные, она заметно от них отличалась. Насколько позволила раз-

личать грязь, кожа у нее была более светлой, чем у ее спутников, светлыми были и ее волнистые волосы. У нее было прекрасное, но усталое лицо с маленьким прямым носом, твердым подбородком и скептическими голубыми глазами.

Ту Хокс, стоявший недалеко от нее, скоро заметил, что от нее пахнет также, как и от остальных. У нее были грязные руки с черными ногтями. Вся группа производила впечатление беглецов или партизан, которые давно уже отрезаны от своей базы.

Предводителем их был высокий худой парень с впалыми щеками и темными горящими глазами. Его густая черная шевелюра была подстрижена так, что по форме напоминала стальной немецкий шлем. Он был обут в хорошие сапоги. На тыльных сторонах его ладоней были вытатуированы гримасничающие демоны.

Он завел с крестьянином длинную беседу, изредка бросая на американцев быстрые взгляды. Ту Хокс напряженно прислушивался. Временами ему казалось, что он понимает то одно, то другое слово или выражение, но он не был в этом уверен.

Однажды предводитель (его имя было Дзикозес) повернулся к девушке и что-то сказал ей.

При этом он использовал совершенно другой язык, но и он показался Ту Хоксу странно знакомым. Ему почудилось, что он принадлежит к германской семье и похож на скандинавский. Или нет? Но он мог поклясться, что это мог быть также нижненемецкий диалект.

Дзикозес устремил свой пронизывающий взгляд на О'Брайена, потом на Ту Хокса. Касаясь то одной, то другой части их фирменной одежды, он задавал какие-то вопросы. Ту Хокс узнал этот тон, но вопросов он не понимал. Он попытался ответить на языке ирокезов и чероки. Дзикозес прислушивался, высоко подняв брови, с удивленным, а иногда и раздраженным выражением лица. Он переключился на язык, на котором он говорил с девушкой. Когда и на этот раз он не достиг никакого успеха, он попытался заговорить еще на трех языках, но все было бесполезно. Наконец он разочарованно развел руками и сдался. Но одно все же стало Ту Хоксу ясно: Дзикозес был не крестьянин. Он знал языки, значит, был человеком образованным или много путешествовал.

Увидев, что все попытки понять друг друга напрасны, Дзикозес отдал какой-то приказ. Люди проверили ружья, висевшие у них на плечах. Девушка вытащила из нагрудного кармана своего жакета револьвер и убедилась, что барабан полон. Дзикозес протянул руку по направлению к пистолету Ту Хокса. Ту Хокс, улыбаясь, покачал головой. Не спеша, чтобы не напугать остальных и не вызвать у них недоверия, он достал пистолет из кобуры у себя на бедре, вытащил обойму, потом загнал ее обратно. Проверив оружие, он снова убрал его в кобуру и жестом дал понять, что он тоже готов.

Другие люди стояли вокруг, глядя на них во все глаза, затем все сразу заговорили друг с другом. Дзикозес приказал им замолчать. Крестьянин погасил фонарь, и отряд покинул сарай. Двумя минутами позже они уже были в лесу и потеряли крестьянский двор из виду.

Глава 4

Всю ночь отряд пробирался по тропе и покидал тень деревьев только тогда, когда нужно было пересечь поле, чтобы углубиться в другую часть леса. В пути они не встречали никаких признаков жизни. Под утро они остановились в лощине в лесу, где непроходимая чаща давала им укрытие.

Прежде чем заснуть на своей подстилке из прошлогодних листьев, О'Брайен сказал:

— Если я не ошибаюсь, мы все время движемся в северо-восточном направлении. Как ты думаешь, может быть, они хотят пересечь границу России?

Ту Хокс кивнул: он думал точно так же.

— Эти люди не русские и не румыны, — задумчиво сказал О'Брайен. — В Чикаго, где я вырос, в нашем квартале жило много русских, поляков и румын. Но они говорили не так, как эти парни. Ради всего святого, что это за люди?

— Они говорят на каком-то подозрительном диалекте, — сказал Ту Хокс. Он счел, что сейчас самое время посвятить О'Брайена в свои догадки. Они были так фантастичны, что могли встревожить О'Брайена. Кроме того, он сам не был полностью в них уверен.

— Ты знаешь, что мне показалось самым странным? — продолжал О'Брайен. — Мы нигде не видели ни одной лошади; у этих крестьян их не было или уже нет. Не немцы ли реквизировали всех лошадей?

— Я тоже думал об этом. Снимки наших разведчиков показывают, что в Румынии множество лошадей. Кто-то, похоже, их отобрал. — Ту Хокс вздохнул... — Теперь давай спать. Нам предстоит долгий и трудный день.

День действительно оказался долгим и трудным. Комары, которые ночью осложняли им жизнь, и при солнечном свете не оставляли их в покое. Люди зарывались глубоко в сухую листву, но хоботки насекомых прокалывали одежду. Теперь Ту Хокс понял, почему другие люди, несмотря на летнюю жару, носили тяжелую одежду. Страдания от жары еще можно было вынести, а укусы комаров могли свести с ума.

Даже под защитой листвы Ту Хокс спал плохо. Около полудня, когда солнце поднялось высоко над непроходимой чащей, стало очень жарко и шорох ворочающихся во сне людей все время будил его. Однажды, когда он открыл глаза, он увидел худое лицо Дзикозеса,

нагнувшегося над ним. Ту Хокс усмехнулся и перевернулся на бок. Он был беспомощен. Если эти люди захотят, они могут в любое мгновение обезоружить и убить его. Однако до сих пор Дзикозес, видимо, не считал его врагом. Очевидно, все казалось ему неизвестным и ошеломляющим.

Когда снова опустились сумерки, они поели вяленого мяса и черного хлеба, запили все это водой из ближайшего ручья. Потом мужчины повернулись лицами на восток, вытащили из своих заплечных мешков цепочки жемчужин и искусно вырезанные статуэтки и начали странную молитву. Надев нитки жемчуга на шею и как четки перебирая их пальцами левой руки, они подняли зажатые в правых руках статуэтки высоко над головами. При этом они монотонно напевали что-то, ни на что не похожее. Ту Хокса поразил идол, которого поднял вверх человек возле него. Раскрашенная резьба представляла из себя стилизованное изображение головы мамонта с поднятым хоботом, загнутыми вверх бивнями и красными глазами. Светловолосая девушка опустилась на колени и глядела на воткнутого в землю маленького серебряного идола, изображавшего дерево с повешенным на нем человеком.

Это все было очень странно. О'Брайен, как истый ирландец и строгий католик, ругался, крестился и бормотал «Отче наш». Потом он прошептал Ту Хоксу:

— Что это за язычники, к которым мы попали?

— Мне самому хотелось бы знать это, — ответил Ту Хокс. — Их религия явно не похожа на нашу. Но если они приведут нас в какую-нибудь нейтральную страну или в Россию, я буду доволен.

Молитва длилась минуты три. Потом нитки жемчуга и идолы были снова упакованы и бегство продолжалось. После полуночи был сделан первый привал. Двое мужчин пошли в ближайшую деревню и спустя полчаса вернулись с вяленым мясом, черным хлебом и шестью бутылками очень кислого вина. Провиант был разделен между всеми, и пока они ели, бутылки ходили по кругу.

Затем, без всякого перерыва, они шли до самого рассвета. Когда они нашли убежище и устроились в нем на день, они услышали вдали грохот тяжелых орудий. Во второй половине дня Ту Хокс и О'Брайен проснулись. Ирландец показал вверх, на залитые светом вершины деревьев, и Ту Хокс увидел большое серебристое тело сигарообразной формы, кружащееся в небе на высоте около шестисот метров.

— Это очень похоже на цеппелин, — сказал О'Брайен. — Я не думал, что немцы все еще используют их.

— Они этого и не делают, — сказал Ту Хокс.

— Ты думаешь, это русские?

— Может быть. У русских очень много устаревшей техники.

Он не верил, что этот воздушный корабль мог быть немецким или русским, но зачем ему повергать в панику О'Брайена, пока он сам не

знает всей правды и пока все указывает на то, что приключение продолжается?

Он встал, зевнул, потянулся, демонстрируя равнодушие ко всему, которого он на самом деле не испытывал. Другие люди тоже зашевелились; только девушка все еще крепко спала. За это время он узнал, что ее зовут Ильмика Хускарле. Она одна из всех держалась с достоинством. Сон ее продолжался недолго; Дзикозес разбудил ее, и получасом позже группа снова отправилась в путь, не ожидая наступления темноты. По-видимому, Дзикозес решил, что они уже достигли свободной от врагов территории. Крестьянские дворы здесь встречались реже, лес был более густым и дремучим. После нескольких дней такого марша они перевалили через покрытые лесом холмы и углубились в горы. Ту Хокс посмотрел на свою карту и пришел к заключению, что это, должно быть, Карпаты. Правда, эти горы показались ему более высокими, чем должны быть Карпаты: самые высокие вершины были покрыты снегом, а вокруг них ясно были видны многочисленные глетчеры.

Запасы вяленого мяса и черного хлеба подошли к концу. День за днем они шли по крутым склонам, по труднопроходимым звериным тропам, и у них не было никакой пищи, кроме ягод. Как-то один из беглецов, Кания, с луком и стрелами пошел на охоту в горный лес, пока остальные спали под елями и пихтами. На этой высоте было заметно холоднее, чем на равнине, и ночи были такими неприятно холодными, что О'Брайен и Ту Хокс были вынуждены соорудить себе плотное ложе из еловых ветвей, чтобы не замерзнуть в своих тонких мундирах.

Через несколько часов Кания вернулся назад, шатаясь под тяжестью молодого кабана. Смеясь, он принял поздравления своих товарищей по отряду и сел отдыхать, пока остальные свежевали тушу. Ту Хокс старался быть как можно более полезным. У него сложилось впечатление, что Дзикозес считает эту местность достаточно безопасной, чтобы идти по ней днем, но не рискует делать ни одного выстрела. Может быть, они взяли с собой лук и стрелы именно по соображениям безопасности? С другой стороны, разнообразие оружия у этих людей свидетельствовало о том, что они умеют с ним обращаться и что оно попало к ним из разных источников; так, вероятно, два ружья и револьвер с магазином были взяты у убитых ими врагов.

Разделанного кабана они поджарили на нескольких небольших кострах. Ту Хокс ел жадно. Мясо было жестким, сочным и не совсем прожаренным, но великолепным на вкус. О'Брайен, видимо, считал так же. Он не привык к таким долгим и трудным маршам пешком, на голодный желудок, и за последние дни очень устал.

Теперь он похлопал себя по животу, рыгнул и сказал:

— Люди, я чувствую себя великолепно! Теперь бы еще с недельку поспать — и я бы стал совершенно новым человеком!

Но это желание было невыполнимо. Тремя днями позже они все еще брели в горах, двигаясь на восток параллельно высокой цепи гор со снежными вершинами. Тропа сначала поднималась вверх, потом снова начала спускаться вниз.

А потом, на четвертый день после пира, они внезапно оказались в такой ситуации, когда им пришлось применить огнестрельное оружие.

Они уже спустились в корытообразную долину. Верхняя часть ее поросла лесом, а остальную площадь занимал кустарник, заросли тростника, болотистые лужайки и маленькие грязевые озерца. Местность была совершенно дикой. Журавли, серые гуси и другие дикие птицы населяли болота; однажды дорогу им перебежала лисица; у быстрого горного ручья они как-то раз увидели огромного бурого медведя — он повернул свою длинную морду в их сторону и стал принюхиваться, потом повернулся и исчез в чаще леса. Отряд достиг дна долины и двигался теперь по твердому грунту; слева от них была опушка горного леса, а справа — болотистые лужайки. Внезапно позади них послышался низкий трубный рев. Они обернулись и увидели огромного быка с высоко поднятой головой и налитыми кровью глазами, приближавшегося к ним.

О'Брайен непроизвольно отступил на шаг назад.

— О боже! Что за чудовище!

Высота быка была не меньше двух метров. Шерсть его была серо-черной и блестящей, а мощные тяжелые рога были отточены остро, как кинжалы.

— Первобытный бык! — сказал Ту Хокс.

Пальцы его правой руки сжали рукоятку пистолета, словно он был единственной реальной вещью в этом невероятном мире. Его не слишком испугали размеры животного, потому что у людей вокруг было достаточно оружия, чтобы убить даже такого колосса. Его испугало ощущение, что он попал в доисторическое время, когда человечество только начало зарождаться.

Первобытный бык угрожающе заревел и подбежал ближе. Затем он остановился и вскинул вверх свою мощную голову. Его черные глаза блестели в свете солнца, но было неясно, значил ли его взгляд желание напасть, или же это было просто любопытство. В пятидесяти метрах позади него показались несколько коров, пробирающихся через кустарник, они ничуть не были озабочены поведением своего господина и общипывали зеленую листву. Бык, напротив, вел себя вызывающе и, казалось, решил защитить свою территорию от непрошеных гостей.

Дзикозес что-то сказал своим людям, потом вышел вперед и пару раз пронзительно крикнул. Бык остановился и осмотрелся. Дзикозес крикнул снова, первобытный бык повернулся и побежал прочь. Ту Хокс облегченно вздохнул. Внезапно, словно он снова почуял что-то

или передумал, бык снова остановился и вскинул свою огромную голову. Потом он опустил голову и взрыл передними копытами землю, так что трава и комья земли отлетели в сторону на несколько метров. Снова глухой рев, потом хвост быка поднялся, как штандарт, и колосс бешеным галопом устремился вперед. Земля дрожала под ударами его копыт.

Дзикозес выкрикнул какие-то приказы, и его люди бросились в разные стороны, чтобы оказаться по бокам у первобытного быка. Только американцы все еще оставались на месте, там, откуда они впервые заметили быка. Ту Хокс увидел, что девушка с револьвером в руке спряталась за стволом дерева.

— Бежим! — задыхаясь, произнес О'Брайен. — Я направо, ты — налево!

Они побежали. Первобытный бык изменил направление и ринулся вслед за Ту Хоксом. Тем временем оба ружья открыли огонь, послышались также выстрелы из другого оружия. Кания выпустил стрелу. Стрела вонзилась в тело быка позади лопатки, но это не остановило его, даже не замедлило его бега. Девушка тоже открыла огонь, но ее мелкокалиберные пули не причиняли быку вреда.

Вторая стрела попала быку в правую переднюю ногу. Он упал и несколько метров проскользил по траве, а затем замер не более чем в пяти метрах от Ту Хокса. Ту Хокс кинул взгляд на массивную голову, заглянул в большие черные глаза. Длинные ресницы напомнили ему девушку, которую он узнал в Сиракузах, — позднее он удивлялся, что в такой критической ситуации ему в голову пришла эта мысль. Он подошел к зверю поближе и выстрелил из пистолета ему в глаз. Одновременно в тело быка вонзился рой пуль. Бык вздрогнул. Хотя кровь текла у него по меньшей мере из десяти ран, он все еще пытался встать и, наконец, встал, ревя от боли и ярости. Один из мужчин, подойдя к нему почти вплотную, прицелился и выстрелил. Рев оборвался, и первобытный бык рухнул на землю. Он откатился в сторону, еще раз поднял голову, издал слабое мычание и испустил дух.

Только теперь Ту Хокса охватила дрожь. Ему казалось, что его сейчас вывернет, но это неприятное чувство быстро прошло, и он избежал позора.

Дзикозес вытащил свой длинный нож и перерезал быку горло. Он выпрямился, вытер окровавленный нож и словно забыл в это мгновение и о мертвом животном, и о столпившихся вокруг него людях. Он нервно огляделся по сторонам, приказал своим людям молчать, прислушался и еще раз осмотрел долину и склоны гор, очевидно, обеспокоенный тем, что выстрелы могли быть услышаны и они могут попасть в нежелательное общество. Ту Хокс хотел спросить его, кого можно встретить в этой заброшенной местности. Однако тут же решил, что спрашивать не стоит — и понимают они друг друга с трудом, и в дальнейшем будет только полезно, если эти люди в его присутствии

будут говорить свободно и открыто. Правда, он понимал пока едва шестую часть того, что они говорили, но он учился.

Эти люди освежевали могучее животное и своими кинжалами вырезали огромные куски мяса из его бедер и задней части. Кания попытался добыть сердце, однако Дзикозес не разрешил ему сделать это. Некоторое время они спорили, потом Кания угрюмо сдался. Из этого Ту Хокс заключил, что Кании сердце нужно было не для еды. По-видимому, он предлагал, чтобы они все съели по кусочку сердца и благодаря этому приобрели частицу силы и храбрости быка. Дзикозес был против этого обряда. Он хотел как можно быстрее покинуть долину.

Каждый нагрузил на себя по нескольку кусков мяса, потом они отправились дальше. Дзикозес приказал бежать волчьей рысью: сотню шагов бегом, сотню шагов с нормальной скоростью пешехода. За короткое время они преодолели восемь или девять километров, но дорогой ценой. Когда они, достигнув другой стороны долины, начали снова подниматься сквозь лес в гору, они были изнурены и покрыты потом. Но Дзикозес был неумолим и не дал им ни минуты отдыха. Тропа, почти незаметная в зарослях травы, достигавшей колен, все время извивалась, круто шла вверх по лесистому склону.

Они не поднялись и на сотню метров со дна долины, когда поблизости раздались выстрелы. Кания вскрикнул и упал, покатился вниз по склону и наконец застрял в густом кустарнике. Остальные бросились на землю, кто где стоял. Ту Хокс огляделся, однако противник оставался невидимым.

Снова прозвучал выстрел, и Ту Хокс услышал, как пуля ударилась о ветку над его головой. Случайно он смотрел как раз в том направлении, откуда раздался выстрел, и увидел мужчину, прятавшегося за стволом дуба. Он не стал отвечать на огонь, потому что стрелок снова исчез в своем укрытии. Впрочем, пистолет на расстоянии пятидесяти—шестидесяти метров бил очень неточно, так что разумнее было поберечь патроны.

Дзикозес что-то крикнул и начал карабкаться вверх, где чаща деревьев представляла лучшее укрытие. Все последовали его примеру. Противник, который, по-видимому, находился к востоку от них, опасался маневрировать и снова открыл огонь. После нескольких глухих выстрелов у них осталось только одно ружье, которое стреляло не совсем точно.

Ту Хокс и Дзикозес почти одновременно оказались в кустарнике под старыми дубами. Некоторое время они осматривали склон наверху, но там ничего не шевелилось, и когда Дзикозес осторожно выпрямился, в него никто не выстрелил. Ту Хокс указал вверх, на толстую ветвь над ними. Дзикозес улыбнулся и взобрался на нижнюю часть ветви.

Потом забрал ружье и начал осторожно карабкаться выше. Ту Хокс ждал внизу, пока Дзикозес не найдет удобное место. С минуту все было тихо, потом Дзикозес выстрелил и мужчина, притаившийся за дубом, упал. Сразу же после этого Дзикозес выстрелил во второй раз, и послышался крик другого человека, которого Ту Хокс не видел. Третий противник показался из-за кустов и побежал к раненому. Один из товарищей Дзикозеса, по имени Скенаске, открыл огонь, бегущий человек споткнулся и упал. Пытаясь встать снова, он допустил ошибку; на этот раз в него попал целый рой пуль.

Наступила тишина. Слева вдали Ту Хокс увидел еще две фигуры, перебегающие от дерева к дереву. Видимо, они искали укрытие.

Остальные члены отряда Ту Хокса друг за другом достигли дубравы, не делая больше ни одного выстрела. Со своей ветви Дзикозес видел все поле боя. Он приказал своим людям напасть с двух сторон на место сбора врагов. Мужчины, а среди них и Ильмика Хускарле, образовали нечто вроде цепи стрелков и устремились вперед по склону. Дзикозес остался на своей ветви и изредка стрелял, чтобы не дать врагам поднять головы. Ту Хокс присоединился к Скенаске. О'Брайен, как единственный безоружный член группы, остался на месте. Ильмика некоторое время бежала между Скенаске и Ту Хоксом, но потом он потерял девушку из виду.

Внезапно со стороны противника раздались торопливые выстрелы, на которые Дзикозес ответил своими. Ту Хокс предположил, что враги покинули укрытие и в свою очередь пошли в атаку. Он подумал, каким это будет абсурдом, если он будет убит в этой маленькой перестрелке на краю чужого мира, так и не узнав, за и против кого он сражается. Или — зачем.

Слева от него вскрикнула девушка. Раздалось три выстрела, два из ружей и один из револьвера. Скенаске и Ту Хокс повернули к тому месту, откуда раздались выстрелы; они двигались осторожно, используя каждое прикрытие и часто останавливаясь, чтобы разведать местность впереди. Минутой позже они наткнулись на первый труп. Человек лежал на спине, уставившись потухшими глазами на вершины деревьев. Голова его была повязана красным платком, а в правом ухе — большое серебряное кольцо, а под курткой у него была рубашка, когда-то белая, а теперь грязная и пропитанная кровью. За его красный пояс был заткнут узкий кинжал, а также древний однозарядный пистолет-монстр. Его черные шаровары были прошиты блестящими кожаными лентами с декоративными кнопками по сторонам.

Цвет кожи у мертвеца был желтовато-коричневым. Ту Хоксу показалось, что он похож на цыгана.

Двое мужчин разделились и продолжали свои осторожные поиски. Хотя нигде не было видно никаких следов борьбы, Ту Хокс все же подозревал, что спутники убитого взяли девушку в плен. Вскоре его предположение подтвердилось — что-то светлое, какое-то движение

между деревьями привлекли его внимание, а потом он увидел Ильмику Хускарле со связанными руками и мужчину, который толкал ее перед собой. Второй человек с многозарядным ружьем следовал за ними на расстоянии нескольких шагов и прикрывал их сзади.

Ту Хокс подождал, пока их спины исчезнут из виду, потом сделал знак Скенаске и побежал вперед. Секундой позже он снова увидел их у сбегающего в долину желоба. Девушка плакала и сопротивлялась, но конвойные грубыми толчками гнали ее вперед. Скенаске вскинул свое ружье. Второй конвойный, не выпуская ружья из рук, метнулся к кустам в каменном желобе. Ту Хокс положил дуло своего пистолета на левую руку, тщательно прицелился и застрелил человека с расстояния сорока шагов. Потом он побежал вперед и, когда оставшийся в живых конвойный начал стрелять, быстро спрятался за стволом.

Скенаске выстрелил снова, и противник стал вести себя осторожно — больше он ничем себя не выдал. Скенаске что-то крикнул, но Ту Хокс не понял значения его слов и действовал по собственному разумению. Пока Скенаске прикрывал его огнем сверху, он выстрелил еще раз и выскочил из своего убежища. Он старался не производить никаких звуков, но земля у него под ногами была усеяна сухими веточками, и противник должен был его услышать; его повязанная черным платком голова снова появилась в поле зрения Ту Хокса, а потом ее сменило длинноствольное оружие. Ту Хокс немедленно бросился на землю и услышал, как в ствол дерева над ним ударилась пуля. Противник находился в неблагоприятной позиции, потому что не мог поднять повыше голову, стрелял поспешно и очень неточно.

Конец всему этому наступил быстро. Пока чужак пытался попеременно удерживать на расстоянии то одного, то другого нападающего, оба они, тоже попеременно, быстро продвигались вперед. Наконец противник упал — две пули почти одновременно попали ему в грудь и висок, уложив его на месте.

Девушка рыдала и билась в истерике, пока Ту Хокс развязывал путы на ее руках и ногах. Они вернулись назад, к отряду, который одержал полную победу. Почти все чужаки были убиты, только двое из них были ранены и взяты в плен.

Дзикозес тут же, на месте, допросил первого пленного, у которого было прострелено плечо. С искаженным от мучительной боли лицом он сидел на земле. Дзикозес задал ему несколько вопросов, по пленный вместо ответа плюнул ему в лицо. Тогда Дзикозес приставил дуло ружья к его виску и повторил свои вопросы. Мужчина снова плюнул ему в лицо. Раздался выстрел, и несчастный пленник рухнул на землю.

Второй пленник бы ранен в бедро. Дзикозес хотел застрелить и его тоже, потом вдруг изменил свое решение. Пленнику связали руки и ноги и повесили его на толстую ветку вниз головой. Потом они отпра-

вились дальше. Достигнув верхней части крутого склона, они услышали громкие крики повешенного. Затем они спустились по другому склону горы и уже больше ничего не слышали. Они теперь находились слишком далеко.

О'Брайен и Ту Хокс оба были очень бледны, но отнюдь не от усталости. О'Брайен сказал:

— О Боже! Святая Богоматерь! Эти парни не знают пощады! Они жестоки, как дикари!

Ту Хокс наблюдал за Ильмикой Хускарле, и ему показалось, что это отвратительное зрелище доставило ей удовольствие. Он вздрогнул. Несомненно, убитые — кто бы они там ни были — в случае своей победы поступили бы точно так же, но этот акт возмездия был выше его понимания.

С этого дня он заметил, что светловолосая девушка благодарна ему за спасение, хотя заслуга его в этом была не так уж велика. Она говорила с ним, когда ей предоставлялась возможность, и даже старалась обучить его своему языку.

Глава 5

Двумя неделями позже они спустились с гор на равнину. Местность производила впечатление густонаселенной и, видимо, была под контролем противника, потому что Дзикозес снова приказал возобновить ночные марши. На второй день марша по равнине они зашли в большой дом, который, казалось, незадолго до этого был местом сражения. Шестнадцать убитых лежали снаружи и внутри дома. Было похоже, что на дом напали партизаны и заняли какую-то его часть, но в последнем бою все они, до последнего человека, были перебиты солдатами. Солдаты тоже, должно быть, понесли тяжелые потери, потому что они покинули расстрелянный дом, не похоронив убитых и не собрав оружие. Отряд Дзикозеса стащил трупы в находящуюся неподалеку рощицу вязов и сложил их в огромную братскую могилу. Свои старинные ружья бойцы заменили многозарядными боевыми винтовками.

Ту Хокс удивился, почему это Дзикозес не выбрал более уединенного места. Однако, внимательно проследив за разговорами людей, — а он понял почти половину разговора, — он пришел к заключению, что этот дом был условленным местом встречи. Дзикозес отправил двух человек в разведку, и они вернулись, сообщив, что местность свободна от врагов.

Ту Хокс, исследуя опустошенный дом, попал в большую комнату, которая, вероятно, использовалась прежними хозяевами в качестве учебного класса. Взрыв ручной гранаты выбил окно, все книги были сброшены с полок на пол и разорваны в клочки. На полу лежал

большой глобус. Ту Хокс поставил его на пол. Уже первый взгляд на него подтвердил самые худшие его предположения.

Тут были Азия, Африка, Австралия и Европа, но очертания были не совсем такими, какими он их знал. Он медленно поворачивал глобус на восток. Мимо проплывал Тихий океан.

К нему подошел О'Брайен. Ту Хокс хотел скрыть от ирландца, чем он занят, но тот взглянул на глобус и стал вертеть его. Он всмотрелся внимательнее и пробормотал:

— Ко всем чертям, что это такое? Этого не может быть!

Там, где должна была быть Аляска, начиналась цепь островов, которые пологой дугой тянулись на юго-восток и заканчивались большими островами там, где должно было быть Мексиканское нагорье. Два крошечных острова на востоке были высочайшими вершинами затонувших Аллеган. Всю остальную площадь занимало водное пространство.

Цепь островов с перерывами продолжалась и на месте Центральной Америки. Южная Америка, с Андами и Боливийским нагорьем, была еще одной цепью островов, более протяженной, чем в Северном полушарии.

Ту Хокс, у которого внезапно повлажнели руки, минуты две изучал западную часть глобуса. Потом он повернул глобус и стал всматриваться в восточную часть. Он попытался прочитать названия. Алфавит несомненно происходил от греческого, хотя некоторые буквы были изменены, а «гамма» смотрела налево. Все буквы были заглавными.

О'Брайен застонал.

— Мне давно все это не нравилось, но я не мог объяснить, что именно. Что это за мир?

— Ты можешь представить себе два параллельных мира? — спросил Ту Хокс. — Если я не ошибаюсь, мы находимся здесь в одной из параллельных Вселенных.

— Ты помнишь странное ощущение, которое мы испытали на «Гайавате»? — спросил О'Брайен. — Не думаешь ли ты, что оно возникло потому, что мы прошли какими-то воротами в другой, параллельный, мир?

— Вот именно. Можно назвать это Вратами. То, что до сих пор было только вымыслом писателей-фантастов, стало реальностью. Параллельные миры существуют. Каким-то образом мы попали в другую Вселенную. Мы на Земле, но не на той, которую мы знали.

О'Брайен теперь повернул глобус западной стороной.

— И на этой Земле Северная и Южная Америка находятся под водой, — он передернул плечами и перекрестился.

Ту Хокс кивнул.

— Я уже давно понял, что явления, которые в нормальном мире не могут существовать, тем не менее существуют. Дзикозес и его люди, например, говорят на диалекте индейского племени, принадлежащего

к семье чероки и родственным им народам. А девушка, поверишь ли, говорит на языке, родственном английскому. Она называет его ингвинеталу или блодландским языком.

— Но этого же не может быть! Я думал, что она ирландка или, может, шведка.

Ту Хокс снова повернул глобус.

— На нашей Земле индейцы в доисторические времена эмигрировали из Северо-Восточной Азии в Северную Америку, а потом распространились в Центральную и Южную Америку. Переселение началось около двенадцати тысяч лет назад и продолжалось на протяжении жизни многих поколений. Как мы знаем, все эти первоначально монголоидные группы и роды развились в Америке в индейский тип. Эскимосы, кажется, были последними, кто предпринял это переселение.

Но на этой, параллельной, Земле индейцы не могли переселиться в Америку. Поэтому они двигались на запад и прошли в восточно-европейские страны, — Ту Хокс провел указательным пальцем по Европе и ткнул в Аппенинский полуостров. Обведенные желтым границы одного из государств включали в себя часть Хорватии и Словакии. Ту Хокс громко прочитал название этой страны.

— Акхайвия, Ахея? Если это Ахея, тогда, значит, греки почему-то переселились на Аппенинский полуостров, а не осели в Пелопоннесе!

Он нагнулся над Грецией. Она называлась Хатти.

— Хетты? — вслух подумал он. — На нашей Земле они завоевали часть Малой Азии, пережили расцвет, затем двинулись на Египет, а потом исчезли. А что произошло с греками? Что произошло здесь? Они прочно осели в стране, которая была населена греками, а потом почему-то устремились на запад. И они назвали нашу Грецию именем Хатти.

Он продолжал свои объяснения громким голосом, чтобы О'Брайен мог следить за ходом его мысли.

— Я, конечно, не знаю подробностей и должен исходить из поверхностных наблюдений. Но я могу поклясться, что ирокезы и другие индейские племена вторглись в Восточную Европу и там осели. Если это произошло очень давно, пути индоевропейских народов могли измениться. Этим можно объяснить присутствие индогерманских хеттов в Греции и греков в Италии. Может быть, вторжение с Востока привело к тому, что разные народы из этих стран были оттеснены дальше на Запад. Гм-м! Спрашивается, что же стало с италийскими народами, самнитами, латинами, сабинами, вольсками? Может быть, их тоже оттеснили на запад? Или они поселились в Италии до ахейцев и теперь покорены и ассимилированы?

Он указал на ярко-зеленое пятно, занимающее Восточную Румынию и Украину.

— Готинозония. На языке ирокезов это звучит как Котхизанки, что значит: строитель домов. Это мы можем идентифицировать! И здесь Днестр называется Ох'хиджо, что значит «прекрасная река». И, если я не ошибаюсь, наша Огайо — тоже индейское слово и значит оно то же самое. Как тебе это нравится, О'Брайен?

О'Брайен слабо улыбнулся.

— Благодарю за попытку подбодрить меня. Но мне нужно нечто большее, чем просто знакомые названия, чтобы преодолеть этот шок. Я все еще не могу в это поверить.

— Ты должен примириться с этим, — сказал Ту Хокс. С воодушевлением первооткрывателя он снова нагнулся над глобусом. Обведенная красным область, включающая в себя Данию, Нидерланды, Германию, Польшу и часть Чехословакии, называлась Перкуния.

— Перкуния. Странно. Это слово похоже на производное от литовского слова Перкунис. Перкунис был главным богом древних литовцев. И я слышал, как Дзикозес называл своих врагов «позоша». Принимая во внимание произношение, может быть, имеются в виду пруссаки, которые в нашем мире были оттеснены всадниками рыцарских орденов на восток и породнились с литовцами.

Он посмотрел на остальные европейские страны. Северная половина Скандинавского полуострова была обведена белым — снег? — а может быть, она здесь ассоциировалась с белыми медведями? Ту Хокс тихо присвистнул и повернул глобус на пол-оборота.

Все было так, как он и предполагал. Гольфстрим и здесь был отмечен. Не отклоняемый Североамериканским континентом, он тянулся северо-западнее, вдоль цепи островов Скалистых Гор и в конце концов объединялся с северным рукавом Куросио.

Ту Хокс снова присвистнул. Для истории Европы в этом мире это был чрезвычайно важный фактор, такой же важный, как вторжение монголо-индейской группы.

Он сказал:

— Сейчас здесь жарко. Но я могу поклясться, что это продлится недолго, а потом здесь будет адски холодная зима.

Ту Хокс подошел к оставшимся полкам и просмотрел несколько книг. Он нашел атлас с более детальными картами, чем глобус. Сопроводительный текст и подписи на картах были двуязычными: на греческом и на языке Готинозонии. Греческий был труден для него, потому что он отличался от классического греческого и содержал многочисленные включения совершенно чужих ему слов. И все же читать по-гречески ему было легче, чем на языке индейцев.

Он обернулся и взглянул на О'Брайена.

— Теперь ты знаешь, почему тебя никто здесь не понимает, когда ты пытаешься попросить сигарету?

О'Брайен сердито кивнул.

— Потому что испанцы узнали о табаке в Америке. Тогда в этом проклятом мире, вероятно, нет ни картофелины, ни помидорины.

— Это так, — задумчиво сказал Ту Хокс. — Шоколадом здесь тоже не полакомишься. Но мы находимся здесь и должны надеяться на лучшее.

Ему не удалось продолжить свои исследования, потому что в помещение вошла толпа чужаков. Здесь было по меньшей мере человек двадцать, большинство из них темнокожие и черноволосые, но среди них было и несколько блондинов. На них были светло-зеленые мундиры и коричневые сапоги со шнуровкой до колен, конические стальные шлемы в виде шляп китайских кули, у пояса — длинные изогнутые сабли. Через плечо у каждого висело однозарядное ружье.

Офицер некоторое время разговаривал с Дзикозесом, часто бросая взгляды на обоих пришельцев. Внезапно он сдвинул брови, оставил Дзикозеса и подошел к летчикам на два шага. Резким тоном он потребовал у Ту Хокса отдать пистолет. Ту Хокс мгновение поколебался, потом решил, что доложен подчиниться. Убедившись, что его оружие стоит на предохранителе, он отдал его офицеру. Тот повертел его в руках, потом сунул в свою портупею.

Дзикозес и его партизаны отступили назад; солдаты вывели обоих летчиков и Ильмику Хускарле из дома. Они снова двигались ночами, а днем спали в укромных уголках. Очевидно, враг захватил эту местность, но его господство здесь еще не было закреплено. Отряд избегал встреч с патрулями и военными отрядами перкунцев, но тучи кровососов не оставляли их в покое. Солдаты ежедневно натирали руки и лица вонючим жиром, чтобы защититься от насекомых, и вскоре летчики стали им подражать.

Через два дня из нового похода у О'Брайена началась лихорадка — озноб и горячка. Ту Хокс определил, что это малярия, и санитар группы подтвердил его диагноз. Из двух стволов молодых деревьев и накидок солдаты соорудили примитивные носилки и уложили на них сержанта. Ту Хокс взял один конец носилок, один из солдат — другой. Солдаты сменяли друг друга каждые полчаса, но Ту Хокс должен был тащить носилки, пока руки его не превратились в бесчувственные палки.

Санитар дал О'Брайену воды и две большие таблетки: одну зеленую и одну красную. То же самое он проделал еще четыре раза, но это было почти бесполезно. О'Брайен мерз, потел, его продолжало знобить. Спустя некоторое время приступы прекратились и О'Брайен, несмотря на слабость, должен был встать и идти дальше пешком. Офицер ясно дал понять, что не потерпит никаких задержек, и Ту Хокс помогал своему товарищу идти дальше, поддерживая его и подбадривая. Он видел, что офицер без всяких колебаний застрелил бы человека, который помешал бы группе продвигаться и подвергал бы ее опасно-

сти. Его главной заботой, очевидно, была девушка, которую он должен был провести через вражескую территорию.

После четырех дней перехода, во время которых О'Брайен слабел все больше и больше, они достигли первой не подвергшейся нападению врагов деревни. Здесь Ту Хокс увидел первую железную дорогу. На локомотиве, старинной машине — в его мире она могла быть построена году в 1890, — высилась причудливой формы дымовая труба. Вагоны были выкрашены в ярко-красный цвет и покрыты кабаллистическими знаками.

Деревня была конечной станцией железнодорожной линии. По обеим сторонам дороги стояло около тридцати домов и складов, и каждое здание было украшено нарисованными или вырезанными изображениями какого-нибудь духа-защитника.

Офицер вежливо проводил девушку к пассажирскому вагону и помог ей подняться в него. С американцами он не был так вежлив; он заорал, что им надлежит пройти на три вагона дальше. Ту Хокс скрывал свое все увеличивающееся знание их языка и притворился, что не понимает. Солдаты схватили его и О'Брайена и грубо затолкали их в вагон для скота.

На полу лежала солома, скота не было, зато вагон был битком набит ранеными солдатами. Потолкавшись, Ту Хокс нашел место, где он смог положить О'Брайена. Потом он попытался достать воды для своего больного товарища. Солдат, рука которого была замотала выпачканной кровью повязкой, а голова забинтована тоже пропитанными кровью бинтами, сопровождал Ту Хокса. В своей здоровой правой руке раненый держал длинный нож и не старался скрыть от Ту Хокса, что при малейшей попытке к бегству он перережет ему горло. Он не отходил от обоих пленников, пока они не прибыли в столицу государства, город Эстокву.

Путешествие по железной дороге продолжалось пять дней и ночей. Иногда поезд часами стоял на запасных путях, пропуская идущие на запад военные эшелоны. Однажды раненым и больным в вагоне целый день не давали воды. В тот день О'Брайен был близок к смерти. Наконец поезд остановился на запасном пути поблизости от ручья, и те, кто мог ходить, ринулись наружу, чтобы наполнить свои котелки и фляжки водой.

Жара, вонь и стоны тяжело раненых превратили поездку в вагоне в мучение. У человека, находившегося поблизости от О'Брайена, была гангрена. От него так отвратительно воняло, что Ту Хокс не мог есть, и когда этот несчастный на третий день наконец умер, его товарищи быстро выбросили его из поезда на полном ходу.

Как ни странно, состояние О'Брайена под конец пути улучшилось. Когда поезд прибыл в Эстокву, лихорадка, озноб и горячка прошли. Он был слаб, бледен и худ, но он победил болезнь. Ту Хокс не знал, обязан ли ирландец выздоровлением своим естественным силам и упор-

ству, или же таблетки санитара сделали свое дело. А может быть, сыграло роль и то и другое. Возможно также, что у него была какая-то другая болезнь, а не малярия. Это было уже неважно. Он снова был здоров, и только это имело значение.

Когда поезд ночью прибыл в Эстокву, дождь поливал город. Кроме ярких вспышек, проникавших слабым светом через вентиляционные отверстия и разгонявших темноту в вагоне для скота, Ту Хокс ничего не видел. Ничего не изменилось и тогда, когда его после долгого ожидания вывели из вагона и под охраной солдат повели к автомобилю. Ему завязали глаза, руки связали за спиной. Он, спотыкаясь, прошел по грязной площади, заливаемой дождем, забрался в автомобиль и был усажен на сиденье спиной к стенке. О'Брайена, связанного так же, как и он, посадили рядом. Автомобиль, должно быть, был с тентом, потому что они слышали, как дождь барабанит по натянутой ткани.

Глава 6

— Куда они нас везут? — в тихом голосе О'Брайена звучала тревога. Ту Хокс ответил, что им, вероятно, предстоит допрос. Втайне он горячо надеялся, что цивилизация оказала смягчающее действие на индейские методы обращения с пленными. Впрочем, и «цивилизованные» народы не отказались от наиболее жестоких видов пыток. Ту Хокс достаточно хорошо изучил историю своего мира, чтобы знать, что цивилизованные нации двадцатого столетия в обращении с национальными меньшинствами, порабощенными народами и побежденными врагами обращались не более гуманно, чем их «варварские» предки в древности и в средние века.

После пятнадцатиминутной езды машина остановилась. О'Брайена и Ту Хокса вытащили из нее. На шеи им надели веревки и повели сначала вверх по лестнице, потом по длинному коридору и, наконец, по винтовой лестнице вниз. Ту Хокс шел молча, О'Брайен ругался. Их остановили. Заскрипела дверь. Их втолкнули в проход, снова заставили остановиться и ждать. Спустя некоторое время с их глаз сняли повязки, и они заморгали от яркого света электрической лампочки без абажура.

Когда их глаза привыкли к свету, Ту Хокс увидел, что они стоят в помещении со стенами из голых гранитных плит и с высоким потолком. Свет исходил от яркой лампы на столе, абажур который был повернут так, что яркий свет слепил глаза. Вокруг Ту Хокса стояло много людей в тесных темно-серых мундирах, с коротко подстриженными волосами и с холеными руками.

Предположение Ту Хокса оказалось верным. Его и О'Брайена привели сюда для допроса. К несчастью, им не в чем было признаваться. Правда была так невероятна, что допрашивающие не могли поверить

ни одному их слову. Они считали, что это только жалкие фантастические истории, наскоро придуманные двумя перкунскими шпионами. Они и не могли думать по-другому. Если бы человек из этого мира при подобных же обстоятельствах попал на Землю Ту Хокса, ни союзники, ни немцы не поверили бы ни одному слову из его рассказа.

Несмотря на это, пришло время, когда Ту Хокс сказал правду, хоть она и казалась невероятной. О'Брайен сдался еще быстрее. Ослабленный малярией, он не смог долго выдержать. Он снова и снова терял сознание, и допрашивающие скоро убедились, что он не разыгрывает никакого спектакля. Тогда они снова сконцентрировали всю свою энергию и всю свою изобретательность на Ту Хоксе. Может быть, они упорствовали еще и потому, что считали его предателем. Он явно не был перкунцем.

Ту Хокс молчал сколько мог. Он помнил, что древние индейцы его Земли восхищались людьми, которые выдерживали их пытки. Иногда, конечно, очень редко, они принимали человека в свое племя за мужество и стойкость.

Через некоторое время он начал спрашивать себя, как поступят его мучители, если он будет молчать, петь или даже осыпать оскорблениями своих палачей. Они, должно быть, были упорнее, чем он. Он начал кричать. Это не улучшило его положения, но, по крайней мере, помогло ему ослабить внутреннее напряжение.

Время шло, он повторил свою историю уже раз пять и все время клялся, что это правда. На шестой раз он потерял сознание и очнулся, лишь когда его окатили ледяной водой. Теперь он уже не знал, что он говорит и что делает. Но, по крайней мере, он не молил о пощаде. Он проклинал их, кричал им в лицо, что они жалкие и презренные твари, и клялся, что отомстит им, как только у него появится такая возможность.

Потом все снова началось сначала, он кричал, и мир для него превратился в сплошной раскаленный ад.

Когда он пришел в себя, все тело его болело, но это было лишь воспоминание о перенесенных им мучениях. Воспоминания были ужасные, однако они не шли ни в какое сравнение с настоящими мучениями, которые он перенес в том каменном мешке. Ему хотелось умереть и разом покончить со всем. Потом он подумал о людях, которые его пытали, и ему снова захотелось жить. Он должен встать на ноги и жить для того, чтобы каким-нибудь образом уничтожить их всех.

Время шло. Снова он очнулся от того, что кто-то поднял его голову и влил ему в рот холодное питье. Он увидел нескольких женщин в длинных серых одеяниях, с белыми косынками на головах.

На его хриплые вопросы они отвечали успокаивающими жестами и призывами помолчать, меняя тем временем бинты, которыми были обмотаны его голова и ноги. Они делали это осторожно, однако он

снова потерял сознание от боли. На этот раз он очнулся быстро. Они обработали его раны болеутоляющей жидкостью и мазями и снова перебинтовали их чистыми бинтами.

Он спросил, где он, и одна из женщин ответила, что он находится в уютном и безопасном месте и что никто и никогда больше не сделает ему больно. Тут он не выдержал и заплакал. Они смущенно опустили глаза, однако он не понял, вызвано ли их смущение его порывом или они ведут себя так, как им предписано.

Бодрствовал он недолго и вскоре снова погрузился в сон, от которого очнулся только двумя днями позже. Он чувствовал себя, словно оглушенный наркотиком. Голова была тупая и пустая, во рту сухо. В тот же вечер ему удалось встать с постели и добраться до двери своей палаты. Никто не помешал ему сделать это, и он даже поговорил, точнее, попытался поговорить с другими пациентами. Испуганный, он вернулся назад, в свою маленькую палату. О'Брайен лежал на соседней койке. Он повернул голову и спросил:

— Где мы?

— В сумасшедшем доме, — ответил Ту Хокс.

О'Брайен был слишком слаб, чтобы бурно реагировать на это.

— Вероятно, наши палачи решили, что мы — душевнобольные. Мы крепко держались за нашу историю, а наша история, с их точки зрения, просто не может быть правдой. Итак, мы здесь и мы можем сказать, что нам повезло. Эти люди, кажется, испытывают первобытное почтение к сумасшедшим. Они хорошо обращаются с нами. Но, как ты понимаешь, мы все равно остаемся пленными.

— Я думаю, я с этим не справлюсь, — сказал О'Брайен. — Я умру. Что сделали со мной эти дьяволы... сама мысль о том, что в этом мире... с меня достаточно...

— Ты слишком много перенес, чтобы умереть именно сейчас, — сказал Ту Хокс. — Ты испытываешь горькое разочарование.

— Нет. Но на тот случай, если я не выкарабкаюсь, ты должен мне кое-что обещать. Если у тебя будет возможность, ты должен разыскать этих негодяев и убить их. Пусть умрут медленной смертью.

— Совсем недавно я думал точно так же, как ты, — ответил Ту Хокс. — Но потом мне кое-что пришло в голову. На этой Земле нет Гаагской конвенции или чего-нибудь подобного. И то, что мы перенесли здесь, ждало нас, кто бы ни взял нас в плен, если б только этим людям показалось, что они могут от нас что-то узнать. Если бы мы попали в руки перкунцев, с нами, вероятно, обошлись бы точно так же. По крайней мере, палачи не сделали нас калеками на всю жизнь, а могли бы. Но теперь самое худшее позади. С нами обращаются, как с пленными королями. Индейцы верят, что в сумасшедших сидит божественное начало. Может быть, теперь они в это больше не верят, но свои обычаи они еще сохранили.

— Ты должен убить их, — пробормотал О'Брайен и заснул.

В конце следующей недели Ту Хокс почти совсем поправился. Ожоги третьей степени зажили еще не полностью, но у него больше не было ощущения, что с него заживо сдирают кожу. Постепенно он подружился с директором этого заведения, высоким худым мужчиной по имени Таре, который был дружелюбен, образован и интересовался случаем Ту Хокса с точки зрения психиатрии. Он дал своему пациенту разрешение пользоваться его библиотекой, и Ту Хокс ежедневно помногу часов проводил за изучением этого мира — или Земли-2, как он теперь его называл. Таре был очень занят, но он рассматривал заболевание обоих этих чужаков как вызов и все это время каждый день посвящал им полчаса, а иногда и целый час.

Во время одного из таких медицинских разговоров Таре дал им понять, как он толкует этот случай. Он предполагал, что его пациенты пережили на Западном фронте ужасные бои и это, должно быть, привело их к душевному надлому. Они бежали из реальности в вымышленный мир Земли-1, из которого, как им кажется, они явились сюда, потому что они сочли действительность невыносимой.

Ту Хокс рассмеялся.

— Предположим, что все это так, как вы говорите, тогда и у О'Брайена такой же психоз? Ведь его вымышленный мир до мельчайших деталей совпадает с моим. Не находите ли вы странным то, что о тысячах подробностей этого вымышленного мира мы имеем одну и ту же информацию?

Таре пожал плечами.

— Вы знаете, он мог найти ваш психоз настолько привлекательным, что захотел принять в нем участие. Ничего странного. Он считает себя исключением и чувствует себя совершенно одиноким, поэтому ему хочется оказаться на этой Земле-1.

— А как же вы объясните то, что мы не знаем вашего языка? — спросил Ту Хокс.

— Вы разумный человек. Вы решили навсегда бежать в ваш вымышленный мир. Поэтому вы просто забыли своий родной язык. Вы никогда не думали о том, что вам снова придется вернуться в реальный мир.

Ту Хокс вздохнул.

— Вы просто все слишком рационализируете. Вы когда-нибудь думали о том, что я мог говорить и правду? Почему вы не отважитесь на эксперимент? Расспросите О'Брайена и меня о нашем мире по отдельности. Может быть, в большинстве черт наша история будет одинаковой. И если вы все это подробно изучите, сравните все детали рассказа об истории, географии, религиях, обычаях, языках и так далее, то в результате этих исследований вы можете изменить свое мнение. В нашем случае, конечно, обнаружите удивительные совпадения. Это будет настоящий научный эксперимент.

Таре снял очки и начал задумчиво протирать их стекла.

— Это будет научный эксперимент. Действительно, вы не сможете создать новый язык с его словарным запасом, грамматической структурой и особенностями истории или архитектуры.

— Но почему же тогда вы не сделаете такой попытки?

Таре снова надел очки и с мягким скепсисом посмотрел на Ту Хокса.

— Может быть, когда-нибудь. А пока вы должны считаться сумасшедшими. Каковы были ваши чувства, когда я изложил вам свою версию?

После первого приступа ярости Ту Хокс громко рассмеялся. Он ни в чем не мог упрекнуть Таре. Будь он на месте психиатра, поверил бы он такой истории?

Большую часть дня занимали различные процедуры. Каждый день проводилась процедура почтения, имевшая целью изгнать из тела находившихся там всевозможных демонов. Во время религиозных церемоний священник из ближайшего храма тоже пытался изгнать этих демонов. Таре не принимал участия в подобных ритуалах. Он старался не показать своего нетерпения священнику и, казалось, считал все эти процедуры пустой тратой времени. Это доказывало силу местных религиозных институтов. Даже врач не мог открыто выступать против религии.

В свободное время Ту Хокс упражнялся в языке, разговаривая с персоналом и другими пациентами, или шел в библиотеку. Если ему когда-либо удастся ускользнуть отсюда и он захочет остаться на свободе, ему необходимо как можно лучше знать этот мир. Один из учебников истории для школьников дал ему картину исторического развития народов на Земле-2. На этой планете кончался ледниковый период и скоро должно было начаться общее потепление. Это было счастьем для Европы, потому что здесь не было Гольфстрима, который смягчил бы резко континентальный климат этой части света. Отсутствие теплого течения сильно помешало расселению людей, развитию их культуры и цивилизации. Северная часть Скандинавии и север России все еще были погребены под толстым слоем снега и льда.

На протяжении многих тысяч лет индейские племена все новыми и новыми волнами устремлялись из Сибири и Центральной Азии в Восточную Европу, покоряя и порабощая находящиеся там народы, или сами покорялись им. Обычно покорители и поработители со временем сами ассимилировались, но в некоторых случаях им удалось привить свой язык и свою культуру коренному белому населению этих районов. Это произошло, например, в государстве Готинозония и в одной из областей Чехословакии, которая в этом мире называлась Кинуккикушк. Эта последняя страна, населенная смесью белых и индейцев, раньше была полуавтономной областью Перкунии.

Все это историческое развитие напоминало Ту Хоксу наступление на запад гуннов, кушанов и монголов, имевшее место на его родной Земле-1.

Малая Азия на этой планете представляла из себя совершенно незнакомую картину. В Турции на Земле-2 говорили на хетском языке и других индоевропейских наречиях, а западные турки ушли на юг и принесли свою культуру в Северную Индию.

Германские племена, теперь очень немногочисленные и ослабленные ледниковым периодом, в ранние времена покорили Британские Острова и Ирландию. Следующие волны переселенцев в Британию привели к продолжительным войнам, так что Англия в конце концов стала называться Блодландией (Кровавой Страной). Племя ингванов захватило господство над этой страной, но вскоре началось новое вторжение из Дании, Норвегии и Фризландии. Государства эти были именно той силой, которая отодвинула далеко в тень и затмила нападения норманов на Земле-1.

В течение двух поколений население Дании и Норвегии переселилось в Блодландию и осело там.

Долгое время там правили датские короли. В этот период стабилизации появились Ирландия, Норландия (Шотландия), Блодландия, Третироландия (Нормандия), Южная Скандинавия и Бретания, известные как «шесть королевств». В таком виде они просуществовали до нового времени. В этих шести государствах говорили на более или менее отличающихся друг от друга диалектах архаичных северных языков ингвинеталу. Хотя господствовала известная основная форма языка, для Ту Хокса изучение ее было равносильно изучению совершенно неизвестного ему языка.

Глава 7

Несмотря на то что О'Брайен был уверен, что он скоро должен умереть, состояние его постепенно улучшалось. Однажды, когда у них с Ту Хоксом было свободное время, к ним подошел санитар и сказал Ту Хоксу, что его ждут в приемной для посетителей. Ту Хокс последовал за ним, напуганный тем, что ему, может быть, предстоит новый допрос в тайной полиции. Он решил кинуться на палачей с голыми руками и позволить им убить себя. Во второй раз ему не вынести этих пыток.

Когда он вошел в приемную для посетителей, его страх и ярость уступили приступу смеха. Его ждала Ильмика Хускарле. Судя по ее виду, с ней после приезда в Эстокву обращались намного лучше, чем с ним и О'Брайеном. Она больше не была той ужасной, дурно пахнущей, грязной девушкой с ввалившимися щеками, какой он ее знал. Она выглядела отдохнувшей, и лицо у нее было посвежевшее. Одета

она была в длинное платье из тяжелого шелка, мшисто-зеленый цвет которого приятно оттенял ее длинные светлые волосы. Она была очень красива. Ту Хокс церемонно нагнулся над ее протянутой рукой.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Намного лучше.

Она улыбнулась.

— С вами хорошо обращаются?

— С тех пор, как я здесь, я не могу пожаловаться, — сказал он. — Люди здесь предупредительны. Но все равно мы в плену.

Она чуть пригнулась к нему и внимательно на него посмотрела.

— Я не верю, что вы сумасшедший.

Он понял, что она пришла сюда не для того, чтобы просто нанести ему визит вежливости.

— Какие у вас основания для такого заключения? — полюбопытствовал он.

— Я просто не могу в это поверить, — ответила она. Пытаясь скрыть внутреннее напряжение, она откинулась в своем широком кресле и играла белыми перчатками. — Но если вы не сумасшедший, кто же вы тогда?

Если он скажет ей правду, он ничего не потеряет. Если она отправит его в тайную полицию, чтобы посмотреть, не расскажет ли он им что-нибудь еще, она получит все ту же историю, каким бы ужасным пыткам его не подвергли. Но все же было маловероятно, что она состоит на службе в тайной полиции. Ильмика была дочерью посла Блодландии в Паннонии, то есть Венгрии на Земле-1. Когда перкунцы вторглись в Паннонию, посол с дочерью по предписанию своего правительства отбыли в Готинозомию, но в неразберихе оккупации она отстала. Позже партизаны провели девушку через линии укреплений врага.

«Нет, — думал Ту Хокс, — гораздо вероятнее, что девушка выступает в качестве агента своей страны. Может быть, у Блодландии есть информация, о которой здесь ничего не известно. Очень возможно, что она постарается узнать, не представляют ли они какой-нибудь ценности для тайной полиции Блодландии и нельзя ли их как-нибудь использовать».

Прежде чем начать свой рассказ, Ту Хокс объяснил ей свою концепцию двух «параллельных» Вселенных. Она без труда поняла ее, но поверила она ему или нет, было неясно. Все же она позволила ему говорить, он приободрился и на нескольких примерах объяснил ей, как оба их мира отличаются друг от друга. Потом он вкратце рассказал ей о двух мировых войнах и объяснил, какую роль он сам играл в них.

Под конец он описал налет бомбардировщиков на Плоешти, пролет «Гайаваты» сквозь Врата Времени и прыжок с парашютом в изменившуюся реальность.

— Должно быть, Плоешти — это тот город, который мы называем Дарес. Может быть, вам повезло, что вы не появились позже. Двумя днями позже Дарес был захвачен перкунцами, и вы попали бы к ним в руки, к этим варварам и врагам.

Ту Хокс пожал плечами.

— Эта война не имеет ко мне никакого отношения, и я не знаю, какой плен предпочтительнее. Я ничего не имею против Перкунии; хуже, чем здесь, со мной едва ли где обращались.

Он подошел к большому окну, из которого можно было видеть город Эстокву. По понятиям здешней реальности, это был новейший город и здесь было так же хорошо, как и в любом другом западном городе. С такого расстояния — сумасшедший дом находился более чем в километре от самого города, на внешнем склоне одного из холмов — не было видно, развили ли индейцы свою собственную архитектуру или нет.

Ту Хоксу трудно было признаться, но он не чувствовал никакой общности с этими людьми. Они могли быть ирокезами, но это были не те ирокезы, которых он знал. Их прошлое и настоящее было совсем не таким, и влияние, которое они оказали на ход истории, еще больше увеличивало эту разницу.

Со временем и при наличии доброй воли он, может быть, и прижился бы. Но пройдя через пытки, он не испытывал желания жить здесь. Впрочем, это государство было обречено на потерю самостоятельности или даже должно было прекратить свое существование. Пока он находился здесь, бои шли на северо-западе, в тридцати или сорока километрах от города. Если не произойдет никакого неожиданного поворота событий, Эстоква падет в течение ближайшей недели. Весьма возможно, что это приведет к уличным боям и значительным разрушениям.

Взглянув в небо над городом, он увидел три блестящие точки, появившиеся в безобидной голубизне. Они приближались, и скоро стали видны воздушные корабли. Три серебристые сигары скользили по воздуху, а под ними расцветали маленькие черные облачка дыма. Они игнорировали не причиняющий им вреда защитный огонь и двигались прямо к цели. Над центром города они выстроились друг за другом в ряд и из их нижней части посыпались маленькие черные предметы. Секундой позже стекла в окнах задрожали. Ту Хокс услышал взрывы бомб и увидел облака дыма. Деревянные дома охватило пламя. Один резервуар с газом и одна фабрика взлетели в воздух.

Ту Хокс услышал, как позади него приоткрылась дверь, и увидел служанку Ильмики Хускарле, просунувшую голову в дверь. Это была красивая девушка, блондинка из коренного населения, которое после столетнего рабства совсем недавно получило статус свободных граждан с ограниченными правами. Девушку эту в распоряжение Ильмики Хускарле предоставило правительство. Обычно ей поручалась доставка

сообщений из Блодландии в Эстокву. Вероятно, она шпионила в пользу Готинозонии.

Девушка робко спросила, не стоит ли ее госпоже спуститься в подвал, пока бомбардировка не прекратится. Ильмика побледнела, однако принужденно улыбнулась и ответила, что здесь, на окраине города, может быть, не так опасно, как в центре. Девушка оставалась в комнате, пока ее не выпроводили. Только когда служанка закрыла за собой дверь, Ильмика снова раскрыла рот. Из этого Ту Хокс заключил, что она не доверяет своей служанке.

— У моего правительства есть основания считать, что ваш рассказ может быть правдой, — сказала Ильмика Хускарле приглушенным голосом.

— Им известно о падении моей машины?

— Да. Но это не все. Перкуния тоже знает об этом. Перкунцы даже нашли вторую летающую машину, а также человека, который прилетел на ней. Они держат свое открытие в тайне, но у нас свои пути получения информации.

Ту Хокс был поражен. Его собственные дела так занимали его, что он ни разу не вспомнил о немецком истребителе, который появился так внезапно, после того как «Гайавата» пролетела через Врата. Конечно! Немецкий истребитель тоже должен был попасть в этот мир!

— Вы в опасности... — сказала Ильмика. — Точно так же, как мы знаем об этом... немце, так перкунцы знают о вас. И они верят в то, что вы явились из другой Вселенной. Несомненно, перкунцы планируют знания, полученные от немца, использовать для создания превосходящего все известное оружия и новых машин. И они не хотят, чтобы знания об этом оружии и о машинах получили враги Перкунии. Итак...

— Итак, они попытаются или купить нас, или убить, — сказал Ту Хокс. — Удивительно, что они еще не сделали этого. Мы были бы чертовски рады, если бы нас забрали отсюда еще до допроса.

Лицо Ильмики Хускарле выразило неудовольствие.

— Может быть, они колеблются потому, что убеждены в неудаче агентов правительства Готинозонии, но они вполне могли сообразить, что ваш рассказ может и не быть бредом сумасшедших. Теперь же, когда город вскоре будет захвачен, агенты Перкунии могут использовать всеобщую неразбериху. Они могут попытаться сделать это сегодня ночью. Или даже сейчас, во время бомбардировки.

— В таком случае, вы тоже подвергаетесь опасности, — сказал Ту Хокс. — Ваше правительство, должно быть, считает меня очень ценным, если оно так упорно пытается перетянуть меня на свою сторону.

Ту Хокс выглянул из окна и стал наблюдать за воздушными кораблями. Теперь над городом кружилось пять дирижаблей. Если перкунцы намерены убить его и О'Брайена, им лучше разбомбить сумасшедший дом. Но воздушные корабли не подлетали ближе. Воз-

можно было также, что перкунцы намеревались установить с ними контакт или похитить его и О'Брайена. С другой стороны, они могли без промедления убить двух чужаков, если бы увидели, что те не хотят с ними сотрудничать.

Было также вероятно, что блодландцы исходят из тех же соображений. Чтобы не позволить перкунцам захватить чужаков, они могли сами убить их.

«Никому мы не нужны», — подумал Ту Хокс. Он улыбнулся. Их было только двое против враждебного мира, и он подумал, что надо действовать не теряя времени и в то же время осмотрительно. Что бы ни произошло с ним и с О'Брайеном, другие должны будут за это поплатиться.

Ту Хокс повернулся к девушке:

— Почему ваше правительство не информировало правительство Готинозонии о том, что им известно? Здешние власти могли бы охранять сумасшедший дом или отправить нас в безопасное место.

К его удивлению, она покраснела. Очевидно, она не была профессиональным агентом. У нее было чувство чести. Вероятно, теперь правительство использовало ее потому, что она их знала и могла посетить сумасшедший дом на законных основаниях.

— Я этого не знаю, — сказала она. Поймав его недоверчивый взгляд, она поколебалась, покраснела еще больше и вдруг взорвалась: — Нет. Я знаю. Мне сказали, что правительство Готинозонии не позволит вам уехать. Они хотят оставить вас и вашего друга у себя, и это будет непростительным расточительством. У этих людей нет времени, чтобы развивать то, что вы им дадите. Им придется очень много сил и средств вкладывать в сражения за свою собственную территорию, но они все равно потеряют ее. Самым лучшим для вас будет исчезнуть отсюда. Вас должны переправить в Блодландию. У нас есть технические знания, материалы и время, чтобы что-то предпринять. А Готинозония долго не продержится.

— Я не так уверен в этом, — сказал Ту Хокс. — У них за спиной еще много земли. Потеря Эстоквы еще не будет значить, что они полностью разбиты, — он некоторое время подумал, потом сказал: — Если я отправлюсь в Блодландию, то не в качестве пленника. Я не могу и не буду работать по принуждению.

— Конечно, нет. Вы получите все льготы — дом, машину, все что захотите, и будете работать как свободный человек. Я уполномочена обещать вам это от имени своего правительства. Само собой разумеется, мы должны охранять вас, чтобы защитить от возможного нападения.

— Я согласен, — сказал он. — Я отправляюсь в Блодландию. Вопрос заключается в том, как мы туда попадем?

— Будьте наготове, — сказала она. — Сегодня в полночь, может быть, немного позднее, — она поднялась. — Ваш друг О'Брайен достаточно здоров, чтобы идти без посторонней помощи?

— Ходить долго и быстро он еще не может, — сказал Ту Хокс, наморщив лоб. Он подумал, о том, что блодландские агенты оставят О'Брайена в больнице или поступят с ним как-нибудь по-другому. Во всяком случае, они не оставят его в живых.

— Если вы или ваши люди намереваетесь убить моего друга, я не буду иметь с вами никакого дела. Тогда вам придется убить также и меня.

Она, казалось, была шокирована. Он спросил себя, разыгрывает ли она возмущение или она действительно даже не допускала такой возможности.

— Я... я уверена, что мои люди не сделают этого. Мы блодландцы, а не дикари.

Ему вспомнилось выражение ее лица, когда Дзикозес уничтожал раненых пленных. Он сказал со скептической улыбкой:

— Тайные агенты все одинаковы, даже если они принадлежат к той же нации, что и вы. Если речь идет о государственной безопасности или так сочтут эти агенты, они пойдут на все, в том числе и на убийство. Скажите своим людям, что без О'Брайена я не пойду. Позаботьтесь о том, чтобы не было никаких глупостей, если вы не хотите вернуться домой с пустыми руками.

— Как вы смеете говорить со мной таким тоном? — воскликнула она. Лицо ее покраснело и глаза превратились в щелки. — Вы... вы обыкновенный...

— Говорите прямо. Варвар. Низкорожденный. Там, откуда я пришел, нет ни королей, ни знати или подобных паразитарных и эксплуататорских классов. Конечно, у нас есть свои паразиты и эксплуататоры, но, как правило, они не становятся ими по наследству. Все родятся равными — по крайней мере, теоретически. На практике это менее прекрасно, но все же лучше, чем в этих ваших странах с их закостенелым феодализмом. И не забывайте, что я пришел из более прогрессивного мира, чем вы. Там вы были бы женщиной-варваром, невежественной и не совсем чистой дикаркой, а не я. Происходите ли вы из семьи графа Торстайна Блотханского или даже из семьи короля Гротгара, мне совершенно все равно. Я был посоветовал вам набить свою трубку и раскурить ее, но только вы не сможете этого понять.

Лицо девушки исказилось; она вскочила так поспешно, что чуть было не упала. Когда дверь за ней захлопнулась, он ухмыльнулся. Мгновением позже он уже не видел в этой ситуации ничего смешного. О'Брайен не сможет долго идти без отдыха. Что, если он ослабнет во время бегства?

Он возвратился в свою комнату. Сержант лежал в постели на спине, прикрыв рукой лицо. Когда он услышал, что Ту Хокс вернулся, он убрал руку с лица и повернул голову.

— Санитар сказал мне, что к тебе пришла посетительница. Эта девушка, Ильмика. Почему ты удостоился такой чести?

Ту Хокс шепотом рассказал ему о разговоре. О'Брайен тихо присвистнул сквозь зубы.

— Я надеюсь, что у них есть автомобиль, напряжение быстро доконает меня. И как они хотят вывезти нас из этой страны?

— Вероятно, по Черному морю, затем через Дарданеллы, но я точно не знаю.

— Для этого нужны силы, которых у меня нет, — произнес О'Брайен. — Впрочем, мне кое-что пришло в голову. Еда здесь неплохая, хотя кухня очень странная. Не можешь ли ты поговорить с поваром, чтобы он сварил настоящий густой картофельный суп с салом и чтобы там было много лука? Ммм, тогда мне станет лучше. Моя мать...

Ту Хокс вздохнул, и лицо его стало печальным. Выжидательное выражение исчезло с лица О'Брайена. Он простонал:

— Нет, нет. Только не говори, что здесь не может быть картофельного супа...

Ту Хокс кивнул.

— Картофель пришел к нам с Анд, из Южной Америки.

О'Брайен выругался.

— Что за адский мир! Ни табака, ни картофеля!

Ту Хокс сказал:

— Ну, ты можешь быть доволен одним: здесь нет сифилиса. Однако, насколько я знаю твое легкомыслие, ты быстро подцепишь здесь триппер.

— В моем состоянии это последняя из моих забот.

О'Брайен закрыл глаза и тотчас же заснул. Ту Хокс хотел обсудить с ним план на вечер, но это могло и подождать. О'Брайену была полезна каждая минута сна. И, кроме того, что им оставалось делать, как только ждать?

Глава 8

Полночь приближалась мучительно медленно. В сумасшедшем доме было тихо, и только изредка в коридоре слышались шаги служителей. В комнате летчиков было только маленькое окошко под самым потолком. Дверь была сделана из толстых дубовых досок и заперта снаружи. Хотя доктор Таре ежедневно предоставлял свободу свои тихим пациентам, однако он заботился о том, чтобы ночью они оставались в своих палатах.

Через дверь глухо донесся бой больших часов, стоявших в холле. Ту Хокс насчитал двадцать четыре удара. Полночь.

Маленькое сдвижное окошечко в двери открылось, и оба летчика вздрогнули. Ту Хокс сквозь полузакрытые глаза видел конус света от

карманного фонарика, скользнувший от кровати О'Брайена к его собственной. В окошечке было видно широкое лицо. Кайзета, ночной служитель, делал свой обход. Окошечко закрылось. Ту Хокс встал с постели и подошел к О'Брайену, который тоже встал и теперь тихо смеялся.

— Ты думаешь, я буду спать в такую ночь?

Оба они были одеты. Им ничего не оставалось делать, кроме как ожидать дальнейшего развития событий. Ту Хокс подумал, что хорошо было бы иметь свое оружие. Оба летчика молча сидели на своих кроватях.

Ждать им пришлось недолго. Не пробило еще и полпервого, когда в коридоре прозвучал сдавленный вскрик. Приблизились быстрые шаги, потом кто-то сдвинул засов двери. Ключом или отмычкой открыли замок, запор отошел; дверь распахнулась. Ту Хокс и О'Брайен встали, не зная, чего им ожидать: спасения или смерти от пули. В комнату вошли шесть человек в масках. Судя по их одежде, это были местные жители низшего класса, одетые в гражданское. Четверо из них сжимали в руках револьверы, двое были вооружены ножами.

Огромный парень задал вопрос. Он говорил с сильным акцентом.

— Ту Хокс и О'Брайен?

Ту Хокс кивнул.

— Дайте нам оружие, револьвер или, по крайней мере, нож.

— Вам оно не понадобится. Теперь быстрее, у нас мало времени.

Два человека побежали вперед, чтобы охранять вход. Еще один великан, говоривший басом, жестом руки с зажатым с ней револьвером приказал им следовать за ним. В конце коридора в луже крови лежал ночной служитель Кайзета. Его глаза и рот были открыты, кожа приобрела серо-желтый оттенок.

— Не надо было его убивать, — огорченно сказал О'Брайен. — Бедный парень! Я не понял ни одного слова из всего того, что он мне рассказывал, но ему удалось рассмешить меня. Это был хороший человек.

— Не болтайте! — сказал человек, говоривший басом.

Они спустились по лестнице и направились к двери в главном портале.

Два человека пошли вперед. Через минуту они вернулись и кивнули в знак того, что дорога свободна. Ту Хокс и О'Брайен последовали за остальными блодландцами и вышли через портал наружу.

Кроме нескольких окон, которые еще не потухли, город у их ног лежал в глубокой темноте. Луна скрылась за облаками.

Они спустились по широкой наружной лестнице. Слева от нее, на подъездной площадке, скрытые кустами, ждали два автомобиля. Как только два гиганта, шедшие впереди, спустились вниз, в кустарнике

блеснул ствол ружья и ночную тишину разорвал звук пистолетных выстрелов. Ту Хокс толкнул О'Брайена и бросился вниз по ступенькам лестницы.

Он с такой силой ударился о землю, что у него захватило дыхание, потом он откатился в сторону, в декоративный кустарник у подножия веранды. Спрятавшиеся в кустарнике люди продолжали стрелять. Из двух блодландцев, шедших впереди, один, раненный или убитый, лежал у подножия лестницы и больше не шевелился, другой лежал на животе и вел ответный огонь. Ту Хокс предположил, что нападавшие были перкунскими агентами, которые пришли с теми же намерениями, что и блодландцы, но немного опоздали.

Где-то выше Ту Хокса закричал человек. Тело перелетело через перила веранды и упало к ногам О'Брайена. Другие блодландцы были вынуждены искать укрытия за перилами веранды. Один из нападавших выскочил из своего убежища и остался лежать, уткнувшись лицом в траву. Другие заняли новую позицию за машиной блодландцев. Теперь они, казалось, поняли, что события развиваются совсем не так, как они себе представляли. В доме вспыхнули огни, и люди на веранде в их освещении оказались великолепной мишенью. Один из блодландцев хотел нырнуть в укрытие кустов и клумб, однако в него попала пуля и он повис на перилах. Его револьвер упал под куст недалеко от Ту Хокса. Человек у подножия лестницы тоже затих.

Ту Хокс подполз к упавшему револьверу и подтянул оружие к себе. Потом он покинул относительно безопасное укрытие в кустах около лестницы и подполз к двум ближайшим убитым или находящимся без сознания блодландцам. Используя их тела в качестве укрытия, он обыскал их сумки и карманы. В них он нашел множество маленьких коробочек, открыл одну из них и нащупал плотно упакованные цилиндрические патроны. У патронов были картонные гильзы и медные капсюли.

Он забрал револьвер у убитого и сунул его в карман. Но сначала он проверил найденное оружие и заполнил шесть пустых гнезд новыми патронами. Позади него стоял и охал О'Брайен. Ту Хокс отполз к нему в тень.

— Я ранен, — хрипел сержант. — Руки онемели! Я истекаю кровью.

— Не говори глупостей, — сказал Ту Хокс.

Он ощупал верхнюю часть левой руки О'Брайна. Она была влажной и теплой.

— Со мной все кончено, — простонал О'Брайен. — С каждым ударом сердца я становлюсь все слабее.

— Перестань скулить, — сказал Ту Хокс. — Ты считаешь, что умрешь, только потому что тебе этого хочется. У тебя всего лишь ранение в мышцы руки, к тому же не очень глубокое. Зато теперь у

тебя есть револьвер. — Он вытащил оружие из кармана и сунул его в правую руку О'Брайена.

Тот положил его в карман.

— Хорошо тебе говорить, ты не ранен.

Ту Хокс поднял голову и осмотрелся. Два человека на веранде и двое за автомобилем все еще стреляли. Потом один из блодландцев обернулся — Ту Хокс узнал в нем человека, говорившего басом, — и хотел выстрелить через окно в лампу. Он чуть промедлил, но и этого было достаточно. Последовал глухой звук, словно ударили кулаком по освежеванной туше. Мужчина наклонился вперед и упал. Рефлекторно выпущенная им пуля попала в оконную раму.

Оставшийся в живых блодландец побежал по веранде к углу здания. Он бежал, низко пригнувшись, а пули, выпущенные двумя его противниками, щелкали в оштукатуренную стену перед ним и позади него. Добежав до угла, он вскинул вверх обе руки и упал, вытянувшись во весь рост. Так он и остался лежать, и Ту Хокс подумал, что либо в него попала пуля, либо он разыгрывает из себя убитого. В последнем случае он делал это очень убедительно, потому что пистолет выскользнул из его руки и со стуком упал на пол веранды.

— У тех, других, осталось еще двое, — прошептал Ту Хокс своему товарищу. — Они, должно быть, получили приказ захватить нас живыми или мертвыми. После этой перестрелки и неразберихи они больше ничем не рискуют и, как только обнаружат нас, сейчас же откроют огонь. Нам надо быть очень осторожными.

Он посмотрел в направлении автомобиля. Никого не было видно. Вероятно, враги спрятались за машиной и приготовились. Они не могли быть уверены, что все, кто покинул здание, уже мертвы и небоеспособны. Но если они не хотели отступать, они должны были покинуть свое укрытие и осмотреться.

У них оставалось мало времени. В сумасшедшем доме царило оживление, служители бегали взад и вперед, задавали вопросы, один из пациентов визжал. Конечно, они уже постарались вызвать полицию.

Даже если телефонные провода были перерезаны, перестрелка должна была быть слышна в пригороде у подножия холма. Полиция могла каждую секунду появиться на подъездной дороге и блокировать отступление агентов и их машин, поскольку они не могли бросить свою машину и отступить пешком.

Ту Хокс нетерпеливо ждал. О'Брайен снова начал стонать, и Ту Хоксу пришлось на него прикрикнуть. Он еще раз подполз к человеку, лежащему у подножия лестницы, и забрал у него длинный нож.

Агенты решились на осторожное маневрирование. Один из них кинулся бежать от автомобиля к углу веранды. Ту Хокс не стал

стрелять. Большая дистанция и темнота все равно помешали бы ему попасть в цель.

Он медленно откатился от мертвеца и стал наблюдать за кустами у другого поворота и подъездной дороги. Как он и предполагал, второй агент пролез через кусты, чтобы подойти к другому концу веранды и оттуда двигаться дальше. Вероятно, оба агента хотели встретиться на середине лестницы. Ту Хокс услышал, как треснула ветка. Он отполз назад, к О'Брайену, а оттуда к кустам у подножия веранды.

Когда он достиг того места, где веранда огибала лестницу, он остановился и стал ждать. Потом он увидел агентов, бежавших от кустов у газона и клумб под укрытие куст арники, где прятался он сам. Ту Хокс взял нож в правую руку и, когда агент приблизился к нему, выскочил ему навстречу и ударил его.

Агент упал, в горле у него заклокотало, и он откатился в сторону. Ту Хокс вытащил нож и снова отступил в тень веранды.

Второй агент тихим голосом позвал своего товарища с другой стороны лестницы. Ту Хокс так же тихо произнес в ответ несколько перкунских слов, которые он знал, но сделал это намеренно нечетко. Агент, казалось, удовлетворился этим и покинул свое укрытие. Ту Хокс последовал его примеру и уверенно вышел ему навстречу. Он надеялся, что по силуэту в темноте агент не сможет признать в нем чужака. Однако агент хорошо видел благодаря свету, падающему из окна. Он что-то крикнул и выстрелил. Его крик своевременно предупредил Ту Хокса, и он бросился в сторону. Пуля просвистела мимо. Потом Ту Хокс, лежа в тени кустов, услышал, как агент бежит по дорожке, усыпанной галькой, к автомобилю. Он вскочил и побежал за ним под прикрытием кустов. Когда он приблизился к автомобилю, то пошел медленно, стараясь не производить никакого шума.

По гальке подъездной дороги двигалась темная масса, тихо хрустя окованными железом деревянными колесами, но не производя больше никаких звуков. На мгновение Ту Хокс подумал, что махину кто-то толкает, но потом ему стало ясно, что это автомобиль. Он на ощупь пробирался вперед, нож снова был в его правой руке.

Он выскочил из кустов возле самой машины. Стекло с левой стороны напротив водителя было опущено и не представляло никакого препятствия. Нож пролетел через окно и вонзился сбоку в шею водителя. Тот упал лицом вперед. Ту Хокс открыл дверцу и за руку выволок водителя наружу. У него не было времени вытащить нож.

Стараясь делать все как можно быстрее, он забрался на место водителя и постарался разобраться в назначении рычагов, педалей и переключателей. К счастью, в библиотеке Таре он видел изображения автомобилей и схему их управления, однако на практике все обстояло иначе.

Два коротких рычага, отвесно выступавших из горизонтальной панели, регулировали направление движения и скорость. Двигая левым

рычагом управления влево или вправо, он слегка менял направление движения. Затем он взялся за правый рычаг и подвинул его вперед. Машина должна была покатиться вперед быстрее. Но перед этим Ту Хокс затормозил машину, нажав на педаль в полу. Машина так задрожала, что, казалось, вот-вот развалится на части. Ту Хокс поставил рычаг скорости в нейтральное положение в центре паза и отпустил тормоза. Машина замерла на месте. Он подвинул рычаг вперед, и машина покатилась. Он снова остановил ее и передвинул рычаг назад. Машина покатилась назад.

Он повел машину вперед, к повороту подъездной дороги. С едва слышным шипением, под тихий шорох гальки под колесами, автомобиль двигался к тому месту, где лежал на земле О'Брайен. Ту Хокс остановил машину и постарался определить: какой из рычагов зажигает фары. Первый рычажок привел в движение стеклоочистители. Он передвинул следующий рычажок. На панели управления вспыхнула маленькая лампочка, и зажглись две фары на грязезащитных крыльях. Они были не особенно сильными, но все же их света было достаточно, чтобы осветить фасад сумасшедшего дома, трупы на веранде, лестницу и подъездную дорогу. Ту Хокс позвал О'Брайена, который медленно поднялся и апатично направился к машине.

— Куда мы теперь едем? — спросил он у Ту Хокса, забравшись на сиденье.

Ту Хокс сам не знал этого. Он изучал указатели на панели управления. Они состояли из стеклянных цилиндриков с градуировкой, в которых красная жидкость находилась на равных уровнях. По-видимому, они указывали количество топлива и воды, давление и температуру пара. Указатели воды и горючего стояли на отметке «полно». О температуре и давлении пара он судить не мог и полностью положился на предохранительный клапан. Он направил машину на крутую, извилистую дорогу, ведущую к городу. Позади него из здания выбежали врачи, санитары и другой обслуживающий персонал. Из-за облаков появилась луна. Ту Хокс выключил фары и поехал по дороге, освещаемой лунным светом и ведущей к подножию холма. Обнаружив дорожный указатель, он вышел из машины, чтобы прочитать его. То, что здесь был указатель, означало близость главной дороги, потому что в городе вообще было мало табличек с названиями улиц и дорожных указателей. В населенной части города чужак должен был или иметь при себе план города, или все время спрашивать дорогу, если он хотел найти нужный ему дом.

Ту Хоксу приходилось видеть план города Эстоквы, и он запомнил расположение и направление основных улиц и дорог. Теперь они должны были находиться в нескольких кварталах от главной дороги, ведущей на восток.

Он забрался в машину и медленно поехал дальше. Несколькими минутами позже они достигли того места, где их дорога вливалась в

главную транспортную артерию этой части города. Она была заполнена беженцами с лошадьми, телегами, быками, ручными тележками, и среди этой толпы двигалось несколько грузовиков. Все транспортные средства были сильно перегружены, и между ними брели пешеходы — мужчины и женщины с детьми. Почти у всех были рюкзаки или чемоданы.

На первый взгляд это массовое шествие казалось беспорядочным. Однако, когда Ту Хокс ввел автомобиль в этот бесконечный поток людей, животных и транспортных средств, он увидел, что через каждые пятьсот метров стояли солдаты, держа в руках карбидные лампы или ручные фонарики, и управляли всем движением. Первые постовые не остановили их локомобиль, но Ту Хокс спросил себя, что он будет делать, если их остановят и потребуют документы. Без документов их арестуют и, может быть, даже расстреляют. Поэтому он дождался благоприятного момента и при первой же возможности свернул на отходящую в сторону от главной грунтовую дорогу.

— Мы должны были это сделать, — сказал он О'Брайену. — На главной дороге оставаться рискованно. Надеюсь, теперь мы не попадем в переплет.

— Мне все равно, — простонал О'Брайен. — Я медленно, но верно истекаю кровью. И я больше ничего с этим не могу поделать. Я умираю.

— Я не думаю, что все так плохо, — сказал Ту Хокс. Но он остановился и при свете карманного фонаря, который он нашел в ящике под сиденьем, обследовал рану своего друга. Как он и предполагал, рана была поверхностной и неопасной, чуть больше, чем обычная царапина. Она немного кровоточила. Он перебинтовал ее чистым носовым платком О'Брайена и поехал дальше.

Поведение О'Брайена заставляло его задуматься. Сержант был хорошим солдатом, храбрым и всегда в отличном настроении. Однако с тех пор, как он понял, что они больше не принадлежат их собственному миру, он изменился. Он постоянно думал о том, что скоро умрет. Это, по мнению Ту Хокса, было следствием его полной оторванности от непонятного ему окружающего мира. О'Брайен чувствовал себя чужим и страдал такой сильной ностальгией, какой, быть может, не знал еще ни один человек. Он буквально убивал самого себя.

Ту Хоксу казалось, что он его понимает, хотя он меньше страдал от своего положения. Чувство утраты и у него было велико. Как порождение кризиса двух несовместимых культур, он не принадлежал до конца ни одной из них и скептически относился к ценностям и моральным категориям любой из них. И в своем мире он тоже был чужаком. Кроме того, по натуре он был более гибок, чем О'Брайен. Он

смог перенести шок перемещения, приспособиться и, вероятно, даже преуспел бы, если бы у него появилась такая возможность. Но он беспокоился за О'Брайена.

Глава 9

Двумя часами позднее, после того как они раз десять сбивались с пути, им наконец удалось снова выбраться на главную дорогу. Город остался далеко позади, но, проехав несколько километров в колонне, Ту Хокс увидел на дороге шлагбаум и кишевших около него солдат. Он стал наблюдать за ними; они вытащили из одного автомобиля вооруженного мужчину и повели к палатке на обочине дороги.

— Они ищут шпионов и дезертиров, — сказал Ту Хокс. — Ну хорошо, мы их объедем.

Это тоже было нелегко. Они протряслись два километра по бездорожью, и теперь им предстояло пересечь узкий ручей. Они сделали это не останавливаясь, но через пять минут уткнулись в стену, которая, казалось, тянулась до горизонта в обоих направлениях. Тем временем забрезжило утро. Ту Хокс проехал вдоль стены километра три, пока она наконец не кончилась. Но теперь дорогу им преградил ручей пошире.

Ту Хокс нашел место, показавшееся ему наиболее мелким, а также относительно пологий спуск и направил туда машину. Он ввел машину в воду. Ширина ручья была десять—двенадцать метров. Они проехали по ручью метров восемь, когда вода вдруг забурлила под дверцами и устремилась внутрь салона. Потом локомобиль безнадежно застрял, буксуя в песке и иле. Сдвинуть его с места было невозможно.

— Дальше нам придется идти пешком, — сказал Ту Хокс. — Может быть, это и хорошо. Как пешеходы, мы не будем бросаться в глаза. Кроме того, если мы засадим локомобиль еще глубже в ил, котел может взлететь на воздух.

— Конечно! — произнес О'Брайен, внезапно встревожившись. — Нам лучше удрать, прежде чем что-нибудь еще не случилось.

Они пошли по грунтовой дороге через поле и лес. Питались они украденными продуктами. Прошло три дня. На четвертый день им предоставилась возможность угнать машину с двигателем внутреннего сгорания. В этот день они проделали шестьдесят километров по узким лесным и полевым дорогам. Когда бак машины опустел, они отправились дальше пешком.

— На севере — страна Итскапинтик, — сказал он О'Брайену. — Насколько мне известно, она сохраняет нейтралитет. Мы перейдем границу и отдадимся на милость ее населения.

— Лучше не слушай всякую болтовню, — отозвался О'Брайен. — Что это за люди?

— Смесь индейцев и белых. Они говорят на языке, относящемся к семейству нахса, а похожи они больше всего на ацтеков Мексики. В Восточную Европу они пришли сравнительно недавно, покорили местное население и превратили его в рабов.

— Это звучит не слишком обнадеживающе, — произнес О'Брайен. — А каковы они теперь?

— Я читал, что прошло всего лишь пятьдесят лет с тех пор, как они отказались от религиозных церемоний, связанных с человеческими жертвоприношениями. Со своими рабами они обращаются как с низшими, не давая им никаких шансов вырваться на свободу. Во многих отношениях это очень архаичный народ.

— Почему же мы тогда идем туда?

— Не затем, чтобы просить у них милости. Я намереваюсь ночами идти, а днем скрываться. Мы должны попытаться пересечь эту страну, не входя в контакт с ее населением. Наша цель — Тирслэнд, Швеция на нашей Земле. Там мы посмотрим, что нам делать дальше. Может быть, нам удастся попасть на корабль, отплывающий в Блодландию. Там мы станем важными людьми, с нами будут обращаться, как с королями, и мы сможем вести приятную жизнь.

Эти слова надежды подбодрили О'Брайена. Дальше они шли напрямик, отваживаясь по ночам выходить на безлюдные проселочные дороги. Через пятнадцать дней после бегства из Эстоквы они вышли на ведущую на север главную дорогу. С вершины одного из холмов они видели, что поток беженцев иссякает. Солдат не было видно, и Ту Хокс решил, что они без особого риска могут присоединиться к колонне.

На протяжении двух следующих дней они шли с краю колонны беженцев и обнаружили, что таким образом они продвигаются вперед намного быстрее. На утро третьего дня они услышали на западе орудийную канонаду. Она все усиливалась. Когда настала ночь, до них доносилось щелканье ружейных выстрелов. На следующее утро появились отряды готинозонцев — подкрепление с юга, которое должно было остановить пришедший в движение фронт. Ту Хокс и О'Брайен оставались среди беженцев, где они, по крайней мере, навряд ли могли вызвать подозрение. Левая половина широкой дороги была освобождена полевой жандармерией. Быстро проносящиеся военные грузовики и штабные машины обдавали беглецов удушливыми облаками пыли.

Во второй половине четвертого дня беженцы достигли перекрестка и повернули на дорогу, ведущую на восток. Ту Хокс сказал:

— Перкунцы, должно быть, вторглись и перерезали дорогу к северу отсюда. Они быстро продвигаются вперед.

— Я всегда считал, что индейцы были хорошими воинами, — сказал О'Брайен. — Но здесь, мне кажется, все совсем не так.

Ту Хокс почувствовал себя задетым, словно критика каким-то образом коснулась и его. Он знал, что О'Брайен всегда считал его индейцем и что, хотя он никогда этого не показывал, у него было насчет этого собственное мнение.

— Вот что я тебе скажу, — ответил он. — Это война — совсем не то, что мы знаем. Здесь нет конвенции об обращении с военнопленными, нет известных нам правил ведения войны. Пленных здесь берут в основном для того, чтобы допросить их. Насколько нам известно, допросы здесь означают пытки. Тот, кому не повезло и кто оказался на стороне побежденных, знает это и борется до конца. Если ему приходится отступать, он лучше сам убьет своего раненого товарища, чем позволит ему попасть в руки противника. Поэтому агрессор должен здесь рассчитывать на более упорное сопротивление, чем если бы это было на нашей Земле. Если, несмотря на это, перкунцы быстро продвигаются вперед, значит, у них превосходство в технике, а также в стратегии обхода опорных пунктов противника с их последующим уничтожением.

О'Брайен хмыкнул.

— И еще, вероятно, это значит, они — лучшие солдаты. А теперь мне хотелось бы знать, как мы пойдем дальше. Эта дорога поворачивает на восток.

Ту Хокс был вынужден признать, что он тоже не знает, куда идти.

— Ясно только одно, что до снега мы должны достигнуть Тирслэнда. Если зима застигнет нас в чистом поле, мы очень быстро погибнем от холода.

О'Брайен содрогнулся.

— Боже, что это за мир! Если уж нам суждено было пройти через Врата Времени, почему бы нам тогда не попасть в приятный и дружественный мир?

Ту Хокс улыбнулся и пожал плечами. Быть может, и существовал такой «параллельный» мир, но они находились не в нем.

Часом позже они прошли мимо локомобиля, который застрял в мягкой земле на обочине дороги. Трое мужчин пытались втащить тяжелую машину на твердое полотно дороги. Ту Хокс сказал:

— Ты видел женщину на заднем сиденье? Волосы ее повязаны платком и выглядит она очень усталой, но я могу поклясться, что это Ильмика Хускарле.

Он некоторое время колебался, но когда О'Брайен сказал, что ее присутствие может им пригодиться на границе с Итскапинтиком и эта встреча, может быть, для них настоящий подарок, они повернули назад.

«О'Брайен прав, — подумал Хокс. — Как с дочерью посла с ней будут хорошо обращаться и возможно даже, что, если мы поедем вместе, нам удастся попасть на ее родину. И она сама должна быть заинтересована в этом. Она может взять с собой Ту Хокса и О'Брайена. В конце концов, именно это было ее первоначальным намерением и я не вижу, почему это ее намерение должно было измениться».

Он смело подошел к машине. После мгновенного замешательства девушка узнала его. Сначала ее улыбка была недоверчивой, потом радостной.

— Мы можем поехать вместе с вами? — спросил он.

Она тотчас же кивнула.

— Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Мы уже потеряли всякую надежду...

Они не стали терять времени. Ту Хокс и О'Брайен подошли к машине сзади и помогли троим мужчинам. Когда машина оказалась на твердой почве, Ту Хокс и О'Брайен забрались внутрь. Остальные, родственники работников посольства Блодландии в Эстокве, уселись на заднем сиденье. Ильмика села за руль и повела локомобиль так быстро, как только могла, не причиняя, однако, вреда беженцам. Частыми гудками она прокладывала себе дорогу, и там, где тачку или повозку вовремя не убирали, ей приходилось сворачивать на обочину. Во время одного из таких маневров она и застряла за двадцать минут до появления Ту Хокса.

По пути он рассказал ей, что с ними произошло. Она, конечно, знала, что агенты Блодландии были убиты, но она считала, что летчики были захвачены перкунцами. Она ждала еще два дня, ведя всевозможные поиски, потом сама бежала из города, ставшего таким опасным.

Они ехали весь день и всю следующую ночь и на следующее утро были уже далеко на севере, но у них кончилось горючее. Они пытались остановить армейские машины и выпросить у них угля, однако все было напрасно. Тогда они попробовали топить котел дровами и с трудом проехали еще сорок километров, то и дело останавливаясь, чтобы набрать дров. Однако, когда из пелены туч хлынул сильный дождь и промочил все вокруг, от этого тоже пришлось отказаться.

— Нам предстоит еще дальняя дорога, мы должны идти, — сказала Ильмика. — Если мне удастся поговорить с каким-нибудь офицером, может быть, он даст нам машину.

Это звучало не слишком обнадеживающе. Было ясно, что отряды готинозонцев по горло заняты своими собственными проблемами и у них нет ни времени, ни желания помочь иностранцам найти какое-нибудь транспортное средство, даже если среди этих иностранцев была

дама благородного происхождения. Окончательно убедились они в этом примерно часа два спустя, когда прошли в колонне беженцев первые шесть километров.

Из одного из перелесков выбежали пятьдесят или шестьдесят пехотинцев, пересекли дорогу и укрылись за гребнем холма к востоку от них. Беженцы, оказавшиеся поблизости, бросили свой багаж и повозки на произвол судьбы и побежали вслед за солдатами. Паника распространилась по всей колонне. Дорога превратилась в хаос наваленной друг на друга рухляди, лишившейся хозяев.

В воздухе просвистела граната и взорвалась в двадцати метрах от дороги. В воздух взлетел фонтан дыма и земли. Ту Хокс и остальные бросились в мелкий кювет. Просвистели еще три или четыре гранаты и взорвались частью около дороги, частью на ней. Оси повозок, колеса и домашний скарб взлетели в воздух, ливень земли обрушился на лежащих в кювете людей.

Взрывы отдалились, потом прекратились совсем. Ту Хокс услышал зловещее завывание бронемашин и осторожно поднял голову. Из-за перелеска слева появились пять броневиков. Они были оснащены пушками, а у двух из них было также тонкоствольное оружие, с такого расстояния похожее на пулеметы. Ту Хокс знал, что пулеметы здесь еще не изобрели, но эти штуки казались достаточно опасными. Он сделал знак остальным и помчался по придорожному пшеничному полю, чтобы уйти из зоны обстрела. Когда его группа пересекла пшеничное поле почти наполовину, броневики уже были на дороге и открыли огонь по бегущим солдатам и беженцам. Скорострельность их орудий поразила Ту Хокса. Было очевидно, что перкунцы оснастили свои бронемашины каким-то новым скорострельным оружием. Он никогда не слышал о существовании здесь такого оружия. Должно быть, его создание хранилось до поры в глубокой тайне, а теперь перкунцы наконец применили его. «Вот почему перкунцы продвигаются так быстро», — подумал Ту Хокс. Сила огня этого оружия должна быть просто подавляющей.

Шум боя удалился на восток. Тем временем беглецы пересекли ручей и под защитой густого кустарника на его берегу направились к дремучему лесу на севере. Они шли, пока не стемнело, поспали часа два, потом пошли дальше. Двумя днями позже они наткнулись на четверых убитых. Недалеко от них на лесной дороге стоял совершенно целый автомобиль повышенной проходимости. Бензобак его был полон наполовину. Они поехали на север, пока не кончился бензин, потом снова пошли пешком. Неделей позже они уже были возле самой границы.

Однажды утром, когда они в поисках съестного зашли на одну из заброшенных ферм, они обнаружили там перкунского дезертира. Это был гигант с гладкими черными волосами и широким лицом.

Один из блодландцев, Эльфед Геро, допросил этого человека на перкунском языке. Гигант принадлежал к национальному меньшинству, называемому кинукинук, звали его Квазинд. Он рассказал, что вступил в пререкания с офицером и за это должен был предстать перед трибуналом, но вместо этого предпочел сбежать. Теперь он хотел пробраться через границу в Итскапинтик.

Весь этот день и весь следующий группа, к которой теперь присоединился и Квазинд, брела на север. Местность казалась безлюдной, а война нереальной и далекой. Но на утро следующего дня они проснулись от гула множества моторов. Ту Хокс проскользнул к обочине и выглянул на дорогу, которая проходила у подножия холма метрах в четырехстах от них. Колонна броневиков и грузовиков с прицепными орудиями катила на юг. Все машины были выкрашены в темно-синий цвет, на бортах у них были красные полосы. На их дверцах красовалась эмблема — черный медведь на золотистом фоне.

— Итскапинтик, — сказала Ильмика позади него. — Они направляются в Готинозонию. Некоторое время назад нам стало известно, что Перкуния вынудила эту страну заключить с ней союз. За это Итскапинтик должен получить северную часть Готинозонии.

Ту Хокс наблюдал за потоком машин. Вслед за броневиками и артиллерией потянулись отряды снабжения и машины с сидящей в их кузовах пехотой. Потом снова пошли бронемашины. Лица солдат были скрыты круглыми шлемами.

Колонна не прерывалась. Беглецы наблюдали за ней, сменяя друг друга. Они не отваживались высовываться из своего укрытия, потому что повсюду шныряли патрули. Только вечером они отправились дальше.

На следующий день они укрылись в старом сарае с просевшей крышей, который они сочли вполне надежным укрытием. Однако, когда вечером они снова хотели отправиться в путь, они обнаружили, что сарай окружен.

Семь полицейских Итскапинтика приблизились к ветхому дощатому строению с трех сторон и, взяв ружья наизготовку, вынудили беглецов выйти наружу, а потом разоружили их. Затем им всем связали руки. Малорослый молодой парень, очевидно, сын крестьянина, который привел полицейских, гордо стоял поблизости.

Командир отряда, плотный темноволосый мужчина с широким ртом и крупными, выступающими вперед зубами, усмехаясь, повернулся к Ильмике. Он взял ее за подбородок, потом обхватил за поясницу и бросил на траву. Связанные пленники ничего не могли сделать, они лишь беспомощно смотрели на то, что происходит.

О'Брайен, побледнев, вдруг фыркнул и бросился вперед. Командир отряда, навалившийся было на Ильмику, услышал предупреждающий

крик одного из своих людей, поднял голову и оглянулся через плечо. О'Брайен взвился в воздух и носками сапог изо всей силы обрушился на его подбородок. Что-то хрустнуло, словно переломили деревянную палку. Командир откатился от своей жертвы и остался неподвижно лежать на траве.

О'Брайен с маху брякнулся на спину, и на его связанные руки пришлась основная сила удара. Он заревел от боли, перевернулся и попытался встать. Приклад ружья ударил его по затылку, и О'Брайен снова запрокинулся. Полицейский, ударивший его, перевернул ружье, приставил дуло к затылку О'Брайена и нажал спуск. Ирландец вытянулся, слабо вздрогнул и затих.

Командир отряда тоже был мертв; удар двумя ногами сломал ему шейные позвонки и челюсть. Полицейские начали яростно избивать пленников. Ту Хокса двинули по спине прикладом ружья, и он упал. Полицейский сапог ткнул его в ребро и в живот. Следующий удар пришелся по его голове, и он потерял сознание.

Полицейские, выместив, наконец, ярость на пленниках, оставили свои жертвы, собрались вокруг мертвого командира и завели какой-то разговор. Одни пленники стонали и охали, другие лежали тихо и неподвижно. Геро, которого избили особенно жестоко, рвало.

Ту Хокс пришел в себя, но потребовалось некоторое время, пока он обрел способность мыслить четко и ясно. Голова его болела так, словно кто-то запустил в нее раскаленные когти и разрывал ими мозг, а тело казалось ему самому огромной кровоточащей раной. С течением времени он понял, почему О'Брайен пошел на такой самоубийственный поступок. С тех пор как сержант узнал, что он навсегда оторван от родины, он медленно умирал. Глубокая скорбь наполнила все его существо, неутихающая печаль гасила его волю к жизни. Таким образом, он умышленно пошел на смерть. Для других его порыв выглядел как мужественный и рыцарский поступок, а не как самоубийство. Однако Ту Хокс хорошо знал своего друга.

Поступок О'Брайена не был напрасным. Он отвлек внимание полицейских от девушки. Теперь вооруженные люди пинками и ударами прикладов подняли пленников на ноги и загнали их на борт грузовика, подъехавшего к ним. Их везли десять часов, не давая им ни еды, ни питья. Наконец они оказались в военном лагере и их поместили в усиленно охраняемый барак. Им дали воды, черствого черного хлеба и вонючий суп с двумя-тремя кусочками жесткой жилистой говядины.

Пришла ночь, а с ней и кровососы. Утро принесло облегчение. Один из офицеров, владевший блодландским и готинозонским языками, целый час допрашивал их. Рассказ пленников, казалось, встревожил его. Во второй половине дня пришли солдаты и увели Ильмику.

Ту Хокс спросил Геро, имеет ли он представление о том, что здесь происходит. Геро пробормотал сквозь сломанные зубы, едва шевеля распухшими губами:

— Если бы Итскапинтик все еще был нейтральным, перед нами извинились бы и отпустили. Теперь же лучшее, на что мы можем надеяться, это жизнь в рабстве. Девушку, вероятно, отдадут высшим офицерам. Когда она им надоест, ее отправят к низшему командному составу. Бог знает, что произойдет потом. Но она дворянка Блодландии. Она убьет себя при первой же возможности.

Ту Хокс не был так уверен в этом. У него было ощущение, что за кулисами что-то происходит. Через два дня его и Квазинда привели в один из кабинетов комендатуры. Там находились Ильмика Хускарле, один из офицеров Итскапинтика и один перкунец. На последнем был белый с красным мундир с орденами и золотыми эполетами. Девушка выглядела намного лучше, чем когда их доставили в лагерь. Она вымылась, и ей дали женскую одежду. Но, несмотря на это, она, казалось, была погружена в собственные мысли и смотрела вокруг отсутствующим взглядом. Перкунцу пришлось по несколько раз повторять свои вопросы, прежде чем он получал от нее ответы на них.

Ту Хокс быстро оценил положение. Должно быть, у перкунцев был очень действенный аппарат тайной службы, который сразу же после доставки пленников установил их личность. По-видимому, правительство Перкунии немедленно направило Итскапинтику требование об их выдаче, и теперь Ту Хокс спрашивал себя, что же с ними будет дальше.

Только позже Ту Хокс узнал, почему кроме него перкунцам понадобились также Квазинд и Ильмика. У Ильмики были родственники во влиятельных кругах Перкунии, а Квазинда по ошибке приняли за О'Брайена. Эта ошибка не могла долго оставаться незамеченной, но все же Квазинда успели вместе с остальными отправить в столицу Перкунии, город Комаи. О блодландцах, взятых вместе с ним в плен, Ту Хокс больше ничего никогда не слышал и предположил, что их отправили в рабочий лагерь.

Он скептически смотрел на свое будущее и не верил, что ему понравится то, что ждет его в Комаи, однако он почувствовал облегчение, когда граница Итскапинтика осталась позади.

Вагон железной дороги, в котором они ехали, был просто роскошным. У Ту Хокса и Квазинда было отдельное купе. Кормили их великолепно, и они могли пить пива, вина и водки столько, сколько хотели. Они могли даже принимать ванну. Так долго лишенные всех этих радостей, они почти забыли, что на всех окнах — железные решетки, а в обоих вагонах дежурят вооруженные охранники.

Ответственный за их перевозку и обслуживание офицер, килиаркос (капитан) по имени Уилкис, всегда находился поблизости. Он обедал вместе с ними и старался познакомить Ту Хокса с основами перкунского языка.

Ильмика редко покидала свое купе. В тех немногих случаях, когда она встречала Ту Хокса в коридоре, она явно избегала любых разговоров. Он отнес это на счет того, что был свидетелем ее унижения. Впрочем, это было, вероятно, не только смущение от того, что он видел, как ее пытались обесчестить, но также и презрение, потому что он не попытался защитить ее. Ту Хокс не оправдывался. У него не было никакого желания объяснять ей, что ее кодекс чести не совпадал с его кодексом чести. Она сама видела, что произошло с О'Брайеном. При этом ее собственные подчиненные, Геро и другие не пытались ее защитить. Они трезво считались с реальностью и, как он думал, были правы. Что она думала о них?

Ильмика ничего не говорила обо всем этом. На приветствие Ту Хокса она отвечала всегда одним и тем же холодным кивком головы. В ответ он пожимал плечами и иногда улыбался. Ее поведение не должно было его задевать. Он мог казаться ей привлекательным, но между ними зияла пропасть. Он не был ни блодландцем, ни дворянином. Даже если она его любит — а он ничего подобного не замечал, — ей все равно придется забыть о нем.

Ту Хокс занимался изучением языка и смотрел на проплывающие мимо ландшафты. Эта страна была в основном равниной, только кое-где тянулись плоские цепочки холмов. Польша и Восточная Германия на его Земле выглядели почти так же. Большая часть полей была уже убрана, и местность казалась пустынной, но Уилкис рассказал ему, что сельское хозяйство здесь в основном механизировано и у них больше тракторов, чем у какой-либо другой страны в этом мире.

В городе Геррвоге к ним подсел еще один офицер. Виаутас носил темно-синий мундир с серебристыми эполетами и изображение головы кабана — тоже из серебра — на высокой форменной фуражке. Худое тонкогубое лицо не казалось привлекательным, однако скоро обнаружилось, что человек он приятный и необычайно умный. Ту Хокс не ошибся. У Виаутаса было задание подвергнуть обоих пленников предварительному допросу.

Ту Хокс решил рассказать ему все. Если он не пойдет на это теперь, позже его вынудят это сделать и в течение нескольких недель могут сильно подорвать его здоровье. Кроме того, он не был обязан сохранять лояльность по отношению к какой-либо стране этого мира. Судьба сначала поставила его на сторону Блодландии и Готинозонии, но тайная полиция последней пытала его и заперла в сумасшедшем

доме, а Блодландия обманула своего собственного союзника, чтобы заполучить их в свои руки. Между практикой Перкунии и Блодландии, на его взгляд, не было существенной разницы. Ему была неприятна только одна мысль: сотрудничая с перкунцами, он будет сотрудничать с немцами. Работая на ту же нацию, на которую работал немецкий пилот, он, как ему казалось, некоторым образом будет обманывать свой мир и свою страну.

Но... здесь нет ни Соединенных Штатов Америки, ни Германии...

После получасового допроса Ту Хокс понял, что все до единого его ответы на кажущиеся беспорядочными вопросы Виаутас сравнивает с машинописным текстом, напечатанным на листах бумаги, собранных в скоросшиватель. Несомненно, это была информация, которую дал им немец.

Ту Хокс сказал:

— Откуда вы знаете, что этот человек — как там его зовут? — выложил вам чистую правду?

Виаутас был озадачен этим его вопросом. Помолчав, он улыбнулся и произнес:

— Итак, вы знаете о нем? Вам рассказали о нем эти блодландцы? Впрочем, его зовут Хорст Раске.

— И как вы находите эти две рассказанные независимо одна от другой истории? Насколько они совпадают?

— Совпадений, несомненно, достаточно, чтобы убедиться в том, что вы пришли оттуда же, откуда и он. Для меня, конечно, это поразительный аспект событий. Предположим, что существует Вселенная, занимающая то же самое место, что и наша, но не пересекающаяся и не контактирующая с ней, с нашей Вселенной. Я могу допустить, что на обоих воплощениях Земли могла развиваться похожая флора и фауна, включая и человека. В конце концов, астрономические и географические условия на обеих этих Землях почти одни и те же.

Но я никак не могу понять, почему в обоих мирах существуют такие похожие друг на друга языки. Вы понимаете, насколько маловероятно такое совпадение? Менее чем миллиард к одному, насколько я могу это оценить. И все-таки я должен признать, что не один только язык, а многие ваши языки имеют родственные языки на нашей Земле! — Виаутас энергично покачал головой. — Нет! Нет!

— И Раске, и мы прошли сквозь Врата, — сказал Ту Хокс. — Может быть, существует много таких Врат. В течение ста или двухсот тысяч лет существования человечества могло иметь место неоднократное перемещение людей между нашим и вашим мирами. Может быть, человек возник не здесь, не на этой Земле. Он мог прийти сюда с моей Земли и поселиться здесь. Окаменелости моей Земли ясно и недвусмысленно указывают на то, что человек был

с самого начала, но все же какие-то неразрешенные сомнения остаются.

— Пятьдесят лет назад существовали разные теории происхождения и развития человека, — сказал Виаутас. — Даже сегодня имеется множество противников теории, согласно которой человек не был создан и ему больше пяти тысяч лет.

Ту Хокс почти каждую свободную минуту путешествия проводил с Виаутасом, и хотя именно он должен был отвечать на вопросы других, он все же пытался задавать и свои собственные вопросы. Виатуас не избегал ответов на них, и его поведение убедило Ту Хокса в том, что этот человек ему верит.

— Мне хотелось бы знать, — спросил он однажды, — что намеревается сделать с нами ваше правительство?

— Если вы будете сотрудничать с нами и предоставите в наше распоряжение свои знания, с вами будут хорошо обращаться. Я думаю, мы сможем дать вам наше гражданство.

Глава 10

Поезд прибыл в Комаи поздно вечером. У Ту Хокса почти не было возможности осмотреть город. Ильмику, Квазинда и его посадили в машину и увезли. Машину их сопровождал броневик. Ту Хокс увидел несколько улиц с высокими домами и узкими фасадами, похожими на средневековые здания. Улицы освещались стеклянными фонарями.

Потом они оказались в центре города. Здесь старые улицы были выровнены и превращены в мощеные бульвары. Огромные роскошные здания с украшенными колоннадой фасадами возвышались за рядами деревьев. Машина остановилась перед одним из таких дворцов, и Ильмика потребовала, чтобы ее высадили. Когда она выходила из машины, Ту Хокс бросил на нее быстрый взгляд. Он увидел, что она боится, и подбадривающе улыбнулся ей вслед, но больше ничего он сделать не мог.

Машина тронулась снова и доставила Ту Хокса и Квазинда к другому перкунскому зданию. Их провели через огромный, богато украшенный зал, они поднялись по лестнице на два пролета и прошли по устланному мягким ковром коридору в элегантно обставленную квартиру из четырех комнат, которая казалась обитаемой. Но сейчас она была пуста. Им дали понять, что они будут в ней заперты, а двери ее охраняют шесть солдат. Прежде чем пожелать им спокойной ночи, Виаутас сказал:

— Сейчас уже поздно, но Раске хочет поговорить с вами. Я думаю, вы тоже хотите увидеть своего товарища, разделившего с вами вашу судьбу.

Вскоре снаружи послышались голоса. Дверь открылась. Вошел высокий, очень приятно выглядевший мужчина. На нем был синий с красным мундир офицера гвардии. Войдя, он снял свою фуражку, окантованную мехом белого медведя. Светлые волосы его были коротко подстрижены. Он улыбнулся, и в его темно-голубых глазах, опушенных длинными черными ресницами, отразилась эта улыбка. Он, несомненно, был самым красивым мужчиной, какого Ту Хокс видел, однако в нем было достаточно мужественности, чтобы не называть его слащавым или смазливым.

Офицер щелкнул каблуками со шпорами, слегка поклонился и сказал глубоким баритоном:

— Лейтенант Хорст Раске к вашим услугам, — в его английском был сильный немецкий акцент.

— Лейтенант Роджер Ту Хокс, — Ту Хокс представился сам и представил Квазинда, однако Раске только слегка кивнул ему головой: он знал, что этот человек не представляет для него никакой ценности и находится здесь только потому, что Ту Хокс попросил об этом. Когда перкунцы обнаружили, что Квазинд не О'Брайен, они хотели отправить его в рабочий лагерь. Они не знали, что он кинукинук и что он дезертировал из своей части, иначе они тотчас же поставили бы его к стенке. Но Ту Хокс объяснил Виаутасу, что Квазинд из Готинозонии и что он помог им бежать из сумасшедшего дома, поэтому он настаивает на том, чтобы Квазинд остался с ним как его слуга. Виаутас дал свое согласие.

Ту Хокс отправил Квазинда за пивом. Раске уселся на огромную софу. Его рука скользнула в правый карман кителя и осталась там. Он улыбнулся и сказал:

— Я все еще машинально ищу сигареты. Ну, курение относится к тем вещам, без которых мне придется обходиться. Это малая цена за тот мир, который предлагает тебе больше возможностей, чем твой собственный. Говорю вам, лейтенант, мы могущественные люди. Таким, как мы, за наши знания дадут все. Все!

Он посмотрел на Ту Хокса, пытаясь увидеть, какое действие произвели на него его слова. Ту Хокс сел в кресло напротив него.

— Вы, кажется, очень хорошо устроились за то короткое время, что вы здесь.

Хорст Раске рассмеялся.

— Я не отношусь к тем, кто упускает свой шанс. К счастью, у меня большие способности к языкам. Я уже почти овладел этим варварским языком, по крайней мере настолько, чтобы свободно разговаривать на нем.

Он взял стакан с пивом, протянутый ему Квазиндом, задумался, потом чокнулся с Ту Хоксом.

— За наш успех, мой друг! Два землянина в чужом, но не таком уж негостеприимном мире! Возможно, мы будем жить долго и

наслаждаться жизнью. Так наслаждаться, как никогда бы не смогли там!

— Я пью за это, — сказал Ту Хокс. — И позвольте мне поздравить вас с вашей замечательной способностью приспосабливаться. Большинство людей, окажись они в таком положении, были бы выбиты из колеи и никогда не оправились бы от этого шока.

— Вы, кажется, тоже неплохо сориентировались, — сказал Раске.

— Я непривередлив. Ем то, что дают. И не имеет значения, считаю я это вкусным или нет.

Раске снова рассмеялся.

— Вы мне нравитесь! Вы человек в моем вкусе! Я мог только надеяться на это.

— Почему?

— Мне хочется открыться. Я не так самодоволен, как может показаться. Я чувствую себя немного одиноко, только немного, вы понимаете: это тоска по общению с человеком с нашей старой Земли, — он радостно рассмеялся. — Конечно, лучше было бы, если бы это была женщина, но нельзя же получить все, что хочешь. Кроме того... — он поднес стакан ко рту и подмигнул Ту Хоксу. — Кроме того, я могу иметь здесь женское общество, когда захочу. Да еще общество лучшей из здешних женщин. Мне удалось — назовем это так — вызвать интерес к своей особе у дочери здешнего властителя. Она имеет огромное влияние на своего папашу.

— Я нужен вам не только для общения, — сказал Ту Хокс. — Чтобы предоставить мне все это, у вас должны были быть еще какие-то причины, — и он обвел рукой роскошную обстановку комнаты.

— Я рад, что вы не так наивны. Скажем так, вы можете оказать мне в моих делах большую помощь. Да, вы нужны мне. Действительно, вы находитесь здесь потому, что мне нужно было, чтобы вы прибыли сюда. У меня есть друг, который занимает высокий пост в тайной полиции. Он рассказал мне о двух мужчинах из другого мира, которых поместили в сумасшедший дом. Я предложил похитить вас и...

— Стало быть, это вы предложили, чтобы нас убили, если не удастся захватить нас живыми?

Раске был удивлен, но быстро взял себя в руки и сказал, улыбнувшись:

— Да, это был я. Я не мог допустить, чтобы Готинозония получила информацию, которая позволила бы ей подняться на уровень Перкунии — моей приемной родины, не так ли? Разве вы не сделали бы то же самое, окажись вы на моем месте?

— Возможно.

— Конечно, вы сделали бы это. Но вас не убили. И вы должны быть благодарны мне за то, что вас не сгноили заживо в рабочем

лагере Итскапинтика. Я предложил правительству Перкунии потребовать вашей выдачи. То, что эта девушка тоже была там, конечно, облегчило нам дело, потому что она — племянница герцога Торстайна, теперешнего министра иностранных дел.

— А что теперь с ней? — спросил Ту Хокс.

— Она теперь, естественно, примет перкунское гражданство. Если она даст клятву верности, у нее будет роскошная жизнь, потому что ее дядя очень большой человек. Коли же она откажется от этого, что она, вероятно, и сделает, как все эти тупоголовые британцы, ее возьмут под арест. Конечно, арест не будет таким уж неприятным. Вероятно, ее отправят в какой-нибудь замок, где у нее будут личные покои и слуги.

Ту Хокс отхлебнул пива и посмотрел на немца. Немца? Раске уже забыл о войне в своем родном мире. Теперь его интересует, что он может получить здесь, и он счастлив, что у него есть нечто, за что в Перкунии могли дать высокую цену. И, как был вынужден признать Ту Хокс, его позиция была реалистичной. Почему он должен продолжать здесь эту войну? Америка и Россия с таким же успехом могли находиться на планете в системе другой звезды. Военная присяга, данная им, Ту Хоксом, и Раске, здесь была ничем, нулем, как если бы они оба погибли при Плоешти.

Само собой разумеется, это отнюдь не значило, что он может полностью доверять Раске. Этот человек был прагматиком. Как только он решит, что Ту Хокс ему больше не нужен, он тут же отбросит его. Но мог быть еще и другой вариант: Ту Хокс мог использовать Раске.

— Я представляю для Перкунии огромную ценность, — говорил Раске, — потому что я изучал самолетостроение. Я кое-что понимаю в химии и высокочастотной технике. В Германии с моими знаниями я не был бы заметной величиной, но здесь — другое дело. А что изучали вы?

— Боюсь, что моя специальность не так уже необходима, — поколебавшись, ответил Ту Хокс. — Я изучал индоевропейские языки. Конечно, как факультативные предметы я изучал математику и физику, потому что знал, что одно только языкознание можно использовать лишь в университетской карьере. Нужно было получить специальность и для практического использования. Во время войны я овладел профессиями радиста и пилота. Кроме того, я разбираюсь в автомобилях. Во время учебы я по полдня работал на автомобильном заводе.

— Не так плохо, — сказал Раске. — Мне нужен кто-нибудь, кто помог бы мне здесь в развитии радиосвязи и самолетостроения. Я планирую создать истребитель. Он должен быть оснащен радио и пулеметами. Иначе он будет недостаточно совершенен. Он будет напоминать истребитель первой мировой войны. Но здесь большего и

не нужно, и он будет летать достаточно быстро, чтобы сбивать вражеские воздушные корабли. Его можно будет использовать и в качестве разведчика, а также для борьбы с наземными воинскими формированиями.

Ту Хокс не был удивлен тем, что Перкуния не может строить новейшие самолеты. Для этого необходимы материалы, которые могут быть созданы только при развитой технологии. Нужны особые сорта стали и алюминия (а он в этом мире еще неизвестен), нужно построить соответствующие заводы и машины, но на это потребуется очень много времени, а правительству Перкунии нужно что-нибудь такое, что можно было бы использовать в ближайшее время, а не после окончания войны.

Стало быть, Раске правильно оценил потребности и возможности здешнего самолетостроения и вынужден был предложить перкунцам устаревший и несовершенный самолет, который для этого мира, однако, был новым, революционным шагом вперед.

Раске продолжал вводить Ту Хокса в курс дела. Он доволен работой. Он почти не спит. Его программа работ почти не оставляет времени для других занятий, таких, как светские выходы и ухаживание за дочерью правителя страны. К счастью, у него очень малая потребность в сне и он может работать одновременно над несколькими проектами. Но ему нужен человек, который взялся бы за доработку мелких деталей и мог бы справляться с сотней повседневных дел. Да, Ту Хокс мог бы основательно помочь ему.

Он указал на двухголового волка на серебряном фоне, который украшал левую половину его груди.

— У меня воинское звание, соответствующее нашему полковнику. Я могу добиться, чтобы вам дали майора, как только будет улажен вопрос о вашем гражданстве. Обычно это тянется недели или месяцы, но в нашем случае это будет сделано уже этим утром. Вы не можете желать ничего лучшего. Эта страна, конечно, овладеет всей Европой.

— Как Германия, да?

Раске улыбнулся.

— Я не так наивен, и я не оторван от реальности, — возразил он. — Здесь, как вы видите, положение совсем другое. Не только потому, что здесь нет Америки. Перкуния, как вы видите, гораздо сильнее, чем Германия на нашей Земле. Она больше по площади, и ее технология и военный потенциал ставят ее над всеми другими государствами. А с нами обоими она еще больше уйдет вперед. Но надо сделать еще много, у нас море работы. Нужно время, чтобы создать новейшие установки для выработки особой стали и переработки бокситов в алюминий. Нужно найти месторождения бокситов и решить проблему их транспортировки. Нужно разработать производство синтетической резины. Для всех новых заводов необходимо оборудова-

ние и механизмы, а их нельзя изготовить без чертежей и огромного управленческого и конструкторского аппарата. Нужно обучить и подготовить тысячи и тысячи человек.

Это невероятно трудное задание — вызов нам обоим. Но все трудности будут преодолены, и именно нам предстоит осуществить технологический прорыв. Мы будем очень, очень важными людьми, Роджер Ту Хокс. Вы будете великим человеком, могущественным и богатым, более могущественным и богатым, чем вы можете это себе представить. — Раске встал, подошел к Ту Хоксу и положил руку ему на плечо. — Я не знаю, чего вы хотите и соблазняет вас эта перспектива или нет. Со временем я это узнаю. А пока мы будем работать вместе, и как можно лучше. И не забывайте, что мы с вами создаем свое будущее.

Он подошел к двери, потом еще раз задержался.

— Спите, Роджер. Завтра утром вы примете ванну, а я обеспечу вас новой одеждой. Потом за работу! А когда вы устанете, подумайте о том, какую выгоду принесут вам ваши усилия. До свидания!

— До свидания, — сказал Ту Хокс вслед Раске, затем встал и пошел в спальню. Кровать была огромная, на четырех ножках, с шелковым покрывалом. Он откинул его, бросился на мягкие подушки и натянул на себя пуховое одеяло. Он должен был признать, что предложение Раске было весьма привлекательно.

Ну а почему бы и нет? На Земле эта страна была для него такой же, как и все прочие. Ни одной из них он ничем не был обязан. Даже люди, которые были рядом с ним и которых он немного узнал, пытали его, а потом упрятали в сумасшедший дом.

В приоткрытой двери показалось широкое темное лицо Квазинда. Он спросил, можно ли ему поговорить с Ту Хоксом. Ту Хокс знаком предложил ему сесть на край постели, но кинукикук остался стоять.

— Я не могу понять язык, на котором говорили вы с Раске, — сказал он. — Мне позволено будет спросить вас, о чем шла речь?

— Не говори как раб, — сказал Ту Хокс. — Ты должен играть роль моего слуги, если ты хочешь жить, но это не значит, что мы не можем говорить друг с другом как человек с человеком, когда мы остаемся одни. — Он тщательно обыскал комнату в поисках подслушивающих устройств и ничего не нашел. Это, правда, не значило, что в стене нет отверстия для подслушивания. Он позвал:

— Иди же, Квазинд, садись на край постели и давай поговорим тихо и спокойно.

Он вкратце пересказал ему свою беседу с немцем. Квазинд долго молчал, задумчиво сведя свои густые брови.

— То, что сказал этот человек, — правда, — произнес он наконец. — Вы можете стать великим человеком. Но когда война кончится и вы будете не нужны, что тогда? Вашим недоброжелателям будет

легко навлечь на вас подозрения, очернить вас и отобрать у вас ваше звание и положение в обществе.

— В высших кругах так, конечно, и планируют, — ответил Ту Хокс. — Но у тебя, мне кажется, что-то еще на уме, ты хочешь еще что-то мне сказать.

— Эти люди пытаются превратить всю Европу в Перкунию, — сказал Квазинд. — Однажды обнаружится, что остался только один, перкунский, язык. Знамена других наций будут сожжены, их история предана забвению. Тогда каждый ребенок в Европе будет считать себя перкунцем, а не иберцем, блодландцем, аикхивиром.

— А что мы можем с этим поделать? Может быть, так даже лучше. Не будет больше никаких национальных разногласий, никаких войн.

— Вы говорите, как один из них.

— Я не один из них, — возразил Ту Хокс. — Но их цели разумны и логичны. Может быть, мне не нравятся они сами. Но какова же альтернатива? Может быть, у Блодландии цели лучше? Разве кинукинук не уничтожают своих извечных врагов, итскапинтик и готинозонцев, как только появляется такая возможность? Разве Блодландия не стремится к господству над другими странами? Разве Аикхивия не ждет удобного случая возродить свою распавшуюся давным-давно империю жестокости?

— Вы сказали мне, что выступаете за полное равноправие всех рас и народов. Вы сказали, что с людьми, у которых черная и коричневая кожа, в этой... этой вашей Америке все еще обращаются как с презренными рабами, хотя рабство в вашем мире давным-давно отменено и все порядочные люди на вашей Земле борются за то, чтобы дать им всем равные права со всеми остальными людьми. Вы сказали...

— Но ведь ты хочешь сказать мне что-то еще, — прервал его Ту Хокс. — Ты расспрашиваешь меня, потому что не уверен, можно мне сказать это или нет. Верно?

— Вы видите меня насквозь и читаете мои мысли.

— Далеко не все. Но я ставлю десять против одного, что ты хочешь предложить мне бежать. Ты действуешь в качестве агента Блодландии.

Квазинд кивнул.

— Я вынужден полностью вам довериться. Если я этого не сделаю, возможности для бегства не будет совсем. А ведь именно этого хотите вы, а не я.

Ту Хокс долгим задумчивым взглядом посмотрел на него.

— Если я скажу тебе, что хочу остаться здесь, ты меня убьешь, не так ли? Блодландцам я нужен живой, но если они не смогут заполучить меня, они, по крайней мере, сделают все, чтобы я не достался также и их врагам. Так?

— Я не хочу играть с вами в кошки-мышки, — ответил Квазинд, чувствуя себя довольно неуютно, — вы мой друг; вы спасли мне жизнь. Но ради своей страны я убью вас вот этими руками. А потом я постараюсь уничтожить как можно больше перкунцев, прежде чем они убьют меня самого.

— Я тебя великолепно понимаю. Итак, каков же ваш план?

— Вас оповестят об этом, когда пробьет час. А тем временем вам придется работать с врагами.

Квазинд ушел в свою комнату. Ту Хокс полежал еще некоторое время, не закрывая глаз, в своей роскошной постели, думая о Хорсте Раске. Немцы верили, что они приберут к рукам весь мир. Но раз уж блодландцы намеревались убить Ту Хокса, если он будет сотрудничать с перкунцами, тогда у них должен быть план и уничтожения Раске. Только так блодландцы могли помешать Перкунии получить из рук Раске технологию и оружие, превосходящее все известное в этом мире.

Глава 11

На следующей неделе Ту Хокс включился в напряженную работу. Каждое утро он проводил три часа за изучением языка. Потом он до полуночи или дольше работал в своем кабинете. Кабинет находился на одном из больших заводов на окраине Комаи. На работу его доставляли в бронемашине, которая постоянно была наготове. Иногда он выходил на улицу, эскортируемый двумя охранниками из команды бронеавтомобиля. Он знал, что их обязанностью было не только воспрепятствовать любой его попытке к бегству, но также защищать его от всякого покушения на его жизнь.

Раске дал ему задание сконструировать устройство для синхронизации пулемета с вращением винта самолета. Ту Хокс знал основной принцип такого устройства, однако ему потребовалось четыре дня, чтобы изготовить расчет и чертежи. Сразу же после этого он должен был консультировать группу, которая изготовляла ракеты «воздух-земля». Это заняло у него еще одну неделю. Затем он был прикомандирован к проектной группе, которая занималась разработкой оснастки и инструментов и обучением рабочих для серийного выпуска самолетов.

Ту Хокс вместе с инженерами и техниками изготавливал первые рабочие чертежи, когда Раске забрал его с этого поста.

— У меня для вас много интересной работы. Мы вдвоем будем обучать пилотов, ядро новых военно-воздушных сил Перкунии. Вы не чувствуете себя одним из отцов-основателей боевой воздушной армии?

Раске пылал энтузиазмом, был счастлив и оптимистичен. Ту Хокс знал, что Раске застрелит его, если у него будут основания предполо-

жить, что Ту Хокс предатель, но он все же не мог не признать, что Раске симпатичен ему. Это чувство симпатии облегчало ему работу на него и для него.

Прошли три недели. Наступила осень, появились первые признаки приближающейся зимы. Ту Хокс едва находил время, чтобы поговорить с Квазиндом, но он не говорил ему, что пока не готов к бегству. Вопреки всему он с воодушевлением занимался обучением пилотов. Тем временем вручную было изготовлено два двухместных моноплана. Каждый из них имел двенадцатицилиндровый мотор с водяным охлаждением, двойное управление и радиус полета триста километров со скоростью сто шестьдесят километров в час.

Это было далеко не то, что построил бы Раске, будь у него больше времени и лучшие материалы. Но алюминия не было, и лучшая имеющаяся в их распоряжении сталь была далеко не такого качества, как сталь на Земле-1 в 1918 году. Авиабензин здесь имел низкое октановое число. Поэтому машина должна была быть простой, ограниченной в скорости и радиусе полета. Но, несмотря на это, в качестве разведчика, штурмовика и легкого бомбардировщика для налетов на объекты недалеко от фронта — современной задачи перкунской армии — она вполне подходила. Впрочем, она значительно превосходила в скорости и маневренности здешние военные воздушные корабли.

В тот день, когда Раске представил первую готовую машину, сам правитель во главе своего генералитета прибыл на аэродром.

Король Перкунии был широкоплечим мужчиной лет пятидесяти, с густой бородой и медлительной манерой разговора. В последнюю войну, командуя пехотой во время нападения на последний опорный пункт Блодландии на Европейском континенте, он потерял правую руку. В рукопашной схватке блодландский офицер саблей отрубил руку молодому королю. За это разозленные перкунские солдаты четвертовали офицера и убили всех защитников опорного пункта.

Когда трибуны заполнились, Раске вышел из ангара. Он забрался в машину и запустил мотор. По рядам высших офицеров пробежал тихий говор, потому что электрический стартер еще не был изобретен и все двигатели внутреннего сгорания приходилось запускать вручную. Моторы управляемых воздушных кораблей перед стартом приходилось запускать даже при помощи вспомогательных машин. Покрашенный серебристой краской моноплан оторвался от Земли, поднялся на тысячу метров и устремился вниз, пронесшись над толпой, так что собравшиеся гости испуганно втянули головы в плечи, а потом на высоте нескольких сотен метров исполнил целый каскад петель и иммельманов, а затем приземлился на три точки и замер на поле аэродрома. Ту Хокс непроизвольно вздрогнул, когда кое-как оправленные в гуттаперчу колеса ударились о травянистую поверхность аэродрома, но шасси выдержало и машина в полной тишине подкатила к трибунам.

В то время как высокопоставленное начальство разразилось криками «ура», окружив Раске плотным кольцом, Ту Хокс осмотрел шасси. Спицы обоих колес были слегка погнуты. Через несколько посадок колеса придется менять, так как для того, чтобы изготовить в этой стране синтетическую резину, нужно по меньшей мере два или три года. Химики экспериментировали на базе информации, полученной от Раске, но они имели весьма слабое представление о получении неопрена и хлорофена.

Затем были построены еще две машины. В следующие пять дней Раске и Ту Хокс испытали все четыре прототипа, совершили нападение на колонну бутафорских машин, чтобы проверить скорострельные пушки, выпустили ракеты и сбросили бомбы. Ту Хокс заметил, что, когда он летал на самолете, бак его был заполнен только на одну четверть. Раске принимал меры предосторожности на случай, если б его коллеге пришла в голову мысль бежать на самолете к находящемуся в ста пятидесяти километрах к северу побережью.

Авиастроительный завод работал на полную мощность в три смены. Однако первые серийные машины должны были быть выпущены только несколько месяцев спустя. Раске и Ту Хокс с утра до вечера находились в воздухе, обучая пилотов. Когда они подготовили первые десять человек, те, в свою очередь, стали обучать других пилотов. Затем произошло неизбежное. Одна из машин сорвалась в штопор, инструктор и ученик погибли на месте. Другая машина вовремя не оторвалась от земли, перевернулась на аэродроме и была полностью разбита, хотя ее пилот отделался только царапинами и легкими ушибами.

Раске был в ярости.

— У нас осталось только две машины, а если приплюсовать сюда еще время на ремонт и замену колес, окажется, что в воздухе сможет находиться только одна машина!

Однажды вечером, когда Ту Хокс по собственному почину работал над съемными баками для горючего, в его кабинет быстрыми шагами вошел Квазинд.

— Послезавтра, — сказал он. — Блодландский агент сказал, что мы должны быть готовы.

— Куда они хотят нас отправить?

— Мы ночью проведем вас по стране, а днем будем прятаться. На берегу нас ждет лодка, которая доставит нас в Тирслэнд. Из Тирслэнда мы на воздушном корабле отправимся в Блодландию.

— План довольно рискованный, — сказал Ту Хокс. — Я подумаю над этим. Позже поговорим еще.

Когда он, совершив второй за день учебный полет, пришел в ангар, он встретился с Раске. У немца на лице играла странная улыбка, и Ту Хокс спросил себя, не были ли обнаружены контакты

Квазинда с иностранной агентурой. Он осмотрелся, но все, казалось, было как обычно. Рабочие трудились над двумя новыми машинами. Группа учеников выслушивала инструкции одного из наскоро обученных пилотов. Несколько солдат, которых он заметил, были обычной охраной.

Раске сказал:

— Вы как-то рассказывали мне, что вы в восторге от девушки по имени Ильмика. Вы хотите ее иметь?

— Что вы хотите этим сказать? — озадаченно спросил Ту Хокс.

— Вы же знаете, что произошло?

Ту Хокс отрицательно покачал головой.

— Она попала в немилость. Король сам предложил ей свободу, если она откажется от Блодландии и примет перкунское гражданство. Эта глупая гусыня оскорбила его и чуть ли не устроила ему истерику. Вы можете себе это представить? Странно, что ее не убили на месте. Король удовлетворился тем, что бросил ее в тюрьму.

Раске усмехнулся.

— Я помню, вы говорили мне, что это очень красивая девушка и что она нравится вам так, как не нравилась ни одна девушка до этого. Теперь, мой друг, чтобы показать вам, как я ценю вас и как я забочусь о своих людях, я устроил так, чтобы вы получили свою даму сердца. Сегодня утром я говорил об этом с королем, и он нашел мою идею весьма разумной. Он считает, что таким образом она получит по заслугам. Я почти завидую вам, мой дорогой!

— Это что, шутка? — осторожно спросил Ту Хокс.

Раске рассмеялся.

— Благородная Ильмика, племянница и родственница королей и министров и кто знает кого еще! Она — ваша рабыня! Вы можете сделать с ней все, что хотите. Я... Что с вами? Я думал, вы обрадуетесь.

— Я подавлен — вот более точное слово, — сказал Ту Хокс. — Только... что будет с ней, если я не соглашусь?

— Не согласитесь? Вы сошли с ума? Если вы действительно сошли с ума и отклоняете мое предложение, ну, не знаю, что с ней будет. Я слышал, что ее, может быть, посадят в одиночку, пока она не отдаст там концы. А может быть, она попадет в один из солдатских борделей. Кто знает? И кого это заботит?

Ту Хокса это тоже не должно было заботить. Но он понял, что должен взять Ильмику в рабыни. Это был единственный способ ее спасти. Он сказал:

— Все в порядке. Пришлите ее ко мне.

Раске хлопнул его по плечу и подмигнул:

— Расскажете мне, как у вас там получится, а?

Ту Хокс вынудил себя улыбнуться:

— Пока подожду.

Раске сказал, что пора снова приниматься за работу. Сегодня обучением пилотов должен заняться Ту Хокс, потому что сам он отправится на конференцию у Главнокомандующего.

— Это самый реакционный и тупой дурак в мундире из всех, кого я когда-либо видел, — фыркнул Раске. — Я разработал скорострельное оружие, которое десятикратно усилит огневую мощь пехоты. Так вы думаете, этот тупица захотел его иметь? Нет, он сказал, что обычный солдат злоупотребит им. Он, мол, будет выпускать пулю за пулей, вместо того, чтобы тщательно целиться, и таким образом будет слишком щедро расходовать боеприпасы.

Но это не единственная причина, почему он отказывается от моего оружия! Вы знаете, что обслуживающий персонал скорострельного оружия должен состоять только из офицеров? Простые солдаты и низший обслуживающий персонал получат это оружие только в случае крайней необходимости. Это смешное правило основано на том, что тридцать лет назад произошло восстание и часть армии — рабочие, рабы и простые солдаты — вышла из повиновения. Восстание было подавлено, но с тех пор аристократия заботиться о том, чтобы у простых людей в руках не было слишком опасного оружия.

Ту Хокс принялся за обучение пилотов. Вечерние часы он решил использовать для того, чтобы испытать новые подвесные баки, работа над которыми шла под его началом и согласно его планам. У этих баков были приспособления для их крепления к самолету, которые присоединялись к креплениям для ракет, находящимся на нижней поверхности крыльев. Шланги присоединялись к бензиновой помпе, снабженной двумя дополнительными вентилями. Их можно было открыть при помощи обычного тросика из кабины пилота. В обоих основных баках бензина было немного. Ту Хокс запустил мотор и позволил ему поработать несколько минут, потом открыл вентили подвесных баков. Во время переключения мотор работал без остановки.

Тем временем наступила полночь.

Ту Хокс отдал приказ убрать дополнительные баки и шланги, а потом поехал назад в Комаи.

Квазинд, как обычно, сопровождавший его, по пути сообщил, что его агент дал ему знать, что время бегства установлено окончательно — на этой неделе. Ту Хокс не хотел и слышать об этом.

— Скажи ему, что у меня другие планы. Нет, пусть он лучше придет и я сам с ним поговорю.

Квазинд возразил, что агент не пойдет на это. Устанавливать контакт с Ту Хоксом напрямую — опасно.

— Скажи ему, что, если он этого не сделает, вся их затея лопнет.

Когда они добрались до своей квартиры, они обнаружили там двух солдат и Ильмику Хускарле. Она сидела на огромной софе, положив руки на колени. Несмотря на свои старания не терять достоинства, она выглядела уставшей и подавленной. На ней была свободная блузка

и длинная юбка из дешевой крашеной хлопчатобумажной ткани. Когда она увидела вошедшего Ту Хокса, глаза ее широко раскрылись. По-видимому, ей не сказали, кто живет в этой квартире. Может быть, она даже не знала, какая судьба ей уготована.

Ту Хокс отпустил солдат.

Девушка заговорила первой.

— Зачем я вам нужна здесь?

Ту Хокс без обиняков все ей рассказал. Она выслушала его, не теряя самообладания.

— Вы, должно быть, устали и голодны, — сказал Ту Хокс. — Квазинд, принеси еды и вина.

— А потом? — спросила она, взглянув на него.

Он ухмыльнулся, и она покраснела.

— Не то, что вы думаете, — сказал он. — Мне не нужна женщина, которая пойдет на это через силу. Я не буду принуждать вас. Вы можете спать в каморке кухарки, которая на ночь уходит домой. Я не буду возражать, даже если вы запрете за собой дверь.

Внезапно по ее щекам побежали слезы, губы задрожали. Громко всхлипывая, она встала. Он положил ей руки на плечи и прижал ее лицо к своей груди. Несколько минут она безудержно рыдала, потом высвободилась из его объятий. Он дал ей носовой платок. Пока она вытирала нос и глаза, появился Квазинд и сказал, что на кухне для нее приготовлена еда. Ильмика без единого слова последовала за ним.

Когда гигант вернулся, Ту Хокс сказал:

— Я поговорю с ней, прежде чем она ляжет спать. Она должна знать, что здесь происходит.

— Зачем вы все это для нее делаете?

— Может быть, я влюблен в нее или, быть может, это безнадежный случай рыцарства. Я не знаю. Знаю только, что я не позволю бросить ее в темницу на пожизненное заключение или отправить ее в солдатский бордель.

Квазинд пожал плечами, показывая, что он ничего не понимает. Но если Ту Хокс так хочет, пусть все так и будет.

Ту Хокс улегся в постель и задумался. Появление девушки все изменило. До сих пор он отбрасывал в сторону мысли о бегстве или, в лучшем случае, только изредка думал об этом, но теперь бегство стало настоятельной необходимостью. Он встал и вышел из спальни, чтобы пойти на кухню, но тут заметил в жилой комнате человека, который тихо разговаривал с Квазиндом.

Чужак был одет в серую одежду домашнего слуги, в руках у него была только что выстиранная простыня. Его имя — его настоящее имя, как несколько позже узнал Ту Хокс, — было Рульф Андерсон.

Ту Хокс пригласил их обоих в спальню. Пока Андерсон торопливо менял простыни, а Квазинд сторожил у двери, Ту Хокс сказал:

— Что скажет правительство Блодландии, если оно получит новейший самолет и это сэкономит ему месяцы разработок и подготовительных работ?

— Я не знаю, — сказал Андерсон. — Это фантастично.

— Вы можете установить связь со своими людьми в Тирслэнде? — и Ту Хокс в двух словах обрисовал агенту свой план.

— Да. Но для того, чтобы все подготовить так, как вы сказали, нам нужно два дня.

— Исключено, — сказал Ту Хокс. — Если Раске сам не обратит внимание на подвесные баки, другие скажут ему, что они уже готовы. И тогда он поймет, что я что-то затеял. Нет, мы должны действовать быстро. Послезавтра все должно быть готово. Не позже.

— Все будет в порядке. Мы попытаемся сделать это. Позже я еще раз увижу Квазинда, и мы скажем ему, насколько мы готовы.

Ту Хокс еще раз повторил важнейшие пункты своего плана и убедился в том, что Андерсон точно понял, что надо сделать. Агент ушел. Ту Хокс толкнулся в комнату Ильмики, но дверь была заперта.

— Квазинд, утром ты останешься здесь, мы должны создать впечатление, будто я считаю ее своей рабыней. Пускай она хорошенько поработает здесь — готовка, уборка, вытирание пыли и так далее.

После короткого сна он поехал на аэродром. У него там было много дел, потому что он должен был также закончить работу Раске. Немец принимал участие в конференции у Главнокомандующего. Ту Хоксу это было на руку. Он внес несколько мелких изменений в подвесные баки и поднялся в кабину, чтобы испытать эти изменения в полете. Когда он посадил машину, его ожидал офицер, отвечавший за подготовку обоих новых самолетов. Он сказал ему, что машины в общем и целом готовы и что можно уже присоединять бензобаки. Подвесные баки со старой машины нужно было снять и крепления удалить. Ему было их жаль, но других баков для установки на новые машины у него не было.

— Очень хорошо, — сказал Ту Хокс, бросив взгляд на часы. — Сделайте это завтра же.

— Но мы получили приказ от Раске немедленно подготовить новые машины. Ночная смена встроит баки.

Ту Хокс был неумолим.

— Я хочу, чтобы Раске видел мои добавочные баки, они увеличат радиус действия наших машин еще на сто пятьдесят километров. Нет, это намного важнее, чем день промедления с новыми машинами. Я хочу, чтобы вы оставили баки там, где они есть.

— Мои люди не могут на это пойти! Раске снимет с меня голову за промедление!

— Я беру на себя всю ответственность, — сказал Ту Хокс. — Вы и люди из ночной смены могут идти по домам, если ничего больше

не надо делать. Вы работали очень напряженно, у вас очень много сверхурочных часов. Я письменно подтвержу это.

Офицер, казалось, боролся с сомнениями, затем он отдал честь и прошел через ангар, чтобы сообщить своим людям о новом приказе. Ту Хокс наблюдал за ним. Офицер мог связаться с Раске, чтобы получить подтверждение только что полученного приказа. Если Раске услышит об этом, он тотчас же поймет, что намеревается сделать американец.

Ту Хокс подошел к офицеру.

— Вы, кажется, боитесь затруднений, — сказал он. — Я предлагаю вам немедленно связаться с Раске. Если он отдаст приказ продолжать работу, вы и продолжите. Таким образом, вы, во всяком случае, себя обезопасите.

Офицер, казалось, облегченно вздохнул. Он поспешил прочь и через десять минут вернулся с разочарованным выражением лица.

— Он на конференции, у него нет времени. Но он распорядился, чтобы я обращался к вам, если возникнут какие-нибудь проблемы.

— Я беру на себя всю ответственность, — Ту Хокс вздохнул. Он выиграл эту игру.

Квазинд нетерпеливо поджидал его в квартире.

— Андерсон сообщил, что агент в Тирслэнде осведомлен обо всем. И люди на побережье уже готовы. Но с утра он не получал больше никаких сообщений. Он очень обеспокоен. Если ветер на побережье слишком силен и они не смогут принять машину...

— В таком случае нам придется оставить самолет и взять рабочий баркас. Где Ильмика?

— В своей каморке. Она спит. Но я все рассказал ей.

Ту Хокс пожелал Квазинду доброй ночи и лег спать. Он тотчас же заснул, и ему показалось, что его разбудили через несколько минут.

— Что, неужели уже пора вставать?

— Нет, — сказал Квазинд. — Вас вызывают к телефону — это Раске.

— Среди ночи?

Он взглянул на часы на своем ночном столике. Было два часа ночи. Ту Хокс вылез из постели, прошлепал в соседнюю комнату и взял трубку. В ней шипело и щелкало, и голос Раске прерывался и дребезжал. Перкунская телефонная техника оставляла желать лучшего.

— Раске?

— Ту Хокс? — взорвался Раске. — Что это за трюк вы выкинули? И таким образом, что я ничего не узнал! Вы считаете себя слишком умным, друг мой!

Ту Хокс спросил:

— О чем вы говорите?

Раске объяснил. Это было именно то, чего боялся Ту Хокс. Дежурный офицер не удовлетворился его заверениями и потом еще раз попытался связаться с Раске. На этот раз это ему удалось, и когда Раске узнал о подвесных баках, намерения Ту Хокса сразу же стали ему ясны.

— Я еще ничего никому не сказал, — объяснил Раске. — Вы мне симпатичны. Кроме того, вы мне нужны. Таким образом, это дело не будет иметь для вас радикальных последствий. Но я вынужден ограничить вашу свободу. Вы получите точный план работ, а я приму необходимые меры предосторожности; каждый день и каждую ночь мне будут докладывать о вашем присутствии на работе и дома.

Раске сделал паузу. Ту Хокс ничего не сказал. Когда немец заговорил снова, голос его звучал жалобно.

— Почему вы хотите бежать? Вам же здесь хорошо. Вы влиятельный человек. Блодландцы ничего не смогут вам предложить. Кроме того, Блодландия в затруднительном положении. На следующий год в это же время она будет покорена.

— Мне в Перкунии просто неуютно, — сказал Ту Хокс. — Она очень сильно напоминает мне Германию.

Раске коротко фыркнул, потом сказал:

— Еще один такой трюк, и вас поставят к стенке! Вы меня поняли?

— Конечно, — сказал Ту Хокс. — Что у вас еще? Я хочу спать.

Раске удивленно усмехнулся.

— Вы очень хладнокровны. Я охотно позволю вам сохранять хладнокровие. Очень хорошо. Вы будете покидать свою квартиру ровно в шесть часов и сразу же по прибытии на аэродром докладываться коменданту. Ваш слуга, этот Квазинд, сможет покидать вашу квартиру только по особому распоряжению. Я немедленно проинструктирую вашу охрану. И еще кое-что. Если вы будете плохо вести себя, у вас отберут вашу маленькую беленькую куколку. Понятно?

— Понятно, — ответил Ту Хокс и повесил трубку.

Глава 12

Ту Хокс обернулся к Квазинду, который с ничего не выражающим лицом стоял рядом с ним.

— Он напал на след. Теперь он начнет действовать. Мы не можем выйти в дверь, значит, надо попробовать выйти в окно.

У Квазинда было озадаченное выражение лица.

— В окно, в окно, человече. Ты пойдешь в спальню и поиграешь в Геркулеса с железными прутьями окна. А я тем временем разбужу девушку.

Пятью минутами позже он вернулся в спальню вместе с Ильмикой. Квазинд выломал из гнезда один из железных прутьев. Ту Хокс и

Ильмика с уважением наблюдали за ним. Гигант уперся обеими ногами в стену под окном, тело его выгнулось дугой, а руками он ухватился за стержень из кованого железа толщиной в палец. Стержень медленно прогибался внутрь, стена заскрежетала и поддалась. Внезапно железный стержень со скрежетом вылетел из гнезда, и Квазинд покатился по ковру. Ухмыляясь, он встал на ноги.

— Теперь мы можем выломать и остальные стержни.

Они скрутили простыни в жгуты и связали их концы. Длины простыней должно было хватить, чтобы спуститься со второго этажа. Ту Хокс осмотрел двери и боковой подъезд здания. Никого не было видно. Он торопливо привязал конец импровизированной веревочной лестницы к оставшимся стержням решетки, протиснулся в окно и, быстро перебирая руками узлы, исчез внизу. Оказавшись на земле, он осмотрелся. Все было тихо. Ильмика последовала за ним, за ней — Квазинд.

Ту Хокс провел их вдоль боковой дороги. Он искал какой-нибудь оставленный автомобиль, но им пришлось пройти четыре квартала, каждый из которых тянулся более чем на километр, прежде чем им попалась машина. Это был лимузин с прямоугольным кузовом, стоявший в темном проезде. Квазинд без звука открыл дверцу, потом они выкатили машину на улицу. Пока Ту Хокс усаживался на сиденье водителя, Квазинд завел мотор. Потом он забрался на заднее сиденье к Ильмике, и они поехали. Все было тихо.

Ту Хокс ехал по дороге к аэродрому, которая была ему хорошо знакома. В это время — было около трех часов ночи — улицы почти пусты. Они оставили позади город, миновали пригороды и минут пять ехали среди крестьянских дворов, пока, наконец, не достигли аэродрома. Ту Хокс вытащил из кармана два револьвера и протянул их Ильмике и Квазинду. Свой служебный револьвер он достал из кобуры и положил возле себя на сиденье. Аэродром был окружен оградой из колючей проволоки метров в шесть высотой, вдоль которой всю ночь патрулировали охранники со специально обученными собаками. Кроме главных ворот, никакого другого въезда на аэродром не было. Ту Хокс должен был прорваться через эти ворота хитростью или силой.

Он остановился и увидел поднятую руку охранника у ворот. Один из охранников направился к машине, остальные остались на своих местах.

— Капитан Ту Хокс с сопровождающими, — сказал Ту Хокс внушительным тоном.

Солдат при виде его мундира отдал честь, потом заколебался.

— А где ваша охрана, капитан?

— Меня вызвали для не допускающего отлагательства срочного ремонта, — солгал Ту Хокс нетерпеливым голосом. — Охрана осталась в своих квартирах. Из предосторожности я взял с собой своего слугу.

Солдат снова отдал честь и сделал знак своим товарищам. Ворота были открыты, и машина въехала внутрь. Ту Хокс облегченно вздохнул и вытер пот со лба.

Машина, подпрыгивая на ухабах, скрытых травой, покатила к ангару и остановилась перед его открытым концом. Они вышли из нее и направились к самолету, носившему название «Раске-2». Рабочие, возившиеся с двумя новыми машинами в задней части ангара, не обратили на них никакого внимания. Только лейтенант, наблюдавший за работой ночной смены, направился к ним.

Увидев машину, Ту Хокс выругался. Подвесные баки и шланги были сняты. Квазинд и Ильмика сели на заднее сиденье. Ту Хокс хотел забраться на сиденье пилота, но тут подошел лейтенант, нервно взялся за кобуру своего револьвера и спросил, что значит это вторжение. Ту Хокс что-то пробормотал ему о необходимых испытаниях. Лейтенант объяснил, что ночные полеты запрещены, и потребовал немедленно покинуть машину. Ту Хокс застрелил его.

Затем он надел свой шлем и взялся за ручки управления. Проверил указатель. Баки, по крайней мере, были полны. Он нажал на стартер. Послышался визжащий звук, деревянный винт начал вращаться, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, и мотор, прогревшись, набрал полные обороты.

Рабочие в задней части ангара, услышав выстрел, сломя голову бросились в укрытие или помчались прочь. Но Ту Хокс понимал, что не пройдет и нескольких минут, как солдаты охраны, спящие в бараках, будут разбужены и выбегут наружу.

«Раске-2» выкатился из ангара и, подпрыгивая на ухабах, покатился к взлетной дорожке. Ту Хокс бросил взгляд на ближайший барак и увидел, что он уже ожил: в окнах задвигались тени, двери распахнулись и из них начали выбегать полураздетые солдаты. Некоторые из них бесцельно палили во все стороны.

После многих взлетов и посадок Ту Хокс хорошо изучил аэродром. Он нашел конец взлетной полосы, развернул машину и дал полный газ. Самолет взревел и со все увеличивающейся скоростью понесся по темному аэродрому. Когда они оказались на траверсе ангара, Ту Хокс потянул рычаг управления на себя и машина взмыла в ночное небо. Он облегченно вздохнул: теперь ему нужно было лететь на север, пока рассвет не позволит ему сориентироваться.

Наступило утро, солнце поднялось над линией горизонта, и с его восходом приподнятое настроение Ту Хокса улетучилось. Стрелка указателя уровня топлива падала быстрее, чем он ожидал, и, кроме того,

он беспокоился, что ждущие их там в одной из крестьянских хижин агенты еще не достали бензина для дозаправки самолета. Кроме того, не исключалось, что агенты эти обнаружены и совершившую посадку машину встретят перкунские солдаты.

Когда они достигли южного берега моря и под ними оказалась вода, стрелка указателя уровня топлива застыла на нуле. Это значило, что в баке осталось только десять литров бензина.

Не слишком много, чтобы летать по округе и разыскивать нужный им сельский домик. Ту Хокс полагал, что они забрались слишком далеко на восток. Он направил машину на запад и был вынужден лететь против сильного ветра, который быстро пожирал оставшиеся десять литров драгоценного горючего.

Несколькими минутами позже он оказался над развилкой проселочных дорог в виде буквы «у» и сразу же понял, что до фермы, до условленного места встречи, осталось еще пять километров. Пролетев три километра, он пересек еще одну дорогу, потом маленький полуостров в виде вопросительного знака. Еще через несколько километров он увидел крестьянский двор, находившийся между болотом с одной стороны и лесом — с другой. Для опознания на крыше дома должен был быть нарисован желтый треугольник.

Стала видна усадьба. Ту Хокс снизился и принялся кружить, рассматривая ее и окрестности. Здесь, казалось, не было ни одного человека. Сделав три круга, Ту Хокс понял, что он больше не может откладывать посадку. Каждое мгновение мотор может зачихать.

Из сарая выбежали три человека, они размахивали блодландским флагом и указывали на ближайший луг, который можно было использовать для посадки. Луг был разделен на две половины ивовой изгородью. Ту Хокс должен был опустить машину так, чтобы на задеть изгородь колесами. Самолет покатился по земле и остановился в двух метрах от кустарника на опушке леса. Ту Хокс развернулся и медленно повел машину к сараю. Там он заглушил мотор и выбрался из кабины. Его ждали шесть мужчин и одна женщина, все в грубой крестьянской одежде.

Встретившие их люди были немногословны и деловиты. Элфред Хенненд, руководитель группы агентов, отправил своих людей в сарай за канистрами с бензином и маслом.

Ту Хокс сказал:

— Чтобы мы могли взлететь, изгородь должна быть ниже.

Хенненд пообещал сделать это. Он пригласил их в дом — поесть и выпить кофе, но добавил, что им не стоит задерживаться здесь надолго.

— Могут появиться наши соседи и что-нибудь пронюхать. Вероятно, они уже видели вашу посадку. Может быть, сюда уже двигаются полицейские или солдаты. Мы должны исчезнуть, как только заправим вашу машину. Глупо оставаться здесь дольше. Я неохотно покидаю

эту ферму, она — идеальное место для встречи и отправки наших людей. Но если вам удастся доставить эту штуку в Блодландию, это окупит потерю фермы.

Пока они закусывали, Ту Хокс спросил Хенненда о следующем месте посадки, и тот указал ему это место на карте. В дом вошел радист и сказал, что погода на берегу Восточного моря благоприятная и что воздушный корабль из Тирслэнда уже в пути.

Ту Хокс вернулся к машине, чтобы проследить за заправкой. Согласно его указаниям, ивовая изгородь была вырублена на ширину метров в шестьдесят. Полчаса спустя оба бака машины были полны. Ту Хокс и его спутники попрощались с агентами и забрались на свои места.

Изгороди больше не было, и стартовать было просто. Ту Хокс поднял машину на высоту триста метров и взял курс на новую цель — ровную и твердую полосу песка на берегу Восточного моря. Скоро он увидел под собой дорогу, которую Хенненд пометил на карте красным карандашом, и полетел вдоль нее на север. Когда в его поле зрения появился портовый город Сальдус, он свернул на восток. Сальдус был городом с пятидесятитысячным населением. Ту Хокс видел сверху военные корабли в гавани и посадочные площадки воздушных кораблей, которые, однако, сейчас были пусты.

Двадцатью километрами севернее Сальдуса берег поднимался, образовывая ряд каменистых утесов. Пролетев над этими утесами еще четыре километра, Ту Хокс увидел берег и полосу песка. Группа людей, видимо, ждала их в конце обозначенной посадочной полосы, а недалеко от берега стоял на якоре двухмачтовый рабочий баркас. Ту Хокс совершил посадку, которая оказалась довольно жесткой, и это ему не понравилось. Он вылез и осмотрел шасси. Спицы колес были погнуты, но два или три взлета и посадки они должны были еще выдержать.

Он переговорил с агентами и узнал, что в Комаи еще никак не отреагировали на их бегство. Последовали два часа напряженного ожидания, пока наблюдатель на краю утеса не заметил воздушный корабль, направленный к ним из Тирслэнда. Ту Хокс повернулся к морю и увидел маленькую темную точку над горизонтом, которая медленно приближалась, увеличивалась и наконец превратилась в неуклюжий корпус воздушного корабля.

Глава 13

Воздушный корабль из Тирслэнда приблизился к самолету на высоте двадцати метров и завис носом против ветра. Оказавшись прямо над самолетом, он отрегулировал силу тяги своих моторов так, чтобы

уравновесить силу ветра и воспрепятствовать дрейфу дирижабля. Из одного из люков в его брюхе была выброшена огромная сеть на стальном тросе. Агенты расстелили сеть на песке и закатили самолет в ее центр. Затем края сети были подняты и зацеплены за крюк на конце стального троса. Потом Ту Хокс сделал знак, что можно начинать подъем. Трос натянулся, и машина начала плавно подниматься. Давление сети могло повредить самолет, но это уже не заботило Ту Хокса: его можно будет отремонтировать в Блодландии.

Самолет исчез в брюхе летающего кита. Минутой позже трос снова спустился вниз, на этот раз на его конце была большая корзина, которая, очевидно, предназначалась для подъема пассажиров. Ильмика, Квазинд и Ту Хокс залезли в нее, и корзину подняли вверх.

Одновременно корабль начал подниматься и поворачивать на север. Не успели они еще подняться на борт, как гигант взял курс на Тирслэнд.

Корзина прошла в отверстие, и ее оттянули в сторону, на платформу. Они вылезли из нее с чувством громадного облегчения. Один из офицеров провел их по узкому мостику сквозь чрево дирижабля на корму. Ту Хокс зачарованно смотрел на деревянный остов корпуса с гигантскими отсеками, наполненными водородом. Через люк они спустились по лестнице в гондолу, где новых пассажиров ожидали капитан и несколько офицеров. Поздравив друг друга с удачным осуществлением их плана, они с капитаном прошли к самолету и Ту Хокс ответил на все его вопросы. Капитан Этельстен не проявлял особого воодушевления, и Ту Хокс, поначалу удивившись, вскоре начал его понимать. Этельстен любил свою команду. Он любил этот огромный воздушный корабль, наполненный легким газом. А в хрупкой маленькой машине, покоившейся в чреве корабля, как птенец в гнезде, он увидел судьбу. Когда будет построено достаточное количество самолетов, они изгонят с небес воздушные корабли. Их эра скоро завершится.

Таких людей, как Этельстен, было немало. Война изменит их жизнь, и в ее пламени сгорит много людей, которые жили ради нее и годились только для ее ведения. Вступление Раске и Ту Хокса в этот мир явилось катализатором, который еще больше ускорил все изменения.

Через три дня они уже были в Бамму, столице королевства Блодландия. Бамму находился на том же месте, где на Земле-1 был Лондон, но он был намного меньше. Архитектура его показалась Ту Хоксу средневековой, при этом многие из общественных и правительственных зданий выглядели здесь чужими, а их очертания отдаленно напоминали ближневосточный стиль архитектуры. Действительно, западносемитское влияние сказывалось здесь во мно-

гом — в частности, и в том, что король не носил здесь своего древнегерманского титула. Его называли шеф — производное от критского «шофет», что значит «господин».

Для Ту Хокса началось время допросов. Конечно, они очень отличались от тех, которым он подвергался в Готинозонии, потому что блодландцы знали, что он представляет ценность. Только неделю спустя он начал разрабатывать план постройки авиабазы и авиационного завода. Он получил низшее дворянское звание, и ему присвоили титул «Дворянин фенхопа». Благодаря этому он стал владельцем поместья в пятнадцать крестьянских дворов и ветхого замка на севере страны. В Бамму у него был городской дом со множеством рабов и слуг.

— Ну, теперь я дворянин, — тут же сказал он Ильмике, — и я теперь имею право жениться на даме голубых кровей, не так ли?

Она покраснела.

— О, нет! Ваш титул дан вам только на время вашей жизни, он не наследуется. После вашей смерти поместье ваше вновь вернется к короне. Ваши дети будут низкорожденными. Вы никогда не сможете жениться на женщине из дворянской семьи.

— Итак, мои дети пойдут просить милостыню? Из замка в хижину или как там это у вас?

Ильмика была возмущена.

— Иначе и быть не может! Вы что, хотите запятнать чистоту древних блодландских родов? Наши дети — какая невероятная мысль! — будут помесью! Разве вам недостаточно того, что вы получили титул и стали дворянином королевства? И это несмотря на ваше... ваше сомнительное происхождение?

Он почувствовал прилив гнева и был близок к тому, чтобы дать ей пощечину, но потом овладел собой. Его гнев имел более глубокие корни, нежели просто обида на то, что его назвали метисом. Он надеялся, что Ильмика станет его женой. Черт побери! Он любил лицемерную, высокомерную патрицианку с ледяным сердцем! Будь она проклята! Настало время сделать то, что следовало сделать уже давно: выбросить эту девушку из головы.

Он погрузился в свою работу — самолетостроение. Он работал день и ночь. Кроме постройки авиазавода он организовал курсы пилотов для военно-воздушных сил, создал карабин для пехоты и броню для военных машин. Он даже попытался убедить врачей в необходимости поддерживать в лазаретах неукоснительную чистоту и применять новейшие методы лечения ран. Однако после короткой и жаркой борьбы он был вынужден сдаться. Этот мир еще не обрел своего Пастера и не был готов признать таковым Ту Хокса. Стало быть, солдаты и

больные по-прежнему были обречены умирать от заражения ран и от тифа. Ту Хокс проклял косность и предрассудки и снова вернулся к созданию действенных инструментов уничтожения людей.

Спустя месяц после прибытия Ту Хокса в Бамму перкунцы напали на остров. Перкунский флот разбил военно-морской флот Блодландии в Ла Манше и в конце концов обратил его в бегство. Одновременно два флота цеппелинов столкнулись друг с другом в воздухе и обе стороны понесли громадные потери.

Природа, казалось, сговорилась с захватчиками. В день вторжения было необычно тихо. Небо было ясным, и ветра почти не было. Благоприятная погода держалась пять дней, и в конце их враг захватил два плацдарма. Воодушевленная успехами Перкунии, Иберия тоже объявила войну Блодландии, ее армия высадилась на южном берегу Ирландии и быстро захватила контроль над широкой прибрежной полосой.

Потом пришла зима. Таких зим Ту Хоксу еще никогда не приходилось видеть. В течение одного месяца оба острова были покрыты слоем снега метровой толщины. Арктические ветры с ревом дули с севера, и температура опустилась до минус тридцати градусов по Цельсию. Ту Хокс приобрел овчинный тулуп и валенки, но, несмотря на это, мерз как собака. Однако это было только начало. Прежде чем зима сдала свои позиции, столбик ртути в термометре опустился ниже сорокоградусной отметки.

Ту Хокс был убежден, что в таких условиях все бои прекратятся, что никто не может вести войну в таком ледяном аду. Но и нападающие, и защитники привыкли к таким морозам, к таким суровым зимам. Они продолжали сражаться и, когда бронемашины и грузовики остановились, стали подвозить боеприпасы на санях, а боевые отряды были снабжены снегоступами и лыжами. Километр за километром перкунцы все глубже и глубже вторгались на территорию Блодландии, и когда зима стала подходить к концу, им уже принадлежала вся южная часть острова.

К этому времени Ту Хокс построил двадцать монопланов. Все они были снабжены пулеметами и полозьями лыж вместо колес. Он обучил профессии пилота четырех молодых парней, хотя на таком холоде было трудно запускать мотор. Эти четверо стали учителями. В начале апреля, когда снег стал таять, военно-воздушные силы Блодландии уже обладали сотней истребителей, полутора сотнями пилотов и двумя сотнями курсантов.

Оптимизм Ту Хокса улетучился, как пар, когда он получил сообщение, в котором говорилось, что у Раске уже пятьсот машин и восемьсот высококвалифицированных пилотов.

Уже в апреле южнее столицы произошел первый воздушный бой. Ту Хокс сам принял в нем непосредственное участие, потому что считал, что его людям больше нужны опытные пилоты, чем просто руководители. И его люди бились хорошо: при собственных потерях в восемь машин они сбили в небе над южной частью острова двенадцать самолетов врага. В тот же день Ту Хокс вместе с другими пятьюдесятью машинами совершил дерзкий ночной налет на прифронтовые аэродромы врага, уничтожил двадцать машин, стоящих на земле, взорвал склад бомб и вывел из строя несколько зенитных орудий врага. В течение двух недель самолеты Блодландии с утра до вечера находились в воздухе. В бесчисленных воздушных боях над Бамму они понесли тяжелые потери, потому что перкунцы шли на все, чтобы как можно быстрее сломить сопротивление вражеских военно-воздушных сил.

Успехи военно-воздушных сил в начале года очень обрадовали Ту Хокса, но они, казалось, не оказывали почти никакого влияния на наземные бои. Враг брал один город за другим, прорывал все защитные укрепления и неудержимо продвигался вперед. Его потери были огромны, но он словно бы не обращал на это никакого внимания. Потом произошло то, во что никто не хотел верить: враг ворвался в столицу. Одновременно перкунский флот расстрелял форт в устье Темзы и высадил там новые отряды.

Двумя днями позже на остров совершили налет пятьдесят новых, созданных Раске, двухмоторных бомбардировщиков. Перелетев пролив, они заправились, загрузились бомбами и, эскортируемые сотней истребителей, совершили налет на центр небоеспособной столицы. Только тридцать бомбардировщиков и пятьдесят истребителей вернулись на свои базы после этого налета. Ту Хокс в этот день один сбил десять машин врага и пополнил свой боевой список, в котором теперь была пятьдесят одна сбитая машина. Однако его воздушные силы таяли быстрее, чем он мог их пополнять. У него осталось только двадцать девять боеспособных машин.

Глава 14

Несмотря на огромные потери, налет бомбардировщиков был успешным. Много бомб попало в королевский дворец в то время, как королевский Совет заседал там последний раз, перед тем как начать эвакуацию. Кроме многих сановников под обломками дворца были погребены сам шеф, два его младших брата, его сын и королевна. Кроме дяди шефа, который двадцать лет провел в сумасшедшем доме, вся королевская семья была уничтожена. В суматохе, которую вызвало

сообщение об их гибели, управление Блодландией взял на себя молодой генерал по имени Эрик Ленита, внебрачный сын сумасшедшего дяди. Он приказал отступить на новые линии укреплений севернее столицы и издал указ об отмене рабства — не из гуманных соображений, а потому что назревало восстание рабов. Из-за этого знать невзлюбила его, и его могли спасти только дальнейшие шаги в этом направлении: он освободил крепостных крестьян, взял под защиту мелких независимых арендаторов, ликвидировал подушные подати и обещал после изгнания врагов предоставить населению больше свобод. Ему удалось заручиться поддержкой масс и укрепить свое правление.

Ту Хокс на свой страх и риск стал демонтировать авиазавод и переправлять его на север. Сам он отправился в Бамму, пока не был демонтирован последний станок. Он и Квазинд покинули город, когда гранаты уже рвались в нескольких сотнях метров от него. В поезде беженцев он протиснулся в маленькое купе, которое зарезервировала для него армия и которое он делил с одним полковником. Когда Ту Хокс вошел, этот человек встал и отдал ему честь. Потом он, к удивлению Ту Хокса, протянул ему руку.

— Я — лорд Хэмфри Джильберт, — представился он. — Судьба исполнила мое желание. Я давно хотел познакомиться с вами.

Джильберт был тучный мужчина лет пятидесяти, небольшого роста, с седыми волосами и кустистыми черными бровями, с широким лицом и двойным подбородком. Он заговорил с Ту Хоксом, словно тот был его старым знакомым. Ту Хоксу понравился этот человек, который держался так открыто и непринужденно. Как выяснилось вскоре, Джильберт действительно давно уже знал о нем; он собрал о нем все сведения, которые только мог получить.

— Я унаследовал титул от отца, — сказал Джильберт. — Он принадлежал к очень богатой купеческой семье, торговые корабли которой заходили во все порты Земли. Теперь я потерял все свои земли и большую часть кораблей. Я рассказываю вам все это для того, чтобы вы ознакомились с моим родом. Вы должны знать, что мой род происходит от предка, который прибыл в Блодландию в 560 году.

Ту Хокс перевел это в привычное летоисчисление, и у него получился 1583 год новой эры.

— Мой предок — его тоже звали Хэмфри Джильберт — прибыл не с Европейского материка. Он приплыл из Западного океана, на корабле, какого до тех пор не видел еще ни один человек.

Когда Ту Хокс проявил к этой истории только вежливый интерес, Джильберт был явно разочарован. Он сказал:

— Мне ясно, что исчезновение моего предка не оставило никаких следов в истории вашего мира. Все же, может быть, он был известным человеком. Но здесь это неважно. Хэмфри Джильберт был англичани-

ном. Он был капитаном одного из тех легендарных кораблей, которые совершали регулярные рейсы в Америку...

— Откуда вам все это известно, я имею в виду об англичанах и американцах? — спросил Ту Хокс.

Джильберт поднял вверх свою пухлую руку.

— Терпение! Сейчас объясню. Джильберт плавал обычно в сопровождении другого корабля, но во время последнего рейса они попали в шторм и их разбросало в разные стороны. Когда шторм утих, Джильберт не смог отыскать другой корабль и вернулся в одиночку в Англию — или в то, что считал Англией. Когда он достиг Бристоля — здесь он называется Энт, — его и его экипаж сочли сумасшедшими. Что произошло? Народ, среди которого они оказались, был до некоторой степени похож на англичан, но говорили на языке, имеющем только отдаленное сходство с английским языком. Здесь не было ничего, что было им знакомо. Куда же их занесло?

Блодландцы заперли весь экипаж в дом для душевнобольных. Некоторые из моряков действительно сошли там с ума — ничего странного! — но мой предок, должно быть, умел приспосабливаться к обстоятельствам. Ему наконец удалось убедить начальство сумасшедшего дома в своей безвредности. После освобождения он снова стал моряком, а потом и капитаном корабля. Он занимался работорговлей и доставлял из Африки рабов — негров. Африка тогда была только что открыта. Скоро он разбогател, женился и умер состоятельным и уважаемым человеком.

Он был достаточно разумен, чтобы не настаивать на правдивости своей истории, которую он всем рассказывал, когда впервые прибыл сюда. И, мне кажется, он вообще больше никогда не упоминал о ней. Но он записал происшедшее с ним и дополнил эту историю описаниями своего родного мира. Он назвал этот труд «Путешествие сквозь Врата Моря из слоновой кости». Со времени его смерти рукопись эта хранилась в семейной библиотеке. Большинство его потомков ее никогда не читали, а те, кто читал, считали своего предка человеком с буйной фантазией.

Сделав паузу, Джильберт продолжил:

— Я никогда так не думал. В его истории было много деталей, которые он никогда бы не смог придумать. Он пытался нарисовать карту своей Земли. Он составил большой сравнительный словарь блодландского и английского языков. Во всей рукописи около пяти тысяч страниц. Я был зачарован ею, и ее изучение стало моим коньком. Я исследовал истории и легенды о других странных пришельцах и сделал для себя вывод, что существует какая-то другая Земля. И что время от времени люди каким-то образом переходят с одной Земли на другую. Вы уверены, что никогда не слышали о моряке по имени Хэмфри Джильберт?

Ту Хокс покачал головой:

— Если я когда-нибудь и читал о нем, то совершенно забыл. Я всеядный читатель, который пасется на всех полях и всего запомнить не в состоянии. Может быть, он один из многих, кого считают жертвой штормов и океана.

— Да, конечно. Но для меня важнее всего то, что ваше присутствие здесь подтверждает историю моего предка. Это больше, чем просто фантазия. И мои исследования привели меня к дальнейшим заключениям. «Врата» — это некие слабые места в силах, отделяющих оба мира друг от друга. Они открываются через неравные промежутки времени, и их может быть несколько.

Он нагнулся вперед. Его глаза торжествующе блестели. Он глядел в лицо Ту Хокса.

— И мне кажется, что я обнаружил место, где находятся более или менее постоянно действующие Врата. Во всяком случае, я знаю место, где эти Врата открывались более чем один раз и, вероятно, откроются снова.

Ту Хокс почувствовал, как в глубине его души вздымается возбуждение.

— Вы знаете это место? Где оно?

— Я никогда не видел его сам, — сказал Джильберт. — Я запланировал путешествие, чтобы исследовать его, но разразилась война и мне пришлось это отложить. Привела меня к этой догадке книга колдунов Хивики. Она содержит намеки на что-то, что может быть только Вратами в другую реальность.

«Хивика», — повторил про себя Ту Хокс. Так называлась цепь островов, составляющая одно целое с затонувшим Североамериканским континентом. По своему положению они должны были быть высокой частью Скалистых гор. Самый большой остров находился примерно там, где на Земле-1 был штат Колорадо.

Эти гористые острова населяли полинезийцы. Хивика до сих пор оставалась нейтральной и независимой. Ее жители, так же, как и майори на Земле-1, своевременно научились изготавливать порох и огнестрельное оружие. Первыми представителями Старого Света, вступившими в контакт с Хивикой, были не европейцы, а выходцы из арабской страны Иквани, находившейся на юге Африки. Они уже сто лет вели торговлю с Хивикой, когда блодландский корабль случайно открыл эту группу островов. Европейцы обнаружили там развитый коричневокожий народ, умевший выплавлять из руд железо, золото и другие металлы и использовавший вооруженные пушками парусные корабли, при этом применяемая ими технология не носила на себе отпечатка технологии белых людей. Хивика избежала многих эпидемий, в результате чего ее население почти не сокращалось, а те немногие эпидемии, что завезли с собой арабы, подарили потомкам этих жителей необычайный иммунитет к болезням европейцев.

— Интересно и то, что Хивика все еще придерживается старой религии, — продолжал Джильберт. — Их священники или шаманы приписывают себе магическую колдовскую силу. В их обязанности, кроме всего прочего, входит охрана некоторых мест, которые для всех остальных являются табу. Одно из таких мест — пещера в горе неподалеку от берега на одном из больших островов. О ней известно немного, но перкунские ученые кое-что смогли узнать. Священники-колдуны называют эту пещеру «Дыра между мирами». Иногда из задней части пещеры, оттуда, где собственно и находится эта дыра, доносятся ужасные звуки. Кое-кто из священников будто бы видел, как задняя стена пещеры растворяется и там мерцает другой мир. Может быть, «Мир» — не точный перевод слова, которое здесь используется. Оно может также значить «Место Богов». Священники не осмеливаются приблизиться к этим вратам, потому что они верят, будто Ке Агуа, Бог неба и бурь, живет именно в этом мире.

На Ту Хокса все это произвело огромное впечатление.

— Это звучит слишком великолепно, чтобы быть правдой, — сказал он после короткого раздумья. — Я боюсь, что я больше не смогу избавиться от мыслей об этой истории. Но, может быть, эта пещера — просто природный феномен?

— Врата — единственный феномен, а то, что за ними? — сказал Джильберт. — Все это стоит основательно изучить, как вы думаете?

— Я бы охотно отправился туда, — сказал Ту Хокс. — Действительно, лучше всего было бы немедленно двинуться к Хивику. Но это исключено.

— Когда война кончится, мы сможем отправиться туда вместе. Если там действительно существуют настоящие Врата, мы можем пройти сквозь них. Я, по крайней мере, не стану колебаться ни мгновения. Я охотно взгляну на Землю своих предков.

Ту Хокс кивнул, но сам подумал, что Земля-1 будет для Джильберта интересным местом для разового посещения, однако он едва ли захотел бы остаться там надолго. Джильберт страдал бы от чувства оторванности и одиночества, от которого страдали Ту Хокс и О'Брайен в этом мире. Даже теперь, когда он приспособился к новому окружению и находил в нем довольно много приятного, он никогда по-настоящему не чувствовал себя дома. Он просто не принадлежал этому миру.

Кто-то постучал в дверь их купе. Ту Хокс открыл дверь, и молодой офицер отдал им честь.

— Извините за то, что я помешал вам. Но в этом поезде заболела дама, и она спрашивает вас.

Ту Хокс последовал за офицером в другой вагон и обнаружил там Ильмику Хускарле, лежащую на диване в купе, окруженную озабоченными и готовыми помочь ей людьми. Она была очень бледна. Врач, стоявший возле нее, прищурил глаза и сказал Ту Хоксу:

— Если она что-нибудь поест, ей станет лучше, — он покачал головой. — Это обычная история в такое тяжелое время. Многие из высокородных потеряли свои земли и свои деньги — все, кроме своего титула и...

Врач закрыл рот, словно спохватившись, что сказал слишком много. Ту Хокс сердито взглянул на него. Безнадежное состояние Ильмики, казалось, наполняло этого человека удовлетворением. Вероятно, он был простым врачом и разделял антипатию и зависть низших классов по отношению к привилегированным. Ту Хокс понимал его чувства. Большинство населения Блодландии страдало от нещадной эксплуатации высшими классами, от несправедливости классового правосудия и фактически было бесправным. И тем не менее он сердился на врача. Ильмика переживала тяжелые времена. Ее семья была уничтожена или рассеяна по стране, ее дом и ее состояние оказалось в руках у врагов. И у нее не было ни монетки, как он обнаружил, когда попросил принести ей тарелку супа.

Она ела и плакала.

— Я лишилась всего. Уже два дня я ничего не ела. Теперь все знают, что я осталась без средств. Я нищая. Мое имя обесчещено!

— Обесчещено? Если это так, то это произошло с большинством дворян Блодландии. К чему эта фальшивая гордость? Во всем виновата война, а не вы. Кроме того, настало время, когда вы можете показать, что благородство — это нечто большее, чем просто пустой звук. Чтобы быть благородным, нужно благородно действовать.

Она слабо улыбнулась. Он заказал кусок ветчины и ломоть хлеба, которые она жадно проглотила. Поев, она прошептала ему:

— Если бы я только могла избежать этого пристального внимания.

— В моем купе достаточно места для вас, — сказал Ту Хокс. Он помог ей встать и повел ее через переполненный вагон к зарезервированному для него купе, где он уложил ее на нижнюю полку и она мгновенно заснула. Проснувшись поздно вечером, она поела вместе с ним в купе. Джильберт пошел в вагон-ресторан, чтобы раздобыть чего-нибудь съестного, а Квазинд стоял перед дверью купе в коридоре, так что они остались одни. Ту Хокс подождал, пока она пережует холодную и сухую еду, а потом спросил ее, хочет ли она работать вместе с ним; ему нужна секретарша. Она так покраснела, что он подумал, будто ее охватил гнев. Но когда он услышал ее шепот, ему стало ясно, что она неправильно поняла его предложение.

Он безрадостно усмехнулся.

— Нет, я не спрашиваю вас, хотите ли вы быть моей любовницей. Кроме обычных обязанностей секретарши вам ничего больше не придется делать.

— Почему я не могу быть... вашей любовницей? — спросила она. — Я так вам обязана.

— Не так уж и многим! Я никогда не потребую такого вознаграждения. Я могу стремиться к близости лишь с женщиной, которая меня любит — или, по крайней мере, желает.

Девушка, все еще пылая румянцем, пристально всматривалась в его глаза.

— Если я не желаю вас, могу ли я принимать от вас еду и заботу?

Он встал и нагнулся над ней. Она подняла к нему лицо и закрыла глаза. Руки ее обвились вокруг его шеи. Она нашла своими губами его губы и прижалась к нему всем телом.

Он оттолкнул ее.

— Ты слишком себя принуждаешь. Тебе же не хочется целовать меня.

— Мне очень жаль, — она отвернулась и заплакала. — Почему меня никто не хочет? Ты отталкиваешь меня потому, что это животное из Итскапинтика обесчестило меня?

Ту Хокс взял ее за плечи и повернул к себе.

— Я не понимаю тебя, Ильмика. Я все еще люблю тебя и хочу, чтобы бы тоже меня любила. Но я скорее повешусь, чем посягну на женщину, которая считает меня своим последним убежищем, а на самом деле я в ее глазах — недостойный, низкорожденный, — сказав это, он отпустил ее и выпрямился. — Мое предложение остается в силе. Ты можешь обдумать его, пока мы не прибыли на Толкинхэм. А сейчас я выйду из купе.

Он закрыл за собой дверь купе. Остаток ночи он провел в коридоре, сначала стоя, потом сидя на полу, пока, наконец, не заснул. Это был беспокойный сон. Когда поезд прибыл в Толкинхэм, он вернулся в купе. Джильберт был там один.

— Куда ушла девушка? — спросил Ту Хокс.

— Я не знаю. Я думал, что она хотела попрощаться с вами.

Ту Хокс снова протиснулся сквозь ропщущую толпу в коридоре, выбрался из вагона и обыскал вокзал. Ее нигде не было. Он хотел было послать Квазинда на поиски, однако у вагона его остановил офицер и вручил ему приказ, согласно которому он должен был прибыть к генералу Греттирсону. Ту Хокс не мог понять, зачем он понадобился генералу-пехотинцу. Он прибыл в одном из армейских грузовиков в большой военный лагерь за пределами Толкинхэма и пошел к бараку генерала. Греттирсон проинформировал его, что блодландские военно-воздушные силы больше не существуют. Нехватка горючего обострилась, а масло и бензин нужны для бронемашин и других наземных транспортных средств. Ту Хокс должен быть прикомандирован к полку бронемашин и служить там, пока хватит горючего. Потом он, как и все остальные, будет сражаться в пехоте.

Ту Хокс покинул барак, уверенный, что война проиграна. Еще месяц или два — и Блодландия будет принадлежать Перкунии.

В следующие четыре недели отчаянных оборонительных боев до Ту Хокса доходили сведения о внутренней борьбе в Перкунии. Несмотря на внушительные победы и военный триумф на всех фронтах, в Комаи дела обстояли не слишком хорошо. Оба сына короля погибли в результате несчастного случая. Блодландские агенты не верили, что это было случайностью. Когда король узнал о смерти сыновей, у него случился удар и его парализовало. Его наследник, племянник, был убит на пути в Комаи. Блодландские агенты подозревали, что это было делом рук Раске.

Амбиции немца были хорошо известны. Он хотел жениться на дочери короля и стать принцем — в надежде, что Большой Совет признает его жену королевой. Совет на сей раз выступил единым фронтом и был готов короновать ее или выбрать нового короля из рядов знатных семей.

Но для армий на поле боя все оставалось по-прежнему. Эрик Ленита, новый правитель Блодландии, показал себя великолепным политиком и тактиком. Три раза в кровавых боях он разбивал превосходящие силы противника. Но каждый раз он был вынужден отступить, потому что его разношерстные соединения не могли удержать захваченную территорию. Вражеские военно-воздушные силы больше не опасались самолетов Ту Хокса. Они опустошали Северную Блодландию бесконечными бомбардировками и налетами в глубь территории.

Вскоре запасы горючего в Блодландии были полностью исчерпаны. Армия отступала пешим ходом, пытаясь в гористой местности на севере оказать последнее сопротивление врагу. Вражеские самолеты и движущиеся вслед за ними соединения бронемашин собирали кровавую жатву среди движущихся на север колонн отступающей блодландской армии. Ту Хокс и Квазинд, теперь простые пехотинцы, продвигались по местности, называемой Ульфсталь. Там Ту Хокс получил письмо от Хемфри Джильберта. Он прочитал его, потом сказал Квазинду:

— Ильмика устроилась сестрой в здешнем полевом лазарете. А до этого она работала на фабрике, производящей боеприпасы. У этой девушки есть мужество. Я же знаю, что полюбил ее не только за красивое лицо.

Квазинд не отличался особой тактичностью.

— Да, эта девушка очень мужественна. Но любит ли она тебя?

— Не знаю. Я все еще надеюсь, что любит. Может быть, она работает, чтобы доказать, что она способна быть независимой. Может быть, она придет ко мне как равная, когда докажет, что не обязана принадлежать мне, чтобы спасти свою жизнь.

— Женщина и мужчина — не одно и то же, — сказал Квазинд. — Ты ее возьмешь, и ей придется научиться любить тебя. Что

это за разговоры о независимости? Женщины должны зависеть от мужчин.

Вечером Ту Хокс отправился в лазарет, чтобы разыскать там Ильмику. Раненые были размещены в палатках. Ему понадобился целый час, чтобы найти ее в одной из больших палаток.

Его появление так испугало ее, что она уронила на пол сверток с бинтами. Потом она взяла себя в руки.

— Добрый вечер, милорд.

— Добрый вечер. Проклятие, Ильмика, не будь так официальна! Мы оба вынесли и пережили слишком много, чтобы нам была необходима вся эта бессмыслица с титулами!

Она улыбнулась.

— Ты прав, как обычно. Что ты здесь делаешь?

— Я могу тебе ответить, что мне захотелось повидать свою боевую подругу.

— Ты имеешь в виду меня?

Он кивнул.

— Ты хочешь выйти за меня замуж?

Она сглотнула и чуть было не уронила бинты во второй раз.

— Ты же не... Ты не должен шутить с этим.

Он положил руки ей на плечи.

— Почему я должен шутить? Ты же знаешь, что я тебя люблю. Я не мог раньше спросить тебя об этом, потому что... Ну, тебе лучше, чем мне, известно, почему. Но условия изменились. Дворянство и сословные барьеры теперь мало что значат. И проиграем мы войну или нет, здесь никогда не восстановится старый порядок. Если ты перестанешь думать о своем прежнем положении и посмотришь на меня, как женщина смотрит на мужчину, мы оба будем счастливы.

Она ничего не сказала.

— Ты сможешь сделать это? — он ждал, пока тишина наконец не сделалась невыносимой. — Скажи, да или нет?

— Да!

Он обнял и поцеловал ее. На этот раз она не пыталась имитировать страсть.

Их объяснение прервал один из врачей, который велел Ильмике идти работать.

Ту Хокс сказал:

— Если все будет плохо, я постараюсь разыскать тебя в Лефсвике. Оттуда уходят корабли в Ирландию. У меня есть планы относительно нас обоих, но сейчас мы не успеем их обсудить. Мы скоро увидимся.

— Но, Роджер, — прошептала она со слезами на глазах, — что если ты не доберешься до Лефсвика?

— Тогда тебе придется пробиваться одной. Но это может произойти только в том случае, если я буду убит.

— Не говори так!

— Ни от чего нельзя зарекаться. — Он в последний раз поцеловал ее, даже не ответив улыбкой на мрачный взгляд врача.

Когда он вернулся в отряд, его остановил унтер-офицер, который сказал ему, что его требует к себе главнокомандующий. Ту Хокс не знал, чего хочет от него Ленита, но последовал за человеком, передавшим ему приказ. Прежде чем впустить его, у него потребовали документы, и два солдата из полевой жандармерии обыскали его, пытаясь найти спрятанное в одежде оружие. Эти меры безопасности были необходимы, потому что убийство высших офицеров было обычным способом ведения войны. Только два дня назад Ленита с большим трудом избежал покушения на свою жизнь. Один из покушавшихся, перкунский агент, при попытке арестовать его пустил себе пулю в лоб. Другой был ранен и не смог покончить с собой. Когда он пришел в себя, его подвесили вниз головой.

Глава 15

В палатке Ту Хокс встал по стойке «смирно» и отдал честь главнокомандующему. Верховный главнокомандующий стоял за ломберным столом. Потом в глубине палатки Ту Хокс увидел человека, который удобно устроился на стуле, наполовину засунув руку в брючный карман.

— Раске!

Немец ухмыльнулся и бегло приветствовал его взмахом руки.

— Мой старый друг и враг — краснокожий Ту Хокс!

Главнокомандующий объяснил, почему Раске оказался здесь. Большой Совет Перкунии выбрал нового короля. И первым его действием был указ об аресте Раске. Немца обвинили в убийстве наследника престола.

Раске бежал, прежде чем его схватили. На новой двухмоторной машине он перелетел Северное море и совершил посадку на восточном берегу Северной Блодландии. Здесь он явился к военному начальству и попросил убежища.

— Я не знаю, застрелить мне его или выслушать, — сказал главнокомандующий. — Как заложник он не представляет для нас никакой ценности, а использовать его технические знания слишком поздно.

Раске сказал:

— Если я достану бензин, мы с Ту Хоксом можем переправиться в Ирландию. Блодландия нужна нам обоим, потому что здесь можно принять последнее решение.

— В Ирландии тоже нет бензина, — ответил Ту Хокс. — Что мы сможем там сделать?

— Я скажу вам кое-что, что перкунцы держат в тайне. В ближайший год они не планируют никакого вторжения в Ирландию. Перкуния истощена, для новой кампании у нее нет ни материалов, ни людей. Конечно, Перкуния блефует и требует капитуляции блодландских военных сил, находящихся в Ирландии. Но если вы откажетесь, если вы продержитесь, у вас будет примерно год, чтобы подготовиться к последнему сражению. За это время вы сможете обеспечить себя бензином и маслами, а также боеприпасами. А я установлю контакт с Иквани. При таких обстоятельствах они дадут то, что нужно Ирландии. Если мы с Ту Хоксом дадим Иквани всю информацию, которая нужна им для постройки военно-воздушного флота, они помогут Блодландии!

Главнокомандующий взглянул на Ту Хокса.

— Можем ли мы ему верить?

— Смотря чему. Я не сомневаюсь в том, что он установит связь с Иквани. Но то, что они снабдят нас оружием и боеприпасами, — это чушь. Даже если они рискнут пойти на это и прибудут в Ирландию с крейсерами и грузовыми судами, вы не добьетесь никакого успеха. Зато перкунские военно-воздушные силы будут обеспечены. Нет, от Иквани нельзя ожидать никакой помощи.

— Я тоже так думаю, — сказал Ленита. Он повернулся к Раске. — Вас отведут в арестантскую, а я тем временем подумаю, что с вами делать.

По его знаку появились два жандарма и увели немца. Когда эти трое проходили мимо него, Ту Хокс сказал:

— Вам не повезло, друг мой. Некоторое время вы были великим человеком, более великим, чем на нашей старой Земле. Будьте этим довольны.

Раске снова ухмыльнулся:

— Краснокожий, я еще не мертв. Мы еще увидимся, если вы останетесь в живых.

Ту Хокс посмотрел ему вслед и подумал, что слова Раске были чем-то большим, чем просто юмором висельника или похвальбой. Предстоящий бой мог легко стать для Ту Хокса последним.

Он вынужден был принять в нем участие. На следующий день бои разгорелись вокруг укрепленных позиций. Ту Хокс был четырежды легко ранен пулями и осколками гранат. Один раз во время рукопашной он получил колотую штыковую рану. Наступил вечер, а с ним и отступление на запад. Они считали, что главный удар перкунской армии будет направлен именно на запад, с тем чтобы не дать противнику возможности восстановить свои силы.

— Мы могли бы уйти в горы или в пустынную местность и вести партизанскую борьбу, — сказал Ту Хокс Квазинду. — Однако, если мы не умрем с голоду или не замерзнем зимой, мы рано или поздно

попадем в плен. Таким образом, для нас существует только один путь — берег и корабль в Ирландию. К дьяволу, мы ничего не должны этим людям! Это не наша борьба. Это ни в коем случае не мой мир. А я отправляюсь в Хивику — как только мне это удастся.

На следующий день они добрались до Лефсовика, расположенного на северном берегу Ирландского моря. Город был запружен беженцами, и все они хотели попасть в Ирландию. В порту стояли четыре больших парохода и большое количество рыбачьих суденышек, но народу было столько, что у Ту Хокса было мало надежды попасть на борт одного из этих пароходов. Однако едва он оказался в порту, как услыхал свое имя и увидел Хэмфри Джильберта, который раздвигал поток людей своим необъятным телом.

— Ту Хокс! Мой попутчик! Какое счастье! Я искал вас и надеялся, что вы придете! Я возьму вас в свою каюту-люкс, ха-ха! Но вам придется спать на полу! И надо спешить! Корабль отплывает через тридцать пять минут! Я уже потерял всякую надежду!

— Вы не видели Ильмику Хускарле? — спросил Ту Хокс.

— Не видел ли я ее? — толстяк от возбуждения бегал взад и вперед. — Она в моей каюте-люкс! Она, как и я, разыскивала вас. Влюбленные соединяются, они будут счастливы — и это главное!

Ту Хокс был слишком счастлив, чтобы ответить. Он расслышал только половину из потока слов Джильберта. На причале их остановила цепь постовых, и офицер тщательно и обстоятельно проверил их бумаги, прежде чем пропустить. Если бы он их не пропустил, Квазинд схватил бы его и бросил в воду. Ту Хокс получил бы возможность пробиться на корабль, но это было бы глупым поступком, потому что солдаты из морских сил на верхнем конце трапа застрелили бы его.

Как не велик был восторг Ту Хокса, он все же обратил внимание на хорошо знакомую фигуру человека, стоявшего на носовой части судна. Он остановился, присмотрелся внимательнее и покачал головой. Этого не могло быть!

Но он не ошибся. Статный, светловолосый, с внешностью жениха перед свадьбой, Раске улыбался ему сверху вниз. Немец помахал рукой, повернулся и скрылся в толпе. Ту Хокс не мог найти объяснения тому, как Раске освободился из-под ареста и попал на борт этого парохода, на который пропускали только элиту беженцев. Если Раске был достаточно быстр и хитер, чтобы оказаться на свободе, он мог использовать ее и для того, чтобы найти Ту Хокса. Однако сейчас Ту Хокс не хотел об этом думать. Все, чего теперь хотелось Ту Хоксу, — это сжимать Ильмику в своих объятиях.

Это он вскоре и сделал, хотя объятие было чисто романтическим: кроме Джильберта и Квазинда в каюте было еще пять человек.

Корабль отошел от причала, набрал максимальную скорость, которую только могли дать ему его машины, и взял курс к берегам Ирландии. Однако даже и теперь не было уверенности в том, что он благополучно прибудет в Дублин. Каждое мгновение могли появиться перкунские самолеты и дирижабли, забросать переполненный людми пароход бомбами и обстрелять его из пулеметов. Потом поверхность моря скрыл туман, и они оказались в относительной безопасности. Корабль пришвартовался к молу, окружавшему бухту, на берегу которой находился Дублин. Пассажиры под ледяным дождем сошли на берег. Джильберт повел Ильмику, Ту Хокса и Квазинда к дому одного из своих друзей. Там они впервые узнали о том, что разразилась эпидемия.

За тридцать лет до этого последняя война принесла с собой чуму и холеру, ослабляющий людей голод и убийственно холодная зима, антисанитария и распространившиеся повсюду крысы снова породили черную смерть.

Обычно красное лицо Джильберта побелело, больше он не улыбался.

— Мои родители и три моих сестры умерли в прошлую эпидемию. Моя тетя отвезла меня в Ирландию, чтобы уберечь от эпидемии, но зараза оказалась быстрее, чем мы, и моя тетя тоже умерла. Боже, помоги человечеству! Ну, теперь нам предстоит такой конец смерти, какой в Перкунии видели только в кошмарах. Эпидемия не пощадит и ее. Я отважусь предсказать, что в ближайшие два года вымрет половина человечества.

— Если бы вы послушали меня, — начал Ту Хокс. Затем он замолчал, пожал плечами и сказал: — Мы останемся здесь и умрем?

Джильберт встряхнулся.

— Нет! Один из моих кораблей стоит в гавани, впрочем, последний. Он загружен провиантом и, насколько я знаю, готов к отплытию. Мы сегодня же вечером отплываем в Хивику! Будем надеяться, что мы доберемся туда, прежде чем там узнают об эпидемии. Иначе нам никогда не позволят высадиться на берег.

— Я тоже надеюсь на это, — сказал Ту Хокс. — Но я не питаю особого доверия к этим историям суеверных священников и колдунов.

— Почему нет? — спросил Джильберт.

«Действительно, — подумал Ту Хокс, — почему бы и нет?»

Проходили дни, и единственное, что они видели, — это холодную и сырую Атлантику. После первоначального подъема оптимизм Ту Хокса угас. Даже если в этой горе на побережье действительно существуют Врата, они, вероятно, закрыты. Колдуны сами говорили, что они открываются раз в пятьдесят лет или что-то около этого, и всего на несколько минут. Последний раз, по их словам, это произошло лет тридцать назад. Другой проблемой был доступ к Вратам. Эта пещера представляла собой одно из многих священных мест острова и была

табу. Кроме священников-колдухов и, может быть, нескольких высших сановников, никто не имел права туда входить. Хотя сама гора и находилась недалеко от берега, она была окружена стеной высотой больше человеческого роста и тщательно охранялась.

Несмотря на все это, Ту Хокс получал от путешествия истинное удовольствие. Для них с Ильмикой это был медовый месяц. Единственный раз он испытал беспокойство тогда, когда пароход пересек невидимую линию, которая на его родине являлась линией побережья Северной Америки. Он почти ожидал сотрясения корабля, шороха и царапанья под килем. Но «Хвейлголд» спокойно скользил дальше, в то время как где-то глубоко под его днищем был штат Нью-Йорк. Ту Хокс представлял себе затонувший метрополис с небоскребами и человеческими костями на улицах, над которыми плавают рыбы. Конечно, это была чистая фантазия, потому что в этом мире ту местность, которая ему привиделась, никогда не видел еще ни один человек. Она находилась в двух тысячах метрах под поверхностью моря, где было темно и холодно, и была покрыта толстым слоем ила и отложений.

Днем позднее — Ту Хокс рассчитал, что они плыли примерно там, где на его родной Земле находился Канзас, — капитан увидел ниточку дыма из труб другого корабля. Ту Хокс взял у Джильберта его бинокль и осмотрел горизонт. Там, далеко на горизонте, — невооруженным глазом нельзя было это увидеть — плыло темное облако. Понаблюдав за ним какое-то время, он приказал капитану увеличить скорость — это мог быть мирный торговый корабль из Южной Африки, но все же лучше было избежать с ним встречи.

К вечеру ниточка дыма приблизилась и стала видна невооруженным глазом. Скорость этого корабля, как сказал капитан, была слишком высока для обычного грузового судна. Это мог быть только военный корабль.

На следующий день преследователь приблизился на расстояние одной морской мили. Его белый корпус сверкал в лучах яркого солнца, и капитан определил, что это был арабский крейсер.

Пришла ночь. Крейсер держался на расстоянии половины морской мили, однако он вел «Хвейлголд» в конусе яркого света от носового прожектора. Капитан отказался от безопасных маневров и ограничился тем, что развил полную скорость. До тех пор, пока иквани не взорвут над его головой хоть одну гранату и не потребуют остановиться, он больше ничего не мог сделать.

В середине ночи заштормило, о чем капитан молил в течение тридцати шести часов, и с запада надвинулась сплошная стена темноты. С ней пришел ветер, а с ним волны. Через две минуты на корабль

снизу и сверху обрушились потоки воды. Капитан погасил позиционные огни и круто повернул на юг. Когда на следующее утро взошло солнце, океан был чист. Капитан, заботясь о машинах, которые слишком долго работали с полной нагрузкой, снизил скорость до обычных десяти узлов в час.

Глава 16

В течение следующих трех дней на горизонте не было видно никаких угрожающих лент дыма. Утром четвертого дня корабль находился в ста милях восточнее Куалоно, главного порта Хивики на побережье Атлантики. Как объяснил капитан, в течение ближайшего часа в их поле зрения должен был оказаться маленький островок Микиас. Примерно сорок минут спустя из морской глади на западе появился пятисотметровый вулканический конус острова. Однако самодовольная улыбка исчезла с лица капитана, когда он сразу же после этого увидел позади них на горизонте ленточку дыма. Корабль шел на полной скорости, и все, у кого было время, провели ближайшие два часа на корме, озабоченно вглядываясь во вспененное море за кормой судна. На этот раз иквани подошли гораздо ближе, чем их обнаружили, потому что восходящее солнце светило людям в глаза и слепило их. Крейсер быстро приближался, придерживаясь такого курса, чтобы перерезать им путь задолго до того, как они достигнут защищенной гавани Куалоно.

Капитан посоветовался с Джильбертом и повернул «Хвейлголд» на сорок пять градусов на северо-запад.

— Перед восточным берегом много опасных рифов, — сказал капитан. — Я хорошо их знаю. Мы пройдем через пояс рифов и, если нам хоть немного повезет, удерем от иквани. Если это не удастся, я выброшусь на полосу песка, если на этом гористом берегу вообще есть таковая. Во всяком случае, арабы не получат мое судно в свои грязные руки.

— Мы держим курс на гору Лапу, где находится пещера, — добавил Джильберт. — Если мы бросим там якорь, у нас будет хороший предлог для вторжения в область, объявленную табу. Кроме того, мы прибудем туда поздно вечером. Может быть, хивикэнцы не увидят нас...

«Хейлголд» на всех парах мчался на северо-запад. Преследователь тоже изменил курс и значительно приблизился. Когда по левому борту появился черный крутой берег, крейсер иквани приблизился на расстояние в половину морской мили: через четверть часа из дула его носовой пушки вылетел клуб черного дыма и на расстоянии двадцати метров от борта «Хвейлголда» из воды поднялся белый фонтан. Секунды через две второй фонтан поднялся в пятнадцати метрах за кормой судна.

Тем временем капитан вел корабль зигзагами по узкому проходу между рифами. Некоторые рифы можно было различить только по изменению цвета воды; другие были так близко от поверхности, что море над ними, казалось, кипело; некоторые поднимались над водой, которая пенилась вокруг, их черные спины, в которые бил прибой, выступали над водой на несколько футов.

После первых двух выстрелов крейсер прекратил огонь. Очевидно, он не хотел уничтожать свою жертву, а хотел только заставить ее остановиться. Теперь, когда иквани поняли, что пароход пытается ускользнуть от них через проход между рифами, они последовали за ним его же курсом. Они делали это осторожно, и скорость их была теперь значительно меньше. Ту Хокс удивлялся, что арабы вообще пошли на такой риск. Почему они так настойчиво преследовали их? Что значило для них грузовое судно уже не первой молодости? Может быть, их шпионы в Блодландии узнали, к чему он стремится в Хивике?

Это объясняло, почему они просто не потопили «Хвейлголд». Им нужно было взять Ту Хокса живым, чтобы использовать его знания, так же, как это сделали перкунцы и блодландцы.

Гора Лапу выступала выдающимся в море мысом. На севере и востоке острова берега были крутыми и обрывистыми; отвесные утесы, у подножия которых пенилось море, поднимались на высоту нескольких сот метров. Южный берег плавно спускался в виде полумесяца к бухте, окаймленной широкой полосой темного песка. В эту бухту и направил капитан свой корабль, когда они прошли через узкий проход между рифами. Однажды раздался тихий шорох киля, задевшего один из рифов, потом корабль вышел на чистую воду.

— Тут крейсер не пройдет, не повредив себе киль. Надеюсь, что он попытается сделать это и сядет на мель.

Капитан на малом ходу направил пароход в бухту и плыл, пока над килем оставалось хоть несколько дюймов воды, потом лег в дрейф, бросил якорь и спустил две шлюпки. Крейсер не отважился на такой маневр. Он осторожно развернулся на месте и наконец остановился, повернув нос в открытое море. Его машины все время работали, чтобы избежать посадки на рифы, на воду были спущены две моторные шлюпки. Ту Хокс набюдал за ними в бинокль Джильберта. Он увидел, что шлюпки вооружены стационарными двухдюймовыми пушками и переносными гранатометами. В каждой из шлюпок находилось примерно по тридцать морских пехотинцев; со своими шлемами, обмотанными тюрбанами, нагрудными панцирями они были похожи на средневековых воинов-сарацинов. Вооружены они были ружьями, кинжалами и саблями и, кроме оружия, у каждого из них к поясу была приторочена большая синяя сумка с запасом провизии.

В двух шлюпках, спущенных с парохода, разместились Ту Хокс, Джильберт, Квазинд, Ильмика и часть экипажа судна. Достигнув берега, они вылезли из шлюпок, быстрыми шагами пересекли прибрежную полосу песка и полезли в гору. Солнце опустилось за каменный мыс, и на склон горы опустилась темнота. Над ними было чистое синее небо, зеленое море с белой линией прибоя лежало у их ног. Когда шляпка с крейсером достигла берега и морские пехотинцы выпрыгнули в мелкую воду, у преследуемых было двадцать минут ходьбы. Хотя постепенно смеркалось, они преодолевали подъем так быстро, как только могли, чтобы до наступления полной темноты достигнуть стены, возвышающейся над склонами, поросшими скальными дубами.

Толстяк Джильберт запыхался и дышал так громко и тяжело, что его можно было услышать метров за пятьдесят. Если не считать этого, на горе царила полная тишина. Лишь изредка под чьей-то ногой хрустнет ветка, прошелестит сухая листва, потревоженная при ходьбе, выругается оступившийся человек. Когда они наконец остановились передохнуть и Джильберт перевел дух, тишина стала такой полной, словно они находились в кафедральном соборе.

Они двинулись дальше вверх по склону. Прошло два часа, на небе появилась луна, близкая к полнолунию, и залила гору своим серебристым светом. Двадцатью минутами позже лес кончился, и у верхнего края просеки шириной метров в сорок они увидели поднимающуюся вверх зазубренную стену. Ту Хокс увидел, что стена высотой метров семь сложена из черных каменных блоков без всякого цемента. На расстоянии метров ста от них из стены вверх выступала стройная башенка.

— А где же охрана? — прошептал Джильберт.

Лунный свет сверкал на зубцах, но не было видно никакого движения, не было слышно ни звука, кроме шелеста ветра в листве деревьев.

Ту Хокс наблюдал за маленьким сводчатым входом в боку башни.

— Если охрана там, то она спряталась. Мы не можем больше ждать.

Со смотанной веревкой в левой руке и трехзубым якорьком в правой он выбежал из укрытия. Он ожидал оклика из черного нутра башни, ружейного выстрела, однако на стене все было тихо, а сама она была залита неземным сероватым светом. Присев и вновь пружинисто выпрямившись, он бросил якорек. Наверху стены послышался звонкий металлический звук, заставивший его вздрогнуть.

Он потянул за веревку, и, когда якорек зацепился, она натянулась. Перехватывая руками, упираясь ногами в каменную кладку, он начал подниматься вверх. Заглянув через верх стены, он не увидел ничего подозрительного и, перевалившись через стену, присел в ожидании сигнала тревоги. Но никаких сигналов не было.

Он вытащил свой револьвер и вбежал в узкую дверь ближайшей башенки. Лунный свет проникал внутрь башенки через ряд бойниц и разгонял тьму, так что там можно было осмотреться. В башенке никого не было. Приставная лестница вела наверх, на деревянную площадку.

Ту Хокс покинул башенку, прихватив с собой лестницу, опустил ее с внешней стороны стены и просигналил остальным. Скоро весь отряд собрался на стене. Джильберт приказал команде корабля занять участок стены длиной метров сто. Если иквани попытаются взобраться на стену в этом месте, блодландские моряки должны сосредоточить на них свой защитный огонь. Если иквани пойдут на штурм где-то в другом месте, об этом должен своевременно сообщить человек, находящийся в сторожевой башне.

Джильберт, Квазинд, Ильмика и Ту Хокс по деревянной лестнице, ведущей вниз с внутренней стороны стены, спустились вниз и оказались на тропинке, ведущей от двери дальше вверх по склону горы. Они пошли по ней. Засады хивиканцев, казалось, можно было не бояться — было очевидно, что охрана хивиканцев по неизвестной причине покинула свои посты.

Тропинка, хотя и крутая, облегчала продвижение, и когда забрезжил рассвет, до вершины оставалось всего несколько сот метров. И здесь они наткнулись на первого хивиканца. Он лежал ничком поперек тропинки, на нем была накидка из разноцветных перьев, украшенная бирюзой и смарагдами, на лице — деревянная маска. Он был мертв.

Ту Хокс перевернул труп на спину и снял маску с его лица. Лицо священника-колдуна было темно-серым. Ту Хокс снял с него накидку и разрезал хлопчато-бумажную рубашку под ней. На теле мертвеца не было никаких повреждений.

У Ту Хокса мороз пробежал по коже. Другие, казалось, были удивлены не меньше, чем он, — только Квазинд стоял с каменным выражением лица, хотя тоже, должно быть, внутренне содрогался, потому что был очень восприимчив и боялся неизвестного.

Они стали подниматься дальше. В бледных сумерках вырисовывались гигантские фигуры — нагоняющие страх статуи из серого гранита, черного базальта и серого, обветренного, ноздреватого туфа. У большинства из них были искаженные лица каких-то то ли демонов, то ли богов; иные словно вышли из сказок о животных: большеглазые, длиннокрылые, с оскаленными клыками. Другие статуи, напоминавшие стелы или столы-тотемы, были покрыты изображениями кусающихся и проглатывающих друг друга полулюдей, чудовищ и драконов. Сотни их покрывали склон, при этом большая часть смотрела в сторону моря, но были и такие, что смотрели вверх на вершину.

Квазинд следовал за Ту Хоксом настолько вплотную, что несколько раз наступил ему на пятки. Ту Хокс вынужден был приказать ему, чтобы он отступил от него на пару шагов.

— Вы словно сделаны из камня, — сказал он ему.

— Камни мертвы, — пробормотал Квазинд. — Но что живет в них?

Ту Хокс пожал плечами и пошел дальше вверх по тропе. Далеко под ними щелкнул выстрел. Все вздрогнули, но после первого испуга на лицах появилось выражение облегчения, а не озабоченности. Шум этот был таким человеческим, так хорошо знакомым, что разрушил напряжение страшной, давящей на людей тишины.

Ту Хокс взглянул вперед и сказал:

— Еще метров сто, и мы окажемся около пещеры.

Внезапно твердая темно-коричневая земля тропы закончилась. Тропу и склон покрывала зыбкая серая масса толщиной в фут. Ту Хокс сквозь подошвы своих сапог ощутил тепло. Он остановился.

— Лава, — сказал он. — Еще теплая.

Лавовый поток выливался из отверстия пещеры и, уплощаясь, растекался по склону. Огромный вход в пещеру был до половины заполнен застывшей каменной массой.

— Теперь мы знаем, что погубило здесь людей, — сказал Ту Хокс. — Они, должно быть, подумали, что гора разверзлась и выплюнула огонь. Или что боги рассердились на них. Священник-колдун, которого мы видели, должно быть, умер от разрыва сердца.

По мере того как они приближались ко входу в пещеру, жара становилась сильнее. Скоро их одежда была мокра от пота, а подошвы сапог нестерпимо горячи. Когда они достигли отверстия входа, они поняли, что долго находиться здесь не смогут.

Да это и не было нужно. В конусе света от карманного фонарика Ту Хокса внутри пещеры были видны нагромождения застывшей лавы. Уже в двадцати метрах от входа пещера была закупорена. Извержение — если это действительно было извержение земного происхождения — сделало ее непроходимой. Ту Хокс по описаниям Джильберта знал, что пещера уходит внутрь горы по меньшей мере метров на сто. А в самом ее конце находятся Врата, если они вообще существуют.

Им ничего больше не оставалось, как только забыть о Вратах и постараться ускользнуть от иквани. Они повернули и пошли вниз по тропинке. Прежде чем они преодолели половину расстояния до стены, звуки перестрелки прекратились. Ту Хокс дал своим спутникам знак остановиться.

— Если иквани прорвались, они пойдут наверх. Если нет, мы можем позволить себе подождать, пока все не прояснится.

Они спрятались за одним из огромных каменных идолов в пятидесяти шагах от тропинки, поели немного вяленого мяса с хлебом и стали греться в лучах утреннего солнца. Время от времени Ту Хокс высовывал голову из-за идола и осматривал тропу внизу. Примерно полчаса никакого не видел, но потом, когда он выглянул снова, в его поле зрения попали четыре маленькие фигурки, гуськом поднимавшиеся в гору. Белые тюрбаны сверкали на солнце. Оружие блестело.

— Наши люди или убиты, или взяты в плен, Джильберт.

Джильберт с проклятиями вскочил на ноги и в бинокль стал наблюдать за арабами. Понаблюдав немного, он сказал:

— Там, внизу, человек в мундире иквани, но без тюрбана. У него светлые волосы! Вот, посмотрите сами. Не может ли это быть ваш друг, о котором вы мне рассказывали?

Ту Хокс взял бинокль. Ему не надо было долго вглядываться.

— Это Раске, — сказал он, покачав головой, и вернул бинокль. — По-видимому, он установил связь с посольством иквани в Ирландии. Но каким образом он узнал, куда мы плывем? Так или иначе, он предложил иквани послать за нами крейсер. Я им нужен для того же, для чего был нужен Перкунии и Блодландии. И если они не смогут захватить меня живым, по крайней мере попытаются меня убить.

Он снова взял бинокль и пересчитал врагов — их было тридцать два. Шестеро из них остались далеко позади, потому что тащили части переносного гранатомета. «Хвейлголд» все еще стоял на якоре в бухте, а около рифов его подкарауливал крейсер.

Ту Хокс осмотрел горизонт. Далеко в море были видны две ленточки дыма. Он готов был молиться, чтобы этот дым поднимался из труб военных кораблей Хивики, которые спешили сюда, чтобы задержать не имеющих права высаживаться здесь чужаков и их суда...

Теперь каждая минута была на вес золота. Ту Хокс повел своих товарищей снова вверх, на гору, и, дойдя до потока лавы, повернул на север, чтобы обойти разверстую вершину горы. Когда они, наискось поднимаясь вверх, уже наполовину обошли вершину, дорогу им преградило ущелье. Пришлось искать новый путь для подъема и преодолевать вершину.

Тем временем иквани увидели их и устремились вперед. Они продвигались очень быстро, потому что у них под ногами была твердая почва.

— В Южной Африке, наверное, жить не хуже, чем в любом другом месте, — произнес Ту Хокс. — Но стоит мне подумать о том, что мне придется учить арабов...

Он снова взял бинокль. «Хвейлголд» горел, из воды в бухту тут и там вздымались фонтаны. С подветренной стороны крейсера поднимались черные облачка дыма. Белый баркас с длинными белыми усами пены перед носом двигался от крейсера к проходу в рифах. Множество морских пехотинцев направлялось к берегу. Две далекие ниточки дыма на горизонте, казалось, нисколько не приблизились. С такого расстояния и за такое короткое время он не мог определить, как быстро и в каком направлении движутся эти неизвестные суда.

Он опустил бинокль и выпрямился.

— К дьяволу этих иквани! Я устал, словно весь день ворочал камни! Я за попытку бегства. Если мы не сможем пройти дальше, мы

будем сражаться. Раньше или позже хивиканцы должны обратить на нас внимание и что-то предпринять. Тогда мы сдадимся на их милость.

Джильберт сказал:

— Мы покажем иквани, что значит иметь дело с блодландцами.

Ту Хокс рассмеялся: в их группе было только два блодландца и один из них был женщиной. Они забрались выше и наконец достигли террасы примерно метров пятидесяти длиной и двадцати шириной. Поднимавшаяся за ней гладкая каменная стена исключала возможность дальнейшего продвижения. Каменистый склон под террасой хорошо просматривался, и для нападающих здесь не было никакого укрытия, кроме четырех больших каменных блоков. Иквани могли добраться до группы Ту Хокса, только перебравшись через вершину. Если это и было возможно, им потребовалось бы на это не менее четырех часов.

Глава 17

Около четырех часов пополудни в поле зрения защитников террасы появились первые иквани, которые попытались укрыться за четырьмя большими каменными блоками. В это время трое мужчин на каменной террасе собирали все подходящие камни и обломки скал, подкатывали их к краю террасы и складывали так, чтобы между ними получались укрытия. Ту Хокс подсчитал боеприпасы — их оказалось по тридцать патронов на человека.

Морские пехотинцы первыми начали обстрел с трехминутными интервалами, обрушивая на обороняющихся град пуль. Пули свистели над головами укрывшихся, отскакивали от скал и камней или щелкали о каменные уступы под террасой. Укрывшиеся не отвечали на этот огонь.

Воодушевленные их пассивностью, десятеро морских пехотинцев начали карабкаться вверх, в то время как остальные прикрывали их непрерывным огнем. Ту Хокс высунул голову из укрытия и увидел, как они приближаются. Он увидел также, что иквани с гранатометом все еще были далеко внизу. Это, должно быть, было очень тяжелое орудие, совсем не такое, как легкие гранатометы в его мире.

Ту Хокс ждал. Огонь атакующих почти полностью прекратился, но он оставался в укрытии. Когда обстрел возобновился снова, он подсчитал, что атакующие должны быть метрах в пятидесяти от террасы. Быстрый взгляд подтвердил его предположение. Десятеро иквани, каждый из которых находился на расстоянии около восьми метров от другого, двигались цепью. Они карабкались вверх с ружьем в одной руке, нащупывая другой каменные выступы.

Ту Хокс сделал знак, Квазинд и Джильберт встали на колени за одним из каменных обломков и перекатили его через край террасы.

Он, подпрыгивая, покатился с горы, но никого не задел. Однако это так подействовало на первых атакующих солдат, что они вскочили на ноги. Один из них потерял равновесие и покатился вниз. Когда ему наконец удалось остановиться, у него уже не было ни ружья, ни желания сражаться.

Люди Ту Хокса спустили с горы еще много камней размером от кулака до человеческой головы, и это оказывало на солдат сильнейшее воздействие. Одному из солдат камень попал в голову, тот перевернулся на спину, сорвался и покатился вниз, затем остановился и остался неподвижно лежать на склоне горы. Его товарищи, которые вели защитный огонь, пытались угадать путь этих каменных снарядов и забывали стрелять. Ту Хокс и Ильмика использовали паузу, чтобы сделать три прицельных выстрела. Четыре морских пехотинца были ранены. Четверо уцелевших, потеряв самообладание, отступили. Один из них второпях поскользнулся и прокатился метров тридцать, прежде чем ему удалось остановиться в маленькой впадине.

— Теперь они знают, чем мы можем ответить, — сказал Ту Хокс. — Если они не дураки, они подождут, пока не прибудут гранатометы. А это означает для нас спокойную ночь.

Ильмика сказала:

— Они не хотят упускать тебя живым, Роджер.

— Да, я знаю. Но зачем им нужен я, если у них есть Раске?

Иквани, казалось, решили удовлетвориться одиночными выстрелами. Солдаты, несущие гранатомет, приближались очень медленно, хотя к ним спустились еще несколько человек, чтобы помочь. Ту Хокс рассчитал, что они смогут доставить гранатомет на место только поздним вечером, но это было бесцельное умозаключение: огонь мортиры ночью был не менее результативным, чем днем.

Баркасы с крейсера давно уже высадили людей, и морские пехотинцы, покинув прибрежную полосу, находились теперь где-то в лесном поясе. «Хвейлголд» был посажен на мель в мелком месте бухты и лег там на борт. А две ленточки дыма заметно приблизились.

Джильберт сказал Ту Хоксу, что гранатомет, вероятно, имеет радиус действия около пятидесяти метров. Ту Хокс почувствовал громадное облегчение. Чтобы подтащить орудие на расстояние выстрела, иквани должны были выйти из-под защитных блоков и добраться до каменных обломков, находящихся под террасой, а сделать это они могли только под защитой темноты.

Солнце погрузилось в океан. Голубое небо потемнело.

— Когда станет еще темнее, мы сможем исчезнуть отсюда, — сказал Ту Хокс. — Иквани понадобится некоторое время, чтобы подтащить свою мортиру к этим камням. В этом и заключается наш шанс.

Мы пересечем склон справа и посмотрим, не сможем ли мы обойти их, пока они будут обстреливать отсюда террасу.

К радости укрывшихся на террасе, небо над горой закрыли облака, которые двигались на запад. Вершина исчезла в густом, как вата, тумане, и его серые клочья скоро окутали и каменную террасу. Стало темно хоть глаз выколи. Четверо беглецов осторожно начали спускаться по каменным уступам, работая руками и ногами. Вскоре после этого ночь прорезали молнии. Солдаты пытались удержать укрывшихся на месте, пока гранатомет не будет установлен на нужную позицию.

У Ту Хокса появилась новая идея. Он сказал остальным, каковы его намерения, однако позволил им выбрать между этим и их первоначальным планом.

Вся четверка изменила направление своего движения и поползла к каменным блокам, где они несколько минут назад видели гранатомет и обслуживающих его солдат. В непосредственной близости от иквани, однако отделенные от них пятиметровым каменным блоком, они стали вслушиваться в гортанные звуки арабского языка. Солдаты, казалось, были полностью поглощены установкой мортиры, и Ту Хокс пополз вокруг гигантского каменного блока. Он и Ильмика ползли с одной стороны, Квазинд и Джильберт, в десяти метрах от них, — с другой.

Первая часть плана, как и надеялся Ту Хокс, была выполнена легко. Он открыл огонь с одного конца блока, Джильберт с другого. Квазинд последовал его примеру после первого же выстрела. Белые шаровары и тюрбаны иквани нельзя было не увидеть даже в такой темноте. Все четверо целились в черное пространство между этими двумя белыми предметами.

Для иквани это было полной неожиданностью. Те солдаты, что уцелели после первых секунд перестрелки, спасая свою жизнь, бросились сломя голову вниз по склону. Двое или трое пытались оказать сопротивление и за это поплатились жизнью. Спустя несколько минут все было кончено.

Вторая часть их плана, однако, осталась невыполненной. Не успели Ту Хокс с Ильмикой подойти к брошенному гранатомету, как были вынуждены броситься в ближайшее укрытие. Морские пехотинцы внизу склона осознали создавшееся положение и открыли яростный огонь. Ту Хокс намеревался открыть огонь из гранатомета вниз по склону и забросать нападавших гранатами, но это было невыполнимо. Еще хуже было то, что солдаты продвигались вперед широко растянутой цепью, прячась за камнями, чтобы вернуть обратно свою мортиру.

Четверка беглецов пыталась изредка отстреливаться, но град пуль вынуждал ее держаться в укрытии и делал все попытки контратаки настоящим самоубийством.

Ту Хокс безостановочно ругался. Лучше бы он остался верен своему первоначальному плану. Не прельстись он возможностью легкого нападения, они теперь были бы уже на пути в безопасное место.

Внезапно шум внизу удвоился, утроился. Пули перестали свистеть вокруг беглецов, но перестрелка там, внизу, продолжалась. В этом шуме слышались свист и крики уже не только на арабском языке. Ту Хокс ничего не понимал, но этот язык по звучанию был похож на полинезийский.

Подоспели местные жители.

Бой продолжался еще с четверть часа, потом оставшиеся в живых иквани сдались. Немного позже четверка беглецов увидела, что они тоже окружены. Ту Хокс и другие отбросили свое оружие и подняли руки вверх. Солдаты-хивиканцы погнали их прикладами вниз по склону в толпу других пленников, которые еще совсем недавно были их врагами.

Раске тоже был там. Он стоял, положил руки на затылок. Увидев Ту Хокса, он громко рассмеялся.

— Вы скользили как угорь, дьявол вы этакий! На этот раз все это чуть было не закончилось для вас скверно, а? Вам повезло так же, как Гитлеру.

— А кто такой Гитлер? — спросил Ту Хокс.

Глава 18

За окнами отеля забрезжило утро, когда Ту Хокс закончил свой рассказ.

Я спросил:

— Это, конечно, еще не все?

— Я забыл, — сказал Ту Хокс, — что слова Раске ничего для вас не значат. Когда Раске произнес их, они и для меня тоже ничего не значили. Я был озабочен нашей собственной судьбой и не стал над этим задумываться. Все пленники, поскольку они высадились на этот берег незаконно и вторглись, не имея на то права, в священное место, должны были предстать перед судом. Осквернение священного места являлось тяжким преступлением и наказывалось смертной казнью. Но Раске и я могли предложить иквиканцам нечто очень ценное и попытаться таким образом не только спастись самим, но и спасти своих друзей. К сожалению, верховный судья настоял на том, чтобы вторгшихся примерно наказали в назидание остальным, и все иквани и наши моряки, уцелевшие после сражения, были повешены.

Мы провели в Хивике год, очень насыщенный год, и повторили то, что мы с Раске сделали в Перкунии и Блодландии. Когда нас наконец освободили, война уже кончилась. Эпидемия тоже закончила свое смертоносное шествие, унеся вчетверо больше жизней, чем вся война. Старые государственные структуры в странах — участницах войны

прекратили свое существование. В Перкунии новый правитель по имени Виссамор провозгласил республику — ну, вы все это знаете.

— А как насчет этого замечания... о Гитлере? — спросил я.

Ту Хокс улыбнулся.

— Раске ответил мне на этот вопрос, когда мы сидели в тюрьме в Хивике. Он рассказал мне о мире, из которого он пришел. Как я уже говорил, в Комаи было слишком много работы, чтобы нам удалось по-настоящему поговорить о нашей прошлой жизни на Земле, которую мы считали нашей общей родиной. Кроме того, мы оба избегали говорить друг с другом о наших политических воззрениях. Мы оба чувствовали, что было бы бессмысленно продолжать ссору из-за нашего положения там, в том навсегда утерянном для нас мире.

Только в Хивике нам стало ясно, что мы одновременно прошли через одни и те же Врата, но с двух разных земель.

— Удивительно!

— Да. Правителем Германии в моем мире был Кайзер, внук узурпатора, который после первой мировой войны пришел к власти. Раске рассказал мне, что Кайзер в его мире после первой мировой войны удалился в изгнание в Голландию. Впрочем, первая мировая война в его мире произошла на десять лет позже, чем в моем, если пользоваться относительной хронологией. Во Вселенной Раске власть в Германии захватил диктатор по имени Гитлер и он же развязал вторую мировую войну.

Конечно, Кайзер в моем мире и в мире Раске не был одним и тем же лицом. Даже имена у них были не похожи друг на друга. Однако ход истории в моем и в его мире был на удивление схожим. Это сходство заметно во всем и слишком полно, чтобы быть случайностью. Однако моя теория, состоящая в том, что эта Земля населена людьми, которые прошли через Врата с моей Земли, теперь полностью опровергнута.

Впрочем, знаете ли вы — нет, вы этого не можете знать, — что два Плоешти подверглись нападению американских бомбардировщиков в один и тот же день? Раске летал на «мессершмитте», самолете неизвестного мне типа. И он тоже успел увидеть, что бомбардировщик, который внезапно появился перед ним и на который он напал, был неизвестного ему типа.

Итак, теперь мы знаем, что Врата могут связывать между собой не два мира, а больше.

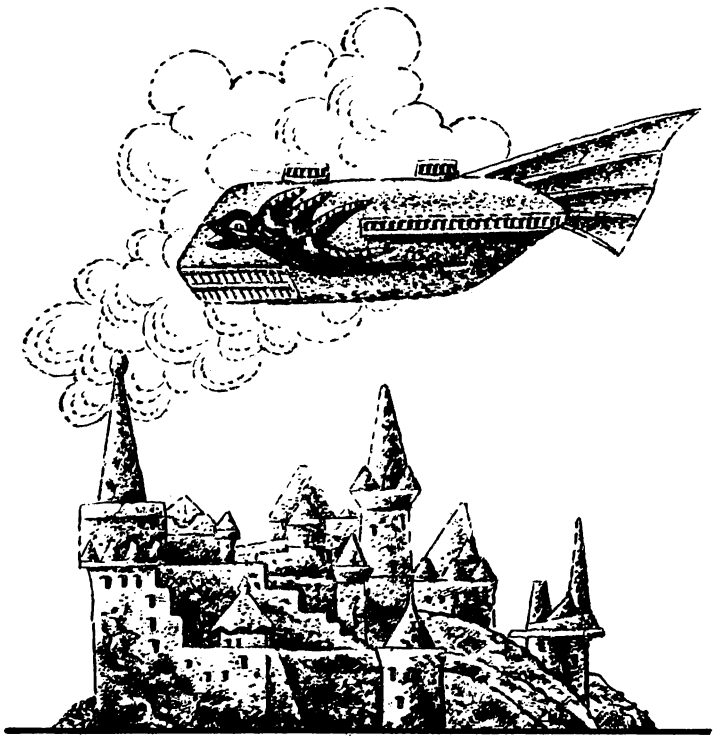
— А каковы ваши дальнейшие планы? — спросил я у Ту Хокса.

— Мы узнали об этих очень странных явлениях в области ледников Верхнего Тирслэнда, — сказал он. — Об этом рассказывают кочевники Баката. И это выглядит похожим на Врата. Если эти рассказы основаны на фактах, мы, вероятно, больше никогда не увидимся. Од-

нако, если под ними нет никаких реальных оснований, как я ожидаю, мы будем вынуждены остаться в здешнем мире. Раске тоже, если это будет возможно, перейдет в мой мир. Если он этого не сможет сделать, он хочет отправиться в Сааризет. Он получил оттуда великолепное предложение. Если он его примет, он проживет свою жизнь, как король. Что же касается меня, то мы вместе с Ильмикой вернемся в Блодландию.

Он улыбнулся и встал.

— Это, может быть, не лучший из возможных миров. Но он тот, в котором мы живем, и мы должны извлечь из этого все самое лучшее для себя.

ПРОБУЖДЕНИЕ КАМЕННОГО БОГА

РОМАН

Он очнулся и не понял, где оказался. В пятидесяти футах от него трещал огонь. Дым ел глаза, вызывая слезы. Откуда-то издалека доносились крики и вопли.

Из-под рук выкатился кусок пластика и, легко ударив его по коленям, скользнул к ногам на каменную площадку.

Он сидел в своем рабочем кресле, установленном на своего рода гранитной плите, покоящейся на круглом каменном постаменте. Упавший предмет оказался столешницей, на которую он опирался, когда потерял сознание.

Он находился в одном конце циклопических размеров строения из огромных бревен, массивных деревянных панелей и тяжелых потолочных балок, лежавших высоко над головой.

Пламя вырывалось из-за противоположной стены, так как ветер уносил дым. Проглядывавший сверху участок неба был темный и лишь слегка светлел вдали.

В пятидесяти ярдах от него пламя высвечивало холм. На его вершине вырисовывались силуэты деревьев, покрытых листвой.

А всего миг назад была зима. Вокруг Исследовательского Центра в Сиракузах, штат Нью-Йорк, лежал глубокий снег.

Дым повернуло, и панорама исчезла. Пламя охватило множество длинных столов и скамеек, а также толстые подпиравшие потолок колонны, напоминавшие тотемные столбы с жуткими, вырезанными один над другим лицами. На столах стояли блюда, кубки и прочая утварь. Из перевернутого кувшина на ближайшем столе струилась темная жидкость.

Когда дым коснулся его лица, он, закашлявшись, встал и спустился с возвышения. Черные, красные вкрапления кварца в гранитной плите сверкали огненными блестками.

Он огляделся в изумлении. Сквозь приоткрытую двустворчатую дверь виднелись снаружи то же пламя и метавшиеся, извивавшиеся, падавшие и вопившие тела.

Пора было подумать о бегстве, пока до него не добрались огонь и дым. Однако его никак не прельщала перспектива оказаться замешан-

ным в разгоравшуюся битву. Он припал к каменной платформе и потом соскользнул на твердый земляной пол зала.

Оружие. Ему необходимо оружие.

Сунувшись в карман пиджака, он достал перочинный ножик. Нажал кнопку, и наружу выскочило шестидюймовое лезвие. В Нью-Йорке 1985 года ношение ножа с таким лезвием считалось бы незаконным, но если в указанный год человек хотел чувствовать себя в безопасности, то ему приходилось пользоваться и не таким запрещенным средством.

Не переставая кашлять, он решительно прорвался к огромным, выше его головы, дверям. Опустившись на колени, заглянул под них.

Языки пламени, бушевавшие в зале и соседних зданиях, освещали причудливую картину. В бешеной круговерти мелькали лохматые лапы и пушистые хвосты, белые, черные и коричневые. Лапы, чем-то походившие на человеческие ноги, странно изгибались, являя своим видом задние конечности четырехфутовых существ, которые вознамерились вдруг выпрямиться, как люди. А в результате стали никем, ни зверями, ни людьми.

Владелец одной пары ног свалился на спину с вонзившимся в его живот копьем. Человек удивился еще больше: это создание напоминало кого-то среднего между человеком и сиамским котом. Шерсть на теле была белая, на мордочке, части ног, руках и хвосте — черная. Мордочка выглядела плоской, как лица у некоторых людей, зато нос — круглый и черный, как у кота, а уши тоже черные и острые. Изо рта, ощерившегося в мертвом оскале, проглядывали острые и кривые зубы.

Копье из тела поверженного врага было выдернуто существом с такими же кривыми ногами и настолько же длинным хвостом. И тотчас раздался истошный крик. Ноги только что праздновавшего победу воина подкосились, и он упал поперек сиамско-человеческого создания. Судя по всему, и это существо принадлежало к эволюционировавшим четвероногим, приобретшим такие свойственные человеку характеристики, как расположенные спереди глаза, подбородок, руки, плоское лицо и широкая грудь. Но если первое создание имело сходство с сиамским котом, то второе скорее всего с енотом. Тело было покрыто одинаковым коричневым мехом, и только над глазами и на щеках выделялись черные полоски шерсти.

Кто убил его, человек не видел.

Пока еще жар можно терпеть, выбираться наружу не хотелось. Но куда он попал? В другую реальность? Или он по-прежнему в своей реальности, а все наблюдаемое им вокруг лишь плод воображения, каким-то образом пробудившегося в его мозгу?

Пламя начало лизать спину, и он, стараясь остаться незамеченным, подлез под дверь.

Когда он завернул за угол, вокруг него опять сгустился дым. Это было ему на руку, поскольку скрывало его от постороннего взора, но

вызвало кашель и наполнило глаза слезами. Поэтому он и не смог сразу увидеть енотообразное существо, вылетевшее на него из дыма с поднятым вверх томагавком. Он не успел вовремя понять, что оно и не думало нападать на него, но потом было уже слишком поздно. Несчастное создание, ослепленное дымом, вне себя от боли, вызванной потерей глаза, висящего на ниточке нерва, чисто случайно выскочило на человека, о существовании которого скорее всего и не подозревало.

Он рванулся вперед. Нож вонзился в поросший шерстью живот. Брызнула кровь. Существо отлетело назад, высвобождая лезвие, повернулось и завалилось на бок. И только тогда он понял, что енотолицый не собирался нападать. Переложив нож в левую руку, он подобрал томагавк и потащился прочь, кашляя и задыхаясь от дыма.

Человека била нервная дрожь, и все же он был готов к активным действиям. Мозг начал выходить из оцепенения, тело стало согреваться. Внезапно показался еще один енотолицый. Этот видел его, но, очевидно, смутно. Щурясь от дыма, он бросился к человеку с коротким тяжелым копьем с каменным наконечником, прижатым обеими руками к животу. И вдруг присел, будто не веря своим глазам.

Человек выпрямился, приготовив томагавк и нож. Он чувствовал, что шансов у него не было. Хотя поросшее шерстью двуногое было только пяти футов двух дюймов росту и весом около ста тридцати фунтов, в то время как он имел шестьдесят три фута и сто сорок пять фунтов, он не умел пользоваться томагавком. А ведь — вот смех! — в нем текла кровь ирокезов.

При приближении человека енотолицый съежился, и когда тот оказался футах в тридцати от него, глаза его округлились, и он вскрикнул, хотя его вопль потонул в общем бедламе, шестеро существ — трое кошко-людей, как назвал их человек, и четыре енотолицых — все же обернулись. Они уставились на него, и невиданные создания окликнули ближайших воинов. Те также бросили колоть и рубить друг друга, и над полем боя повисла неподвижная тишина.

Человек рванулся к лестнице. Путь ему преграждал только енотолицый, заметивший его первым. Остальные, конечно, могли метнуть в него копья и томагавки, однако все же у него был шанс: они находились слишком далеко, а луков и стрел у них вроде бы не было.

Енотолицый шагнул вперед и поднял копье, так что человеку поневоле пришлось защищаться. На томагавк он не полагался. Это оружие вряд ли сможет соперничать с копьем. Поэтому он решил добраться до существа настолько близко, чтобы воткнуть в него свой нож. Пока же, не веря в успех, он швырнул томагавк изо всех сил. Ему повезло: лезвие ударило енотолицего в шею. Тот опрокинулся навзничь.

Зрители, недавние бойцы, завопили: кошко-люди — восторженно, енотолицые — горестно. Последние бросились к лестницам и, бросая на бегу копья и томагавки, спасали собственную шкуру. Некоторые

уже перескочили через палисад, но большинство было исколото и подрублено со спины, прежде чем они добрались до лестниц, или же на самих лестницах. Несколько енотолицых взяли в плен.

Только теперь человек сообразил, что енотолицый не собирался метать в него копье. Он поднял оружие, чтобы отбросить в сторону и тем самым как бы выказать свое смирение. И вдруг — томагавк. Но жизнь — не магнитофонная лента, которую можно прокрутить заново, чтобы прослушать, переписать или стереть с нее запись.

Человека окружили кошко-люди. Правда, держались они на почтительном расстоянии — во всяком случае, его они не могли коснуться. Опустившись на колени и вытянув руки, они поползли к человеку. Оружие их лежало на земле позади. Лица хранили какое-то странное выражение. Длинные, закругленные, черные, влажные носы, острые зубы и похожие на кошачьи глаза придавали лицам своеобразный облик. Поза их выражала благоговение. Было явно видно — они не хотели навредить человеку.

Пламя за его спиной стало ярче, и он увидел в их глазах его отблеск. Зрачки при вспышках казались узкими древесными листьями.

Один из кошко-людей подошел к человеку совсем близко и вытянул руку, чтобы коснуться его. Она, несмотря на шерсть, ничем не отличалась от человеческой, имела четыре пальца с ногтями, а не когтями. Большой палец был отставлен в сторону.

Прикосновение кончиков пальцев к руке человека пробило брешь в его обороне. Ночное небо, объятые пламенем здания, высокие частоколы, коричневые и черно-белые хвостатые существа, маленькие лица женщин и детей, с любопытством выглядывавших из хижин, — все закружилось у него перед глазами. Кошко-человек с криком ужаса пополз на четвереньках назад. Незнакомец повалился на землю и, ударившись об нее плечом, затих. Лохматики бросились врассыпную.

Единственное, что он помнил, так это черный кончик хвоста. Он дергался из стороны в сторону, разрастаясь в размерах и становясь чернее, пока, наконец, все вокруг тоже не почернело и не погрузилось в абсолютный мрак.

Постепенно к нему возвращались зрение и слух. Он лежал на спине на мягкой шерсти и какой-то мягкой подстилке под ней. Низко над головой нависал потолок с почерневшими от дыма балками и вырезанными из дерева фигурками, украшенными мехом и спускавшимися с укрепленных наверху каменных полок. В комнате, футов двадцать на тридцать, толпились сиамскоподобные создания.

Стоявшие рядом с его кроватью самцы потом расступились, давая дорогу самке. Ростом около пяти футов, она имела круглые груди, покрытые мехом, оставались лишь небольшие участки кожи вокруг сосков. Шею ее обвивали три нити крупных голубых камней. На ме-

ховых манжетах покачивались маленькие каменные фигурки. Ее глаза напоминали ему своей синевой глаза сиамских кошек, живших у его сестры.

Самцы носили бусы и кулоны, сделанные из камня, а также ручные и ножные браслеты с крошечными фигурками или геометрическими рисунками. У некоторых были к тому же и плюмажи из перьев на манер тех, что венчают в вестернах головы индейских вождей. Оружие имелось у немногих, и то, судя по его декоративной отделке и легкости, оно было исключительно церемониальным, но отнюдь не боевым.

Самка склонилась над человеком и что-то произнесла. Он не надеялся понять ее. Язык казался незнакомым, поскольку не принадлежал ни к одной известной языковой семье. В нем не было ничего от германского, славянского, семитского, китайского или банту. Если он и напоминал ему что-то, так это мягкий по звучанию полинезийский диалект, но без глотательных пауз. Правда, позже, когда его уши немного привыкли, он начал различать паузы, но, в отличие от пауз в полинезийских языках, они ничего не значили.

У нее были зубы хищника, но дыхание оказалось приятным. Язык выглядел таким же шершавым, как у кошки. Несмотря на непривычную внешность, он посчитал ее достаточно привлекательной Правда, он тут же решил, что сиамские кошки всегда были странными и удивительными созданиями.

Поднявшись на локтях, он попытался сесть. На боку его висел испачканный кровью нож. Самка отшатнулась при виде оружия. Самцы за ее спиной, тесня друг друга, отодвинулись. Их шепот пронизывал ужас.

Мгновение, и он сел, схватившись руками за край кровати. Собственно, он лежал не на кровати, а на шкурах в небольшой нише в стене. Окон не было, так что помещение освещалось естественным светом, проникавшим внутрь через две распахнутые в дальней стене двери и несколькими факелами в подставках вдоль стен. Снаружи у входа теснились самцы, самки и детеныши — или котята? — очень миленькие, с большими черненькими ушками и круглыми мордочками, огромными и такими же, как и у взрослых, черными глазами.

Человек встал на ноги. На секунду в глазах потемнело, но потом постепенно в голове прояснилось. Кошко-люди вновь расступились, и к нему подошла еще одна самка. Она принесла большую, украшенную по бокам геометрическим рисунком глиняную чашу с супом из мяса и овощей, от которой исходил удивительно аппетитный, хотя и необычный аромат. Он принял чашу и деревянный прибор — ложку с одной стороны и двузубую вилку с другой. Суп был сытным и вкусным, а кусочки мяса напоминали оленину. На миг перед его мысленным взором предстал енотолицый, но он тут же решил, что слишком голоден, чтобы думать об этом. Не обращая внимания на воцарившееся в комнате безмолвие и пристальные взгляды собравшихся, он съел весь

суп. Самка унесла посуду, и все тотчас сгрудилось вокруг него, будто боясь упустить малейшие его движения.

Он направился сквозь расступившуюся толпу к ближайшей двери. Солнце только что осветило холмы на востоке. Учитывая время суток и то расстояние, на котором он оказался после увиденного сражения и встречи с необычными существами, он, вероятно, пробыл без сознания очень долго.

Теперь можно было подумать о том, где же, черт побери, он очутился.

Холмы и деревья, которые он видел вдалеке, на первый взгляд были те же, что и в окрестностях Сиракуз. Но больше ничего знакомого.

Зал не был сожжен полностью, да и соседние здания, о которых он думал, тоже лишь полуобгорели. Земля вокруг них была еще мокрой от дождя, погасившего пламя.

Огороженная деревня неподалеку от вала своими продолговатыми домами напоминала окондаганское поселение семнадцатого века. Переброшенные через частокол веревочные лестницы и трупы исчезли. Зато рядом с залом стояло несколько деревянных клеток с дюжиной пленных енотолицых.

Ворота частокола были открыты, а за ними простирались посадки кукурузы и прочих злаков. В поле работали только самки. Детеныши бегали вокруг них, и лишь те из них, что были постарше, помогали матерям. Самцы с оружием в руках охраняли посевы, стоя на наблюдательных вышках или у частокола. Солнце и небо были такими же, как и прежде.

Кошко-люди, видимо, ждали, как он теперь поступит. Он надеялся, что не обратит их страх и благоговение в ненависть. Совершенно сбитый с толку, он мог бы сойти с ума, если бы не съел собаку на программистике.

Надо бы изучить их язык.

Заметив самку, которую увидел первой, ту, что напоминала ему о сиамской кошке сестры, он указал на себя пальцем:

— Улисс — Поющий Медведь.

Она взглянула на него. Ее соплеменники взволнованно забормотали.

— Улисс — Поющий Медведь, — повторил он.

Она улыбнулась или, во всяком случае, широко открыла рот. Опасная улыбка! Такие зубки могли откусить у него большой кусок мяса. Не то чтобы они были очень уж большими, если иметь в виду во сколько раз они превосходили своими размерами домашних кошек. Собственно, они оказывались даже маленькими, клыки — чуть длиннее остальных зубов. Но зато уж остры были зубы, так это точно.

Самка что-то сказала, и он повторил свое имя. Стало очевидно, что она пыталась повторить произнесенные им слова, хотя и не понимала их смысла.

Через некоторое время она выдавила:

— Буриза Ассингагна Вапира.

Так примерно звучало это в английской артикуляции.

Он встрепенулся. Что же, придется приноравливаться. Он должен овладеть их языком.

— Буриза, — произнес Улисс и улыбнулся.

Большинство кошко-людей выглядели озадаченными. Чуть позже он понял почему. Ведь каждый думает, что его Бог говорит на языке своих последователей. Их же бог и спаситель — тот, кого ждали они сотни лет, изъяснялся на языке богов не лучше новорожденного младенца.

К счастью, вуфеа, как и всякие разумные существа, обладали рациональным мышлением. Их верховный жрец и его дочь, Авина, высказали предположение, что, когда Вувизо, бог вуфеа, превратился в камень, он находился под чарами Вурутаны, Великого Пожирателя, и потому забыл свой язык. Но он его быстро вспомнит.

Авина стала главным помощником и наставником человека. Она почти всегда находилась рядом с ним. И поскольку любила поболтать — даже с богом, приводившим ее в содрогание, — обучала его довольно успешно. Девушка была умна, иногда казалось, что сообразительностью своей она превосходит его самого, и придумывала множество способов ускорить процесс обучения.

Она обладала также чувством юмора и однажды, когда до Улисса дошел наконец смысл одного ее каламбура, дала понять, что он продвигается быстро. Он был так доволен собой и ею, что чуть было не поцеловал ее. Но, вовремя опомнившись, схватил себя, как положено, за загривок и швырнул обратно.

Он, сам того не ожидая, возлюбил этих нежных, изящных созданий. Но ближе всех ему была она, островок в неизвестном и изменчивом море. С ней было так легко и приятно. Когда она покидала его, ему становилось тоскливо, как узнику, надежно упрятанному за решетку.

С того времени, как он впервые смог вникнуть в суть ее каламбуров, он принялся более активно знакомиться с жизнью деревни и ее окрестностями. Во время прогулок его все время сопровождали вождь и дюжина молодых воинов. И стоило только ему отойти подальше от деревни, как его останавливали. Это не устраивало человека, однако он понимал, что противиться провожатым, точнее, тюремщикам, бесполезно.

К северу и западу от деревни простирался край высоких покатых холмов, озер, речек и ручейков, обликом своим напоминавший район Сиракуз. В нескольких милях к востоку, укрытый от взора гористым кряжем, начинался вечнозеленый гористый массив. На юге двухмильной зоной пролегала изрезанная возвышенностями и лощинами местность, переходившая далее в обширную равнину без конца и края, как показалось Улиссу, когда он взобрался на вершину холма высотой

футов восемьсот. Только где-то на горизонте виднелась темная полоска, сперва он принял ее за горный хребет, потом, уже во второй раз, — за гряду облаков. В третий раз он отказался от дальнейших гаданий и обратился за разъяснением к Авине. Та, странно взглянув на него, ответила:

— Вурутана!

Она произнесла это так, словно понимала, почему он спрашивает.

Вурутана, как узнал потом Улисс, — это Великий Пожиратель. И что-то еще, но Улисс плохо знал еще язык, чтобы уловить различные лингвистические нюансы и тонкости.

Согласно Авине, на севере и востоке располагались другие деревни вуфеа. Их враги, именовавшие себя вагарондитами, жили к северу и востоку. В деревне же, где оказался Улисс, проживало человек двести, а вообще вуфеа насчитывалось около трех тысяч.

Язык вагарондитов отличался от языка вуфеа. Для общения использовался третий общий язык — аурата.

Вуфеа не только не изготовляли металл, но даже о нем и не слышали. Нож Поющего Медведя был первым металлическим изделием, увиденным ими.

Более того, они ничего не знали о луках и стрелах. А этого он не понимал. Они могли не знать металла, потому что его не было в округе. Но ведь даже у людей каменного века существовали луки и стрелы. Правда, потом он вспомнил об аборигенах Австралии, которые были настолько отсталыми в техническом отношении, что не имели представления об изготовлении дугообразных предметов. Впрочем, они им, по-видимому, просто были ни к чему. Они были достаточно развитыми в других отношениях, но лука не изобрели. Затем существовали американские индейцы, которые приделывали колеса к игрушкам своих детей и тем не менее не использовали эту деталь для создания тележек и прочих транспортных средств.

В своих странствиях, особенно к востоку от поселка, где растительный мир был более богат в видовом отношении, он постоянно присматривался к деревьям, пока наконец не нашел походившее на тис. Он велел воинам срубить с лесного красавца каменными топорами ветви и отнести их к нему домой. Там он, достав жилы и перья, изготовил после нескольких неудачных попыток луки и стрелы.

Вуфеа были удивлены, но, взяв луки, быстро с ними освоились. Немного попрактиковавшись с соломенными чучелами, которые он соорудил специально для этой цели, они вывели из клетки пленника-вагарондита и, отведя его за поле, велели приготовиться к смерти.

Улисс не стал вмешиваться, так как не знал, сколь велик был его авторитет. Он понимал только, что является своего рода богом. Так сказали ему вуфеа, но он и сам догадался об этом по их отношению к нему. Он даже принимал участие в некоторых церемониях, прохо-

дивших в еще не до конца восстановленном зале. А вот что он за бог и каково его могущество — это Улиссу было неведомо.

Впрочем, у него и не было особого желания вступаться за вагарондита. Но он не мог спокойно взирать на то, как молодые бойцы демонстрировали на енотолицем свое мастерство.

Когда Улисс заявил о своем решении уйти, некоторые вуфеа возмутились. Они угрюмо поглядывали в его сторону, в их рядах слышался ропот, хотя открыто никто против него не выступил. Верховный жрец Аузира, отец Авины, видя такую реакцию, тотчас встал на сторону человека. Потрясая жезлом, украшенным изображением змеи и большой птичьей головой, гремя на соплеменников упрятанными в тыкву камнями, быстро нагнал на них страху. Смысл его речи сводился к тому, что в их стране теперь наступил порядок. Возможно, их представления о том, каким быть богу, отличаются от его собственных. Но если они не образумятся сейчас, то он одним мановением руки их всех превратит в камень. То есть совершит процедуру, обратную той, которая помогла богу проснуться, обрести плоть и вновь стать во главе их.

Поющий Медведь услышал таким образом довольно неясное по смыслу упоминание о том, что произошло с ним до его пробуждения в зале. Позже, сформулировав вопросы так, чтобы Авина не догадалась, сколь глубоко его невежество, он попытался выведать подробности. Девушка чуть улыбнулась, взглянув на него уголком своего большого раскосого глаза. Вероятно, она смекнула, что он не знал о случившемся. Но раз она сумела сообразить это, то у нее также хватило ума и на то, чтобы держать язык за зубами.

Он был камнем. Его нашли на дне озера, обмелевшего после мощного землетрясения. Он примерз к огромному каменному креслу, в котором, с руками, покоившимися на подлокотниках, сидел, чуть подавшись вперед. Он был так тяжел, что потребовались совместные усилия всех самцов из двух деревень, чтобы вытащить его из хляби и доставить на катках в деревню. Там его водрузили на гранитный трон.

Поскольку Улисс — Поющий Медведь не видел ничего такого, что говорило бы об умении вуфеа резать камень, то он спросил Авину, кто сделал этот трон. Оказалось, его обнаружили в руинах древнего великого города. Она туманно смогла рассказать и о самых древних, и о месте нахождения их города, лежавшего где-то на юге давным-давно, двенадцать поколений назад. Там, где расстилалась степь с тысячами бродящих по ней животных. Потом на месте деревень и древнего города возник Вурутана, и вуфеа были вынуждены бежать на север, спасаясь от его тени. И неизвестно, сколько бы еще пришлось им продвигаться на север, если бы при жизни следующего поколения в Вувизо не ударила молния и он, перестав быть камнем, не обрел вновь плоть.

Оказалось, что молния ударила в него во время бури, разразившейся в тот момент, когда разгорелась битва с напавшими на деревню вагарондитами. Из-за нее и воспламенился замок. И то же касается пожара. Он был исключительно на совести налетчиков.

Той же ночью Улисс вышел наружу из своих новых покоев в замке. Взглянул на небо и подивился, что находится на Земле, хотя каким образом он мог оказаться где-то еще? Но если он на Земле, то какой же сейчас год?

Звезды образовывали непривычные конфигурации, Луна казалась больше, словно стала ближе к Земле. Это было уже не голое серебристое тело, как в 1985 году. Она была голубой и зеленой, покрытой клубящимися белыми облаками и напоминала скорее землю, видимую со спутника. Так что если это была Луна, то она просто оземлилась. Скалы, образовавшие твердь, снабдили небесное тело воздухом и водой. В прошлом не раз появлялись статьи о возможности землянизации Луны, но приступить к такой работе можно было не раньше, чем через несколько столетий.

Если исходить из этого, но не из того, что он еще жив, то с 1985 года минули века, а то и множество миллионов лет.

Да и на то, чтобы домашние животные эволюционировали в разумные существа, способные создать гуманоидную цивилизацию, требуется миллион лет. Характерная для вуфеа внешность сиамских котов могла быть просто обманчивой. Не исключено, что у них имелся какой-то иной предок. Во всяком случае, животные его времени были слишком специализированными, их эволюция зашла в тупик. Двуногие вуфеа могли развиться, например, из енотов, с которыми имели много общего. Но чтобы человекоподобное существо образовалось вдруг из кисок его времени, в это трудно было поверить.

Так что, вероятнее всего, вуфеа и енотообразные, а вместе с тем и кошкообразные вагарондиты произошли от енотов или даже от приматов — лемуров, к примеру. Хотя и это представлялось Улиссу сомнительным. Почему в таком случае у них хвосты? Эволюция уничтожила хвосты у высших обезьян. Зачем же она оставила их этим созданиям?

Да здесь и не существовало другой животной особи. Правда, были лошади — в миниатюре чистокровные рысаки его времени. Как правило, они обитали на равнинах. Некоторые жили в лесу. Они служили пищей вуфеа, которым пока не приходило в голову ездить на них. Попадались животные с жирафоподобной шеей и изящной мордочкой и питающиеся листьями деревьев. Он мог бы поклясться, что произошли они от лошади. Иногда встречалась белка-летяга, она в точности была, как летучая мышь. Попадалась еще птица двенадцати футов ростом, на очень толстых ногах, ее предком служил маленький юго-западный роадриниер.

Впрочем, он встречал множество других животных, напоминавших тех, которых он знал когда-то в той, прежней жизни. Авина расспра-

шивала его о том, как он жил до того, как превратился в камень. Он подумал, что лучше рассказать немного, прежде чем она сама догадается. В свою очередь она ему рассказала несколько преданий о Вувизо. Оказывается, он был одним из древнейших богов, единственным пережившим ужасную битву между вуфеа и Вурутаной, Великим Пожирателем. Вурутана победил, и все их боги были уничтожены. Все, за исключением Вувизо. Он бежал, чтобы обмануть врага, преследовавшего его, и превратился в камень. Тогда Вурутана схватил камень и спрятал его под горой, где никто не мог его отыскать. Потом Вурутана решил захватить всю Землю.

Между тем Вувизо лежал в сердце горы, бесчувственный и неподвижный. Вурутана был доволен. Но время размыло скалу, река унесла Каменного Бога в каньон и похоронила на дне глубокого озера. Землетрясение затем опрокинуло озеро, вода ушла, и вуфеа обнаружили, как им и было предсказано ранее, Каменного Бога. Сменилось много поколений, прежде чем ударила молния, которая вернула его к жизни, освободив Вувизо из каменного плена.

Улисс — Поющий Медведь — не сомневался, что в этом мифе была доля правды.

В 1985 году — сколько же прошло времени! — он был биофизиком, работал над проектом Ниоби. Он оказался на полпути к Эф. Ди. в соседнем Сиракузском Университете. Целью проекта было создание «морозильника», как говорилось в обиходе. Механизм, который он изобрел, способен был останавливать на заданное время движение атомов и молекул. Частицы материи, подвергнутые воздействию «заморозки», обращались в микроскопические статуи. Ни кислоты, ни огонь, ни радиация не могли их разрушить. В механизм были заложены две взаимоисключающие возможности: способность убивать и способность возрождать — «луч жизни» и «луч смерти», но пока до практического применения было далеко, потому что для самого короткого действия требовалась гигантская энергия.

Опыты производились на земляных червях, крысах. В то утро, когда Улисс впал в свой долгий сон, он облучал морскую свинку. Если бы эксперимент удался, назавтра он повторил бы его на пони.

Словом, все шло, как всегда. Улисс сидел за своим столом, готовый в любую минуту подскочить к пульту управления, за которым неотступно следил. Подали энергию, и «морозильник» включился. Улисс следил за пультом, на котором были расположены индикаторы мощности, датчики, измерители и другие приборы.

Вдруг стрелка индикатора мощности качнулась к красной черте. Операторы вскрикнули. Улисс увидел, что стрелку зашкалило, и это все, что он помнил. Очнулся он в горящем замке.

А случилось вот что: подвела какая-то деталь в механизме, и он взорвался, дав тонкий концентрированный луч, который казался даже теоретически невозможным. Улисса — Поющего Медведя — задело,

«заморозило». Спаслись ли остальные или тоже превратились в камень, он не знал. И никогда не узнает.

Он стоял, как статуя, сделанная из самого прочного в мире материала. Проходили века, и он оставался бы тем же, даже если бы Солнце взорвалось, разнесло Землю, забросив его в космос, к далеким звездам. Во всяком случае, он понял одно — случилось невероятное, его перебросило на миллионы, а может быть, триллионы триллионов лет вперед. За это время исчезла одна галактика и сформировалась другая. Возможно, он оказался внутри новой звезды и его выбросило в космос, а затем вогнало глубоко в землю. Потом лежал, пока океаны превращались в соленую материю. Континенты трескались, раскалывались и уплывали друг от друга, дрейфуя по планете. И его поднимали растущие горные гряды, выбрасывало землетрясениями, швыряло вулканами, выветривало эрозией. Пока он наконец не оказался в руках вуфеа. А они возвели его на гранитный трон. И потом, благодаря то ли удару молнии, то ли сроку действия заморозки, он в мгновение ока ожил. И так быстро, что его сердце, остановленное Бог знает на сколько веков, вновь заработало, даже не подозревая, что молчало несколько тысячелетий.

Он считал, что обладает живым воображением, и все-таки он не мог представить себе этот мир, в котором оказался. Ему казалось, что он находится на Земле, и неважно, как это произошло. Слишком много оказалось общим. Здесь была та же Луна, какую он помнил, а лошади, кролики и большинство насекомых ничуть не отличались от тех, что обитали на Земле. Правда, Поющий Медведь все же не был уверен, что он немного не сбрендил. Но после того, как первое потрясение прошло, его стало одолевать одиночество.

Было довольно тяжело сознавать, что все твои современники превратились в прах сотни тысяч лет назад. Осознавать это казалось невыносимо.

Правда, он не мог с уверенностью сказать, что он на Земле единственный человек, и только это удерживало его от отчаяния.

Впрочем, он был не одинок. У него оказалось много собеседников, даже если они подчас вызывали у него отвращение, казались жестокими, а язык их загадочным.

Их отношение к нему, как к божеству, делало близость между ними невозможной. Исключением была только Авина. Она глядела на него с обожанием, но не теряла чувства юмора. Хотя и постоянно твердила, что ей не следовало говорить то-то и так-то, не то Вувизо разгневается. Улисс уверял ее, что божество не гневается по таким пустякам.

Авине было семнадцать лет, и год назад она должна была выйти замуж, но умерла ее мать. Отец — верховный жрец Аузира — не захотел остаться один в доме и разорвал помолвку, из-за чего едва не

потерял добрую репутацию. Однако неписаный закон гласил, что все здоровые женщины от шестнадцати и старше должны быть замужем. Так что Аузира тянуть долго не мог. Вскоре дочь придется выдать замуж и она покинет его кров. Сам же верховный жрец хоть и имел немало привилегий, жениться вновь не мог. Таков был обычай, а обычай нарушить нельзя.

Теперь верховный жрец имел повод держать дочь у себя, оттянуть ее замужество, она была правой рукой Каменного Бога и будет оставаться таковой, пока тот не пожелает с ней расстаться. Вряд ли кто-то в племени будет возражать.

Поэтому Авина оставалась подле бога с рассвета до заката. Иногда она жаловалась, что отец удерживает ее допоздна за беседой и она не высыпается. Улисс напоминал, что может это запретить, но она умоляла его оставить все, как прежде.

В конце концов, можно недоспать ради отцовского счастья?

Между тем Улисс стал больше понимать язык вуфеа. Он уже не казался ему сложным. Он брал уроки языка у заключенных вагарондитов. Этот язык был абсолютно не похож на язык вуфеа, хотя можно было предположить, что тот и другой имеют одного предка, как и гавайцы, индонезийцы и таитяне. Но у вагарондитов было очень много труднопроизносимых звуков, что напоминало алгонквианские языки, хотя, конечно, весьма отдаленно.

Общим для обоих племен был язык аурата, на котором проводятся торговые, военные и прочие переговоры. Улисс спросил Авину, откуда произошел аурата — слишком уж он казался искусственным, как эсперанто, и она ответила, что его изобрели дулулики.

Спросив, кто такие дулулики, и услышав ее описание, Улисс решил, что они плод воображения ее племени. Таких существ быть не могло.

Еще он выяснил, что вагарондитов копили для ежегодного фестиваля конфедерации вуфеа. Там пленных подвергнут пыткам, а потом принесут ему в жертву...

— Сколько дней до фестиваля Каменного Бога? — спросил он.

— Только одна луна, — ответила она.

Поколебавшись, он проговорил:

— А что, если я запрещу пытки и убийства? Что, если я велю отпустить вагарондитов?

Глаза Авины широко раскрылись. Был полдень, и ее зрачки казались черными черточками на фоне голубых озер. Приоткрыв рот, она провела своим розовым острым язычком по темным губам и спросила:

— Простите, Повелитель, но зачем вам это?

Улисс знал, что она, чувствительное, нежное, ранимое существо, никогда не поймет, что можно жалеть вагарондитов, и промолчал. Для людей ее племени вагарондиты были хуже животных. Но ведь мой

народ — онондаги и сенеки — такой же. Кровожадный, думал Улисс. А уж о наших предках — ирландцах, датчанах, французах, норвежцах — и говорить нечего.

— Скажи мне, — попросил он, — это правда, что вагарондиты тоже считают меня своим богом? Разве они не совершили свой великий набег только для того, чтобы перенести меня в свой замок?

Авина хитро взглянула на него, затем ответила:

— Ты же бог, тебе видней.

— Сколько раз уже я тебе говорил, что, пока я был каменным, я о многом думать стал по-другому, — сказал он без надежды быть понятым. — Например, я теперь понимаю, что вагарондиты такие же мои люди, как и вуфеа.

— Что, мой Повелитель? — вымолвила Авина еле слышно. Она была потрясена.

— Когда бог наконец заговорил, он сказал совсем не то, что от него ожидали услышать, — проговорил Улисс. — Зачем бы богу говорить то, что уже знает каждый. Нет, бог видит дальше и глубже простого смертного. Он знает, что лучше для его народа, ведь люди слепы и недальновидны или не могут предсказать, что будет хорошо, а что плохо на их долгом пути вперед.

Наступила тишина. В комнату влетела муха, и Улисс поразился живучести этой твари. Если бы человечество было бы достаточно развито, то... Но, подумал он, вряд ли человечество было достаточно развито. Ведь еще в 1985 году было установлено, что оно вымрет от голода и загрязнения окружающей среды. А вот обычное насекомое муха процветает и не собирается вырождаться.

— Я не понимаю только, что мой повелитель этим достигнет, — сказала Авина. — Почему жертвоприношения, которые удовлетворяли моего бога много веков подряд и против которых он никогда не говорил ни слова...

— А тебе придется молиться, чтобы понять, Авина. Слепота ведет к смерти, ты это знаешь.

Авина в недоумении облизала губы кончиком языка. Он осознал, что туманные высказывания трудны для восприятия кошко-людей, они настораживают их и вызывают недоверие.

— Иди созови жрецов и вождей — я хочу держать совет. Да скажи рабочим на крыше, чтобы не стучали так, пока мы совещаемся!

Авина вскочила и выскочила из зала. Через пять минут все приглашенные, не занятые охотой, собрались в замке. Улисс с высоты громадного холодного трона изъявил свою волю. Жрецы и вожди казались ошеломленными, но никто не посмел возразить. Аузира сказал:

— Наш повелитель, чего же ты ждешь от такого союза?

— Прежде всего я хочу прекратить эту бессмысленную резню, а лучших бойцов из вуфеа и вагарондитов мы используем для экспедиции против Вурутаны.

— Вурутаны! — забормотали они в страхе и ужасе.

— Да, Вурутаны! Вы поражены? Боитесь, что исполнятся древние пророчества?

— О да, Повелитель, — сказал Аузира. — Ты угадал. Не скрою: колени у нас дрожат и поджилки трясутся!

— Я поведу вас против Вурутаны, — сказал он. Однако этот храбрец не знал, что такое Вурутана и как с ним бороться. Он постарался выудить как можно больше сведений о нем, но так, впрочем, чтобы не показать своего невежества. Из того, что Поющий Медведь услышал, стало ясно: чего-чего, а забывчивости по отношению к Вурутане проявлять не стоило. Это не какая-то мелкая сошка! Так, по крайней мере, считали вуфеа.

— Вы пошлете гонца в ближайшую деревню вагарондитов — поведать о моем повелении, — сказал он. — Да, вагарондиты для вас злейшие враги, но как уж к ним подступиться, придумайте сами. Объявите, что я сам доставлю к ним пленных, если, конечно, нам гарантируют безопасность, и там они вновь станут свободными. А вагарондиты освободят вуфеа. Мы будем держать большой совет, а потом пойдем в другие деревни и отберем лучших бойцов. Всюду я буду сопровождать вас. Потом мы пересечем прерии и двинемся в поход против Вурутаны.

Замок заливали потоки света, и неудивительно: обе двери были открыты, а большая дыра в крыше оставалась еще не заделанной, поэтому каждый из собравшихся был виден как на ладони. Причудливое зрелище. Свет выявил выражение лиц, покрытых короткой лоснящейся шерстью, и делал почти нестерпимым сверкание их взглядов, устремленных друг на друга. Глаза, голубые, зеленые, желтые, оранжевые, казались кошачьими и были зловещи. Хвосты еще более усиливали царившую кругом сумятицу.

Все ждали, что повелитель поведет их на уничтожение вагарондитов, а теперь он проповедовал мир и, что хуже всего, им предстояло поделить своего бога с бывшими врагами! Но спорить не приходилось.

— Ваш настоящий враг — Вурутана, — сказал Поющий Медведь, — а не вагарондиты. Идите и делайте, что я велел.

Неделей позже он вышел через северные ворота на хорошо утоптанную тропинку между садами и полями кукурузы. Старики, молодые бойцы, оставленные охранять деревню, самки и детеныши следовали за ним, крича и волнуясь.

Шествие возглавляет славная троица — музыканты вуфеа — словно в духе семьдесят шестого, подумал он, — барабанщик, флейтист и

знаменосец. Барабан был сделан из шкуры и дерева. Флейта вырезана из кости какого-то гигантского животного. Флаг представлял собой высокое копье с перьями, выходящими под прямым углом к древку, и увенчанное головами орлоподобной птицы, гигантского кролика и лошади. Эти головы соответствовали четырем кланам или фратриям вуфеа. В деревне жили они все, и эта клановая система связывала племя вуфеа в единую семью. Насколько он понял, понятия мира и дружбы существовали между кланами одной деревни, а не между отдельными племенами. Так еще совсем недавно кланы кролика различных деревень не враждовали друг с другом, зато среди рысей и лошадей шла непрерывная война. Потом они заключили мир и к ним присоединились кланы орла, остававшиеся доселе нейтральными. И уж только потом деревни выступили единым фронтом против вагарондитов. Улиссу же эта система казалось столь же головоломной, сколь и бессмысленной, но вуфеа признавали только ее.

За знаменосцами и музыкантами, игравшими бравурную музыку, шли Верховный жрец и два младших воина. На них красовались шапки из перьев, массивные бусы, в руках были жезлы. За ними шествовала группа из двадцати пяти молодых воинов. Наряд тот же: перья, бусы, а к этому — зеленые, черные, красные полосы на лице и груди. За ними тянулась шеренга из шестидесяти старших воинов. Все были вооружены томагавками, каменными ножами и копьями, несли луки и колчаны стрел. Они жаждали испробовать свое новое оружие на вагарондитах. Во всяком случае, молодые. А старые презрительно осуждали все эти новшества, находясь от Улисса на приличном расстоянии. Но он слышал лучше, чем они думали.

Параллельно молодым воинам шла дюжина вагарондитов, они тоже несли оружие, но выглядели чересчур мрачно, особенно для людей, которым следовало радоваться близкой свободе. Они так и не поверили Поющему Медведю и считали, что их народ никогда не простит им позорного плена. Вначале пленные протестовали: как же так, им не дают даже умереть, их не пускают в Счастливый Варграунд, в страну Великого Блаженства. Так Улисс интерпретировал их фразу.

Улисс напомнил пленным, что у них нет выбора. Но вместе с тем и успокоил: ведь теперь все изменилось. Он, Каменный Бог, заверяет, что они попадут-таки в Счастливый Варграунд, но — в свое время. Они замолчали, ошеломленные, но так ничего и не поняли.

Процессия быстро двигалась через покатые холмы по тропинке, которую многие поколения использовали для войны и охоты. Вдоль тропинки тянулась редкая цепочка вечнозеленых деревьев, а также берез и дубов. Мелькали птицы: голуби, вороны, синицы, воробьи. Свои воздушные прыжки совершали рыжие и воронено-стальные белки-летяги. А что там за бурая громадина, в пятидесяти ярдах от дороги? Это был медведь, подлинный вегетарианец. Жители деревни его не

жаловали. Он поедал кукурузу, грабил их сады, пользуясь отсутствием сторожей, а когда его замечали, мигом улепетывал.

Улисс вглядывался в холодное голубое небо и жадно вдыхал полной грудью бодрящий свежий воздух. Громадные величественные деревья, зелень, кипучая птичья и звериная жизнь, чувство полной свободы и пленящей неизвестности — все это делало его сейчас счастливым. Он мог забыть эту невыносимую боль — что он единственный человек на Земле. Он мог забыть... И тут он остановился. За ним выдохнул приказ: «Стой!» знаменосец. Смолкли барабанщик и флейтист, стихло бормотание воинов.

Наступившая тишина словно чем-то тревожила его. Он что-то забыл... Что? Или — кого?

И тут Улисс обернулся к Аузире:

— Авина, твоя дочь, где она?

Лицо Аузиры не дрогнуло, хотя он, конечно, слышал вопрос.

— Я хочу, чтобы Авина шла со мной, она мой голос и мои глаза. Я нуждаюсь в ней, — произнес Каменный Бог.

— Я велел ей остаться, мой Повелитель, потому что самок не берут в другие деревни, будь то война или экспедиция.

— Пора привыкнуть к переменам, — властно заметил Улисс, — пошли кого-нибудь за ней. Мы подождем.

Аузира косо посмотрел на него, но повиновался. Аизама, самый быстрый воин, помчался в деревню, в миле от отряда. Через некоторое время он показался уже с Авиной. На ней была четырехугольная шапочка с тремя перьями и тройное ожерелье массивных зеленых бус вокруг шеи. Она бежала, потом перешла на быстрый шаг и, наконец, приблизилась вплотную, — все это, как обыкновенная женщина, суетясь и мельтеша. Ее черные уши, мордочка, хвост, длинные руки и ноги отсвечивали на солнце светло-оранжевым, а белый мех сверкал как снег под ярким весенним солнцем. Большие темно-синие глаза смотрели только на него, своего Бога, и она улыбалась, показывая редкие острые зубы.

Подбежав, она упала на колени и поцеловала ему руку:

— Мой Повелитель, я плакала, потому что ты покинул меня.

— Твои слезы высохли достаточно быстро, — сказал он.

Хотелось бы верить, что она действительно плакала, но нельзя было знать это наверняка. Возможно, она преувеличивала или просто говорила то, что ему нравилось. Эти аристократические дикари были так же склонны к скрытности и притворству, как и цивилизованные люди. Так или иначе, он хотел, чтобы она сильнее привязалась к нему. Во всяком случае, их дружба могла перерасти в нечто большее — хотя, конечно, он понимал, чем это чревато... Авина притягивала и отталкивала его одновременно.

Улисс велел ей идти справа от себя. На некоторое время наступило молчание. Потом она, запинаясь, начала что-то объяснять и через не-

которое время уже что-то щебетала так же мило и интересно, как раньше. Он почувствовал себя очень счастливым, ощущение потери улетучилось, остались только чистый воздух и яркое солнце.

Так они маршировали весь день, останавливаясь то тут, то там поесть и отдохнуть. Здесь было вдоволь ручейков и речек, воды хватало. Вуфеа, хотя, наверное, и произошли от кошек, лезли купаться, едва увидев сверкающую гладь. К тому же они и вылизывали себя, как настоящие кошки. Удивительно, что при такой чистоплотности они были совершенно безразличны к полчищам мух, клопов и тараканов в их деревне. И еще одно противоречие — свои отбросы они обязательно зарывали, а вот за свиньями и не думали убирать.

Поздним вечером Улисс, разгоряченный, вспотевший и усталый, решил разбить на ночь у ручья лагерь. Вода была обжигающе холодной и такой чистой, что было видно, как ходят рыбины у дна, на глубине двенадцати футов, поводя плавниками. Он лежал на упавшем дереве, нависавшем над ручьем, и смотрел на рыб. Потом решил поплавать и сбросил одежду, чем, как всегда в таких случаях, вызвал пристальный интерес наблюдавших за ним вуфеа и вагарондитов. Он удивился: неужели их не отталкивает его нагота и полное отсутствие меха или волос. Или они скрывают свое неприятие. Наверное, нет. Все-таки он был здесь Богом, а для Бога естественно было не походить на своих подданных.

Когда Улисс вышел из воды, все остальные, за исключением стоящих на посту воинов и Авины, тоже искупались. Авина вытерла его куском шерсти, а потом спросила разрешения присоединиться к остальным. Но вот наконец всеобщее купание окончилось, и он снова стал смотреть со своего дерева в прозрачную воду. Рыбы уплыли. Он нашел их затем в сотне ярдов вверх по течению. Соорудил телескопическое удилище с леской и червяком на костном крючке. Червяк — мягко сказано! Это оказалось толстотелое создание длиной в его руку. просвечивающее красной кровью, с четырьмя громадными ложными глазами, состоящими из трех концентрических кругов: белого, голубого и зеленого.

Он забрасывал свою диковинную удочку двенадцать раз, но безуспешно. На тринадцатый клюнуло. Он подсек свою добычу, и та принялась за смертельную игру, грозя сорвать леску с удилища. Рыба, не больше десяти дюймов длиной, была очень сильной и бросалась из стороны в сторону. Когда же он примерно через четверть часа вытащил ее на берег и разглядел серебристое тело с алыми и зелеными пятнами, вылупленными желтыми глазами и короткими хвостовидными усами, то почувствовал неизмеримое счастье. Авина унесла ее на кухню и потом заверила Улисса, что повара были в восхищении.

Ночью, лежа в своей постели, разглядывая высокую зелено-сине-белую луну сквозь ветки вечнозеленого растения, он подумал, что ему не достает только двух вещей. Во-первых, изрядного глотка темного

немецкого или датского пива, еще лучше — первоклассного бурбона. А во-вторых — женщины, которая любила бы его и которую он тоже бы любил.

Сам не понимая, что он делает, он взял мохнатую руку Авины и поднес ее к губам. Почему бы, в самом деле, ее не поцеловать?

— Повелитель! — произнесла Авина с дрожью в голосе.

Он не ответил, осторожно выпустил ее руку и отвернулся.

Но она окликнула его: «Смотри, мы не одни!» — и он присел, вглядываясь сквозь ветви деревьев в замеченное ею существо.

Черное и крылатое — только силуэт, — оно мелькнуло на фоне луны и исчезло.

— Что это было?

— Я ничего не понимаю... Все произошло так быстро... Это был а п е а у ф е з п а у э а.

— Крылатое разумное существо без волос, — пробормотал он, переведя на английский.

— Дулулик, — добавила она.

— А они опасны?

— Разве ты сам не помнишь?

— Стал бы я тогда спрашивать? — усмехнулся он.

— Прости меня, Повелитель. Я не хотела тебя гневить. Нет, они вообще-то не опасны. Будь они нашими врагами, мы бы их давно перебили. Но они, наоборот, оказывают всем нам большие услуги.

Улисс порасспрашивал ее еще, а потом лег спать. Ему снились летучие мыши с человеческими лицами.

Спустя два дня они подошли к первой деревне вагарондитов. Задолго до этого барабаны известили, что их заметили. Время от времени Поющий Медведь высматривал разведчиков, которые перебегали от дерева к дереву и прятались за кустами. Они проследовали вдоль широкого и полноводного ручья. Как и все водоемы здесь, он изобиловал рыбой. Рыб было множество — черно-белых, около трех футов. Улисс присмотрелся: это не рыбы, а большие млекопитающие. Авина сказала, что вагарондиты считают их священными и добывают только по одному в год — для торжественной церемонии. Вуфеа не считают их священными, но истреблять избегают. Ведь если вуфеа во время набега убьют хотя бы одно такое существо, а вагарондиты обнаружат следы охоты, то сразу поймут, что вуфеа где-то рядом.

Но вот ручей остался позади. Они двинулись к вершине крутого холма. Наконец и ее перевалили. С другой стороны бугра, уже пологого, показалась деревня вагарондитов.

Дома кланов были круглыми. В остальном же она ничем не отличалась от поселений вуфеа. Что до воинов, высыпавших в открытые ворота, то они имели коричневую шерсть и черные полоски вокруг глаз и щек. В добавление к каменным ножам, боло и томагавкам, у них были еще деревянные мечи и булавы.

На их штандарте красовался череп гигантского роадриннера. Авина пояснила Улиссу, что это сверхтотем, главный для всех кланов вагарондитов. Они считали роадриннера а п а у к а у а, священным. Прежде чем стать воином, каждый молодой вагарондит должен был сразиться с этой гигантской птицей — так велел обряд. Будущий воин, вооруженный только боло и копьем, должен был свалить пернатого гиганта наземь, обмотав трехкаменную боло вокруг ног птицы, и затем оторвать ей голову. Во время этой опасной церемонии погибало в год не менее четырех храбрецов.

Улисс шагнул вперед, процессия двинулась следом, спускаясь по длинному пологому холму. Вагарондиты ударили в огромные барабаны, затрубили в роги. Жрец, в наряде, сплошь утыканном перьями, помахал тыквой, вероятно, пропел что-то, хотя на таком расстоянии Улисс ничего не расслышал, кроме барабанов.

Спускаясь с холма, Авина внезапно остановилась: «Повелитель!» — и указала на небо. Длиннокрылое, похожее на летучую мышь существо кружило над ними. Улисс заметил, что оно пронеслось над их головой. Авина не лгала и не преувеличивала: это был крылатый человек. Или почти человек, правда, маленький, ростом с четырехлетнего ребенка. Торс, во всяком случае, был вполне как у людей, если не считать чудовищно выпученной груди. Ребра выглядели огромными. Спина — сгорбленной. Руки были удивительно тонкие, а ладони — с длинными пальцами и не менее длинными ногтями. Ноги короткие, хилые и кривые. Ступни — изогнутые, при этом большой палец — почти под прямым углом к остальным. Приглядевшись, Улисс увидел: крылья состояли из мембран и костей. У человекообразного летуна оказалось шесть конечностей — первое шестиконечное млекопитающее, которое увидел Улисс. Первое, но последнее ли? На этой планете может быть припасено еще немало странных вещей.

Лицо длиннокрылого казалось треугольным. Голова — выпуклой, круглой и абсолютно лысой. Уши были такими большими, что воспринимались как дополнительные крылья. Глаза, желто-бледные, почти бесцветные, на таком расстоянии казались непомерно громадными на треугольном лице.

Похоже, что у него совсем не было волос.

Человек-птица усмехнулся и скользнул вниз. Сложил крылья на свои тонкие ножки. Кое-как человек заковылял на скрюченных ступнях. Он будто потерял всю свою грацию в тот момент, когда коснулся земли. Подняв хилую ручку, длиннокрылый заговорил пронзительным детским голосом на языке аурата:

— Приветствую тебя, Бог Камня! Глик желает тебе долгой жизни!

Улисс понимал его достаточно хорошо, но не мог отвечать незнакомцу так бегло, как хотелось бы. Он сказал:

— Можешь ли ты говорить на языке вуфеа?

— Ну еще бы. Это мой любимый язык, — сказал Глик. — Мы, дулулики, владеем многими наречиями. Язык вуфеа еще не самый трудный.

— Какую новость ты принес нам, Глик? — проговорил Улисс.

— Очень приятную и важную. Но, с твоего позволения, господин, мы вернемся к этому позже. А сейчас не соблаговолите ли поговорить с вагарондитами? Они желают тебе добра, как им и следовало бы, тем более что они думают... будто ты их Бог.

Тон человека-летучей мыши был слегка саркастическим. Улисс сурово взглянул на него, но Глик только усмехнулся, показав длинные желтые зубы.

— Они думают? — переспросил Улисс.

— Да, — ответил Глик. — Им непонятно, почему ты вступился за вуфеа? Ведь они только пытались перенести тебя в ту деревню, где тебя почитали бы еще больше!

Улисс, пожав плечами, хотел продолжать свой путь, игнорируя создание, которое вело себя столь вызывающе. Но Авина удержала его от столь неприкрытого пренебрежения. Среди этого летучего народца, пояснила она, попадались всякие. Кто-то был курьером, кто-то — «полномочным послом», кто-то — просто доносчиком и сплетником. Встречались и чиновники, и от этой вроде бы мелкой шушеры подчас зависело многое. Что до человека-летучей мыши, то он вел протоколы и был своего рода третейским судьей двух сторон, желающих договориться о мире, торговле или хотя бы временном перемирии. К тому же летучий народ сам иногда брался за торговлю, перенося туда-сюда маленькие, легкие дефицитные товары из какой-то неизвестной страны, возможно, их собственной. И все это было небесполезно, и подобными услугами стоило дорожить. И Улисс снизошел до ответа:

— Передай вагарондитам, что на меня напали два их товарища. И за это я наказал их, — сказал он.

— Я так и передам, — проговорил Глик. — А других не ждет твоя кара?

— Пока они не дали для этого повода.

Глик поклонился и громко сглотнул ком в горле, его острый кадык подпрыгнул, точно обезьянка на перекладине. Очевидно, он не был на самом деле таким представительным и важным, каким хотел казаться. Или, может быть, летун сознавал, что на земле он — только гость, и очень уязвим, каким бы великим и надменным ни считал себя дома.

— Вагарондиты сказали — это только прекрасно, что самому Богу приходится доказывать, что он Бог.

Авина, стоя за Улиссом, прошипела:

— Прости меня, Повелитель, но мой совет может пригодиться. Эти заносчивые вагарондиты нуждаются в хорошем уроке, и если ты позволишь им...

Но Улиссу ни к чему были советы. Он поднял руку, приказывая, чтобы она замолчала. Потом сказал Глику:

— Мне ничего не нужно доказывать, меня нужно просить.

Глик усмехнулся, словно иного ответа он и не ждал от Улисса. Солнце било белым пламенем из его кошачьих желтых глаз. Он проговорил:

— Еще вагарондиты просили тебя убить Древнюю Тварь с длинной рукой. Уже сколько лет чудовище опустошает поля и деревни. Оно погубило несметное количество урожаев и кладовых, а иногда доводило целые деревни до голода. Древняя тварь убила множество воинов, посланных против нее, изувечила остальных и тем не менее осталась непобежденной. Если же она не может победить, то спасается бегством, ускользая от всех охотников, появляясь то здесь, то там, и тут же пропадает, пожирая поля кукурузы, разоряя дома и руша мощные заборы своими гигантскими ножищами.

— Я обдумаю их просьбу, — сказал Улисс, — и отвечу на днях. А пока, если говорить больше не о чем, дай нам пройти.

— Ну, остались лишь разные пустяки, сплетни и новости, принесенные мной из разных деревень самых разных народов, — сказал Глик. — Можешь послушать их, мой повелитель, для развлечения.

Улисс заподозрил, что это насмешка над полагающимся всезнанием Бога, но решил не давать воли гневу. Однако если бы понадобилось, он схватил бы покрепче худосочное маленькое чудище и в назидание другим свернул ему шею. Летучий народ мог быть священным или привилегированным, но Улисс решил, что если это создание будет слишком задаваться, то уж он сумеет сбить с него спесь. И тогда тот воочию поймет, что с богами шутки плохи!

Они спустились с холма и пошли по дну долины, миновав деревянный мост через ручей трехсот футов шириной. На другой стороне тянулись поля кукурузы и других растений, а также луга, на которых по колено в сине-зеленой траве паслись овцы с тремя закрученными рогами. Большое количество деревянных и каменных мотыг и кос, впопыхах брошенных на полях, показывало — здесь только что работали женщины и дети.

Под звуки барабанов вуфеа промаршировали к воротам, и здесь Улисс оказался нос к носу с жрецами и вождями вагарондитов. Когда они шагали через долину, из-за склона холма выскочил летучий человечек, проскользнул над ними и опустился в нескольких футах от Улисса. Пробежав некоторое расстояние после приземления, он вернулся, ковыляя на своих кривых ножках и полураскрыв кожаные складчатые крылья.

Потянулась долгая болтовня, в которой Глик являлся посредником. Потом верховный вождь, Джидамок, преклонил колена и коснулся лбом руки Улисса. Его примеру последовали и остальные вожди и жрецы. Бог со своей оравой вступил в деревню.

Прошло несколько дней в празднествах и восхвалениях, прежде чем Улисс продолжил свой марш. Он обошел полностью все десять вагарондитских деревень. Повелитель как-то поинтересовался, какую плату берет за свою службу Глик. Теперь Глик ехал с ними на спине богатыря-вагарондита, его кривые ноги обвились вокруг толстой пушистой шеи.

— Моя плата? — переспросил он, сгибая свою лучинку-руку. — О, я ем, сплю, и у меня еще множество других забот! Я простой парень. Мне только и надо, что поболтать с разными людьми, утолить мое и их любопытство... Для меня самое большое удовольствие — услужить другим.

— Но все-таки чего ты просишь за свои услуги?

— О, иногда я беру несколько побрякушек, каких-нибудь драгоценных камешков, или превосходно вырезанных фигурок, или тому подобных предметов. Но моей главной наградой всегда была информация.

Улисс задумался, он почувствовал, что за якобы простодушным обликом Глика скрывается нечто большее.

По пути назад, в первую деревню вагарондитов, вождь Джидамок спросил его, что он посоветует делать с Древней Длиннорукой Тварью?

— Люди нишейманаки, третьей деревни, которую мы посетили, прислали гонца, сообщившего, что Древняя Тварь вновь разорила поле. Она убила двух воинов, которые погнались за ней.

Улисс вздохнул. Видно, деваться некуда.

— Мы ею займемся не откладывая.

Он подозвал Глика и спросил:

— Использовали тебя вагарондиты, чтобы обнаружить Древнюю Тварь с Длинной Рукой?

— Ни разу, — ответил Глик.

— Почему?

— По-моему, они просто не додумались до этого.

— А ты не догадался им подсказать, какую пользу мог бы принести?

— Нет, тем более, что для меня Живая Древняя Тварь полезнее мертвой. Если она умрет, я получу меньше интересной информации.

— Ты найдешь мне Древнюю Тварь, — холодно сказал Улисс.

Глаза Глика сузились, губы превратились в тонкую щелочку. Но он вымолвил только:

— Конечно, мой Повелитель.

Понаслышке Улисс знал, что уже четыре поколения вагарондитов помнили Древнюю Тварь. Но она жила не на территории вагарондитов. Иногда она исчезала на несколько лет, должно быть, обирая неизвестные народы севера, запада и, возможно, великого леса на востоке. Это было огромное животное, и ему требовалась большая территория.

Из отрывочных толков, которые он сложил воедино, Улисс представлял, что Древняя Тварь напоминала слона. Но какого слона! Около тридцати футов роста! С четырьмя бивнями! Верхний бивень изгибался вверх, а нижние бивни — вниз и назад. Длинная Рука была хоботом.

Хитрость Древней Твари, умение запутывать следы, ее смертельные засады, ее способ мгновенно скрываться и исчезать стали легендой.

— Она настолько коварна, что уму непостижимо, — сказал Улисс Глику. Авина остановилась рядом. — Невольно дар речи потеряешь, как будто это не она, а мы немые!

— Кто сказал тебе, что она не говорит? — спросил Глик.

Улисс удивился:

— Разве она не бессловесна?

Веки Глика опустились. Он сказал:

— Не знаю, конечно. Я только хотел сказать, что это никому не известно, говорит она или нет.

— Она только одна такая? — спросил Улисс.

— Некоторые говорят, что существуют и другие в нескольких переходах к северу. Но откуда мне знать?

— Кому же знать, как не тебе? — спросил Улисс. — Это твой хлеб, ты летаешь далеко, и если даже не был на севере, наверняка другие ваши люди туда добирались.

— Я не знаю, — повторил Глик, но Улисс заметил, что тот едва сдержал улыбку.

Он подавил гнев. Надо во что бы то ни стало докопаться до истины!

— Скажи мне, Глик, — начал он вновь, — а ты не видел... — И тут же смолк. В языке вуфеа не было слова, обозначавшего металл. Во всяком случае, насколько он знал. Он перешел к описанию металла. Потом, вспомнив о ноже, вытащил его и раскрыл. Глик вытаращил глаза, тихонько засопел и попросил разрешения подержать лезвие. Улисс наблюдал, как тонкие длинные пальцы касаются стали, осторожно скользят по краю, как он пробует лезвие большим пальцем, лижет языком, прикладывает к щекам.

Наконец Глик отдал нож обратно. И ответил на вопросы Улисса.

— Существовала раса гигантов, — сказал он. — Они жили в гигантских деревнях в гигантских домах, сделанных из удивительного материала. Где это? На южном побережье. По другую сторону Вурутаны. Гиганты-нешгаи — двуногие, и у них было только по два бивня, очень тонких по сравнению с Древней Тварью. Но к этому надо прибавить большие уши и длинный нос, который опускался почти до пят. Предполагали, что они произошли от создания, очень похожего на Древнюю Тварь.

Улисс был настолько переполнен вопросами, что не знал, какой задать первым.

— Что ты думаешь о Вурутане? — наконец спросил он.

На самом-то деле Улисс хотел спросить, как тот выглядит, но не хотел, чтобы Глик понял, как невежественен он в отношении этого древнего создания.

Глик взглянул на него и проговорил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну кто для тебя Вурутана?

— Для меня?

— Да. Ну как ты его называешь?

— Великий Пожиратель. Всемогущий. Тот, Кто Растет.

— Да, я знаю, но на что он похож? На тебя?

Летучий человечек, должно быть, понял, что Улисс старается получить представление о том, чего не знает. Глик усмехнулся так саркастически, что Улиссу захотелось размозжить его хилый череп.

— Вурутана так огромен, что у меня не хватает слов для его описания!

— Брехло! — выдохнул Улисс. — Лживая скотина! Крылатая обезьяна! У тебя не хватает слов?!

Глик, казалось, взбеленился, но ничего не ответил. Тогда Улисс сказал:

— Ладно, оставим это! А встречались ли тебе создания, похожие на меня?

— О да, — сказал Глик.

— Хорошо. А где?

— По другую сторону Вурутаны. На побережье, много переходов на запад от нешгаев.

— Почему ты не говорил мне об этом? — вскричал Улисс.

Глик казался ошеломленным.

— А почему я должен был говорить? Ты же меня о них не спрашивал. Это верно, они похожи на тебя. Но они не боги. Это просто еще одна знакомая мне раса.

Значит, теперь у него появилась более веская причина идти на юг. Ему придется встретиться с Вурутаной, хотел бы он этого или нет. Если верить вуфеа и Глику, Вурутана покрывал всю землю, за исключением северного и южного побережий.

Глик нарисовал на берегу ручейка грубую карту очертаний местности.

— На севере, — пояснил он, — земля, называемая Неизвестной. Ниже нее — грубый треугольник, северная сторона которого представляет широкое основание. Океан или море омывает эту землю со всех сторон, за исключением северной, Неизвестной. Но Глик где-то слышал, что там тоже море. Во всяком случае — когда-то было.

Улисс не удивился бы, если бы земля оказалась остатком восточного побережья Соединенных Штатов. Уровень океана мог увеличиться. В этом случае Запад и Атлантическая прибрежная равнина погрузи-

лись бы на дно. А эта земля может быть остатком горной гряды Аппалачей. Конечно, пока он был в «замороженном» состоянии, кто поручится, что его не перенесли на другой континент? Последний осколок центральной части Евразии? А может быть, другая планета другой звезды?

Вполне возможно. Правда, он так не думал.

Найти бы хоть малость, что помогла бы определить это место. Но что?! За многие миллионы лет кости людей рассыпались бы, за исключением ископаемых скелетов, но у скольких людей был шанс стать ископаемыми? Сталь бы заржавела, пластик испортился, цемент рассыпался. Камень пирамид и сфинксов, мраморных статуй греков и американцев — все должно было за эти годы превратиться в прах! Ничто не напоминало бы о людях, за исключением нескольких орудий, сделанных еще людьми каменного века. Они-то надолго переживут всю человеческую историю с ее книгами, машинами, городами и скелетами.

Только представить, как это было! Континенты раскалывались и уплывали. Океаны разливались и высыхали. Что когда-то было громадным и неровным, стало плоским и низким. Что было низким и ровным, поднялось и вздыбилось. Огромные массы камней терлись друг о друга, перемалывая человеческие останки в пыль. Биллионы тонн воды прорывались во внезапно открывавшиеся долины, сметая все на своем пути или погребая в иле.

Ничего не осталось, кроме земли и океана, воды, и материки приняли новые очертания. Только жизнь продолжалась, приняв новые формы, хотя кое-где сохранились и старые.

Но если верить Глику, человеческий род все-таки существовал! Человек больше не был хозяином мира, но он все еще жил!

И Улисс должен идти на юг.

Но вначале ему придется убить Древнюю Тварь с Длинной Рукой, чтобы доказать свое божественное происхождение.

Он расспросил человека-летучую мышь подробнее. Иногда Глик становился уклончивым и раздраженным, но все-таки отвечал. Видимо, его краткая вспышка агрессивности прошла. Наконец Улисс задал вопрос:

— А нет ли там, на севере, вулканов и гейзеров, дающих сильный и неприятный запах?

— Есть, — сказал Глик.

Глик знал куда больше, чем хотел показать, но на этот раз Улисс не желал вдаваться в подробности. Все, чего он хотел, была краткая информация.

— Это далеко на север?

— Десять дневных переходов.

«Около двухсот миль», — прикинул Улисс.

— Отведешь нас туда.

Глик открыл рот, будто хотел что-то возразить, но передумал. Улисс созвал жрецов, вождей вуфеа и вагарондитов и дал приказание, что делать в его отсутствие.

Приглашенных просветили относительно сбора и сохранения отбросов, а также насчет производства древесного угля. Зачем все это нужно? Он сказал, что сообщит позже.

Улисс затребовал как можно больше военных отрядов и как можно больше молодых воинов для похода на север. Всю дорогу им предстояло выслеживать Древнюю Тварь, конечно, они должны были не столько сопровождать его на верную смерть, сколько участвовать в уничтожении Древней Твари.

Вожди, казалось, не очень обрадовались его требованиям, но вышли вперед и дали добро. Неделей позже большая группа в сотню взрослых воинов, две сотни молодых, несколько жрецов, Авина и Улисс выступили на север. Глик был с ними, но не постоянно. Он летел впереди, оглядывая территорию и нет-нет срывая игру разведчикам неприятеля. Они напоминали чем-то вагарондитов, у них тоже был черный мех с каштановыми полосками вокруг глаз и щек, и, по всей видимости, они считались их близкими родственниками.

Алканквибы собрали большое войско, стремясь заманить отряд Улисса в засаду. Глик сообщил, где эта засада, и тогда охотники стали добычей. Внезапность, стрелы, с которыми алканквибы были совершенно не знакомы, появление гигантского Улисса плюс то, что алканквибы уже слышали о его богатырской силе и величии, превратили битву в простую бойню. Улисс не возглавил ни одной атаки, да вожди этого и не ждали. Ну а он был только счастлив. Разве может бог оказаться раненным? Конечно, спрашивать он никого не стал. Может, их богам и суждено носить раны. Во всяком случае, даже греки и другие народы считали, что их боги бессмертны, но не неуязвимы.

Как и полагалось Повелителю, Улисс стоял поодаль и использовал свой гигантский лук с величайшей эффективностью. Он возблагодарил Господа, что ему преподали уроки стрельбы из лука в коллеже и что он сам сделал ее своим хобби в последующие дни. Улисс был хорошим стрелком, и его лук был во много раз мощнее, чем у вуфеа. Они, правда, были жилисты и сильны, несмотря на свой маленький рост, но он-то казался им несокрушимым великаном. Его руки натягивали лук — могучий лук Одиссея, другого Улисса, как решил он, и стрелы уносились вперед, чтобы убить двенадцать врагов и ранить еще пятерых разом!

После шести минут баталии враг был опрокинут и бежал. Многих из них поразили в спину копья и томагавки. Выжившие, однако, сражались до конца. Достигнув своей деревни, где ждали объятые ужасом самки, детеныши и старые воины, все самцы, способные держать оружие, исключая шестидесятилетних, встали перед воротами, закрыв их грудью. Вуфеа и вагарондиты, кровные братья, с гиканьем обрушились

на защитников. Они действовали слишком неорганизованно и поэтому были отброшены назад с тяжелыми потерями. Улисс воспользовался затишьем, чтобы приказать им оставить алканквибов в покое и двигаться дальше.

Жажда крови оказалась так велика, что воины заартачились. Повелитель заметил, что они должны выполнять его приказы или же ему придется их уничтожить. К счастью, никто не решился объявить его слова блефом, во всяком случае, вслух.

У Улисса, взглянувшего на алканквибов, возникла идея. Ему были нужны носильщики, и как можно больше, для обратного путешествия, а здесь находилась, по крайней мере, сотня юношей!

Он устроил через Глика совещание с военными вождями. Диспут был бурным, а потом вождь под угрозой уничтожения его племени согласился с планом Улисса. Двумя днями позже алканские юноши вышагивали рядом с боевым отрядом как носильщики и заложники. Деревня между тем послала сообщение другим племенам, чтобы те оставили отряд в покое. Два племени не вняли посланию и пошли в атаку, но сами попали в засаду и были уничтожены. А Улисс приобрел еще сто пятьдесят носильщиков и заложников. Он сжег две деревни, чтобы другим неповадно было обращать оружие против Бога, но не позволил вырезать жителей.

Улисс утвердил себя, но кровопролитие его тяготило. Миллионы лет сантиментов канули в прошлое, а с ними, наверное, четыреста тысяч поколений, а может, и вдвое больше. Во всяком случае, потомки, пользующиеся речью, повелители животных ничему не научились. Неужели эти борьба и кровопролитие неизбежны и не прекратятся, пока существует сама жизнь?

Разросшийся отряд двигался теперь медленнее. Столько людей не могли двигаться слишком быстро, и намеченные десять дней перехода вылились в двадцать. Но больше на них никто не осмеливался нападать. Некоторые племена, правда, скрывались на окраинах леса и появлялись то здесь, то там. Но это были только мелкие неприятности. А огромная проблема стояла уже на пороге. Прокормить армию! Непомерное количество людей портило всю игру, появились банды мародеров, которые прочесывали и грабили округу на мили вперед и в обе стороны. И эти банды стали мишенью для местных. Но потом Повелитель, по совету Авины, устроил охоту на стадо лошадей, скрывшихся среди утесов. Воины наелись и закоптили в дорогу еще уйму мяса.

И вот наконец они пришли к цели путешествия своего Бога, к вулканам и горячим источникам. Здесь, как он и надеялся, Улисс нашел серу. Это были залежи зеленого полупрозрачного минерала, которые можно было разрабатывать каменными орудиями его людей. За две недели они добыли все, что могли унести, и отряд двинулся назад.

В деревнях алканквибов Поющий Медведь устроил так, что юных носильщиков обещали отпустить назад с подарками после их возвращения с грузом в лагерь вуфеа. Через некоторое время, когда отряд вернулся в исходную точку, Улисс обнаружил, что там собраны огромные запасы нитрата калия. Вуфеа, следуя его инструкциям, в темпе принялись разлагать экскременты специальной обработкой. Несколько дней спустя, после празднеств и церемоний, Улисс направил усилия своих воинов и женщин с полей на приготовление пороха. В результате получилась нужная смесь из нитрата калия, древесного угля и серы. Первая же демонстрация ошеломила, потрясла и привела в панику вуфеа, вагарондитов и алканквибов. Это была пятифунтовая бомба, заложенная в построенное для уничтожения строение.

Улисс прочел всем лекцию о силе нового оружия и взрывоопасности пороха. Он также запретил применять порох без его позволения и надзора. Не поставь он таких ограничений, запас пороха, к несказанному удовольствию этих дикарей, исчез бы в один день.

На шестой день он запустил ракету с двухфунтовой боеголовкой, заключенной в деревянный корпус. Она взорвалась прямо перед стеной каменного утеса, произведя удивительный фейерверк.

После этого Улисс натренировал Глика, чтобы тот носил и бросал однофунтовые бомбы. Глик летал над гигантским макетом Древней Твари, сделанным из бревен и соломы. Он пикировал вниз, взмывал вверх и вставлял конец своего бикфордова шнура в дырочку маленького жестяного ящичка. Потом Глик быстро швырял бомбу, которая падала на спину макета, но потом скатывалась и взрывалась в десяти футах поодаль. После четырех попыток человек-летучая мышь оказался уже в состоянии рассчитать время до секунды, и бомба взорвала макет на части.

— Очень хорошо, — сказал Улисс, когда Глик, скалясь как демон, приземлился рядом с ним. — Ты просто молодец. Теперь следующим номером будет обнаружение Древней Твари. Тебе это по плечу.

— Она может быть во многих переходах к северу отсюда! Или к востоку! — с сомнением воскликнул Глик.

— Найдешь! — заверил Улисс. — А пока иди подкрепись, поешь!

Человек-летучая мышь, надувшись, озабоченно заковылял прочь.

Авина проговорила:

— Удивительно, как мы не догадались использовать его, чтобы найти Древнюю Тварь. А следовало бы. Но мы же не боги.

— Странно другое, почему Глик так неохотно согласился сделать это. Ему ничего не грозит, исключая ошибки в вычислении времени при поджоге бикфордова шнура. Но он противился еще до того, как узнал о бомбах. Почему бы это, Авина?

— Я не знаю, — медленно проговорила Авина, словно бы не желая никого обижать.

Он попытался добиться, чтобы она высказала хоть какое-то предположение, но Авина постоянно уходила в сторону от ответа. Улисс сдался: когда она чего-то явно не хотела, то ловко уклонялась, как любая женщина. Но он решил присмотреться к Глику поближе. Все это было странно. Если тот не хотел выслеживать Древнюю Тварь, то кто, вообще, мешал ему улететь? Он мог просто не найти гиганта, вот и все!

Через три недели они снова были в стране алканквибов. За неделю до этого Древняя Тварь совершила набег на поля к северу от вагарондитов. Связные принесли весть Улиссу, который поднял свои войска и тотчас бросил их в поход на север. Его силы состояли из двадцати воинов, двенадцати носильщиков, Авины и его самого. Они шли волчьей рысью; сто шагов бегом, сто — шагом. Десятки миль с рассвета и до заката. Улисс падал в спальный мешок и проваливался в сон. Наутро пробуждению противился каждый мускул. На четвертый день он проснулся даже без боли. За это время он потерял больше веса, чем в первую экспедицию.

Непохожий на маленьких, легких и жилистых нелюдей, он не мог бежать все дни напролет, не насилуя организм. Мешал рост, да и мускулы у него были чересчур тяжелые. Но он не мог позволить, чтобы его народ видел своего бога загнанным до смерти, поэтому приходилось держать марку.

Улисс скинул башмаки, в которые был обут после оживления, а нацепил мокасины. Это надолго вывело из строя его ноги, но постепенно он привык.

Поющий Медведь прикинул, что сбросил около двадцати фунтов с того дня, как очнулся. Но тренировка пошла ему на пользу. Жирок исчез, и тело выглядело великолепно. К тому же там, за исключением Авины, не было вуфеа, которые могли загнать его до слепого пошатывания.

Однажды утром глубоко в земле авканквибов отряд остановился. Перед ними внезапно выскочил Глик, он летел быстро, почти касаясь верхушек деревьев, и даже с такого расстояния его выражение говорило, что он нашел-таки Древнюю Тварь с Длинной Рукой.

Через мгновение он соскользнул на поляну и приземлился неподалеку.

Тяжело дыша, он вымолвил:

— Она впереди! По другую сторону большого холма!

— Что она делает? — спросил Улисс.

— Обедает. Сдирает с дерева листья.

Честно говоря, Улисс не ожидал, что Глик обнаружит зверя. Но он мог неправильно оценить реакцию летучего человека. Или, быть может, что-то заставило Глика изменить свои намерения. Если так, то кто или что?

Человек-летучая мышь оторвался от земли. Открытое пространство оказалось слишком мало для его разбега, даже без нагрузки. Неся же пятифунтовую бомбу, у него не было шанса вообще. К тому же нельзя было использовать крутой откос как стартовую площадку. Деревья покрывали все холмы в округе.

Улисс колебался. Он мог бы перенести Глика на две мили назад, где было много открытого пространства. А Глик потом бы перелетел обратно и встретился с ними. Он не хотел его ждать, но, видно, придется, тем более если тренировки Глика окажутся не напрасными. Будет просто стыдно не побеспокоиться об этом, после того как он без всякого труда перенесся через тысячелетия.

Улисс приказал двум вагарондитам, чтобы те отнесли Глика к большой поляне. Потом велел отряду следовать медленно и тихо. Десять воинов взяли на изготовку лук и стрелы, а другие десять с носильщиками не сводили глаз с бомбы и ракеты.

Они пробрались по склону холма через высокие вечнозеленые кущи, наклоненные под углом к горизонту, а затем проползли на четвереньках по краю холма. Внизу простиралась долина со множеством деревьев и с большими прогалинами между ними. Около пятидесяти голых стволов выглядели, будто в середине зимы. Только пожирателем их листьев было не время года, а гигантский зверь. Он казался таким огромным, что душа Улисса ушла в пятки. Зверь был выше большинства молодых деревьев, серый, как и положено слону, но имел уродливое белое пятно на правом плече. Длинные желтые бивни казались такими тяжелыми, что Поющий Медведь удивился, как зверь умудрялся поднимать свою голову. Его тело, действительно длиннее, чем у слона во времена Улисса, двигалось, покачиваясь, между деревьями, засовывая их в громадную пасть и потом голыми выплевывая обратно. Даже на таком расстоянии до охотников долетал рык гигантского зева.

Ветер был с севера, так что зверь не мог их почувствовать и услышать — ведь они были настороже. Однако его зрение могло оказаться не таким слабым, как у других представителей слоновьего клана, поэтому Улисс напомнил воинам вновь о необходимости использовать каждый кусочек прикрытия, какой только они могли найти. Чтобы спуститься по склону и рассредоточиться среди деревьев на дне долины, отряд затратил около часа. Потом Улисс начал тревожиться насчет Глика. Он должен был появиться уже давно. Что же могло случиться? Может, вмешались какие-нибудь алканквибы или члены другого племени к северу, промышляющие в округе, убили Глика и его носильщиков? Может быть... да чего зря говорить? Если Глик не показывается, то с этим уже ничего не поделаешь. Придется начинать без него.

Улисс предложил всем оставаться на местах под прикрытием деревьев. Он взял деревянную базуку, в которую загнал деревянную ракету, и пополз вперед. За ним — Авина, держа маленький, только

что подожженный факел. Остальные факелы подожгли от ящиков с углями, которые также раздули докрасна, предварительно положив на них щепы. А потом к ним поднесли факелы... Это был решающий момент, насколько понял Улисс. Зверь мог почуять или увидеть дым, струящийся по земле, заметить его черные густые клубы.

Громовой рев, срывание ветвей, просовывание их в глотку, сдирание листьев и треск отбрасываемых в сторону обглоданных сучьев продолжались. Китообразная серая масса переваливалась вперед и назад в непрерывном, медленном танце. Чудовище работало основательно, и казалось, ничто не угрожает мирному труду Древней Твари с Длинной Рукой.

На Улисса упала тень. Он взглянул вверх. Над ним парил темнокрылый силуэт Глика. Улисс кивком указал ему свернуть направо. Если его тень упадет на зверя, который, возможно, был пугливым, как и все африканские слоны, это может его насторожить.

Глик то ли не увидел его, то ли неправильно понял его ждет. Он полетел прямо к животному на высоте около пятидесяти футов. Человек держал бомбу, прижав ее к животу одной рукой, а другой сжимал маленький факел. За ним стелился густой дым, словно он был демоном пламени.

Улисс выругался и помчался к Древней Твари. С обеих сторон, забыв о предосторожности, в горячке и ужасе, рванулись воины и носильщики. Их детство было переполнено жуткими легендами об этом чудовище, и все мечтали увидеть его вблизи, наяву. Отцы двоих из них были раздавлены его громадными ногами. Но они не отступили, потому что ненавидели трусость, и смерть казалась лучше позора.

Однако они слишком бахвалились и этим выдали себя.

«И меня тоже», — подумал Улисс.

Было уже слишком поздно предпринимать что-либо, оставалось надеяться на внезапность и удачу. Если только Глик не сдрейфит и не просчитается, не промажет — хотя кто же промажет по такой громадине, — случится чудо.

Глик не сдрейфил. Он пронесся вперед и наклонился, стремясь спикировать и взлететь над чудовищем. Это было не очень разумно. Он прошел точно над Тварью, и поэтому его тень коснулась животного. Оно ничего не заметило. Но тут дым от факела достиг зверя, хотя Глик был в пятидесяти футах над ним.

Зверь прекратил терзать ветки, поднял хобот, покачал им и затрубил.

Глик уронил бомбу и горестно вскрикнул.

Колосс ответил ему также криком и внезапно превратился из неподвижной массы в невероятно быстро набирающий скорость заряд. Зверь, скорее, так ничего и не понял, он просто испугался и помчался куда глаза глядят. Намеренно или нет, но он повернул на Улисса, и ракета вдруг оказалась удивительно кстати.

Злясь, он положил базуку и снаряд на плечо и велел Авине зажечь запал. Он мог на нее не смотреть — она покорно и холодно сообщала, что делает.

В этот момент бомба Глика взорвалась в тридцати ярдах позади серого монстра. Древняя Тварь только увеличила свой рев и скорость. К тому же она изменила направление, так что теперь мчалась мимо Улисса и Авины. Сейчас, сейчас она пронесется от них всего в четырех футах... Но она должна заметить их раньше, как только повернет голову.

Жар ударил в лицо Улиссу, дым застлал ему глаза, ракета зашипела и вылетела из трубы у него над головой. Она описала широкую дугу по направлению к зверю, который теперь бросился в атаку, заметив их двумя минутами позже. Его туловище изогнулось, красные глаза уставились на них в упор. Темное пятнышко ракеты ударило в левое плечо монстра, и взрыв оглушил Улисса. Дыма было столько, что зверь как бы исчез. Поющий Медведь не стал дожидаться, пока можно будет увидеть результат взрыва. Он бросился в сторону. Рядом бежала Авина. Носильщики подскочили к ним с другой ракетой, а потом над ними полетели остальные реактивные снаряды, один прошел почти рядом, и что-то ударило Улисса в спину.

Он упал лицом вниз, дым накрыл его словно колпаком. Улисс закашлялся и с трудом приподнялся. Какое-то время он был слишком оглушен, чтобы понять, что случилось. Некоторые ракетчики были настолько взвинчены, что направили снаряды под чересчур низким углом. Одна из таких ракет чуть было не попала в Повелителя и сломала дерево рядом.

Улисс встал на ноги. Одежда его порвалась, лицо стало черным от дыма. Он оглянулся в поисках Авины и тут же издал вопль восторга. Она стояла рядом с ним, ошеломленная, с покрасневшими глазами и закопченным от дыма лицом. Но, кажется, с ней было все в порядке. Улисс обернулся опять к Древней Твари. Дым еще не рассеялся, и ничего не было ни видно, ни слышно. Он только помнил, что Тварь должна быть где-то справа.

Зверь исчез. Точнее, он лежал на земле, подергивая колоннообразными ногами, и кровь била ручьями из него. Одна нога, хотя и двигалась, но оказалась сломанной в суставе.

Воины и носильщики, радостно крича и стреляя, двинулись на Тварь. Внезапно она, несмотря на сломанную ногу, все-таки поднялась и ринулась в атаку. Двуногие бросились врассыпную, крича от ужаса. Зверь придавил одного своим телом, поднял вверх, повертел над головой и зашвырнул на верхушку дерева.

После этого Древняя Тварь свалилась вновь. Теперь она умирала в озере грязи и крови.

Удивительно, но вуфеа, заброшенный на дерево, отделался только несколькими ушибами и царапинами.

Улиссу потребовалось немало времени, чтобы восстановить слух и нервы. Когда спало первое напряжение, он обследовал животное. Оно казалось, как говорила Авина, шагающей горой. Потребуется гигантский труд, чтобы отрезать бивни и перетащить их в деревню вуфеа. Но он знал, когда вуфеа, вагарондиты и алканквибы совершат туда паломничество и увидят грандиозные бивни, вкопанные в землю перед его замком, они почувствуют, что их Каменный Бог поистине всемогущ. Они должны также, как он надеялся, проникнуться сильным чувством единства. Все три вечных недруга участвовали в общей охоте за своим кровным врагом. И все разделили славу.

Одно портило ему триумф. Глик. Он спросил летучего человечка, что с ним случилось.

— Прости меня, Повелитель! — заверещал Глик. — Я даже вспотел от волнения — моя рука соскользнула, и я выронил бомбу. Я очень расстроился, но ничем не мог исправить дело.

— А крикнул тоже от волнения или хотел предупредить Древнюю Тварь?

— Воистину твои подозрения напрасны, Повелитель! Моя вина только в том, что гигантское чудовище вселяло огромный страх в сердца каждого смертного. Смотри, как близко прошла от тебя ракета. Чуть не сбила.

— Но вреда все же не причинила, — заметил Улисс.

— Теперь, когда Древняя Тварь мертва, могу я уйти? — спросил Глик. — Я хотел бы вернуться домой.

— Куда? — сказал Улисс, надеясь его подловить.

— Как я уже говорил, Повелитель, на юг. Через много-много переходов.

— Можешь идти, — сказал Улисс, удивляясь, что Глик так и не раскрыл свои карты. Ему показалось, что тот спешит перед кем-то отчитаться, но перед кем — оставалось тайной. Не было смысла его задерживать. — Скоро я увижу тебя вновь?

— Не знаю, мой Повелитель, — сказал Глик, украдкой наблюдая за Улиссом и зля его еще больше. — Но ты можешь увидеть других, подобных мне.

— Я увижу тебя скорее, чем ты думаешь, — сказал Улисс.

Глик казался испуганным. Он проговорил:

— Что ты хочешь этим сказать, мой Повелитель?

— Прощай, — ответил Улисс. — И спасибо тебе за все.

Глик поднялся и выдавил:

— Прощай, мой Повелитель. Это было самое выгодное и самое волнующее предприятие в моей жизни.

Он ушел, чтобы сказать «до свидания» вождю каждой из трех групп и Авине. Улисс наблюдал за ним, пока тот не взлетел и не исчез за высоким холмом.

— Думаю, что он отправился докладывать кому-то о результатах своей разведки, — сказал он Авине.

— Мой Повелитель? — вымолвила она. — Разведки?

— Да, уверен, что он работает на кого-то еще, не только на себя и свой народ. Я не могу указать пальцем на кого именно. Но чувствую.

— Возможно, он работает на Вурутану, — проговорила Авина.

— Может быть, — сказал он. — Увидим. Мы пойдем на юг, чтобы посмотреть на Вурутану, после того как установим перед замком бивни.

— И я пойду? — спросила она. Ее громадные синие сиамские глаза остановились на нем, а поза выразила напряжение и готовность.

— Думаю, это будет очень опасно, — сказал он. — Но кажется, ты не боишься опасности. Да, я был бы очень счастлив, если бы ты пошла с нами. Но я не стану никому приказывать меня сопровождать. Я буду брать только добровольцев.

— Я была бы очень счастлива пойти с тобой, мой Повелитель, — сказала она. И добавила: — Ты хочешь узреть Вурутану или найти своих сыновей и дочерей?

— Каких моих?

— Тех смертных, о которых говорил Глик. Существ, похожих на тебя так сильно, что вправе называться твоими детьми.

Улисс улыбнулся и сказал:

— Ты очень умна и очень чувствительна, Авина. Мы пойдем на юг вместе, конечно.

— И ты найдешь себе подругу среди смертных, которые являются твоими детьми?

— Не знаю! — бросил Поющий Медведь более резко, чем хотелось бы. Почему этот вопрос так задел его? Конечно, ему стоило найти себе супругу. Что за беда! И потом, подумал он, она все же самка, и ее вопрос вполне естественен.

Но с тех пор несколько дней Авина ходила подавленной. Повелитель долго и усердно старался втянуть ее в разговор и развеселить. Но даже потом, много позже, ловил на себе ее странный взгляд.

Отряд достиг деревни вуфеа, обойдя остальные селения на пути их основного маршрута. Они поставили бивни по углам перед воротами замка и потом построили навес, опирающийся на бивни. Празднества и церемонии шли до тех пор, пока вожди не объявили, что вуфеа обанкротились. Оно и неудивительно: об урожаях никто не заботился, уничтожили и дичь на многие мили в округе.

Улисс приказал сделать побольше бомб и несколько ракет. Пока их делали, он отправился на большую охоту в южные равнины. Он также хотел добыть несколько диких лошадей и подобраться поближе, чтобы взглянуть на Вурутану.

Основная часть отряда вернулась в деревню с грудами копченого мяса, которые они тащили на салазках. Они также пригнали живьем

много лошадей и, как было приказано, обращались с ними осторожно, не резали.

Улисс потащился на юг с сорока воинами и Авиной. Миновали гигантские стада слонов. Размером они были с африканского слона, но с горбами жира на ляжках и невообразимо длинным мехом. Прошли мимо стада антилоп самых различных видов и пород. Некоторые походили на американских и африканских антилоп его времени.

Им попадались на глаза стаи волкоподобных остроухих собак, с белыми и рыжими пятнами, покрывавшими все тело. Там были своры ягуароподобных полосатых котов, каждый не меньше льва. Встречались двенадцатифутовые роадриннеры. Один раз Улисс заметил громадных птиц, оттаскивающих двух ягуаров от лошади, только что убитой этими большими котятами.

Его спутников не волновали ни птицы, ни животные, чего нельзя было сказать о куриаумеях. Это был рослый, длинноногий народ с красным мехом и белыми лицами. Очень дикий народ, как выразилась Авина. Они не были родственниками вуфеа, вагарондитов или алканквибов. Они применяли боло, арбалеты и копьеметы.

Никто не заговаривал о возвращении, но чем глубже они забирались на куриаумескую территорию, тем нервознее становился его отряд.

Улисс настаивал, чтобы шли на юг. Но когда через два дня они заметно приблизились к темной массе на горизонте, он вынужден был повернуть назад. Его окольные вопросы, однако, доставили ему кое-какую информацию, хотя он не смел ей верить.

Насколько он понял из рассказов, Вурутана был деревом. Но деревом, не похожим на все остальные деревья, когда-либо существовавшие со дня сотворения мира.

Они вернулись, так и не увидев ужасных куриаумеев, и Улисс тут же начал приготовления к большому путешествию. Но теперь опала листва, задул холодный ветер, и он решил подождать до весны.

Через месяц с первым снегом в деревню прилетели Глик и его жена Гуак. Нацепив легкие шкуры, они выглядели, словно крылатые маленькие эскимосы. Гуак была меньше, чем Глик, но еще крикливей. Бесстыжая, громкоголосая, привередливая и шумная самка, которую Улисс невзлюбил с первого взгляда. Если б у нее были перья и птичьи лапы, ее вполне можно было назвать Гарпией.

— Ты не устал меня ждать? — сказал Улисс, усмехаясь.

— Я? Ждать? Воистину, Повелитель, я не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Глик.

Покончив со сплетнями и сообщениями о продвижении дичи к югу, они с женой задали множество вопросов деревенским. Им было нетрудно догадаться, что после весенней распутицы Каменный Бог планирует поход на Вурутану. Улисс между тем, расспросив Авину и других, выяснил, что летучий народ редко появляется в это время года. А верховный жрец вообще заявил, что ни один из «крылатых мышей»

не прилетал так поздно за последние двадцать лет, а может быть, и более.

Услышав это, Улисс кивнул. Он ожидал, что летучих людей пошлют выяснить, что у него на уме. И верил, что оба вернутся обратно ранней весной, намного раньше, чем обычно. Однажды холодным утром он сказал им «прощай» и решил, что придется сниматься с места даже раньше, чем планировал.

Тем временем Улисс объездил лошадей и научил воинов верховой езде. Зимние снега были не такими сильными, как он привык. Все же географически это место могло быть Сиракузами. Но климат здесь стал мягче. Снег падал часто, однако его было немного, и он так же часто таял. У Повелителя было вдоволь пространства для езды верхом, потом у лошадей, которых он держал, родились жеребята, и он обучил своих прислужников за ними ухаживать. Он еще раз уверился в том, что животные человечнее людей.

Наконец весна освободила замерзшую землю, и долины стали непроходимыми. Улисс медлил с началом экспедиции из-за болезни, которая появилась среди вуфеа. За несколько недель умерло несколько дюжин, а потом в бреду свалилась Авина. Он неустанно выхаживал ее. Аузира то и дело устраивал очистительные церемонии. Об инфекционных заболеваниях тут никто толком не знал. Утвердилась древняя теория о духах и дьяволах, насылаемых на человека ведьмами. Конечно, Улисс с ней не согласился. Без микроскопа он не мог подтвердить своих объяснений, а если даже и смог бы, то не в силах был излечить чуму. Жар и сопровождавшие его волдыри на голове держались у каждого заболевшего в течение недели. Некоторые умерли, некоторые выздоровели. Казалось совершенно непонятным, почему выживают одни и погибают другие. Хоронили что ни день, и постепенно эпидемия сошла на нет.

Улисс представил себе, как было бы нелепо стать жертвой чумы, попав на много миллионов лет в будущее. Но он оказался невосприимчив к болезни. В этом было его бесспорное преимущество. Почувствуй он недомогание, все усомнились бы в его божественности.

Эпидемия продолжалась около месяца. Когда же она схлынула, восьмая часть населения оказалась под землей. Болезнь уносила младенцев и подросших детей, зрелых мужчин и стариков.

Он упал духом, да и было от чего. Во-первых, ему стал ближе этот народ, несмотря на их нечеловеческую природу и психологию. Некоторые смерти особенно потрясли его, в том числе и Аузиры. Возможно, горе Авины по отцу тронуло его больше, чем сама смерть, но он был подавлен. Во-вторых, вуфеа, как никогда, нуждались в рабочих руках для весеннего сева и охоты. Они действительно не могли отпустить воинов в поход.

Однако Каменный Бог дал им лук и стрелы, лошадей и транспорт. Они ушли теперь несомненно дальше в добыче мяса лошадей и анти-

лоп. Более того, мысль выращивать лошадей самим пришла к ним помимо их Бога. Они выделили для развода две породы. Одна должна была стать их тягловой силой, а от второй добивались коротких ног и большого тела. Вуфеа знали законы генетики и уже давно одомашнили собак и свиней, выведя нужные породы.

За этими хлопотами действительно стало слишком поздно или слишком рано — как смотреть — выступать на равнины. Хлябь начала подсыхать. Поэтому Улисс ждал, расширяя свои приготовления и придумывая еще множество препятствий, к которым ему якобы надо было готовиться. Хотя он и не знал, какие будут эти препятствия на самом деле. Его воины воспринимали ожидание тоже с трудом. Чем дольше экспедиция откладывалась, тем больший страх и уныние порождали рассказы о дьявольских деяниях Вурутаны.

За три дня до выхода экспедиции Глик и его жена Гуак выскользнули из голубой дали.

— Мой Повелитель, по-моему, я мог бы сослужить тебе хорошую службу! — сказал Глик. Его дубленое, клыкастое лицо сморщилось, напоминая мордочку летучей мыши. «Или уродливой лисы», — подумал Улисс.

Улисс согласился, что тот мог бы сослужить службу, на этом и порешили. Хотя если честно, то Улисс сомневался в «хорошей службе» Глика. У него было достаточно времени обмозговать инцидент с Древней Тварью, а также рассказы о летучем народе.

Глаза Глика широко раскрылись, когда он увидел четыре повозки, которые построил Улисс. Он сказал:

— Повелитель, ты дал своему народу много новых и полезных вещей. С луками и стрелами, порохом и лошадьми твои люди смогут покорить все народы к северу отсюда.

— Верно. Но меня интересует нечто другое. И только оно одно.

— Ах да, Вурутана.

Казалось, Глик не удивился. Даже больше. Он был удовлетворен.

На третье утро караван вышел в путь. Улисс — Поющий Медведь восседал на самом гигантском пони, которого только смог сыскать. Сбоку на кобылке ехала Авина. Поодаль держались Глик и Гуак. За ними ехали сорок воинов, а затем, влекомые лошадьми, четыре повозки и шестьдесят воинов. На флангах, спереди и сзади, ехали разведчики. Отряд был составлен почти из равных групп вуфеа, вагарондитов и алканквибов. Улисс предпочел бы, чтобы все сражающиеся бойцы были одной расы, потому что он устал разнимать и прекращать распри и ссоры между давними врагами. Однако он хотел сохранить союз, а взять с собой только одну расу — означало пренебречь остальными двумя.

Составилось странное и удивительное сборище! Но Улисс решил, что все три расы были прежде братьями и имели одного общего пре-

дка. Сходство вагарондитов и алканквибов с енотами было чисто поверхностным.

Шествие двигалось по равнине, останавливаясь с наступлением сумерек или раньше около родников или ручьев. Они добыли много дичи, и все ели вдоволь. День за днем громадная масса на юге становилась все больше и больше, а потом внезапно начала быстро разрастаться. Однажды к ним приблизился боевой отряд куриаумеев, но их число было вровень с путешественниками. Кроме того, они, казалось, обомлели, увидев всадников. Куриаумеи держались на почтительном расстоянии, а на второй день скрылись совсем. Потом, дня через два, они столкнулись почти с тысячной армией выряженных в перья и бумы куриаумеев. Но те не застали Улисса врасплох. Еще за полдня до встречи их заметили дулулики.

Улисс остановил свой караван и стал изучать противников. Они были почти такими же рослыми, как и он, но стройнее и серого цвета. Мех рыжеватый, уши сильно сдвинуты вперед. И хотя лица казались такими же человеческими, как у вуфеа, а их зубы — такими же редкими и острыми, они были явно не кошки. В них чувствовалось что-то собачье. От них даже воняло псиной, и с языков капала слюна.

Кдангвинг, вождь алканквибов, спросил:

— Повелитель, мы нападем на них?

Остальные вожди нахмурились, услышав сказанное. Улисс мановением руки заставил его замолчать, решив повнимательнее присмотреться к противнику. Там били большие барабаны, и пока вожди воодушевляли воинов и произносили воинственные речи, все танцевали танец смерти. Они выстраивались полумесяцем, охватывая караван.

Улисс отдал приказ, и отряд развернулся клином, с ним во главе и повозками в центре. Это построение всегда применялось против недисциплинированных дикарей.

Большинство бойцов Улисса было вооружено луками и стрелами, а некоторые несли базуки. Для большей эффективности им пришлось спешиться. Крыши повозок представляли собой платформы, где на поворачивающихся лафетах были установлены направляющие ракеты.

Улисс отдал приказ выступать, и живой клин рысью помчался к противникам. Эта малочисленная сила пришельцев, посмевших вести себя столь дерзко на чужой территории, казалось, на несколько минут парализовала собак. Наконец вожди привели их в чувство, и те бросились на отряд Улисса. Но цепочка их становилась все реже по мере приближения к всадникам, и после одной или двух стычек собаки были уже в состоянии хаоса. Каждый человек — или собака-человек — сражался сам за себя.

Улисс остановил кавалерию, выступили воины с базуками, и орудия дали залп. Потом последовали еще шесть залпов, каждый по знаку сержантов, которых Улисс выделил для связи. Это было превосходное

упражнение! Тренировки не пропали даром, и около двухсот куриаумеев пали со стрелами в груди.

Затем, когда врага уже обратили в бегство, вдогонку грохнули ракеты.

Боевые головки, правда, несли каменную щебенку вместо шрапнели, но свое дело снаряды сделали — началась паника. Куриаумеи побросали свое оружие. Кавалерия двигалась медленно и наконец совсем остановилась, а ее всадники вернулись назад, собирая стрелы, отрезая уши убитым и подсчитывая трофеи.

Двумя часами позже собаки-люди, перестроившись и кое-как подлатав свою храбрость, вновь атаковали. И вновь их разбили и обратили в бегство.

Это был великий день кошачьих, которые обычно проигрывали, когда бы ни сражались с собаками на их собственной земле. Победители рвались вперед — жечь деревни и вырезать самок и детенышей, но Улисс был против.

Через два дня черная масса на горизонте стала темно-зеленой. Еще позже они стали различать не только цвета, но и оттенки. В зеленом появились серые полосы. Потом они преобразовались в необъятные стволы, ветви и сучья.

Да, Вурутана был деревом, самым могучим среди всех существующих. Улисс, вспоминая Угдразил, мир деревьев в северных легендах, подумал, что перед ним его воплощение. Это был воистину мир деревьев, если можно верить Глику и его описаниям. Баньян, в тридцать тысяч футов высотой, простиравшийся на тысячи квадратных миль. Ветви его тянулись до самой земли, затем проникали в землю и порождали новые стволы и побеги. Это была устойчивая и однородная масса. Кое-где в этом обширном месиве виднелись отдельные, все еще живые ответвления.

Когда они подошли к первому громадному отростку, который уходил на некотором расстоянии от них в землю, то просто обомлели. Потом они объехали вокруг этой сморщенной серой колонны и прикинули, что ветка была почти пятьсот ярдов в диаметре. Кора ее казалась такой сморщенной, потрескавшейся и рубцеватой, что походила на иссеченный ветром и дождями утес.

Все молчали. Вурутана был несметный, непреодолимый, на нем оставили свои отметины все стихии, все катаклизмы — море, гигантские землетрясения, падение огромного метеорита.

— Гляди! — показывала Авина. — Деревья растут из дерева!

Почва набилась во множество глубоких древесных трещин, в которые ветром или птицами заносились семена, и новые отростки пускали корни в расщелинах старой коры. Некоторые из них достигали сотни футов ввысь.

Улисс заглянул в мрачную глубину. Так густа была вокруг растительность, что солнце почти не пробивалось сюда. Глик сказал, что

проще путешествовать в верхних террасах, чем у подножия этого дерева-великана. Слишком много воды стекало со стволов на землю, и она образовывала обширные болота. К тому же там были еще зыбучие пески, ядовитые растения, которые не нуждались в свете, и ядовитые змеи, которым вообще свет был ни к чему. Отряд вскоре и в самом деле затерялся среди болот и пробирался через них несколько дней.

Улисс вообще-то не доверял летучему народу, но на сей раз сказанному поверить мог. От корней шел сырой тлетворный запах. Это смердела гниль, бледные слабые водные создания и хлябь, которая затянула бы любого, кто был бы настолько глуп или отважен, чтобы на нее ступить.

Поющий Медведь смотрел вверх, скользя взглядом вдоль ближайшей ветви. Та спускалась под углом в сорок пять градусов из чего-то зеленого и многоцветно-хаотического в нескольких милях отсюда.

— Мы поедем от нее к следующей и посмотрим там, что к чему.

Стало уже очевидным, что им придется оставить лошадей. Скверно, что они не приручили коз, подумал Улисс и тут же увидел коз, скакавших с одного выступа коры на другой. Это были оранжевошеистые создания с маленькой черной бородкой и бакенбардами.

Здесь обитали и другие животные. Чернотелые, желтолицые обезьяны с длинными согнутыми хвостами. Бабуины, с зеленым задом и алой шерстью. Крошечные лани с шишечками рогов. Какие-то свиноподобные, хрюкающие животные. И птицы, птицы, птицы!

Они проскакали с полмили, пока не подъехали к следующей ветви — или корню, — выступающему из земли. Вода низвергалась вниз потоком, образовывала канал и впадала в ложе ручья. Глик сообщил, что там, в углублениях на вершинах веток, существует множество рек, ручейков и речушек. Теперь Улисс ему поверил. Каким могучим насосом было это дерево! Оно, наверное, послало свои корни глубоко и высасывало влагу, содержащуюся в скалах и запертых водоносных слоях глубоко под землей. Оно могло даже выпить океан и превратить его воду в соки, растворяющие соли. Затем оно выделяло воду в различных местах, и ручьи, реки и речушки срывались вниз.

— Это место ничем не лучше остальных, — сказал он. — Распрягайте лошадей. Пусть идут с богом, куда хотят.

— У них такое хорошее мясо! — просительно проговорила Авина.

— Знаю. Но я не желаю убивать этих лошадей. Они нам служили и имеют право на жизнь.

— Их все равно съедят не позже чем через неделю, — проговорила Авина. Но передала приказ Улисса воинам, и те беспрекословно подчинились.

Улисс наблюдал за летучими людьми, пока шла разгрузка. Те сидели рядом в тени, отбрасываемой деревом, и о чем-то тихо совещались. Им позволили зайти так далеко, потому что они были весьма полезными разведчиками и к тому же болтали так много, что снаб-

жали других информацией, даже когда этого вовсе не хотели. Они предупредили отряд о собако-людях и сообщили Улиссу достаточно данных, чтобы он мог сложить отдельные фрагменты и представить в целом картину, которая ожидала их впереди.

Но, возможно, рассказывая все это, они в то же время шпионили за вторженцами и могли предать отряд в любой момент. Во всяком случае, Улисс был к этому готов.

Он отступил назад, а потом пошел дальше, решив, что позволит летучим людям сопровождать отряд еще несколько дней. Дерево было тем окружением, с которым никто, за исключением летучих людей, знаком не был. Отряд нуждался в любых советах. И хотя возле дерева почти не было открытого пространства, но места, чтобы летать двоим, было достаточно.

Они могли совершать разведывательные полеты впереди отряда. Тревожило лишь одно — а вдруг они отправлялись вперед, чтобы известить кого-то, где сейчас проходит отряд Улисса?

И все-таки у него оставался шанс — еще несколько дней.

Улисс вернулся к груде вещей и отобрал то, что им следует взять. Взбираться на это дерево все равно что штурмовать гору. Они могли прихватить только самое необходимое. В то же время было очевидно, что применять тяжелые базуки и ракеты будет малоэффективно. Поколебавшись несколько минут, Улисс решил от них избавиться. Однако он оставил несколько бомб.

Он не хотел, чтобы летучий народ прилетел сюда и забрал ракеты, поэтому он выпотрошил их и поджег порох. В результате взрыв потряс дерево на много миль вокруг. Прошло несколько часов, прежде чем угомонилось карканье и верещание обезьян и птиц.

Убедившись, что все надежно привязано и упаковано, Повелитель дал сигнал следовать за ним. Они взбирались вдоль потока, карабкаясь по коре с выступа на выступ, словно переходили по камням ручей. Улисс был рад, что захватил с собой четыре пары отличных мокасин. Грубая, шершавая кора изнашивала тонкую кожу буквально в считанные часы. У остальных на лапках были мозоли, как железо. Однако летучих людей приходилось нести: слабые перепончатые ноги плохо слушались своих хозяев в древесной путанице. Их носильщики жаловались все громче, и Улисс решил, что летучих людей дальше нести не стоит. Он велел им лететь вперед и ждать. Без разведчиков ему не обойтись. В такой среде устроить засаду было чрезвычайно просто.

Пренебрегая дневным отдыхом, они упорно пробирались вдоль ручья. Выемка, бежавшая по хребту ветви, составляла пятьдесят футов в ширину и десять в глубину. Сбегавшая под углом в сорок пять градусов, вода была чересчур сильна, чтобы ее мог кто-нибудь преодолеть. Но Глик заверил, что выше, где ветвь горизонтальна, поток достаточно медлен, чтобы перейти вброд. В потоке водились рыбы, лягушки, насекомые, растения и, конечно, существа, которые их ели.

А по соседству — хищники, которые, в свою очередь, ели эти существа.

За полчаса до сумерек вышли на горизонтальный участок. Здесь подождали, пока Улисс оценит обстановку. Вокруг царил полумрак, и когда солнце село, они оказались в полной темноте.

В занавесах переплетающихся цветов и лиан, составляющих странные зыбкие структуры, жили маленькие животные, похожие на землероек, строившие свои гнезда из слюны, которая на воздухе становилась густой и твердой. А Глик предупреждал о некоторых маленьких зверьках, чьи клыки очень ядовиты.

Существовали и другие опасности, большинство которых он описал Улиссу. Но все ли? Или о чем-то все-таки умолчал?

Улисс постарался скрыть свое беспокойство. Но Авина и некоторые другие были подавлены. Они, сбившись в тесную кучу, варили мясо на маленьких бездымных кострах. Улисс не пытался их расшевелить. Молчание оставляло желать лучшего. Если предстоит и дальше блуждать во мраке, Повелителю придется как-то поднять моральный дух своих подопечных.

Он соорудил удочки, используя оленье мясо как наживку, и пошел ловить рыбу. Вместо рыбы он поймал в первый раз беспанцирную черепаху и собрался было бросить ее обратно, но потом передумал и решил приготовить черепаху на завтрак. Вторая попытка подарила ему маленькую рыбку, которую он пренебрежительно выкинул. Через пять минут — наконец-то — он вытянул рыбину в полтора фута длиной! У нее были крепкие шипы и коротенькие усики по обеим сторонам тела. Когда с трудом он вытащил ее на берег, то вдруг обнаружил, что та может дышать воздухом. Она издавала квакающие звуки и старалась вцепиться в него тонкими когтями — кончиками плавников. Он положил ее в корзину, где она продолжала квакать, да так громко, что он решил от нее избавиться. Зачем терпеть ее кваканье сейчас, если можно поймать ее или ее сестриц на завтрак утром!

Проблема ночлега решилась достаточно просто, хотя и не совсем его устроила. Вокруг было вдоволь маленьких щелей, чтобы обеспечить убежище всему отряду, но, с другой стороны, они не могли ночевать достаточно близко друг к другу, враг мог напасть на них и вырезать поодиночке, а караульные этого и не заметили бы.

Тут уже Улисс ничего не мог поделать, только удвоить охрану. Он оставил себе вторую смену и лег недалеко от Авины. Закрыл глаза, но вскоре вновь открыл их. Крики, свисты, стоны, карканье, вопли, удары и улюлюкание сделали сон невозможным. Нервы не выдерживали. Он сел, лег, снова сел, повернулся и позвал Авину. Когда его плеча коснулись, зовя на вахту, он еще и не сомкнул глаз.

Потом взошла луна, но ее свет не проникал в растительную каверну. Как бы хотел сейчас Улисс оказаться всего в нескольких милях отсюда, на равнине, где луна сверкает так ярко.

Утром у всех были красные глаза, словно от яркого солнца. Улисс выпил немного воды из ручья и потом отправился ловить рыбу. Он поймал пять амфибий, три форелеобразных рыбы, двух лягушек и еще одну черепаху. Он отдал их Авине, и она с несколькими вуфеа принялась за стряпню.

Улисс, говоря не громко, но ободряюще, сумел добиться своего: после того, как отведали рыбы (а рыбу они любили), люди-кошки почувствовали себя лучше. Тем не менее, подняв тюки, они поняли, что усталость еще слишком велика. Когда вышли из мест, где солнце бросало длинные ленты света под кронами ветвей и лиан и упали черные тени, ведущие немного притихли. Встречались места, где растения сплетались так густо, что летучий народ не мог летать, и приходилось воинам опять нести их на спинах.

На второй день они оказались в лучших условиях. Крики ночью становились привычными, и они смогли немного выспаться. Хорошо ели. Рыба ловилась замечательно. Вагарондиты подстрелили большого алого борова с тремя парами изогнутых клыков. Борова поджарили и съели. К тому же кругом было много ягод, фруктов, орехов. Глик сказал, что они не ядовиты, но осторожный Улисс приказал ему и его жене попробовать все самим, перед тем как будут есть другие. Глику приказ не понравился, но он только угрюмо усмехнулся и повиновался.

На третий день, как Глик и предсказывал, они поднялись на ствол. Летучий сказал, что, если подняться на верхние террасы, идти будет легче. Улисс подумал, что с существами, подобными летучему народцу, нужно держать ухо востро, но решил идти дальше пока вместе с ними.

Конечно, перед этим пришлось заставить отряд путешествовать от ствола к стволу. Перейти с одной ветки на другую было достаточно просто, поскольку сцепление лиан и растений образовывало своего рода прочный висячий мост.

Пока все было приемлемо. Путь по стволу, от ветки к ветке, был долог, но исключительно надежен, если, конечно, не смотреть вниз. Кора напоминала выщербленный утес, и карабкаться по нему было все равно что пользоваться дымоходом с одним открытым концом. Улисс и так умудрился взобраться достаточно высоко, хотя руки и спина его покрылись ссадинами и кровоподтеками. Меньший вес, да и мех, и выносливость его полулюдей давали им большое преимущество.

Тяжело дыша, Улисс подтянулся на последнем выступе и оказался на ветви. Он начал карабкаться рано утром, а сейчас было уже почти темно. Ниже наступала ночь, глубины казались пещерным мраком. Из них выглянула морда леопардоподобной кошки, затем раздался кошачий вопль, огласивший всю округу. В тысяче футов внизу, наоборот, затихли вопившие до того обезьяны. Он прикинул, что находится на высоте почти восьми тысячи футов над землей. И все же не на вершине дерева. Ствол поднимался по крайней мере еще на две тысячи

футов, а дальше шла добрая дюжина гигантских ветвей, подобных той, на которой они стояли, и сама верхушка.

Он мог добраться туда после темноты. А пока собрали сучья, ветки и хворост с засохших деревьев и сложили их на дне щелей, которые не были заполнены землей. Здесь, вверху, разруха не была такой сильной, как внизу, а голой коры было больше. Солнце село, путников накрыли облака тумана. Трясущиеся, продрогшие и угнетенные, они сгрудились вокруг костра.

Улисс заговорил с Гликом, который сидел подле него у костра.

— Я не уверен, что твоя мысль так уж хороша. Здесь, верно, меньше растений, и поэтому мы можем двигаться быстрее. Но зато нас донимают холод и сырость.

В тумане летучая мышь и его жена казались демонами, мерцающими в колебаниях пламени. Они закутались в шерстяные одеяла, из которых торчали их кожаные крылья и лысые головы. Зубы Глика блеснули.

— Завтра, мой Повелитель, — сказал он, — мы построим плот, на котором отправимся вниз по течению. Потом ты оценишь мудрость моего совета. И чем быстрее мы будем плыть, тем покроем большее расстояние. Ну а тогда ты увидишь, что неудобства этих ночей искупаются дальнейшим спокойствием многодневного путешествия.

— Увидим, — проговорил Улисс и забрался в спальный мешок.

Над его лицом прошла туча, словно сырое дыхание, и окропила его каплями дождя. Но в общем было темно. Он закрыл глаза, потом открыл их — взглянуть, спит ли Авина. Она сидела, забравшись в мешок, прислонившись спиной к серой стенке пещеры. Ее огромные глаза смотрели на него. Но тогда он снова сомкнул ресницы. Она все равно осталась перед его взором, и, уснув, он увидел сон, в котором и он сам, и Авина подвергались какой-то неведомой и страшной опасности.

Улисс в ужасе проснулся, его сердце стучало, дыхание стало тяжелым. В ушах стояли чьи-то крики.

Минуту ему казалось, что он еще спит. Потом он услышал восклицания и голоса остальных, пока они старались выбраться из своих мешков. Огонь погас, и фигуры собирались в темноте вокруг, словно обезьяны на дне ямы.

Что же такое случилось?

Он встал, держа наготове кинжал. Но наготове — к чему? Его вопрос вызвал невразумительное бормотание, каждый находился в таком же недоумении. Отряд разделился на три группы, каждая их которых собралась вокруг костра на дне каньоноподобной расщелины, которая вздымалась вверх, выше Улиссовой головы. Потом рядом с ним из тумана вынырнуло что-то круглое, и знакомый голос проговорил:

— Мой Повелитель! Двоих наших убили!

Это был Эджавандо, вагарондит из соседней группы. Улисс выбрался из трещины, а за ним остальные. Эджавандо сказал:

— Их убили копьем!

Улисс осмотрел убитых при ярком свете костра, в который подбросили веток. Раны на горле могли быть действительно нанесены копьем, как считал Эджавандо, но все равно — это не объясняло дела.

Караульные ничего не заметили. Они находились на своих постах в спальных мешках и полузакутавшись в одеяла. Они сказали, указав на облако, что крики долетали оттуда, а жертвы тут — непонятно при чем.

Улисс усилил охрану и возвратился в свою расщелину. Он спросил:

— Глик, какие еще существа обитают в этой местности?

Глик зыркнул на него глазом:

— Вуггруды, гиганты, Повелитель, и краузмиддумы, народ, похожий на вуфеа, но выше и пятнистые, как леопарды. Но никто из них не живет так высоко. Или, во всяком случае, очень редко.

— Кто бы они ни были, — сказал Улисс, — их здесь мало. Иначе бы они перерезали всю группу.

— Похоже, — сказал Глик, — но с другой стороны, краузмиддумы любят поиграть со своими жертвами, как леопард с молодым ягненком или кошка с мышкой.

Поспать Улиссу этой ночью так и не пришлось. Едва он задремал, как его растолкал алканквиб Вассунди:

— Повелитель, очнись! Убиты двое наших!

Улисс последовал за ним к расщелине, в которой ночевали алканквибы. На этот раз убили двоих караульных. Их задушили, а тела перебросили через край расщелины на головы товарищей. Трое других караульных, находившихся всего в нескольких футах, ничего не слышали, пока тела не шлепнулись о дно расщелины.

— Будь у врага побольше сил, он бы не упустил случая убрать нас всех, — пробормотал Улисс.

В общем, этой ночью больше никто не спал. Взошло солнце и разогнало мрак. Улисс огляделся, ища следы нападавших, но ничего не увидел. Он приказал положить трупы в спальные мешки и перебросить через край ветки. После того как жрецы произнесут свои короткие речи, конечно. Вообще-то было бы лучше, чтобы их похоронили согласно религии, но на этой ветке вся земля, собравшаяся в трещинах, была занята непроходимой путаницей корней. Поэтому тела просто перекинули через край ветки. Они падали, вращаясь раз, другой, минуя громадную ветку в тысяче футах внизу, и исчезали в переплетении лиан.

После молчаливого завтрака Улисс приказал выступать. До полудня он вел их вдоль прежней ветки, а после решил перейти на соседнюю, которая шла чуть ниже, параллельно. Там растительность

была во много раз гуще. Причиной этого служила река, занимавшая треть поверхности. Он задумал построить плот, как советовал Глик.

Переход произошел почти по горизонтальной путанице лиан. Улисс послал отряд в три группы. Пока карабкалась одна, остальные стояли на страже с луками наперевес. Слишком удобный случай для внезапного нападения врага! Отряд чересчур скучился, повиснув на лианах, и держались они там весьма нетвердо. Стоящие наверху внимательно всматривались в сплошную стену растений — нет ли где засады? Тысячи врагов могли запросто подкрасться незамеченными.

Когда первый отряд перебрался на другую сторону, они встали, прикрывая следующих, в то время как третья группа оставалась в арьергарде. Улисс шел с первой группой. Потом он наблюдал за следующей, перебирающейся по переплетению растений, которые сгибались под весом людей, несущих бомбы и припасы. Он уже исследовал ближайший район и пришел к выводу, что засады не предвидится.

Вдруг, когда первый алканквиб находился в двадцати футах от ветки, в третьей группе поднялся громкий переполох. Улисс поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть гигантское бревно в десять футов длиной, падающее на воина. Оно, не задев его, грохнулось на путаницу растений, разрывая лозы, лианы и вьюны на части. Воин внезапно оказался висящим на конце лианы. Те, что шли следом, в первый миг застыли на месте, а потом стали в панике карабкаться через перелаз под градом бревен, булыжников, ветвей и комьев земли.

Вскрикнув, первый алканквиб разжал руки и полетел в пропасть. Второго ударило по спине двухфутовым бревном, и он исчез. Третьего сбило куском коры размером с его голову. Четвертый споткнулся и сорвался в отверстие, которое, казалось, поглотило его окончательно. Но чуть позже он появился вновь, зацепившись за ветку.

Потом бревна стали сыпаться ближе к первой группе и заставили ее отойти вглубь. Улисс хотел было отступить, но установил, что нападавшие находятся на ветке точно над ним. Им пришлось подняться на шершавую, изрытую кору, стремясь избежать обстрела. Они оказались в шестистах футах друг от друга и с отрядом лучников на первой ветке. Там находились вагарондиты под предводительством Эджавандо. Он остался спокоен, отдал приказ, и тотчас множество стрел рванулось залпом к ветви над головой. Враги оказались леопардоподобными кошками с пучками волос на ушах и козлиными бакенбардами. Шестеро, сбитые стрелами, грохнулись на переправу. Один шлепнулся прямо на алканквиба, и оба полетели вниз. Остальные перешли на другую сторону и бросились в кусты, под ветку, где их не могли достать краузмиддумы. Вагарондиты остановились, отстреливаясь, и Улиссу пришлось кричать им через двухсотфутовый прорыв. Выяснив, что леопардовые вскарабкались обратно, уходя от стрел, он приказал вагарондитам начать переправу. Они сделали это со всей быстротой, но под самый конец, когда уже казалось, что они достигли

безопасного места, их вновь забросали сверху. Правда, на этот раз бревна и земля пролетели мимо цели.

Улисс наконец отыскал обоих летучих, укрывшихся под высоким кустом алых шестиконечных листьев. Они перебрались первыми, снявшись со ствола и перелетев на ту сторону. Он хотел послать их на верхнюю ветвь в разведку и вообще загрузить работой.

— Я хочу, чтобы вы полетали вокруг, пока не найдете, где обитают краузмиддумы, — сказал он.

Кожа Глика стала почти серой. Он спросил:

— Зачем? Ты что надумал?

— Я сотру их в порошок, — сказал Улисс. — Не можем же мы позволить перестрелять нас поодиночке.

Может, эта парочка и мечтала унести отсюда ноги, но Улисс напомнил, что оборвет им крылья и скинет вниз, если они не подчинятся его приказам. Потом он решил оставить Гуак в качестве заложницы, пока ее муж отсутствует. Он, конечно, не говорил прямо об этом, но летучие его поняли. Глик неохотно сорвался с выступа коры на боку ветви, сверкнул на прощание глазами, захлопал крыльями и ушел по спирали вверх. Враги не пытались его закидать — града камней и веток не последовало.

А пока ждали, Улисс велел своим людям испробовать их гигантские каменные топоры и построить шесть больших плотов. Через час человек-летучая мышь спикировал вниз и совершил посадку на соседнем переплетении лиан. Он вскарабкался на ветвь и доложил, что видел множество леопардо-людей, но нигде не заметил и следа их поселений.

Потом Улисс приказал летучему, чтобы тот слетал вниз по ручью и разведал, как там дела. Он не хотел оказаться в засаде, когда поплывет на плотах, на них его отряд будет особенно уязвим. Гуак останется с ними, сказал Улисс. Глик сдержался. Он снялся и отсутствовал полчаса, а затем сообщил, что в мешанине джунглей ничего не заметил.

Правда, растительная жизнь оказалась здесь не самой главной. Мелькали разноцветные бабочки, несущие витиеватые конструкции своих крыльев и спинок. Над водой звенели четырехфутовые стрекозы, нырявшие на поплавковых ногах по поверхности воды. Иногда листья расступались, и Улисс видел тараканов, громадных, с руку величиной. На противоположном берегу выглянул бобер и бросился в воду. На этот раз он был не охотник, а убегающая жертва. За бобром гналась птица около трех футов ростом, маленькое подобие гигантского равнинного роадриннера. Она ринулась в воду и больше не появлялась.

Улисс пребывал в задумчивости, пока остальные стояли на страже или, развалясь, сидели на мшистых растениях, облепивших почти всю ветвь. Источником реки было громадное дупло на пересечении ствола с ветвью. Согласно пояснениям Глика, дерево всасывало воду и выбра-

сывало ее в различных местах, подобных этому. Вода либо просто бежала по каналу, когда он медленно понижался, либо била с напором, когда ветка давала резкий подъем, либо, что чаще всего, когда ветка шла горизонтально, добавочные ключи делали поток полноводным, даже чуть убыстряющимся.

Этот поток, очевидно, бежал на много-много миль вперед. Глик исследовал примерно около тридцати пяти. Ветка, как и многие другие, делала зигзаги. Здесь были даже ветки, обвивавшиеся вокруг самих себя.

Улисс поднялся наконец на ноги. Авина, лежавшая рядом с ним, тоже встала. Он отдал приказ вступить на первый плот. Несколько вуфеа взошли на него вместе с Улиссом и оттолкнулись длинными шестами, вырезанными из бамбукоподобных растений.

В этом месте поток бежал со скоростью пяти миль в час. Вода была двадцати футов глубиной в центре канала и просматривалась на первые шесть футов. Дальше она становилась мутной. Глик пояснил, что в этом повинны придонные растения, время от времени выделявшие коричневую жидкость, но, несомненно, она использовалась в экологии Дерева. Вот только было неясно, почему жидкость не поднимается кверху и неоднородна по всему потоку.

В реке водилась рыба различных видов и размеров. Самые большие, двух с половиной футов длиной, походили на красно-черных, крапчатых карпов. Наверно, они питались растениями. Поменьше, более активные рыбки поедали водных пауков, а также гонялись за лягушками. Но те, как правило, либо удирали, либо разворачивались и давали отпор. У них не было зубов, но они били рыбе в бок и норовили выцарапать глаза.

Рулевые старались вести плоты так, чтобы можно было касаться дна или берега и отталкиваться шестами. Они работали слаженно, следуя командам вождей, под счет своих командиров. Остальные стояли с луками и стрелами наготове.

Уровень воды доходил до самого края берегов, вдоль которых плотной стеной высились растения. Иногда эти последние высовывались прямо из воды. Вокруг деревьев во множестве кишели птицы, обезьяны и тому подобная живность. У обезьян мех был толще, чем у их собратьев с нижних уровней.

Если бы не угроза леопардо-людей, Улисс только бы радовался этому путешествию. Было очень приятно сидеть и тихо плыть по течению подобно Геку Финну, созданному некогда фантазией Марка Твена.

Но куда им до безмятежного покоя! Каждый был начеку, готовый вступить в действие при малейшем шуме. И все, полагал он, ожидали копья, летящего из гущи зеленой и алой растительности.

Миновали два напряженных часа, и плоты вышли на широкую протоку, которую вполне можно было назвать озером. Улисс видел

другие ветви, уходящие в сторону, на которых он уже никогда больше не побывает. Вода становилась глубже, и озеро разлилось почти на четыреста футов. Чтобы пересечь его, путникам надо было плыть либо по течению, которое становилось очень слабым, либо держаться ближе к берегу, где дно легко можно было достать шестами. Улисс решил придерживаться середины, где наконец они могли немного расслабиться вдалеке от краузмиддумских дьяволов.

Через секунду, однако, он уже раскаялся в своем выборе. Стадо животных, казавшихся на таком расстоянии гигантскими гиппопотамами, вывалилось из джунглей на берег и шлепнулось в воду. Плескаясь, фыркая и отплевываясь, эти якобы бегемоты медленно приближались.

В десяти ярдах они выглядели, как огромные грызуны, которые, очевидно, приспособились к жизни в воде. Их ноздри и глаза находились на макушке, а уши снабжались кожаными клапанами. Эти животные вовсе были лишены волос, если не считать гривы, как у лошади, поверх массивной шеи.

В тот же миг, словно в фильме о диких джунглях, в озере появилось три каноэ. Два гнались за стадом, а одно выходило из устья озера. Все каноэ были сделаны из раскрашенного дерева, с вырезанными на носу драконами, и в каждом находилось по двенадцати леопардо-людей, восемнадцать гребцов и один начальник на носу.

Несколькими секундами позже Улисс заметил несколько громадных созданий, мельтешащих в чаще берегов и в глади озера. Они походили на короткорылых безногих крокодилов.

Улисс раскрыл на плоту водонепроницаемый кожаный баул и достал оттуда бомбу. Пиаумиву, в чьи обязанности входило всегда держать наготове зажженную сигару, за исключением тех случаев, когда под рукой был факел, подал ее Улиссу. Тот раскурил ее, пока не запылал кончик, и потом коснулся ею бикфордова шнура. Шнур вспыхнул, выпуская густой черный дым, который ветер относил в сторону каноэ. Улисс дождался, пока огонь почти совсем исчез, и швырнул бомбу в середину стада.

Та взорвалась перед самым ударом в воду. Животные нырнули, многие из них вообще не всплыли, и только одно появилось по другую сторону от Улиссова плота. Его туша всколыхнула воду, которой окатило все вокруг, так что плоты залило по лодыжку. Животное отфыркалось и нырнуло под последним плотом, который тут же перевернулся. Кляня все на свете, несколько вагарондитов свалились в воду, а за ними туда полетели тюки с провизией и бомбы. Потом бегемот-грызун нырнул еще раз, и когда он появился опять, над ним в воздухе взорвалась вторая бомба.

Леопардо-люди вовсю орали, предчувствуя добычу, но после первой бомбы наступила глубокая тишина. Они все так же ровно гребли и не сразу сообразили, что происходит, даже когда послышались испу-

ганные приказы начальников. Авина тут же выудила еще несколько бомб, и лучшие метатели подняли свои гранаты. Четыре полетели навстречу лодкам. Одна приземлилась поблизости от громадных псевдогиппопотамов. Три упали около каноэ и порядочно нарушили боевой порядок краузмиддумов. Те начали поворачивать, возможно, стремясь выйти за пределы досягаемости бомб, но надеясь подойти достаточно близко для метания копья.

За дело взялись лучники, и несколько гребцов со своим начальником свалились со стрелами в груди. В тот же миг упало и трое лучников, пронзенных брошенными с берега копьями.

Из воды вынырнул грызун-гиппопотам, словно подкинутый катапультой, вцепился в борт боевого каноэ двумя передними громадными клыками и потащил на себя. Все сидевшие в лодке крича бросились за борт. Вода вокруг забурлила. Улисс увидел безногого крокодила, крутящегося с задней лапой леопардо-человека с короткими челюстями. Рептилии осаждали также его людей, упавших в воду, когда гиппопотам перевернул плот.

События развивались так стремительно, что Улисс не мог за всем уследить. Он сосредоточился на береге, где таилась самая большая опасность. Нападавшие стали заметны только теперь, через проломы в зарослях, сквозь которые они метали свои копья. Улисс велел лучникам перевести огонь на густую зеленую стену вдоль побережья. Затем он добился, чтобы вожди на других плотах обратили на него внимание, и приказал им также открыть огонь по джунглям. Приказы были переданы тут же, как только вытащили из воды людей.

Третье боевое каноэ, то, что вышло из устья, оказалось под командой храброго до глупости вождя. Он стоял на носу каноэ, потрясая своим копьем и понукая гребцов изо всех сил приналечь на весла. Очевидно, он решил протаранить первый плот или же вылететь на него и потом взять на абордаж.

Лучники вуфеа всадили стрелу ему в бедро и шесть стрел соответственно каждому гребцу. Но он встал на колени за драконовой головой и велел своим людям, чтобы они гребли дальше. Каноэ пошло чуть медленней, но не настолько, чтобы удовлетворить Улисса. Он поджег бомбу и швырнул ее как раз в тот момент, когда гребцы побросали свои весла и встали с копьями в руках. Казалось, ничто не могло ее остановить.

Бомба Улисса разметала переднюю часть каноэ, а вместе с ней и вождя. Внутрь развороченной лодки хлынула вода и снесла остатки корпуса, который тут же ушел под воду, исчезнув буквально перед самым носом мореплавателей.

Бомба шлепнулась так близко, что оглушила и ослепила всех на плоту. Но Улисс, зажмурившись, все же увидел, что случилось в следующий момент. Члены экипажа разбитого судна плавали оглушенны-

ми или мертвыми в воде. Они пошли ко дну, схваченные и утаскиваемые многозубыми челюстями.

Леопардо-люди на берегу все еще наносили тяжелый урон своими копьями. Улисс поджег следующую бомбу и кинул. Она упала, взорвавшись только после приводнения. Над берегом взлетел вверх гигантский фонтан воды, но ущерба никому не причинил. Однако он, должно быть, вызвал панику среди врага, потому что огонь прекратился. Улисс приказал грести к берегу. Оставаться на озере было слишком опасно. Оно буквально бурлило безногими крокодилами. Путешественники не знали, куда от них деться. Да и гиппопотамы-грызуны нападали на людей в воде.

Остальные два каноэ, полные мертвых и умирающих, уплыли. Огонь стрел был смертелен. Итак, победа! Улисс мог быть удовлетворен. Это произошло благодаря храбрости его людей, а также четкой дисциплине, что и дало нужный эффект.

Теперь лучники обратили свое внимание на густую листву чащи. Крики жертв подтвердили, что стрелы нашли невидимых врагов. Когда плоты ударились о берег, люди схватили свои ящики и тюки и рванули на несколько ярдов в заросли. Там они остановились и перевели дух.

Улисс послал нескольких человек к плотам, чтобы грести вдоль берега, пока не будет достигнут противоположный край озера. Он пересчитал своих людей. Двадцать погибли. Оставалось сто, из которых десять были ранены. А их путешествие, как таковое, только начиналось.

Они прошли вдоль берега без каких-либо дальнейших осложнений. В конце озера догнали плывущие плоты, взобрались на них и продолжали свой путь по течению. Здесь канал сузился и течение стало стремительней. По-видимому, они оказались на крутом спуске к ветви, потому что начали двигаться со скоростью пятьдесят миль в час.

Улисс спросил Глика, безопасно ли продолжать свой путь на плотах? Глик заверил его, что безопасно на следующие десять миль. Потом придется пристать к берегу, ибо дальше на целых три мили спуск превратится в сплошное падение.

Улисс поблагодарил, хотя ему не доставляло большого удовольствия беседовать с летучими мышами. В течение битвы они укрывались за лучниками и держались друг друга. Улисс признался сам себе, что не вправе ждать от них помощи в битве. Это не их дело. Но его не оставляло подозрение, что Глик видел засаду. Он должен был лететь очень низко над уровнем реки и во всяком случае заметить боевое каноэ. Правда, мог и не заметить. К тому, если бы он вел их в ловушку, с какой стати ему было оставаться с ними? Ведь он подвергался той же опасности, что и остальные.

По реакции Глика Улисс понял, что тот его не боится. Он уловил только полное презрение к своему мнению. Не то чтобы он не доверял

летунам, но всем нутром чувствовал, что в действительности дулулики работают на Вурутану или на свой народ.

Плоты продолжали двигаться с той же скоростью. Через некоторое время они услышали глухой рокот водопада. Поющий Медведь позволил плотам мчаться еще три минуты, а потом приказал их бросить. Как и было задумано, он прыгнул с края плота первым. За ним гуськом двинулись и прыгнули остальные. Двое шлепнулись в воду, когда плоты врезались в отмель. Один споткнулся и грохнулся между берегом и плотом. Второго унесло прочь.

Оставшиеся на плотах побросали все запасы, за исключением бомб, на берег. Улисс не доверял стабильности пороха после удара. Бомбы передали из рук в руки.

Улисс уходил последним. Он глядел, как шесть плотов уплывает по течению, ударяясь о покрытые мхом прибрежные деревья. Потом канал свернул и плоты скрылись за густой листвой. Через несколько миль отряд вышел к водопадам. Течение бурлило в сужающемся канале и, вырываясь на ствол дерева, низвергалось в пропасть. Улисс подсчитал, что до земли было восемь тысяч футов, что делало водопад вдвое выше знаменитого водопада Ангела в Венесуэле его времени.

Отряд перебрался на другую ветку, где струился только маленький ручеек десяти футов шириной и трех глубиной. Они двинулись вдоль берега, хотя проще было бы идти по ручью. Но там, в воде, водились удивительно красивые, но очень ядовитые рыбы, а также несколько безногих крокодилов. Он решил их назвать сколигостерами, в честь похожих животных в легендах Паули Баньяна.

Перед сумерками они сделали еще один переход по мосту «Виа а лиана». Они проследовали вдоль этой ветви, пока Глик не нашел огромное дупло у сочленения ее со стволом. Он сказал, что там можно переночевать, если их не выгонят какие-нибудь животные, использующие эту дыру в качестве дома.

— В Дереве встречается множество таких пещер, — сказал он, — особенно там, где ветви отходят от ствола.

— Раньше что-то я ни одной не видел, — проговорил Улисс.

— Ты не туда смотрел, — ответил, усмехнувшись, Глик.

Улисс промолчал. Он не хотел выдавать своих подозрений относительно этих созданий. Все же стоило пойти на соглашение. А потом, Глик, возможно, даже больше заинтересован в надежном убежище, чем он сам. Но с другой стороны, хорошее убежище может стать удобным местом для врага, чтобы поймать тебя в ловушку. Что, если леопардолюди выследят их, а потом окружат?

Наконец Повелитель принял решение. Его людям необходимо место, где они смогут отдохнуть и спокойно поговорить. К тому же раненым необходима передышка, иначе некоторых придется нести на себе.

— Отлично, — сказал он. — Мы разобьем лагерь на ночь в этом дупле.

Улисс не сказал, что собирается остановиться там на несколько дней. Он не хотел, чтобы Глик что-то знал о его планах.

Никто не занимал дупло, и некого было выгонять, но обглоданные кости и разбросанные куски мяса указывали на то, что хозяин — огромное животное, и оно могло скоро вернуться назад. Поющий Медведь велел вынести и выкинуть отбросы, и отряд вошел внутрь. Вход был двадцати футов шириной и семи высотой. Пещера напоминала полусферу сорока футов в диаметре. Стены казались тусклыми и отполированными, словно их обрабатывала человеческая рука. Глик же заверил, что это естественный феномен.

Собрали сухие ветки и, сложив в кучу у входа, разожгли костер. Ветер занес немного дыма внутрь, но это не причиняло особого неудобства.

Улисс сидел, прислонившись спиной к глянцевитой стене, а через некоторое время к нему присоединилась Авина. Сначала она облизала свои руки, ноги и живот, потом почистила с помощью слюны ладони и вытерла ими лицо и уши. Удивительно, до чего же это универсальное чистящее средство — слюна! Через несколько минут ее шкура, пропахшая потом и кровью, стала абсолютно чистой. Правда, вуфеа платили за это комочками шерсти в желудке, но они применяли в медицинских целях различные травы, что избавляло их от этого неудобства.

Улиссу нравились результаты умывания, но не нравилась сама процедура. Зрелище было чересчур натуралистическим.

— Воины потеряли веру в себя, — сказала Авина, присев рядом с ним.

— Неужели? Они кажутся чересчур тихими, — сказал он. — А я думал, они просто устали.

— Это так. Но они хмуры. И ропщут. Они, правда, говорят, что Каменный Бог — очень великий бог, но здесь мы находимся в самом теле Вурутаны. А по сравнению с Вурутаной ты ничтожен. И ты не можешь уберечь наши жизни. Экспедиция только начинается, а мы уже многих потеряли.

— Я объяснил же, когда мы выходили, что некоторые погибнут, — сказал Улисс.

— Ты не говорил, что погибнут все.

— Но все и не погибли.

— Пока нет, — сказала она.

Потом, увидев, что он хмурится, добавила:

— Я не то хотела сказать, Повелитель! Это они так говорят! Да и не все. Но достаточно, чтобы от пересудов в душу запал страх. А некоторые толкуют об вуггрудах.

Она использовала слово УГОРТО, для ее произношения это было довольно сложной комбинацией звуков.

— Вуггрудах? Ах, да, Глик упоминал о них. Их считают гигантами, пожирающими всех пришельцев. Высокие, гадко пахнущие создания. Скажи, Авина, ты или кто-нибудь из вашего народа когда-нибудь видел вуггрудов?

Авина обратила на него темно-синие глаза. Облизала свои черные губы, будто те стали вдруг чрезвычайно сухими.

— Нет, Повелитель. Никто из нас их не видел. Но мы много слышали о них. Наши матери рассказывали нам страшные сказки. Наши предки знали их, когда жили ближе к Вурутане. И их видел Глик.

— Так говорит Глик?

Он встал, потянулся, а потом опустился вновь. Он собрался было прогуляться по пещере, взглянуть на Глика, но вспомнил, что не Бог должен явиться к смертному, а смертный к Богу. Он позвал:

— Глик! Сюда!

Корявый человечек поднялся на ноги и заковылял по залу. Он остановился перед Улиссом:

— Что, Господин?

— Зачем ты распускаешь слухи о вуггрудах? Ты стараешься, чтобы мои воины лишились присутствия духа?

Лицо Глика осталось спокойным.

— Я ничего такого не делал, мой Повелитель. Я не распускал никаких слухов. Только правдиво отвечал на вопросы, когда твои воины расспрашивали меня о вуггрудах.

— И что, они так ужасны, как говорят в твоих сказках?

Глик усмехнулся и сказал:

— Да нет, вряд ли вообще существуют такие ужасы. Но приятного в них мало.

— Мы на их территории?

— Если ты на Вурутане, ты на их территории.

— Я желал бы повстречать хоть нескольких вуггрудов и воткнуть в них свои стрелы. Тогда мы выбили бы страх из моих людей.

— Что касается вуггрудов, то ты все равно увидишь их рано или поздно, — сказал Глик. — И что скорее всего, будет слишком поздно.

— Ты стараешься запугать меня?

Глик вздернул бровь.

— Я, Повелитель? Стараюсь тебя напугать? Не я, Повелитель! Отнюдь!

И потом добавил:

— Это Вурутана, а не вуггруды, ввергает твоих воинов в такое глубокое уныние.

— Они храбрые!

«Я скажу, — подумал он, — что с Вурутаной ничего не поделаешь. Могучее и большое дерево, просто дерево. Но это только безмозглое растение, которое ничего не сможет с нами сделать. А остальные, краузмиддумы и вуггруды, просто личинки на его листьях».

Он должен объявить об этом утром. Сейчас они слишком устали и измучены. А после ночного сна, хорошего завтрака он скажет, что они могут отдыхать здесь несколько дней. И еще выдать им пламенную речь.

Он прогулялся вокруг, убедился, что дров достаточно и охрана выставлена. А потом вновь уселся у стены, пока раздумывал над будущей речью, незаметно провалился в сон.

А дальше...

Вначале он подумал, что его будят в караул, пришло время заступать на вахту. Потом осознал, что его кто-то перевернул навзничь и связал руки.

Произнесли слова на незнакомом языке. Голос казался самым глубоким басом, который ему приходилось когда-либо слышать.

Он огляделся. В пещере полыхали факелы. Их держали гиганты. Существа семи футов ростом. Очень короткие ноги, очень длинное туловище и громадные руки. Распределение волос на теле у них было сродни человеку, за исключением меха на животе и в паху. Кожа казалась белой, как у шведов, а волосы рыжеватыми и коричневыми. Их лица были человекоподобными, но гротескными, с круглыми влажными носами. Острые уши располагались на макушке головы. От них несло потом, грязью и дерьмом.

Вооружение гигантов составляли громадные шишковатые дубинки, деревянные, с длинной рукояткой молоты и копья с заостренными на огне наконечниками.

Существо, которое наверняка было вуггрудом, заговорило вновь. Сверкнули острые зубы.

Что-то запищало. Прошло несколько секунд, и он понял, что тоненький голосок принадлежал Глику. Он говорил с вуггрудами на своем языке.

Поющий Медведь почувствовал такую ярость, что, казалось, мог бы разорвать путы на своих руках. Но они выдержали.

— Ты грязная, вонючая, подлая тварь! Я убью тебя! — крикнул он.

Глик улыбнулся, обернулся и сказал:

— Да, да, конечно, мой Повелитель!

Он плюнул на Улисса и ударил его ногой по ребрам. Правда, удар принес больше вреда самому маленькому человечку, нежели Улиссу. Вуггруд что-то пророкотал, и Глика словно сдуло ветром.

Гигант потянулся, сграбастал Улисса за шею огромной рукой и посадил прямо перед собой. Его рука буквально придушила Улисса. Когда чувства вернулись, он увидел, что все его люди, как один, связаны. А, нет, не все. Около десятка лежали мертвыми с проломленными головами.

Задняя стена была сдвинута в сторону, открывая туннель. В подставках стен стояли факелы, освещая нутро туннеля.

Так вот каким образом их схватили! Но как несколько человек могли одолеть многих, даже если эти несколько — великаны? Что случилось с охраной? Почему шум драки не разбудил его?

Перед ним на корточки шлепнулся Глик. Он сказал:

— Я получил от вуггрудов порошок. Я подсыпал его в твою воду. И в воду остальных. Он действует медленно, но верно. И сильно.

Хитро. Вода была чистой, и ему в голову не пришло ее проверить.

Улисс огляделся. Авина сидела подле него со связанными руками. Мысль о том, что с ней сделали, привела его в исступление.

Он намеревался было спросить Глика, почему десять воинов убиты, но тут вуггруд наклонился и одним поворотом своей громадной лапы оторвал алканквибу ногу. Он кромсал плоть, отдирал большие куски и жадно проглатывал их, чмокая, жуя, чавкая и рыгая.

Улисс подумал, что его вырвет. Жалко, что не вышло. Авина отвернула голову: Глик и Гуак стояли в углу и казались совершенно равнодушными.

В пещере было десять людоедов — самое подходящее для них название, — и все жрали трупы. Потом они отбросили кости и стерли кровь со своих губ тыльной стороной ладони. Перед грудью они держали несъедобные куски мяса. Их вождь заревел молодецким рыком, когда Глик что-то сказал и указал на Улисса. Вождь ткнул грязным кровавым пальцем, и один из гигантов подошел, поставил Улисса на ноги и поднял за шиворот. Его пальцы впились в шею человека с такой силой, что, казалось, кровь рванет из лопнувших век. Гигант встал за спиной Улисса и концом своего копья толкнул его ко входу в туннель.

Улисс попробовал дать Авине знак, который сказал бы, что не все потеряно, но она продолжала сидеть, отвернув голову. Поющий Медведь шел по туннелю под шарканье своих длинных ног и потрескивание горящих факелов. Туннель понемногу загибался вправо, потом влево, выпрямлялся, загибался вновь, и, наконец, они очутились в громадной комнате в сердцевине ствола.

Кругом на стенах стояли факелы. Их дым поднимался к закопченному потолку и исчезал, очевидно, через вентиляционные отверстия. Зловоние также поднималось к потолку. Смрад стоял потрясающий, запахи отбросов и экскрементов казались незыблемыми. Они забили ему все горло, едва не задушив.

Стоящий за ним Глик вымолвил: «Ша!» — его эквивалент человеческому «Уф!».

С десяток взрослых самок и около тридцати подростков и детей заполняли комнату. Самки были таких же внушительных размеров, как и самцы, только еще более откормленными. Их груди, ноги, бедра и животы казались огромными и целомудренными. При виде мяса в руках самца они подняли жуткий крик. Самцы кинули им обглоданные останки, женщины и дети бросились есть.

Комната была разделена на две части. Меньшая располагалась в высокой нише на другом конце и содержала круглой формы предмет, висящий вертикально на стене. В нишу вели вырезанные в дереве ступени. Улисс полез туда, поскольку деревянное острие уперлось ему в спину. Вождь с Гликом последовали за ним.

Диск в действительности был мембраной, вставленной в окантовку живого дерева, выступавшего из стены. Рядом с ним находилось два деревянных штыря с чуть округлыми концами. Глик поднял их и стал постукивать по мембране. Улисс слушал и считал. Удары представляли собой определенного рода код, в этом он был уверен. Возможно, примитивная азбука Морзе.

Летучий человечек бросил стучать, и мембрана завибрировала. Ее поверхность изменяла форму, послышались звуки. Импульсы. Точки и тире.

Глик стоял, наклонив голову и навострив свои высокие ушки. Когда мембрана замерла, он застучал по ней снова. Потом остановился, вслушиваясь в новую, более длительную серию импульсов неравной продолжительности. Улисс смог выделить элементы типа точка-точка-тире-точка, тире, тире-точки и многие другие, но они, конечно, ничего ему не говорили.

Мембрана могла быть чем-то вроде барабанной перепонки или же телефонной диафрагмы. За ней, возможно, находится конец длинного растительного кабель-шнура, а на другом конце, бог знает где, надо полагать, имелось какое-то подобие приемника с другой мембраной.

Улисс подивился, зачем они сочли необходимым привести его сюда. Догадался он минутой позже, когда Глик начал задавать свои вопросы.

— Как ты собирался покорить Вурутану?

Улисс не ответил, и Глик сказал вождю, который тут же зарычал на гиганта за спиной Улисса. Улисс подпрыгнул, когда в него врезался наконечник копья, и удержался от крика, только стиснув губы.

Суть ответа не важна, решил он. Главное, выудить побольше сведений о Вурутане.

— У меня не было даже мысли завоевывать Вурутану, — ответил Улисс. — Я пришел сюда только для того, чтобы понять, что это такое.

Глик улыбнулся и сказал:

— Ты забыл, наверное, что еще собирался отправиться на юг, чтобы установить, существует ли там твой род.

Он застучал по мембране, а потом выслушал ответ.

— Вурутана решил, что тебя следует доставить в город моего народа, — проговорил он. — Вуггруды тебя проводят.

Он заговорил с вождем, который, казалось, сначала воспротивился. Но Глик принялся настаивать писклявым голосом, потом потряс своим кулачком и заверещал. Гигант угрюмо покорился. Улисса проводили вниз по ступенькам и вывели из зала. Как только они оказались в туннеле, он облегченно вздохнул:

— Глик, а что с Авиной? И моими людьми?

— А? Они пойдут на обед вуггрудов, конечно. Впрочем, я спрошу у них.

Он заговорил с гигантом, который буквально взревел от смеха.

Глик сказал:

— Ладно. Не всех твоих людей убьют. Во всяком случае, не сразу. Некоторых мы возьмем с собой и забьем по мере надобности.

Улисс вздохнул. Он хотел попросить, чтобы Авину захватили с ними. Мысль о том, что ему придется увидеть, как проламывают ей череп и разрывают на части тело, заставила его содрогнуться от рвоты. Было куда проще, если бы ее оставили, и ему не пришлось это увидеть. Но с другой стороны, оставалась возможность бежать, пусть сейчас чрезвычайно слабая. Если она останется, для нее все потеряно. С ним — она может выжить.

Но Глик его ненавидит и сделает все наперекор. Попроси он взять Авину, и можете быть уверены — ее оставят. Или, еще хуже, Глик, зная о привязанности к ней Улисса, может тут же забить ее на глазах Повелителя.

Но как же все-таки быть с Авиной? Нет, он не должен упускать даже тень надежды. Нельзя больше держать язык за зубами.

— Глик, — произнес он, — кажется, ты пользуешься здесь известным авторитетом, как представитель Вурутаны, кто бы он ни был. Как ты посмотришь на то, чтобы взять Авину с собой?

Глик усмехнулся и промолчал. Потом, когда они достигли конца туннеля, он проговорил:

— Ладно, посмотрим.

Он хотел помучить Улисса неизвестностью. Пусть. Улисс может и подождать. Все равно сделать он больше ничего не в силах.

Когда они вошли в пещеру, Глик приказал, чтобы Улисса поместили рядом с Авиной. Сделав это, он осклабился, и Улисс понял, какое тот получает удовольствие при мысли об их полной страданий и мук беседе. Как только он оказался рядом с ней, Улисс осторожно произнес:

— Используем первый шанс: заберись в мой карман и вынь нож.

Он увидел Глика, который на противоположном конце комнаты говорил что-то своей жене, а та смотрела на них и плотоядно улыбалась.

— Я прильну к тебе ближе и сделаю вид, что говорю, а ты залезь в мой карман, достань нож и открой лезвие. Знаешь как. А потом займешься веревками.

Он ухитрился приблизиться и наклониться к ней, двигая губами, будто что-то шепча. От нее несло потом и ужасом, она дрожала.

— Даже если он не заметит, если я смогу освободить тебе руки, что мы сможем сделать против них? — спросила она, кивнув на гигантов.

— Нас накрыли, — с тревогой сказал он, видя, что к ним направился гигант. Улисс похолодел, но вуггруд с безразличным видом уселся напротив. Лучшее, что мог сделать Поющий Медведь, так это вжаться в стену. Вскоре громадная голова поникла и гигант захрапел, разразившись раскатами грома. Остальные легли спать, за исключением одного, который стоял у входа. Тот, казалось, ни капельки не интересовался пленными. Да и зачем? Они все слишком устали и были такими маленькими, а он стоял между ними и внешним миром.

Тем не менее Улисса беспокоили Глик и Гуак. В любой момент каждый из них мог вспомнить о ноже и пойти отнять. Он не мог их видеть, но это вовсе не значило, что они не могли видеть его. Улисс понимал, что Глик жаждал насладиться его страданиями.

Но летучий человечек не приходил. Возможно, они решили вздремнуть перед началом тяжелого путешествия. Во всяком случае, Улисс горячо на это надеялся.

Поскольку никто их не видел, Авина работала быстро. Она перекатилась к нему спиной и залезла в карман. В такой ситуации ее женская гибкость и проворство рук и ладоней служили немалым подспорьем. Она сплела свои пальцы вокруг ножа и медленно потащила. Потом она вынула его, и когда нож чуть звякнул, они оба окаменели. Великан зевнул во весь рот и на мгновение поднял голову. Храп прекратился, Улисс подумал, что сердце у него ушло в пятки. Но голова гиганта снова упала на грудь, а храп возобновился.

Авина нажала кнопку, выскочило лезвие. Через десять минут неуклюжих попыток кожаные ремни были перерезаны. Улисс помассировал запястья и разработал руки, чтобы возобновить кровообращение. Затем, не спуская глаз с часового, который демонстрировал им свой звериный профиль, Улисс перерезал путы Авине.

Следующий шаг был критическим. Если часовой увидит или если летучие не спят, поднимется тревога. Что могли сделать два слабых пленника с окружавшими их гигантами?

Улисс шепнул Авине, чтобы она тихо пробиралась вдоль стены. Он медленно следовал за ней, пока спящий перед ними гигант не закрыл его от взора часового. Между тем Авина разрезала путы соседнего вуфеа. Тот отправился освобождать следующего. И так далее. Когда освободили с десяток, стало ясно, что всех до единого освободить не удастся.

Ни Повелитель, ни Авина не видели летучих человечков, но вуфеа сказал, что они сидят на корточках подле стены, прижав голову к коленам. Похоже, что они спали.

Факелы почти потухли, а огонь у входа погас давным-давно. Через некоторое время вход, а потом и сама пещера погрузились в серый полумрак. В любой момент часовой мог разбудить сменщика. Или разбудить по приказу всех разом.

Авина вложила нож в руку Улисса и прошептала:

— Они говорят, что готовы.

Он окинул взглядом гиганта. Часовой почесывал свою спину кончиком прутика и смотрел на отверстие. Луки, стрелы, копья, ножи, бомбы и поклажа пленников были сложены у входа. Оружие гигантов лежало на полу рядом с ними.

Улисс медленно поднялся и осторожно двинулся, стараясь наверняка остаться скрытым за вуггрудом, если вдруг часовой обернется. Он подкрался к нему, держа нож острием к себе, и одним ударом перерезал гиганту сонную артерию. Хлынул фонтан крови, хрипы перешли в клекот, и его голова упала к ногам Улисса. Тот поднял копье и, зажав окровавленный нож между зубами, побежал к часовому у входа.

За ним, как он надеялся, и остальные подхватили копья, мечи своих тюремщиков и применили их для смертоносного действия.

Один из гигантов вскрикнул.

Часовой опустил прутик и обернулся.

Улисс воткнул копье ему в живот, но то вошло не слишком глубоко. Видимо, удар оказался недостаточно резким, да и живот вуггруда был защищен многодюймовым слоем меха и массивных мускулов. Он весил, наверное, фунтов пятьдесят, а то и больше. Гигант вынул копье, отбросил его и напал на Улисса. Человек вцепился в копье и отпрыгнул. Ему ничего не оставалось, как бороться с вуггрудом. На счастье, часовой был безоружен.

Но тут часовой, ополчившись, остановился, схватил копье и метнул его так, что Улисс едва успел сделать шаг назад. Несмотря на хлещущую из живота кровь, гигант оказался достаточно проворным: он наклонился и вновь поднял копье, намереваясь пригвоздить Улисса к земле. Его сил вполне хватило бы, чтобы проткнуть даже телеграфный столб!

Улисс ввел в действие лезвие и протолкнул нож сквозь мех и мышцы, а потом рванул вверх. В тот же миг сзади на плечи гиганту вспрыгнула черно-белая фурия, а каменный нож врезался в правый глаз.

Гигант потянул копье и покачнулся набок. Улисс метнулся к ножу, который выскочил из живота, и вновь пустил его в ход, ибо гигант выпрямился, чтобы стащить с себя Авину. Улисс вонзил нож в пах гиганта, повернул лезвие и вытащил его наружу. Гигант схватился за живот, и Улисс резанул его ножом по тыльной стороне рук.

Запела тетива лука, и гигант пал со стрелой, пронзившей его шею. Авина перелетела через него, чтобы избежать удара. Она упала, когда гигант вытянулся на спине и испустил дух.

Улисс повернулся. Рев, крики и удары внезапно смолкли. Все гиганты лежали мертвыми. Большинство их убили во сне. Трое очнулись во время драки и угробили трех вуфеа.

Он повернулся назад, ко входу, и увидел Гуак, спрыгнувшую с ветки, и Глика рядом с ней.

Чертыхаясь, Улисс побежал за ними, выхватил лук и стрелы у вуфеа, который пристрелил часового, и выскочил наружу. Глик снялся с громадного выступа и полетел вниз, хлопая крыльями. Улисс наложил оперение стрелы на тетиву, бессознательно учтя ветер, прицелился и позволил древку выпрямиться. Стрела пронзила тонкую мембрану правого крыла.

Глик вскрикнул, завалился набок, но потом его крылья вновь захлопали, и он спустился в управляемом полете на соседний ствол. Там его уже поджидала Гуак.

Улисс наблюдал за ними несколько минут, пока жена Глика осматривала дыру в крыле, их рты ожесточенно работали. Улисс возвратился в пещеру и дал нож воинам, чтобы они перерезали путы остальным. Когда все поднялись и вооружились, он велел им идти во внутреннюю пещеру. Они жаждали мести. В большой пещере они за несколько минут перебили вуггрудов. Сначала они перерезали взрослых самок, которые были так же опасны, как и самцы, а потом перекололи всех младенцев и подростков.

Потом Улисс прошел в нишу и застучал по мембране. Ответ на этот раз был быстрым, непонятным и едва уловимым. Из тысячи доселе невидимых отверстий стен в них ударили мощные струи воды, сбили и покатили по полу. Они поднялись на ноги и были сбиты снова. Их волокло все дальше и дальше, пока они не оказались в уже полузатопленном туннеле. Задыхаясь, кашляя, спотыкаясь о тела убитых вуггрудов, скользя и падая, они добрались до внешней пещеры, а потом вышли наружу. И тут внезапный толчок бешеной воды чуть не сбросил их с ветви.

Через некоторое время поток уменьшился и исчез совсем. Улисс осторожно вернулся в пещеру, где смыло и уничтожило все трупы и тюки с поклажей. К счастью, большинство их задержали снаружи и убрали с пути потока.

Улисс подсчитал свое поголовье, остатки провизии и амуниции. Половина воинов имела луки и колчаны стрел. Уцелело десять бомб. В живых остались восемьдесят четыре воина, не считая его и Авины. Они устали, изранились и сбились в тесную кучу. Оперение стрел и тетива на луках вымокли и, таким образом, были сейчас бесполезны. Бикфордовы шнуры бомб также пропитались водой, а возможно, намок и порох. Ничтожным оказался запас пищи.

Ауфью, который теперь занял место вождя вуфеа, проговорил:

— Повелитель, мы готовы.

Он помолчал, потом добавил:

— Проводить тебя в наши деревни?

Улисс хотел посмотреть ему в глаза, но тот отвел их в сторону.

— Я отправляюсь на южное побережье узнать, существуют ли смертные, похожие на меня.

Ауфью не удивился, что Бог знает это. Он сказал:

— А что с Вурутаной, Повелитель?

— Пока что ничего.

Да и что он или кто-то другой мог сделать? Вурутана был всего лишь деревом, а того, кто был у власти, кто контролировал летучих мышей, вуггрудов, а возможно, и леопардо-людей, найти было невозможно. Во всяком случае пока. Дерево было слишком обширным. Контролирующая и управляющая сила могла скрываться в любом месте. Но когда-нибудь он возьмет летучего человечка за жабры и выбьет из него местонахождение короля Вурутаны.

А может быть, и нет. Стоит ли вообще, подумал он, искать этого скрытого правителя? Пока тот остается на дереве и не зарится на Внешние земли, позволив делать ему все, что заблагорассудится. Улисс пришел сюда лишь потому, что не знал, что такое Вурутана. И потому, что ему казалось, что вуфеа и остальные думали, будто Вурутана для них опасен и что Каменный Бог мог для них что-то сделать.

А с Деревом ничего не поделаешь. Оно должно будет постоянно расти, пока не покроет всю землю. Вуфеа и остальным придется либо приспособиться к нему и жить на нем, либо построить лодки и плыть в другие земли.

— С Деревом ничего не сделаешь, — повторил Улисс. — А что делать нам? Что до меня, то я пойду дальше, разведаю земли вдоль берега моря на юге. Если вы хотите бросить меня, пожалуйста. Я не хочу, чтобы за меня стояли трусы.

Он не хотел говорить таких слов. Эти люди были не трусы. Улисс не винил их за чувство подавленности и потери, за стремление вернуться. Он чувствовал то же самое, но отступать не собирался.

— Правильно, трусы! — сказала Авина. — Идите назад в свои деревни, в свои племена, несите свой позор! Дети и женщины засмеют вас. Вас похоронят в земле, оставленной трусами. Духи предков будут плевать на вас из Счастливого Варграунда.

Ауфью дернулся, будто она ударила его хлыстом. Он беззвучно выругался, а его темно-синие глаза сверкнули. Это было самое мерзкое оскорбление, которое можно было услышать от мужчины. Но от женщины! Тем более от женщины, которая прошла сквозь те же тяготы и лишения.

— Я ухожу сейчас же, — сказал Улисс. Он указал на юг. — Ухожу туда. Я не вернусь обратно. Вы можете пойти за мной или нет — ваше дело. Больше мне нечего сказать.

Ауфью, казалось, разрывался на части. Мысль о том, что придется идти обратно без Каменного Бога, который указывал путь и заботился о них, была хуже всего. Они зашли так далеко, потому что он выводил их из всех затруднительных положений. И потом, даже если они

вернутся без него обратно, им придется объяснять, почему они покинули Каменного Бога.

Улисс взвалил мешок с провизией и двумя бомбами на плечи и сказал:

— Пошли, Авина.

Он прошел через вход в дупло и начал прокладывать себе путь вокруг ствола. Когда выбрались на другую сторону, где начиналась соседняя могучая ветвь, Улисс передохнул. Потом услышал шум за своей спиной и спросил:

— Авина, они пошли?

— Пошли! — сказала она, улыбнувшись.

— Господи! Тогда поспешим!

Он остановился в сотне ярдов, там, где из-за впадины на вершине ветки била вода и бежала дальше по глубокому желобу. Пятьюдесятью ярдами дальше желоб переходил в широкий канал, бегущий вперед многомильными потоками. Улисс подождал остальных, чтобы те перебрались вокруг ствола, цепляясь за выступы коры, и, когда все добрели до источника, проговорил:

— Спасибо за то, что остались преданными. Я не могу обещать большего, чем вы имеете. Но если мы найдем какое-нибудь богатство, что-нибудь ценное, то разделим добычу поровну.

Некоторые молчали, некоторые пробормотали:

— Мы будем только рады, Повелитель.

— Теперь, — сказал Улисс, — мы вновь построим плоты. Но поплывем на них, остерегаясь всяких безногих тварей и громадных водяных крыс, которые так и жаждут стащить нас с плотов.

Пока треть людей срезала похожие на бамбук растения на шесты, бревна и лианы для связки бревен, он послал вторую треть на стражу. Оставшиеся занялись охотой. Через некоторое время плоты были готовы к отплытию, а охотники вернулись с тремя козами и четырьмя обезьянами, ленивцем и большой страусоподобной птицей. Они разожгли костры, разделали туши и повесили их жариться. Когда запах мяса достиг ноздрей, их сердца воспрянули. После долгого перерыва послышались вновь шутки и смех. А потом вернулись Улисс с Авиной со связкой из восьми рыб.

Пока Авина потрошила и готовила рыбу, Улисс размышлял над недавними событиями и о том, что делать дальше. Хотя он и не видел летучих людей, с тех пор как двинулся вокруг ствола, он верил, что ничто не помешает им его выследить. Все, что им потребуется, так это держаться подальше от их стрел. А когда они соберут побольше леопардо-людей или вуггрудов, которые, по его убеждению, произошли от медведей, то пошлют свою банду на его военный отряд.

Более того, в округе должно быть еще много пещер с диафрагмами и мембранами. Может быть, существовала целая сеть, связывающая дерево с несколькими центральными органами управления. И возмож-

но, во главе всего стоял правитель летучего народа. Но хотя у него не было никаких оснований, он чувствовал, что Вурутаной окажется кто-то другой, а не народ Глика.

Если он достигнет южного побережья, то может вдруг оказаться, что Глик ему соврал. Он мог рассказать Улиссу эту историю о живущих там людях только в дополнение к сказке, чтобы заманить его на Дерево.

Выходит, ему оставалось только одно. Идти вперед, верить в судьбу, в ловкость и храбрость своего народа. Но если бы у него на пути стоял город летучих людей, он бы вторгся в него без промедления. Даже если летучий народец не был правящей силой или сущностью Вурутаны, а был бы его исполнителем. Он, во всяком случае, мог дать ценную информацию.

Он не видел солнца, потому что с обеих сторон над головой высились стволы, ветви и растения, но большая часть света, казалось, все-таки прорывалась сквозь верхние этажи зеленого свода. Он дал приказ выступать, они взошли на четыре плота и проплыли без затруднений около десяти миль. А потом, когда солнце вошло в последнюю четверть, они увидели Глика, летящего параллельно их курсу. Он был в шестидесяти футах слева, и на такой высоте, когда его едва было видно над верхушками деревьев, которые заполняли пространство между руслом и одной стороной ветки. Когда он увидел, что за ним наблюдают, то захлопал крыльями быстрее и исчез за стеной зелени. Несколькими минутами позже они увидели его сидящим на ветке гигантского красного дерева, растущего на громадной ветви.

Некоторые воины хотели подстрелить его, но Улисс велел не тратить зря стрелы. Он прикинул, где могла быть Гуак, и тут до него дошло, что скорее всего она улетела вперед, предупредить вуггрудов и краузмиддумов. Или, возможно, отправилась в столицу дулуликов, чтобы привести их вниз и натравить на пришельцев.

Плоты прошли мимо дерева, на котором сидел Глик. Он наблюдал за ними, пока ручей не свернул и не скрыл его с глаз. Мгновением позже они увидели его летящим вдоль потока, а потом он исчез. Но вернулся и опять уселся на ветку красного дерева. На этот раз он был настолько близко, что Улисс смог разглядеть дыру в крыле, куда попала стрела.

Глик оставался на ветке, пока плоты не исчезли за плавным изгибом реки. На мгновение он пропал из виду, и Улисс спрыгнул с плота и помчался сквозь густые заросли. Он надеялся, что сможет достичь края ветки, пока не взлетит Глик. Во всяком случае тот не торопился. Отряд, за которым летун наблюдал, не мог уйти слишком далеко.

Чтобы быстрее перебраться на другую сторону, Улисс наделал куда больше шума, чем хотелось бы. Будь он Тарзаном, он мог бы одним махом перелететь с ветки на ветку по паразитирующим деревьям, да

и так, будь у него побольше времени, он бы, наверное, попробовал. Но как раз времени-то он не имел, поэтому Поющий Медведь продирался сквозь кущи деревьев, липких стволов, многоветвистых кустарников, колючек и лиан. Он нес лук, поднимая или вытягивая его перед собой, но густые заросли мешали, когда из колчана выскакивали стрелы и ему приходилось останавливаться, чтобы засунуть их обратно.

Наконец он положил колчан на землю и взял две стрелы в руку. После этого дело пошло быстрее. Дважды он вспугнул оленя с чихуахуа ростом и раз отскочил от шипящей змеи с треугольной головой и бегущими побоку черными, желтыми и оранжевыми шевронами.

Он выбрался на край как раз в тот момент, когда Глик сорвался с ветки, расправил крылья и, захлопав ими, полетел прочь. Он то снижался, то поднимался, пролетая вдоль ветки в двенадцати футах от куста, где спрятался Улисс. Улисс выскочил, прицелился, упреждая Глика, и опустил тетиву. Стрела прошла сквозь правое ухо и ушла вперед.

Глик заверещал и повалился на бок. Улисс пробрался к самому краю ветки и вложил новую стрелу. Но тут Глик тихо вскрикнул и задержал падение. Сейчас он находился в пятидесяти футах впереди и ниже Улисса, и тому пришлось взять чуть ближе к цели.

Стрела прошла сквозь правое крыло и плечо Глика. Должно быть, она вырвала только кусок мяса на правом плече, потому что оно продолжало работать. Но все равно, Глик был ранен и стал падать, уносясь на крыльях в мрачную пропасть. Улисс постарался проследить за ним до конца, но потерял его в сумраке и переплетении растительности.

Если летучая мышь ни обо что не ударится, она скорее всего очухается и благополучно приземлится. Улисс вдохнул и вернулся к плоту. В первый раз он испугался за свою жизнь!

— Остановитесь на следующем повороте, — сказал он, вспрыгнув на плот. Он рассказал им, что произошло, и, хотя все были разочарованы, но несказанно обрадовались, узнав, какое ужасное происшествие случилось с Гликом.

После остановки в нужном месте плоты затащили в чащу, где перерезали узлы лиан и засунули бревна в кусты. После этого перешли на другую сторону и начали трудный путь на соседние ветви. Горизонталь оказалась вертикалью, пришлось карабкаться.

До сумерек они были уже в одной из громадных каверн, которая вывела на другую сторону ветви. То и дело встречались животные: обезьяны, макаки, бабуины или коты, достигшие размеров леопардов и развившиеся из обычных домашних кошек. Их хозяин однажды вышел из дома прогуляться, а когда вернулся, нашел свою киску величиной с теленка и с тигриными клыками. Он не стал спорить с ней насчет логовища.

— Мы останемся здесь, пока не кончатся мясо и вода, — сказал Улисс. — Если Глик не убит и не смертельно ранен, он вернется. Но вряд ли он захочет встретиться с нами. А если захочет, то получит стрелу в живот.

Улисса не прельщало скрываться, потому что его люди нуждались в действии. Но если он махнет рукой на летучего, бездействие и обстановка лжи вокруг заключенных будет еще хуже.

Следующим утром он несказанно обрадовался, что вовремя спрятался. Его разбудила Авина, которая доложила, что странные голоса, много голосов, раздаются, и где-то близко. Он подобрался поближе к отверстию и прислушался. Такие высокие тонкие голоса могли принадлежать только дулуликам. Они перекликались друг с другом, летая над джунглями или ковыляя среди растений. Хотя и немного, их шум усиливался в джунглях, потому что их крылья могли зацепиться и запросто порвать мембраны.

— Мы останемся здесь на весь день, — сказал Улисс, — но если они будут здесь и завтра ночью, мы выйдем и поймаем одного.

Они забрались как можно дальше в пещеру. И сделали это как раз вовремя, потому что часом позже мимо пролетел летучий человечек. Он мчался довольно быстро, но было очевидно, что он заметил трещины и пещеры сбоку ветви.

После того как пролетел дулулик, Улисс подобрался к одному краю входа и жестом приказал вождю вуфеа подойти к другому. Как он и ожидал, летучая мышь решила вернуться и взглянуть поближе. Их маленький дружок бесстрашно спустился в отверстие и прошмыгнул внутрь настолько быстро, что пришлось даже немного пробежаться, прежде чем он смог остановиться. Это было довольно глупо, и летучая мышь, должно быть, даже не подозревала, что там кто-нибудь есть. Возможно, он только подчинился приказу и решил осмотреть дыру, лишь следуя заведенному порядку.

Если так, жизнь его кончилась. Лазутчика схватили сзади, свет померк в его глазах и сменился сумраком пещеры. Громадная рука заткнула ему рот, а ребро жесткой ладони рубануло по тонкой шее.

Улисс связал потерявшего сознание летучего человечка и всунул в рот кляп. Когда он увидел, что глаза человечка открылись, он объяснил ему на аурате, что следует делать, если тот хочет остаться в живых. Летучая мышь кивнула, что повинуется, и кляп вынули. Но к горлу приставили острый нож.

Его звали Кукс, и он служил в специальных силах нападения. Кто вызвал их сюда?

Кукс не ответил. Улисс чуть согнул, выворачивая, худую ножку, а Ауфью зажал рукой человечку рот. Кукс все равно молчал, и тогда Улисс проковырял несколько дырочек в его крыле. После соответствующей обработки Кукс заговорил. Он сообщил, что донесла им Гуак, жена Глика.

«Если так, то город летучих мышей недалеко отсюда, — подумал Улисс. — Видно, такова судьба».

Но Кукс его разочаровал. Он сказал, что перед ними лишь маленькое поселение, аванпост.

— Сколько дулуликов в его атакующем отряде?

— Около шестидесяти.

В тот момент у Улисса не было возможности это проверить.

Как они планировали уничтожить пришельцев?

Спрашивая, он изучал деревянные дротики, увенчанные каменными наконечниками, на поясе вокруг тела Кукса.

Дулулики наверняка метали дротики в воинов врага. А краузмиддумы использовались для нападения на земле.

В этот момент приземлился еще один летучий. Он подлетел, остановился снаружи и лишь на несколько шагов прошел внутрь. На него накинулись алканквибы, стоявшие по бокам входа, но тот нырнул в дыру и был таков. Однако вуфеа послали вслед ему стрелу, и летучий без звука свалился вниз. Они скрючились в дупле, ожидая, какой поднимется переполох, когда заметят пронзенного стрелой человечка. Но криков не было.

— Они расшумятся чуть позже, — сказал Улисс. — И тогда будут искать пропавших солдат, могу поспорить.

— Что нам делать? — спросила Авина.

— Если они не начнут искать до сумерек, то мы скроемся отсюда. Мы уйдем обратно в верхние джунгли. Ну а если они найдут нас до темноты, черт побери, нам останется только драться.

Он не добавил, что летучие могут просто заморить их голодом.

Кукс ответил на некоторые вопросы. На другие — не захотел. Он был такое хрупкое создание, что не выдерживал сильной боли. И когда она становилась невыносимой, он терял сознание. А когда приходил в себя и его начинали пытать снова, он опять лишался чувств.

Он не сообщил им, где находится город дулуликов. Не сказал, что город содержит «дух» Вурутаны и где находится сам Вурутана. Он утверждал, что не знает, никогда не видел Вурутаны. Его лицезрения удостаиваются только вожди. Во всяком случае так он предполагал. Но Кукс никогда не слышал, чтобы кто-то из вождей говорил, что видел Вурутану. Или, по крайней мере, «дух» Вурутаны. Дерево — это его тело.

Вурутана был богом дулуликов. Так же, как леопардо-людей и медведе-людей, хотя те же вуггруды имели и еще несколько других богов.

Улисс дивился глубине контроля Вурутаны. Он спросил, не враждовали ли краузмиддумы и вуггруды между собой.

— Да, — сказал Кукс. — Каждое племя враждует со своим соседом. Но никто не воюет против нас, все подчиняются голосу Вурутаны.

— А сколько вообще дулуликов?

Кукс не знал. Он утверждал это, несколько раз теряя сознание, а значит, действительно не знал. Слышал только, что много. Очень много. А почему бы и нет? Они были любимцами Вурутаны.

Существовали ли на южном побережье люди, похожие на Улисса?

Кукс не знал, но он слышал, что были. К тому же побережье было во многих перелетах отсюда, и только некоторые летучие человечки забирались так далеко.

Наконец наступили сумерки. Кукс вновь потерял сознание. Кончили летать его сородичи. Улисс подумал, что они искали дальше по течению. Видимо, они обнаружили, что двое из них пропали, но не знали когда. К тому же искать в темноте было совершенно невозможно.

Как только он решил, что стемнело предостаточно, он дал приказ выступать. Кукса привязали к спине Улисса и заткнули рот кляпом. Улисс дал слово, что летучего помилуют, если он даст информацию. Конечно, Кукс ответил не на все вопросы, но сказал достаточно, и Улисс восхищался храбростью и стойкостью маленького человечка. Он знал, что опасно быть сентиментальным к врагу, но ему совсем не хотелось убивать мужественного маленького мальчика. К тому же тот мог пригодиться в дальнейшем.

Они вернулись туда, где спрятали шесты и бревна плотов. Плоты связали, и отряд отправился вновь по течению. Лунный свет был достаточно ярок, видно, лучи пробивались в прогалы между ветвями. Раз тонкий луч высветил громадные круглые черные предметы впереди них. Раздалось фыркание, и из нескольких отверстий в теле ударили струи воды. Потом вода забурлила, и существо исчезло. Появись громадные выдры около них или еще хуже, под плотами, все бы перевернулись. Но все кончилось благополучно.

Несколько раз Улисс замечал казавшиеся бесконечными шеренги безногих крокодилов, выскальзывавших из-под серебристо-черных кустов прямо в черную воду. Он с дрожью ждал, что вдруг из бурлящей воды вылезут на плоты тупорылые многозубые головы и сомкнут клыки вокруг чьих-то ног, а может быть, и вокруг его собственных. Или ударит могучий хвост в темноте, и вот уже рушатся кости, рвется плоть и падают в поток бездыханные тела.

Но путешествие шло без приключений. Жутко кричали птицы и неизвестные животные. Затем течение усилилось, и они поплыли так быстро, что не нужно было все время орудовать шестами. Только изредка приходилось отталкиваться от берега, чтобы в него не врезаться.

Ветка быстро понижалась, хотя в темноте люди на плотах этого почти не замечали. Если бы не возросшая скорость потока, им бы показалось, что они плывут по равнине.

Улисса скорость радовала и волновала. Он опустил Кукса и плеснул ему в лицо водой. Вода заставила бесчувственного летучего открыть глаза.

— Я хочу пить, — прокашлял он.

Улисс зачерпнул тыквой побольше воды и приподнял голову Кукса, чтобы тот мог напиться. Затем проговорил:

— Кажется, впереди водопад. Ты что-нибудь об этом слышал?

— Нет, — угрюмо проговорил Кукс, — я ничего не знаю о водопадах.

— Уточни, что ты имеешь в виду, — сказал Улисс. — Ты никогда не бывал в этой местности или же впереди нет никаких водопадов?

— По пути сюда я не пролетал над концом этой ветки, — проговорил Кукс.

— Ладно, ладно, — сказал Улисс, — сами узнаем, есть там водопады, или нет. Мне хочется убраться отсюда как можно быстрее, и мы останемся на плотах до конца. Пусть будет трудно, но я надеюсь, мы покинем плоты в самый последний момент.

Будущее представлялось Улиссу достаточно ясно. Кукс не настолько страдал, чтобы не сообразить, что с ним случится. Сейчас каждому было до самого себя, и даже Кукс, с его истерзанными руками и ногами, понимал, что зависит от того, кто смог бы доставить его на берег. А разве найдется у кого-то время и силы, чтобы вынести или выбросить его на отмель, даже если появится такое желание?

Через некоторое время Кукс заговорил вновь. Очевидно, он чувствовал к себе глубокое отвращение. Он изо всех сил старался держать язык за зубами и не проронить ни слова. Но не смог выстоять перед лицом смерти на самом краю ветки. Возможно, подумал Улисс, умереть в воде было для него самым ужасным.

— Смерть в потоке, — вымолвил он медленно. — Нам осталось три мили. Там первый водопад.

Улисс подумал, что, возможно, Кукс еще не сломлен. Он может лгать, чтобы заманить их в ловушку, послать их на смерть в пучину и погибнуть вместе с собой.

— Мы пройдем еще около мили, — сказал на всякий случай Улисс, — потом бросим плоты.

Было достаточно света, чтобы разглядеть лицо Кукса. Как и раньше, лунный свет пробивался сквозь древесную путаницу в тысяче футах над головами. Лицо летучего человечка казалось непроницаемым, как кусок дубленой кожи.

Резкий крик заставил Улисса броситься вперед. По его телу пробежал озноб. Он обернулся — взглянуть, куда указывала Авина. В пятидесяти футах от них из заполненной землей трещины росло громадное дерево. Оно было всего пятидесяти футов высотой, но простиралось горизонтально на восемьдесят футов или около этого по одну сторону массивного ствола. Крик донесся откуда-то с одной из его ветвей. Через мгновение он увидел кричавшего. Повинуясь крику, мно-

жество темных тел сорвалось с гробообразного выроста в пропасть под гигантской ветвью, где росло дерево. Распростерлись огромные крылья, и маленькие летучие человечки исчезли за грядой растительности. Через минуту человечек-заводила из них появился вновь, натужно махая крыльями и стремясь пролететь над плотами. А еще через минуту их стало куда больше.

Улиссу оставалось только одно. Если его люди останутся на плотах, они окажутся беззащитными перед нападением сверху. Хуже того, им придется вскоре покидать плоты в куда более трудных условиях, да еще под огнем противника.

Он отдал приказ, и шесты — по одну сторону — коснулись дна. Плоты двинулись к берегу, люди попрыгали на песок и кинулись в кусты. Улисс стал выкидывать тяжеленные тюки на берег. Можно было надеяться, что от сотрясения черный порох не взорвется. Ящики с бомбами упали в кусты без каких-либо инцидентов.

Затем он поднял Кукса и швырнул его с такой силой, что плот накренился. Маленький приятель, вереща, грохнулся лицом прямо в самую чащу. Его подобрал вагарондит Вулка.

В тот же миг на плот кинулся первый летучий, сжимавший в руках короткую пику. Но достигнуть цели ему так и не удалось, стрела воткнулась ему в грудь, и он упал в воду с глухим плеском. Громадный безногий клубок выскочил из кустов на противоположном берегу, заверещал и помчался над рекой.

Улисс выстрелил, отметив, что его стрела прошла сквозь плечо летучего человечка, потом повернулся и спрыгнул на берег, не дожидаясь, когда тот упадет в воду. Он вытянул лук перед собой в правой руке, а левой схватился за ветку. В ладонь впилась колючка, и он вскрикнул от боли. Но руку не разжал.

Что-то ударилось о землю около его правой ноги. Это оказалось ядро, кинутое или сброшенное одним из летучих. Улисс прыгнул на ветку, перемахнул через нее и больше не думал о своем луке и стрелах. Он продирался сквозь чащобу до тех пор, пока не оказался под громадным вздымавшимся кустом, и тогда кликнул своих вождей и Авину. Наконец-то они отозвались. Повинуясь его приказу, они промчались сквозь чащу и оказались рядом со своим Повелителем. Все это время летучие мыши вились над джунглями, бросали и швыряли ассегаи, дротики и пуская маленькие стрелы. Но никто не пострадал, и через некоторое время летучие прекратили свою бесполезную работу. Они истратили слишком много боеприпасов.

К тому же они понесли потери: стрелы сбили пятерых летучих. Утомившись, летучие твари удалились на дерево совещаться.

Злясь на свое отступление, они жаждали реванша. Их враги могли двигаться только в одном направлении, а потом им пришлось бы спуститься или подняться по стволу, чтобы перейти на другую ветвь.

Если же враги задумают отсидеться в густых зарослях этой ветви, их все равно будет ждать неизбежное. Летучий народ высадит свой десант и, так или иначе, их выкурят. Особенно если крылатым тварям удастся избежать открытой битвы.

Улисс постарался сосчитать своих людей и врагов, пока те гудели в залитой лунным светом темноте. На его взгляд, их было около сотни. Сейчас они все улетели, за исключением нескольких часовых, которые вились и мельтешили вокруг, оставаясь, правда, за пределами досягаемости отряда лучников.

Улисс притаился под веткой, обдумывая, что делать дальше. И пока он думал, его все время донимал какой-то слабый бормочущий звук. С минуту он тихо вслушивался, вспоминая, где он слышал что-то подобное. Наконец до него дошло — это был отдаленный рокот водопада.

Он отдал распоряжение стоящей неподалеку Авине, которая передала его дальше. Вышла небольшая заминка, потому что отряд, по большей части, не желал расстаться с их теперешним убежищем. Оно давало им превосходную защиту, но Улисс знал своих «людей» и отлично понимал, как надо с ними обращаться. Он прикрикнул и пообещал, что в будущем их не ждет ничего хорошего, если они откажутся повиноваться. Уразумев, те действовали достаточно быстро. Они не заглядывали далеко в будущее, им вполне хватало и настоящего.

Конец ветви или, скорее, то место, где она резко поворачивала на девяносто градусов к горизонту, находился в двух милях отсюда. Из-за густоты зарослей, а также из-за приказа идти тихо и осторожно отряд продвигался очень медленно.

В четверти мили от места их высадки Улисс вдруг увидел черно-белую пену. Он взобрался бы на какое-нибудь высокое дерево, чтобы получше оглядеться, но надо было увериться, что его не заметят летучие мыши, постоянно снующие над головой. Как он и надеялся, поднялся туман, видимость несколько уменьшилась. Однако с вершины дерева водопад был виден, и его рокот не заглушался джунглями.

Поющий Медведь собрался уже спуститься обратно, но тут увидел хлопающего крыльями дулулика. Улисс вжался в дерево и постарался слиться с наростом коры. Лунный свет не падал прямо на Улисса, хотя сквозь листву его пробивалось достаточно, чтобы сделать сумрак скорее серебристым, чем черным. Мимо пролетел летучий человечек, махая крыльями так медленно, будто он только что вырвался из стойла. Затем его крылья забили быстрее, и человечек вцепился в ветку. Он направился к стволу, двигаясь через бледно-желтые и черные пятна света, а лунные лучи отражались от его круглой головы и крыльев, казавшихся более темными, чем тело. Летун спланировал вниз-вверх-вниз над вершинами кустов и поднялся повыше, выбирая окончательное место для ночлега.

У него не было когтей уцепиться за ветку, но он вытянулся и, чтобы не рухнуть головой вниз, схватился за маленький сучок. Сложив крылья, человечек отвернул свое лицо от Улисса.

Поющий Медведь внимательно разглядывал непрошеного гостя. На летуне был пояс с каменным ножом, в руке он нес короткую тонкую пику. Со шнурка на шее свисало какое-то витое приспособление. Улисс признал в нем своеобразный рожок. Видимо, приятель этот уселся в засаду — подкарауливать врагов. Если он их увидит, то известит музыкальным сигналом кого следует.

Улисс покинул свое убежище и двинулся вокруг ствола. Снизу не доносилось ни звука, могущего заглушить мягкий шум водопада. Его люди, наверное, заметили летучего человечка и ждали дальнейшего развития событий. Джунгли, казалось, вымерли. Лук и стрелы Улисса лежали у подножия дерева. К счастью, они были на противоположной стороне, к тому же в тени. Был еще складной нож, который Улисс зажал зубами. Цепляясь, он продвигался очень медленно. И хотя водопад монотонно рокотал, рокот этот был не настолько громким, чтобы заглушить для летучего человечка шорох листьев или скрип ветки.

Дулулик все еще продолжал сидеть, отвернувшись от Улисса, когда тот ступил на его ветку. Ветка была толстой, и Поющий Медведь стоял на ней достаточно устойчиво. Ступил раз, другой, стремясь занять наилучшую позицию. Летучий чуть раскрыл крылья, слегка захлопал ими и сложил вновь. В тот же миг Улисс увидел дыру в мембране правого крыла. Узнал профиль головы человечка. Это был Глик.

Поющий Медведь утратил боевой пыл. Желание убивать улетучилось. Зачем, когда живой тот принесет ему больше пользы?

Убивать всегда проще, чем брать в плен, ему придется ударить Глика и в то же время уберечь его от падения. Хотя Глик весил всего каких-нибудь сорок пять фунтов, он мог разбиться насмерть, упав с тридцатифутовой высоты. Нужна была и уверенность, что тот не сорвется и не увлечет его за собой.

Улисс подкрадывался очень медленно, боясь, что маленький человечек почувствует дрожание ветки под его ста сорока пятью фунтами. Но Глик, к счастью, сидел почти на самом кончике ветки. Наконец, Поющий Медведь смог ударить Глика, не слишком больно, чтобы не сломать его тонкую, наверняка хрящевидную шею. Глик беззвучно осел, повалился вперед, и Улиссу пришлось схватить его одной рукой и подтянуть за крыло. Взмахом ладони он опустил бесчувственное тело человечка в поджидавшие руки. Через некоторое время, когда он слез с дерева, Глик уже был связан, и в рот ему засунули кляп. Несколько минут спустя его глаза открылись. Улисс встал в лунном свете так, чтобы Глик видел, кто его пленил. Глаза Глика расширились, и он зашевелился, пытаясь освободиться. Когда его закинули за спину Улисса, как какой-то мешок с тряпьем, он все еще не успокоился.

Улисс велел Вулке, вождю вагарондитов, который нес Кукса, чтобы тот ударил Глика еще разок, и Вулка с радостью повиновался.

Полмили они прошли с максимальной скоростью. Улиссу выпала честь спускаться первым. Испарения окутали его, скрыв не только от глаз каких-то летучих, которые могли скоро появиться, но и от взглядов остальных. Из-за тумана и тьмы, поднимавшейся из пропасти, он едва видел на два фута перед собой. На его теле осели капли воды, стало холодно. К тому же они сделали кору и пальцы скользкими.

Ничего не оставалось делать, как только идти вниз. Будь он один или же с людьми, которые не считали его богом, он остался бы перед туманом и испытал счастье в бою с летучими. Но он не мог снять свои полномочия или нарушить слово.

— Туман — это наша защита, — сказал он. — Но, как всякая защита, он имеет свои недостатки. Как расплата за услуги. Он скроет нас от врагов, но в нем таится опасность: скользишь и слепнешь.

«Слишком медленно», — подумал он, нащупывая под ногами опору. Его руки вцепились в нарост коры, одна нога оказалась в расщелине, а другая описывала круг в поисках выступа или щели. Наконец он, нащупав выступ, осторожно спустился, удостоверился, что не сорвется, и двинулся дальше. Это повторялось много раз, а потом сумрак растаял, и он оказался на карнизе.

Улисс пошел по нему, осторожно ощупывая каждый невидимый дюйм коры пальцами. Слева рокотал водопад, а рядом журчала вода. Когда что-то коснулось его, он отпрыгнул и выхватил нож. Он различил стройную фигуру Авины. Она подошла ближе. Он убрал нож, и она на секунду приникла к его груди. Ее мех был мокрым, но через минуту их тела согрели друг друга. Он обхватил рукой круглую головку и почувствовал влажные, шелковистые ушки. Сейчас Авина казалась скорее водяной крысой, нежели нежным пушистым существом, которое он знал когда-то

Из тумана вынырнули фигуры остальных. Он отодвинулся от Авины, считая их. Все!

Глик дернулся. Во время спуска он был недвижим, как мешок картошки, но теперь решил, что было бы надежней подвигаться и на всякий случай разогнать кровь. Улисс снял его со спины и развязал на ногах ремни. Маленький человечек запрыгал на тонких ножках с громадными ступнями. Вагарондиты стояли наготове, чтобы схватить его, как только ему вздумается взлететь или убежать. Улисс осторожно вышел из тумана. Вершина водопада маячила в пятидесяти футах над головой. Летучих не было видно. Только кусты и склонившиеся деревья загораживали верхние ветки. Он повернулся и увидел, что ветви тянулись насколько хватало глаз. Ничто не мешало им построить новые плоты и продолжить путешествие. Но придется скрываться в джунглях, пока не наступит ночь. Они проспят часть дня, хотя следует немного поохотиться. Их запасы пищи значительно уменьшились.

Поздно вечером, выспавшись, они, страдая от голода, сформировали четыре охотничьи партии. Через час забили крокодила, выдру, двух больших рыжих коз и трех обезьян.

Они хорошо поели этим вечером, и каждый почувствовал себя лучше. Потом они спилили деревья, нарезали лиан, связали их вместе и вышли в плавание. Перед закатом подошли к спуску громадной ветви и еще одному водопаду. Спустились вниз, но не входили в испарения, а остались снаружи и к закату достигли русла следующего потока. После сна и отдыха построили новые плоты. Русло третьего потока лежало у основания Дерева, или, как сказала Авина, у подножия Вурутаны.

Обширные стволы, ветви, лианы росли над головой, на высоте до десяти тысяч футов, густое переплетение, не пропускавшее даже солнечные лучи. Днем здесь царил сумрак, а по утрам темная ночь наполняла пространство между гигантскими погружавшимися в болото колоннами и подпорками.

Земля под Деревом принимала извержения водопадов и ливней, которые не задерживались на ветвях и листьях. Болото слагало основу Дерева, обширную, необозримую гнетущую топь. Глубина колебалась от одного дюйма до нескольких футов, достаточных, чтобы утопить человека. Из воды и грязи тянулось вверх множество странных, бледных и пятнистых растений.

Сумрак создавал кошмарные фантомы. Громадные куски коры, многие размером с бунгало, падали со стволов Дерева, сбивая ветви и сучья, срывая другие подгнившие ошметки коры. Дерево, как Мировая Змея северной мифологии, сбрасывало свою шкуру. Кора, подгнившая, сорванная и упавшая на вершины могучих ветвей, разлагалась там до конца либо летела вниз, подобно холодным черным звездам, и шлепалась в воду или жижу болот. Там, полузатонув, она сгнивала, а насекомые и паразиты, кишевшие в этом сумрачном мире, буравили массы обломков, превращая их в дом.

В домах жили длинные, тонкие черви с волосатыми головами, темно-синие жуки, вооруженные рогами, длинноносые землеройки с саблезубыми клыками, бледно-желтые скорпионы, ярко-красно-черные змеи с крошечными рожками, венчающими их трехгранные головы, многоногие, мягкотелые с дюжиной антенн длинные существа, которые, если до них дотронешься, выделяли с громким хлопком мерзкий вонючий газ, и множество других отвратительных тварей. Повсюду в сумраке высились обломки коры, словно валуны, оставленные ушедшим ледником, где кишели ядовитые паразиты.

Вокруг искромсанных глыб росли высокие, стройные, лишенные ветвей растения с зелено-желтыми ягодами, густая скользкая трава, которая высовывалась на один-два фута над мутной жижей. А над ними порхали какие-то ширококрылые насекомые с телом и крыльями цвета человеческой омертвелой кожи. Их головы, абсолютно белые, с

двумя круглыми черными метками по бокам и одной чуть изогнутой меткой посередине, напоминали череп. Они летали бесшумно, лишь иногда касаясь кого-нибудь из отряда кончиками крыльев, заставляя шарахаться в сторону. Любые звуки казались здесь слишком громкими, люди переговаривались шепотом. Их ноги погружались в воду и в хлябь под ней, а потом медленно вытягивались наружу. Под ногами слабо, чуть ли не нежно, чавкало.

Улисс подумал вначале, что ему следует держаться болот. Хотя путешествие будет медленным и тяжелым, зато эти места казались безопасными по сравнению с вершинами, где водилось слишком много разумных. Но одного дня и одной ночи у Подножия Вурутаны оказалось для него (а тем более для его людей) вполне достаточно. Следующим утром, когда Улисс встал, кроваво-красная лягушка тут же спрыгнула с обломка коры ему на плечи. Нет, с него хватит. Они пробовали уснуть на куске коры величиной с маленький замок. Но всю ночь пришлось отбиваться от созданий, повылезавших из своих нор в коре, и выслушивать крики болотных тварей.

Улисс решил, что поведет своих назад, на одну из ближайших ветвей. Они находились на границе обширного района, заполненного кавернами сыпучих песков, так что только к полудню смогли добраться до твердой поверхности огромной колонны, опускавшейся с небес в болото. Славя богов, они начали карабкаться вверх и к сумеркам достигли желанного горизонтального участка ветки. Здесь имелся даже ручей, который на первый взгляд показался им ядовитым: вода была карминного цвета.

Однако, вглядевшись, Улисс обнаружил в воде миллионы созданий, каждое из которых было так мало, что почти неразличимо в отдельности. Глик сказал, что эти твари плодятся здесь каждый год. Непонятно, откуда они берутся и куда исчезают. Воды речки и источников останутся красными еще неделю, а потом очистятся. Между тем твари служили пищей для рыб, птиц и животных в джунглях. Так что можно сварить из них бульон.

Улисс внял его совету, но заставил Глика выпить бульон первым. Через несколько часов — никаких последствий для летучего человечка не было — Улисс дал добро.

Он выпил полную миску и нашел бульон очень вкусным и питательным. Следующие несколько дней, пока вязали плоты, отряд кормился в основном этими яркими существами, не отрываясь от дела ни на минуту. Они прошли приблизительно пятьдесят миль, преодолев три водопада, и наконец достигли нижнего уровня потока. А потом карминные существа исчезли.

Когда они снова полезли вверх, Улисс, повинуясь то ли капризу, то ли любопытству, велел подниматься как можно выше. Восхождение по сучковатому и изъеденному трещинами вертикальному стволу заняло три дня. Ночью все спали на выступах коры, достаточно больших,

чтобы разместить отряд. На третий день вошли в облака и вырвались на свободу только к вечеру. Но на утро облака ушли и появилась возможность заглянуть в пропасть. Они оказались на высоте десяти тысяч футов. Ствол продолжался, поднимаясь еще на две или три тысячи футов, но у них не было уже никакого желания карабкаться вверх. Повсюду росло множество ветвей. Эта ветвь оказалась удачной: она тянулась, казалось, вечно и имела пологий наклон. У соединения ствола с ветвью был источник, в него вливалось еще множество ручьев, образуя поток, через милю он был уже судоходным.

Каждую милю или около того ветвь выбрасывала вертикальный отросток, который тянулся до самого дна — как они считали — или объединялся с другими ветками.

Чтобы предупредить попытки летучих человечков смыться, Улисс проковырял в их крыльях дырки и связал вместе тонкими веревками из кишок. Он заставил их самих карабкаться по стволу, поскольку невозможно было тащить их на себе при столь длительном восхождении. Пленники шли в середине карабкающейся по отвесной коре шеренге, пытаться бежать было бесполезно. К тому же при их легком весе они поднимались гораздо быстрее, чем самые проворные вуфеа.

Улисс приказал разбить лагерь. Следовало отдохнуть несколько дней, поохотиться, порыскать вокруг. Он надеялся, что сможет найти еще одно дупло в стволе и поэкспериментировать с коммуникационной мембраной внутри. Даже после столкновения с вуггрудами он постоянно искал другие дупла, уверенный, что их существует тысячи, но не заметил ни одного. Летучие говорили, что дупла есть повсюду. Но где они? Улисс знал, что их охраняют медведеподобные вуггруды или леопардообразные. Конечно, он не жаждал встречи с ними, поскольку те имели привычку убивать людей. Но его распирало любопытство. Только бы добраться до коммуникационной мембраны. Тогда он узнает ее код. Язык был обычным, и код напоминал азбуку Морзе: комбинация длинных и коротких импульсов.

Улисс выудил всю эту информацию в долгие ночи, когда все отдыхали от дневных забот. А Кукс наотрез отказался сообщить код. Собственно, Кукс не хотел признать, что код вообще существует. Глик же был из другого теста. Его порог боли оказался ниже, и, может быть, ему не хватило силы воли. Или он просто умнее Кукса и понял, что когда-нибудь его все равно сломают. Так почему бы не сказать сразу и уберечь себя от страданий?

Кукс обозвал Глика предателем, жалким, ничтожным трусом, а Глик ответил, что прикончит Кукса при первой возможности. Тогда Кукс сказал, что сам убьет Глика, если тот не заткнется.

Но хотя Глик выдал код, он не назвал местоположение Центральной базы своего народа. Он клялся, что ему надо подняться высоко над Деревом, чтобы разглядеть основные ориентиры. Ими были высокие

стволы с особыми листьями, которые можно отыскать только с высоты двух тысяч футов.

Улисс не особенно огорчился. Он не вынашивал планов атаковать базу: для нападения не хватало сил. Но ему хотелось понять, где она находится. Когда у них будет достаточно сил, он атакует ее. Так что следовало узнать на будущее.

Улисс сидел, прислонившись спиной к плоскому выступу коры, и смотрел на огонь костра. Скоро ночь... Внизу она уже наступила. Небо пока оставалось синим, и лишь вдалеке облака тронуло розовым, светло-зеленым и темно-серым. Крики и рев охотящихся животных, вопли жертв доносились издалека, как порождение давно забытых кошмаров. Оба летучих сидели рядом с Улиссом, но не переговаривались и даже не глядели друг на друга. Вуфеа, вагарондиты и алканквибы расположились вокруг шести костров. На ветке, а также спрятавшись на выступах коры, стояли часовые. В воздухе носился аромат жареного мяса и рыбы, от которого текли слюнки. Охотничья партия с утра ушла на ветку и возвратилась с тремя четырехрогими, поросшими каштановой шерстью козами, десятью рыбами, отнятыми у черно-серого пятнистого кугуара, тюками, полными плодов, и тремя мохнатыми обезьянами.

Охотники доложили, что на вершине ветки растут, в основном, короткие, не толстоствольные ели, ягоды, трава высотой по колено, набившийся в расщелины мох. Поток шел дальше, изобиловал рыбой, но крокодилов и гиппопотамов не было видно. Казалось, хищников здесь представляли только черно-серые пумы, маленькие медведи и несколько видов выдр. Из других животных встречались козы и обезьяны.

Этой ночью они, сытно поужинав, улеглись спать как можно ближе к огню. Здесь, когда опускалось солнце, царил жуткий холод.

Утром доели остатки пищи и принялись строить плоты, повалили несколько елей, которые были лишь двадцати футов высотой, и связали их. А потом отправились в путь в добром расположении духа и со светлыми надеждами.

И они не обманулись и не разочаровались. Поток нес их со скоростью тридцать миль в час и доставил к расширению ветви. Здесь он не сорвался девяностоградусным водопадом вниз, а разлился во все стороны по широкой площади, загороженный уходящим вверх изгибом ветви. Отряд разобрал плоты и перенес бревна вверх по крутому склону. Сразу же на вершине они нашли еще ручей, который вскоре превратился в реку. Они связали плоты и отдались на волю потоку. Такого рода операцию отряд повторил раз десять. Насколько подсказывал опыт, ветка могла тянуться до бесконечности. Так продолжалось на протяжении шестидесяти миль, и теперь уклон был таким слабым, что, казалось, плоты попали в болото. Улисс прикинул, что отряд покрыл уже около ста пятидесяти миль, двигаясь по одной ветви. Глик

заверил, что им просто повезло. Существует всего пять-шесть таких веток.

Путешественники выбрались из холодной, липкой трясины и карабкались до тех пор, пока не нашли подходящую ветвь на высоте шести тысяч футов. Десятью днями позже вышли к водопаду, подножие которого находилось в пяти тысячах футов под ними. И здесь Дерево кончилось.

Улисс был ошеломлен. Ему стало просто не по себе. Он так привык к миру гигантского Дерева, со множеством листьев, переплетающихся и извивающихся ветвей, протянувшихся до небес стволов и густой растительностью, что уже не представлял себе мира без него.

Теперь перед отрядом открылась равнина, тянувшаяся миль на пятьдесят—шестьдесят, за нею виднелись вершины гор. По другую сторону, если верить Глику, плескалось море.

Рядом остановилась Авина — так близко, что ее мохнатое бедро коснулось его. Ее длинный черный хвост ходил взад-вперед, чуть ударяя Улисса по ногам.

— Вурутана пощадил нас, — сказала она. — Не знаю почему. Наверное, были свои причины.

— Почему ты не веришь, что мы добились успеха благодаря моим божественным силам? — возмутился Улисс.

Авина искоса взглянула на него. Ее глаза были, как всегда, загадочны, но зрачки превратились в узкие щелочки.

— Прости меня, Повелитель, — проговорила она. — Мы все почитаем тебя. Без тебя, конечно, мы бы давно погибли. И все же ты маленький бог по сравнению с Вурутаной.

— Размеры не всегда определяют превосходство, — сказал он.

Улисс злился не потому, что она принижала его божественную сущность: он не был настолько глуп. Но ему хотелось благодарности, как любому обыкновенному человеку, даже если его заставляют говорить языком бога. Простой благодарности... Именно от нее, от Авины! Но почему? Отчего это прелестное, но жуткое создание — разумное, но не человеческое создание — так важно для него?

С первого дня она стала ему опорой, обучила его словам и манерам. Служила ему моральной поддержкой. И она была очень привлекательной. Он так давно не видел человека, что вполне свыкся с негуманоидами. Авина казалась ему привлекательной самкой (он чуть не подумал — женщиной).

И все же, хотя часто он испытывал к ней настоящую любовь, иногда она была ему отвратительна. Это случалось, когда Авина оказывалась чересчур близко. Он отодвинулся, и она взглянула на него с непередаваемым выражением. Догадалась, о чем он сейчас думает? Правильно поняла его движение?

Улисс позвал Вулку и других вождей.

— Вперед! Спускайтесь со мной с Дерева. Вскоре мы вступим на твердую землю!

Спуск прошел легко, приходилось только бороться со стремительным темпом. Черно-серая громада Дерева казалось теперь еще более угрожающей, чем когда они были внутри. Но ничего плохого не случилось. Ни вуггруды, ни краузмиддумы не вырывались из Дерева, чтобы совершить свое последнее нападение.

Однако на открытой равнине их легко обнаружить с воздуха. Было бы лучше оставаться под сенью Дерева до наступления темноты.

К счастью, почва у основания Дерева не походила на болото. Путешественники сошли с ветви, по которой бежал поток, и ступили на сухую твердую землю. Разбили лагерь. Улисс изучил равнину, покрытую буро-зеленой травой и видневшимися вдали деревьями. Там бродили стада лошадей, антилоп, буйволов, жирафоподобных существ, которые, как он думал, произошли от лошади, слоноподобные животные, похожие на тапиров, громадные, толстоногие кролики и голубые, с изогнутыми клыками длинноногие свиньи. Водились и хищники: гепардоподобные леопарды, мохнатые львы.

Этой ночью отряд двинулся прочь от Дерева. Они не ушли далеко, потому что охота заняла много времени. На рассвете разожгли костер в рощице акаций и поджарили мясо. Потом уснули в тени деревьев, выставив часовых.

На третий день достигли горной гряды. Глика не пришлось принуждать пытками. Он добровольно сообщил необходимую информацию, и отряд двигался вдоль гор еще два дня, пока не вышел к ущелью. Два дня они перебирались через горы. Как-то вечером обогнули склон горы, и там, в закатном сиянии, перед ними предстало море.

Потом солнце зашло, небо почернело. Сам не зная почему, Улисс чувствовал себя счастливым. Возможно, горы заслонили от него облик Дерева, а ночь уберегла от воспоминаний о Земле и времени, когда он родился. Не страшно, что звезды образуют необычные созвездия: он мог забыть или перепутать. Наверное, он сможет забыть и Луну, слишком большую и синюю.

Они поднялись на рассвете, позавтракали и начали спускаться по склону горы. К вечеру достигли ее подножия и следующим утром двинулись по гладкой равнине к морю. Вначале пробирались густым лесом, на второй день вышли к полям, домам и заборам.

Дома были квадратные, некоторые двухэтажные, сооруженные из бревен, а иногда из гранитных блоков, грубо обработанных и скрепленных известкой. Сараи были каменными и деревянными. Улисс обошел их и обнаружил, что они все пустые, в некоторых поселились дикие звери. В домах было множество деревянных и каменных статуй, нашел он несколько картин, примитивных, но с человеческими фигурами. Художник, вероятно, был человеком. Улисс подумал все-таки «вероятно».

Потому что не нашел ни одного человека — ни живого, ни мертвого, ни даже человеческих костей.

Иногда он проходил мимо сожженных домов и сараев. Что за этим стояло — несчастный случай или война? Ни людей, ни скотины. Домашних животных, как видно, сожрали дикие звери.

— Что здесь произошло? — спросил он Глика.

Глик взглянул на него, пожал костлявыми плечами и распростер крылья, насколько позволяла веревка.

— Не знаю, Повелитель. Последний раз я приходил сюда шесть лет назад. Тогда тут жили врумау. Возможно, мы выясним, что случилось, когда войдем в главную деревню. Если бы мне разрешили полететь вперед...

Он наклонил голову и кисло улыбнулся. Конечно, он не мог всерьез на это надеяться, и Улисс даже не потрудился ответить. А вот и кладбище: Улисс остановил колонну. Он побродил между могилами, изучая памятники: толстые бревна, вырезанные из красного дерева, увенчанные черепами птиц и животных. Ничего другого на могилах не было, а Глик и Кукс понятия не имели, что эти черепа означают.

Колонна продолжала свой марш по узкой грунтовой дороге. Теперь фермы попадались чаще, но все пустые.

— Судя по всему, их покинули год, от силы два назад, — решил Улисс.

Глик сообщил, что врумау были единственными человеческими созданиями, за исключением рабов нешгаев, конечно. Собственно, врумау могли произойти от беглых нешгайских рабов. Но, с другой стороны, нешгаи добывали себе рабов, нападая на врумау. У людей было три поселения с пятью тысячами горожан в каждом, остальные жили на фермах или охотились. Они вели некоторую торговлю с дулуликами и аузадурами. Последние, согласно Глику, жили в море, а не на побережье, и были своего рода дельфинокентаврами. Больше Глик не мог сказать ничего.

Да, Улисс знал об этом мире еще меньше, чем когда открыл глаза в горящем замке вуфеа. Ладно, неважно. Существовало великое множество разумных существ, большинство из которых невозможно объяснить теорией эволюции. Но здесь были люди, и они внезапно исчезли самым невероятным образом. Все эти дни он жил надеждой увидеть вновь человеческое лицо, прикоснуться к человеческой коже. А они ушли.

Грунтовая дорога прошла через всю страну и вывела их к каменному селению на берегу моря. Это была бухта со множеством вытащенных на берег судов — от маленьких лодок до кораблей викингов. Очевидно, буря порвала якорные цепи и выкинула их на отмель.

Казалось, жители деревни неожиданно решили оставить дневную трапезу и уйти. Около четверти домов было сожжено начисто, но это могло случиться и от небрежности кухарки.

И только одно портило картину: высокий деревянный столб на главной площади. Его вершину венчала деревянная голова — лысая, с огромными веерообразными ушами, длинным змееподобным носом и открытым ртом, из которого торчали слоновьи бивни четырех футов длиной. Голова была темно-серого цвета.

— Нешгаи! — воскликнул Глик. — Это голова нешгая. Они оставили ее как памятник победителю.

— Если они захватили деревню штурмом, где следы борьбы? — спросил Улисс. — И куда делись скелеты?

— Наверное, их убрали нешгаи, — ответил Глик. — Всех нешгаев хоронят в одном священном месте.

— Как долго здесь жили врумау? — спросил Улисс.

— Поколений двадцать, — ответил Глик.

— Около четырехсот лет, — быстро подсчитал Улисс.

«Почему я не очнулся на сотню лет раньше? — подумал он. — Тогда нашел бы свой собственный вид, женился, завел детей».

Конечно, теперь бы он уже умер. И над его могилой высился бы столб с черепом какого-нибудь животного на верхушке и подписью: ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ УЛИСС — ПОЮЩИЙ МЕДВЕДЬ, 1952 — 10 000 000.

Какое-то время Улисс чувствовал себя несчастным. Если его все равно ждет могила, какой смысл обременять себя ненужными проблемами. Почему бы не вернуться в деревню вуфеа и не поселиться там, среди народа, который ему поклоняется? Неужели он так сильно нуждается в жене, супруге...

Целый час он боролся с мрачным настроением. «Не стоит думать о смерти, — говорил он себе, — иначе свихнешься. Надо идти дальше как ни в чем не бывало, словно жизнь вечна». Смешно, но единственный путь сохранить разум — это не понимать, что мир безумен, или жить так, будто он нормален.

Улисс исследовал дома и замки, а потом спустился к пляжу, где стоял на якоре корабль, еще не успевший рассыпаться окончательно. Корпус поврежден, и несколько бревен следовало заменить, но это вполне можно устроить. Улисс объяснил вождям свой замысел. Те закивали, будто все поняли, но вид у них был испуганный. Еще бы! Ведь они не видели прежде моря и ничего не знали о мореплавании.

— Плавание только кажется странным, — сказал Улисс. — Вы привыкнете. А может быть, оно вам понравится, когда узнаете, что такое власть над морем.

Вожди все еще сомневались, но поспешили выполнить приказ. Улисс обследовал мачты и снасти. Все лодки и корабли имели прямые паруса. Очевидно, врумау не знали о косом парусе. Это означало, что они понятия не имели о лавировании или плавании против ветра. Странно. Пусть человек вышел в море за много тысяч лет до изобретения паруса, но, раз косой парус изобрели, ему следовало бы остаться

навечно. Этого не случилось. Значит, в преемственности человеческих знаний оказался катастрофический пробел. Люди впали в варварство и, по крайней мере несколько поколений, не имели контакта с морем. Не осталось даже устных преданий.

Улисс отыскал большой дом для жилья, в котором разместился с Авиной и вождями, велев остальным занять три отдельных дома. Часовых расставили у главных ворот, приказав бить в барабаны, если заметят что-нибудь подозрительное.

Через три недели корабль был готов. Его спустили на воду из дока. И Улисс решился на первое путешествие. Матросы получили инструкции и старались воплотить свои скудные знания в жизнь. Несколько раз они чуть не перевернулись, но после недели упорных тренировок были готовы к длительному вояжу вдоль берегов. Улисс разработал косую оснастку, построил и установил руль, назвал судно «Новой надеждой» и в один прекрасный день отбыл в земли нешгаев.

Берег был пологим, со множеством великолепных пляжей, и лишь иногда встречались утесы. Море оказалось неглубоким, свободным от мелей и скал. Почти к самому пляжу спускались леса гигантских дубов, платанов, елей, сосен и некоторых неизвестных на Земле его времени деревьев. Показывались животные: олени, антилопы, дикие лошади, которых он назвал г и р с и, буйволы, высокие, похожие на волка хищники. Улисс спросил Глика, почему земли между нешгаев и врумау оказались лишенными разумной жизни?

— Это только предположение, — ответил крылатый человечек. — Но, на мой взгляд, так случилось, потому что вся разумная жизнь ушла жить с Деревом.

Глик говорил так, словно однажды прислали приглашение, и все разумные существа пошли жить в общий дом.

— С Деревом жить проще, — продолжал Глик. — Там можно укрыться от врагов, а пища обильна и доступна.

— Но крокодилы и бегемоты поедают неосторожных, — возразил Улисс. — И если Дерево изобилует дичью, то там есть и кровожадное зверье, не брезгующее полакомиться человеком. А если племени проще скрыться в Дереве, то просто и подкрасться к нему. У густой растительности свои преимущества и свои недостатки.

Глик пожал плечами и улыбнулся с долей легкого превосходства.

— Верно. Но ведь хорошо, что некоторые умирают, иначе племена так разрастутся, что места и еды на всех не хватит. Кто-то должен страдать во имя интересов большинства. Кроме того, между народами Дерева нет войны. Во всяком случае, такой, как представляешь ее ты и народы равнины. Дерево следит за племенами и, когда где-то становится слишком много людей, уведомляет соседей, что они могут идти войной. Оно также предупреждает племя о нападении. Потом молодые воины обоих племен устраивают сражение, им разрешается нападать на поселения. Тогда позволяется убивать самок и детенышей. Но так

случается редко. Впрочем, эти маленькие войны придают жизни особый колорит.

— Тогда почему нешгаи и врумау не пошли жить в Дерево? — поинтересовался Улисс.

— Нешгаи возомнили, что они лучше его! — сердито сказал Глик. — Эти неуклюжие, мычащие длинноносые были дикарями, как вуггруды и краузмиддумы. Но потом откопали древний город Шабавзинг и нашли в нем множество вещей, которые помогли им подняться от варварства к цивилизации за три поколения. К тому же они такие большие и неповоротливые, что не смогли бы устроиться на Дереве, не поднявшись слишком высоко.

— А врумау?

— Они жили с Деревом, сначала. А потом ушли, не послушав приказа оставаться на месте. Упрямый, склочный, неприятный народец! Да ты сам увидишь, когда найдешь их. Перебрались к морю и построили там жилища. Некоторые говорят, что сначала они объединились с нешгаями, которые потом их поработили. Тогда некоторые врумау бежали и пришли сюда, чтобы основать нацию, мечтая когда-нибудь выступить против своих бывших хозяев. Наверное, нешгаи их опередили.

Теперь очередь за нешгаями, — злорадно добавил он. — Их смерть придет с Дерева: оно ничего не забывает и не прощает. Сейчас нешгаи теснятся фишнумами, родственниками вуггрудов и глассимов, братьями краузмиддумов. Их посылает из своих недр Дерево, чтобы истребить, обескровить нешгаев. Та же участь ждет народы северных земель, если они откажутся жить с Деревом. Оно разрастется и захватит все равнины, всю землю, за исключением узкой полосы вдоль побережья, но и там Дерево не потерпит никаких разумных существ. Так или иначе оно их погубит.

— Дерево? — переспросил Улисс. — Или дулулики, которые используют его, чтобы навязать всем свою волю? Кто зовет себя слугами Дерева, в действительности являясь его хозяином?

— Что? — воскликнул Глик. — Не веришь? Да ты просто рехнулся!

Улисс задумался. Если его теория верна, то объяснялось многое, хотя кое-что оставалось загадкой. Как устроено Дерево? Трудно поверить, что оно развилось из какого-то растения, жившего в его дни. И потом, Дерево чудовищно отличалось от всех типов разумных существ...

Судно двигалось вдоль побережья, держась берега и бросая якорь как только небо покрывалось тучами. При луне корабль плыл всю ночь. Глик и Кукс выдавали информацию о нешгаи. Большей частью они жались на палубе у основания мачты, скребя крыльями по дереву, тесно прижавшись друг к другу. Несмотря на обоюдную ненависть, они часто переговаривались. Они были слишком одиноки, несчастны и

напуганы, чтобы пренебрегать возможностью поговорить на родном языке.

Улисс не знал, что с ними делать. Они выдали ему почти всю информацию. Теперь он был уверен, что получит вообще любую информацию, если сумеет подобрать вопросы. Но однажды они сбегут, а потом приведут за собой орду соотечественников. И каждый прошедший день увеличивает вероятность бегства.

Улисс не хотел убивать их, хотя летучие так и не выдали расположения основного города, утверждая, что только с воздуха могут найти дорогу. Он использовал этот довод, чтобы сохранить им жизнь: когда-нибудь они укажут путь к своей базе. В конце концов, никто из летучих не подозревал о существовании шаров и дирижаблей, а поэтому пусть пока тешатся мыслью, что их база в безопасности.

На шестой день Улисс увидел первых дельфинолюдей. Он вел корабль прочь от берега, потому что на пути оказалась большая скала. Когда до нее осталось около двухсот ярдов, он увидел на склоне, всего в нескольких футах над поверхностью воды, причудливых животных. Улисс подвел «Новую надежду» как можно ближе — лотовый отметил четыре фута — и уставился на четверых загоравших на рифе созданий. Они напоминали легендарных тритонов его дней, а не дельфинолюдей, описанных Гликом: от пояса походили на рыб, только с горизонтальными, как у дельфинов, а не вертикальными плавниками. Кожа бронзового оттенка. Половые органы скрыты складками, а пальцы, вопреки ожиданию, оказались без перепонок. Носы были очень тонкими — Глик объяснил, что ноздри могут плотно сжиматься. Глазные яблоки закрывались прочными и прозрачными оболочками, выходящими из-под век. Волосы на головах были короткими и лоснящимися, казавшимися на таком расстоянии скорее мехом. У двоих они были черными, у других светлыми и каштановыми.

Улисс помахал им и улыбнулся. Женщина и мужчина помахали в ответ.

— Это хорошо, незачем враждовать с морским народом, — сказал Глик. — Если захотят, то мигом могут пустить корабль на дно.

— А как наладить с ними дружбу?

— Иногда они торгуют с нешгаями и людьми. Приносят в чужие моря камни, рыбу или драгоценности с затонувших кораблей и меняют их на вино и пиво.

Вряд ли они помогут Улиссу, если он затеет войну с нешгаями. Впрочем, все считались с морским народом, даже высокомерные нешгаи. Они вовсе не хотели, чтобы их флот оказался на дне моря, и потому относились к морским людям с почтением.

— В ближайшие дни ты выйдешь к берегам нешгаев. И что дальше? — спросил Глик.

— Увидим, — неопределенно ответил Улисс. — Ты владеешь их языком?

— Еще как! — похвалился Глик. — К тому же многие из них говорят на аурате.

— Надеюсь, они не слишком удивятся при виде меня и моего экипажа. А то испугаются, да и нападут со страху...

На следующий день, через час после захода, миновали громадный вырезанный из камня символ: гигантский Х внутри разорванного круга. То был знак прародителя-бога нешгаев и обозначал он восточную границу страны.

— Скоро увидишь бухту, — предупредил Глик. — Город и гарнизон, немного торговых судов и несколько быстрых военных кораблей.

— Торговых судов? — переспросил Улисс, игнорируя упоминание о военных кораблях. — С кем же они торгуют?

— В основном друг с другом, но некоторые корабли плавают вдоль побережья к северу.

Скорей бы, что ли! Может быть, нешгаи и не станут его врагами? Может быть, они тоже захотят бороться с Деревом, или с теми, кто использует его, и станут союзниками? Возможно ли их сотрудничество с человеком?

Вскоре побережье изогнулось в глубь суши, и слева показался волнорез. Он был сложен из каменных плит и на несколько миль тянулся в море. Это был не просто волнорез, а высокая стена, защищавшая залив и город от неприятельских кораблей. На вершине утеса Улисс увидел несколько высоких серых зданий, а затем корабли и город на склоне холма.

Они миновали замок на гребне волнореза и заметили какие-то фигуры за узкими прорезями бойниц. Что-то заревело, и, оглянувшись назад, они увидели гигантский силуэт, прижимавший ко рту необъятный рупор. Слоновый хобот поднялся над рупором, казалось, именно он издает этот трубный рев.

Улисс решил, что, пожалуй, будет лучше, если он сам, не дожидаясь нападения, войдет в порт. Он направил корабль в широкие ворота волнореза между двумя башнями по обеим сторонам входа. Он поклонился фигурам в башне, и каково же было его удивление: большинство из них оказалось людьми! Они были одеты в кожаные доспехи и держали перед собой деревянные щиты. Они потрясали копьями — с каменными наконечниками, конечно, — и нацелили на него луки и стрелы. Встречу трудно было назвать радушной.

Огня с башен не последовало, и на том спасибо. Должно быть, нешгаи решили, что один маленький корабль не может нести воинственных завоевателей. И вдруг Улисс увидел, что к ним несется длинное низкое судно типа галеры, набитое множеством солдат, две трети которых составляли люди.

Паруса на судне не было, гребцов — тоже. Возникло острое ощущение, что он кладет голову на плаху. Полная тишина... Если внутри находился двигатель, то у него был отличный глушитель.

Галера обогнула отряд сзади и пошла вдоль борта, словно поддразнивая.

— Как она движется? — спросил Улисс.

— Не знаю, П о в е л и т е л ь! — ответил Глик, подчеркнув последнее слово.

Похоже было, что Глик считает своего врага уже покойником.

Улисс вгляделся в корабль. Как совместить его способ движения с примитивным оружием экипажа! Непонятно! Ничего, он со временем догадается. Его уже не раз спасало терпение, а после пробуждения оно стало нечеловеческим. Возможно, долгое окаменение придало его психике твердость материи.

Корабль Улисса опустил паруса, гребцы подняли весла. Офицер галеры указал им путь. Люди в набедренных повязках приняли брошенные мохнатым экипажем канаты и проволокли корабль вдоль шеренги каких-то мешков. Через минуту в док влетела галера, затормозила своими невидимыми бесшумными моторами и остановилась в дюйме от возвышавшихся перед ней строений.

Улисс присмотрелся к нешгаям. Десяти футов ростом, с короткими, тяжелыми, похожими на колонны ногами и большими скошенными наружу ступнями. Их тела казались слишком длинными — на его взгляд, они испытывали от этого массу неудобств, — руки толстыми и мускулистыми. На каждой руке по четыре пальца.

Головы напоминали резную фигуру, виденную им в деревне врумау. Громадные уши все же были много меньше слоновьих. Лоб казался очень широким и шишковатым. Бровей не наблюдалось вовсе, зато ресницы были на удивление длинными. Губы выпячены, как у негров. Морщинистый хобот свисал на грудь. Два маленьких бивня торчат под прямым углом. Во рту всего четыре коренных зуба, что, конечно, сказывалось на их речи. Их традиционный язык, аурата, изобиловал шепелявыми звуками. Он был таким корявым, что, казалось, понять его невозможно. Люди только с трудом воспроизводили нешгайские звуки, и потому аурата стал мостом между языком полнозубых народов и этим, нешгайским. К счастью, нешгаи понимали своеобразный аурата своих врагов.

Они носили набедренные повязки и остроконечные кожаные шлемы с четырьмя отверстиями, подобно охотничьему кепи Шерлока Холмса. На кожаных шнурках вокруг толстой шеи у них болтались камни и бусы. Тяжелые костяные нагрудники, раскрашенные в красные, зеленые и черные цвета, скрывали узкие груди. Ноги офицеров были обернуты в зеленые обмотки, а громадные ступни обуты в сандалии. Некоторые накидывали плащи из плотной ткани, утыканной большими белыми перьями.

Конечно, нешгаи могли произойти от слонов: отсюда их размеры, бивни и хобот. Но теперь они такие же слоны, как Улисс — обезьяна. Во всяком случае, непохоже, чтобы нешгаи получили в наследство от

предков их мудрость и доброту. Что же касается размеров и силы, то это и достоинство, и недостаток. В любой медали всегда есть оборотная сторона.

Чуть впереди всех на причале стоял пышный нешгай. Он что-то пронзительно протрубил сквозь длинный нос — приветствие, как понял Улисс, а затем разразился речью. Остальные почтительно слушали. И хотя Улисс помнил, что это аурата, он едва уловил суть и потому велел Глику перевести, предупредив, чтобы тот не вздумал лгать.

— А что ты сделаешь мне, Повелитель? — сказал Глик, глядя на Улисса с нескрываемой ненавистью.

— Убью на месте, — предупредил Улисс. — Не успеешь и глазом моргнуть.

Глик беззвучно выругался и перевел то, что сказал чиновник Гушгоз.

Смысл речи состоял в приказе сдаться Гушгозу. Улисса проводят в город, в главное административное здание, дом правителя и его помощника Шегнифа. Там он встретится с Шегнифом. Если Улисс не подчинится, Гушгоз прикажет своим людям применить силу.

— Это столица? — спросил Улисс, махнув рукой в сторону города на холме. То было самое большое поселение, виденное им за последнее время, тысяч на тридцать жителей, включая рабов.

— Нет, — ответил Глик. — Бруузгиш находится в десятках миль западнее. Там живет Рука Неш и его помощник Шегниф.

Гушгоз заговорил вновь, и Глик перевел: им следует оставить корабль и подняться на холм к крепости. Их довезут до столицы.

Улисс сошел первым и стал рядом с Гушгозом. От гиганта несло запахом взмыленной лошади, это было приятнее, зато желудок нешгая урчал довольно сильно — феномен, с которым постоянно встречался Улисс в этих краях. Кроме того, нешгай принялся жевать плитку прессованных растений и жевал ее все время, пока отдавал приказы солдатам. Чтобы наполнить свою бездонную утробу, нешгаи бесконечно что-то жевали. Впрочем, ели они все же меньше слонов.

Кавалькада двинулась по улице, которая бежала прямо к холму. Нешгайские солдаты, люди-рабы и негуманоиды-офицеры сопровождали прибывших. Вулка нес на спине Кукса. Улисс с Гликом следовал за Гушгозом. Тот шел к холму величавой и медленной походкой. Когда добрались до вершины, он уже задыхался, изо рта его стекала слюна. Улисс вспомнил объяснения Глика, что нешгаи склонны к сердечной недостаточности, одышке, ревматизму, быстрой усталости. Так они расплачивались за сочетание своих больших размеров с двуногостью.

Улица была вымощена булыжником. На ней стояли дома с треугольной крышей, украшенные множеством барельефов и геометрических конструкций и разрисованные на манер «психодели» его времени. На улицах не было горожан и рабов — их разгоняли солдаты. Но из

окон и дверей на процессию взирало множество серых и коричневых лиц: нешгаям не доводилось видеть прежде кошачьих созданий.

Гушгоз оставил их снаружи гарнизонной крепости, которая напоминала замок, сложенный из циклопических гранитных плит. Прошел час, за ним другой. Ничего не менялось.

«Как в армии, — подумал Улисс. — Бежишь и ждешь, бежишь и ждешь. За десять миллионов лет появились новые разумные существа, но армейская процедура осталась прежней».

Авина долго переминалась с ноги на ногу, наконец не выдержала, подошла к Улиссу и оперлась о него.

— Я боюсь, мой Повелитель, — вымолвила она. — Мы отдадим себя в лапы длинноносых людей, и что они захотят, то и сделают. Нас слишком мало, чтобы бороться.

Улисс погладил ее по спине, ощущая даже сквозь свою тревогу нежность ее меха.

— Не бойся, — проговорил он. — Кажется, нешгаи — умные. Они поймут, что я слишком ценен для них, чтобы травить нас, как свору диких собак.

Только по этой причине Улисс и решился отправиться на нешгайскую территорию. Но теперь галера заставила его призадуматься. А вдруг этот народ так продвинулся, что все у них уже есть? Странно, но он нигде не заметил следов наземного транспорта. Вероятно, двигателям галеры требовалось слишком много места и топлива. Ладно, он кажет им, как сделать настоящий автомобиль.

Вдруг ворота крепости распахнулись, и оттуда выехала колонна грузовиков. Они были похожи на машины его времени: что-то вроде вагонов, только из дерева — за исключением шин и колес. Последние казались сделанными из прозрачного пластика. Шины напоминали белую резину и изготовлялись (как он потом обнаружил) из специально обработанного сока дерева, которого не существовало в его время.

Машины были чрезвычайно высокими. Колеса больше напоминали пароходные. Требовались огромные руки и сила, чтобы управлять такими машинами. Глик сообщил, что людей никогда к ним не допускают, вообще ни к каким устройствам, за исключением мегафона.

Из-под капота не доносилось ни звука. Улисс положил руку на деревянный борт, но не почувствовал вибрации. Он спросил Глика, как движется экипаж, но тот пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Нешгаи воздали мне особые почести как торговцу информацией и всякими безделушками. Но они не показывали механизмы и не позволили приблизиться хотя бы к одному из них без сопровождающего.

«Наверняка это оказалось для Глика настоящим поражением, — подумал Улисс, — ведь он должен был выведать секреты нешгайской техники».

Да, странная культура: множество противоречий. Самые примитивные вещи и — сложнейшие механизмы. Луки, стрелы, копья. Возможно, знают порох, но нет огнестрельного оружия.

Гушгоз оторвался от блюда овощей и кувшина молока только затем, чтобы приказать накормить людей и вновь прибывших. Еду составляли в основном овощи и немного конины. Лошади, как потом выяснилось, применялись также для перевозки карет и повозок с людьми и сельскими нешгаями.

Основную часть отряда Улисса загнали в грузовики, которые облепили солдаты-люди. Улисс, его вожди, Авина и оба летучих сели в машину позади Гушгоза. Его автомобиль двинулся по кирпичной дороге, покрытой пластиком с кусочками битого кирпича для лучшего сцепления. Водитель нажимал на тормоз — единственная педаль торчала под его правой ногой. Приборная доска содержала большое количество шкал и циферблатов с различными символами. Улисс не без интереса изучал их, так как это были первые признаки письменности, которые он здесь видел. Довольно обычные символы: исковерканное 4 и Н с одной стороны, О, Т, перечеркнутое Зет — с другой. Но что все это значило?

А боковых стекол не было. Впрочем, движения воздуха не чувствовалось: они тащились еле-еле с крутого склона холма.

Через час с небольшим кавалькада выехала на площадь и отряд пересел на другие машины. Улисс не понял, зачем понадобилось менять экипажи. Возможно, нешгаи использовали в моторах мускульную энергию?

Он присмотрелся к рабу, заливавшему топливо в бак через воронку на боку кузова, и это только усилило его подозрения. Жидкость была густой, как сироп, и пахла овощами. Ужасно похожа на пищу для живого мотора.

Кавалькада двинулась дальше. Вокруг простирались холмы, поросшие густыми лесами: встречались и обработанные поля. На них росли причудливые растения, и, когда они остановились передохнуть, Улисс пошел посмотреть. Никто не пытался его остановить, но вместе с ним пошли три лучника. Салатовые растения оказались около семи футов высотой и давали тонкие стебли, оканчивающиеся темно-зелеными коробочками. Стебель с готовностью наклонился, не собираясь ломаться. Улисс раскрыл мясистую коробочку, сунул пальцы в щель. За слоями нежных зеленых листьев находилась тонкая хрящеобразная пластинка, поверхность которой пересекали толстые и тонкие линии. На стыке линий находились маленькие мясистые соски. Он попробовал представить, на что похожа пластинка, когда та вдруг раскрылась.

Недоумевая, Улисс смотрел на еще не созревшую раскрывшуюся крышечку.

Гушгоз что-то скомандовал, и все сели в машины. Пришлось прервать исследование. Поехали дальше. И снова Улисс увидел такие же

растения — короткие, приземистые и с коробочками, завернутыми в листья. Вероятно, они-то и являлись двигателями — растительные механизмы.

Улисс размышлял о своем открытии, пока они проезжали мимо разнообразных растений, природу которых он не мог себе представить. Они проехали несколько деревень, состоящих из больших, изящно разукрашенных и разрисованных домов нешгаев и маленьких, убогих, часто некрашеных человеческих жилищ. Скоро ему надоело думать о растительной технике, и он решил заняться устройством деревень и ферм. На каждого нешгая здесь приходилось около шести людей. Что удерживало их от восстания? Рабское мышление? Оружие, которое делало нешгаев непобедимыми? Или люди жили в симбиозе с властителями? Может быть, господа были так выгодны, что люди и не думали о рабстве?

Вот, например, эти почти лысые солдаты, что сидят напротив... Коричневая кожа, такие же глаза, узкие лица с высокими скулами и орлиными носами. Все, как у людей, нет только мизинцев. Впрочем, это можно отнести за счет эволюции. К тому же провидцы и ученые давно предупреждали, что человек лишится пятого пальца. И зубов мудрости.

Улисс наклонился и заговорил на аурате с одним из солдат. Тот, кажется, понял: его аурата был не таким, как у Глика или Улисса. Глик перевел незнакомые слова.

Казалось, солдат не знает, как ему быть. Он подумал и спросил у гиганта на переднем сиденье, стоит ли повиноваться. Слоновья голова повернулась, взглянула на Улисса и что-то проговорила. Солдат открыл рот пошире, Улисс заглянул внутрь и пробежал пальцами по зубам. Зубов мудрости не было и в помине.

Улисс поблагодарил, нешгай вынул тетрадку и что-то написал авторучкой размером с большой фонарик.

Путешествие продолжалось до поздней ночи. Они меняли экипажи пять раз. Наконец миновали гряду холмов и выехали на плоскогорье, возвышающееся над берегом. Перед ними был город, освещающийся факелами и электрическими лампочками или чем-то похожим на лампочки: возможно, это были живые организмы.

Город окружала стена, и больше всего он напоминал Богдад в книге «Арабские ночи». Кавалькада проехала ворота, которые закрылись за ними, и двинулась к центру. Здесь все вылезли, вошли в высокое здание и поднялись по ступенькам в большую комнату, где за ними замкнулись тяжелые двери.

Их ждала пища и нары. Авина взобралась на верхнюю полку, но в середине ночи Улисс проснулся от того, что она вцепилась в него, трясясь и всхлипывая.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросил он.

— Мне приснился страшный сон, — простонала Авина. — Он был так ужасен! И теперь я боюсь заснуть. Я не могу оставаться одна в

постели! Я пришла найти у тебя силы и поддержки. Ты осуждаешь меня, Повелитель?

Он почесал ей между ушками, а потом нежно погладил и поласкал их шелковистую шкурку.

— Нет, — вздохнул Улисс. Пусть они верят в него: это на пользу.

Он огляделся. Лампочки, висевшие гроздьями, казались теперь не столь яркими. Однако давали достаточно света, чтобы видеть лица лежащих поблизости. Все крепко спали. Казалось, никто не видел в его постели Авину.

Не то чтобы кто-то стал возражать... Улисс знал: его власть над ними огромна, и он может делать все. Ведь он был богом, пусть маленьким, но все-таки богом.

— Что за сон? — спросил Улисс, продолжая гладить Авину. Теперь его пальцы двигались вдоль ее скул вверх над закругленным влажным носом.

Она вздрогнула и стала рассказывать:

— Мне снилось, будто я сплю здесь. Вдруг входят два серокожих, поднимают меня и выносят. Через множество комнат, залов, лестниц они несут меня в глубокую темницу под городом. Затем приковывают к стене и начинают пытать. Они вбивают в меня свои бивни, стараются оторвать мне ноги своими хоботами и, наконец, расковывают, бросают на пол и начинают топтать своими гигантскими ногами.

В этот миг дверь распахивается, и я вижу тебя в соседней комнате. Ты стоишь там, обняв человеческую самку. Она целует тебя, а когда я закричала, умоляя о помощи, ты засмеялся. Потом дверь захлопывается и нешгаи принимаются топтать меня вновь, а один говорит: «Этой ночью Повелитель взял себе в жены человеческую самку!» Я говорю: «Тогда позвольте мне умереть». Но на самом деле я не хотела умирать без тебя, Повелитель.

Улисс задумался, у него накопилось достаточно собственных снов, чтобы понять, о чем говорит его подсознание, хотя и сознательно он чувствовал то же самое. Объяснить ее сон довольно трудно. По Фрейду, сон выражает неосознанное желание. Значит, Авина хочет быть его женой. И жаждет наказания. Но за что? Она же ни в чем не виновата!

Впрочем, теорию Фрейда еще никто не доказал. Да к тому же подсознание людей, произошедших от кошек, если, конечно, его теория верна, — могло отличаться от тех, чьими прародителями были обезьяны.

Как ни толкуй сон, очевидно, что ее мучает мысль о человеческой самке. Но ведь он не давал ей ни малейшего повода думать о нем не как о Боге. Или думать о себе, как о чем-то большем, чем верном помощнике Бога, даже если тот ей не безразличен.

— Ну, теперь-то все в порядке? — спросил Улисс. — Теперь ты сможешь заснуть?

Она кивнула.

— Тогда иди к себе.

Авина на мгновение притихла. Потом тихо проговорила:

— Хорошо, мой Повелитель. Я не хотела тебя обидеть.

— Ты меня не обидела, — сказал он и подумал, что не стоит ничего добавлять.

Он мог бы попросить ее остаться. Он тоже нуждался в ее присутствии, но не стал.

Она слезла с койки и по приставной лестнице забралась к себе. Улисс долго лежал с открытыми глазами, а вокруг стонали, вскрикивали, бормотали во сне измученные и усталые вуфеа, вагарондиты и алканквибы. Что ждет их завтра? Или скорее сегодня, ибо оно уже наступило.

Он почувствовал, будто его укачивает в колыбели времени. ВРЕМЕНИ. Никто не понимал его, никто не мог ничего объяснить. Время удивительнее самого Бога. Бога можно понять. Бог мыслил как человек. А время оставалось необъяснимым, загадочным. Его сущность и источник невозможно нащупать, хотя оно было вокруг него.

Его укачивало в колыбели времени. Он был десятимиллионолетним ребенком. Может, десятимиллиардолетним ребенком. Десять миллионов лет... Ни одно живое существо не выдержало бы такого промежутка времени, хотя для самого времени что десять миллионов, что десять миллиардов лет — все одно! Это ничего не значило. Ничего. Он продержался — не прожил — десять миллионов лет и должен скоро умереть. И если это случится, когда это случится будет все равно что он не жил вовсе. Он не больше, чем выкидыш, выросший в недочеловека за два миллиона лет до своего рождения, и что хорошего сулит ему судьба?

Улисс попытался предать этот поток мыслей забвению. Он жив, и подобные разглагольствования бессмысленны, хотя неизбежны для мыслящего существа. Даже самые неразвитые из людей наверняка задумывались о бренности жизни и непостижимости времени. Но все время думать об этом — уже невроз. Жизнь сама по себе вопрос и ответ, живущие в одной шкуре...

Улисс проснулся, когда дверь распахнулась и затопали ножищи нешгая. Он съел завтрак, принял душ (его люди воздержались) и, пользуясь ножом, подровнял немного виски. Он брился каждый третий день, и это заняло у него не больше минуты. То ли из-за индейских генов, то ли что-то другое, но щетина росла плохо.

Улисс снял одежду, которая стала слишком грязной и рваной, и отдал ее Авине — пусть прикажет выстирать и заштопать. Он засунул нож за набедренную повязку, которую вручил ему раб, надел новые сандалии и последовал за Гушгозом. Остальных не звали. Громадные двери захлопнулись у них перед носом.

Грандиозное четырехугольное здание было ярко раскрашено и усыпано барельефами. В широких высоких коридорах сновало множество рабов-людей и очень мало солдат. Большинство стражников составляли двенадцатифутовые нешгаи в кожаных шлемах, обернутых в сверкающие тюрбаны, с пиками в руках, похожими на молодые сосенки, и щитами, на которых был изображен X внутри разорванного круга. Они выражали почтение приближающемуся Гушгозу, ударяя концами пик о мраморный пол.

Гушгоз провел Улисса через несколько залов, по двум пролетам лестницы с изысканно вырезанными периламн и еще множеством коридоров, которые открывались в обширные комнаты с массивной бежевой мебелью и крашеными бежевыми скульптурами. Там он увидел огромное количество самок, от восьми до девяти футов ростом и полностью лишенных даже намека на бивни. Они носили короткие юбки, драгоценные серьги и татуировку — круг или орнамент по бокам хобота. Их груди висели на животе и, подобно всем самкам мыслящих существ, которых он видел, были очень развитыми — неважно, кормили они сейчас детенышей или нет. От них исходил модный и приятный запах, а у молодых лица были покрыты густым слоем косметики.

Вдруг Гушгоз остановился перед дверью ярко-красного и твердого дерева, с искусным горельефом из множества символов и фигурок. Стоящие на страже воины подтянулись и отдали честь. Один распахнул дверь, и Улисса ввели в шикарную комнату со стеллажами книг и несколькими креслами напротив гигантского стола и кресла. За столом сидел нешгай в очках и высокой бумажной конической шапочке, расписанной всевозможными знаками.

Это был Шегниф. Великий Визирь.

Через мгновение в комнату ввели Глика. Тот скалил зубы от удовольствия: крылья его были освобождены от пут. К тому же он радовался предстоящему унижению противника.

Шегниф задал Улиссу несколько вопросов, голосом, глубоким и густым, даже для громогласных нешгаев. Улисс отвечал правдиво, не колеблясь, ибо вопросы были просты: как его зовут, откуда прибыл. Наконец, дошли до главного: он, Улисс, прибыл из другого времени, возможно, десять миллионов лет назад, его «разморозил» удар молнии, он прошел через Дерево. Шегниф изумился. Глику такая реакция явно не понравилась, улыбка его потухла.

После продолжительной тишины, нарушаемой лишь бурчанием в животе трех нешгаев, Шегниф снял свои круглые очки и стал протирать их куском материи размером с напольный ковер. Потом водрузил их обратно и нагнулся над столом, чтобы рассмотреть сидящего перед ним человека.

— Либо ты лгун, — проворчал он, — либо агент Дерева. Либо, что тоже возможно, говоришь правду. — И, обратившись к Глику, добавил: — Скажи, летучая мышь, он говорит правду?

Глик взглянул на Улисса, потом на Шегнифа. Было видно, что он никак не может решить, что ему делать: то ли объявить Улисса лгуном, то ли подтвердить, что вся его история — правда. Он хотел оболгать человека, но если его попытка провалится, он пропал.

— Ну, так что? — грозно проговорил Шегниф.

Конечно, Шегниф давно знал крылатого человечка и мог поверить ему. Однако намек на агента Дерева означал, что Великий Визирь считает Дерево врагом. И ведь ему известно, что летучий народ там живет. Или неизвестно? Дулулики, должно быть, говорили, что прилетают с другой стороны Дерева, а проверить их слова невозможно.

— Не знаю, лжет он или нет, — осторожно начал Глик. — Он сказал мне, что он — пробудившийся к жизни Каменный Бог, но сам я этого не видел.

— А ты лицезрел Каменного Бога вуфеа?

— Да.

— А после появления этого человека?

— Нет, — признался Глик. — Но я не заглядывал в замок, чтобы проверить, там ли Бог. Я поверил ему на слово, хотя не стоило бы.

— Можно расспросить о нем кошачьих. Они-то уж все знают, — решил Шегниф. — Вообще-то кошачьи считают его воскресшим Каменным Богом. Остается признать, что его рассказ правда.

— И, выходит, он Бог? — усмехнулся Глик.

— Существует лишь один Бог, — грозно сказал Шегниф. — Только один. Или ты станешь отрицать? Те, кто живет на Дереве, называют Дерево единственным Богом. Не так ли?

— О, я согласен, согласен, — заторопился Глик, струсив.

— Но Бог — это Неш! — воскликнул Нешгай. — Верно?

— Неш — истинный Бог только для нешгаев, — возразил Глик.

— Когда говорят, что существует единственный Бог, то это бог нешгаев, — упрямо повторил Шегниф.

Он рассмеялся, продемонстрировав белоснежную пасть с белесыми деснами и четырьмя коренными зубами. Потом поднял стакан воды со стеклянной трубкой и стал сосать через трубку воду. Улисс не раз наблюдал, как нешгаи всасывают своим причудливым носом и потом выпускают ее в рот. Но сейчас он в первый раз увидел, как один из них применяет соломинку.

Шегниф поставил стакан и проговорил:

— На мой взгляд, ты чересчур ловок и изворотлив, Глик. Будь прямее! Окольные пути оставь нам, медленно двигающимся и медленно думающим нешгаям.

Он вновь усмехнулся. Улисс начинал понимать, почему его зовут Великий Визирь...

Шегниф расспросил Улисса обо всем, позволил сесть. Офицеры заботливо усадили их в кресла. Улисс примостился на край одного, ноги его болтались. Однако он не выглядел таким маленьким и жалким, как Глик, который казался крохотной птичкой, сидящей у порога пещеры.

Шегниф сложил вместе кончики банановидных пальцев и нахмурился, если может нахмуриться безбровое существо.

— Удивительно, — задумчиво сказал он. — Ты живой источник мифов, которые зародились около тысячелетия назад. Хотя мне не следует говорить о мифах, раз твоя история правда... Вуфеа нашли тебя на дне озера, которое существовало много тысячелетий назад. Может быть, они отыскали каменную статую, похожую на тебя, — даже скользкий летучий признал это. Но ты знаешь, что побывал под землей не один раз, и множество раз тебя находили, крали, теряли.

Улисс покачал головой.

— Ты был бы богом или фетишем нескольких религий, — продолжал Великий Визирь. — Ты был бы богом маленькой примитивной деревни одного рода или другого и сидел бы в своем кресле, замороженный и окаменевший, пока деревенька не стала бы гигантской метрополией, столицей высокоцивилизованной империи. И продолжал бы сидеть там, пока разваливалась империя, рушилась цивилизация, гибли люди и наконец пока вокруг тебя не остались бы одни руины, в которых водятся только ящерицы и совы.

— Меня зовут Озамандис, — пробормотал Улисс на английском. И в первый раз английский язык показался ему чужим.

— Что? — переспросил Шегниф, разглядывая его через окуляры под своим хоботом.

— Я только назвал себя на языке, умершем миллионы лет назад, Ваше Превосходительство, — ответил Улисс.

— Ах, так? — Маленькие зеленые глазки сверкнули. — Посмотрим, записан ли он нашими школярами. Собственно, мы планировали загрузить тебя на некоторое время. Нашим ученым сообщили о тебе, и они не в силах сдержать нетерпения.

— Это интересно, — проговорил Улисс. Кем он еще мог быть для этого народа, как не подопытным кроликом? — Но я могу дать куда больше, нежели воспоминания о прошлом. Я могу дать ключ к выживанию нешгаев.

Глик изумленно взглянул на него. Шегниф, подняв свой хобот, выдавил:

— Нашего выживания? Объясни подробнее!

— Предпочитаю говорить без дулуликов.

— Ваше Превосходительство, — заверещал Глик. — Я протестую! Я оставался нем, пока этот человек рассказывал лживую историю о своих необычайных приключениях в Дереве! Но больше я не могу молчать! Это очень серьезно. Он приписывает нам, дулуликам, дурные

мотивы — тем, кто только и мечтает жить в мире со всеми и заниматься выгодным бизнесом с каждым, кто того пожелает!

— Приговор еще не оглашен, — прервал его Шегниф. — Мы выслушаем всех, включая вашего коллегу Кукса. Собственно, некоторых допрашивают уже сейчас, и я прочту протоколы допросов. К слову, и это будет тоже тебе интересно, летучий. У нас хранятся записи, в которых описывается Каменный Бог. Он напоминает этого человека. К тому же не похож ни на одного из наших людей. Стоит отметить, что у него шапка прямых волос и пять пальцев, не так ли?

— Я не утверждал, что он раб или врумау, Ваше Превосходительство, — запротестовал Глик.

— Тем лучше для тебя, — пробурчал Шегниф.

Он что-то проговорил в стоящий перед ним оранжевый ящик, и большие двери враз распахнулись. Улисс мог поклясться, что это было что-то вроде радио. Правда, он не заметил в городе антенн, но тогда была ночь.

— Продолжим завтра утром, — поднялся Шегниф. — Мне предстоит заняться неотложными делами. Однако, если можете доказать, что вы сказали о ключе к нашему выживанию, я выслушаю каждое слово. Могу даже назначить специальную встречу поздно вечером. Но не советую тратить понапрасну время.

— Я поговорю с вами вечером, — пообещал Улисс.

— И у меня не будет возможности защищаться, — захныкал Глик.

— Будет, ты же отлично знаешь, — поморщился Шегниф. — И не задавай больше глупых вопросов: я занят.

Улисса препроводили обратно в казарму, а Глика перевели в другое место, где, очевидно, содержался и Кукс. Последние из допрашивающих, бригады людей и нешгаев, покинули помещение, только когда вернулся Улисс.

Авина бросилась к нему со словами:

— Все в порядке, Повелитель?

— Мы в руках далеко не глупых созданий, — ответил он. — Надеюсь, мы станем друзьями.

У них не отняли ящиков с бомбами. Им вообще оставили все оружие. Если его позволили иметь только потому, что нешгаи презирали отряд, то люди Улисса могли доказать, как они ошибаются. Одна бомба открыла бы двери, а несколько оглушили бы достаточное количество слоноподобных, чтобы дать отряду пробраться к заливу. Там им ничего не стоило захватить галеру, которая, наверное, проста в управлении. А если бы им захотелось убраться подальше, путешественники захватили бы морской корабль, которых стояло в бухте в избытке и которые, как подозревал Улисс, имели вспомогательные растительные двигатели.

Но пока они выжидали. Если бы нешгаи задумали убить незваных гостей или заключить их в рабство, они наверняка бы конфисковали

оружие. Улисс велел своим сопротивляться, если им будет грозить плен. И на всякий случай сообщил план бегства.

В свое время он увидит, как следует обращаться с нешгаями. Он нужен им, как и они ему. У него знания и энергия, а у них материалы и люди. Вместе они могут одолеть Дерево. Или летучий народ, который — он в этом уверен! — стоит за Деревом.

Вечером пришел офицер, назвавшийся Гаршкратом, и повел Улисса в кабинет Шегнифа. Великий Визирь попросил сесть, предложил темную, похожую на вино жидкость. Улисс принял ее с благодарностью, но много пить не стал: от одного глотка кровь заиграла в жилах.

Шегниф понюхал содержимое хоботом, опрокинул бокал в рот, и по его щекам побежали слезы не то радости, не то боли. В каменном сосуде находилось не менее двух галлонов этого зелья, но больше пить Великий Визирь не стал. Только делал вид. Слушая речь Улисса, Шегниф часто окунал хобот в каменный сосуд, лишь касаясь напитка.

Наконец он воздел руки вверх, останавливая Улисса, и проревел:

— Так ты считаешь, что Дерево не разумно?

— Думаю, нет, — отозвался Улисс. — По-моему, дулулики просто хотят, чтобы все в это верили.

— Может быть, ты искренен в своей вере, — прогремел Великий Визирь, — но я знаю, ты ошибаешься! Уверен, что Дерево — единое разумное существо!

Улисс сел прямее.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Об этом нам поведала Книга Тизнака, — сказал Шегниф. — Я не мог прочитать всю книгу, лишь несколько мест. Но я верю тем, кто утверждает, что они читали о Дереве.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я и не ожидал, что поймешь. Но скоро ты узнаешь.

— Разумно Дерево или нет, но оно растет, — сказал Улисс. — При теперешних темпах оно покроет эти земли за пятьдесят лет. И куда денутся нешгаи?

— Кажется, Дерево ограничивает свой рост побережьем, — возразил Великий Визирь, — иначе оно покрыло бы нас давным-давно. Оно растет на север и, очевидно, заполнит всю землю к северу, за исключением берега. Мы не боимся роста Дерева. Мы боимся его народов. Дерево натравливает их против нас, и его не остановить, пока оно не истребит нас или не заставит жить с ним.

— Ты действительно в это веришь? — усмехнулся Улисс.

— Да.

— А как быть с дулуликами?

— Я не знаю, пока ты не сообщил мне, что они живут на Дереве. Они всегда уверяли, что прилетают с севера. Если ты рассказал правду, то это наши враги. Они, как ты говоришь, глаза Дерева. А другие народы, вроде вигнумов и тому подобных, его руки.

— Если Дерево обладает разумом, то у него должен быть мозг. И если найти мозг, то его можно уничтожить. Если же Дерево только растение, которым управляют дулулики, то следует уничтожить дулуликов.

Шегниф раздумывал несколько минут. Улисс наблюдал, как тот склонился над горлышком толстого бокала и отсосал немного крепкого зелья. «Удивительно, — подумал он, — сидеть в кресле и беседовать с произошедшим от слона существом о маленьком крылатом человечке и о растении, у которого есть мозг!»

Шегниф закинул хобот вверх и почесал раздвоенным кончиком лоб.

— А уничтожение мозга или убийство всех дулуликов остановит рост Дерева?

— Уничтожь мозг зверя — и ты убьешь его, — пожал плечами Улисс. — То же самое верно и для растения. Тогда у нешгаев будет вдоволь огненной воды еще на тысячу лет жизни.

Нешгай даже не улыбнулся. Возможно, его чувство юмора отличалось от человеческого. Он подумал и спросил:

— А вдруг мозг умрет, а Дерево останется? Ведь в конце концов оно не заставляет своих людей нападать на нас. Они примитивны, за исключением некоторых, которые враждуют друг с другом, пока Дерево или летучие их не остановят.

— Если Дерево — только средство управления дулуликов этими землями, то, уничтожив дулуликов, мы дезорганизуем другие народы, которые живут на нем, — ответил Улисс. — Тогда мы сможем приступить к проблеме уничтожения и самого Дерева. Я предложил бы его отравить.

— Понадобится слишком много яда, — заметил Шегниф.

— Ну и что?

— А как ты обнаружишь дулуликов?

Улисс пустился в объяснения. Он говорил больше часа.

— Довольно! — остановил гостя Шегниф. — Я услышал достаточно и отвергаю твою идею.

Но Улисс заверил, что построенные им механизмы будут самыми банальными, и он не видит причин в чем-то сомневаться. Его предложение стоит обдумать.

На том собеседники и расстались. Улисс покинул Великого Визиря чуть навеселе. Он был оптимистом, но, конечно, понимал, что Шегниф обязательно поговорит еще раз с летучими, и неизвестно, как они на него повлияют.

Офицер проводил Улисса вместо казармы в отдельные апартаменты.

— Почему меня отделили от остальных? — спросил Улисс.

— Я не знаю, — ответил офицер. — Мне приказали. Твой дом здесь.

— Я предпочел бы остаться с моими людьми.

— Не сомневаюсь, — согласился офицер, глядя на Улисса вдоль своего неуклюжего хобота, вытянутого под углом в сорок пять градусов к плоскости лица. — Но мой приказ утверждает обратное. Однако я могу передать вашу просьбу начальству.

Апартаменты создавались для нешгаев, а не для людей. Мебель была громадной и неудобной. К тому же он оказался не один. К его услугам были две человекоподобные женщины.

— Я не нуждаюсь в рабынях, — возразил Улисс. — Я сам могу о себе позаботиться.

— Не сомневаюсь, — подтвердил офицер. — Я передам вашу просьбу начальству.

«И на этом все кончится, — подумал Улисс. — Рабынь приставили ко мне не для комфорта. Они шпионки».

Нешгай остановился в дверях и добавил:

— Если вам что-нибудь понадобится, а эти женщины не смогут помочь, то скажите в тот ящичек на столе. Вам ответит охрана.

Он открыл дверь, отдал честь, коснувшись указательным пальцем правой руки поднятого хобота, и закрыл дверь. Громко щелкнула щеколда.

Улисс спросил женщин, как их зовут. Одну звали Луша, вторую Зеби. Обе были молоды и привлекательны, если закрыть глаза на полулысые головы и сильно выступающие подбородки.

Зеби — полногрудая, кудрявая брюнетка с зелеными глазами, оказалась милой хохотушкой. Вполне возможно, что она произошла от его жены и, конечно, от него самого, ведь у них было трое детей. Но сходство с Кларой наверняка было только внешним, у Зеби не могли сохраниться гены таких отдаленных предков. Луша — тонкая, грациозная, с маленькой грудью, больше молчала. У обеих густые темные волосы начинались на затылке, ниспадая до талии, и украшались маленькими фигурками, кольцами и яркими гребнями. Они носили серьги, их выпуклые губы были накрашены, глаза подведены голубой краской. Вокруг шеи болтались нити цветных камней, а на животах красовались какие-то символы — клеймо хозяина, Шегнифа, как выяснилось.

Их ярко-красные юбки украшали зеленые пятиугольники. Узкие черные полосы разрисовывали ноги, заканчиваясь кольцами у лодыжек. Золотые сандалии завершали туалет.

Они проводили Улисса в ванную, куда пришлось всем троим вскарабкаться по приставной лестнице, предусмотрительно оставленной мажордомом. Улисс уселся в раковину, где нешгаи обычно мыли лапы, а женщины встали по краям и устроили ему настоящую баню.

Потом Зеби принесла еду и напиток — амузу, на языке аурата. Он забрался по приставной лестнице в постель и заснул; свернувшись калачиком на коврике, рядом легли женщины.

Утром, после завтрака, Улисс вскрыл ящичек на столе и исследовал его содержимое. В нем находились плотные листочки растений, похожие на две оттиснутые круглые картонки, но остальные детали устройства оказались совершенно твердыми, хотя и неметаллическими. Все казалось живым и соединялось с питающим ящиком растений тремя проводами. Возможно, это были растительные питательные клетки. Очевидно, организм содержал какой-то биологический механизм, управляющийся автоматически, как приемник и передатчик, скорее всего, повинуясь командам.

Улисс решил расспросить женщин. Они, несомненно, были шпионками и могли дать ему информацию. Обе отвечали довольно охотно. Да, они рабыни и происходят из древнего рода рабов. Да, они знают о захвате врумау. Часть их сдалась без боя, потому что им нравилось служить нешгаям. Остальные были захвачены силой. Врумау привезли или пригнали на границы нешгайских земель, где они со своими семьями обосновали военные поселения, которые защищали нешгаев от нападения Дерева. Они свободны, но им запрещено находиться в центральных районах. У них мало контактов с рабами. Зеби не сказала прямо, но намекнула, что существует более тесная связь между рабами и военными поселениями, чем об этом знают нешгаи.

О настроениях рабов Зеби умолчала. Возможно, она боялась, что он доложит хозяину или, скорее всего, что апартаменты прослушиваются. Улисс искал подслушивающее устройство, но, незнакомый с живыми приборами, он мог увидеть их и не узнать.

А вообще-то Зеби вряд ли знала о настроениях рабов: слишком она была изолирована — здесь, во дворце. Кое-что она могла, конечно, подслушать.

Получалось, что рабы жили счастливо. Не то чтобы он вынашивал планы склонить их к революции или призвать присоединиться к какому-нибудь подполью. Он не доверял рабам, но не собирался нарушить без определенных причин статус-кво. Его первейшей задачей оставались поиски людей для борьбы с Деревом.

Он хотел также найти постоянную жену, которая станет другом и матерью его детей. Генетическое строение гуманоидов несколько отличалось от человеческого, но Улисс надеялся, что они не превратились в отдельный вид. Даже если у него появятся дети, он не узнает, будут его потомки бесплодными или нет, пока дети не вырастут.

В полдень его вызвали к Шегнифу. Великий Визирь не стал тратить времени на приветствия.

— Оба дулулика сбежали! Улетели, как птицы из клетки!

— Они, должно быть, решили, что ты поверил в мою историю, — предположил Улисс. — Они знали, что правда рано или поздно восторжествует.

В действительности он в это не верил, но решил произвести на Шегнифа впечатление.

Как же это случилось? А очень просто. Когда офицер открыл дверь, чтобы войти в комнату, они вылетели прежде, чем он попытался их остановить. Летучие пролетели в зал, который оказался достаточно просторным для их крыльев. Им повезло, зал был пуст, и они протиснулись в открытое окно.

— Теперь мне придется объясняться с Шаугрузом, — вздохнул Шегниф.

Под Шаугрузом подразумевался правитель — король, султан, наместник Всевышнего. А дословно это значило Длинный Нос. Сейчас Шаугрузом был Зигбруз IV, но ему не хватало двух лет до совершеннолетия, так что фактически правил Шегниф, однако в любой момент его могли сместить по приказу правителя. Правда, у того были веские причины не выживать Великого Визиря. Зеби рассказала, что здесь и раньше происходили дворцовые перевороты: визиря вырезали правящие фамилии и основывали собственную династию. Это случалось нечасто, так как нешгаи были не так агрессивны, однако каждый правитель думал дважды, прежде чем смещать визиря. К тому же племянник Шегнифа был командующим армией, а также владельцем множества ферм, рабов и торговых кораблей.

— Дулулики знали о моих намерениях, вот и бежали, — объяснил Улисс. — Значит, они нападут первыми. Единственный выход — предупредить их неожиданную атаку.

— Думаешь, что ты схватил меня за нос и можешь делать все, что тебе заблагорассудится? Но я ведь могу решить иначе. Мы древний народ и единственный, продвинувшийся в науке и технике, и мы не станем полагаться на коротконосых фокусников, чтобы обуздать врагов.

Улисс не возражал. Шегниф был расстроен, даже испуган бегством летучих и его последствиями. Он отлично знал, что ему чертовски необходимо обещанное Улиссом, но хотел поддержать собственную репутацию, набраться храбрости и заставить человека поверить в могущество нешгаев. Он будет хвастать и хвастать, а потом они с Улиссом обсудят, что предстоит сделать. Собственно, минут через пятнадцать так и произошло, когда у Шегнифа наконец иссякло воображение.

Наступила долгая тишина. Потом Шегниф рассмеялся, поднял хобот и произнес:

— Однако это ни в коей мере не помешает нам обсудить, что тебе требуется. Собственно, существует такая вещь, как реализм. А ты вышел из народа более древнего, чем нешгаи, хотя я бы не хотел, чтобы ты говорил об этом нашим рабам.

Улисс понимал, что Шегниф не хочет изготавливать порох, поскольку не желает, чтобы о нем знали люди, рабы и вольнонаемные.

А это значило, что рабы бывали недовольны и уже поднимали восстание. С другой стороны, возможно, они вполне довольны, но Шегниф достаточно знал человеческую натуру, чтобы понять: рабы поста-

раются захватить власть при первой возможности. Пусть даже без видимой на то причины.

Улисс высказал свои соображения о контроле за порохом, Шегнифу понравились секретные заводы, где порох изготовляли бы только нешгаи. Улисс соглашался на все: был необходим порох. Да и так называемый «секрет» держался бы недолго. Нешгайские рабочие обмолвятся, а чуткие уши рабов услышат. Улисс и сам может сболтнуть. Все люди знали, что древесный уголь, серу и калиевую или натриевую селитру смешивают в определенной пропорции. И раз «секрет» найден, его уже не забудут. Никогда? Видно, нет. Человека, который жил десять миллионов лет назад, мало заботили подобные вопросы.

Потом Улисс напомнил, как строятся дирижабли. Это потребует больше техники, сноровки и материалов, чем порох. Шегниф нахмурился и сказал, что ему придется снять некоторые ограничения. Но для собственной безопасности Улисса и из-за создавшегося положения, ему не разрешается летать, где вздумается.

Шегниф не понял или не желал понять главного. Улисс хотел применить воздушный флот сначала против вигнумов, он хотел использовать флот только на периметре Дерева, где не подвергался бы нападению летучих и мог бы контролировать соблюдение границы врагом.

Улисса раздражала робость и недальновидность Шегнифа. Однако нешгаи были не единственными, страдавшими близорукостью, ну что ж, Улиссу оставалось теперь готовить оружие, дирижабли и персонал. Перед окончанием совещания они столкнулись с еще одной трудностью. Шегнифу не понравилось, что воздушные силы будут состоять в основном из людей. Он хотел иметь на борту дирижаблей как можно больше нешгаев.

— Но здесь дело в весе, — убеждал его Улисс. — Чем больше нешгаев на корабле, тем меньше топлива и бомб. Ты снизишь боевую мощь!

— Это не существенно, если дирижабли действуют у края Дерева. Они находятся недалеко от базы и могут совершать больше полетов.

На следующий день Улисс увидел Авину и почувствовал себя виноватым. Хотя, по совести, в чем же его вина? Ведь Луша и Зеби были людьми, а не поросшими шерстью, клыкастыми, хвостатыми и кривоногими созданиями. Он вправе был выбрать любовницу. И он выбрал Зеби.

И все-таки Авина заставила его вспыхнуть. Чуть позже, заговорив с ней, он понял, что рад, счастлив видеть ее. Сердце стало биться чаще, дыхание сделалось неровным.

Это было не то, что человек его времени назвал бы любовью, жаждой физической близости. Он наслаждался ее присутствием, разговором с ней, в общем, он мог бы сказать, что полюбил ее, как сестру.

Нет, гораздо больше. Возможно, признался он себе в приступе откровенности, его чувство неописуемо.

Авина превратила его в самого счастливого человека на свете с того времени, как он пробудился. А может быть, даже раньше.

В ее чувствах сомневаться не приходилось. Когда она увидела обеих женщин, ее глаза широко раскрылись, а черные губы изогнулись, обнажив острые зубы. Хвост вытянулся. Она замедлила шаг, потом взглянула на него. Она старалась улыбнуться, но улыбки не получилось. И когда она подошла ближе, он увидел под черной маской бархатистого меха, что Авина разгневана.

Улисс понимал любимую, но знал, что ей придется взглянуть правде в глаза. Если же она не сможет, ей придется уйти. Было бы грустно отослать Авину прочь, чудовищно грустно, но он перенесет это, а потом забудется печаль: время возьмет свое.

Авина и не пыталась вскрыть свои намерения, хотя гнев подавила.

— Хорошо оказаться вновь на твоей стороне, Повелитель. У тебя будут отличные помощники, с в о б о д н ы е и преданные люди.

Она говорила на аурате, не сомневаясь, что обе женщины ее отлично понимают.

— Приятно, что ты опять со мной, — ответил он серьезно.

Он вздрогнул при мысли о том, какую причиняет ей боль, когда отправляет ее спать в соседнюю комнату. Какой он Бог, если не может стать выше чувств простых смертных!

Сознавая свою трусость и ненавидя себя за это, он прервал разговор. Чтобы избавиться от упреков, сослался на чрезвычайно важное, неотложное дело.

Авина пошла с ним на совещание, а позади следовали обе женщины. Авина была умна и позже объяснит своим, что происходит. Хотя бы на какое-то время Улисс успокоит кошачьих, которым не было места в его планах. У них недоставало знаний и навыков для следующей фазы борьбы против Дерева и его прислужников. Но он не сказал им об этом, как не стал объяснять, что их время еще впереди. Раз готовится нападение на дулуликов, то три кошачьи группы окажутся ценнее в Дереве, чем все толстокожие и человекообразные вместе взятые. Они проворнее и более приспособлены к нему.

Дни и ночи были предельно загружены и продуктивны, хотя и не так, как хотелось бы. Нешгаи-слоны вобрали в себя такие человеческие черты, как мелочность, зависть, ревность, подозрительность, жажду престижа, денег и положения, жадность и просто глупость. Видно, они тоже оказались не в силах подняться над пороками. Пусть верно, что на первый взгляд они не были так активны в своих стремлениях, как их человеческие аналоги. Но в этом виновата была только их медлительность. Все события разворачивались со скоростью больной черепахи или анемичного слона. Улисс тратил половину времени на пресечение административных склок, утешение раненого самолюбия,

выслушивание петиций о достигнутых успехах или диких проектов применения дирижаблей, стараясь выбить всеми возможными способами необходимое количество материалов и рабочих.

Он жаловался Шегнифу, который только пожимал плечами и сгибал свой хобот.

— Это система, — говорил он. — И я не в силах ничего сделать. Я могу пригрозить, свернуть несколько хоботов или даже голов, но если виновных найдут и привлекут к суду, ты потеряешь еще больше времени. Ты угробишь не один день, свидетельствуя в судах, вместо того чтобы потратить его на свои проекты. Наши процессы чересчур медлительны. Пословица гласит: «Раз отрежь голову, потом уже не вернешь». Мы, нешгаи, всегда помним, что Неш, первый из нас, был богом справедливости. Мы должны осторожничать, дабы избежать ошибок.

Улисс попробовал пойти на хитрость. Он сказал:

— Разведчики сообщают, что на ветках с края Дерева собралось много вигнумов и глассивов. Их нужно атаковать как можно быстрее. Неужели ты думаешь, что ради справедливости надо ждать, пока они нападут первыми? Или ты предложишь им выбирать место и время?

Шегниф улыбнулся.

— Ты хочешь убедить меня, что если мы замешкаемся с новым оружием и кораблями, то причиним вред только себе. Ладно, может быть, ты и прав, но я ничем не могу помочь, чтобы ускорить строительство. Или снизить затраты. И не спорь.

Обращаться больше было не к кому. Любая апелляция к правителю, Зигбрузу IV, попадала на стол Шегнифа: даже если обойти визиря, то Зигбруз не станет игнорировать советы своего главного помощника. Особенно, если петиция исходит от чужака.

Улисс боялся, что Шегниф избавится от него, после того как будут сделаны корабль и порох, а техника навигации полностью изучена и освоена. Ведь он все-таки человек и не имеет особых причин оставаться верным Шегнифу. Вполне возможно, что Шегниф подозревал в нем агента Дерева. Улисса могли послать шпионом на землю, чтобы подбить рабов на восстание, соблазнить нешгаев идеей построить воздушный флот, который можно было бы обернуть против них самих.

Улисс признался себе, что, будь он Шегнифом, он бы учел эту возможность и не погнушался бы заключить Улисса в тюрьму, когда основная работа закончится.

Однако Улисс надеялся, что Шегниф поймет: чужак нужен ему надолго. Наверняка Шегниф должен знать, что, прежде чем нешгаи окажутся в безопасности, Дерево придется уничтожить.

Между тем началось производство черного пороха, бомб и ракет. Предварительные приготовления серной кислоты и добыча цинка, реагируя с которыми серная кислота выделяла водород, подходили к концу. Железо, которое могло сослужить ту же службу, казалось,

напрочь отсутствовало даже в минимальных дозах. Оно, правда, встречалось в горах, но чтобы добыть его, потребовались бы чудовищные затраты материалов, сил и времени, а Шегниф не мог этого позволить. Улисс снарядил команду на поиски цинка и через десять дней нашел его в форме сфалерита. Это серосодержащая руда спекалась до получения оксида, который затем смешивали с прессованным древесным углем и нагревали до тысячи двухсот градусов Цельсия (или шестисот гренгаузов). Парообразный цинк конденсировался снаружи реактора и потом отливался в цинковые блоки. Применяя низкотемпературный процесс, сульфид переводили в сульфат и разводили водой. Чистый цинк выделяли потом электролизом с помощью растительных батарей.

Оболочку дирижаблей делали из внутренней кожицы растений, которые шли на двигатели. Она была чрезвычайно легкой, прочной и эластичной, пятьдесят кусочков, сшитых вместе, давали большой баллон для хранения водорода.

Главной проблемой оставался двигатель. Не хватало железа даже на один мотор, и не было никакого намека на бокситы, чтобы получить алюминий или другие подходящие металлы. Единственной тяговой силой оставался растительный мускульный мотор, применявшийся для привода автомобилей и кораблей.

Улисс попытался использовать воду на манер примитивного реактивного механизма в наземных двигателях, но они не могли вращать пропеллер достаточно долго и быстро. Он экспериментировал с реактивными двигателями на морских кораблях, которые забирали и выпускали воду, как осьминоги. Однако в воздухе они оказались не столь эффективны.

Решение проблемы предложил Фабум, надсмотрщик-гуманоид моторной плантации. Он послал Улиссу официальное предложение. Бумага затерялась где-то в административных джунглях, которые разрослись вокруг зародыша воздушных сил. Фабум устал дожидаться ответа и добился позволения провести эксперименты. Он объединил два автомобильных мотора и гондолу и срастил мускатные выводы обоих. В результате исходная энергия не удвоилась, а утроилась. Четыре таких гондолы, содержащие восемь моторов, могли, вращая пропеллеры, сообщить дирижаблю скорость в двадцать пять миль в час при спокойном воздухе.

Хозяин Фабума отправился прямо к Улиссу (что вызвало позже некоторые нарекания) и рассказал ему, что придумал раб. Фабум был рад, что хозяин не присвоил открытие себе: видно, сыграла гордость и честь нешгая.

Конечно, увеличение количества моторов потребовало больше топлива, а это, в свою очередь, увеличило вес. Но путешествие к основному городу дулуликов только по воле ветра, как прикинул Улисс, было бессмысленно. Возвращаться обратно — совсем другое дело. Если дирижабли откажут, вернуться можно и пешком.

Услышав последние донесения, Шегниф остался доволен. Он наградил Фабума своею дружбой, на деле означавшей, что тот все же остается рабом, хотя может жить в лучших комнатах и зарабатывать больше денег, если, конечно, его хозяин станет больше платить. И ему позволялось просить разрешения жить, где ему вздумается.

Великого Визиря совершенно не заботило ограничение дальности и скорости дирижаблей. Он собирался использовать их только на периметре Дерева, вблизи нешгайской границы.

Через три недели первый дирижабль совершил свой первый полет. День выдался солнечный, ветер был лишь около шести миль в час. Корабль сделал несколько кругов так, чтобы его могли лицезреть высокопоставленные лица. На обратном пути дирижабль сбросил двадцать тридцатифунтовых бомб на служивший мишенью старый дом. Только одна бомба легла точно в цель, но этого было достаточно, чтобы разнести дом на куски. К тому же Улисс заверил Шегнифа, что тренировки улучшат меткость.

Пока экипажи тренировались, были построены еще девять дирижаблей. Улисс опять жаловался на излишек нешгайских офицеров и соответствующее снижение радиуса действия и огневой мощи. Шегниф опять говорил, что это не имеет значения.

Появились донесения разведчиков о скоплении гигантских медведоидов и леопардоидов и участившихся столкновениях между пограничными патрулями и отдельными группами врага. Улисс не понимал, почему противники никак не решатся на стремительный рейд. У них, конечно, было достаточно войск, чтобы продвинуться на нешгайскую территорию, если предпринять внезапную атаку. Более того, чтобы заключить мир между этими вечно враждующими группами и обеспечить их пищей, потребовалась бы очень мощная организация. Пока что ни одно из племен не могло додуматься до этого.

Над аэродромом на расстоянии полета стрелы появились крылатые человечки. Четырежды летучие следовали за летящими дирижаблями. Больше чем на несколько оскорбительных жестов они не отважились.

Скоро Улисс перенес свою штаб-квартиру (с дозволения Шегнифа) из дворца на летное поле. Оно находилось в десяти милях от города, и Улиссу не надо было тратить время на поездки туда и обратно. Дважды в день с помощью радиорастений он посылал Шегнифу рапорт.

Лушу убрали, хотя ее и отдали Улиссу, она была помолвлена с солдатом на границе. Прощались со слезами на глазах. Даже Зеби, которая ее особо не жаловала, расплакалась, поцеловала и сказала, что надеется увидеть ее скоро. Авина, казалось, обрадовалась, что избавилась от одной из женщин, и, как только Луша скрылась с глаз, перенесла всю свою злость на Зеби. Зеби, уверенная теперь в своем положении, помыкала Авиной словно рабыней. Авина терпеливо сносила издевки и бесцеремонное обращение: она не хотела обострять

отношения с Улиссом, демонстрируя силу и ярость, которыми обычно награждала обидчика, но она буквально кипела. Уж кто-кто, а Улисс-то видел. Он бранил Зеби, заставляя ту заливаться слезами, а Авину — улыбаться, словно кошку, съевшую хозяйскую сметану.

Улисс работал до поздней ночи, вставал рано и вечерами мечтал только об одном: поскорее завалиться в постель. Он никого не пускал в свою спальню, и Авина ликовала. Зеби не протестовала: все же она была рабыней, и не совсем его. Он казался чужим, лишь похожим на ее племя, и его мысли и поступки были ей непонятны. Но она давала несколько раз понять Улиссу — иногда тонко, а иногда нет, — как ее это задевает. Улисс старался не обижать ни ту, ни другую, но иногда жалел, что они не оставляли его в покое. Впрочем, любил он их обеих, хотя и по-разному. Авина была живой и умной. Она происходила из примитивного общества, но быстро все усваивала и работала как толковый секретарь. Подобные обязанности оказались недоступны Зеби. Помимо заботы о муже ее ничто не интересовало. А потом случилось непредвиденное.

Как-то Улисс поднял все десять дирижаблей и разучивал с ними несколько очень нужных маневров. С побережья дул ветер в добрых пятнадцать миль в час, и большие газовые баллоны едва двинулись против ветра. Два корабля столкнулись, повредив друг другу двигательные гондолы. Почти тотчас же они расцепились, и их понесло ветром прочь. Улисс отдал приказ по радио спустить газ, чтобы посадить корабли на землю. Экипажам пришлось бы идти пешком около двадцати миль, поэтому он передал по радио, чтобы им навстречу выслали автомобили.

Дирижабли вернулись домой только перед закатом. Когда его корабль втянули в ангар, Улисс глянул в заднее окно гондолы. Там, на фоне кровавых лучей солнца, у самого горизонта, мелькали крошечные фигурки. Это могли быть птицы, но их силуэты заставляли предполагать, что это летучие. Улисс всем напомнил о бдительности и прошел в свой кабинет.

Ночью он проснулся от криков. Он соскользнул с постели, сооруженной специально для человека, и распахнул дверь. Часовой пытался разнять две кричащие, дерущиеся фигуры. Лицом к лицу, рука к руке стояли Авина и Зеби. Авина держала кремниевый нож, а Зеби сжимала ее запястье. Авина была короче, легче и сильнее, и только отчаяние Зеби и сила часового смогли отвести нож от живота рабыни.

Улисс приказал Авине бросить нож.

В тот момент снаружи раздался взрыв, стекло разлетелось, осыпав и порезав их множеством осколков.

Улисс и часовой шлепнулись на пол. Зеби, ослабив хватку, повернулась к окну. Авина же, не обращая внимания на взрывы, вонзила нож в женщину.

Зеби вскинула, защищаясь, руку, нож скользнул по руке, и кровь плеснула Авине в лицо. Потом нож рванулся вверх и вонзился в челюсть Зеби. Однако сила удара ослабла. Улисс вцепился в руку Авины, нож со стуком полетел на пол.

Еще один взрыв, только ближе, громыхнул в дверях на другом конце зала и затопил комнату облаком дыма.

Авина упала на колени, но, как только до нее добрался дым, вскочила.

— Отдай мне нож! — закричала она. — Я не трону Зеби. Неужели ты не понимаешь! На нас напали. Мне нужно оружие!

Хотя его и оглушило взрывом, он все расслышал. Медленно протянул окровавленное лезвие, и она взяла нож за рукоятку. Прорвавшаяся сквозь дым фигура крикнула:

— Повелитель, летучие!

Это был Вулка, черный от дыма и окровавленный из-за раны в плече.

Улисс выскочил за ним в ангар, служивший ему одновременно и кабинетом, и жилыми апартаментами. Два дирижабля были пришвартованы к земле толстыми пластиковыми кабелями. Из темноты в верхней части строения метнулись длиннокрылые пигмеи, осыпав Улисса градом стрел. Он нырнул обратно, и только благодаря этому, а может быть, скверному стрелку, тонкая отравленная стрела вошла в землю в нескольких дюймах от его ноги.

Лучник поднял лук, хладнокровно прицелился в крылатого человечка и пустил стрелу, которая прошила ногу летучему и вонзилась ему в живот. Человечек шлепнулся в нескольких футах от Улисса.

Несколько дулуликов летало в верхней части ангара. Они метали отравленные стрелы. Снаружи, освещенная неверным светом электрических лампочек и факелов, толпилась свора летучих. Они сновали через иллюминаторы, метали свои крошечные, утяжеленные камнями деревянные дротики, выпускали короткие стрелы или бросали маленькие круглые бомбы с подожженным запалом.

Взрывы сверкали, как фотовспышки. Повсюду, внутри ангара и снаружи, валялись на полу тела. Большинство их принадлежало защитникам: нешгаям, человекообразным кошкам, но потом Улисс различил дюжину пар кожаных крыльев, распростертых среди трупов убитых и раненых.

Он обернулся к Авине и гаркнул:

— Наружу! Через другую дверь!

Она, казалось, не поняла, и он повторил приказ. Авина бросилась к дверям. Он приказал всем кошачьим, стреляющим по летучим в ангаре:

— Бежим от дирижаблей, пока они не загорелись.

Им слишком долго везло. Ни одна из взорвавшихся бомб не подожгла водород в громадных баллонах, иначе все бы погибли.

Когда он повернулся, раздался мощный рокот, из ближайшего ангара вырвался сноп света. Дирижабль, а возможно, оба дирижабля, так как в ангаре они находились попарно, охватило пламя. А это значило, что огонь мог перекинуться на соседние ангары. Улисс подождал, пока его люди выбегут через щель в переднем торце ангара. Успели не все: некоторые падали под градом отравленных стрел.

Он втолкнул бегущего перед ним вуфеа в дверь, пронесся через несколько комнат к воротам, открывающимся сбоку ангара. Когда все оказались снаружи, Улисс позвал их на битву в открытое поле. Справа, в грохоте и пламени, взлетел на воздух еще один ангар, а через минуту все шесть строений уже полыхали огненным заревом. Флот был уничтожен.

Было темно: настала ночь. Они шли по полю, а дулулики летали над головами, стремясь уничтожить всех их. Соратники Улисса падали как подкошенные, но он подхватил щит, брошенный кем-то из убитых, и держал его над головой. В обтянутый кожей деревянный диск вонзилось несколько стрел, глухо стучали деревянные дротики. Правда, бомб пока не сбрасывали: видно, летучие израсходовали их в первой атаке. Но вдруг вызвано подкрепление?

Маленький отряд вышел к границе темноты под сенью деревьев и занял круговую оборону, отстреливаясь от летучих.

Далеко на западе, где остался город, отражались в облаках яркие сполохи от горящих зданий.

Помимо летучих, существовали и другие опасности. Подъехал автомобиль, из него выскочил вооруженный человек, подбежал к Улиссу и приказал тому явиться к нешгайскому офицеру. Улисс повиновался и обнаружил Близмага, полковника корпуса вооруженных автомобилей, поджидавшего его у открытой двери. У Близмага была глубокая рана на лбу, легкий порез хобота и дыра в левой руке. Его солдаты выскочили из автомобиля, рассыпались цепью и принялись стрелять деревянными короткими болтами из деревянных же арбалетов.

— У меня приказ Великого Визиря вывезти вас из опасной зоны, — сказал Близмаг и взглянул на длиннокрылые фигурки, мерцающие в отблесках горящего газа. — Дважды нам на крышу сбрасывали бомбы, но особого вреда не причинили, только чуть оглушили. Поехали.

— Я не могу бросить своих людей.

— А, сможешь! — цинично хмыкнул Близмаг. Он гордо, если не истерически, протрубил что-то.

— Это не только дулулики. В набеге участвуют все народы Дерева! И они идут не ордой, если наша информация верна, а огромным клином — он прорвался через все наши заслоны! Сейчас их остановили, но отступать они не собираются. Великий Визирь говорит, что, скорее всего, они намерены захватить тебя в плен! Города им не взять! Но до тебя они могут добраться.

Подъехал второй автомобиль, похожий на первый. Изогнутая крыша была сделана из трех слоев дерева над толстым пластиком. Кузов имел двойные стенки и, кроме дверей, амбразуры. Когда его строили несколько лет назад, никто, конечно, не думал о том, сможет ли автомобиль выдержать взрыв.

Улисс нагнулся к двери, пока его прикрывали стоящие снаружи арбалетчики. Потом он кивнул, подзывая Авину. Она подбежала, чуть не получив в бок отравленную стрелу. Та миновала ее всего в нескольких дюймах! Лучник с удовольствием всадил стрелу в летучего, который подлетел, чтобы подстрелить Авину. Стрела пронзила ему руку. А когда его ноги коснулись земли, вторая стрела уже застряла в его ребрах.

— Влезай! — коротко бросил Улисс и взглянул на Близмага. — Я поеду, если увижу, что вывозят моих людей.

— Ладно, — отозвался Близмаг.

Улисс махнул своим людям, и те, помогая раненым, перебрались через открытое пространство к автомобилям. То ли летучие исчерпали запасы бомб, то ли в полной мере оценили мастерство лучников, но как бы там ни было, они не рискнули нападать на беззащитных людей.

Машина двигалась по дороге со скоростью двадцать миль в час. Слабые фары освещали дорогу лишь на двадцать футов вперед.

— Зачем вы включили фары? — спросил Улисс. — Они же могут привлечь неприятеля.

— Я не получил приказа их выключить, — отозвался нешгай. Он откинулся на сиденье и тяжело дышал через рот. Из его ран все еще бежала кровь.

Улисс стоял рядом с ним на сиденье, которое предназначалось для второго нешгая, — вероятно, погибшего. Справа от Улисса находился водитель. За ним, в центре, прижались друг к другу Авина и семеро вуфеа. Лучники всматривались сквозь щели в темноту, чуть освещенную огнями ехавшей впереди машины.

— Ты не получил приказа? — переспросил Улисс. — Разве тебе запрещается выключать фары по собственному желанию?

Близмаг кивнул.

— Тогда я приказываю, — нашелся Улисс. — Может быть, уже слишком поздно, но на всякий случай выключи.

— Я служу в корпусе вооруженных автомобилей, а ты офицер воздушных сил, — отозвался нешгай. — И ты мне не начальник.

— Но ты за меня в ответе! — воскликнул Улисс. — Тебе поручено доставить меня в столицу. Моя жизнь в твоих руках! Пока не выключены огни, ты подвергаешь меня опасности! Не говоря уже о моих людях.

— Не приказано, — сказал печально Близмаг и умер.

Улисс взял ящичек передатчика.

— Командир Поющий Медведь говорит от имени полковника Близмага, передавшего мне полномочия из-за тяжелых ранений. Выключить фары!

Через мгновение машины катили по магистрали уже в темноте. Дорога просматривалась достаточно, чтобы следовать со скоростью пятнадцать миль, и Улисс надеялся, что они достигнут столицы незамеченными.

Он нажал кнопку, помеченную нешгайскими символами, на боку ящичка. Возникло давление на нервное окончание растительного организма, изменилась полоса частот.

Он повторно запросил связь с Великим Визирем, но ответа не получил. Даже когда назвал себя, никто не откликнулся. Улисс переключился обратно на частоту, используемую между автомобилями, и велел оператору послать запрос по НО. Потом пробежал по всем возможным каналам передатчика, надеясь узнать, как дела в обороне. Он услышал множество переговоров, но ничего не смог разобрать. Он попробовал вклиниться в один из них, надеясь, что его запрос передадут по НО, но ничего не получилось.

Нешгайский водитель, прильнув к смотровой щели, доложил:

— Командир! Впереди что-то виднеется!

Улисс велел ему держать скорость и взглянул в щель. Он увидел несколько бледных фигур, быстро движущихся по полю и, очевидно, стремящихся перехватить их машины. Улисс включил фары, и фигуры стали видны яснее. В отраженном свете фар глаза сверкнули красными искрами, бледные тени превратились в пятнистых двуногих, похожих на леопардов. Они несли пики и круглые предметы, похожие скорее всего на бомбы. Откуда народ Дерева достал порох?

Улисс сказал в передатчик:

— Противник справа! Полный вперед! Лучники, огонь!

Первый из леопардолюдей достиг дороги. Внезапно появились красные искры. Затем пятнышки света. Видно, враг открыл огневую коробку и поднес к запалу бомбы. Огонь описал дугу — бомба полетела к машине. Стукнул арбалет, из правой щели метнулась стрела. Враг вскрикнул и упал. Раздался удар по крыше, потом взрыв, который оглушил сидящих и тряхнул машину. Но бомба скатилась на дорогу, и машина двинулась дальше.

Показались другие фигуры — кто с копьями, кто с огневыми коробками и бомбами. Копьеносцы пытались просунуть свое оружие сквозь смотровые щели, а бомбардиры швыряли бомбы в борт автомобиля.

Те ударялись о крышу автомобиля, скатывались на дорогу и взрывались, причинив больше вреда противнику.

Первый автомобиль прорвался, и выжившие напали на второй. Один из них, разбежавшись, вскочил на покатую крышу автомобиля. Он положил бомбу, спрыгнул и был застрелен. Бомба сорвала два верхних

слоя, повредила третий. Некоторое время осажденные ничего не слышали, но остались целы и невредимы.

Но вот и город — покалеченный, обгоревший. Летучие сбросили много бомб. Отряд камикадзе влетел во дворец — окна так и не были зарешечены, хотя приказ отдавали две недели назад — и перебил многих, но до правителя и Великого Визиря не добрался.

Улисс узнал об этом у Шегнифа.

— Не убивайте этих двух преступников, ваше превосходительство, — сказал он. — Мы сможем вырвать из них тайну расположения их основного города.

— А потом что? — спросил Шегниф.

— Потом используем новый воздушный флот, во много раз лучше этого. Нападем и разрушим главный город дулуликов. А далее — Дерево.

— Разве тебя ничему не научило то, что случилось сегодня ночью? — удивился Шегниф.

— Враг уничтожил не так уж много, — ответил Улисс. — Но зато сослужил нам хорошую службу. Если бы дирижабли не погибли, я бы потратил много времени, убеждая вас построить новые, более совершенные. Я имею в виду громадные корабли, которые на моем родном языке называли жесткими дирижаблями. Можно назвать их директиблями или стираблями. Они потребуют во много раз больше материала и времени, но зато будут более приспособлены к бою.

Он боялся, что Визирь разъярится на его самонадеянность, но Шегниф остался спокойным.

— Ты прав: врага надо бить в самое сердце. Но я не понимаю, как мы победим Дерево, даже если уничтожим его глаза и уши, дулуликов. Видно, у тебя есть какое-то решение.

Улисс открыл свой план. Шегниф слушал, кивал огромной головой, щепая свои бивни и почесывая лоб раздвоенным кончиком хобота. Потом сказал:

— Что ж, принимаю твой план! Вигнумы и классимы отброшены назад, мы взяли множество пленных. И подобрали около двадцати раненых из летучих.

— Некоторые могут дать ценную информацию, — сказал Улисс. — Остальных используем для тренировки ястребов.

И вновь он был занят от рассвета и до заката. Однако нашел время разобраться в ссоре Зебы и Авины. Он не видел женщину после бегства из ангара, и она дала о себе знать только через несколько дней. Она сказала, что выскочила вслед за Улиссом, но потеряла сознание и очнулась среди груды трупов. Спасибо судьбе, что осталась жива!

Обе самки утверждали, что повздорили из-за его любви! — в ком он больше нуждается и кого предпочитает. Зеби набросилась на Авину, и той пришлось схватиться за нож.

Улисс решил отложить наказание на будущее. Он строго разграничил их права и обязанности и велел им не ссориться — иначе обе окажутся в немилости.

Зеби плакала, Авина причитала, но обеим пришлось смириться.

Уладив ссору, Улисс занялся делами. Он велел созвать всех дрессировщиков ястребов. Это были свободные люди, которые только тем и занимались, что обучали некоторые виды птиц для своих хозяев, которым нравилась птичья охота. Вместо того, чтобы натаскивать ястребов на уток, пингвинов и тому подобную дичь, им надлежало теперь обучить их нападать на летучих мышей. Пленных дулуликов, оклемавшихся от ран, хватало на это с лихвой.

Через пять месяцев Улисс, правитель и Великий Визирь увидели первые плоды обучения. Угрюмый летучий, который знал, что его ожидает, разбежался по полю, захлопал крыльями и оторвался от земли. Летя против ветра, он достиг сорокафутовой высоты и, решив, что попробует удрать домой, развернулся. Ему дали короткое копье с каменным наконечником, и он надеялся, что отобьется от двух ястребов.

Возможно, летучий не поверил нешгаям, когда те сказали, что он может донести весть о новом оружии своему народу. Если бы он убил двух ястребов, остальные его бы не тронули. Так что у него был шанс.

И он поступил, как ему приказали: развернулся над полем и набрал высоту. Когда же помчался назад, охотники сняли колпачки с двух ястребов и подбросили птиц в воздух. Какой-то момент те кружили на месте, а потом, хрипло крикнув, бросились на летучего. Они неслись вниз, словно оперенные стрелы молний, и ударили с такой силой, что было слышно даже на земле. Как раз за мгновение до этого летучий сложил крылья и повернулся к ним лицом. Первый ястреб ударил его в голову и тут же погиб от ножа, но когтей не выпустил. Второй напал через несколько секунд, впившись когтями в живот летучего. С истошным криком человечек полетел вниз и грохнулся о землю с такой силой, что сломал ноги и одно крыло. Ястреб же продолжал терзать его, не отпуская.

— Конечно, мы не сможем взять по охотнику на каждую птицу, — сказал Улисс. — Мы натаскаем их так, чтобы они работали сами. Пусть сидят в клетках, двери которых будут открываться особым механизмом. Оказавшись свободными, они вылетят и кинутся на ближайшего летучего. А уж драться они умеют.

— Будем надеяться, — согласился Шегниф. — Однако я не верю в эффективность ястребов. Ничто не помешает им броситься скопом на одного летучего, а враги в это время прорвутся.

— Мои дрессировщики работают над этим, — отозвался Улисс.

Несмотря на возражения, Шегниф, казалось, остался доволен.

Он раскланялся и потерся хоботом с правителем, который отправился во дворец в затейливо разукрашенном автомобиле. А потом пошел, болтая с Улиссом, и даже коснулся кончиком хобота его носа.

— Наше счастье, что Каменного Бога разбудил удар молнии, — сказал он. — Хотя, конечно, молнию послал Неш.

Он улыбнулся. Интересно, чего было больше в отношении Визиря к Богу: иронии или веры?

— Неш расколдовал тебя, чтобы ты служил его народу. Так сказали священники, а даже я, Великий Визирь, преклоняюсь перед мудростью святых отцов.

Слушай, тебе несказанно повезло: ты — единственный не-нешгай, которому дозволено прочесть Книгу Тизнака. Имей в виду: только несколько нешгаев удостоены такой чести.

Следующее утро подтвердило слова Шегнифа. К Улиссу явился священник, облаченный в колпак и мантию, такие же серые, как его кожа. В правой руке он держал жезл с вырезанным на конце X в разорванном круге. Его звали Зишбрум. Он был молод, приветлив и чрезмерно учтив. Но дал понять, что Улисса требуют — вот именно требуют! — а не просят, явиться в замок.

Улисса привезли в западную часть города и провели в квадратное с острой крышей каменное здание. Там его ожидал сюрприз: шестидесятифутовый куб, на котором не было ничего, кроме стоявшей в центре статуи Неша. Бог походил на самца нешгая, хотя бивни казались длиннее, а рыло толще.

По углам равностороннего треугольника, в центре которого возвышалась статуя, несли стражу три священника.

Здесь Улисса ждал Зишбрум.

Он нажал на крошечную каменную пластинку, и в тот же миг перед ним опустилась гранитная плита. Улиссу велели идти вперед по крутым гранитным ступенькам, освещенным холодным светом растений. Зишбрум шел за гостем. Гранитная плита скользнула обратно, и они оказались погребенными.

Значит, у них здесь еще один город — подземный.

Он занимал площадь в четыре квадратных мили и имел четыре этажа. Вряд ли его построили нешгаи. Похоже на какой-то древний музей.

— Кто построил этот город? — спросил Улисс.

— Мы не знаем, — ответил священник. — Очевидно, в нем жил народ, который пошел от собак или подобных животных, но не думаю, что это их город. Скорее, они нашли его и поселились, а потом исчезли. Может быть, их уничтожили или они ушли по каким-то причинам. Существует народ, живущий с Деревом и отдаленно напоминающий этих древних людей.

В любом случае, мы, нешгаи, были маленьким и примитивным племенем, бежавшим от Дерева в эти края, здесь мы нашли много интересного. Растительные батареи, моторы, радио, к примеру, были выращены из семян, хранившихся в закрытых контейнерах. Мы нашли также множество предметов, в которых не смогли разобраться, а то бы

мы спалили Дерево. Возможно, поэтому оно и стремится нас уничтожить, убить, прежде чем мы найдем способ справиться с ним.

Зишбрум помолчал и добавил:

— И существует Книга Тизнака, величайшего нашего священника. Он первым догадался, как прочитать Книгу. Пойдем. Я покажу тебе Книгу, как было указано. И ты увидишь Крушмурза, Высшего Священника.

Крушмурз оказался очень старым и дряхлым, в очках и с трясущимися руками. Он благословил Улисса, не вставая со своего высокого мягкого кресла, и сказал, что повидается с ним после того, как тот прочтет Книгу. Конечно, если Улисс сможет это сделать.

Улисс последовал за священником, минуя пролет за пролетом, защищенные прозрачными стенами из какого-то странного материала. А потом они пошли в кубическое помещение, совершенно пустое, за исключением золотистой пластины, прикрепленной к основанию металлической платформы.

— Удивительно, — сказал Улисс, — что-нибудь здесь было?

— Наверное, здесь был ты, — отозвался Зишбрум. — Во всяком случае, согласно легенде.

Сердце Улисса забилось чаще, он почувствовал, как его кожа превращается в липкую холодную жижу. Улисс нагнулся, чтобы разобрать черные буквы на желтом металле. В комнате было так тихо, что он слышал, как стучит в висках кровь.

На первый взгляд буквы напоминали латинский алфавит или международный фонетический алфавит (МФА), который основывался на нескольких языках. Улисс изучал буквы, а за его спиной терпеливо выжидал священник. Если допустить сходство букв с МФА, то можно попытаться прочесть эти тринадцать строчек. Наверняка он встретит знакомые слова, даже если с тех пор язык изменился.

«Конечно, — сказал Улисс себе, — язык может оказаться не английским». Полной уверенности, что он находится на Североамериканском континенте, у него не было. Это могла быть Африка или Евразия. Мало ли там языков...

Все арабские цифры не изменились... Как же расшифровать? «КУ-ЗИН ПУШИ ВЕДЬ» написано заглавными буквами. Возможно, это значит «Улисс — Поющий Медведь». Звук У по каким-то причинам сменился на Ку. А окончание предыдущего слова стало началом последующего. Только в ПУШИ сразу угадывалось «Поющий». М превратилось в Н, а в результате эволюции языка слово «Медведь» потеряло середину и неузнаваемо сократилось.

Если следовать этой теории... Улисс присвистнул.

— Я попробую!

Да, здесь был какой-то здравый смысл. Буквы возникли из МФА или чего-то подобного. А язык английский, но изменившийся и по

структуре напоминавший кельтский диалект. Некоторые слова перевести он не мог, и оставалось только догадываться. Кроме того, в любой язык каждый год добавляется много новых слов, другие же исчезают. И существовали правила, с которыми следовало считаться.

Вот что получилось в конце концов:

ЗДЕСЬ... УЛИСС — ПОЮЩИЙ МЕДВЕДЬ, Я ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ ЗАМОРОЖЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК, Я СЛУЧАЙНО... ЕМУ... МОЛЕКУЛЯРНЫЙ СТАЗИС ВО ВРЕМЯ НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СИРАКУЗАХ, НЬЮ-ЙОРК ДРЕВНИЙ ГОРОД СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ. В ЗАМОРОЖЕННОМ СОСТОЯНИИ...

Дата была невразумительна. По каким-то соображениям арабские цифры не применялись. Но число должно было соответствовать 1985 году. Дата сооружения монумента также непонятна.

Но не все ли равно, что там стояло, 6985 или 50000! Хотя, возможно, первое число вернее. За пятьдесят тысяч лет язык изменился бы до неузнаваемости.

Впрочем, неважно. Главное, что именно он, Улисс, когда-то сидел на этой металлической платформе с прикрепленной мемориальной доской, и бесчисленные посетители приходили сюда, читали эти слова, в различной форме, поскольку язык постоянно менялся, и с благоговением глазели на неподвижные каменные фигуры. А может, глазели с усмешкой, поскольку человек никогда не удержится от острот, даже в присутствии смерти. И еще они глядели бы на него с завистью, если бы знали, что он будет жить, когда сами они сотню тысяч раз превратятся в прах.

Что же с ним случилось? Неужели его кто-то украл? Или он стоял где-то, а потом его решили поместить сюда? И он по дороге исчез? Кто знает...

Улисс и его провожатый покинули зал, миновали множество коридоров и остановились перед глухой стеной. Нешгай сказал слово, и стена, казалось, растаяла, растеклась, открыв узкий проход. Улисс шагнул за гигантом в маленькую комнату, напоминавшую сферу. Стены были покрыты серебристой зеркальной субстанцией, а посередине свободно плавал в воздухе серебряный диск. Зишбрум взял Улисса за руку и подвел его к диску. Гость увидел свое отражение. Только свое. Зишбрума в шаре не было.

— Мне не дано читать в Книге, — сказал печально Зишбрум. — Потом позови, дверь будет открыта.

Нешгай удалился, а Улисс продолжал смотреть на свое отражение. И вдруг оно исчезло, словно испарилось. Слой за слоем пропадали плоть, через несколько секунд перед Улиссом стоял скелет, но потом и он превратился в ничто. Остался только диск.

Улисс шагнул вперед, полагая, что невозможно войти в твердый материал, — и тотчас оказался внутри. Или подумал, что оказался. Как Алиса в Зазеркалье.

Улисс протянул руку, но ничего не почувствовал. Он вошел в гигантское Дерево, миновал темноту и вышел с другой стороны. Сквозь него прошла прекрасная, загорелая женщина. Сережки, кольцо в носу, кольца на пальцах, бусы и какие-то немыслимые узоры украшали ее. Она двигалась все быстрее, быстрее, потом побежала. И все побежали с ней вместе, будто кто-то пустил ленту со страшной скоростью. Улисс оказался перед другим деревом, освещенным луной. Полная луна была той самой, которую он знал прежде, до превращения в камень. Дерево казалось втрое больше гигантской калифорнийской секвойи. У основания было несколько входов, откуда лился мягкий свет. Юноша, лет шестнадцати, с ленточками и кисточками в спутанных волосах прошел сквозь ухоженный парк и исчез в дереве. Улисс последовал за ним по лестнице. Он шел, не касаясь ступеней. Даже когда он попробовал тронуть юношу, рука прошла насквозь.

В дереве оказались комнаты. Стояли кровати из чего-то похожего на мех, низкие столики, печка. Была и посуда — горшки, миски, ложки. Здесь жили люди.

Улисс покинул дерево и пошел парком. Ему вдруг показалось, что прошло много времени. Снова была ночь, и светила луна, только она изменилась: теперь на ней были кратеры и моря. И тем не менее это еще не была та планета, на которой он очутился. Всю Землю покрывали деревья, во много раз больше секвой, с массивными ветками, расходящимися во все стороны. Это были маленькие копии знакомого ему Дерева. Они образовывали поселки и давали жителям всю необходимую пищу, за исключением мяса.

Там были также деревья, в которых находились экспериментальные лаборатории. Их населяли кошки и собаки с головами во много раз большими, чем у животных его времени. Жили и обезьяны, потерявшие значительную часть шерсти, хвосты и научившиеся ходить прямо. И еще множество всяких животных, очевидно, выведенных генетиками.

Мир снова побежал куда-то, и вдруг Улисс оказался на Луне. Золотистая Земля висела низко над горизонтом: Улисс распознал восточную часть Азии.

Лунный ландшафт был прекрасен: величественные деревья, яркие цветы, горящие в предзакатном солнце.

Потом солнце взошло вновь и осветило восточные склоны гор — стену кратера, сглаженную эрозией ветра и воды. А может быть, преобразованную божественной силой созданий, которые дали Луне атмосферу и океаны и превратили каменистую поверхность в жирный перегной.

Богоподобные существа, должно быть, заставили Луну вращаться быстрее, потому что Солнце всходило и заходило каждые двенадцать часов. Улисс заскользил над ухоженной землей и увидел деревья, населенные людьми и множеством различных видов и типов разумных

существ. Все негуманоидные народы, за исключением одного, казалось, произошли от земных животных.

Исключением служили высокие, розовокожие двуногие с курчавыми волосами на голове, под мышками, внизу живота и на задней стороне ног. Их лица походили на человеческие, за исключением мясистых наростов, как у кротов, которые украшали кончики их носов. Вероятно, это были пришельцы с другой звезды. Однако Улисс не видел ни одного звездолета.

Как призрак, продолжал он скользить над поверхностью Луны и вдруг нежно, осторожно, будто легкий ветер, влетел в дерево, где находилась какая-то лаборатория. Здесь он увидел людей и негуманоидов, следивших за экспериментом. Внутри пластикового прозрачного куба лежала неподвижная фигура. Она освещалась многоцветными колеблющимися лучами механизма, похожего на лазерную пушку. Пушка выбрасывала энергию, отражавшуюся стенками куба. Но что это за статуя? О Боже, это он сам! Ученые пытались возродить естественное движение атомов. Он знал, что они добились успеха.

Что же он делал на Луне? Значит, его передали туда ученые? А потом — через сколько веков? — вернули на Землю? А Земля меж тем обезлюдела. Ее окутали раскаленные ветры. Растаяли полярные льды: землетрясения, извержения изменили лик планеты до неузнаваемости.

Что же произошло? Загадка... Возможно, в этом повинны светящиеся капли, которые метались в дыму, покрывавшем опаленную Землю.

Впрочем, это только гипотеза. Дым рассеялся, и воздух снова стал чистым, за исключением редких пылевых бурь. Наружу вылезли маленькие группки разумных существ и животных, ушедших вместе с ними под землю. Они посеяли семена и освоили крохотные кусочки земли. Посадили несколько деревьев, которые бережно сохранили в подземных убежищах.

Но вновь появились светящиеся капли и стали парить над молодыми колониями. Вот одна из них выпустила молнию, и она спалила дерево, где находилось сорок выживших хомосапиенс.

Остальных разумных — кошколюдей, собаколюдей, леопардолюдей, медведелюдей, слонолюдей не тронули. Видно, тот, кто управлял каплями, хотел истребить только человека.

Летучие люди были тоже обречены, но они вовремя спрятались. А нешгайские рабы и врумау произошли от мутировавших обезьян. Вот почему светящиеся капли их помиловали.

Летело время, а Улисс все парил над Землей. Или он летел во времени? Все исчезло. Остались только деревья. Они росли, развивались, встречались, сливались, превращались в одно. Разумные животные один за другим уходили жить на Дерево, которое заполнило собой весь континент. Только прибрежные районы оставались свободными: соленая вода сдерживала развитие. Но, эволюционируя, Дерево должно было преодолеть и эту преграду. Итак, все деревья слились

друг с другом, отказались от индивидуального механизма, который Улисс не в силах вообразить. У деревьев один мозг и одно тело. Скоро Дерево станет хозяином планеты. Отныне и во веки веков. Аминь.

Если нешгаи и Каменный Бог не расстроят его планы.

Как и Алисе, ему не хотелось отойти от диска.

Позже, побеседовав с высшим священником, Улисс сформулировал собственную теорию Книги Тизнака. Кушмурз придерживался теологических объяснений странных явлений, которые виделись читателям Книги. Улисс же считал, что, кто бы ни создавал этот диск, он заложил в него запись о прошлом. Вряд ли ее делали, когда происходили события. Одной из особенностей книги было то, что Улисс назвал «резонансом». Каждый читатель видел в ней лишь то, что его интересовало. Это все равно что разыскивать материалы в библиотеке. Книга обнаруживала, что хочет узнать Читатель, и предоставляла ему информацию.

— Вполне возможно, — согласился с гостем Высший Священник. Он глянул своими темно-синими глазами из-под треугольной шляпы на собеседника. — Ваше объяснение может соответствовать фактам и не противоречить официальной версии, будто Неш диктует свои суждения. К тому же, кто бы ни создал диск, он сделает это по велению Неша.

— Теперь ты понимаешь, что Дерево разумно и оно наш враг? — спросил Кушмурз.

— Так сказала мне Книга.

— Ты считаешь, что Книге верить не обязательно? — спросил с улыбкой Высший Священник.

Улисс решил промолчать. Он мог сказать, что большая часть Книги — правда, но диск создали разумные существа, а любое существо из плоти и крови склонно к ошибкам или заблуждению. Но в ответ Высший Священник наверняка бы заметил, что диск не может ошибиться, поскольку воплощает мысли Неша, а Неш — Бог.

Возвратившись на аэродром, Улисс переменил свое отношение к Зеби. Она больше не была потенциальной матерью его детей. И он очень сомневался, что кто-то из рабов или врумау вообще на это способен. Мало отличаясь от хомосапиенс, она имела совершенно чужой хромосомный аппарат. Сколько бы они ни жили вместе, она останется бесплодной. Да, собственно, он уже убедился в этом.

Конечно, она могла быть просто стерильна. Но ведь и Луша прожила с ним довольно долго и тоже не забеременела. Может быть, они обе предохранялись, а он не знает? Вряд ли: ни о чем подобном ни у одного племени он не слышал. Плодородие почиталось здесь как во время палеолита.

За месяцы, прошедшие после первого посещения замка Неш, он выкроил время для еще нескольких визитов. Правда, ему больше не позволяли читать Книгу, но он мог спокойно исследовать подземный

город. Улисс открыл множество вещей, цель и назначение которых казались ему понятны, хотя большинство так и осталось бесполезным, поскольку он не знал, как привести их в действие. Он, например, нашел прибор, который не очень отличался от аналога в его времени и не изменился настолько, чтобы его не узнать. Он взял у себя и нескольких рабынь образцы тканей кожи и поместил их в сравнительное устройство. Когда образцы вернулись назад, ткани рабынь были ярко-красные. Вопрос о потомстве отпал.

Улисс отодвинул прибор с чувством утраты и опустошенности. А потом непрошенной радости. Он гнал это смутное чувство прочь. Оно должно исчезнуть! Если он позволит ему вырасти во что-то сильное, то потом будет жестоко раскаиваться.

«Но почему?» — спросил он самого себя. Почему случилось так, что ему не дано стать отцом нового человечества? Разве не надо, чтобы на Земле вновь появился человек? Летающие капли поставили цель искоренить хомосапиенс и оставить остальных разумных существ в одиночестве. Почему? Потому что человек чуть не уничтожил Землю?

Зачем ему возрождать свое пагубное и разрушительное племя?

Вроде бы незачем. И все-таки Улисс чувствовал себя виноватым, он неспособен... И еще, из всех существ он бы предпочел Авину.

Наверное, потому, он держал Зеби в рабынях, а потом взял себе еще несколько, в том числе золотокожую, зеленоглазую, совсем юную Фанус. Как и все, она была почти лысой, но тоненькой и прелестной.

Авина ничего не сказала, когда в его кабинете появилась Фанус. Она лишь одарила Улисса взглядом, который был красноречивее всяких слов, и его охватило раскаяние за мучения, которые он ей причинил. Чтобы хоть как-то утешить Авину, он отдал обеих женщин под ее личный надзор. Он догадывался, на что будет похожа их жизнь, но Авине станет легче.

Наконец, первый двигатель был закончен. Серебристый корабль имел двенадцать мощных моторов в шести гондолах и мог нести множество людей, бомб и того и другого, вместе взятых. Улисс напомнил о своих требованиях, и склоки между военно-морским ведомством и армией были урегулированы. Каждая сторона хотела заполучить воздушный флот и его персонал под свое начало. В результате это мешало Улиссу доставать материалы, набирать людей и принимать решения. Он ворвался в кабинет Великого Визиря и потребовал автономии — здесь и сию же минуту!

Шегниф согласился и сделал Улисса адмиралом флота, хотя и не главой воздушных сил. Этот пост он отдал своему племяннику Грушназу. Улисс ненавидел этого дурака, но ничего не мог поделать. Когда он проверил поставляемые флоту товары, большинство оказалось самого низкого качества. Шегниф попытался замять результаты следствия, но Улисс подал рапорт правителю, Зигрузу.

Грушназ, племянничек, продавал воздушным силам черт-те что! А тут еще один офицер, более того, человекоподобный офицер, набрался храбрости, пришел к Улиссу и рассказал ему, что в воздушных силах зреет бунт из-за скверной пищи. Продовольствие поставлял тоже Грушназ.

Улисс согласился пощадить племянника, но потребовал, чтобы спекуляции и проволочки прекратились. У Шегнифа отлегло от сердца: ведь если бы Грушназа сняли, тому пришлось бы покончить жизнь самоубийством!

— Все знают, что он виноват! — сказал Улисс. — Почему его не разжалуют?

— Все знают, верно, — ответил Шегниф, — но пока его публично не разжалуют и не опозорят, он не должен кончать жизнь самоубийством.

— Я не хочу больше разбираться с его грязными делами, — сказал Улисс. — И я настаиваю, чтобы его не было с нами, когда мы отправимся к дулуликам!

— Но он должен лететь, — возразил Шегниф. — Это единственный путь искупить вину и оправдаться! Ему необходимо совершить что-нибудь выдающееся...

Улисс сдался. Потом он горько улыбался, вспоминая свою оплошность. Слоноподобные нешгаи не слишком отличались от человека, однако ему стало не до улыбок, когда Шегниф принялся перегружать дирижабли офицерами.

Дело в том, что десять дней назад в одном из пограничных селений произошел бунт: солдаты врумау отказались разместиться в бараках, где жили рабы. Нешгаи двинули против бунтовщиков войска, а те перешли на сторону восставших. Тогда бросили в бой новые части, и разгорелась настоящая битва. А тут еще рабы, воспользовавшись неразберихой, перерезали своих хозяев... Еле-еле усмирили непокорных.

Эти тревожные новости облетели все поселения людей. Нешгаи старались везде поставить своих. К тому же Великий Визирь вообще не очень-то доверял Улиссу.

Однако после набега трехсот летучих на аэродром ситуация упростилась. На этот раз их обнаружили разведчики Улисса, расставленные по краю Дерева, и он выслал навстречу пять кораблей, нагруженных лучниками, бомбардирами и ястребами. Ястребы с честью выдержали первую пробу, а воздушные силы показали, сколь хороша их слаженность и дисциплина. Не обошлось, конечно, без потерь, но все корабли вернулись. Остатки летучих ретировались.

После этого случая влияние Улисса резко возросло. Но главной заслугой было то, что люди поняли — они должны сражаться на стороне нешгаев. Летучие получили приказ, где было четко сказано: уничтожить как нешгаев, так и их человеческих союзников.

Стоял холодный рассвет, небо было прозрачным и чистым, дул шестимильный бриз с моря, когда первый из десяти дирижаблей поднялся в воздух. Флагман Визгналх (Голубой дух) имел четыреста тридцать футов длиной и шестьдесят в диаметре. Его оболочка сверкала серебром, а на носу красовался устрашающий голубой демон. Гондола управления размещалась прямо под носом корабля, с боков свешивались три гондолы моторов. В пустотелой оболочке находился скелет из легкой скорлупы, а еще — десять баллонов с газом. Сверху размещались открытые кабины для лучников, бомбардиров, ракетчиков и ястребиных тренеров. На каждом борту выступали отсеки, в которых стояли катапульты и располагались ракетчики. Другие отверстия позволяли выпускать стрелы, бомбы и ястребов. В хвостовой надстройке имелось несколько площадок и отверстий вдоль дна: там стояли клетки с птицами, сидели люди для сброса якорей и абордажных крючьев.

Улисс находился на мостике нижней палубы, за рулевым. В гондоле управления помещались радист, навигаторы, вестовые офицеры, разносящие приказы, и несколько лучников. «Не будь здесь столько нешгаев, — подумал Улисс кисло, — осталось бы куда больше места».

Он прошел в хвост гондолы и выглянул наружу. Остальные корабли быстро нагоняли их. Последний казался сверкающей точкой в синем небе, но через час он уже присоединился к авангарду, и дирижабли выстроились в боевом порядке.

От мысли, что эти удивительные корабли были его детищем, у него перехватило горло. Улисс гордился, несмотря на то что машины получились слабее и уязвимее тех, что он когда-то задумал. Летучие могли летать над дирижаблями и сбрасывать на них бомбы. Но они не смогут сделать этого, пока он не спустится ниже. Сейчас корабли поднимались и не остановятся, пока не наберут тридцать тысяч футов. Там воздух слишком разрежен для летучих, и они не смогут подобраться к дирижаблям.

Если верить полученной информации, их цель находилась в центре Дерева. Боль сильнее лжи, а захваченные во время первого и второго рейдов летучие испытали много боли. Правда, двое молчали до самой смерти, но остальные поклялись, что говорят правду. Улисс прихватил с собой пару летучих, которые еще могли говорить. Пусть покажут ориентиры.

Внизу, до самого горизонта, тянулись переплетения серых ветвей Дерева. То тут, то там в водных потоках отражалось солнце, сверкали яркие оттенки поселившихся на Дереве кустов и растений. Вдруг из самой чащи зеленых джунглей поднялось бледное розовое облако — необъятная стая птиц, населявших густой виноградник между двумя могучими ветками. Розовое облако пролетело между стволами, опустилось и исчезло в другом винограднике.

С верхней палубы в гондолу спустилась Авина — прекрасная, как бывает прекрасна только сиамская кошка. Теперь, когда Зеби и Фанус

с ними не было и она могла ухаживать за своим Повелителем, Авина просто мурлыкала от удовольствия. Улисс разрешил ей лететь с ним, несмотря на то, что шанс вернуться у них был не больше, чем один к четырем. Она бы обиделась, попроси он ее остаться, и стала бы срывать злость на обеих женщинах. Кожаный ремешок с голубыми символами мальтийцев свисал с шеи Авины, на талии болтался каменный нож. Но главное — защитные очки! Улисс сделал их обязательным атрибутом вооруженных сил. Вообще-то в них не было особой нужды, просто они напоминали ему воздухоплавателей его времени. Ностальгия по Первой мировой войне, видимо.

— Повелитель, — сказал Авина, — это гораздо лучше, чем карабкаться по Дереву и вести плоты среди крокодилов и гиппопотамов.

Он рассмеялся.

— Верно! Но не забывай, что, возможно, нам придется возвращаться домой пешком.

«В лучшем случае», — добавил он про себя.

Авина подвинулась к Улиссу, ее бедро коснулось его тела, хвост несколько раз обвился вокруг его ног. В гондоле было слишком много шума, чтобы услышать ее урчание, и она стояла не так близко, чтобы его почувствовать. Но он мог поклясться, что Авина урчала от удовольствия.

Он отодвинулся: сейчас не время думать о ней. Командование десятью кораблями поглощает слишком много сил. Конечно, он тренировал экипажи, но все равно — они были новичками. Пока все шло довольно гладко. На этой высоте они сели ветру на хвост и увеличили скорость до пятидесяти миль в час. Значит, можно было достигнуть цели за восемь часов вместо шестнадцати. Улисс дал моторам несколько часов отдыха, двигаясь только по ветру, стремясь достигнуть города дулуликов за два часа до заката. Этого времени достаточно для задуманного плана.

Дерево неслось под ними подобно безбрежному серо-зеленому облаку. Иногда они пролетали там, где ветки не пересекались, и тогда было видно дно этой гигантской пропасти. Что за колоссальное создание! Мир не знал ничего подобного за все четыре миллиарда лет своего существования! Разве не позорно уничтожить такое существо?

То здесь, то там Улисс видел крошечные длиннокрылые фигурки дулуликов. Они знали, что корабль Каменного Бога и нешгаев летит к их городу. Спрятавшись в джунглях, кожекрылый наблюдал за десятью серебристыми иглами, летящими над их головой. Им не нужно было слать курьеров. Давным-давно они передали новость через импульсные диафрагмы и нервные волокна самого дерева.

Может быть, дулулики даже заранее знали, когда полетят корабли. У них было много шпионов, а еще они наверняка подкупили рабов и кое-кого из нешгаев. Коррупция и предательство присущи всем разумным, в этом люди не одиноки.

Авина снова прижалась к Улиссу, и он потерял нить своих мыслей.

Шли часы, не занятые командирскими заботами. Внизу медленно сменялись декорации. Разнообразия было мало, лишь слегка варьировалась форма переплетения лиан, уменьшалась или увеличивалась высота стволов, изменялась расцветка птичьих стай: розовых, зеленых, алых, лиловых, оранжевых, желтых...

Солнце достигло зенита, и Улисс приказал сбавить скорость. В гондоле наступила полная тишина, лишь иногда слышались тихие голоса офицеров, шарканье ног нешгаев или сипение воздуха в их хоботах, урчание нешгайских желудков, покашливание людей. Доносились и более характерные звуки — поскрипывала жесткая оболочка гондолы.

Солнце клонилось к горизонту, когда Улисс приказал помощнику принести пленного дулулика. Им был Кустух, испуганный человечек, со связанными за спиной руками и сшитыми вместе крыльями. Немного огня, лизнувшего кожу, отразилось жаром в его глазах.

— Мы должны видеть город, — сказал Улисс. — Покажи его мне.

— Связанными руками? — горько усмехнулся Кустух.

— Кивни, когда я укажу верное место, — отозвался Улисс.

Большинство стволов достигало десяти тысяч футов, где, казалось, они взрывались зеленым грифом. Через десять миль будет ствол, достигавший тридцати тысяч футов. На нем, в гуще ветвей, находился город дулуликов.

— Этот ствол и означает город? — спросил Улисс.

— Я не знаю, — проговорил Кустух.

Грушаз положил пальцы своей гигантской руки на тонкую шею летучего и сжал. Лицо Кустуха посинело, глаза вылезли из орбит, а язык вывалился наружу.

Нешгай ослабил хватку. Дулулик закашлялся, захрипел, но повторил упрямо:

— Не знаю!

Улисс восхитился его стойкостью, хотя и знал, на какие муки он его обрекает.

— Если мы не вытянем это из тебя, у нас найдется вдосталь твоих приятелей, которые не будут такими строптивыми.

— Попробуй на мне огонь, — сказал Кустух.

Улисс улыбнулся. Летучий знал теперь, как воспламеняется водород и сколько предосторожностей было принято в этом путешествии, чтобы избежать даже случайной искры.

— Игла не хуже, — хмуро пробормотал Улисс. И больше не уделял внимания маленькому человечку, просто велел отправить его на верхнюю палубу. Слишком много летучих, включая Кустуха, описывали этот ориентир под пытками.

Улисс указал всем кораблям точное место при бомбардировке. Они начали снижаться, а потом радиоящички флота облетел приказ занять

боевой порядок. Флагман спустился на десять тысяч футов и достиг гигантского ствола.

«Голубой дух» оставил вершину с правого борта. Несколько лилово-красных, длиннокрылых маленьких птичек и густошерстных выдр уставились на пролетающего мимо Голиафа.

В нескольких милях от вершины флагман сделал разворот на триста шестьдесят градусов левым бортом и подошел к Дереву на высоте девяти футов над поверхностью земли. Он двигался со скоростью десяти миль в час против ветра. Внизу до сих пор не замечалось и признаков дулуликов, хотя имелось сколько угодно доказательств другой жизни. Тысячи чернокрылых, зеленотелых, желтоголовых летающих поднялись им навстречу, кинулись в сторону и бросились вниз, в чащу листвы в миле от дирижабля.

Город был отлично замаскирован: казалось, перед тобой обычные джунгли и потоки воды.

И все же под пыткой дулулики сознались, что там жило около тридцати пяти тысяч. С Дерева на защиту города могло вылететь до шести тысяч бойцов.

Флагман продолжал опускаться, подойдя по ветру к стволу, вздымавшемуся над его массивным правым бортом.

— Бомбардирам приготовиться к огню! — скомандовал Улисс.

Он глянул в свой иллюминатор. Ствол мчался на них так стремительно, что хотелось немедленно повернуть корабль в сторону. Но Улисс знал, что они пройдут в сотне ярдов от ствола, прежде чем ветер отнесет их к северу.

Открылись бомбовые люки, и бомбардиры стали ждать, когда появятся мишени.

И Улисс ждал. За ним переминался с ноги на ногу Грушназ. Его желудок урчал, а хобот, нервно изгибаясь, то и дело касался раздвоенным кончиком Улиссова плеча.

Но вот первая бомба рухнула на город. Корабль резко дернуло вверх. За первой полетели другие. Улисс взглянул в боковое окно. Темные капли падали и падали. Взорвалось около десятка бомб. Сверкнуло пламя, и сквозь огонь и черный дым полетели обломки деревьев, росших на Дереве, и какие-то темные предметы, которые вполне могли оказаться телами. Но были это животные или крылатые человечки, неизвестно.

Следующие за флагманом корабли сбросили свой груз и тотчас рванулись вверх. Большинство их бомб взорвалось в том же месте, выбив в ветви дыру, но чтобы сломать ветвь, требовалось слишком много времени. Даже если бы она оторвалась, то не упала бы: под ней росло много вертикальных веток. Возможно, она осталась бы висеть, даже если оборвать все ее вертикальные отростки. Тогда ее удержали бы переплетения лиан, связывающие ветвь с другими стволами. Однако вырванные куски открыли путь воде, которая хлы-

нула со всех сторон на ствол и ветку в трех тысячах футов под дирижаблями.

Улисс сознавал, что бомбовой мощи флота хватит на несколько ветвей. Но ему это было не нужно: он хотел выкурить дулуликов. Теперь он знал, где они скрывались, и следовало бомбить в одну точку.

Дирижабль сделал широкий круг вокруг ствола и вступил в бой только после того, как последний корабль сбросил все бомбы. Улисс отдал приказ опустить нос корабля и послал его под взорванную ветвь. Люди с открытых площадок дирижабля доложили, что на них плещет вода. А потом корабль прошел под ветвью и вернулся обратно, оставляя за собой вспышки бомб, взорвавшихся на ветви под дирижаблем.

Пламя и клубы дыма должны были выкурить дулуликов, но их не было видно. Улисс отдал приказ поберечь бомбы. Он опять повел флагман вокруг, на этот раз летя еще ниже, хотя на большем расстоянии от ствола. Ветер ослабевал, и воздушный корабль мог маневрировать с большей безопасностью, однако, подпрыгнув, ударился о верхнюю ветку.

В этот миг все вокруг заполнили птицы. Взрывы и гудящие корабли всполошили их. Множество птиц разбилось о пропеллеры, их кровь забрызгала борта корабля в непосредственной близости от моторов. Несколько птиц врезались в оболочку корабля и иллюминаторы гондолы управления.

Улисс упрямо искал вход в город. Корабль стал разворачиваться в относительно широком пространстве между стволами, и тут раздался сдавленный голос Авины:

— Там дыра!

— Держите, куда она укажет, — приказал Улисс.

Впереди под ветвью виднелось отверстие около сотни футов в поперечнике. Затененное веткой, оно казалось пустым. Но Улисс был уверен, что в нем полно летучих.

— А вон еще одна! — воскликнул Грушназ.

Он указал на темный овал в стволе под веткой справа.

Корабль оказался сразу между двумя дуплами, а это значило, что притаившийся враг мог атаковать с обеих сторон одновременно.

Улисс передал новости на соседний корабль и приказал не следовать за флагманом, а подниматься по кругу. Его провели как мальчишку: теперь летучие были над ним! Достаточно взорвать одну тонкую оболочку, а второй попасть в образовавшуюся дыру — и «Голубой дух» превратится в горящие падающие обломки.

Он велел ракетчикам встать в блистерах по бокам корабля и на открытых верхних палубах. Через минуту, когда воздушный корабль проходил мимо дыры со скоростью десяти миль в час, к отверстиям с дирижабля устремились черные предметы. Несколько взорвалось снаружи, но пять влетело в одно и три — в другое. Каждая боеголовка

несла десять фунтов пластиковой рубашки, один фунт черного пороха и детонатор пикриновой кислоты.

Из отверстия вырвался огонь и черный дым. И в тот же миг оттуда посыпались крылатые человечки. Они падали, вставали, расправляли крылья, хлопали ими и пытались догнать дирижабль. Их поток был бесконечен: переплетения лиан буквально наводнились летучими.

Второй залп вновь ударил в ближайшие дупла и задел многих. Летящий над гигантской чащей дирижабль сбросил бомбы на сочленение лиан с ветвью. Они развороти́ли на одной стороне широкие проплешины, заставив растения упасть в вертикальное положение. А потом с лиан посыпалась тысяча тел, большинство из которых, правда, тут же взлетели обратно. В основном это были женщины и дети.

Авина поймала Улисса за руку и указала вниз по правому борту.

— Вон! — выдохнула она. — Вон! Под третьей ветвью снизу. Огромнейшая дыра!

Улисс разглядел эту дыру, только когда корабль, пролетая мимо, выскользнул из-за изгиба ствола. Отверстие оказалось треугольной формы шириной в сотню ярдов. Нескончаемой колонной по сорок человек в ряд оттуда выходили летучие. Они шли, чеканя парадный шаг, до края отверстия, срывались вниз, поднимали и расправляли крылья, тормозили падение и начинали взбираться вверх. Они не старались догнать дирижабль, а летели впереди. Возможно, они намеревались забраться как можно выше и напасть сверху.

Улисс приказал дирижаблям занять боевую позицию на некотором расстоянии от доступной для дулуликов высоты. Маневр занял минут пятнадцать. Корабли набрали высоту и сделали круг, собравшись вместе. Затем с флагманом, ушедшим на полкорпуса вперед и преследуемым облаком летучих, флот начал кружить вокруг ствола, чуть ниже основания грибовидной кроны.

Улисс намеревался атаковать город, но сначала надо было разделаться с летучими.

У них, как выяснилось, имелись бомбы. Летучие отправились в деревню вуфеа и узнали, как делать порох. Во всяком случае, так уверяли пленные.

Как он и подозревал, крылатые ничего не знали о ракетах.

К тому же вряд ли у дулуликов имелся запас бомб: откуда им взять столько серы? На дереве она не растет. Должно быть, пришлось возить с севера. Улисс надеялся, что внутри помещений Дерева бомб нет. Если на каждую бомбу приходилось по одному защитнику, то, покончив с защитниками, он расправлялся и с бомбами. Пока же силы дулуликов казались несметными, небо буквально почернело от их тел. Возможно, пленные не врали, и в городе на самом деле почти семь тысяч бойцов.

Флот и орда летучих людей мчались навстречу друг другу. Корабли еще находились ниже максимальной высоты, доступной для

дулуликов, но до того как первый летучий достиг дирижаблей, корабли поднялись и оказались выше дулуликов. Улисс отдал приказ — ракеты вырвались из люков. Они разорвались в облаке летучих, и крошечные обломки камней — шрапнель — ударили в крылатых человечков.

Взлетела следующая ракета, затем еще одна. Но корабли не истощали своих запасов: следовало поберечь их для приземления.

Сотни летучих погибли от взрывов и шрапнели. Они падали, трепыхая крыльями, бились о ветки, переплетения лиан или грохались в темную пропасть нижних слоев Дерева. Они калечились, разбивались насмерть, ломали крылья, падали на головы своих товарищей.

Корабли прошли на полной скорости и оставили орду за кормой. Потом развернулись и пошли назад, к летучим, отчаянно старавшимся подняться до их высоты.

Теперь ракеты экономили: из донных люков по бокам дирижаблей выбросили несколько бомб. До заката остался всего час, и нижняя часть Дерева уже погрузилась во мрак.

И в третий раз вернулся флот — опустил носы и заскользил вниз. Командиры дулуликов увидели, что корабли под ними, и тут же поспешили воспользоваться неожиданным преимуществом. Но перед самыми защитниками флагман рванул вверх и оказался на одном с ними уровне. Летучие кружились вокруг корабля.

Среди них рвались ракеты, пущенные катапультами, воздух наполнился облаками дыма, атакующими и падающими телами. Чуть позже в бой ринулись ястребы. Птицы рвали плоть нападающих, впивались им в лицо. Продолжали спускаться остальные пять кораблей. Их моторы работали на полную мощность: они прошли по кривой вдоль ствола и выпустили в отверстия множество ракет. Одна из них, попав в запас бомб, вызвала серию взрывов. Края дыры оказались разрушенными, в боку ствола зияла огромная рана.

Улисс злорадно улыбнулся, но улыбка быстро сползла с его лица. Один из кораблей охватило пламя! Он резко завалился на бок, его скелет проступил сквозь горящую оболочку, с гондолы посыпались маленькие тела, а нападающие отпрянули, спасаясь от огненной смерти.

Белый от горящего водорода остов разбитого корабля грохнулся на ветку в трехстах футах внизу и вспыхнул неистовым пламенем. Огонь перекинулся на деревья и растения, из доселе невидимой дыры посыпались женщины и дети. Большинство их упало в пропасть или задохнулось в дыму.

Улисс искал место, где можно было бы высадить отряд. Однако сначала нужно очистить воздух.

Он отдал по радио приказ, и уцелевшие дирижабли начали разворот. Они все еще были на уровне летучих, а тех оставалось достаточно

для того, чтобы сплотиться, перестроиться и наброситься на противника всем скопом.

Пришла пора выпустить еще одну партию птиц. Ястребы смяли и опрокинули передние ряды, но все же к дирижаблям прорвалось достаточно летучих. Их встретили градом стрел: бомбы нельзя было взрывать вблизи кораблей. Однако стрелы летучих не остановили: они подожгли запалы своих маленьких бомб и принялись швырять их на оболочку кораблей и орудийные башни. Некоторые прорвали оболочку флагмана и проделали в ней огромные дыры. Но ни одна бомба не достала газовых баллонов внутри, и утечка водорода была слабой.

Улисс приказал подниматься и увеличить скорость. Крылатые человечки остались внизу и сзади.

— Неш! — вымолвил Грушназ и затрубил. Улисс повернулся и увидел по соседству останки пылающего корабля. Наверное, несколько дулуликов подобрались к нему с бомбами и возникла утечка водорода или взрывом порвало газовые баллоны.

Медленно, величественно корабль падал, и у самого Дерева развалился пополам. Рванулось ввысь красно-белое пламя, за ним последовал плюмаж черного дыма. Посыпались горящие люди. А рядом великое множество почерневших трупов крылатых человечков. По-видимому, корабль подвергся ожесточенному натиску дулуликов. И этого натиска вполне хватило, чтобы летучие использовали свои бомбы. Теперь они умирали вокруг корабля сотнями — с обуглившейся кожей и опаленными легкими.

Те, кто были несколько ниже, бросились наутек, чтобы их не зацепило падающей конструкцией. Большинство успело, но воздушное пространство оказалось настолько переполненным, что некоторые так и не смогли угнаться за своими удачливыми товарищами.

Растения, росшие на ветке, охватило пламя. Но само Дерево, как ни странно, не загорелось.

Улисс снова перестроил флот и послал его к дыре под ветвью. Разрозненные дулулики вились вокруг дыры, словно мошки над падалью. Их осталось не так уж много, что-то около пяти тысяч, против дирижаблей.

Корабль вновь прошел над дулуликами, над их летающими рядами. И обстрелял, только не стрелами, бомбами и ракетами, а окружившими летучих клубами дыма. Корабли выбросили еще несколько бомб из своих кормовых люков, надеясь, что взрывы среди дымовой завесы создадут панику.

Дирижабли еще раз развернулись и вернулись на уровень ниже густых слоев дыма. Люди на открытых палубах доложили о массе летучих, сыпавшихся из дыма и барабанящих по оболочке корабля. Некоторые бились так сильно, что прорывались сквозь оболочку, но теряли сознание, а экипаж хватал их, перерезал горло и сбрасывал вниз через люки.

Корабли прошли сквозь летучих и оказались под ними, затем повернули обратно. На этот раз четыре осталось на том же уровне, создавая дымовую завесу, а флагман и три другие спустились ниже. Солнце село за горизонт.

«Голубой дух» нырнул в необъятную аллею стволов и ветвей на тысячу футов ниже города и на несколько миль к югу. Было так темно, что Улиссу пришлось включить прожекторы. Он не думал, что летучие заметят их, поскольку клубы дыма окружали корабль. Конечно, можно было заметить огни, но пока летучие догадаются...

Улисс стоял за рулевым и всматривался в белый туннель, созданный прожекторами. По обеим сторонам, снизу и сверху, находились тысячефутовые ветки и многомильные стволы. Дирижабли мчались вперед, то снижаясь, то поднимаясь.

Вот корабль рванулся вверх, с обеих сторон помчались вниз ветки, огни высветили карабкающихся в дыру крылатых человечков — женщин и детей, которые вылетели наружу, когда в дупле стали рваться ракеты. А может быть, это были жившие в чаще лиан, но решившие, что опасно оставаться там на ночь.

Улисс не обратил на них внимания и велел стрелкам и лучникам присматривать за воинами с бомбами. Его же задача — точно и осторожно подвести дирижабль к дыре над веткой. Смелый поступок!

Или, как говорили нешгаи, «глупый и самоубийственный».

«Голубой дух» медленно пробирался вперед. Когда нос оказался точно над дырой, из носовой установки выскочила ракета. Ее острый пластиковый нос вонзился в ствол, и привязанный к ней канат натянулся, как только дирижабль стал отваливать в сторону. С донных люков стартовали другие ракеты, натягивая привязанные к ним тросы. Улисс заранее проверил тросы и все-таки сомневался, что они выдержат.

Сбросили абордажные крючья, которые застряли в трещинах и изломах коры. Сбросили лини: люди и кошки устремились вниз и закрепили их острыми деревянными кольями в серой коре.

За ними последовали остальные люди и несколько нешгаев. Сброшенный вес заставил корабль подняться. Канаты натянулись, но выдержали. Экипаж установил лебедки и притянул корабль вниз.

Улисс ступил с гондолы на кору. Остальные выбрались за ним.

В тот же миг люди, все еще находящиеся внутри корабля, выпустили ястребов. Некоторые исчезли в клубах дыма, которые сейчас заметно поредели и позволяли находить врага, чтобы напасть и терзать. Остальные скрылись в дыре, чуя там крылатых людишек.

Три дирижабля бросили якорь у ближайших веток. Их участь оказалась труднее, чем у «Голубого духа»: людям пришлось карабкаться вниз по стволу и под ветками, чтобы попасть в ту же дыру. На маневр ушло много времени. Экипажи атаковались летучими, но Улисс рассчитывал, что темнота, ястребы и дирижабли задержат крылатых

бойцов. Кроме того, четырем кораблям надлежало создать еще одну дымовую завесу.

Вход оказался совершенно пустым. Валялось лишь несколько тел женщин и детей.

Улисс одел свой деревянно-кожаный шлем, нацепил на лоб фонарь. Тот не давал много света, потому что работал от слабой биологической батарейки, но это было лучше, чем ничего. Кроме того, были и другие огни.

Улисс встал во главе колонны. Но кто-то тронул его за плечо. Он обернулся.

— Я воспользовался правом справедливости! — сказал Грушназ.

Улисс втайне ждал этого и обрадовался. Нешгай обратился к двенадцати офицерам с пламенной речью:

— Я опозорил себя и бросил тень на вас, моих друзей-офицеров и подчиненных. Вы знаете это. Вам не требуется искупать чью-то вину. Никто не упрекнет вас, если вы не последуете за мной в гнездо дулуликов. Наверное, все мы погибнем, так как идем в авангарде и будем биться в пещерах, которые летучие знают как свои пять пальцев. Но народ услышит о нашем подвиге. И об этом узнает Неш. И мы найдем себе новый дом после смерти — на его бивнях.

Офицеры затрубили и встали за Грушназом. Они держали копья, топоры и дубинки, а на поясах у них висели каменные ножи. В левой руке у каждого имелся деревянный щит, обтянутый кожей, достаточно толстый, чтобы выстоять против любого оружия.

— Подождите немного, — проговорил Улисс. — Мы пошлем дюжину ракет. А потом пойдете вы.

Вперед вышли люди. Ракетчики подожгли запалы ракет. Те рванулись, извергая дым и пламя. Видно, некоторые отскочили от изгибов стен, потому что взрывы были глухими. Улисс надеялся, что они попали в цель. Судя по крикам, так оно и оказалось.

Предводитель нешгаев поднял каменный топор, пронзительно затрубил и рявкнул:

— За Неша, нашего правителя и Шегнифа!

Он бросился вперед, а за ним — офицеры. Улисс досчитал до десяти и отдал приказ своим людям следовать за ними. Сзади шла Авина, затем вуфеа, вагарондиты и алканквибы. А потом — врумайские солдаты. В дыру не пошли только бомбардиры и ракетчики верхних палуб и боковых башен.

Дулулики были четырехфутовыми пигмеями, но их крошечные стрелы несли смертельный яд. Один укол — и шестисотфунтовый нешгай умирал за десять секунд, а стопятидесятифунтовый человек — за две.

— Следуйте за мной! — крикнул Улисс и скрылся в каверне. Его окружала темнота. Но через секунду туннель расширился и отряд вышел в первый внутренний зал. Его освещали грозди каких-то рас-

тений, дававших холодный флюоресцирующий свет. Этот свет падал на кровавые останки женщин, стариков и детей, головы которых разбили каменные топоры нешгаев.

Отряд вышел на улицу с четырьмя уровнями открытых квартир. Свет давали растущие повсюду лианы. Валялось множество убитых и искалеченных детей и женщин, а несколько испуганных лиц выглядывало из уцелевших дверей верхних квартир.

Похоже было, что всех взрослых самцов выгнали на бой с захватчиками.

Улисс сделал быстрые распоряжения. Он разделил свои силы надвое и оставил одну часть у первого поворота стены. Эти должны продержаться, если самцы перейдут в контрнаступление. Ракеты, за исключением трех, оставили прикрытию.

Если пленные дулулики обманули, им не уйти отсюда живыми. Коридор за коридором, такие же высокие и широкие, отходили в разные стороны. Заглянув в один, Улисс увидел другие коридоры.

«Настоящий лабиринт», — содрогнулся он.

Они миновали залы с загонами для животных, где в холодном свете растительных ламп росли странные растения. Из открытых дверей выглядывали женщины и дети. Изредка Улисс останавливал отряд и посылал вперед разведчиков. Ему не хотелось попасть в засаду. Каждый раз разведчики докладывали, что комнаты пусты.

Отряд продвигался дальше, и наконец они вошли в секцию, которую так давно надеялся отыскать Улисс. Там валялось около сорока изувеченных трупов дулуликов. Они сражались против гигантов храбро, но безуспешно. Двое нешгаев лежали мертвыми, их вечно серая кожа покраснела от крови. Маленькие лучники послали свои стрелы под забрала шлемов — они забрались на ноги слонолюдей и стреляли до тех пор, пока топоры не размозжили им головы.

Летучие защищали главный центр сообщения дулуликов. По стенам на трех этажах находилось около сотни больших диафрагм. А рядом валялось более пятидесяти трупов крылатых и три мертвых нешгая. Пол на фут был залит кровью.

Грушназ поднял свой хобот и пронзительно затрубил.

— Пока было довольно просто. Не думаю, что я искупил вину, — крикнул он.

— Не все потеряно, — усмехнулся Улисс.

Он выставил часовых у входа в зал и направился к одной из диафрагм. Поднялся на цыпочки и три раза коротко ударил. Диафрагма отозвалась.

Улисс воспользовался сведениями, вытянутыми из заключенных дулуликов. И хотя из-за строительства кораблей у него почти не оставалось времени, два часа перед сном он уделил изучению пульсокода.

Теперь он отбил на диафрагме:

— Говорит Каменный Бог из города дулуликов.

Уверяли, что Дерево — сущность этого мира, а дулулики слуги. О том же говорила и Книга Тизнака, и все-таки Улисс не верил.

— Последний из людей! — провибрировала в ответ диафрагма.

Может быть, где-то в этом колоссальном стволе спрятан обширный растительный Мозг? Или он находился в сердце самого Дерева? Или там, перед такой же диафрагмой, сидит на корточках крылатый пигмейчик, поддерживая миф о разумном Дереве?

— Кто ты? — простучал Улисс.

Наступила пауза. Нешгаи, стоящие посреди куполообразного зала, казались мраморными изваяниями. Их кожа в мертвом растительном свете стала синей. Авина находилась, как обычно, рядом. Белые участки ее меха выглядели льдисто-голубыми, а глаза — такими темными, что казались пустыми. Вагарондиты и алканквибы походили на сюрреалистические статуи. Осветительные механизмы, с их прямыми струнами и нитками бус, были бледными внеземными роботами. Пленные летучие сгрудились в углу, их коричневые шкуры казались черными, а в лицах сквозило предчувствие близкой гибели.

Улисс поднял руку, давая знак принести бомбы. В тот же миг диафрагма завибрировала:

— Я — Вурутана!

— Дерево? — отстучал в ответ Улисс.

— Дерево!

Код знака восклицания прозвучал очень громко. Так растение — если это оно — могло выражать свои эмоции, столь же естественные для разумных существ, как умение мыслить. Почему бы и нет? Может, здесь звучала гордость? Жизнь не существует без чувств. Все научно-фантастические истории о бездушном внеземном разуме — бред. Эмоции необходимы, чтобы выжить, не меньше, чем мозг. Не было и не могло быть существ, живущих лишь логикой.

— Я знал о тебе много тысяч лет назад, — запульсировала диафрагма.

Улисс удивился: у этого растения было чувство времени. Возникло ли оно из-за внутренних изменений, благодаря смене времен года? Или генетики, конструировавшие его, заложили внутрь часы?

— Те, Кто Умрет, рассказывали о тебе.

Те, Кто Умрет... Маленькие, подвижные жизненные формы, общавшиеся с Деревом...

— Те, Кто Умрет, могут и убить! — отстучал Улисс и получил ответ, которого ожидал:

— Они не могут убить меня! Я вечен! И непобедим!

— Если так, — отстучал Улисс, — почему ты меня боишься?

Вновь наступила тишина. Может быть, растительный мозг хватил удар? Хорошо бы поддеть это надменное создание!

Наконец диафрагма пробубнила:

— Я не боюсь тебя, один из Тех, Кто Умрет!

— Тогда почему ты пытался меня уничтожить? Чем я вызвал твою ненависть?

— Мне хотелось поговорить с тобой. Ты анахронизм, странное существо, вымершее двадцать миллионов лет назад.

О Боже! Значит, прошло не десять, а двадцать миллионов лет! Вообще-то не стоило так удивляться. Какая разница в конце концов?

— Откуда ты знаешь? — простучал он.

— Мне говорили мои создатели. Они заложили множество всяких дат в клетках моей памяти.

— Твои создатели были людьми?

Несколько секунд диафрагма не двигалась и наконец ответила:

— Да!

Теперь все ясно: что ни говори, а оно боялось. Люди создали его, а значит, могут и уничтожить. Дерево знало, что этот, теперешний человек безмерно невежественен и дик, хотя на что-то все-таки способен. Но дай ему нужные материалы, и он сварганит какую-дибудь атомную бомбу. Даже Дереву не выстоять перед дюжиной адских машин.

Правда, похоже, что Земля лишилась всех своих металлов. Двадцать миллионов лет разумной жизни забрали все. Нигде не осталось ни меди, ни железа. Человек и его преемники выудили из земли все богатства и пустили их по ветру.

У Дерева наверняка был центр, который можно уничтожить, и тогда умрет и тело. Похоже, что Дерево выдало дулуликов, чтобы обезопасить свой мозг. Если мозг находится в стволе, его можно достать. На это уйдет гигантское количество пороха, каменных орудий и людей, но достать можно! И Дерево знает это.

А может, Дерево поместило сюда дулуликов нарочно, в качестве ловушки? А мозг находится в сотнях миль отсюда? Или, наоборот, за соседней дверью?

Размышления Улисса прервал гул диафрагмы.

— Стоит ли нам оставаться врагами? Можешь жить на мне с комфортом и безопасностью. Гарантирую, что никто из разумных существ, живущих рядом, не причинит тебе зла. Конечно, существа, лишенные разума, не в моей власти, это — как блохи на животных. Но для Тех, Кто все равно Умрет, никогда нет стопроцентной гарантии. Пойми: жизнь, которую я могу тебе предоставить, во много раз лучше, чем жизнь без меня.

— Может быть, — ответил Улисс. — Но народы, которые это выбрали, согласились на дикую, невежественную и ограниченную жизнь. Они ничего не знают о науке и об искусстве. Они никогда не слышали о прогрессе.

— Прогресс! Что он несет разумной жизни? Перенаселение, войны, отравленный воздух, воду и землю! Знание ведет к злоупотреблению во зло наукой, самоубийству расы и почти полной гибели планеты, пока раса не уничтожит сама себя. Это случалось уже много раз! Почему ты думаешь, что человеческие создания в конце концов останавливаются на биологии и предпочитают ее всем другим наукам? Откуда появились «города-деревья»? Человек осознал, что ему надо объединиться с природой. И он сделал это. На время, пока к нему не вернулось его высокомерие, надменность, глупость или злость — называй как хочешь. И тогда его уничтожили андромедяне, ибо человечество представляло для них серьезную опасность.

Дерево помолчало. Улисс ждал. И оно заговорило снова:

— Другие разумные населили Землю. Когда-то их создал человек из меньших братьев в своих владениях. А те стали повторять человеческие ошибки и преступления. Только они были ограничены в своих возможностях причинять вред, так как человек израсходовал запасы большинства земных минералов.

Я только существо, что стоит между разумными созданиями, которые умрут и которые, как ты верно заметил, могут убивать, и смертью всей планеты.

Я Дерево — Вурутана. Не Пожиратель, как называют меня нешгаи и вуфеа, а Защитник. Без меня не будет жизни. Я держу разумных существ на своем месте и тем самым приношу пользу им и всей остальной жизни.

Снова пауза. И затем:

— Вот почему ты и нешгаи должны умереть. Вы уничтожите землю вновь, если сможете. Конечно, неумышленно уничтожите!

Люди, должно быть, жили в своих городах-деревьях, которые служили им также лабораториями и компьютерами. Гигантские растения содержали ячейки для записи информации. Но потом, то ли из-за конструкции, то ли в результате эволюции, вычислительные растения обрели сознание, став разумными существами. Из слуг превратились в хозяев. Из растений — в богов.

Улисс не отрицал, что большинство сказанного — правда. Но не верил, что любая форма разумной жизни становится в конце концов разрушителем. Разум — лишь орудие в руках алчности.

— Отзови своих слуг, дулуликов, — простучал он, — и мы обсудим наши цели. Возможно, мы достигнем взаимопонимания. Тогда мы сможем идти бок о бок. У нас нет причин враждовать.

— Люди всегда были разрушителями!

— Положи эти бомбы к диафрагме, — сказал Улисс Вулке. — Мы начнем отсюда.

Бомбы установили напротив большого диска. Подожгли несколько запалов, и отряд ретировался в соседнюю комнату. Когда воздух перестал дрожать от взрыва и дым рассеялся, они вернулись. Диафрагма

исчезла. На том месте, где она находилась, осталось только беловатое, круглое, волокнистое тело около трех дюймов в диаметре. Должно быть, это был нерв.

— Подрежь вокруг него, — приказал Улисс. — Надо посмотреть, куда он ведет.

Из предосторожности он поставил несколько человек у входа с ракетами. Пока не последовало никакой реакции на взрыв диафрагмы, видно, эти залы не имели такой защиты, как в комнатах вуггрудов. Возможно, Дерево не считало обязательным выращивать ее здесь, надеясь на огромные силы дулуликов.

Улисс ошибался.

В тот момент, когда они стали откалывать твердую древесину вокруг нервного волокна, последовала реакция. Видимо, вспышка ошеломила Дерево, и только потом оно опомнилось. Поток воды из тысяч невидимых дырочек в стене готов был опрокинуть даже нешгаев. Улиссу казалось, что по нему молотили гигантскими дубинками. Его сбило с ног и покатило к куче сваленных и извивающихся тел у входа.

Сейчас над ним была самозакрывающаяся мембрана. Она спускалась вниз с казавшейся ранее твердой стены.

Через минуту вода достигла колен. Они попытались выбраться и встать: вода быстро прибывала. Вставая и падая, поддерживая друг друга, они с трудом выбрались из зала.

В тот же миг мембрана выгнулась и упала. Люди снаружи забросали ее бомбами. Улисс сбросил набухшую твердую шкуру, поднялся из воды, доходившей ему до пояса, и его повлекло потоком к выходу. Он вновь оказался в свалке тел, но люди с другой стороны помогли ему.

Авина, похожая на облезлую мокрую кошку, схватила Улисса за руку и прокричала сквозь рокот воды:

— Остальные выходы перекрыты. Чем-то вроде медовых сот!

Он прошел к следующему проходу. Его перегораживала бледно-желтая густая текучая мерзость, в которой просвечивала твердая изгибающаяся масса в форме полых, соединенных вместе ячеек.

Не достигнув другого конца комнаты, он был встречен несколькими струями, бившими в различных направлениях. Его швырнуло вперед, отбросило назад и наконец кинуло на пол, перевернуло несколько раз, врезало в мягкое и мокрое тело Авины, понесло прочь и со всего маха ударило в спину Грушназа, а потом завалило четырьмя или пятью вуфеа.

Задрожал пол. Из зала хлынул поток воды, и Улисса понесло над зыбким скользким месивом обломков сот в коридор.

Передышка оказалась недолгой. Вода вырывалась из стен коридора, из открытых кубических ячеек вдоль этажей. Визжащих крылатых женщин и детей вышвырнуло потоком из комнат в коридор и смыло

прочь. Ракетчики побросали свои базуки и снаряды, а бомбардиры забыли о бомбах. Никто не удержал оружия: всем нужны были руки, чтобы карабкаться, распихивать других, спасаясь от воды.

Улисс полз на коленях, согнувшись в три погибели. Вода почти доходила до носа, но на такой высоте струи били уже не так сильно. Однако ему пришлось проползти еще около пятидесяти шагов, прежде чем удалось встать.

Коридоры были забиты телами боровшихся за жизнь дулуликов, плавающими повсюду трупами — лицами вверх или ничком — с распахнутыми кожаными крыльями.

Оружие Дерева оказалось весьма эффективным, но не избирательным. Оно уничтожало врагов и союзников.

Улисс надеялся, что Дерево наконец остановится. Иначе они погибли!

Он оглянулся, ища Авину, боясь, что она утонула. Но тут же увидел ее висящей на поясе Грушназа. Громадный Грушназ бултыхался, пробираясь в воде, которая доходила ему до пояса. Скрестив руки, он защищал лицо от неистовых струй, покачивался взад-вперед, но не падал, как остальные его товарищи. Улисс разглядел только шестерых нешгаев, с десяток своих людей и столько же человекообразных. Остальные погибли.

Он поплыл, останавливаясь лишь для того, чтобы добить маленьких крылатых самок, преграждавших ему путь. Он старался двигаться как можно быстрее: его стало прижимать к полу.

Улисс обошел Грушназа и крикнул Авине, чтобы она плыла за ним. Через минуту кошмар кончился: он вырвался в узкий кривой зал, миновал его, обогнул угол и попал в следующий. Уровень воды спал, и через несколько секунд его вынесло течением на ветку и прибило, как дохлую рыбу, к берегу. Вода еще стекала с него и холодила тело, а он уже поднялся на ноги.

Авина привстала и взглянула на Улисса.

— Мой Повелитель, что нам делать?

Он не ответил. Появился Грушназ, за ним остальные — пятеро нешгаев. Шестого не было.

Улисс всмотрелся в ночь. Уплывали за горизонт остатки дымовой завесы. Небо очистилось, взошла луна. Улисс не мог видеть ее, заслоненную стволом дерева, но разглядел бледное ночное небо. По небу, пересекая черноту, двигалась остроносая тень.

Он окликнул Бифака, командира корабля.

— Где дулулики? Где их солдаты?

— Очевидно, большинство столкнулись друг с другом в дыму и попадало вниз. Многих растерзали ястребы, а остальные, спасаясь от них, перекалечили друг друга.

Потери, конечно, были громадными, но ведь не все же они погибли? Куда они подевались?..

Вода, бившая из огромной дыры, превратилась в тонкую струйку. Фары дирижабля высветили целую плотину трупов, в основном дулуликов, смытых гигантским потоком. Бифак сказал, что трупов было еще больше, но их выбросило первым валом воды.

«Их и сейчас тысячи», — подумал Улисс.

Нужно было уходить.

Когда-нибудь они вернутся с огромным флотом, людьми и снаряжением и доберутся до мозга Дерева.

Улисс начал готовить «Голубой дух» к старту, приказав оператору связаться с остальными кораблями и выяснить положение в воздухе.

Один корабль подвергся нападению, упал в пропасть и догорал в мешанине корней Дерева. Два других дирижабля были готовы подняться. Правда, они потеряли все свои десантные отряды: люди утонули в стволе или их смыло потоком в пропасть.

Пока экипаж готовился перерезать канаты, удерживавшие корабль у ветки, Улисс всматривался в дыру в стволе. Хорошо бы изготовить вещество, скрепляющее стены внутри ствола, чтобы оно не намокало и было достаточно прочным. Что-то вроде эпоксидной смолы. Неплохо бы сверху и снизу иметь прикрытие кораблям, несущим тонны бомб. А может, в подземном музее под замком Неш найдется лазерное устройство? Если так, то можно просверлить в Дереве дыры и прорваться внутрь...

А что, если отравить Дерево? Какой-нибудь мощный яд, тонны и тонны, высыпать на корни, а потом водная система Дерева разнесет отраву?

Дерево отлично понимает, что Улисс представляет серьезную угрозу: ведь он человек.

— Команда готова, сэр, — отчеканил офицер.

— Перерезать тросы!

Раздался звук лопнувших струн, и корабль круто пошел вверх. Он быстро поднимался к ветви, лежащей в пятистах футах выше, а потом стал поворачивать, наклонив горизонтально свои моторы. Четыре корабля спускались, чтобы прикрыть остальные. Их прожекторы бороздили ночь, выхватывая обширные черно-серые трещины и пещеры ствола, а также покрытую растениями поверхность ветвей.

Улисс стоял за рулевым и всматривался через его плечо в темноту.

— Интересно, куда же они подевались? — пробормотал он.

— Кто? — спросила Авина.

— Дулулики. Даже если мы уничтожили половину, у них остались еще гигантские силы. Видно...

Ответ не заставил себя ждать. С грибообразной, похожей на гору вершины ствола на них посыпалась орда крылатых. Они падали, сложив крылья, сотнями и не раскрывали крыльев, пока набирали скорость. Дулулики мгновенно заполнили пространство между вершиной ствола и дирижаблями. Это было какое-то нашествие саранчи.

Они выждали, пока одни корабли не отчалят с веток, а остальные — не спустятся, чтобы прикрыть своих товарищей. Они пошли на последнюю, решающую атаку, надеясь уничтожить весь флот.

Только потом до Улисса дошло, что летучие не могли скрываться среди листьев грибообразной вершины. Ведь она была на четыре тысячи футов выше, чем могли летать дулулики. Объяснение оказалось простым: летучие вскарабкались по стволу. Хлопая крыльями, чтобы поддержать тело, крылатые человечки взобрались по шершавому стволу туда, где не существовало вообще никаких животных и куда могли взобраться лишь некоторые обезьяны.

Дерзко — где бы этот план не созрел: в мозгу командира или Дерева. Но почему они не атаковали корабли на ветках, когда те оказались в невыгодном положении?

Только позже Улисс понял, что, даже если бы им удалось подобраться к «Голубому духу», они не смогли бы сбросить на него бомбы. У них их просто не осталось. Их и в начале сражения было мало: у одного из пятидесяти летучих.

Улисс не дал им времени доставить бомбы с севера, а те, что были, враги израсходовали в первой атаке. Часть бомб пропала вместе с хозяевами, когда бросились в бой ястребы.

Командир дулуликов или Дерево спрятали крылатых человечков в кроне ствола. Командир мог бы побиться об заклад, что корабли, находившиеся вне пределов досягаемости, скоро спустятся, чтобы защитить своих на ветках, и он оказался прав.

Теперь лучники сражались изо всех сил, но их было так мало! Через несколько минут три корабля были буквально облеплены маленькими крылатыми тенями — точно мошки ползли по огромному яйцу.

Улисс развернул гондолы так, чтобы пропеллеры смотрели прямо вверх. Корабль быстро набирал высоту, на которой не могли летать крылатые человечки. Хорошо, что им не удалось прорвать большие газовые баллоны внутри фюзеляжа! Тогда бы корабль упал на высоту, где дулулики обретают летучесть.

Четыре корабля над головой, вооруженные, с гигантскими запасами бомб, ракет и стрел, сопротивлялись успешнее. Взрывы разметали первые несколько рядов, и сразу же три корабля окутали облака последней дымовой завесы. Летучие мчались сломя голову, но дирижабли делали по тридцать пять миль, и когда атакующие достигли их, то либо отскакивали от поверхности кораблей, как теннисные шарики, либо ударялись с такой силой, что пробивали оболочку и проваливались внутрь с оборванными крыльями и переломанными костями. Через несколько минут дулулики потерялись в дыму.

Три нижних дирижабля были, однако, усыпаны крылатыми. Перебив лучников, бомбардиров и ракетчиков, дулулики прорвались сквозь отверстия внутрь. Здесь они на время растерялись, не зная, что делать,

куда идти, и капитаны успели выключить освещение. Несмотря на чрезмерную перегрузку, корабли продолжали подниматься.

Дулулики, слепо шарящие в темноте палуб и кают, срывались в пропасть, пока не обнаружили главный коридор и рубку управления.

Правда, люк был закрыт, и пока несколько летучих возились с инструментами, стараясь подцепить крышку, остальные пробили множество дыр в обшивке, вылезли наружу и кинулись вниз, хлопая крыльями и стремясь уцепиться за гондолу. Тем, кто вылез, не удалось догнать гондолу: корабль летел слишком быстро. Тем, кто вывалился из носа, повезло больше. Они взобрались на гондолу и стали в ярости бить своими каменными ножами по пластиковым обзорным иллюминаторам. Тогда Улисс приказал поднять иллюминаторы, крылатых человечков перебили и сбросили в ночь.

Люк в гондолу со скрипом отворился; визжа и гикая, летучие скатились по трапу и были нанизаны на арбалетные стрелы. Грушназ приказал стрелкам отойти в сторону и поднялся с остальными нешгаями по трапу, размахивая каменным топором. Он шагал по пигмеям, и от них оставалось лишь мокрое место.

Даже на нижней палубе Улисс слышал вопли летучих и трубный рев нешгаев. А потом, справа, вспыхнуло слепящее зарево — это взорвался дирижабль. На секунду огонь поглотил все вокруг, корабль начал падать. Из него вывалилось несколько фигур, в основном люди, и один огромный нешгай из гондолы управления.

Никто не знал, что случилось, возможно, дулулики выпустили ракеты или зажгли спичку. Но скорее всего капитан понял, что его корабль гибнет, и сам поджег его, уничтожив экипаж и несколько сот дулуликов.

Улисс даже застонал, увидев объятый пламенем корабль. А потом закричал, потому что еще один корабль направился к падающему судну. Если он не повернет, то протаранит левым бортом соседа или подцепит носом горячий дирижабль.

— Сворачивай, дурак! — заорал он. — Сворачивай!

Но воздушный корабль продолжал идти прямо в бушующее пламя.

Через мгновение с него посыпались сотни тел. Они вываливались с открытых палуб, башен и дыр, которые прорвали в оболочке врезавшиеся в нее летучие. Они падали, полураскрыв крылья, и только на безопасном расстоянии расправляли их полностью.

Когда дулулики сбежали и вес уменьшился, корабль поднялся и оказался над пламенеющими останками. Улисс рассмеялся, разгадав хитрость капитана. Тот умышленно послал свой корабль на столкновение с горящим судном. В любом случае их бы уничтожили дулулики, так что капитан сделал вид, будто решил идти на таран. Что ж, молодец! Умница!..

«Голубой дух», однако, оказался в серьезной опасности. Он был настолько перегружен, что не мог подняться выше. И нешгаи вряд ли

сумеют долго противостоять тучам врагов. Пока они продержались только потому, что пигмеи не имели луков и стрел.

— Возьми штурвал на себя, — приказал Улисс рулевому, — но держи моторы вертикально. А потом прыгай за остальными.

Рулевой не спрашивал, зачем ему покидать свой пост. Он понял, что Улиссу теперь нужен каждый.

Улисс поднялся на верхнюю палубу, его ноги потонули в крови дулуликов. У него осталось три вуфеа, два вагарондита и один алканквиб. Одним из вуфеа была Авина, но и она слыла грозным врагом для крошечных летучих. Это было все, что осталось от двухсот воинов, которые вышли с ним к Дереву с северной стороны. И еще у него было шесть солдат врумау.

— У нас всего один шанс, — сказал он. — Погибнуть или выбить дулуликов. За мной!

Он взошел по ступенькам с усыпанной шипами булавой и включил фонарик.

Дулулики были слишком заняты нешгаями, так что сначала даже его не заметили. Они возились вокруг нешгая, мельтеша под ногами и срываясь с балок, стегали, пролетая, гиганта по телу. Путь был усеян их изрубленными трупами, а по обеим сторонам обшивки валялись раненые.

Улисс с ходу врезался в схватку. Он размозжил три черепа и сломал кости двух пар крыльев, пока до крылатых дошло, что Грушназу пришла подмога. Нешгай, трубя, принялся сражаться с новыми силами. Его стеганые доспехи и пластиковое забрало были залиты кровью. Своей и чужой. На хоботе, у самого кончика, шел глубокий порез, а из спины торчало копье. Несколько летучих спикировали с площадки около вершины корабля и, просунув копье под панцирь, вогнали его вглубь.

Оставалось еще около сорока способных сражаться дулуликов. Они налетели на десяток вновь прибывших с яростью, потеряв многих, но заколов десятерых вуфеа, двоих вагарондитов и трех врумау. Но Грушназ, разъяренный штурмом, снимал по три головы одним ударом топора, хватал окровавленной рукой крылья и отрывал их напрочь, посылая вопящего человечка за открытую палубу. Он крутился, дико ревел и сыпал удары на окружающих Улисса дулуликов. Его молниеносный топор снес крылатого человечка со спины Улисса и перебил тому горло.

Внезапно уцелевшие завопили от радости: через отверстия в обшивке лезли новые дулулики.

— Сбрасывай тела. Уводи корабль туда, где они нас больше не достанут, — проревел Грушназ.

Он бросился за врагами в проход, сметая все на своем пути. Потом развернулся, рыча от боли из-за копья в спине, и скинул тела своих друзей с палубы. Оболочка корабля лопнула, пропуская падающие

трупы. Через образовавшиеся дыры со свистом вырывался воздух, но это было неважно: воздух и так свистел в сотнях дыр.

Улисс крикнул остальным, чтобы сбрасывали тела. Вниз полетели погибшие. А через дыры, проделанные дулуликами, продолжало поступать подкрепление. Впрочем, вновь прибывших врагов оказалось не так уж много — около пятидесяти. Да с десяток старых. Защитников же — тринадцать.

Улисс бежал по проходу, пока не миновал люк, ведущий в гондолу управления. Он рванулся вправо, к пункту обороны, и поискал там бомбу. Надо поджечь запал и установить у газового баллона! Летучие увидели бы, что он задумал, и убрались бы восвояси. Иначе он взорвет бомбу рядом с баллоном, и они все погибнут. Возможно, летучие настолько фанатичны, что позволят ему сделать это. Во всяком случае, это последний шанс.

Но бомб и ракет не осталось: они израсходовали все запасы. Что ж, может, и к лучшему! А то летучий нашел бы бомбу, поджег, все атакующие снялись бы и улетели, а дирижабль взорвался бы в воздухе.

Улисс побежал назад по коридору, пока не оказался у трапа. Он вспрыгнул на него и стал карабкаться вверх к ферме, державшей основание газового баллона. Он закричал — все головы повернулись к нему — и ударом складного ножа рассек оболочку.

Образовалась дырка, из которой со свистом начал бить водород. Улисс отступил назад и вытащил из кармана спички. Он доставал их медленно — так, чтобы все видели. Он надеялся, что летучие слышали о спичках. Иначе все напрасно.

Крылатые и его собственные люди издали отчаянный крик.

— Дулулики, немедленно покиньте корабль, — рявкнул он. — Или я всех уничтожу. Быстрее! Не то сгорите, словно моль в печке!

И тут произошла катастрофа. Грушназ перемахнул через оградительные поручни и грохнулся на нижнюю оболочку. Его тело провалилось сквозь тонкую, как бумага, обшивку корабля и исчезло. Он прыгнул, чтобы ускорить подъем корабля. Он оплатил свой долг.

Люди на главной палубе и дулулики на балках, стропах и площадках не двинулись, даже когда Грушназ ухнул через поручни. Все смотрели на спичечный коробок в руках Улисса.

Командир дулуликов в алом кожаном шлеме — эмблема полковника — скорчился на открытой площадке, зажав в одной руке тонкую пику, а второй держась за поручни. Его терзали сомнения.

Тогда вперед выступила Авина и выпрямилась, зажав в руке дубинку. Метнув ее, она попала в командира, развернув ему лицо. Он упал без единого звука.

Крылатые переглянулись. Их вождь погиб, остальные терялись в догадках: умереть всем вместе в гигантской вспышке или убраться восвояси? Если останутся, их враг погибнет тоже...

Улисс понимал, о чем они думают. Жизнь ведь так коротка, такая жалкая, как у них. А если уйти, они смогут сражаться вновь. Подобные штампы действовали безотказно, как двадцать миллионов лет назад.

Улисс приложил спичку к коробку.

— Одна вспышка! — прокричал он. — И нас больше не будет! Мы сгорим в огне!

Дулулик в зеленом шлеме — майор — крикнул тонким, срывающимся голосом:

— Пусть мы все погибнем!

Он нагнул свою короткую пику и гаркнул:

— В атаку!

Не дожидаясь, последуют ли за ним остальные, он спрыгнул с балки, расправив крылья, и бросился на Авину. Но воздух оказался разреженным, и он выбрал не совсем правильный угол. Дулулик ударился в поручень, и Авина врезала ему по голове томагавком. На его удочку клюнуло около двадцати, некоторые из них совершили тот же промах, что и командир, и ударились в ограждение. Остальные были встречены оружием двенадцати уцелевших защитников, стоявших плечом к плечу, спина к спине, шестеро в одну сторону, шестеро в другую.

Остальные дулулики стали потихоньку выбираться из отверстий, через которые пришли. Улисс положил спичечный коробок в карман и побежал на помощь своим людям. Он поспел как раз вовремя, подобрал копье и вонзил его в ближайшего летучего. Выжившие после последней атаки четыре дулулика упорхнули прочь. Все было кончено.

О Боже, как они устали! Один из вуфеа вдруг осел на пол и умер. Но Улисс велел троим заделать дыру в газовом баллоне, а остальным вернуться в гондолу. Они не заснут, пока «Голубой дух» не окажется в землях нешгаев!

Экипаж ушел на поиски пробоин, нашел четыре, но остальные обнаружить не смог. Корабль поплыл в низких слоях атмосферы. Это был единственный путь увеличить скорость: отсутствие ветра. Но зато на рулевых и штурманов легла громадная нагрузка. Им пришлось плыть между стволами и ветками, под ветками, среди переплетений лиан и веток, иногда с трудом протискиваясь между ними. Отойдя на девять миль от дерева, дирижабль приземлился на травянистой равнине и окончательно развалился.

Уцелевшие выбрались из-под неуклюжей громадины, вытащили свои пожитки, после чего Улисс поджег корабль, дабы быть совершенно уверенным, что тот не попадет в чужие руки. Он не желал, чтобы дулулики узнали, как строить дирижабли.

Остатки экипажа двинулись по равнине к горам, по другую сторону которых лежала страна нешгаев. Остальные корабли давно ушли

вперед. Их двигатели, работая против ветра, устали, и корабли смогут вернуться, только когда растительные моторы восстановят силы.

Через два дня путники увидели гигантский силуэт корабля.

— Это за нами! — обрадовалась Авина.

Вскоре заговорило радио корабля. К Улиссу обратился Кафби, офицер врумау.

— Нам надо немедленно возвращаться, Повелитель. Вся страна по колено в крови: царит полный хаос. Пока мы отсутствовали, рабы и врумау восстали против нешгаев. Часть земель в руках нешгаев, другую удерживают рабы. Мы успели уйти, остальные корабли разрушены нешгаями. Мы за тобой, Повелитель. Рабы и врумау ждут, что ты поведешь их к победе. Они говорят, ты бог людей и явился из незапамятных времен, чтобы освободить их, избавить мир от слоноголовых чудовищ.

Улисс вздохнул. Очень скоро об этом услышит Дерево, если уже не услышало. Оно созовет дулуликов, соберет орды народов, живущих на его ветвях, и ударит, пока люди и нешгаи режут друг другу глотки. Если бы только люди оставили эмоции, пока не победят своего главного врага! Но разумные существа не следуют холодной логике, во всяком случае, не всегда. Они живут в маленьких, темных кельях времени.

— Правитель и высший священник убиты, — продолжал Кафби. — Теперь правит Шегниф, Великий Визирь. Его силы засели во дворце, и до сих пор мы не в состоянии его взять.

Все осталось, как прежде. Улисс все это знал. За ним стояло двадцать миллионов лет крови, ужаса и страданий, и, казалось, сколько ни живи, будет то же самое.

Он стоял на огромной равнине рядом с Авиной, ее хвост легонько ударил его по правой ноге, она возбужденно следила за маневрами корабля.

— Мой Повелитель, а что мы будем делать, когда победим нешгаев?

Он потрепал ее по пушистому плечу.

— Мне нравится твой оптимизм. После того как победим, а не если, верно? Не представляю, что бы я без тебя делал.

На секунду в его груди что-то екнуло. Сколько раз ее могли убить, и по его вине.

Бессмысленно рабам и врумау жертвовать собой, чтобы вырезать всех слоноголовых. Было бы куда лучше заключить перемирие и построить общество, в котором не существуют рабы и хозяева, а нешгаи и люди равны между собой. «Мы нуждаемся друг в друге для борьбы против Дерева, — думал Улисс. — Нам нужно искать компромиссы, Авина. В них нет ничего позорного. Наоборот, сила разума в компромиссах».

— Рабы и врумау жаждут мести, — сказала Авина. — Они страдали сотни лет! Теперь им хочется сполна рассчитаться.

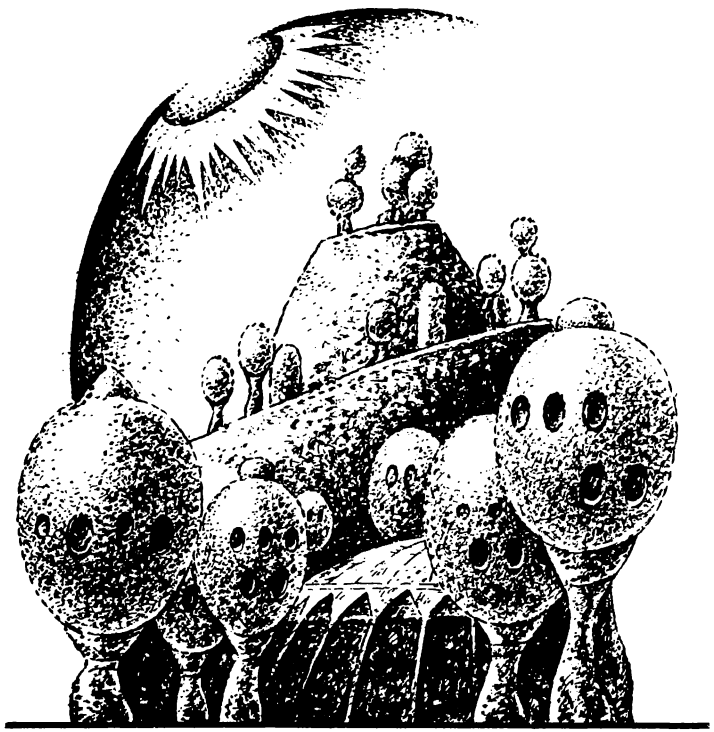
— Я понимаю, — кивнул Улисс. — Но страдания со временем забудутся, особенно если мы дадим взамен светлое будущее.

— Поможем? — спросила Авина.

— Попробуем. В мое время старые враги забывали обиды и оскорбления и становились друзьями.

— Мой Повелитель! — сказала Авина, и ее бедро коснулось Улисса, хвост хлестнул по его ноге, а глаза широко раскрылись. — Потом ты скажешь о компромиссе с Деревом. Нашим древним врагом. Пожирателем!

«Как знать, — подумал Улисс. — Если разум плоти может договориться с другим, то почему бы не сделать то же с разумом растения? Как знать?..»

ОБЛАДАТЕЛИ ПУРПУРНЫХ КУПЮР

ПОВЕСТЬ

Если бы Жюль Верн мог заглянуть в будущее, скажем, в 1966 год, он бы заерзал в брюках. А если — в 2166 год? О!!

(Из неопубликованных рукописей дедушки Виннегана «Как я притеснял дядюшку Сэма и другие отдельные высказывания»)

ПЕТУХ, КОТОРЫЙ ПРОКУКАРЕКАЛ СЛИШКОМ РАНО

Ан и Саб, великаны, в поте лица зарабатывают ему на хлеб.

Оторванные куски медленно поднимаются сквозь дурман сна. Огромный пресс давит бездонные виноградины для демонического причастия.

Он, словно простак Симон, удит в своей душе — ведерке для Левиафана.

Он стонет, наполовину просыпается, поворачивается (внутренний пот образует океаны) и снова стонет. Ан и Саб, упираясь спинами, вертят каменные колеса, тонущие в душе, бормоча: «Уф... Ух... тьфу...» Глаза ярко-оранжевые, словно у кота в чулане, зубы — округлые, белые цифры черной арифметики.

Ан и Саб — два простака Симона — основательно вешают метафоры саги, того не сознавая.

Навозная куча и петушиное яйцо: вверх взлетает василиск, громко кричит один раз, а потом еще дважды — в кровавом потоке восхода:

— Я встал и готов к битве!

Клич несется дальше и дальше, пока тяжесть и высота не пригибают его к земле, словно веточку плакучей ивы или соломенную тростинку. Одноглазая рыжая голова заглядывает в кровать, и лишенная подбородка челюсть ложится на ее край. Затем, разбухая, она скользит по нему в сторону и вниз. Одноглазо поглядывая туда и сюда, она обнюхивает пол и направляется к двери, оставленной открытой по недосмотру нерадивых стражей.

Громкий ослиный крик, раздавшийся с середины комнаты, заставляет его повернуть назад. Это кричит трехногий осел — Валаамов мольберт. Холст на мольберте — овальный плоский кусок светящегося пластика, особым образом подготовленный. Холст семи футов высотой и восемнадцати дюймов толщиной. Внутри картины — кусок, который надо завтра закончить.

Эта картина в равной степени и скульптура. Фигуры образуют горельеф, закругляются, поблескивают в падающем на них свете и в

свечении самого пластика. Такое впечатление, что свет заставляет фигуры появляться и исчезать, становиться на время сочнее, а затем тускнеть. Свет — бледно-красный. Это цвет утренней зари и крови, смешанной со слезами, цвет чернил на торцах сочащегося холста.

Это произведение из серии о Псе: «Постулаты Пса», «Воздушная схватка Псов», «Дни Пса», «Солнечный Пес», «Перевернутый Пес», «Пес собирает ягоды смерти», «Вцепившийся Пес», «Лежащий Песик», «Пес в правом углу», «Импровизация на тему Пса».

Сократ, Бен Джонсон, Феллини, Сведенборг, Ли, По и Гайавата шумят в «Таверне Русалки». Дедал смотрит в окно на вершину крепостной башни Кнососа и протягивает ракету этому ослу, своему сыну Икару, чтобы реактивная сила помогла в его знаменитом полете. В углу скорчился Ог, сын Огня. Он налетел на клык саблезубого тигра, выцарапывая бизона и мамонтов из заросшей плесенью штукатурки. Барменша Афина склонилась над столом, уставленным ради таких дорогих гостей нектаром и солеными крендельками. Позади нее Аристотель, напяливший козлиные рога. Он приподнял Афине юбку и поглаживает ее зад. Пепел от сигареты, свисающей с его застывших в сладкой улыбке губ, падает Афине на юбку, которая уже дымится. В дверях, ведущих в курительную комнату, нализавшийся Батмен поддается долго сдерживаемому желанию и начинает склонять Чудо-Мальчика к греху. В другом окне видно озеро, по поверхности которого идет человек. Тускло-зеленое сияние обрамляет его голову. Позади него из воды торчит перископ.

Пенис обвивается вокруг кисточки и начинает рисовать. Кисточка — маленький цилиндр, прикрепленный одним концом к шлангу, убегающему внутрь куполообразной машины. Из другого конца цилиндрика высовывается сопло. Его сечение может быть уменьшено или увеличено вращением колесика на цилиндре. Краска вырывается из сопла, ее цвет и желаемый оттенок устанавливается также при помощи двух других колесиков на цилиндре.

Похожий на маленький хоботок, он яростно создает новую фигуру слой за слоем. Потом до него доносится слабый аромат пыли, он роняет кисточку и выскальзывает за дверь и — вниз, по наклонной стене большого зала, рисуя одно за другим безногих существ и надписи, которые можно прочесть, но невозможно понять. Кровь в нем пульсирует в одном ритме с жерновами Ан и Саба, чтобы напитать и напоить горячекровную рептилию. Преграда, разделяющая неподвижную плоть и устремившееся вперед желание, пышет жаром.

Он стоит, и маленькая кобра поднимается и покачивается в соответствии с его желанием. Пусть света не будет! Пусть будет ночь, подобная клоаке. Быстрее, мимо комнаты матери, поближе к выходу. Ах! Тихий вздох облегчения, воздух, со свистом вырвавшийся через вертикальный плотно сжатый рот, говорит о том, что узник все-таки вырвался в Страну Желаний.

Дверь архаична — в ней есть замочная скважина. Быстрее! Вверх через замочную скважину и дальше — на улицу! Одна-единственная фигура вдалеке: молодая женщина с фосфоресцирующими серебряными волосами, будто просящая, чтобы ее догнали.

Скорее — на тротуар, по улице и обвиться вокруг ее лодыжки. Она смотрит на него с удивлением, а потом — со страхом. Он это любит. Слишком быстрая уступка — не по нем. В навозной куче все-таки нашлась жемчужина.

Вверх, по ее нежной, словно ушко котенка, ноги, кругом, еще раз кругом и... скользнуть в ущелье паха. Ласкаться к нежным завиткам волос и потом, испытывая танталовы муки, перевалиться через чуть заметную выпуклость низа живота, шепнув: «Хэлло» в рупор пупка, чуть нажать на него, чтобы, оттолкнувшись, скользить по винтовой лестнице вверх — вокруг тонкой талии, и робко сорвать быстрый поцелуй с каждого упругого соска. Потом опять — вниз, чтобы совершить победное восхождение на венерин бугор и водрузить на нем свое знамя.

О, упоительное табу, священная преграда! Там, внутри, — ребенок, которого предусмотрительно начала формировать эктоплазма. Падение, яйцо... и начинается содрогание плоти, торопящейся подтолкнуть счастливого микро-Моби-Дика, обгоняющего миллионы и миллионы других своих братьев, выживших в борьбе.

Хриплые звуки наполняют комнату. Горячее дыхание холодит головку. Он в испарине. Сосульки покрывают опухающий фюзеляж, и он провисает под их тяжестью, кругом клубится туман, ветер свистит среди распорок, элероны и рули высоты покрылись льдом, и он быстро теряет высоту. Но... выше, выше! Где-то там в тумане — Венусберг. Тангейзер, уйми своих проституток, пошли сигнальную ракету — я сорвался в пике.

Дверь в комнату матери открыта. В овальный дверной проем втиснулась жаба. Ее горло вздымается и опадает, словно кузнечные меха, беззубый рот широко открыт. Хайло! Раздвоенный язык вылетает изо рта, пытаясь вырваться на свободу. По телу проходит судорога протеста. Две волосатые лапы сгибаются и завязывают бьющееся, сопротивляющееся тельце в узел.

Женщина идет дальше. Подожди меня! Поток с ревом рвется наружу, разбивается о стенку узла, устремляется назад, прилив схлестывается с отливом. Поток слишком велик, а наружу только один путь. Мускулы сокращаются толчками, стена потока опадает. Ни Ноева ковчега, ни оливковой ветви. Поток обновляется, разлетаясь на миллионы сверкающих метеоров, на золотые крупинки в промывочном лотке Существования.

Королевство Бедра позади. Пах и Живот скрываются за затхлой броней. И он остается холодным, мокрым и дрожащим.

ВЫДАЕТСЯ ПАТЕНТ ГОСПОДА БОГА НА ВОСХОД

...это говорится посредством мелофона, по программе «Кофе с Авророй», канал 69-Б. Строки информации о пятидесятом Ежегодном Смотре-Конкурсе в Центре народного творчества, Беверли-Хиллз, четырнадцатый уровень. Говорится Омаром Вакхом Руником, говорится экспромтом, если не принять во внимание наметки, сделанные предыдущим вечером в малоизвестной таверне «Тайная Вселенная», и это смело можно сделать, потому что Руник ничего не помнит об этом вечере, кроме того, что он получил Первый-А лавровый венок. Венков с номером два, три и так далее не было, классификация шла по буквам: от А до Я. Возблагодарим же Господа за нашу демократию.

Серо-розовая семга вынырнула из водопада ночи
В заводь нового дня.
Восход — яростный рев солнечного буйвола,
Появляющегося из-за горизонта.
Фотонная кровь истекающей кровью ночи,
Заколотой наемным убийцей — Солнцем.

И так далее — на пятидесяти строках, прерываемых возгласами восторга, хлопками, шиканьем, свистом и выкриками.

Чиб наполовину проснулся. Он сонно таращится на сужающуюся темноту, и его сон бежит в тоннеле подсознания. Широко раскрытыми глазами он смотрит на другую реальность — Сознание.

— Пусть солнце взойдет, — повторяет он за Моисеем.

И, думая о длинных бородах и рогах — наследии Микеланджело, — он думает о своем прапрадедушке.

Воля, словно лом, раздвигает его веки. Он смотрит на экран, занимающий противоположную стену и половину потолка. Восход, палладин Солнца, бросает наземь серую боевую рукавицу.

Канал 69-Б, ВАШ ЛЮБИМЫЙ КАНАЛ, канал Лос-Анджелеса, несет вам рассвет — обманчивый, фальшивый, нарисованный электронами, созданными в устройствах, сооруженных людьми.

Поднимайтесь с солнцем в сердце и песней на устах! Пусть пробегает по телу дрожь от бодрых строк Омара Руника! Вы будете видеть восход так, как видят его птицы на ветвях, как Господь видит его!

Мелофон тихо мурлычет стихи под слабые звуки григовской «Анитры». Молодой человек Чибайабос Эльгреко Виннеган имеет теперь внутренний заряд, очищенный от черноты фонтана, бившего из нефтяных месторождений подсознания.

— С осла да на скакуна, — произносит Чиб, — да еще и на Пегаса.

Он говорит, мыслит и живет уже в напряженном Сегодня.

Чиб поднимается с постели и запихивает ее в стену. Оставить кровать в комнате смятой, словно язык старого пропойцы, значило бы

нарушить эстетику помещения, уничтожить тот штришок, который подчеркивает единство целого, создать помеху в работе.

Его комната — гигантский овоид, в углу которого (вернее, в его остром конце) меньший овоид — туалет и душевая. Он выходит оттуда, словно один из богоподобных ахейцев Гомера: массивные бедра, сильные руки, золотисто-коричневая кожа, голубые глаза, каштановая шевелюра — только бороды не хватает. Мелофон между тем воспроизводит рев южноамериканской древесной лягушки, который он однажды уже слышал по каналу 122.

— Сезам, откройся!

Лицо Рекса Люскуса заполняет весь экран. Поры на нем — словно воронки на поле боя Первой Мировой Войны. В левом глазу — монокль, который периодически вынимается во время споров с искусствоведами в лекционной программе «Мне нравится Рембранд», канал 109. Хотя возраст и делает ему простительным искусственное усиление зрения, он все равно убирает монокль.

— Inter caecos rex Luscus, — говорит он, когда его спрашивают, а частенько и не дожидаясь вопроса. — В переводе с латыни — «В стране слепых — и король кривой». Вот почему я взял себе имя Рекс Люскус, то есть — Король Кривых.

Ходят слухи, всячески пестуемые самим Люскусом, что он разрешит бионикам вставить искусственный белковый глаз только в том случае, если встретит работы художника, в достаточной степени великого для того, чтобы у него появилась нужда в полноценности зрения. Говорят также, что он вскоре это сделает, поскольку открыл Чибайабоса Эльгреко Виннегана.

Люскус голодно глядит на ближайшие и отдаленные владения Чиба. Чиб сглатывает, не от того, что болен ангиной, а от злости.

Люскус мягко говорит:

— Золотко, я как раз, на всякий случай, хотел убедиться, что ты уже встал и вспомнил о грандиозной важности этого дня. Ты должен быть готов к выставке, должен! Но теперь, когда я вижу тебя, я вдруг вспомнил, что еще не ел. Как ты насчет того, чтобы позавтракать со мной?

— Тем, чем мы обычно питаемся? — спрашивает Чиб, хотя не ждет ответа. — Нет, мне сегодня еще многое надо сделать. Сезам, откройся!

Лицо Рекса Люскуса угасает. Оно похоже на козлиную голову или, как он сам любит говорить, на лицо Пана. У него даже уши выглядят элегантно. Ну просто душка!

— Бе-е-е! — блеет Чиб вслед изображению. — Бе-е! Шарлатан! Я никогда не буду плясать под твою дудку, Люскус, и не позволю тебе грести жар моими руками. Пусть я даже лишусь дотации!

Фон снова звонит. Появляется смуглое лицо Руссо Красного Ястреба. У него орлиный нос, глаза — словно осколки темного стекла.

Его широкий лоб рассекает ленточка красной материи, стягивающая спадающие до плеч волосы. На нем куртка оленьей замши, на шее висит ожерелье из крупных бусин. Он выглядит настоящим равнинным индейцем, хотя Сидящий Буйвол, Бешеный Жеребец или благородный Римский Нос выгнали бы его из племени пинками. Не то чтобы они были антисемитами. Просто они не могут себе позволить иметь в племени жеребца, который нагло лезет в улей, когда рядом пасется лошадь.

Урожденный Юлиус Эпплбаум, он стал Руссо Красным Ястребом в День Имен. Только что вернувшийся из лесов, возвращенных к первобытному состоянию, он теперь вкушает плоды разлагающейся цивилизации.

— Ну как ты, Чиб? Шайка интересуется, когда опять появишься?

— У вас? Я еще не завтракал, и мне надо сделать тысячу вещей, чтобы быть готовым к выставке. Увидимся днем!

— Ты мог бы здорово повеселиться этой ночью. Какие-то паршивые египтяне пытались подмазаться к нашим девицам, но мы размазали их по стенам.

Руссо исчезает, словно последний из могикан.

Чиб начинает думать о завтраке как раз в тот момент, когда раздается свист интеркома.

— Сезам, откройся!

Он видит комнату. Клубится дым, слишком густой и крепкий, чтобы кондиционер мог с ним справиться. В дальнем конце овоида спят на ковре маленькие сводные брат и сестра. Они заснули, играя в маму и ее друга, их рты открыты в благословенной доверчивости, они прекрасны, как могут быть прекрасны только спящие дети. Напротив их сомкнутых глаз застыл немигающий объектив, похожий на око циклопа-монголоида.

— Ну, разве они не прелесть? — говорит мама. — Крошки слишком устали, чтобы добраться до постельки.

Круглый стол. Престарелые дамы и рыцари собрались вокруг него, чтобы подвергнуть последнему дознанию туза, короля, даму и шута. Их единственная броня — жир, слой на слое. Щеки матери свисают, словно знамена в безветренную погоду. Ее морщинистые груди, вывалившись из выреза платья, подрагивая, растеклись по столу.

— Жующие коровы! — говорит он громко, глядя на их жирные лица, приподнятые зады, азартные шлепки по столу. Они удивленно, словно проснувшись, поднимают брови. О чем это, черт возьми, говорит сей сумасшедший гений?

— Твой мальчик и в самом деле медлительный? — спрашивает один из маминых друзей, и они смеются, прихлебывая пиво. Анжела Нинон, боясь пропустить свой черед и чувствуя, что мама вот-вот переключится на распылители, мочится ей на ногу. Они смеются над этим, и Вильгельм-Завоеватель говорит:

— Я сдаюсь.

— А я отдаюсь, — говорит мать, и все визгливо смеются.

Чибу же впору заплакать. Но он не плачет, хотя с самого детства его приучали плакать, когда ему плохо.

— Тебе сразу поможет, — говорили ему. — Погляди-ка на Викингов, что это были за мужчины! Но они плакали, словно дети, всегда, когда им было плохо.

Он не плачет, потому что чувствует себя, словно человек, думающий о любимой матери так, будто она умерла очень давно.

Его мама давно уже погребена под глубоким слоем плоти. Когда ему было шестнадцать, у него была любящая мать.

Потом она отказалась от него.

Канал 202, популярная программа: «Что делать матери?»

В СЕМЬЕ, ГДЕ ВСЕ ПОЮТ, ДЕЛА НА ЛАД ИДУТ[1]

— Сынок, не ругай меня за это. Я делаю так, потому что люблю тебя.

Жирная, жирная, жирная! Когда она только уйдет?! Вниз, в бездну этого жира! Исчезая по мере того, как становится толще!

— Сынок, ты можешь спорить со мной обо всем и сейчас, и позже.

— Ты отдалила меня от себя, мама. И это было правильно. Я теперь уже большой. Но у тебя нет никакого права требовать, чтобы я захотел вернуть прошлое.

— Ты меня больше не любишь!

— Что на завтрак, мама?

— На этот раз готовь завтрак сам!

— Зачем же ты меня звала?

— Я забыла, когда открывается твоя выставка. Я хотела соснуть немножко перед тем, как идти туда.

— Четырнадцатого, мама. Но тебе не надо туда ходить.

Зеленые накрашенные губы расходятся, словно гангренозная рана. Она чешет свой напомаженный сосок.

— Ох, мне так хотелось там побывать. Я не хотела бы пропустить триумф собственного сына. Как ты думаешь, тебе дадут дотации?

— Если нет — нас ждет Египет, — говорит он.

— Ах, эти вонючие арабы! — восклицает Вильгельм-Завоеватель.

— Это дело рук Бюро, а не арабов, — говорит Чиб. — Арабы кочевали по причинам, по которым мы бы тоже стали кочевать.

[1] Из стихотворения Эдгара А.Гриста, канал 88.

Из неопубликованных рукописей дедушки:
«Кто бы мог подумать, что на Беверли-Хиллз засядут антисемиты?»

— Я не хочу в Египет! — причитает мама. — Ты должен получить дотацию, Чибби! Я не хочу покидать наш тесный круг. Я родилась и выросла здесь, на десятом уровне, и когда я уеду, все мои друзья останутся совсем одни. Я не поеду!

— Не плачь, мама, — говорит Чиб, чувствуя жалость к себе. — Не плачь. Правительство не может силой заставить тебя ехать. У тебя есть права.

— Если ты думаешь остановиться на достигнутом, то, конечно, тебе придется ехать, — говорит Завоеватель. — И я не стал бы винить Чиба, если бы он даже пальцем не пошевелил, чтобы получить эту дотацию. Не его вина, что не можешь сказать «нет» дядюшке Сэму. Ты получила свои пурпурные, а теперь требуешь от Чиба то, что он получает от продажи своих картин. Тебе и этого мало. Ты транжиришь их быстрее, чем получаешь.

Мать со злостью кричит на Вильгельма, и они пропадают. Чиб выключает экран. Черт с ним, завтраком, он поест позднее. Его последняя картина должна быть закончена для фестиваля к полудню. Он давит на клавишу, и пустая яйцеобразная комната преображается. Из стен появляются рисовальные принадлежности, словно дары электронных богов. Ван Гог был бы потрясен, а Дали просто хлопнулся бы в обморок, доведись им увидеть холст, палитру и кисть, которыми пользуется Чиб.

Процесс создания картины включал в себя сплетение тысяч проволочек в разнообразные формы на различной глубине. Проволочки были так тонки, что каждую в отдельности можно увидеть только через увеличительное стекло. Гнуть их можно только специальными маленькими щипчиками. Отсюда и очки на носу, и длинные паутинки в руках на первой стадии работы. После сотен часов медленного и кропотливого труда проволочки занимают предназначенное им место.

Чиб снимает очки, чтобы оценить первоначальное впечатление. Затем берет краскораспылитель, чтобы покрыть проволочки подходящими цветами красок и их оттенками. Краска сохнет всего несколько секунд. Чиб подключает холст к источнику питания и нажимает кнопку, пропуская через проволочки слабый ток. Сквозь краску пробивается свечение, раздаются лилипутские взрывы, и все закрывается синим дымом.

В результате на трехмерном изображении на разных уровнях появляются засохшие пузыри и раковины из краски. Свет скользит сквозь верхнюю из них во внутреннюю, когда картину поворачивают. Внутренность раковин превращается в своеобразные рефлекторы, концентрирующие свет, поэтому изображения внутренних слоев бывают даже более отчетливыми, чем внешние.

На выставке картину поставят на крутящийся пьедестал, который постоянно поворачивается.

Звук зуммера экрана. Чиб, ругнувшись, подумывает о том, что его надо бы отключить. Впрочем, кажется, это не интерком с истерично зовущей матерью. Пока, во всяком случае. Но она скоро позовет его, когда изрядно продуется в покер.

— Сезам, откройся!

ВОСПОЙ, О МУЗА, ДЯДЮ СЭМА

Дедушка пишет в своих «Отдельных высказываниях»:

«Двадцать пять лет после того, как я убежал с двадцатью миллиардами долларов и затем, как все полагают, скончался от сердечного приступа, Фалько Эксипитер снова сел мне на хвост. Детектив из ФБР, когда выбирал профессию, назвал себя Сокол Ястреб. Что за эгоист! Да, он зорок и неутомим, как все стервятники, и я бы дрожал от страха, не будь я слишком стар, чтобы бояться за свое бренное существование. Кто развязал шнурки и отбросил мой комбинезон? Как он уловил старый, выветрившийся запах?»

Лицо Эксипитера — это лицо летучего хищника, страдающего манией подозрительности. Взгляд блеклых голубых глаз, подобно ножам, выскакивающим из рукава и посылаемым вперед слабым движением кисти. Они схватывают все с шерлокхолмсовской цепкостью, отбирая важные детали. Его голова поворачивается из стороны в сторону, уши стоят торчком, ноздри раздуваются — радар, сонар и одор.

— Мистер Виннеган, я извиняюсь за ранний визит. Я поднял вас с постели?

— Вы сами видите, что нет, — говорит Чиб. — И не надо представляться. Я знаю вас. Вы уже три дня ходите за мной, словно тень.

Эксипитер не краснеет.

— Если вы знаете меня, может быть, вы знаете, о чем я хочу поговорить с вами?

— Я должен быть настолько ошарашенным, чтобы отвечать вам?

— Мистер Виннеган, я хотел бы поговорить с вами о вашем прапрадедушке.

— Он умер двадцать пять лет назад! — кричит Чиб. — Забудьте о нем. И не отвлекайте меня. И не надейтесь получить ордер. Ни один судья не выдаст его вам. Мой дом — моя репа. То есть, я хочу сказать, крепость.

Он думает о маме и еще, на что будет похож этот день, если только он не смотается отсюда поскорее. Но он должен закончить картину.

— Убирайтесь, Эксипитер, — говорит Чиб. — Я подумаю, не доложить ли о вас в БПНР. Я уверен, что вы прячете телекамеру под своей дурацкой шляпой.

Лицо Эксипитера ровно и неподвижно, словно алебастровое изображение сокологолового Гора. Он словно хвастается своей невозмутимостью. Раз так, он оставит сказанное без внимания.

— Очень хорошо, мистер Виннеган. Но вы так легко не отделаетесь от меня. После всего...

— Убирайтесь!

Интерком трижды свистит. Надо сказать, что три раза — это дедушке.

— Я подслушивал, — говорит стодвадцатилетний голос, глухой и глубокий, словно эхо в пирамиде фараона. — Я хочу повидаться с тобой сейчас. Если, конечно, ты можешь уделить старому сумасброду несколько минуток.

— Конечно, дедушка, — говорит Чиб, думая, как же он любит старика. — Тебе нужна пища?

— Да, и для ума тоже.

День. День Молитвы. Закат богов. Армагеддон. Вещи замыкаются в себе. Пан или пропал. Грудь в крестах или голова в кустах. На щите или со щитом. Вот, есть все эти слова и чувство чего-то большого. Что принесет этот день?

БОЛЬНОЕ СОЛНЦЕ СКОЛЬЗНУЛО В НАРЫВАЮЩЕЕ ГОРЛО НОЧИ

(О.Руник)

Чиб подходит к выпуклой двери, которая открывается в промежуток между стенами. Овальная гостиная — фокус дома. В первом квадранте, если идти по часовой стрелке, находится кухня, отделенная от гостиной шестиметровой ширмой, разрисованной Чибом изображениями усыпальниц фараонов. Семь гладких колонн вокруг гостиной отмечают границу между комнатой и коридором. Меж колон нами размещены более высокие ширмы, разрисованные Чибом в период его увлечения мифологией индейцев.

Коридор тоже овальной формы, в него выходят все комнаты дома. Комнат всего семь: шесть комбинаций типа спальня-кабинет-студия, туалет-душ и кладовая.

Маленькие яйца внутри больших яиц, которые внутри мегаломонолита грушевидной планеты внутри яйцеобразной Вселенной; последнее слово современной космологии: неопределенность имеет форму куриного производного. Бог высиживает яйца и кудахчет раз в триллион лет или что-то около этого.

Чиб пересекает холл, проходит между двумя колоннами, высеченными в форме кариатид, и входит в гостиную. Его мать искоса глядит на сына, который, как она думает, близок к сумасшествию, раз до сих пор еще топчется на одном месте. Это частично и ее ошибка: она должна была в моменты сумасбродства отвлекать его. Теперь она толста и безобразна, о боже, до чего же толста и безобразна! Она не может ни благоразумно, ни неблагоразумно надеяться на то, что все будет по-старому.

Это естественно, твердит она себе, вздыхая обиженно и слезливо, если бы он отверг любовь матери ради молодых, хорошо сложенных женщин... Но отвергать и их тоже? Он же не сказочный герой! Он кончил со всем этим, когда ему было тринадцать. В чем же причина его упорного целомудрия? Он не ударился в мастурбацию, что она могла бы понять, хотя бы и не одобрила.

О, Господи, где же я была не права? Ведь со мной все нормально. Он же становится сумасшедшим, как его отец — Релей Ренесанс, по-моему, так его звали — и его тетя, и его прапрадедушка. Все эти картины и эти радикалы! Молодой Редис, с которым он общается... Он так артистичен, так чувствителен. О, господи, если что-нибудь случится с моим мальчиком, я должна буду поехать в Египет.

Чиб знает все ее мысли, потому что она очень часто преподносит их вслух и неспособна заиметь новые. Он проходит мимо круглого стола, не произнося ни слова. Дамы и Рыцари консервативного Камелота смотрят на него сквозь призму пива.

На кухне он открывает овальную дверцу в стене. Он убирает поднос с пищей в закрытых блюдах и чашках, запакованных в пластик.

— Ты не будешь есть с нами?

— Не скули, мама, — говорит он и возвращается в свою комнату, чтобы захватить несколько сигарет для дедушки. Дверь, воспринимая, усиливая и преобразовывая меняющуюся, но опознаваемую приводными механизмами картину электрической проводимости кожи и ее всевозможных полей, артачится. Чиб слишком расстроен. Магнитные бури, проносясь через его кожу, искажают естественную конфигурацию полей. Дверь наполовину открывается, захлопывается, вдруг изменяет решение и открывается, но потом закрывается опять.

Чиб пинает дверь, и она блокируется напрочь. Он думает, что надо бы поставить видео или звуковой сезам. Трудность только в том, что он ограничен в блоках и средствах, чтобы купить материалы. Он пожимает плечами и идет мимо изгибающейся стены холла и останавливается перед дедушкиной дверью, скрытой от взглядов остальных членов семьи кухонной ширмой.

Ибо пел он мир, свободу,
Красоту, любовь и страстность,
Пел он смерть и жизнь без смерти
В Поселениях Блаженных,

В мире, что зовут Понима,
В теплых землях То, Что Будет.
Очень дорог Гайавате
Был учтивый Чибайабос.

Чиб читает эти строки, и дверь отходит в сторону.

Наружу вырывается свет — желтоватый, с чуть заметной примесью красного. Свет — выдумка дедушки. Смотреть в выпуклую овальную дверь — все равно что смотреть в зрачки сумасшедшего. Дедушка стоит посреди комнаты, белая борода опускается ниже пояса, белые волосы спадают до пят. Хотя вся эта растительность скрывает его наготу: и он не на людях, на нем надеты шорты. Дедушка — это нечто очень старомодное, но простительное человеку, которому минуло двенадцать десятков лет.

Как и Рекс Люскус, он одноглазый. Улыбка обнажает его собственные зубы, выросшие из зародышей, трансплантированных тридцать лет назад. Большая сигара торчит изо рта с полными красными губами. Нос его широк и грязен, словно по нему прошлась тяжелая стопа времени. Его лоб и скулы так же широки, может быть, из-за капельки крови оджибуэев, замешанной в нем, хотя он рожден Виннеганом и даже потеет по-кельтски — распространяя вокруг аромат виски. Он высоко держит голову, а серо-голубые глаза его словно лужицы на дне глубокой расщелины, остатки растаявшего глетчера.

Лицо дедушки — один к одному лицо Одина, когда тот отвернулся от колодца Мимира, удивленный тем, что заплатил слишком большую сумму. Или это лицо иссеченного ветрами и песком вечного Сфинкса из Гизы.

— Сорок веков истории смотрят на тебя с высоты, если перефразировать Наполеона, — говорит дедушка. — С высоты времен... Что тогда есть человек? К т о о н е с т ь? Вопрошает сфинкс наших дней. Эдип разрешил вопрос Ее предшественницы и не разрешил ничего, потому что от Нее отделилось Ее подобие, хитроумный ребенок с вопросом, который до сих пор никто не может разрешить. И возможно, не разрешит никогда.

— Ты забавно разговариваешь, — говорит Чиб. — Но мне это нравится.

Он усмехнулся, с любовью глядя на дедушку.

— Ты заглядываешь сюда каждый день не столько из-за любви ко мне, сколько для того, чтобы расширить свой кругозор. Я видел весь свет и слышал обо всем на свете! И время от времени обо всем этом думал. Я много до того странствовал по свету, пока четверть века назад не нашел здесь свое убежище. Теперешний немощный узник был величайшим Одиссеем всех времен.

ДРЕВНИЙ ПЕРЧИТЕЛЬ

— Я называю себя маринадом мудрости, погруженным в крепкий рассол цинизма и долгой жизни.

(Из неопубликованных рукописей)

— Ты так улыбаешься, что кажется, будто ты до сих пор можешь иметь женщин, — смеется Чиб.

— Нет, мой мальчик. Мой шомпол сломался еще тридцать лет назад. И я благодарен Господу за это, ибо он лишил меня греха педерастии, если забыть об онанизме. Однако мне оставлена вся прочая энергия, припасенная для других грехов, не менее тяжких. Помимо греха сексуального влечения, включая и грех сексуальной невоздержанности, у меня есть и другие причины просить помощи Черной Магии, чтобы снова быть накрахмаленным. Я слишком стар, чтобы молоденьких девушек влекло ко мне что-то иное, кроме денег. И я слишком поэт, любитель Красоты, чтобы бросаться на сморщенные пузыри моего поколения. Теперь ты видишь, сынок. В колоколе моих сексуальных возможностей из стороны в сторону мотается язык. Динь-дон, динь-дон. Очень часто — дон, но совсем редко — динь.

Дедушка громко смеется — львиный рык, пугающий стаю голубей.

— Я всего лишь осколок старины, грезящий о давно умершей любви. Я создан не для того, чтобы быть на виду, чувство справедливости заставляет меня признавать ошибки прошлого. Я странный корявый старикан, запертый, словно Мерлин, в древесном стволе. Замолксис — фракийский Бог-Медведь, замурованный в своей пещере. Последний из Семи Спящих.

Дедушка подходит к тонкой пластиковой трубе, выступающей из потолка, и разводит в стороны прижатые к ней рукоятки.

— Эксипитер кружит над нашим домом. Он учуял падаль в Беверли-Хиллз, уровень 14. Могло ли случиться, что Линэгейн Виннеган[1] не умер? Дядюшка Сэм — словно диплодок, которого пнули в зад. Понадобилось двадцать пять лет, чтобы это дошло до его мозгов.

Слезы навертываются на глаза Чиба. Он говорит:

— О Господи, дедушка, я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Что может случиться со стодвадцатилетним стариком? Разве что он тронется умом или впадет в детство.

— Положение серьезное, — говорит Чиб, — а ты опять стал молоть всякую чепуху.

[1] Winagain — вновь победивший *(англ.)*

— Можешь называть меня Идомолом, — говорит дедушка. — Хлеб из этой муки выпекается в странной печи моего ЭГО — или полупропекается, если так тебе больше нравится.

Чиб сквозь слезы улыбается и говорит:

— В школе меня учили, что каламбуры — это дешевка и вульгарщина.

— То, что хорошо для Гомера, Аристотеля, Рабле и Шекспира, хорошо и для меня. Кстати, о дешевке и вульгарщине. Я прошлым вечером встретил в зале твою мать, когда эти жирные игроки в покер еще не собрались. Я только что покинул кухню, прихватив с собой бутылку. Она чуть не грохнулась в обморок. Но довольно скоро оправилась и сделала вид, что не замечает меня. Может, она подумала, что увидела привидение. Однако я сомневаюсь. Она бы раззвонила об этом по всему городу.

— Она могла рассказать об этом своему доктору, — говорит Чиб. — Она видела тебя несколько недель назад, помнишь? Она могла упомянуть об этом, когда рассказывала о своих так называемых головокружениях и галлюцинациях.

— И старый костоправ, знающий семейную историю, вызвал ФБР. Вполне может быть.

Чиб смотрит в перископ. Он поворачивает рукоятки из стороны в сторону, заставляя его подниматься и опускаться. Он ясно видит, как Эксипитер слоняется вокруг сооружения из семи яиц-квартир, каждое из которых находится на конце широкого, изогнутого наподобие ветви перехода от основного ствола здания. Видно, как Эксипитер поднимается по ступенькам ветви к дверям квартиры миссис Эпплбаум. Дверь открывается.

— Только он, должно быть, удерживает ее от лесбиянства, — говорит Чиб. — И ей наверняка одиноко. Господи, да она ведь жирнее мамы!

— Почему бы и нет? — говорит дедушка. — Мистер и миссис Средние Кители сидят весь день на своих задницах, пьют, жрут и смотрят стерео, а мозги их тем временем превращаются в мякину, а тела — в студень. Цезарь наших дней, окруженный жирными друзьями, мог бы не беспокоиться за свою жизнь. Ты тоже ел, Брут?

Дедушкины комментарии, впрочем, не относились к миссис Эпплбаум. У нее дыра в голове, а люди, прибегающие к педерастии, редко толстеют, тем более если она вместо этого использует нейростимуляцию. Такие люди, как она, сидят или лежат целый день и часть ночи, игла-электрод, погруженная в мозг, периодически посылает серии мгновенных электрических импульсов в зону удовольствия. Неизъяснимое наслаждение растекается по всем уголкам тела, чувство, не сравнимое с удовольствием от пищи, выпивки и полового акта, вместе взятых.

Это делается нелегально, но правительство никогда не побеспокоит такого человека, если только он не нужен для чего-нибудь другого:

ведь нейростимики редко имеют детей. Двадцать процентов жителей Лос-Анджелеса сверлят в своих черепах дырки и вставляют туда время от времени крошечные стерженьки, заменяющие иголки. Пять процентов прибегают к нейростимуляции регулярно. У них изможденный вид, они очень редко едят, их раздувшиеся мочевые пузыри постепенно насыщают кровь ядом.

Чиб говорит:

— Брат и сестра, должно быть, иногда видят тебя, когда ты выбираешься на мессу. Они не могли?

— Нет... Они тоже думают, что я дух. В наш-то век! Хотя, может быть, это и хорошо, что они не верят ни во что, кроме привидений...

— Лучше бы тебе не посещать церковь.

— Ты и Церковь — вот единственное, что меня поддерживает... Грустный это был день, когда ты сказал, что не можешь верить. Ты был бы хорошим священником, в меру ошибающимся, — я тогда бы мог слушать мессу и исповедоваться, не выходя из этой комнаты...

Чиб ничего не отвечает. Он ходит на проповеди и смотрит службы лишь для дедушкиного удовольствия. Церковь была яйцеобразной морской раковиной, которая, если бы ее можно было приложить к уху, доносила бы отдаленный рев Бога, звучащий, словно шум прибоя.

ЕСТЬ ВСЕЛЕННЫЕ, МОЛЯЩИЕ О БОГАХ, ХОТЯ ОНИ ХОДЯТ РЯДОМ, ИЩА РАБОТУ

(Из дедушкиных рукописей)

Дедушка забирает перископ себе. Он смеется.

— «Бюро сокрытых доходов»! Я думал, что его расформировали! Кто, черт возьми, имеет сейчас такой большой доход, чтобы о нем умолчать? Ты не думаешь, что оно действует исключительно благодаря мне? Вполне вероятно...

Он подзывает Чиба к перископу, махнув рукой в сторону Беверли-Хиллза. Чибу видно узкое пространство между семью яйцевидными домами на пьедесталах-ветвях, кусок центральной площади, гигантские овоиды городского вала, федеральное бюро, Народный центр и часть массивной спирали, на которой размещаются дома уважаемых граждан и дору-пандориан, где они приобретают за пурпурные все, что им нужно. Виден берег большого искусственного озера, вдоль него плывут лодки, люди удят рыбу.

Непрозрачный пластиковый купол, покрывающий Беверли-Хиллз, небесно-голубого цвета. Электронное солнце выходит в зенит. На небе несколько гениально сработанных облаков и даже клин летящих на юг гусей, чьи крики слабо доносятся до земли. Очень красиво для тех, кто ни разу не был за стенами Лос-Анджелеса. Но Чиб провел два

года в Корпусе по Возрождению и Сохранению Природы Мира — КВСПМ и он знает разницу. Он уже почти решил бежать вместе с Руссо Красным Ястребом, чтобы присоединиться к неоамериндам. Потом он собирался стать рейнджером. Но этот вариант означает, что кончит он тем, что застрелит или арестует Красного Ястреба. Помимо того, он не хочет быть салагой. И он хочет гораздо большего, чем просто рисовать.

— Вон — Рекс Люскус, — говорит Чиб. — Его интервьюируют около Народного Центра. Прямо целая толпа.

ПЕЛЛЮСИДАРНОЕ ОТКЛОНЕНИЕ
(Преломление)

Средним именем Люскуса вполне могло бы быть Апмэншип. Человек большой эрудиции, имеющий привилегированный доступ к компьютеру Центральной библиотеки Лос-Анджелеса, обладающий хитроумностью Улисса, он всегда одерживал верх над своими коллегами.

Это он основал Гоу-гоу, школу кретинизма.

Прималюкс Раскинсон, его главный оппонент, провел энергичное расследование, когда Люскус объявил полное название своей новой философии. Раскинсон триумфально объявил, что Люскус заимствовал фразу из забытого ныне сленга, имевшего хождение в середине двадцатого века.

Люскус на следующий же день сказал в интервью, что Раскинсон — довольно поверхностный ученый, чего, впрочем, и следовало от него ожидать.

«Гоу-гоу» взято из языка готтентотов, где это выражение означает «всматриваться», то есть глядеть до тех пор, пока что-то в предмете, (в данном случае в работе художника) не станет явственно видимым.

Критики выстроились в очередь, чтобы вступить в его школу. Раскинсон начал подумывать о самоубийстве, но вместо этого обвинил Люскуса в том, что тот всю жизнь стремился урвать кусок пожирнее.

Люскус ответил, что его жизнь — это его жизнь! — и Раскинсону грозит обвинение вторгнуться в личную жизнь. Он, однако, обеспокоен этим не более, чем человек, которому докучает комар.

— Что это еще за комар? — спросили миллионы зрителей. — Этим умным головам не мешало бы говорить на понятном всем языке.

Голос Люскуса на минуту слабеет, пока комментаторы разъясняют слово, взглянув на появившееся в мониторе определение, которое тот выкопал из энциклопедии стереостанции.

Люскус пожинал плоды новизны школы «Гоу-гоу» два года.

Затем он восстановил свой слегка пошатнувшийся престиж с помощью философии тотипотентного человека.

Она завоевала такую популярность, что Бюро культуры и Отдыха зарезервировало один час в день на срок полтора года на программу тотипотентности.

Комментарии дедушки Виннегана, записанные в его «Отдельных высказываниях»:

«Что сказать о тотипотентичном человеке, этом апофеозе индивидуализма и психосоматического развития, демократичном сверхчеловеке, сексуально-одностороннем, так навязываемом Рексом Люскусом?
Бедный старый дядюшка Сэм! Он старается придать многоликости своих граждан единственный стабильный облик, чтобы легче было управлять ими. И в то же время старается поощрять всех и каждого в потакании своим наклонностям. Каково? Бедный старый шизофреник — мосластый, с трясущимся подбородком, овечьим сердцем и высохшими мозгами! Воистину, левая рука не ведает, что делает правая. Вернее, правая рука не ведает, что творит левая».

— Что сказать о тотипотентном человеке? — спрашивает Люскус ведущего четвертой программы «Лекции Люскуса». — Как он конфликтует с современным духом времени? Никак. Тотипотентный человек — необходимость наших дней. Он должен появиться ранее, чем наступит Золотой Век. Как можно достичь Утопии без утопийцев, или — Золотого Века с людьми Бронзового?

Это был тот памятный день, когда Люскус говорил про пеллюсидарное преломление и тем самым сделал известным Чибайабоса Виннегана. И совсем не случайно одержал крупную победу над своими оппонентами.

— Пеллюсидарное? Преломление? — бормотал Раскинсон. — О Господи, что еще выдумает этот балабол?

— Мне потребуется некоторое время, чтобы объяснить, почему я употребил эти слова для описания гениальности Виннегана, — продолжает Люскус. — Прежде всего, разрешите мне сделать небольшое отступление.

ОТ АРКТИКИ ДО ИЛЛИНОЙСА

— Итак, Конфуций сказал однажды, что медведь не может пустить ветры на Северном полюсе, чтобы это не отозвалось ураганом в Чикаго.

Этим он хотел сказать, что все события, а следовательно, и люди объединены неразрывными узами. То, что сделает один человек, каким бы незначительным это ни казалось, передается через эти связи и затрагивает каждого.

Хо Чанг Ко, сидя перед экраном на тринадцатом уровне Лхасы, что на Тибете, говорит жене:

— Этот белый выскочка все наврал. Конфуций никогда этого не говорил. Это слова Ленина, сохрани нас Боже! Я вызову его и отделаю как следует...

Его жена говорит:

— Давай переключим канал. Сейчас показывают заведение Пай Тинга, и...

Нгомби, десятый уровень, Найроби:

— Здешние критики — банда грязных ублюдков. Получите-ка теперь Люскуса! Что, съели? Он мгновенно разглядел мою гениальность. Пожалуй, я эмигрирую завтра же утром.

Жена:

— Ты мог бы по крайней мере спросить хотя бы меня, хочу ли я ехать! А как дети? Мама... друзья... собака? — и так далее под ночным светящимся небом забывшей львов Африки.

— ...экс-президент Радинов, — продолжал теперь Люскус, — сказал однажды, что наш век — век замкнутых друг на друга людей. Насчет этой, по-моему, проницательной фразы было сказано несколько вульгарных замечаний... Но Радинов вовсе не имел в виду, что человеческое общество — это венок из ромашек. Он хотел сказать, что токи современного общества протекают по цепи, частями которой являемся все мы. Это век полной взаимосвязанности. Только проводов нет. Другими словами, мы все замкнуты накоротке. Все же несомненно, что жизнь без индивидуальности не представляет никакой ценности. Каждый может быть HAPAX LEGOMENON[1].

Раскинсон вскакивает со стула и вопит:

— Я знаю эту фразу! Ты поплатишься за это, Люскус!

Он так возбужден, что падает в обморок — явный признак нездоровой наследственности. Когда он приходит в себя, лекция уже закончилась. Он бросается к записывающему устройству, чтобы услышать то, что пропустил. Но Люскус тщательно обошел определение пеллюсидарного преломления. Он объяснит это в следующей лекции...

[1] Ничтожество *(греч.)*

Дедушка, вновь припавший к перископу, снова свистит:

— Я чувствую себя астрономом. Планеты кружатся вокруг моего дома-солнца... Вон Эксипитер, ближайшая планета — Меркурий, хотя это бог не воров, а их ярых врагов. Следующий — Бенедиктина, твоя грустная покинутая Венера. Тяжко, тяжко, тяжко. Сперма колышется в головках, плоских по сравнению с этими плоскими яйцами. Ты уверен, что она беременна? А вот твоя мама, одетая так, что ее хочется убить, и хотел бы я, чтобы кто-нибудь наконец это сделал. Мать-Земля достигла перигелия в своем движении вокруг правительственного универмага, стремясь поскорее истратить то, что ты добываешь.

Дедушка стоит так, словно под ним не пол, а неустойчивая, качающаяся палуба. Сине-черные жилы на ногах, словно корни древнего дуба. Быстрая смена роли господина доктора STERNSCHEISSD PECKSCHWIPPE[1], великого астронома, на роль капитана подводной лодки фон Шоттена, высматривающего рыбу на отмели. Ах!

— Ах! Я уже вижу приближение парохода! Твоя мама испытывает килевую качку, кидаемая волнами морей алкоголя. Компас сбит, румб утерян. Три пальца по ветру. Винты вращаются в воздухе. Черный кочегар, весь в мыле, поддерживает в слабеющих топках огонь. Винты уже запутались в сетях невроза. И Большой Белый Кит, мерцая в черных глубинах, быстро поднимается вверх, чтобы ударить ее днище, слишком большое, чтобы промахнуться. Бедная посудина, я плачу по ней. И меня тошнит от отвращения... Первая, пли! Вторая, пли! Бабах!! Мама опрокидывается, в ее корпусе здоровенная дыра-пробоина, но совсем не та, о которой ты сейчас подумал. Она идет ко дну, вперед носом, как и подобает гибнущему кораблю, ее гигантская корма вздымается в небо. Буль, буль, буль!

А теперь вернемся из морской пучины в космос. Твой вышедший из леса Марс, Красный Ястреб, как раз появился в дверях таверны. А вот и Люскус, Юпитер, одноглазый старец, отец искусства, если извинишь мне смешение разных мифологий, окруженный кучей спутников-варягов...

ЭКСКРЕЦИЯ — ВЫСШЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДОБЛЕСТИ

Люскус говорит интервьюерам:

— Этим я хочу сказать, что Виннеган, как всякий художник, великий или нет, производит искусство, которое является, прежде всего, секрецией, единственной в своем роде, а после этого — экскрецией. Экскрецией в прямом смысле слова, то есть испражнением. Выделением творца или абстрактным выделением. Я знаю, что моих уважаемых

[1] Разглядывающий звезды в навозной жиже *(нем.)*

коллег рассмешит подобная аналогия, поэтому я вызываю их на спор в любое удобное для них время.

Доблесть следует из смелости художника, показывающего продукты внутренней деятельности организма публики. Но худшее следует из того факта, что художник может быть отвергнут или неправильно понят в свое время. А также из той ужасной войны, которая происходит в душе художника между разобщенными и хаотически расположенными элементами, зачастую антагонистичными друг другу, которые он должен объединить, а затем сплавить в уникальное творение. Вспомните мою фразу об абстрактном выделении.

Корреспондент:

— Следует ли понимать это так, что все на свете является кучей дерьма, которую искусство делает необычным морским простором, преобразуя ее в нечто золотистое и сверкающее?

— Не совсем так, хотя почти правильно. Я разъясню постепенно все подробности. Сейчас же я хочу поговорить о Виннегане. Итак, обычные художники показывают только поверхность вещей, как фотографы. Великие показывают внутренний мир объектов и событий. Виннеган, однако, первый, кто высвобождает более чем один внутренний мир в одном произведении искусства. Его изобретение оптореальной многослойной техники позволяет ему являть — выносить на поверхность — то, что таится в глубине, слой за слоем.

Прималюкс Раскинсон громко:

— Чистка Большой Луковицы Искусства!

Люскус тихо, дождавшись, когда стихнет смех:

— С одной стороны, сказано правильно. Большое искусство, подобно луку, заставляет человека плакать. Однако свет в работах Виннегана — не просто отражение, он входит внутрь, преломляется и выходит наружу. Каждый преломленный луч делает видимыми не различные аспекты, находящиеся внутри фигур, а сами фигуры. Миры, я бы сказал.

Я называю это пеллюсидарным преломлением. Пеллюсидар — это внутренняя поверхность нашей планеты, описанная в забытых ныне фантастических романах писателя двадцатого века Эдгара Райса Берроуза, создателя бессмертного Тарзана.

Раскинсон стонет и вот-вот снова упадет в обморок.

— Пеллюсидар! Поллюция! Люскус, твой каламбур — это эксгумация ублюдка!

— Герой Берроуза пробил земную кору и открыл новый мир. Это было, так сказать, зеркальное отражение земного ландшафта: континенты были на месте морей, и наоборот. Точно так же Виннеган открыл внутренний мир, вывернутые наизнанку представления среднего человека. И, подобно герою Берроуза, он вернулся с ошеломляющим повествованием о немыслимых опасностях своего путешествия. И точно так же, как выдуманный герой, обнаруживший Свой Пеллюсидар, на-

селенный людьми каменного века и динозаврами, Виннеган открыл свету свой мир, который, хотя и кажется с первого взгляда современным, при более внимательном рассмотрении является архаичным, глубоко архаичным.

В сверкании мира Виннегана можно обнаружить пугающее и таинственное пятно темноты, что аналогично крошечной неподвижной луне Пеллюсидара, отбрасывающей зябкую застывшую тень.

Далее, я утверждаю, что обычное «пеллюсид» является частью «Пеллюсидара», хотя «пеллюсид» означает «отражающий свет от всех поверхностей» или «пропускающий свет без поглощения или преломления». Картины Виннегана делают прямо противоположное. Но под изломанным или перекрученным светом внимательный наблюдатель может заметить первичное свечение, ровное и сильное. Это свет, который связывает воедино структуру и слои; свет, который я подразумевал, говоря о белом медведе и веке замкнутых накоротко людей. При внимательном рассмотрении наблюдатель может это заметить и почувствовать биение мира Виннегана.

Раскинсон близок к обмороку. Улыбка Люскуса и темный монокль делают похожим его на пирата, который только что взял на абордаж испанский галеон, доверху груженный золотом.

Дедушка, все еще стоящий у перископа, говорит:

— А вот и Мариам бен Юсуф из Египта, женщина цвета эбенового дерева, о которой ты мне говорил. Твой Сатурн — высокий, царственный и холодный. А эта парящая, крутящаяся, разноцветная новомодная шляпка — ее нимб? Кольца Сатурна?

— Она прекрасна, и она была бы превосходной матерью для моих детей, — вздыхая, говорит Чиб.

— Аравийский шик. Но твой Сатурн имеет две луны — матушку и тетушку. Чичероне! Ты говоришь, что она была бы хорошей матерью? А какой женой? Она интеллигентна?

— Она не менее остроумна, чем Бенедиктина.

— Значит, глупа. Хороший выбор. Откуда ты знаешь, что ты влюблен в нее? За последние шесть месяцев ты был влюблен в двенадцать женщин.

— Я люблю ее. Вот и все.

— До следующего раза. Можешь ли ты по-настоящему полюбить что-нибудь, кроме своих картин? Бенедиктина собирается делать аборт, да?

— Нет, если я отговорю ее от этого, — говорит Чиб. — Сказать по правде, я ее больше не люблю. Но она носит моего ребенка.

— Дай-ка я взгляну на твой пах... Нет, ты все-таки мужчина. На минуту я даже засомневался, достаточно ли ты ненормален, чтобы иметь ребенка.

— Ребенок — это чудо, способное поколебать секстильон язычников.

— Ты стреляешь из пушки по воробьям. Разве ты не знаешь, что дядюшка Сэм готов вырвать собственное сердце, лишь бы сократить прирост населения? Где ты жил все это время?

— Мне надо идти, дедушка.

Чиб целует старика и возвращается в свою комнату, чтобы закончить последнюю картину. Дверь все еще отказывается признать его, и он вызывает правительственное Бюро ремонта только для того, чтобы ему ответили, что все техники сейчас на Народном Фестивале. Флаги и воздушные шары колышутся на искусственном ветру, поднятом ради такого случая, а у озера играет оркестр.

Дедушка смотрит на него в перископ.

— Бедный дьяволенок! Его боль — это моя боль. Он хочет ребенка, а внутри у него все разрывается, потому что эта бедная чертова Бенедиктина собирается убить его дитя. Часть этого мучения, хотя он и не понимает этого, в том, что он осознает себя в этом неродившемся человечке. Его собственная мать сделала бесчисленное количество абортов. Боже милостивый, он мог бы быть одним из них, еще одним ничем. Он хочет, чтобы его ребенок имел свой шанс. Но тут я не в силах помочь ему. И есть еще одно чувство, которое он разделяет со всем человечеством. Он знает, что должен подлаживаться под эту жизнь, чтобы его не сломали. Каждый думающий мужчина или женщина знает это. Даже невежи и недоумки понимают это в глубине души. Но ребенок — это прекрасное создание, этот незапятнанный Белый Лист, несформировавшийся ангел, вселяет новую надежду. Может быть, это дитя вырастет здоровым, уверенным, рассудительным, несебялюбивым. «Мой ребенок будет не таким, как я или мои соседи», — гордая, но вполне понятная родительская клятва. Так думает и Чиб, и он клянется, что его ребенок будет совсем другим. Но, как и все прочие, он просто морочит себе голову. У ребенка один отец и одна мать, но триллионы родственников. Не тех, которые живы, но и тех, которые умерли. Даже если Чиб убежит в джунгли и воспитает ребенка сам, он передаст ему свою неосознанную самонадеянность. Ребенок вырастет с убеждениями и воззрениями, о которых отец даже и не будет подозревать. Кроме того, детство, проведенное в изоляции, наложит на него неизгладимый оттенок. Итак, забудь о создании нового Адама из своего замечательного, возможно, одаренного ребенка, Чиб. Если он вырастет хотя бы наполовину здравомыслящим — то это потому, что ты дал ему свою любовь и воспитание. И он будет удачлив в общении с другими, и это будет также лишь благодаря правильной комбинации генов. Это будет значить, что твой сын или твоя дочь родились с любовью и стремлением бороться.

ЧТО ОДНОМУ — КОШМАР, ДРУГОМУ — СЛАДКИЙ СОН

Дедушка говорит:

— Я разговаривал давеча с Данте Алигьери, и он рассказал мне, каким адским вместилищем глупости, неверия и повсеместной опасности было шестнадцатое столетие. А девятнадцатое столетие оставило его задыхающимся от ярости, тщетно пытающимся подыскать подходящие бранные слова. При взгляде же на наш век у него так подскочило давление, что мне пришлось впрыскивать ему транквилизатор и отправить обратно на машине времени в сопровождении заботливой сиделки. Она была очень похожа на Беатриче и поэтому должна была обеспечить ему тот уход, в котором он нуждался — может быть.

Дедушка посмеивается, вспоминая, как серьезно маленький Чиб воспринимал его рассказы о гостях из времени, таких знаменитых, как Навуходоносор, король Травоедов, Самсон, Великий Любопытствующий бронзового века, бич филистимлян — Моисей, который украл Бога из обветшалого закона своих отцов и всю жизнь боролся против обрезания; Будда, первый Битник; Сизиф, получивший передышку после того, как вкатил на гору камень; Андрокл и его приятель, Трусливый Лев, из страны Оз; барон фон Рихтгофен, Красный Рыцарь Германии; Беовульф, Аль-Капоне, Гайавата, Иван Грозный и сотни других.

Прошло то время, когда дедушка тревожился, решив, что Чиб мешает фантазию с реальностью. Он страшно не хотел говорить мальчику о том, что он выдумывал все эти удивительные истории лишь для того, чтобы оживить странички истории. Это было бы все равно что сказать ребенку, будто Деда Мороза не существует.

А потом, когда он осторожно, издалека стал признаваться в этом своему праправнуку, то заметил плохо скрытую улыбку на его лице и понял, что тот давно догадывается об этом. Чиб никогда не обманывал себя и воспринял его признание без особого потрясения. Поэтому они долго смеялись над собой, и дедушка как ни в чем не бывало продолжал рассказы о своих гостях.

— Машин времени не существует, — говорит дедушка. — Нравится тебе это или нет, Чибби, ты должен жить в своем собственном времени. Машины работают на заводских уровнях в полной тишине, нарушаемой лишь редкими голосами несчастных изгоев. Гигантские трубы засасывают с морского дна воду и придонный ил и автоматически подают их на десять производственных уровней Лос-Анджелеса. Там эти осадки преобразуются в энергию, а затем — в пищу, питье, медикаменты и предметы материальной культуры. За стеной города почти нет ни животного мира, ни сельскохозяйственных угодий, но зато существует сверхизобилие для всех. Искусственное, но в точности

копирующее настоящее. Да и кому какая разница? Больше нет ни голода, ни нужды, разве только среди добровольных беглецов, скитающихся по лесам. А пища и все прочие товары развозятся по дорогам и распределяются среди обладателей пурпурных. П у р п у р н ы е. Эвфемизм. Проживание на Мэдисон-авеню, к которому прибавилось высокое значение королевских и поистине божественных прав. Заслуженно возродившееся.

Другие столетия сочли бы нас горячечными больными, хотя мы и имеем блага, им недоступные. Чтобы противостоять текучести населения, отсутствию родного очага, мегаполисы были разделены на микрогорода. Человек мог жить всю свою жизнь на одном месте без необходимости куда-нибудь выезжать, чтобы получить то, что ему необходимо. Вследствие этого вновь возродился провинциализм, местный патриотизм и враждебность к людям со стороны. Отсюда кровавая вражда банд подростков разных микрогородов. Непрерывные злые сплетни. Стремление каждого быть как все. В то же время житель маленького городка имеет экран стерео, который позволяет ему видеть события в любой точке земного шара. И существуют отличные программы, хотя и перемешанные с пропагандой и всякой другой дрянью, что, по мнению правительства, идет на пользу людям. Человек может получить звание доктора философии, не выходя из дома. Пришло новое Возрождение, взлет искусств, подобный тому, что был в Афинах Перикла, городах-государствах Италии Микеланджело или Англии Шекспира. Парадокс. Куда больше неграмотных, чем было в мире за всю его историю. Но также больше и грамотных. Ораторы классического Рима говорили то же самое о времени Цезаря. Мир эстетики порождает сказочный запретный плод. Но, конечно, и другие фрукты.

Чтобы ослабить провинциализм и заодно сделать невозможной междоусобную войну, проведена в жизнь политика всемирной г о м о г е н и з а ц и и. Добровольное переселение части народа на новое место. Это были заложники мира и братской любви. Те граждане, которые не могли прожить дома на получаемые пурпурные или считали, что на другом месте им будет лучше, могли эмигрировать с помощью взятки.

Золотой век — с одной стороны, кошмар — с другой. Так что же нового в этом мире? Он почти такой же, как и раньше. Мы имеем дело с перенаселением и автоматизацией. Как может быть еще разрешена проблема. Это Буриданов Осел. (В действительности осел был собакой.) Так же, как и во все времена, Буриданов Осел, умирающий от голода между двумя охапками сена. История — это череда Буридановых Ослов — людей на мосту Времени, перекинутом через Вечность.

Нет... Эти два сравнения не так уж и точны. Лошадь Гибсона, для которой единственным выходом было ближайшее стойло из двух на-

ходящихся от нее на равном расстоянии. Дух Времени скачет к вечеру в конюшню, а Дьявол подбирает отстающих!

Писатели середины двадцатого века, творцы документов Тройной революции, очень четко предсказывали основные направления развития Человека. Но они не придавали особого значения тому, что может сделать с мистером Средним Жителем недостаток работы. Они верили, что все люди имеют равные способности к развитию артистических дарований, что все могут занять себя искусством, домашними ремеслами и хобби или, наконец, образованием ради самого образования. Они не замечали той «недемократической» реальности, что лишь десять процентов населения, если не меньше, действительно способны создать что-либо ценное в искусстве. Домашние ремесла, хобби и академическое образование через несколько десятилетий зашли в тупик и увяли, сведясь к выпивке, стерео и супружеской неверности.

Утеряв самолюбие, отцы стали скитальцами, одинокими странниками на дорогах Секса. Мама, с заглавной буквы, становится доминирующей фигурой в семье. Она тоже могла бы все время развлекаться, но ее тревожат дети, она больше времени находится дома. Поэтому, имея отца в качестве третьестепенной фигуры в семье, отсутствующего, слабого или совершенно безразличного ко всему, дети часто получают гомосексуальное или амбисексуальное воспитание. Страна Чудес в полном двойном смысле этих слов. Некоторые черты нашего времени могли быть предсказаны. Одной из них является сексуальная свобода, хотя никто не мог и предполагать, как далеко это может зайти. В то же время никто не мог предсказать и появление секты Любви Любить, хотя Америка породила даже такие махровые культуры, как, например, культ Тумана, мечущего головастиков. Сегодняшний маньяк-одиночка — завтрашний Мессия. Так Шелли и его учение пережили годы гонений, а теперь их наставления вросли в нашу культуру...

Дедушка снова наводит перекрестие визира перископа на идущего Чиба.

— Вот он идет, мой прекрасный внук, неся грекам дары. Слишком далеко все зашло, этот Геракл не в состоянии вычистить Авгиевы конюшни. Впрочем, ему может повезти, этому полетевшему носом вниз Аполлону, рухнувшему Эдипу. Он удачливее большинства своих сверстников. У него есть постоянный отец, хотя и тайный, — чудаковатый старикан, скрывающийся от так называемого Правосудия. Он получает любовь, воспитание и превосходное образование в этой звездной комнате-рубке. И с профессией ему повезло.

Но его Мама часто уходит из дому, а также пристрастилась к игре — пороку, который полностью поглощает весь ее доход. Ведь официально считается, что я умер, поэтому я полностью некредитоспособен. Чибу приходится выворачиваться наизнанку, продавая картины. Люскус помог ему, создав некоторую известность, но в любой момент этот кривой может от него отвернуться. Денег от продажи

картин уже не хватает. Кроме того, не деньги основа нашей экономики, им отведена второстепенная роль. Чибу нужна дотация, но он не получит ее, пока не позволит Люскусу заниматься с собой любовью. Не то чтобы Чиб отвергал в принципе гомосексуальную связь. Нет. Подобно большинству своих современников, он амбисексуален. Я думаю, что он и Омар Руник когда-нибудь смогут зажечь друг друга. Но Чиб отвергает Люскуса из других соображений. Он не станет отдаваться ради карьеры. Кроме того, существует нюанс, глубоко внедрившийся в сознание современных людей. Чиб думает, что все формы любви, основанные на полном согласии ее участников, любого пола, вполне естественны (что бы это значило?), но насильственные, используя старый термин, глубоко неприличны. Писаный или неписаный этот нюанс-закон существует.

Итак, Чиб может отправиться в Египет. Но что тогда будет со мной? Не обращай внимания на меня и на мать, Чиб. Что бы ни случилось. Не поддавайся Люскусу. Помни предсмертные слова Синглтона, директора Бюро Возрождения и Сохранения, который застрелился, потому что не смог приспособиться к новому миру: «Что, если человек завладел миром, но потерял почву под ногами?»

В этот момент дедушка видит, как его внук, только что бредший с опущенной головой, расправляет плечи. И он с изумлением видит, как Чиб вдруг пускается в пляс. Эта импровизация из прыжков и кручения на одной ноге — свидетельство того, что Чиб в прекрасном настроении. Прохожие смеются.

Дедушка тяжело вздыхает, а затем, потерев лицо руками, смеется и сам.

— О Господи! Да здравствует щенячья энергия юности, непредсказуемые метания красок настроения от черной печали до ярко-оранжевой радости! Танцуй, Чиб! Пусть кружится твоя шальная голова! Будь счастливым хоть на миг! Ты еще молод, и из глубины твоей души рвется наружу непобежденная надежда. Танцуй, Чиб, танцуй!

СЕКСУАЛЬНЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ ЯДРА СВЕТЛОЙ БРИГАДЫ

Это такая увлекательная книга, что доктор Джесперсон Джойс Батменс, психолог Федерального Бюро Перестройки и Взаимообщения Групп, с трудом отрывается от нее. Но так велит долг.

— Редис не обязательно красный, — говорит он в диктофон. — Члены Молодого Редиса назвали так свою группу потому, что редис — это, по существу, корень, то есть коренные преобразования. А также здесь обыгрывается сленговое слово РЕ А, означающее «гнев», а, возможно, и Р ТТІ Н — «похоть». И вне всякого сомнения, РЕ ІСКІ Е — диалектический термин района Беверли-Хиллза, означа-

ющий отталкивающего, не признающего никаких правил, социально неприятного человека.

И все же Молодой Редис — это не то, что я бы назвал левым крылом, они представляют течение недовольных жизнью вообще и не замахиваются на коренные перемены. Они облаивают существующее положение вещей, словно собаки на привязи, но от них никогда не услышишь конструктивной критики. Они хотят все разрушать без малейшего понятия о том, что будет после.

Короче говоря, они представляют собой Брюзгливость и Недовольство среднего гражданина, стремящегося отличиться в том, о чем он может говорить более или менее членораздельно. Внутри Лос-Анджелеса существуют тысячи подобных групп, а во всем мире — миллионы. В детстве они ничем не отличались от других, фактически они родились и выросли в тесной близости, что является одной из причин, почему их выбрали для изучения. Что за феномен способствовал появлению десятка таких творческих натур, выросших в семи домах квадрата 69-14, всех примерно одного возраста, росших вместе с того времени, когда их всех свели на игровой площадке, где одна мать присматривала за всеми, в то время как другие занимались своими делами, которые... куда это меня занесло? Да, конечно, у них была обычная жизнь, они ходили в школу, бегали около дома, наслаждались традиционными для своего возраста сексуальными играми, были членами какой-нибудь банды подростков, участвовали в кровопролитных войнах с другими такими же бандами. Но все они, однако, отличались постоянным интеллектуальным любопытством и впоследствии занялись творчеством.

Предполагают, и это может оказаться правдой, что загадочный, никому не известный Релей Ренесанс был отцом всей десятки. Это возможно, но никем не доказано. Релей Ренесанс одно время проживал в доме миссис Виннеган и, кажется, вел необычайно активную деятельность в своем квадрате и, видимо, во всем Беверли-Хиллз. Откуда пришел этот человек, кем он был и куда делся потом, — до сих пор неизвестно, несмотря на интенсивные поиски различных агентств. Хотя у него не было ни Ик, ни любого другого удостоверения, он жил, не опасаясь вызова в Бюро. Говорили, что он имел какое-то отношение к шефу полиции Беверли-Хиллз, и, возможно, к кому-то из местных федеральных агентов.

Он прожил два года с миссис Виннеган, а потом исчез из виду. Ходили слухи, что он покинул Лос-Анджелес и присоединился к племени белых неоамеридов[1], которых иногда называют недоделанными индейцами.

Вернемся, однако, к Молодому (молодо-зелено?) Редису. Они чувствуют отвращение к отеческому воплощению Дядюшки Сэма, которого

---

[1] «Америды» — обобщенное название коренных жителей Американского континента (индейцы, эскимосы).

они одновременно любят и ненавидят. Дядюшка[1], конечно подсознательно, связывается с «анко» — шотландским словом, означающим «незнакомый, непонятный, непознаваемый», что показывает лишний раз, что их собственные отцы для них — незнакомцы. Все они происходят из семей, в которых отца либо нет совсем, либо он слабовольный и никчемный, — феномен, становящийся, к сожалению, обыденностью в нашей жизни. Кроме того...

Я никогда не знал своего отца... Туни, отбрось это, как не относящееся к делу. «Анко» также означает «новость» или «весть», показывая, что неудачливые молодые люди упрямо ждут новостей о возвращении своих отцов и, наверное, тайно надеются на перемирие с Дядюшкой Сэмом, то есть со своими отцами.

Дядюшка Сэм. Сэм — сокращенное от Самуэль, от еврейского Шему'Эль — имени их древнего бога. Все члены Редиса — атеисты, хотя некоторые, особенно Омар Руник и Чибайабос Виннеган, получили в детстве религиозное воспитание (смесь учений римско-католической церкви и секты Любви Любить). Бунт молодого Виннегана против бога и против католической Церкви, вне всякого сомнения, усиливал тот факт, что мать делала ему катарсис всякий раз, когда у него бывали хронические запоры. Он, видимо, страшно обижался, когда ему приходилось учить катехизис, вместо того чтобы играть. А этот крайней важности случай, когда был применен к а т е т е р! (Этот отказ выделяться среди других людей будет проанализирован в следующем докладе).

Дядюшка Сэм — отеческая фигура. Ф и г у р а — такая удобная мишень, что я просто не могу удержаться... Вспомним о FIGGER[2] в смысле «A FIG ON THEE» (см. дантовский ад, где какой-то итальянец говорит, кусая ноготь большого пальца руки в древнем жесте неуважения и вызова: «A FIG ON THEE, GO!!»[3] Гм-м-м... Кусать ноготь — черта ребенка!..

Имя Сэм имеет много фонетически связанных с ним слов, а также орфографически, семантически и топонимически... что делает его удобной мишенью для каламбуров. Очень важно, что молодой Виннеган не может услышать, как его называют словом «дорогой»; ласкательное слово, которое постоянно употребляла его мать, когда растила его, впрочем, это слово имеет для него более глубокое значение. Например, SAMBAR — это азиатский олень (слова «дорогой» и «олень»[4] произносятся, как известно, одинаково) с тремя отростками на рогах (заметь, половина этого слова уже есть имя Сэм, кроме того, три отростка для него, видимо, символизируют докумен-

---

1 uncle *(англ.)*

2 Слова figure и figger в английском произносятся одинаково.

3 «Тьфу на тебя, Господи!!» *(англ.)*

4 Dear, deer *(англ.)*

ты Тройной революции — НТР, культурной и сексуальной — исторической точки отсчета, с которой начиналась наша эра, которую Чиб так ненавидит, три отростка — это также ассоциация со святой Троицей, которую Молодой Редис хулит особенно часто). Могу подчеркнуть, что у этой группы, выделяющейся из обычной массы, я многому научился. Другие способны лишь на редкое и слабое богохульство, в соответствии со слабым, я бы сказал, хилым, религиозным духом наших детей. Настоящие богохульники могут существовать лишь тогда, когда существуют крепкие верующие.

Сэм так же тяготеет к «тому же самому»[1], показывая сознательное стремление Редиса подделываться под остальных.

Возможно, хотя этот анализ может быть и неверным, Сэм восходит к «самек» — пятнадцатой букве еврейского алфавита (Сэм! Эк!..). В староанглийском алфавите, который все Молодые Редисы учили в детстве, пятнадцатой буквой является «О». В алфавите моего словаря (128 издание Вебстера) латинское «О» находится на одной горизонтали с арабской «дад» и с еврейской «мем». Отсюда мы имеем двойную связь с отсутствующим отцом и со сверхдоминирующей Матерью, на что указывают эти арабская и еврейская буквы[2].

Я ничего не могу придумать насчет греческого «омикрон» в той же горизонтали. Но погодите немного: это достойно изучения. Омикрон, маленькое «о»! Эта буква имеет форму яйца... Маленькое яйцо, символизирующее плодородие спермы отца? Материнскую матку? Основную форму нашей архитектуры?

Сэм Хилл — архаичный эвфемизм для обозначения преисподней. Дядюшка Сэм — Сэм Хилл отца?.. Лучше вычеркни это, Туни. Возможно, эта образованная молодежь и слышала подобное выражение, но это не наверняка. Я не хочу делать предположения, после которых меня засмеют.

Посмотрим дальше. Семисен. Японский музыкальный инструмент с т р е м я струнами. Снова документы Тройной революции и Святая Троица? Отец, Сын и Святой Дух... Мать здесь полностью игнорируется. Матушка Гусыня... Ну, это уж нет. Надо стереть, Туни. Значит, семисен... Сэма сын? Может быть... Но в такой же степени и Самсон! Богатырь, обрушивающий храм на филистимлян и на себя самого. Эти ребята давно поговаривают о подобных вещах. Э-кхе-кхе... Кашляю. Вспомни о себе, когда ты был в их возрасте, еще до зрелости... Сотри последнее замечание, Туни, вместе с кашлем. Самовар. Русское слово, буквально обозначающее «подогревающий себя сам». Никаких сомнений, что Редисы кипят вовсю, полны революционного огня. Хотя, в глубине своих истерзанных душ, они понимают, что дядюшка Сэм — это до сих пор любимый ими Отец-мать, и что его сердце полно

[1] Same *(англ.)*

[2] Mamma, dad *(англ.)*

заботой о них. Но они принуждают себя ненавидеть его, то есть подогревают себя.

Молодая семга[1]: отварная, она имеет желтовато-розовую или бледно-красную, близкую к цвету молодого редиса, окраску (в их подсознании, во всяком случае). Молодая семга эквивалентна молодому редису; они чувствуют, что варятся в кастрюле — скороварке современного общества. Годится для завершающей фразы, а? Туни, перепиши всю эту бодягу, отредактируй, где было оговорено, пригладь, сам знаешь — как, и пошли Боссу. Мне пора идти. Я опаздываю на ленч! Мама будет очень расстроена, если меня не будет вовремя. Ах, да! Постскриптум! Я бы порекомендовал агентам более тщательно наблюдать за Чибайабосом Виннеганом. Его друзья тратят душевные силы на болтовню и на выпивку, а у него часто резко меняется настроение и бывают довольно долгие периоды, когда он молчит, отвергает вино, табак и женщин.

ДОХОД ПРИНОСИТ УВАЖЕНИЕ

Даже в наши дни Правительство не смогло стать препятствием частным тавернам, владельцы которых уплатили все лицензионные сборы, сдали все экзамены, заключили все договоры и подкупили местную администрацию вкупе с полицейским начальством. С тех пор, как для них перестали поставлять государственные продукты и сдавать в аренду достаточно вместимые помещения, таверны стали размещаться в домах их владельцев.

«Тайная Вселенная» — любимая таверна Чиба. Частично из-за того, что владелец открыл ее нелегально. Дионис Гамбринус был не в силах преодолеть завалы, рогатки, колючую проволоку и мини-ловушки официальных процедур, и махнул рукой на все свои попытки получить лицензию.

Он открыто написал название своего заведения поверх математических уравнений, которые отличали его дом от соседних. (Профессор математики Аль-Зорезми Декарт Лобачевский, Беверли-Хиллз, уровень 14, он еще раз сменил имя). Гостиная и несколько спален были приспособлены для попоек и пирушек. Посетителей-египтян здесь не увидишь, возможно, из-за чрезмерной чувствительности к фразам, написанным посетителями на стенах внутри дома:

АТУ, АБУ!
МАГОМЕТ БЫЛ СЫНОМ НЕПОРОЧНОЙ СУЧКИ!
СФИНКС-ВОНЮЧКА!

---

[1] Samlet *(англ.)*

У некоторых из тех, кто это писал, отцы, деды и прадеды были объектами этих самых острот. Но их благодарные потомки полностью ассимилировались — они были истинными жителями Беверли-Хиллз. Таковы люди.

Гамбринус объясняет посетителям следующий каламбур, в виде большой вывески над его головой:

ЧТО ОДНОМУ — МЕД, ДРУГОМУ — ОТРАВА.

Гамбринус, приземистый человек с квадратным торсом, стоит позади стойки — плоской с острыми углами в знак протеста против всеобщих яйцеобразных форм. Он объясняет последний каламбур уже не в первый раз и для удовольствия не только своего собеседника, но и самого себя. Дело в том, что был такой математик Пойсон[1], и он вывел свое знаменитое, как это всем известно, пойсоновское частное разложение, бывшее достаточно точным приближением биноминального разложения, если число случаев растет, а ожидаемая вероятность в каждом случае бесконечно мала...

Когда посетитель напивается до такой степени, что больше пить не в состоянии, его со свистом вышибают из таверны, а Гамбринус смотрит ему в след и кричит:

— Пойсон! Пойсон!

Друзья Чиба — весь Молодой Редис — приветствуют его, сидя за шестиугольным столиком, и их слова совершенно случайно повторяют оценку федеральным психологом его переменчивого настроения:

— Чиб, обезьяна! Чиб собственной персоной! Что, веселая минутка накатила?

— Смотрите-ка, наш хмурый Чиб заявился! Выше головку! Этот парень сейчас в полном порядке!

С ним здоровается мадам Трисмегиста, сидящая за столом в форме кольца царя Соломона. Она вот уже два года, как жена Гамбринуса. Рекорд, установленный благодаря нешуточной угрозе, что она зарежет его, если он оставит ее. Кроме того, Гамбринус верит, что ее гадальные карты смогут повлиять на его судьбу. В этом просвещенном веке прорицатели и астрологи ценятся выше ученых. В то время как наука с трудом проталкивается вперед, невежество и суеверие галопируют и кусают науку сзади крупными темными зубами.

Сам Гамбринус, доктор философии, носитель светоча знаний (пока, во всяком случае), в бога не верит. Но он допускает, что звезды неким роковым образом связаны с его судьбой. По какой-то странной логике

[1] Отрава, яд *(англ.)*

он думает, что карты его жены управляют полетом небесных светил, кроме того, он даже не подозревает, что гадание по картам и астрология — абсолютно разные вещи.

Да и что можно ожидать от человека, который провозглашает, что Вселенная несимметрична?

Чиб машет рукой мадам Трисмегисте и направляется к соседнему столику. За ним сидит Бенедиктина Канапейка Мельба.

ТИПИЧНАЯ ЖЕНЩИНА В СОБСТВЕННОМ СОКУ

Она высока и стройна, у нее узкие, словно у Лемура, бедра и тонкие ноги, но крупная и высокая грудь. Ее волосы черные, как и ее зрачки во всю радужку, длинные пряди разделены посередине ниточкой пробора, прижаты лаком к красивой формы голове, а дальше заплетены в две длинные тугие косы. Они обвивают ее лицо, словно ремешок шлема, схваченные под горлом золотистой брошью, исполненной в виде ноты. Ниже броши косы вновь разделяются, охватывая петлями груди. Снизу их соединяет другая брошь, затем они расходятся, пересекая торс, за спиной, где их снова скалывает брошь, и вновь появляются на животе, где, сжатые последней золотой нотой, спадают двумя распущенными водопадами на юбку-колокол.

Лоб и щеки ее разрисованы блестяще-зелеными, голубыми и золотистыми трилистниками. Грудь ее поддерживает желтый лиф с искусно вышитыми на нем розовыми сосками. Ярко-зеленый полукорсет с черными розетками стягивает осиную талию. Поверх корсета натянута сетка из мерцающих розовых жилок. За спиной сетка переходит в длинный птичий хвост из искусственных желтых и малиновых перьев с остьями из розовых жилок.

Длинная прозрачная юбка спадает жемчужинами волнами до кончиков ярко-зеленых туфель на высоких сверкающих каблучках, и ничего не скрывает: белые бедра, продольно разделенные желто-зелеными полосатыми резинками пояса, и ровный темный треугольник в устье ног, стянутых чуть ниже черными сетчатыми чулками с нотным ключом, составляющим рисунок сетки.

Бенедиктина одета для выступления на Народном фестивале; и единственное, чего в ее наряде не хватает, — это шляпы, в которой она будет стоять на сцене. По ее взгляду, брошенному на Чиба, было видно, что он, помимо всего прочего, хочет еще и воспрепятствовать ей выступить, помешать ее блестящей карьере.

С ней пришли пять девушек в возрасте от шестнадцати до двадцати одного года, все они пьют для бодрости.

— Мы не можем поговорить наедине? — спрашивает Бенедиктину Чиб.

— Зачем? — ее голос, прекрасное контральто, дрожит.

— Ты позвала меня сюда только затем, чтобы устроить публичную сцену?

— Господи, а какой же еще сцены ты заслуживаешь? — пронзительно вопит она. — Посмотрите на него! Он хочет поговорить со мной наедине!

До него только теперь доходит, что она боится остаться с ним наедине. Больше, чем этого, она боится остаться одна. Теперь ему ясно, почему она настаивала, чтобы дверь в спальню всегда оставалась открытой, а Бэлла — ее подруга детства — располагалась так, чтобы услышать, когда ее, в случае чего, позовут. И она слышала все звуки, раздававшиеся из спальни.

— Ты говорил, что только пальчиком потрогаешь! — кричит она и показывает на свой еле заметно округлившийся живот. — А у меня теперь будет ребенок! Ты подлый развратник! Ублюдок!

— Ну, это уж совсем неправда, — говорит Чиб. — Ты же сама говорила, что все будет отлично, что ты безумно любишь меня...

— Любила! Любила! — вопит она. — Откуда мне знать, что я там говорила, если ты каждый раз приводил меня в такое возбуждение! Так или иначе, но я не говорила этого никогда! А что ты потом делал? Что ты со мной делал!!! Боже, я после этого несколько дней еле ходила! И так каждый раз, ублюдок ты вонючий!

Чиб покрывается холодным потом. Кроме пасторали Бетховена, струящейся из мелофона, в таверне не было ни звука. Его друзья широко ухмыляются. Мадам Трисмегиста, дыша смесью пива и лука, лихорадочно перекладывает карты — выискивает трефовую даму и бубнового валета. Подруги Бенедиктины глядят на свои длинные фосфоресцирующие ногти или глазеют на него, раскрыв рот.

— Я не могла пить эти таблетки. Они меня убивают — ухудшается зрение! Ты прекрасно знаешь это! И я не могу остановить это механическим путем! А ты! Ты постоянно лгал мне, что принимал свои таблетки! Негодяй!

Чиб понимает, что она врет, но сейчас нет смысла искать какую-то логику. Она выходит из себя, потому что беременна и не хочет связываться с хлопотным абортом в такое неподходящее время. Она жаждет мести.

Чиб недоумевает: как же она могла забеременеть после той ночи? Ни одна женщина, как бы она ни исхитрялась, не смогла бы этого сделать. Ее, должно быть, обрюхатили до этого или после. Хотя она клянется, что это было в ту самую ночь, когда был он.

РЫЦАРЬ ЖГУЧЕГО ПЕСТИКА, ИЛИ ПЕНА, ПЕНА, КУДА НИ ГЛЯНЬ

— Нет, нет! — кричит Бенедиктина.

— Почему — нет? — удивляется Чиб. — Я люблю тебя, я на тебе женюсь...

Бенедиктина издает вопль, и ее подруга Бэлла кричит из холла.

— Что такое? Что случилось?

Бенедиктина не отвечает. Взбешенная, трясущаяся, словно в приступе лихорадки, она скатывается с постели, больно толкнув Чиба в бок, бежит к маленькому яйцу в ванной. Чиб бежит следом за ней.

— Я надеюсь, ты не собираешься э т о делать? — кричит он.

Бенедиктина стонет:

— Ты трусливый сучий подонок!

В ванной она тянет на себя секцию стены, которая становится полкой. На ней, прилипшие к намагниченной поверхности, стоят всевозможные баллончики и пузырьки. Бенедиктина хватает высокий тонкий баллон «сперматацида», садится на корточки и глубоко засовывает его внутрь влагалища. Затем она нажимает кнопку на донышке — раздается приглушенное шипение, вырвавшись на волю, пена течет по ее ногам на пол.

Чиб, окаменев, смотрит на это и спустя мгновение издает вопль отчаяния.

Бенедиктина яростно кричит:

— Не приближайся ко мне! Раздолбай!

Из-за двери спальни раздается робкий голос Бэллы:

— С тобой плохо, Бенни?

— Сейчас ей будет очень хорошо! — кричит Чиб.

Он бросается к полке и хватает баллончик с суперклеем. Клей этот используется Бенедиктиной для приклеивания к бритой голове париков и шиньонов, и то, что он склеивает, пристает намертво, пока не размягчается специальным растворителем.

Чиб хватает Бенедиктину за ноги и опрокидывает навзничь. Она кричит от ужаса, Бэлла вторит ей в унисон. Сломив ее сопротивление, Чиб направляет распылитель на торчащий у нее между ног баллончик.

— Что ты делаешь? — вопит она.

Он до упора нажимает кнопку и поливает ее промежность сильной струей клея. Она вырывается, но он с силой прижимает ее руки к бокам, чтобы она не смогла затолкнуть внутрь или вытащить баллончик. Чиб молча выпускает на нее остатки клея и ждет еще немного, чтобы клей полностью застыл. Потом он отпускает ее и поднимается.

Пена бьет из под клеевой пленки и растекается по комнате, так как кнопка на донышке «сперматоцида» утоплена в корпусе баллона

и зафиксирована там клеем. Жидкость, находящаяся внутри баллона под большим давлением, попадая на воздух, пенясь, многократно увеличивается в объеме.

Чиб хватает с полки баллон с растворителем и сжимает его в руках. Теперь она до него не доберется. Бенедиктина с визгом вскакивает на ноги и бросается к нему. Чиб, хохоча, словно гиена, надышавшаяся веселящего газа, перехватывает ее занесенный кулак и отталкивает скользкое от пены тело в сторону. Бенедиктина, подскользнувшись, падает в «сперматоцид», доходящий им уже до лодыжек, и выезжает на спине из спальни, звякая об пол своим баллончиком.

Она поднимается на ноги и только теперь сознает все содеянное Чибом. Раздается ее отчаянный вскрик, и она пытается исправить непоправимое. Она изворачивается, стараясь вытащить проклятый баллончик, и вскрикивает при каждом неловком движении, причиняющем ей боль. Видя, что все напрасно, она, всхлипнув, поворачивается и, широко расставив ноги, неуклюже бежит прочь. В дверях она сталкивается с Бэллой, и они вместе летят на пол, разбрызгивая в стороны пену. Пытаясь встать, они оскальзываются и падают опять. Эта пара сейчас напоминает двух Афродит, восстающих из кипени волн Средиземного моря.

Бенедиктина раздраженно отталкивает вцепившуюся в нее Бэллу, оставляя при этом толику совей нежной кожи на ее длинных ногтях. Бэлла вкатывается обратно в комнату на спине и скользит в сторону Чиба. С трудом встав на ноги, она выглядит точно новичок, впервые попавший на лед и изо всех сил старающийся сохранить равновесие. Однако это ей не удается, и она с воплем летит на пол, высоко задрав ноги.

Чиб, осторожно переставляя ноги, подходит к кровати собрать одежду и решает одеть ее в более сухом и безопасном месте. Он выходит в круглый холл как раз в тот момент, когда Бенедиктина, наподобие гигантской белой гусеницы, барахтается в луже пены, пытаясь подняться на ноги. Ее родители — два бегемота среднего возраста, все еще сидят перед экраном стерео, в руках у них жестянки с пивом, глаза-бельма вылуплены, слюнявые рты раскрыты, их жирные уши заметно дрожат от возбуждения.

Чиб, не говоря им ни слова, проходит через холл. Но, взглянув на экран, он обнаруживает, что тот переключен с внешнего приема на внутренний, а точнее — на комнату Бенедиктины. Мать и отец наблюдали все это время за ними, и их возбужденное состояние свидетельствует о том, что такого сильного впечатления они еще не получали ни от одного из стереоспектаклей для взрослых.

— Ах вы образины! Подглядывали?

Тут они наконец оторвались от экрана и увидели приближающуюся к ним Бенедиктику — спотыкающуюся, уже осипшую от крика, молча тычащую пальцем то на Чиба, то на мертво приросший к ней

баллончик. Из-под нее, как из сопла ракеты, непрерывно выходит струя пены, покрывая ее и обалдевших от всего происходящего маму и папу. Видя это и услышав ругань Чиба, оба родителя, словно два Левиафана, поднимаются из морских глубин, начинают подниматься со своих кресел. Бенедиктина же устремляется к Чибу: ее руки угрожающе вытянуты вперед, скрюченные пальцы с длинными ногтями шевелятся, лицо словно у Медузы Горгоны.

Чиб, оттолкнувшись от стены, скользит прочь от них, беспомощно крутясь при этом маневре вокруг своей оси. С трудом ему удается удержать равновесие. Зато папа и мама, ухватившиеся друг за друга, подскользнувшись, обрушиваются на пол. Дом сотрясается от грохота. С ненавистью глядя на Чиба, они бешено ревут, как моржи, выползшие на сушу. Извиваясь телами, они пытаются дотянуться до Чиба, скользя в его сторону. Мама уже визжит, лицо ее, несмотря на весь жир, — лицо Бенедиктины. Все трое постепенно окружают Чиба. Он, отпрянув, падает и на спине вылетает из холла.

Папа же и мама сближаются тем временем пересекающимися курсами. «Титаник» повстречал свой айсберг и вот-вот произойдет столкновение. Лежа на животе, они скользят вдвоем к Бенедиктине.

Понимая, что они могут ее по инерции расплющить о стенку, она, как рыба из воды, выскакивает из пены, когда они проходят под ней.

Теперь очевидно, что заверения правительства о том, что баллончик рассчитан на сорок тысяч доз, смертельных для смерматозоидов (или для использования после сорока тысяч совокуплений), — истинная правда. Весь дом внутри покрыт пеной, а струя еще не иссякла.

Бэлла теперь лежит на спине в углу спальни. Только голова ее торчит наружу — словно она принимает пенную ванну.

Чиб медленно встает и оглядывается вокруг. Его колени напряженно согнуты, он готов к прыжку в случае опасности, хотя изо всех сил надеется, что ему не придется делать резких движений здесь, где опора буквально ускользает из-под ног.

— Стой, сукин сын! — ревет папа. — Я уничтожу тебя! Как ты смел поступить так с моей дочерью?

Чиб смотрит, как он неуклюже переворачивается и пытается встать на ноги, ревя, словно в него попал гарпун. Мама уже прекратила бесполезные усилия. Бенедиктина же совсем куда-то пропала — ее не видно и не слышно.

Видя, что путь его теперь свободен, Чиб, как на лыжах, скользит по холлу и оказывается на сухом месте около двери. С одеждой в одной руке и с флаконом растворителя в другой он шагает к выходу.

В этот момент его окликают по имени. Чиб оборачивается и видит, что со стороны кухни к нему скользит Бенедиктина. В руке у нее

высокий стакан. Он недоумевает — зачем он ей? Не собирается же она гостеприимно предложить ему «посошок на дорожку»?

Она с разгону вылетает ему под ноги и с воплем врезается в стенку. Тем не менее она выплескивает содержимое стакана точно в цель.

Чиб громко кричит, почувствовав кипяток. Боль была такая, словно его кастрировали без наркоза.

Бенедиктина хохочет, лежа на полу. Чиб после серии прыжков и воплей с зажатыми между ног руками — флакон и одежда упали, ему было не до них — все-таки с трудом берет «себя в руки». С перекошенным от ярости лицом он хватает Бенедиктину за правую руку и выволакивает ее на улицу Беверли-Хиллз. В эту ночь на улице мало людей, но все прохожие сразу устремляются за этой странной парой. Чиб не останавливается, пока не достигает озера, где он, таща за собой Бенедиктину, бросается в воду, чтобы остудить нестерпимый ожог.

В толпе было много разговоров после того, как они выползли из воды и потащились домой. Люди долго еще переговаривались и смеялись и после того, как служители департамента чистоты убрали все пену с поверхности озера и прилегающих улиц.

— Мне было так больно, что я целый месяц еле ходила! — кричит Бенедиктина.

— Ты сама хотела, чтобы это произошло, — говорит Чиб, — ты не должна жаловаться, потому что не раз говорила, что хочешь от меня ребенка.

— Я, должно быть, просто не помнила себя... — говорит Бенедиктина. — Нет! Я никогда не говорила ничего подобного! Ты меня заставил! Ты мемя обманул!

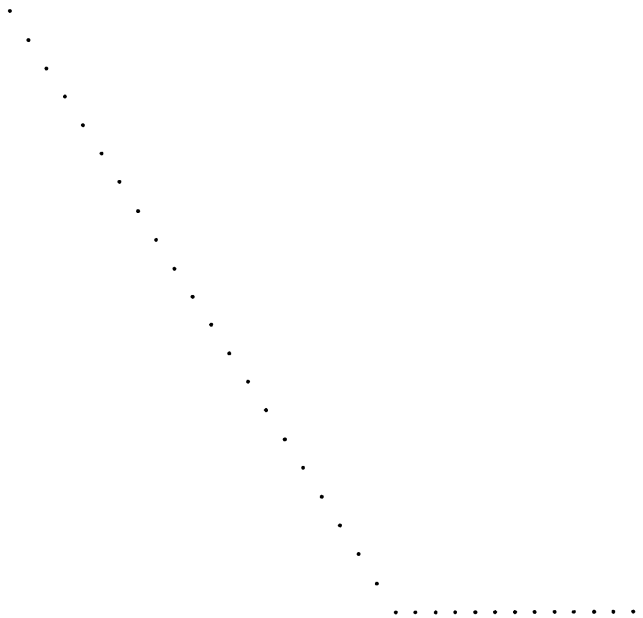
— Я никогда никого не заставляю, — говорит Чиб. — И ты это прекрасно знаешь. Просто в тебе взыграла дурная кровь. Ты свободна в своих поступках и пошла на близость без малейшего принуждения. У нас свобода воли!

Омар Руник, поэт, поднимается со своего стула. Это высокий худощавый юноша с бронзово-красным лицом, орлиным носом и очень широкими красными губами. Его длинные курчавые волосы подстрижены в форме корпуса «Пекода», этого сказочного корабля, который нес сумасшедшего капитана Ахава во главе его безумного экипажа в погоню за Белым Китом. Можно было ясно различить на голове поэта искусно сплетенные из волос бушприт, мачты, реи и даже шлюпки, висящие на шлюпбалках.

Омар Руник хлопает в ладоши и кричит:

— Браво, философ! Именно это свобода воли! Воли свободного выбора между Вечной Истиной, смертью и проклятием! Я пью за свободу воли! Тост, джентльмены! За нашего предводителя!

И начинается.

ПОГЛОЩЕНИЕ МОЛОЧКА ИЗ-ПОД БЕШЕНОЙ КОРОВКИ

Мадам Трисмегиста говорит:

— Послушай свою судьбу, Чиб! Посмотри, что говорят звезды через посредство карт!

Он присаживается за ее столик, его друзья толпятся вокруг.

— О'кей, мадам. Что я должен делать?

Она перетасовывает карты и достает верхнюю.

— Иисус! Туз пик...

— Тебя ожидает дальняя дорога.

— Египет! — выкрикивает Руссо Красный Ястреб. — Ох, нет, ты ведь не хочешь туда, Чиб! Идем со мной туда, где ревут бизоны и...

На стол ложится новая карта.

— Ты скоро встретишь красивую смуглую женщину, — продолжает Трисмегиста.

— Чертову арабку? Ох, нет, Чиб, скажи, что это не так!

— Ты удостоишься великой чести.

— Чиб получит дотацию!

— Если я получу дотацию, я не поеду в Египет! — возражает Чиб. — Мадам Трисмегиста, при всем моем уважении вы передергиваете.

— Не задирайтесь, молодой человек. Я не компьютер. Я лишь воспринимаю спектр вибраций души.

Хлоп.

— Тебе угрожает физическая и моральная опасность.

Чиб говорит:

— Ну, это грозит мне чуть ли не каждый день.

Хлоп.

— Близкий тебе человек должен умереть.

Чиб бледнеет, берет себя в руки и говорит:

— Трус умирает в тысячу раз...

— Ты вернешься в прошлое, совершив путешествие во времени.

— Ого! — восклицает Красный Ястреб. — Тут вы уже переборщили, мадам. Осторожнее! Вы получите грыжу души, если будете таскать эктоплазму в таких количествах!

— Смейся сколько хочешь, тупица, — говорит гадалка. — Мир множественен. Карты не врут, когда дело с ними имею я.

— Гамбринус! — кричит Чиб. — Еще пива мадам.

Молодой Редис в полном составе возвращается за свой столик — диск, парящий без опоры в антигравитационном поле. Бенедиктина угрюмо смотрит на них и возвращается к своим подругам. За соседним столиком сидит Пинкертон Легран, правительственный агент. Он повернулся так, что камера стерео, засунутая под пуловер, направлена прямо на Редисов. Агент знает, что им это известно, о чем и докладывает своему начальству. Завидя входящего в зал Эксипитера, он хмурится. Легран не любит, когда агенты других департаментов толкутся возле него и в то время, как он занят работой. Эксипитер. Эксипитер даже не глядит на Леграна. Он заказывает стакан чаю и собирается бросить туда таблетку, которая, реагируя с танином, превращает чай в П.

Руссо Красный Ястреб подмигивает Чибу и говорит:

— Ты действительно думаешь, что можно парализовать весь Лос-Анджелес одной-единственной бомбой?

— Тремя бомбами, — говорит Чиб громко, чтобы Легран полностью зафиксировал его слова. — Одну — для центра управления государственными заводами, вторую — для центрального купола и третью — для пучка больших труб, подающих воду в резервуар на двадцатом уровне.

Пинкертон Легран бледнеет. Он давится, расплескивает из стакана свое виски и заказывает еще, хотя принял уже достаточно. Дрожащей рукой он нажимает клавишу камеры, чтобы передать это сообщение вне всякой очередности. В штабе в этот момент мигают сигнальные

огни на пульте, раздаются прерывистые звуки гонга, шеф просыпается так внезапно, что падает со стула.

Эксипитер тоже все это прекрасно слышит, но сидит собранный, мрачный и сосредоточенный, словно скульптура любимого сокола фараона. Одержимый единственной страстью, он не обращает особого внимания на то, что юнцы собираются затопить Лос-Анджелес, даже если бы это они хотели сделать на самом деле. Он напал на верный след старого Виннегана и собирался использовать Чиба в качестве ключа к нему. Одна мышка, уверен он, побежит к ножке другой.

— Когда, ты думаешь, мы сможем начать действовать? — спрашивает Хьюга Уэллс-Эрб Хайнстербери, писательница-фантастка.

— Недельки через три, — говорит Чиб.

Шеф бюро яростно проклинает Леграна, нарушившего его покой. Тысячи юношей и девушек выпускают пар разговорами о диверсиях, убийствах и восстаниях. Он не понимает, почему эти молодые подонки так любят говорить о подобных вещах, начиная с того времени, когда они становятся вольны делать все, что им заблагорассудится. Если бы у него были развязаны руки, он бросил бы этих бунтарей в тюрьму, предварительно слегка бы их потоптав.

— После этого мы должны будем уйти в Большой Мир, — говорит Красный Ястреб. Глаза его блестят. — Я говорю вам, ребята, что жить в лесу свободным человеком — это вещь! Ведь вы же все — гениальные личности, не то что эти безликие типчики.

Красный Ястреб верит во все эти разговоры о разрушении Лос-Анджелеса. Он счастлив, потому что — хотя он и не признается в этом — на лоне матери-природы он тосковал по интеллектуальной компании. Другие дикари могут услышать оленя за сотню ярдов, узнать о приближении гремучих змей, но они глухи к мощной поступи Философии, ржанию Ницше, грохотанию Рассела, трубному реву Гегеля.

— Неграмотные свиньи! — говорит он громко.

— Что?

— Ничего. Послушайте, ребята, вы должны знать, как это великолепно. Вы были в КВСПМ...

— Да. Я был в группе 4-Ф, — говорит Омар Руник. — И подхватил сенную лихорадку.

— А я тогда работал над вторым дипломом магистра искусств, — говорит Гиббон Тапит.

— Я тоже был в отряде КВСПМ, — говорит Сибелиус Амадей Иегудил. — Мы выбирались наружу только тогда, когда играли в палаточный лагерь, но это было не так уж часто.

— Чиб, ты же был в корпусе. Ведь тебе там не понравилось, да?

Чиб кивает головой и говорит:

— Но... быть неоамериндом — значит тратить все свое свободное время на то, чтобы выжить. Когда я буду рисовать? И кто будет смотреть мои картины, если я даже выкрою для них время? Так или иначе, для женщины и ребенка это тоже не жизнь.

Красный Ястреб выглядит удивленным. Он заказывает виски с П. Пинкертон Легран не собирается выключать камеру, хотя мочевой пузырь у него вот-вот лопнет. Однако через некоторое время он не выдерживает и отправляется в комнату, которую обычно не минует ни один посетитель. Красный Ястреб, пребывающий в отвратительном настроении из-за грубого усекновения его светлой мечты, незаметно вытягивает ногу. Торопящийся Легран чуть не падает, перескочив через преграду, но вытянутой ноги Бенедиктины ему уже не преодолеть. Агент летит носом вниз. Теперь у него больше нет причин идти в туалет, разве что умыться.

Все присутствующие, кроме Леграна и Эксипитера, смеются. Легран в ярости вскакивает. Но Бенедиктина, игнорируя его, встает и подходит к Чибу. Ее подруги идут следом. Чиб замирает. Она говорит, покачиваясь:

— Ну что, подлый совратитель? Говорил, что только пальчиком потрогаешь?

— Ты повторяешься, Бенни, — говорит Чиб. — Сейчас важно вот что: как будет с ребенком?

— А почему это тебя заботит? — усмехается Бенедиктина. — С чего это ты так уверен, что он твой?

— Было бы лучше, если бы он был мой, — говорит Чиб. — Но даже в обратном случае ребенок имеет право голоса. Он должен жить, даже если матерью будешь ты.

— В этом отвратительном мире? — вскрикивает она. — Я сделаю для малыша доброе дело, если лягу в больницу и избавлюсь от него. Из-за тебя я упускаю такой случай на Народном Фестивале, там будут представители фирм звукозаписи со всего света, а я не смогу спеть для них!

— Врешь ты все, — устало говорит Чиб. — Ты уже оделась для выступления.

Бенедиктина густо краснеет, глаза ее сверкают.

— Это ты мне все испортил! — вопит она. — Эй, слушайте все! Этот великий сраный художник, эта шишка на ровном месте, божественный Чиб, не способен к нормальной эрекции, пока не уляжется в постель!!

Друзья Чиба недоуменно переглядываются. О чем орет эта дуреха? Что тут необыкновенного?

Из дедушкиных «Отдельных высказываний»:
«Некоторые из черт религии Любви Любить, вызывающей отвращение или поношение в XXI веке, стали в наше благословенное время обычным делом. Любовь, любовь, любовь... Физическая и духовная! Недостаточно просто целовать и обнимать своих детей. А вот простое упоминание при ребенке о гениталиях способно привести к любопытным условным рефлексам. Я мог бы написать об этом специальную книгу и, пожалуй, напишу».

Легран выходит из уборной в тот момент, когда Бенедиктина дает Чибу пощечину. Чиб любезно возвращает ей ее. Гамбринус выскакивает из-за стойки и устремляется вперед с криком:

— Пойсон! Пойсон!

Он сталкивается с Леграном, который врезается в Бэллу, за что с визгом получает пощечину, которую незамедлительно ей возвращает. Бенедиктина выплескивает стакан П в лицо Чибу. Тот яростно вскрикивает и делает выпад. Бенедиктина пригибается, и кулак врезается в ее подругу.

Красный Ястреб прыгает на стол и кричит:

— Я дикий зверь, я аллигатор, я...

Стол не выдерживает такой тяжести, наклоняется и сбрасывает его в толпу девушек. На полу образуется куча из тел. Его кусают, царапают, а Бенедиктина яростно вонзает ему ногти в мошонку. Он вопит от боли и ударом ноги яростно отшвыривает девку в угол. Легран, прокладывающий сквозь толпу путь к выходу, летит на пол, сбитый чьим-то ударом ног, теряя несколько передних зубов, налетев на твердое колено Чиба. Выплевывая кровь и зубы, он вскакивает на ноги и ударом в живот валит ближайшую участницу фестиваля.

Гамбринус палит из ружья, выбрасывающего тонкий лучик ярчайшего света. Он ослепляет возбужденных посетителей таверны и таким образом приводит их в чувство. Луч висит в воздухе и сияет, словно.

Начальник полиции разговаривает по стерео с человеком, находящимся в уличной будке. Этот человек выключил видеоэкран и изменил голос.

— Они там, в «Тайной Вселенной», вышибают дух друг из друга.

Начальник стонет. Фестиваль только что начался, и вся полиция там.

— Спасибо. Ребята уже едут. Ваше имя? Я буду рекомендовать вас как кандидата для награждения Гражданской медалью.

— Что? А потом и меня приметесь трясти? Я не осведомитель, просто выполняю свой долг. А кроме того, я не люблю этого, я не люблю Гамбринуса и его посетителей. Это сборище наглых снобов.

Начальник отдает приказ о подавлении беспорядков, откидывается на спинку стула и, потягивая пиво, наблюдает за операцией по стерео. Что случилось с этими людьми? Они словно помешались.

Завывает сирена. Хотя фараоны и едут на электроциклах абсолютно бесшумно, они не порвали со своей вековой традицией издалека предупреждать преступников о своем появлении. Пять машин появляются перед открытой дверью «Тайной Вселенной». Полицейские слезают с седел и начинают совещаться. На них двойные цилиндрические шлемы черного цвета с алыми полосами. По некоторым причинам они в очках, хотя скорость их транспортных средств не превышает пятнадцати миль в час. Их куртки сшиты из черного меха, плечи украшают золотистые эполеты. Шорты — из пушистой ткани цвета электрик, шнурованные ботинки — черные и блестящие. Они вооружены электродубинками и ружьями, стреляющими тяжелыми резиновыми шариками.

Гамбринус загораживает вход. Сержант О'Хара примирительно говорит:

— Эй, запустите нас. У меня нет ордера на обыск, но я могу получить его.

— Если вы войдете, я заявлю на вас, — улыбаясь, говорит Гамбринус. Он знает, что, несмотря на отсутствие у него официальной лицензии, правительство поддержит его иск. Вторжение в частное владение — это не пустячок, на который полиция может наплевать.

О'Хара заглядывает через его плечо в дверь, видит лежащие на полу тела, людей, вытирающих кровь с лица, держащихся за головы и бока. Эксипитера, напряженно сидящего за столиком, словно стервятник, алчущий падали. Один из лежащих с трудом встает на четвереньки и выползает между ног Гамбринуса на улицу.

— Сержант, арестуйте этого человека, — говорит Гамбринус. — Он нелегально использовал камеру стерео. Я обвиняю его во вторжении в личную жизнь.

Лицо О'Хары светлеет. В конце концов, он арестует хотя бы одного себе в оправдание. Леграна заталкивают в фургон, который прибыл следом за санитарной машиной. Красного Ястреба выносят за дверь на руках его друзья. В тот момент, когда его кладут на носилки, он открывает глаза и что-то бормочет.

О'Хара наклоняется к нему.

— Что?

— Я однажды... ходил на медведя с ножом в руках. Но тогда мне досталось меньше, чем от этих бешеных ведьм... Я обвиняю их в нападении, избиении и нанесении смертельных увечий...

Попытка О'Хары заставить Красного Ястреба подписать свои показания успеха не имеет, так как он теряет сознание. Сержант зло плюет.

Сквозь зарешеченное окно фургона доносится вопль Леграна:

— Я правительственный агент! Вы ответите за это!!!

Между тем полиция получает приказ отправляться к главному входу Народного Центра, где драка между местной молодежью и пришельцами из Вествуда грозит перейти во всеобщее волнение. Бенедиктина покидает таверну. Незаметно, чтобы драка принесла какой-нибудь вред ее будущему ребенку, хотя ей изрядно досталось. На плечах и животе — царапины, на ягодицах сквозь прозрачную ткань видны два багровых синяка — следы рифленой подошвы ботинка Красного Ястреба, на голове — большая шишка.

Чиб одновременно со злой радостью и грустью смотрит на ее спотыкающуюся походку. Теперь он окончательно убедился, что его ребенку отказано в жизни, и чувствует тупую боль в груди. Он понял, что его отчаянное нежелание аборта связано с подсознательным отождествлением себя с этим неродившимся ребенком. Ему известно, что его собственное рождение было простой случайностью, кто знает — счастливой или несчастливой... Повернись все иначе, и он бы не родился. Мысль о своем небытии — без картин, без друзей и без смеха, без надежды и без любви — ужаснула его.

Глядя, как Бенедиктина вышагивает по улице, важно, не обращая внимания на висящую клочьями одежду, он удивлялся: что он только в ней нашел? Даже если бы она и сохранила ребенка, жизнь с ней была бы сплошным мучением.

В гнездо влекущих губ
Любовь однажды села,
Воркуя и сияньем перьев ослепляя.
Но вскоре улетела, испражнившись,
По вечному обыкновению птиц
При взлете торопливом облегчаться.

Чиб возвращается домой, но попасть в свою комнату ему по-прежнему не удается. Он идет в мастерскую. Картина на семь восьмых

уже готова, но Чиб ею еще не удовлетворен. Он берет ее и несет к Омару Рунику, дом которого находится в одной «грозди» с его домом. Руника сейчас нет, но он никогда не закрывает дверь. У него есть все, что необходимо Чибу для завершения картины. Чиб работает спокойно и уверенно, чего с ним не было, когда он только начинал творить. Вскоре он выходит на улицу, неся огромный овальный холст над головою.

Чиб размашисто шагает мимо пьедесталов, проходит под изгибающимися ветвями с домами-овоидами на концах. Он идет мимо крошечных парков, минует еще пару домов — и через несколько минут он уже почти в центре Беверли-Хиллз. Здесь взору Чиба открывается.

. . . . . .

ПОКОЙНЫЙ ПОЛДЕНЬ ЗОЛОТОЙ И ТРИ НАПЫЩЕННЫЕ ДАМЫ

Дрейфующие на каноэ по озеру Иисуса.

Мариам бен Юсуф, ее мать и тетка держат торчком удочки и глядят на пестрые картины из иллюминаций, музыкантов и гомонящей толпы у Народного Центра. Полиция только что прекратила драку подростков и окружила место карнавала, чтобы предотвратить возможные беспорядки.

Три женщины, одетые в темные одежды, полностью скрывающие тело в соответствии с требованиями секты Мохаммеда Вахаби. Они не носят паранджу, даже Вахаби теперь на этом не настаивает. Их единокровные братья и сестры на берегу одеты в современную одежду — постылую и греховную. Однако дамы не отрывают от них взгляда, забыв о грехе.

Их мужчины стоят неподалеку. Бородатые, одетые в глухие бурнусы, словно шейхи из сериала «Иностранный легион», они бормочут сдавленные проклятия и злобно шипят, глядя на эту беззастенчивую демонстрацию обнаженной женской плоти. Но тоже не отводят взгляда.

Эта маленькая группа тоже попала сюда прямо из заповедников Абиссинии, где они промышляли браконьерством. Их правительство предоставило им три возможности: пребывание в исправительном центре, пока они не станут лояльными гражданами, эмиграцию в

израильский мегаполис Хайфа, эмиграцию в Беверли-Хиллз, Лос-Анджелес.

Что? Жить среди проклятых иудеев? Они плюнули и выбрали Беверли-Хиллз. Но и тут Аллах посмеялся над ними. Теперь они окружены со всех сторон Финкельштейнами, Эпплбаумами, Зайгелями, Вайнтраубами и прочими из рода Исаака. Что еще хуже — здесь нет мечети. Им приходится либо идти пешком до ближайшей четырнадцать километров, либо собираться в чьем-либо доме.

Чиб торопливо подходит к пластиковым берегам озера, ставит картину на землю и низко кланяется арабам, отводя в сторону свою изрядно помятую шляпу. Мариам улыбается, но тотчас хмурится, когда две ее спутницы бросают в ее сторону выразительные взгляды.

— Йа келб! Йа ибн келб! — восклицают они.

Чиб смеется, машет шляпой и говорит:

— Я просто очарован, мадам. Вы напоминаете мне трех граций, о, прекрасные дамы!

Не видя никакой реакции на свои слова, он теперь уже кричит во весь голос:

— Я люблю тебя, Мариам! Я люблю тебя! Хотя искусство для меня — словно роза Шарона, я все равно люблю тебя!!! Прекрасная, непорочная, с глазами лани! Оплот невинности и любовной силы, полный материнства и истинной веры! О, любовь моя, настоящая и единственная! Я безумно люблю тебя, хотя искусство для меня — единственный свет на черном небе с мертвыми звездами! Я взываю к тебе сквозь бездну!!

Мариам хорошо понимает международный язык, но ветер относит слова в сторону, вместе со всем их красноречием. Она на всякий случай улыбается и покачивает головой.

— Я приглашаю тебя на выставку! Ты, твоя мать и тетка будете там почетными гостями. Ты увидишь мои картины — мою душу — и узнаешь, что за человек собирается умчать тебя на своем Пегасе, моя голубка!

> «Нет ничего более нелепого, чем любовные излияния поэта. Они безмерно преувеличены. Мне смешно, хотя это и трогает. Глубоким старцем я вспоминаю свою прошлую любовь, ее огонь, потоки слов, рвущиеся из сердца молнии, крылатую боль. Милые мои девочки, многие из вас уже умерли, остальные увяли. Я шлю вам свой последний поцелуй».
>
> *Из неизданных рукописей дедушки*

Мать Мариам приподнимается в лодке. На секунду Чиб видит ее жесткий профиль, похожий на ястребиный. Такой же станет и Мари-

ам, когда постареет. Пока же у нее нежное личико с красивым орлиным носиком, который Чиб называет Ятаганом Любви. Мать же ее сейчас похожа на грязную старую орлицу. А вот тетка на орлицу не похожа, в ней есть что-то от верблюда.

Чиб прогоняет эти нелестные предательские сравнения. Но он не может с такой же легкостью прогнать трех заросших, немытых, закутанных в бурнусы мужчин, подошедших к нему.

Чиб улыбается и говорит:

— А вас я вроде не приглашал...

Без проблеска мысли в глазах они выслушивают скороговорку: английский язык Лос-Анджелеса понятен им только с пятого на десятое. Один Абу — так называют в Беверли-Хиллз всех арабов — бормочет какое-то проклятие, наверное, настолько древнее, что его употребляли еще жители Мекки до Магомета. Сверкнув глазами на Чиба, он сжимает кулаки. Другой Абу подходит к его картине и, по-видимости, намеревается пнуть ее.

В этот момент мать Мариам обнаруживает, что стоять в лодке столь же опасно, как и на верблюде. Это даже еще хуже, поскольку женщины не умеют плавать.

Не умеет плавать и средних лет араб, напавший на Чиба и через мгновение обнаруживший, что стоит по пояс в воде, куда противник отправил его пинком ноги. Затем двое остальных под истошные вопли женщин летят в воду, чему способствует Чиб. Полицейский, находящийся неподалеку от них, слышит крики и видит, как арабы отчаянно колотят руками по воде. Не очень-то спеша, он направляется к месту происшествия.

Чего Чиб абсолютно не понимает, так это их поведения — они стоят на дне, вода едва доходит им до груди. Однако Мариам смотрит на них с таким ужасом, словно те сейчас пойдут ко дну. Остальные выглядят не лучше, но они его не интересуют. По всем правилам ему следовало бы вытащить Мариам на берег, но если он это сделает, то не успеет сменить одежду на сухую до открытия выставки.

При этой мысли он ухмыляется, а потом еще шире, видя, как полисмен входит в воду, чтобы спасти арабов. Чиб, все еще улыбаясь, поднимает картину и идет прочь. Но, приближаясь к Центру, он становится все задумчивее.

«Как случилось, что дедушка оказался прав? Как ему удалось так хорошо разобраться во мне? Я не ветреный и поверхностный, но я много раз влюблялся, и очень сильно. Что поделать, если я люблю красоту, а красавицам, которых я любил, красоты недостает? Мои глаза слишком требовательны и сдерживают устремления моего сердца...»

БИЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО СМЫСЛА

Вестибюль, в который входит Чиб, спроектирован дедушкой. Вошедший оказывается в длинной изогнутой трубе, увешанной изнутри зеркалами, находящимися под разными углами к плоскости. В конце коридора видна треугольная дверь, кажущаяся настолько малой, что в нее может пролезть разве что девятилетний ребенок. Иллюзия заставляет вошедшего верить, что, приближаясь к двери, он поднимается вверх по стене. В конце трубы у человека создается полная уверенность, что он, как муха, стоит на потолке.

Однако дверь по мере приближения к ней вырастает в размерах, пока не становится просто громадной. Сообразительный человек может догадаться, что этот вход — символическое представление архитектора о вратах в мир Искусства. Человек должен встать на голову, чтобы попасть в Страну Чудес.

Войдя внутрь, человек сперва думает, что гигантское помещение вывернуто наизнанку или перевернуто вверх ногами. Невольно начинает кружиться голова. Пока вошедший не освоится, самая дальняя стена кажется наиболее близкой. И наоборот. Слабые духом не выдерживают этого и вскоре выскакивают наружу, чтобы не хлопнуться в обморок.

Справа от входа висит табличка: «здесь снимают шляпы». Это каламбур дедушки, который всегда отпускает шуточки, непонятные большинству людей. Если дедушка находил удовольствие в игре слов, то его праправнук в своих удивительных картинах показывает игру души. Тридцать его последних вещей, включая три из серии о Псе: «Звезда Пса», «Помыслы Пса», «Уставший Пес», Раскинсон и его ученики грозятся разнести в пух и прах. Люскус и его паства их похваливают, но с недавних пор довольно сдержанно. Люскус загодя предупредил своих, чтобы они ничего не предпринимали, пока он не переговорит с молодым Виннеганом перед началом передачи. Представители студии стерео заняты тем, что исподтишка науськивают обоих, провоцируя ссору.

Главное помещение здания — огромная полусфера с ярким потолком, переливающимся всеми цветами радуги. Пол — гигантская шахматная доска, в центре квадратов которой изображены лица знаменитостей мира Искусства: Микеланджело, Моцарта, Бальзака, Бетховена, Дали, Марка Твена, Босха, Достоевского, Зевксиса, Ли По, Фармисто, Моузи, Кришнамурти и других. Квадраты с левого края пустуют, поэтому будущие гении могут добавить туда собственные портреты, обретя тем самым бессмертье.

Нижняя часть стены разрисована сценами важнейших событий из жизни изображенных художников. Вдоль противоположной изогнутой стены стоят девять постаментов, каждый для одной из Муз. На консолях, возвышающихся над постаментами, стоят гигантские статуи вер-

ховных богинь. Их обнаженные фигуры перезрелы: тяжелые обвисшие груди, широкие бедра, большие животы, толстые ноги с круглыми икрами, — словно скульптор старался прежде всего показать их земными — в полном смысле этого слова — женщинами, а не утонченными, нежными интеллектуалками Олимпа.

У них традиционно спокойные гладкие лица греческих скульптур, только глаза имеют несколько другое выражение. Губы улыбаются, но улыбка эта в любой момент может перейти в яростный оскал. Глаза с четкими расширенными зрачками будто угрожают: не смей предавать меня! если же ты это сделаешь...

Каждый постамент накрыт прозрачной полусферой, как бы отделяющей богинь от шума окружающего суетливого мира.

Чиб пробирается сквозь толпу к постаменту Полигимнии — музы живописи. Он проходит мимо сцены, с которой полуголая Бенедиктина изливает печаль своего свинцового сердца посредством алхимии золотых нот. Она видит его и изо всех сил старается удержать сладкую улыбку на своем лице. Чиб не обращает на это внимания, но успевает заметить, что она уже переменила платье взамен порванного в стычке, теперь ее тело еще более открыто для жадных взглядов. Чиб также видит множество полисменов, расхаживающих возле здания. Толпа, однако, не показывает взрывоопасных настроений. Но полисмены прекрасно знают, как изменчиво это настроение. Одна искра...

Чиб минует постамент Калиопы, где задержался Омар Руник. Наконец он подходит к Полигимнии, кивнув на ходу Рексу Люскусу, который машет ему рукой, и, приняв картину, ставит ее на возвышение. Шедевр озаглавлен: «Избиение невинных, или Пес в яслях».

Картина изображает конюшню или хлев.

Конюшня — это грот с причудливыми сталактитами. В картине главенствует преломляющийся и дробящийся, любимый Чибом красный свет. Он пронизывает каждую фигуру, усиливает свою яркость и острыми иглами выходит наружу. Зритель, осматривая картину, видит множество световых уровней и, таким образом, перехватывает отражение множества скопленных и переплетенных фигур в глубине картины.

В дальнем конце пещеры стоят в своих стойлах коровы, овцы и лошади. Некоторые из них с ужасом смотрят на Марию с младенцем, у других открыты жевала, словно они хотят предостеречь Марию. Чиб здесь использовал легенду о том, что в ночь Рождества животные в яслях обрели человеческую речь.

Иосиф, усталый пожилой человек, согнувшийся настолько, что кажется лишенным костей, понуро сидит в углу. На голове у него ветвистые рога, но над каждым отростком — божественное сияние, так что тут все в порядке.

Мария заслоняет спиной соломенную подстилку, на которой должен, по всей видимости, находиться Христос. Однако из люка в полу пещеры тянется рука человека, чтобы положить на подстилку огромное яйцо. Видно, что этот человек находится в пещере, расположенной ниже хлева, он одет в современную одежду, у него пьяное выражение лица и тело согбенное, как и у Иосифа. Позади него стоит толстая грузная женщина, похожая на мать Чиба, она держит на руках младенца, которого передал ей мужчина, прежде чем положить на соломенное ложе яйцо.

У ребенка исключительно красивое лицо, залитое сиянием нимба над кудрявой головой. Однако если взглянуть под другим углом, то видно, что женщина держит этот нимб в руке и полосует нежное тельце ребенка его острым краем.

Чиб обладает глубокими знаниями в анатомии, ибо изрезал немало трупов, прежде чем получить звание доктора философии в области искусства. Изображение ребенка — это более, чем фотография, кажется, что это настоящее тело человеческого детеныша. Его внутренности вываливаются наружу через кровавую рану. У чувствительных зрителей при виде этого явно сосет под ложечкой, многие бледнеют.

Скорлупа яйца, подложенного вместо младенца, наполовину прозрачна. В его отвратительно мутном желтке прячется маленький дьявол: скрюченное морщинистое тельце, рога, копыта, свернутый спиралью хвост. Размытые черты его лика — комбинация лиц Генри Форда и Дядюшки Сэма.

По мере вглядывания в картину зритель узнает многие лица знаменитостей современного общества. В окошко хлева заглядывают дикие звери, пришедшие для поклонения, но теперь они лишь беззвучно ревут и блеют в ужасе. Звери на переднем плане — это те, что выжили лишь в заповедниках или были подчистую уничтожены человеком. Тасманский сумчатый тигр, голубой кит, морская корова, почтовый голубь, пума, горилла, орангутан, белый медведь, цапля, лев, тигр, калифорнийский кондор, медведь-гризли, кенгуру, вомбат, носорог, орел.

Позади видно еще множество животных, а на холме — темные, склонившиеся в поклоне тени аборигенов Тасмании и Полинезии.

— Каково ваше мнение об этой выдающейся картине, доктор Люскус? — спрашивает репортер стерео.

Люскус расплывается в улыбке и говорит:

— Я полностью сформулирую свое окончательное суждение через несколько минут. Пока вам, видимо, лучше спросить об этом доктора

Раскинсона. У него, похоже, уже есть что сказать по этому поводу. Дурак и ангел... знаете ли[1].

На экране стерео появляется багровое от ярости лицо Раскинсона.

— Дерьмо завоняет на весь мир, — говорит Чиб громко.

— ОСКОРБЛЕНИЕ! ПЛЕВОК! НАВОЗНАЯ КУЧА! ПОЩЕЧИНА ИСКУССТВУ! ПИНОК В ЗАД ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ! ОСКОРБЛЕНИЕ!! ОСКОРБЛЕНИЕ!!!

— Что вы считаете оскорблением, доктор Раскинсон? — спрашивает репортер. — То, что это затрагивает христианскую мораль или секту Любви Любить? По-моему, здесь этим и не пахнет. Мне кажется, что Виннеган пытается сказать, что люди извратили суть христианства, и может быть, даже всех религий, всех идеалов во имя своей алчности и разъедающих душу сомнений, что человек — существо глубоко порочное по своей сути. Так мне кажется, хотя, конечно, я ведь обычный профан...

— Оставьте анализ критикам, молодой человек, — огрызается Раскинсон. — Или, может, это вы дважды доктор философии в области психиатрии и искусства? Наверное, это у вас есть правительственный сертификат заниматься официальной критикой? Виннеган не имеет ни грана гениальности, разбазарил свой талант, о котором постоянно твердят всевозможные сами себя обманывающие пустомели. Он показывает свое отвращение к Беверли-Хиллз, дарит нам свои отбросы и испражнения — мешанину, привлекающую внимание только своей несуразностью и простотой устройства. До нее мог додуматься любой посредственный электронщик. Я прихожу в неописуемую ярость от того, что простое трюкачество и мишура, выдаваемые за новизну, одурачили не только определенные круги публики, но и таких высокообразованных критиков с правительственными сертификатами, как, например, доктор Люскус, который, впрочем, не более учен, чем осел, орущий по любому поводу так громко, восторженно и невнятно, что...

— Но разве не правда, — встревает репортер, — что многие художники, обессмертившие свое имя, Ван Гог, например, отвергались современными критиками? А...

Репортер, умело разжигающий гнев критика на потеху публике, внезапно умолкает.

Раскинсон разевает рот беззвучно, как рыба, лицо его синеет от прилившей крови, он близок к удару.

— Но я не равнодушный профан! — наконец прорывает его. — Я ничего не могу поделать, если во времена Ван Гога жили Люскусы! Я знаю, о чем я говорю! Виннеган — всего лишь микрометеорит на небосклоне Искусства! Он не достоин даже чистить обувь светилам живописи! Его репутация раздута, она может светиться только отра-

---

[1] Подразумевается пословица: «Дурак ломится туда, куда и ангел ступить боится».

женным светом! О, гиены, кусающие кормящую их руку, о, сумасшедшие боги...

Люскус, не слушая больше, берет Чиба за руку и увлекает в сторону, за пределы поля зрения камеры.

— Милый Чиб, — мурлыкает он, — пришло время заявить о себе. Ты знаешь, как я сильно люблю тебя, и не только как художника, но и как человека. Я же вижу, что ты не можешь сопротивляться тем глубоким чувственным вибрациям, которые возникли между нами. Господи! Если бы ты знал, как я мечтаю о тебе, мой прекрасный, богонравный мальчик! О...

— Если ты думаешь, что я отвечу «да» только потому, что в твоей воле возвысить меня или растоптать, то ты ошибаешься, — говорит Чиб. Он мягко вырывает свою руку из потной ладони.

Глаза Люскуса сверкают. Он говорит:

— Ты считаешь, что я принуждаю тебя? Но для этого у тебя нет ни...

— Все дело в принципе, — прерывает его Чиб. — Даже если бы я и хотел твоей любви, я бы не позволил тебе заставлять меня. Я хочу руководствоваться лишь собственным желанием и честью. Я не хочу слышать ни похвалы, ни порицания от тебя или кого-нибудь другого! Смотрите мои картины и говорите все, что вам вздумается, шакалы! Но не пытайтесь заставить меня пресмыкаться лишь за похвалу моего труда!

ХОРОШИЙ КРИТИК — МЕРТВЫЙ КРИТИК

Омар Руник покинул свой пост у статуи и теперь рассматривает картину Чиба. Он положил руку на свою обнаженную грудь, на которой выколоты лица Мелвилла и Гомера. Он с завыванием декламирует стихи, его черные глаза словно дверцы, распахнутые взрывом. Как всегда, он приходит в возбуждение от картин Чиба.

Называйте меня Ахавом, а не Измаилом,
Ибо я поймал Левиафана.
Я — дикий осленок — порожденье человека!
О, мои глаза видели это!
В груди моей — вино, не находящее выхода.
Я — словно море с дверцами на запоре.
Оглянись! Лопнет кожа, сломаются двери!
— Ты — Нимрод, — говорю я Чибу.
Вот он час, когда речет ангелам Бог,
Если это — начало вершения, дальше
Ничего невозможного нет!
Затрубит он в свой рог пред твердыней
Небес и потребует деву Марию — Луну,
Как заложницу, в жены.
И потребует сбавить цену
Сей великой библейской блудницы...

— Остановите этого сукина сына! — кричит директор фестиваля. — Он опять вызовет волнения, как в прошлом году!

В зал входят полицейские. Чиб глядит на Люскуса, который что-то говорит репортеру. Чиб не слышит, что он там говорит, но уверен, что это не комплименты в его адрес.

Мелвилл писал обо мне,
Когда я еще не был рожден.
Я — человек, я Вселенную жажду понять,
Но в привычных себе границах.
Я — Ахав, моя ненависть может пронзить,
Разметать все препятствия времени, иль
Низвергнуть всю смерть и швырнуть
Мою ярость в Созидания Лоно,
Руша в этой берлоге все Силы.
Я — Неясная Вещь В Себе,
Скорчусь там, сохраняя свою
Зыбкую тайну.

Директор делает знак полицейским убрать Руника. Раскинсон все еще продолжает орать, надсаживаясь и багровея, но камеры направлены на Люскуса. Фантастка из Молодого Редиса уже бьется в истерике, вызванной завываниями Руника, в ней просыпается непреодолимое желание мстить всем и вся. Она, как фурия, бросается к репортерам программы «Тайм».

«Тайм» — журнал уже много лет как прекратил свое существование и превратился в бюро массовой информации, пользующееся поддержкой правительства. «Тайм» — это яркий пример двуличной политики Дядюшки Сэма, политики умывания рук. С одной стороны, правительство снабжает бюро информацией, с другой — разрешает ему использовать ее по своему усмотрению. Итак, здесь объединяются в одно целое, по крайней мере — теоретически, официальная линия правительства и Свобода Слова.

У «Тайма» несколько основных направлений, поэтому правда и объективность могут быть принесены в жертву остроумию. Одной из своих мишеней «Тайм» выбрал научную фантастику Хьюги Уэллс-Эрб Хайнстербери. У нее нет никакой возможности получить персональную сатисфакцию за удары, наносимые постоянными крайне отрицательными отзывами.

Кто на этот раз? Кому это нужно?
Время? Пространство? Материя? Случай?
Ад после смерти или нирвана?
Нечего, нечего думать об этом!
Пушки философов бухают разом
И выпускают снаряды-хлопушки.
В пыль разлетается Храм Теологии,
Взорванный диверсантом Доводом.

О, зовите меня Эфраимом, ибо
Встал я у Божьего Брода
Не помог мне язык неуклюжий поэта
Войти в царствие Света...

Хьюга с пронзительным воплем пинает оператора «Тайма» в пах. Тот, охнув, подпрыгивает, и камера выскальзывает из его рук, ударяя по голове соседнего юношу. Им оказывается член Молодого Редиса Людвиг Эвтерп Моцарт. Он давно уже прямо-таки дымится от ярости из-за того, что отвергнута его тональная поэма «Метая содержимое будущих геенн». Удар камерой стал последней каплей, переполнившей чашу его благоразумия. Он становится неуправляемым. В высоком прыжке, с визгом, переходящим в ультразвук, он обеими ногами бьет в жирные животы двух стоящих неподалеку музыкальных критиков.

Но рядом с ним раздается женский крик. Это кричит от боли Хьюга — пальцы ее босой ноги вместо мягкой плоти мужского паха встретили на своем пути пластиковую броню, которой оператор предусмотрительно защитил самое уязвимое место, памятуя о прошлом фестивале. Шипя от боли, Хьюга скачет на одной ноге, обхватив другую руками. Спиной она налетает на стоящего неподалеку мужчину, и проходит цепная реакция. Вокруг корреспондента, нагнувшегося подобрать камеру, как кегли, валятся люди.

— А-а-а-а! — хрипло визжит Хьюга, вздергивает свою юбку, под которой у нее ничего нет, и одним прыжком оказывается на плечах оператора. Она сбрасывает с него шлем и, вырвав из рук камеру, начинает молотить ею по голове, намертво зажав между бедер шею несчастного корреспондента. Передача с этой камеры не прекращается ни на минуту. Кровь заливает часть объектива, но, поскольку камера сделана на совесть, она передает миллиардам телезрителей захватывающий спектакль. Экраны всего мира заливает струей кровь оператора, а затем зрители испытывают новый шок: камера взмывает в небо, бешено вращаясь.

Подоспевший полисмен бьет Хьюгу электродубинкой, попадая ей между ягодиц. Она содрогается, привстав на осевшем вниз операторе, как на стременах. От электроудара ее мочевой пузырь опорожняется, смывая кровь с израненной головы оператора, уже безучастного ко всему. Очередной любовник Хьюги с ревом бросается на полисмена, и они катятся по полу. Шустрый подросток из Вествуда хватает выпавшую у полисмена дубинку и начинает забавляться, жаля разрядами срамные места взрослых, особенно женщин, как правило, не носящих нижнего белья. Он развлекается до тех пор, пока группа местных парнишек не сбивает его с ног и, связав, с гиканьем, начинает засовывать включенную дубинку ему в задний проход.

— Волнения — опиум для народа... — стонет шеф полиции. Он срочно вызывает в Центр все свои подразделения, а заодно и шефа полиции Вествуда, у которого, впрочем, сейчас не меньше забот.

Руник бьет себя в грудь и нараспев выкрикивает:

Сэр, я существую! И не пойте,
Как кукушка,
Сняв с себя заботы обо мне!
Я — человек-уникум,
Я бросил хлеб в окно,
В вино мочился и вытащил
Затычку Ковчега днища,
И Древо распилил я на дрова.
И если бы вблизи был Дух Святой,
Я освистал бы и его.
И знаю я, что Богу все угодно
В этом мире.
Что Ничего не значит ничего,
Что есть — то есть, а Нет — есть нет,
Что Роза — роза есть,
Пока мы есть, но скоро нас не будет,
И это все, что можем в Мире знать...

Раскинсон видит, что Чиб направляется к нему, прячась за спины зрителей, и пытается удрать. Чиб хватает свой старый холст с «Постулатами Пса» и бьет им Раскинсона по голове. Люскус бежит к ним, протестующе крича, но не из-за того, что Раскинсона могут покалечить, а из-за боязни, что пострадает холст. Чиб разворачивается и заезжает овальным концом холста ему в живот.

Земля дрожит, как тонущий корабль,
Ее хребет трещит под водопадом грязи
И экскрементов из глубин и с неба,
Которым щедро так пожаловал Ахава Бог.
Услышав его крик: «Дерьмо! Одно дерьмо!»,
Рыдаю я при мысли, что это — Человек,
И вот — его конец!
Но погодите!
На гребне волн трехмачтовая шхуна,
Тень столетий с Ахавом у руля.
И смейтесь, жирные, и издевайтесь,
Ибо Ахав я есьм и есьм я — Человек!
И хоть не в силах проломить я
Стену Смысла, чтоб захватить горсть
Сущего, я все же продолжаю биться!
Хотя трещит Вселенная под нашими ногами.
Но погружаемся мы, и неотличимы
От окружающих нас экскрементов Бога.
Но вдруг на миг, который будет выжжен
В зенице Господа навеки,
Ахав — я — выпрямляюсь,

Очерченный сияньем Ориона,
В руке моей зажат кровавый фаллос,
Я словно Зевс с победой,
Оскопивший Крона — отца от мира своего.
Потом Ахав и экипаж, корабль, несутся
Все быстрее, погружаясь в Сердце Мира.
И слышу я, как до сих пор они все п
а
д
а
ю
т
.
.
.

Внезапно Чиб превращается в омерзительно дрожащее желе от разряда бунтоподавляющей резиновой дубинки. Когда он приходит в себя, то слышит из спрятанного под своей шляпой мелофона голос дедушки:

— Чиб, на помощь! Эксипитер вломился в дом и пытается сломать дверь в мою комнату!

Чиб вскакивает на ноги и начинает кулаками и локтями пробивать себе путь к выходу. Когда он, задыхаясь, появляется на пороге дома и взбегает вверх, то находит дедушкину дверь распахнутой настежь. Дом полон людей из БСД и специалистов по электронике. Чиб врывается в комнату дедушки. Там стоит бледный и дрожащий Эксипитер. Он видит Чиба и сразу съеживается и усыхает. Через несколько секунд он хрипло говорит:

— Это не моя вина... Я должен был войти. Это был единственный способ убедиться во всем. Это не моя вина. Я до него даже не дотронулся...

У Чиба горло перехватывает судорога. Он не может выдавить ни звука. Опускаясь на колени, он берет в ладони дедушкину руку. На посиневших губах старца слабая улыбка. В другой руке его зажат последний лист неоконченной рукописи:

ОНИ НЕСУТСЯ К БОГУ
ЧЕРЕЗ БЕЗДНУ НЕНАВИСТИ

«...в течение большей части своей жизни я видел небольшую кучку преданных и необъятную массу равнодушных людей. Но дух времени изменился. Сейчас слишком многие юноши и девушки проповедуют любовь к Господу, но сильную антипатию к Нему. Это волнует и расстраивает меня. Молодежь, вроде моего внука и Омара Руника, выкрикивает богохульства, таким образом превознося Его. Ведь если бы они не веровали, они бы не думали о Нем. И вот теперь у меня есть уверенность в нашем будущем...»

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ СТИКС

Чиб и его мать, одетые в траур, спускаются по тоннелю на уровень 13-Б. У тоннеля люминисцирующие стены, с каждым шагом он становится шире. Чиб сообщает мнемокассе их путь назначения. Там, за матовой стеной, живет белковый компьютер, формой и размерами похожий на человеческий мозг. Он производит быстрый подсчет, и из прорези Чибу в руки выпадает закодированный билет. Пройдя последний участок тоннеля, они входят в укромную бухту. Чиб всовывает билет в прорезь парапета и через секунду в небольшой приемный лоток вылетает другой билет, большего размера. Механический голос тихо повторяет всю имеющуюся информацию на международном и английском языках, на тот случай, если посетители не умеют читать.

В бухте показываются гондолы, постепенно они замедляют свое скольжение и останавливаются. Весь берег бухты разделен маленькими перегородками на отдельные причалы, выполняющие роль плавающих трапов. Пассажиры входят в предназначенные для них ячейки, и трапы переносят их к бортам гондол. Двери трапа и гондолы синхронно открываются, и пассажиры рассаживаются по местам. Через мгновение из бортов выдвигаются прозрачные пластины, вверху соединяющиеся в купол.

Полностью автоматизированные, управляющиеся для безопасности двумя дублирующими друг друга биокомпьютерами, гондолы покачиваются над полупрозрачной пластиковой поверхностью бухты. Мощные антигравы тихо гудят. Получив приказ к движению, суда одно за другим скользят к створу магистрального тоннеля и с тихим шипением гуськом устремляются в трубу тоннеля, светящуюся словно газоразрядная трубка. Гондолы обгоняют друг друга, постепенно наращивая скорость. В тоннеле судов не так уж много, в направлении север-юг транспорта почти нет. Большинство жителей стомиллионного Лос-Анджелеса предпочитают не покидать собственных микрорайонов.

На судне впереди звучит сирена. Через несколько минут труба начинает загибаться вниз и неожиданно наклоняется под углом в сорок пять градусов к горизонтали. Они пронзают уровень за уровнем.

Чиб смотрит сквозь прозрачные стенки тоннеля на копошащуюся жизнь проносящихся мимо уровней. Дома словно кварцевые блюда для огромных пирогов, поставленные друг на друга: нижнее — донышком вверх, а верхнее — наоборот, и все это сооружение покоится на толстой резной колонне.

На уровне 3-А труба становится шире. Теперь гондола стремительно несется мимо домов-приютов, вид которых заставляет маму закрыть глаза. Чиб сжимает ее руку и думает о своих сводных братьях, находящихся за этими пластиковыми стенами. Здесь живет пятнадцать процентов населения мегаполиса: умственно отсталые, помешанные, уроды, калеки, впавшие в детство старики. Все они толпятся. Иска-

женные лица прижимаются к прозрачным стенкам тоннеля, выпученные глаза равнодушно смотрят на проносящиеся мимо красивые корабли.

«Гуманная» медицина сохраняет жизнь детям, которые — по велению природы — д о л ж н ы умереть. Людей, имеющих генетические дефекты, начали спасать с двадцатого века. С тех же пор началось распространение этих дефектных генов. Медицина научилась, однако, исправлять их еще в яичниках и сперме. И теоретически существование человека должно быть безбедным, при здоровом теле и духе. Но трагедия в том, что все еще не хватает докторов и возможностей, чтобы возиться с каждым новорожденным. И это несмотря на падение уровня рождаемости. Современная медицина позволяет человеку очень долго жить, смерть отступает все дальше и дальше. Отсюда — все большее количество слюнявых, выживших из ума стариков.

Где же выход? Древние греки оставляли своих дефектных детей умирать в голом поле, спартанцы сбрасывали их в пропасти, эскимосы отправляли своих престарелых родителей на льдине в море. Не следует ли нам использовать старые добрые газовые камеры для ущербных детей и стариков? Иногда мне кажется, что это было бы для них благом. Но я не смогу попросить кого-нибудь другого повернуть газовый вентиль, так как я не в состоянии сделать это сам...

Я б ы з а с т р е л и л п е р в о г о, к т о к н е м у п о т я н е т с я!

(Из «Отдельных высказываний дедушки».)

Гондола приближается к одному из разветвлений тоннеля. Навстречу ей летит экспресс. Пассажиры знают, что все в порядке, но не могут удержаться от дрожи в поджилках и стиснутых зубах. Мама тихо вскрикивает. Экспресс проносится мимо и исчезает, как призрак. Поток воздуха за ним вызывает звук, словно Душа Мира всхлипывает, летя в подземное судилище. Тоннель снова загибается, и гондола спускается на первый уровень. Люди видят настоящую землю, в которую уходят массивные колонны, поддерживающие нижний ярус мегаполиса. Со свистом они проносятся мимо необычного на вид городка начала двадцать первого века, сохраненного в качестве музея.

Через пятнадцать минут после остановки Виннеганы достигают конца линии. Лифт доставляет их на землю, где они садятся в большой черный лимузин. Он высылается частной похоронной конторой с тех пор, как Дядюшка Сэм, вернее — правительство, платит за кремацию. Но не за погребение. Церковь не очень-то протестовала, предоставив верующим право выбора: быть развеянным по ветру пеплом или лежащим в земле гнилым трупом.

Солнцу до зенита еще оставалась половина пути. Маме становится трудно дышать, ее руки и шея краснеют и начинают опухать. Три

раза за последние годы она была на открытом воздухе и каждый раз, несмотря на кондиционированный воздух, подвергалась приступам аллергии. Чиб поглаживает ее руку, пока они едут по этой грубо выложенной дороге. Архаичный электрокар с кислотным аккумулятором конечно же нельзя сравнить с гондолой на антиграве. Они, не торопясь, покрыли расстояние в десять километров до кладбища, остановившись только раз, когда дорогу им перебежал олень.

Их издалека приветствовал отец Феллини. Он расстроен, так как вынужден сообщить: Церковь считает, что дедушка совершил непростительное кощунство. Подставить вместо себя тело другого человека, заказать по нему мессу и похоронить под своим именем в священной земле значит совершить святотатство. Более того, дедушка умер нераскаявшимся преступником, без отпущения грехов. Кроме того, он ни разу не причащался!

Чиб ожидал услышать отказ. Храм Сент-Мэри отказался отпеть дедушку в своих стенах на БХ-14. Но дедушка часто говорил Чибу, что хотел бы покоиться рядом со своими предками, и Чиб полон решимости выполнить его желание.

Он говорит:

— Я похороню его сам! На дальнем конце кладбища!

— Нельзя этого делать, сын мой! — говорит старый священник. Ему вторят представитель погребальной конторы и федеральный агент.

— Наплевать! Где тут лопата?

Только теперь он видит длинное темное лицо и ястребиный нос Эксипитера. Агент следит за тем, как выкапывают из первой «дедушкиной» могилы гроб. Рядом с ним человек пятнадцать репортеров с камерами. Дедушку провожают в последний путь, как Последнего Миллиардера или Величайшего Преступника Века, с большой помпой.

Репортер:

— Мистер Эксипитер, не скажете ли вы несколько слов? Я не побоюсь утверждать, что эти похороны — историческое событие, их смотрят около десяти миллиардов человек. Теперь даже школьники знают о Винэгейне Виннегане. Как вы себя чувствуете сейчас? Вы ждали этого момента двадцать шесть лет. Успешное завершение дела, видимо, приносит вам чувство глубокого удовлетворения...

Эксипитер невозмутим, словно глыба базальта.

— Ну... на самом деле я не уделял все время этих лет только данному делу. В сумме наберется года три. Но, учитывая то, что я занимался этим каждый месяц по нескольку дней — да, можно сказать, что я висел у него на хвосте все двадцать шесть лет.

Репортер:

— Говорят, что конец этого дела означает также и конец БСД. Если только нас не вводили в заблуждение. БСД функционировала только из-за Виннегана. Разумеется, у вас были и другие задания, но выслеживание фальшивомонетчиков и содержателей игорных притонов вхо-

дит в обязанности других ведомств. Это правда? Если это так, что вы тогда намерены делать дальше?

Эксипитер пламенно — не голос, а пышущее жерло вулкана:

— Да, БСД распускается! Но не раньше, чем закончится дело против правнучки Виннегана и ее сына. Они все эти годы укрывали его и, следовательно, являются его сообщниками! Фактически, следует осудить все население 14 уровня Беверли-Хиллз. Я прекрасно знаю, что все, включая шефа полиции, были хорошо осведомлены, что Виннеган прятался в этом доме. Даже духовник Виннегана знал это, поскольку старик часто посещал мессу и исповедовался. Священник признался, что настаивал на том, чтобы Виннеган сам приходил в церковь, обещая в противном случае не дать ему отпущения грехов. Но Виннеган — хитрейшая мышка, то есть, я хочу сказать, преступник, изо всех, которых я когда-либо видел. Он отказался следовать настояниям священника. Он заявил, что не совершал никакого преступления, и, хотите верьте, хотите нет, сказал, что Дядюшка Сэм — сам преступник. Представьте только бесстыдство и испорченность этого человека!

Репортер:

— Вы действительно собираетесь арестовать все население Беверли-Хиллз-14?

Эксипитер:

— Мне посоветовали, к сожалению, этого не делать.

Репортер:

— Не собираетесь ли вы уходить на отдых после этого дела?

Эксипитер:

— Нет. Я намерен перейти в Бюро Расследования Убийств. Убийства ради выгоды сейчас крайне редки, но преступления из-за ревности, слава Богу, еще случаются.

Репортер:

— Вполне естественно, что, если молодой Виннеган выиграет процесс против вас, он будет вправе выдвинуть обвинение в нарушении неприкосновенности жилища, нелегальном взломе и последовавшей за этим смерти его прапрадедушки. Вполне вероятно, что после этого вы потеряете возможность устроиться в БРУ или любой другой департамент полиции.

Эксипитер, сверкая глазами:

— Нечего удивляться, что мы, защитники закона, вынуждены постоянно сталкиваться с подобными трудностями в работе! Мало того, что чуть ли не все население стоит на стороне нарушителей закона, но временами мне кажется, что и мои собственные подчиненные...

Репортер:

— Вы непременно хотите закончить свою последнюю фразу? Уверен, что ваши подчиненные сейчас смотрят этот самый канал... Нет? Ну, что ж, как я понимаю, суд над Виннеганом и суд над вами будут проходить, по многим причинам, в одно и то же время. Каким

образом вам удастся присутствовать сразу на обоих? Ха-ха-ха! Некоторые зрители давно называют вас Одновременным Человеком.

Эксипитер, потемнев лицом:

— Это слова какого-то идиота! Он неправильно вложил данные в компьютер. Это обычное в наше время явление — путаница данных. Подозреваю, впрочем, что это сделано нарочно. Я припоминаю немало таких случаев...

Репортер:

— Не могли бы вы напомнить нашим зрителям ход этого дела? Так сказать, небольшой обзор...

Эксипитер:

— Ну, э... как вы знаете, пятьдесят лет назад все крупные частные предприятия были реорганизованы в правительственные бюро. Все, кроме занимающихся проектированием зданий архитектурной фирмы «Финнеган Стейтс Компани», президентом которой был Финн Финнеган. Он был родным отцом человека, который сегодня наконец будет похоронен. Где-нибудь.

Все отделения фирмы, за исключением крупнейшего — проектного, — были распущены или перешли в ведение правительства. По существу, фирма и это отделение были единым целым, поэтому все работники получали одинаковую зарплату, распределяемую равномерно. Старик Финнеган был одновременно и распорядителем-президентом фирмы, и директором-распорядителем проектного отделения.

Всеми правдами и неправдами, а я уверен, что чаще всего — вторым, фирма сопротивлялась неизбежному поглощению. В число способов, к которым прибегал старый Финнеган, входил даже шантаж сенаторов и членов Верховного Суда. Но это пока не доказано.

Репортер:

— Напомню тем зрителям, которые, быть может, слегка подзабыли историю, что и пятьдесят лет назад деньги использовались лишь для покупки предметов роскоши. Их другим назначением было, как и в наши дни, служить показателем престижа и общественной значимости. Одно время правительство даже подумывало о том, чтобы изъять деньги из обращения вообще, но глубокое изучение этого вопроса показало, что они имеют громадное психологическое значение. Также был сохранен подоходный налог, хотя правительство не нуждалось в этом, но размер подоходного налога отражал престиж, и правительство могло изымать деньги из обращения постепенно.

Эксипитер:

— Итак, когда старый Финнеган умер, федеральное правительство возобновило свои усилия по слиянию рабочих и служащих компании со своим бюро. Но молодой Финнеган доказал, что он не менее изворотлив и коварен, чем его отец. Я, конечно, не хочу сказать, что тот факт, что президентом США в то время был его дядя, в какой-то степени способствовал его успехам.

Репортер:

— «Молодому» Финнегану было семьдесят лет, когда умер его отец...

Эксипитер:

— В ходе этой борьбы, длившейся долгие годы, Финнеган решил переименовать себя в Виннегана. Это было каламбуром . Он, должно быть, впал в детство, а может, и повредился, если был способен так восторгаться дешевыми каламбурами, которых я, откровенно говоря, не понимаю...

Репортер:

— Для наших зрителей за пределами Америки, которые могут не знать о нашем национальном обычае — Дне Имен... Он был предложен сектой Любви Любить. Когда гражданин достигает совершеннолетия, он в любое время может взять себе новое имя, отвечающее его темпераменту или жизненной цели. Я могу отметить, что Дядюшка Сэм, которого постоянно обвиняют в попытках навязать своим гражданам одинаковость, защищает этот индивидуалистический взгляд на жизнь. И это вопреки растущему числу жалоб на правительство.

Я могу также отметить еще кое-что интересное. Правительство провозгласило, что Виннеган помешан. Мои слушатели извинят меня, я надеюсь, за то, что я займу у них немного времени, чтобы объяснить истоки столь категоричного утверждения. Для тех, кто не знаком с классикой двадцатого века, сообщу, что был такой роман «Поминки по Финнегану», автор которого — некий Джеймс Джойс — позаимствовал название для него из сюжета песенки ирландцев двадцатого века.

Это песенка о Тиме Финнегане, подносчике кирпича на стройке, который умер, как все считали, с перепою. Во время оплакивания на труп случайно плеснули спиртным, Финнеган, почувствовав прикосновение этой «живой воды», сначала сел в гробу, а потом и вылез, чтобы выпить и поплясать на своих поминках. Старый Виннеган часто говорил, что эта песенка имеет реальную основу, что хорошему человеку трудно улежать в гробу и что Тим Финнеган — его прямой предок. Это-то высказывание и было использовано правительством для обвинения Виннегана в умопомешательстве. Виннеган, однако, представил документы, подтверждающие это родство. Гораздо позднее было доказано, что все эти документы поддельные.

Эксипитер:

— Дело против Виннегана усугубил тот факт, что рядовые граждане заняли сторону правительства. Они говорили, что эта фирма недемократична и дискриминационна. Ее администрация и работники получали непомерно большую зарплату, а большинству остальных жителей приходилось довольствоваться гарантированным средним доходом. Поэтому Виннеган был вызван в суд и обвинен сразу в нескольких преступлениях, в том числе и в попытке ниспровержения Демократии.

Видя неизбежное, Виннеган достойно увенчал свою преступную карьеру. Каким-то образом он ухитрился вытянуть из федерального банка двадцать миллиардов долларов. Эта сумма, между прочим, равнялась половине всех ходящих в Большом Лос-Анджелесе денег. С ними Виннеган бесследно исчез. К тому же он не просто украл их, но и умудрился не заплатить ни цента подоходного налога, что вообще уже ни в какие ворота не лезло! Я просто не знаю, почему столько людей восхищается подвигами этого разбойника? Я даже видел по стерео пьесу с Виннеганом в качестве главного героя, правда, фамилия там была несколько другая. Но это не меняет дела.

Репортер:

— Да, ребята, Виннеган совершил Преступление Века. И хотя он был в конце концов обнаружен и будет сегодня где-нибудь похоронен, дело еще раскрыто не полностью. Где денежки? Где двадцать миллионов долларов?

Эксипитер:

— Что ж, эти деньги сейчас не имеют никакой ценности, разве что для коллекционеров... Вскоре после кражи правительство изъяло из обращения все старые дензнаки и заменило их новыми купюрами, которые никак невозможно спутать со старыми. К тому же, так или иначе, правительство давно уже собиралось сделать что-либо подобное. Оно подозревало, что в обращении ходит слишком много денег, и оно выпустило новые купюры в таком количестве, как если бы половина старых денег все еще оставалась в банке. Конечно, мне очень хотелось знать, где спрятаны эти деньги. И я не успокоюсь, пока не дознаюсь об этом. Я буду охотиться за ними, даже если на это уйдет все мое свободное время.

Репортер:

— О, у вас будет на это много времени, если молодой Виннеган выиграет дело. Ну, ребята, а теперь я сообщу еще кое-что в довершение к тому, о чем вы знаете... «Виннеган» был найден мертвым на нижнем уровне Сан-Франциско спустя примерно год после своего исчезновения. Его правнучка опознала тело: отпечатки пальцев и ушей, рисунок сетчатки, группу крови и цвет волос, прикус, а также дюжину характерных признаков.

Чиб, который все это непрерывно слушает и видит, вдруг подумал, что дедушка наверняка потратил несколько миллионов из украденных денег, чтобы устроить такую подмену. Он не знает точно, но подозревает, что какая-то исследовательская лаборатория вырастила ему биодвойника.

Это произошло через два года после того, как родился Чиб. А впервые Чиб увидел дедушку, когда ему было уже пять лет. Тот поселился в детской и уговорил Чиба держать в тайне его появление. Он доверял только Чибу. Для дедушки, конечно, невозможно было быть полностью незаметным для Мамы, хотя сейчас она настаивает на том, что ни разу его не видела. Чиб думал, что она все отрицает, чтобы не быть обвиненной в сообщничестве. Но теперь он уже в этом не уверен.

Возможно, временами она просто «отключала» зрение от остатков своих мозгов. Ей это было нетрудно, ведь она никогда не знает, вторник сегодня или четверг, и не может ответить, какой сейчас год.

Чиб не обращает внимания на могильщиков, которые интересуются, что же делать с останками. Он подходит к могиле. Уже показалась крышка яйцеобразного гроба. Эксипитер, как бы забыв о своем всегдашнем хладнокровии, улыбается репортерам и радостно потирает руки.

— Пляши, пляши, сукин сын, — сквозь зубы говорит Чиб. Бессильная ярость — единственная преграда охватившей его скорби.

Пространство вокруг гроба уже расчищено полностью. Манипуляторы машины опускаются и, сомкнувшись, поднимают черный, орнаментированный фальшивым серебром пластиковый гроб и ставят его на траву рядом с могилой. Чиб, глядя, как федеральные служащие начинают его вскрывать, порывается что-то сказать, но, передумав, молчит. Он смотрит, не отрываясь, колени его согнуты, словно для прыжка. Репортеры сгрудились в кучу, их похожие на расширенные зрачки объективы нацелены на сцену у гроба.

Крышка со скрипом поднимается...

Сильный взрыв. Клубится густой черный дым. Все вокруг в грязи, с побелевшими от ужаса глазами, кашляя и спотыкаясь, люди выбираются на свежий воздух. Часть репортеров куда-то бежит, другие поднимают выроненные камеры. Тем, кто стоял в отдалении, было видно, что взрыв произошел в могиле. Один Чиб догадался, что вскрытие гроба привело в действие взрывной механизм.

И только он один смотрит, задрав голову, на взлетевший в небо реактивный снаряд, потому что ожидал этого. Ракета успевает набрать пять футов высоты, прежде чем очнувшиеся от шока репортеры наводят на нее свои камеры. С еле слышным хлопком она разделяется на две части, которые вскоре превращаются в два воздушных шара, соединенных широкой лентой. Шары увеличиваются в размерах и зависают, а лента становится гигантским белым полотнищем, на котором громадными буквами написано:

. . . . . .

. . . . . .

ВИННЕГАН ВСЕХ ОБЛАПОШИЛ!

Яростно пылают двадцать миллиардов долларов, спрятанных в гробу с двойным дном. Некоторые бумажки ветер относит в сторону, и их подбирают люди из БСД, репортеры, работники похоронного бюро и муниципалитета.

Мама, словно рыба, открывает и закрывает рот.

Эксипитер выглядит так, словно оказался голый со вздернутым членом среди огромной толпы.

Чиб плачет, потом смеется и падает на землю.

Дедушка еще раз облапошил Дядюшку Сэма, запустив при этом в небо величайший из своих каламбуров, который теперь может увидеть весь мир. Финнеган облапошил, и Виннеган облапошил!

— Ах, старина! — Чиб всхлипывает между приступами смеха. — Ох, старина! Как же я люблю тебя!

Он катается по земле и так громко кричит эти слова, что становится больно в груди. И вдруг Чиб чувствует в руке какую-то бумагу. Он замолкает, встает на колени и окликает человека, который вложил ему в руку этот листок. Тот оборачивается и говорит:

— Ваш дед заплатил мне, чтобы я вручил вам это, когда его будут хоронить.

Чиб разворачивает бумагу и читает:

«Я надеюсь, что от моей шутки никто не пострадал, даже люди из БСД? А?

А теперь слушай последний совет Мудрого Старца из Пещеры.

Вытри слезы. Покинь Лос-Анджелес. Покинь страну. Езжай в Египет. Пусть твоя мать сама зарабатывает себе пурпурные. Она сможет это сделать, если будет бережливой и умерит свои необъятные потребности. Если не сможет — пусть пеняет на себя, это не твоя вина.

Ты, к счастью, родился талантом, если не гением, и человеком достаточно сильным для того, чтобы самому оборвать пуповину. Поэтому сделай это скорее. Поезжай в Египет. Окунись с головой в его древнюю культуру. Встань перед сфинксом и задай ему Вопрос. Потом отправляйся в зоозаповедник на Южном Ниле. Поживи немного в контакте с природой, какой она была до того, как человек обесчестил и изуродовал ее. Там, где Гомо Сапиенс (/) начал свой долгий путь от обезьяны-убийцы, вбери в себя древний дух этого места и времени.

Ты рисовал свои картины пенисом, который твердел от желчи, а не от жажды жизни. Теперь научись рисовать сердцем. Только так ты сможешь стать правдивым и великим.

Рисуй!

Потом отправляйся, куда захочешь. Я всегда буду с тобой, пока будет в тебе память обо мне. Цитируя Руника, «я буду северным сиянием твоей души».

Постарайся крепче запомнить, что и другие люди могут любить тебя столь же сильно, как и я, а может быть, и еще сильнее. Что наиболее важно — ты должен любить их так же сильно, как они любят тебя.

Ты сможешь?..»

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛЮБЛЕННЫЕ
Роман
Перевод с английского А.Щербакова
5

ДЕЙР
Роман
Перевод с английского
139

ВРАТА ВРЕМЕНИ
Роман
Перевод с английского
287

ПРОБУЖДЕНИЕ КАМЕННОГО БОГА
Роман
Перевод с английского
395

ОБЛАДАТЕЛИ ПУРПУРНЫХ КУПЮР
Повесть
Перевод с английского
543

Литературно-художественное издание

Фармер Филип Жозе

ДЕЙР

Фантастические романы

Ответственный редактор *И. А. Лазарев*

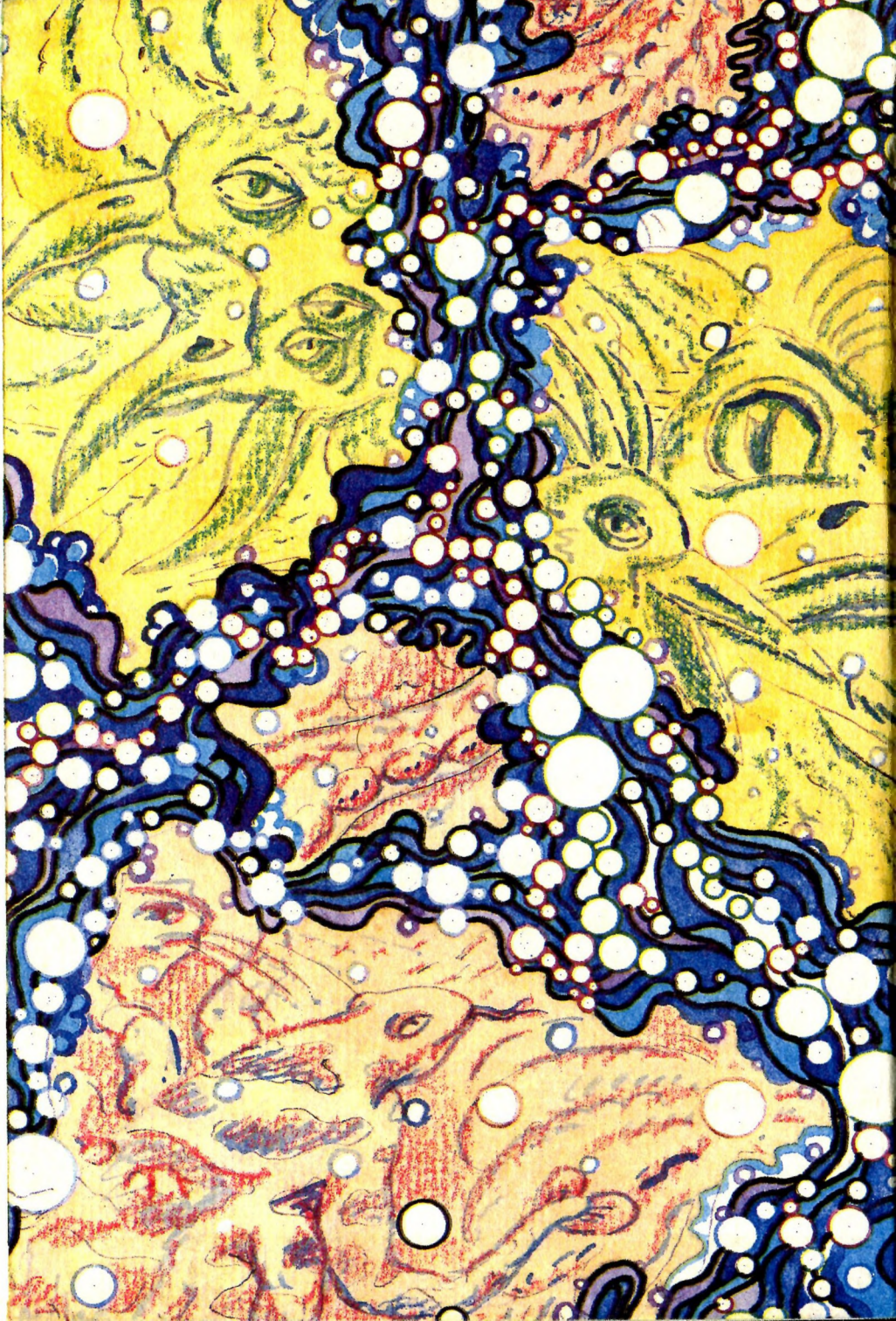
Редактор *Н. К. Попова*
Художник *В. Н. Радаев*
Технический редактор *В. Ф. Нефедова*
Корректор *Е. Н. Петрова*

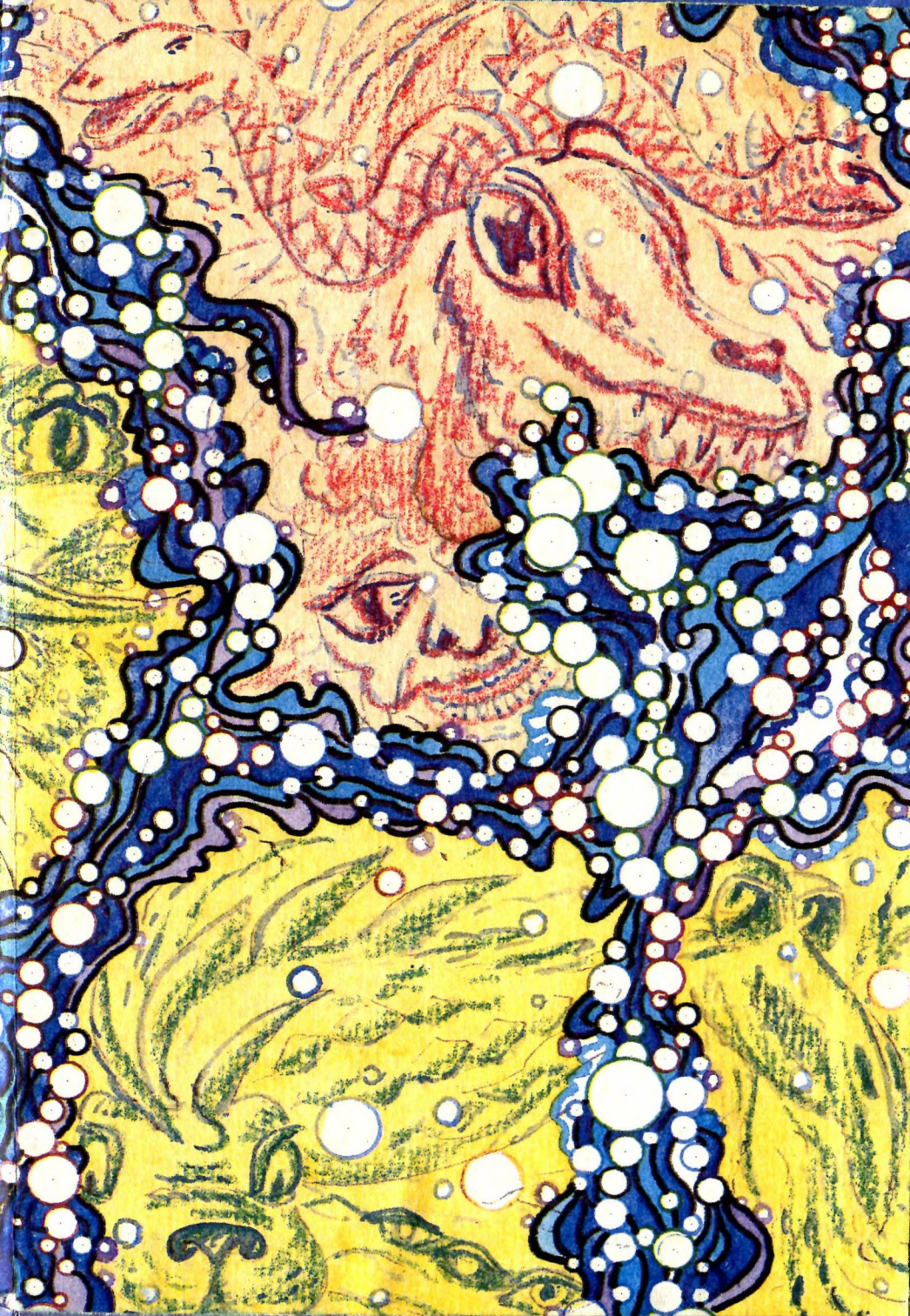
Подписано к печати с готовых диапозитивов 14.10.93. Формат 60x84 1/16.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,34. Уч.-изд. л. 44,52. Тираж 60 000 экз.
Заказ №4130

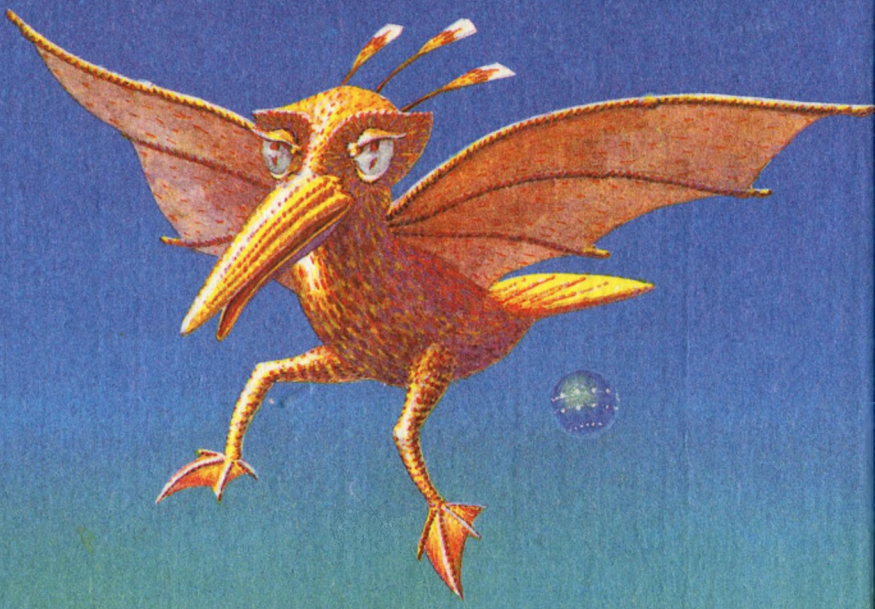
Оригинал-макет (диапозитивы) подготовлен ТОО «Макет».
141700, М.О., г. Долгопрудный-1, а/я № 31; тел.: (095) 408-71-63.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф».
127018, Москва, Октябрьская ул., 18.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный Пролетарий» РГИИЦ «Республика».
103473. Москва, ул. Краснопролетарская, 16.

ВЛЮБЛЕННЫЕ

ДЕЙР

ВРАТА ВРЕМЕНИ

ПРОБУЖДЕНИЕ КАМЕННОГО БОГА

ОБЛАДАТЕЛИ ПУРПУРНЫХ КУПЮР

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ, ПОВЕСТЬ